

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(65)'2017

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Волгоград, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 5 (65). – 285 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

5(65)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil, Russia)

Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)

Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)

Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Комарова З. И. Екатеринбург, Россия	Информационные вызовы современного общества: лингвотерминоведческие и терминографические процессы	12
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Октябрьская революция: словарные толкования и аксиологические суждения на шкале времени.....	35
Мельник Н. В. Кемерово, Россия	Лингвоперсоналогия политического интернет-комментария	47
Сипко Й. Прешов, Словакия	Россия, Запад и мы в контексте русофобии.....	52
Чанышева З. З. Уфа, Россия	Перевод как инструмент идеологической диверсии в межкультурной политической коммуникации	60

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Астахова К. А. Челябинск, Россия	Тактика ограничения как составляющая стратегии санкционирования в российском политическом медиатексте	66
Баранова А. А. Екатеринбург, Россия	Трансформация общественно-политического радиотекста в современной информационной среде: специфика интернет-радиотекста.....	70
Йылмаз Э. Р., Ашрапова А. Х., Зиннатуллина З. Р. Казань, Россия	Потенциал синкретичных речевых актов одобрения/неодобрения в лингвистике (на примере материалов СМИ)	74
Попп И. С. Екатеринбург, Россия		
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа	80
Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия	Русскоязычные СМИ Китая как инструмент формирования медиаимиджа страны и мира	85
Крижановская Е. М. Пермь, Россия	Выборы губернатора Пермского края в 2017 году как информационный повод в пермских краевых и районных СМИ: стратегии речевого воздействия.....	89
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Макроструктура дискурсивного мира политического события: саммит «G20»	94
Лату М. Н. Пятигорск, Россия	Информационные блоки и характер системных связей в определениях политических терминов	100
Ли Сыци Харбин, КНР	Сила речи Си Цзиньпина	105
Лу Тинтин Пекин, КНР	Перебивание в политическом интервью: на материале русского и китайского языков	111
Монгилёва Н. В. Костанай, Казахстан	Функционирование образной схемы «связь» в системе метафорических расширений	119
Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Москва, Россия	Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ	125

Прилукова Е. Г. Челябинск, Россия	Репрезентация стратегий будущего России в «Новостях» на Первом канале 130
Самкова М. А. Челябинск, Россия	Степень воздействия дезинформирующего медиатекста 136
Саттарова Р. В. Стерлитамак, Россия	Ипостаси «других» в политической коммуникации 143
Сафина Р. А., Чернова Я. Р. Казань, Россия	Стратегии речевого воздействия в предвыборных выступлениях австрийских политиков 147
Фаткулин Б. Г. Челябинск, Россия	Сравнительный анализ информационного сопровождения внешнеполитической инициативы «Один пояс — один путь» в электронной прессе ираноязычных государств (Таджикистан, Афганистан, Иран)..... 152
Хорецкая Н. Ю. Кокурина И. В. Иваново, Россия	«Нам не дано предугадать...», или Логические частицы в манипулятивных техниках политического медиапространства (на материале текстов немецких СМИ) 159
Юсупова Р. Р., Теплых Р. Р. Уфа, Россия	Демонизация «плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны 163
Чэнь Айсян, Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Советская память у современных россиян в восприятии китайских исследователей (обзор работ китайских ученых) 168

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Баско Н. В. Москва, Россия	Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации 175
Булатова Э. В. Екатеринбург, Россия	Дискурсивные практики выделения вербальных ключевых знаков медиатекстов Ad quaestum 181
Загидуллина М. В. Челябинск, Россия	Развлекательный сайт как индикатор публичной сферы: тег «Политика» на «Pikabu.ru» 189
Искужина Н. Г. Уфа, Россия	Языковая ситуация в Республике Башкортостан на современном этапе 194
Карнюшина В. В. Сургут, Россия	Стратегии и тактики речевого воздействия в рамках лингвокультурных параметров дистанции и власти на примере английской коммуникативной ситуации «комплимент» 200
Копнина Г. А. Красноярск, Россия	Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов)..... 206
Романов А. С. Москва, Россия	Эпидейктический жанр тоста как языковое средство экспликации этнических стереотипов армейского языкового коллектива США 217
Шпильная Н. Н. Барнаул, Россия	Стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации 222

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Абитов И. Р. Ханзафарова Д. Л. Казань, Россия	Финансовые пирамиды: арсенал приемов воздействия на жертву..... 229
---	--

Абрамкина Е. Е. Новосибирск, Россия	Модель аргументации как элемент авторской картины мира в автороведческой экспертизе процессуальных документов234
Громова Н. С. Екатеринбург, Россия	Конституирующие признаки экстремистского дискурса241
Плотникова А. М. Екатеринбург, Россия	«Ненадежные рассказчики» в практике лингвистической экспертизы текста.....246
Ткаченко Ю. Г. Екатеринбург, Россия	Идеологические стратегии законов о положении женщин251
РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
Силу С. Ж. Абиджан, Кот-д'Ивуар	Сжатие и эллипсис с позиций нарратологии и социолингвистики257
РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА	
Веснина Л. Е. Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	«Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия»: опыт межкультурного взаимопонимания266
Какзанова Е. М. Москва, Россия	Политическая лингвистика в монографии Изабеллы Куявы «Политический дискурс как предмет лингвистического анализа на примере дебатов об интеграции в Германии в 2006—2010 гг.»270
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Современная политическая лексикография275
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»282	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	10
--	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Komarova Z. I. Ekaterinburg, Russia	Information challenges of modern society: linguo-terminological studies and terminography	12
Kupina N. A. Ekaterinburg, Russia	The October revolution: dictionary definitions and axiological assertions over the course of time	35
Melnik N. V. Kemerovo, Russia	Linguopersonology of political Internet comments	47
Sipko J. Prešov, Slovakia	Russia, the West and our country in the context of Russophobia	52
Chanysheva Z. Z. Ufa, Russia	Translation as a tool of ideological sabotage in intercultural political communication	60

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Astakhova K. A. Chelyabinsk, Russia	Restriction tactics as a constituent part of the sanctioning strategy in Russian political media text	66
Baranova A. A. Ekaterinburg, Russia	The second birth of socio-political radio text in terms of the convergence of radio and the Internet: specifics of Internet radio text	70
Yilmaz E. R., Ashrapova A. H., Zinnatullina Z. R. Kazan, Russia	Potential of syncretical speech acts of approval/disapproval in linguistics (as exemplified by mass-media texts)	74
Popp I. S. Ekaterinburg, Russia		
Kondrat'eva O. N. Kemerovo, Russia	Maidan in the metaphorical mirror of the Russian mass-media	80
Koshkarova N. N. Chelyabinsk, Russia	Chinese mass media in Russian as a tool to make media image of the country and the world	85
Krizhanovskaya E. M. Perm, Russia	Elections of Perm region governor in 2017 as news topic in Perm regional and local mass-media: strategies of speech influence	89
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Macrostructure of discourse world of the political event: G20 summit	94
Latu M. N. Pyatigorsk, Russia	Information blocks and systemic relations in definitions of political terms	100
Li Siqi Harbin, China	Power of Xi Jinping's speech	105
Lu Tingting Beijing, China	Interrupting in political interviews: based on Russian and Chinese languages	111
Mongilyova N. V. Kostanay, Kazakhstan	Functioning of the image scheme in the system of metaphorical extensions	119
Popova T. G., Zaripov R. I. Moscow, Russia	Metaphorical representation of Russia's image in Western media	125

Prilukova E. G. Chelyabinsk, Russia	Representation of strategies of Russia's future in the news broadcast on Channel One	130
Samkova M. A. Chelyabinsk, Russia	The extent of a desinforming media text impact.....	136
Sattarova R. V. Sterlitamak, Russia	Incarnations of "the others" in political communication	143
Safina R. A., Chernova Ya. R. Kazan, Russia	Strategies of mass consciousness manipulation in the speeches of candidates in Austrian election campaign of 2016	147
Fatkulin B. G. Chelyabinsk, Russia	Comparative analysis of the information support of the foreign policy initiative "One belt — one road" in the electronic press of Iranian-speaking countries (Tajikistan, Afghanistan, Iran).....	152
Khoretskaya N. Ju. Kokurina I. V. Ivanovo, Russia	"We cannot divine..." or Logical particles in manipulative techniques in political media space (based on the texts of German media).....	159
Yusupova R. R., Teplykh R. R. Ufa, Russia	Demonization of the "bad" political leaders as a tool of information war	163
Chen Aixiang, Yang Ke Guangzhou, China	A study of Russians' memory of the Soviet union in the eyes of Chinese researchers	168

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Basko N. V. Moscow, Russia	Phraseology of political discourse in the aspect of intercultural communication	175
Bulatova E. V. Ekaterinburg, Russia	Discursive practices of finding verbal key signs of Ad quaestum media texts	181
Zagidullina M. V. Chelyabinsk, Russia	Entertaining Web-site as indicator of public sphere: hash tag "Politics" on <i>Pikabu.ru</i>	189
Iskuzhina N. G. Ufa, Russia	Language situation in Bashkortostan	194
Karnyushina V. V. Surgut, Russia	Strategies and tactics of speech manipulation in the frames of linguocultural parametres of distance and power on the basis of the English communicative situation "Compliment"	200
Kopnina G. A. Krasnoyarsk, Russia	Speech tactics and techniques of discrediting Orthodoxy in the modern information-psychological war (based on the analysis of Internet-texts)	206
Romanov A. S. Moscow, Russia	The epideictic genre of toast as a linguistic means of ethnic stereotypes explication attributed to the US military linguistic community	217
Shpilnaya N. N. Barnaul, Russia	Strategies and tactics of communicative behavior of linguistic persona in everyday political communication	222

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Abitov I. R., Khanzafarova D. L. Kazan, Russia	Pyramid scheme: set of techniques of psychological influence	229
--	---	-----

Abramkina E. E. Novosibirsk, Russia	Argumentation model as an element of the original worldview in examination into the authorship of service documents.....	234
Gromova N. S. Ekaterinburg, Russia	Constitutive signs of extremist discourse	241
Plotnikova A. M. Ekaterinburg, Russia	“Unreliable narrators” in forensic linguistic analysis	246
Tkachenko Y. G. Ekaterinburg, Russia	Ideological strategies in laws about women	251
PART 5. FOREIGN EXPERIENCE		
Silue S. J. Abidjan, Côte d'Ivoire	Form contraction and ellipsis from narratology and linguistics perspectives.....	257
PART 6. REVIEWS. CHRONICLE		
Vesnina L. E. Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	«One belt — one road. linguistics of cooperation»: experience of cross-cultural understanding.....	266
Kakzanova E. M. Moscow, Russia	Political linguistics in monograph by Izabela Kujawa “Political discourse as a subject of linguistic analysis on debates about integration in Germany in 2006-2010”	270
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Modern political lexicography	275
Manuscripts requirements		282

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: [ap_chudinov@mail.ru.](mailto:ap_chudinov@mail.ru),
[shinkari@mail.ru.](mailto:shinkari@mail.ru)

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'374
ББК Ш105.32

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20; 10.02.21

З. И. Комарова
Екатеринбург, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ЛИНГВОТЕРМИНОВЕДЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена междисциплинарной проблеме взаимообусловленности и взаиморегулирования социокультурной специфики современного общества и лингвотерминоведческих и терминографических процессов. Императивом современной информационно-технологической цивилизации является формирование постнеклассического открытого общества, основанного на знаниях/информации. Потому из многих вызовов такому обществу кардинальными являются **информационные вызовы**. Установлено, что в условиях постнеклассической науки сформировался **социо-технично-инновационно-научно-культурный суперкомплекс**, обусловивший новый вектор разворачивания наук: от семиотики как первонауки (концепт знак вос- требован в любой науке) к лингвистике/терминоведению (выявляющим средства кодирования и декодирования любого типа знания), а затем последовательно к логике, математике, физике, химии, геологии, биологии, социальным наукам, **техническим наукам**, что дает возможность определить важнейшие предметные области и установить приоритеты типов «чистого» знания / информации и господствующего гибридного, синтезированного знания. Доказана приоритетность лингвотерминоведческих и терминографических информационных процессов, определяемых «взрывом» научно-технической информации и опасностью научно-информационного кризиса, если рост специальной информации станет неуправляемым. Выявлено, что в условиях новой языковой ситуации (**естественно-искусственного двуязычия**) возникает социальный заказ на информационные языки и подязыки и лексикографическую/терминографическую форму презентации терминологической информации, что обусловило формирование социально ориентированной терминографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное общество; информационные вызовы; информационные языки; терминография; терминографические процессы; социально ориентированная терминография; терминоведение; знание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: zikomarova@bk.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Знание столь драгоценная вещь, что его незасорно до- бывать из любого источника.

Фома Аквинский

Современная цивилизация есть цивилизация словаря.

Ален Рей

Разум человеческий владеет тремя ключами, открывающими всё: **цифрой, буквой, нотой.**

Виктор Гюго

Вступив в XXI век, человечество оказа- лось лицом к лицу с беспрецедентной про- блемой выработки и применения принци- пально новой для него стратегией устойчи- вого развития в условиях нарастающей неус- тойчивости, неопределенности, непредска- зуемости постиндустриальной эпохи, во мно- гом парадоксальной, эклектичной, сочетаю- щей значительные достижения в области науки, культуры, искусства, политики, техни- ки и образования с деструктивными тенден- циями в названных областях, культивирова- нием потребительской идеологии, экстре- мизма, широкого спектра аддикций (игровой, табачной, наркотической, шопинговой и пр.), появлением экзистенциального вакуума и т. д. [Бабосов 2009; Горелов 2010].

Это актуализирует необходимость ана- лиза социокультурной специфики современ- ного общества для выявления возможностей и средств аргументированных рациональных

ответов на умножающиеся вызовы стреми- тельного развивающейся постиндустриаль- ной цивилизации [Бабосов 2009: 5].

Выдающийся социолог-теоретик Роберт Мертон утверждает, что до последнего вре- мени взаимности связей науки и общества «уделялось неравномерное внимание: если влиянию науки на общество его уделялось много, то влиянию общества на науку мало» [Мертон 2006: 743]. Учитывая это, в данном исследовании мы будем в первую очередь рассматривать влияние общества на науку.

Цель данной работы состоит в обосно- вании взаимообусловленности и взаиморе- гулирования социокультурной специфики современного общества^[1] и лингвотермино- ведческих и терминографических процессов.

Решение заявленной крупной междисци- плинарной проблемы базируется на таких **методологических установках**, как **системно-деятельностный подход**, предпола-

гающий применение принципов и категорий *системологии* и *синергетики*; *культурная детерминированность* научной деятельности; *концептуальный синтез* разного *предметного знания*, интегрирующий ряд оснований: философских, науковедческих, лингвистических и экстралингвистических, и концепция *экстралингвистического детерминизма* информационных языков, подъязыков и в целом научного дискурса.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Социокультурная специфика современного общества

Принято считать, что отцом теории постиндустриального общества является выдающийся американский социолог Дэниел Белл, в концепции которого лежит разделение всего общественного развития на три этапа:

- **доиндустриальное общество** (определяющей является сельскохозяйственная сфера с церковью и армией как главными институтами общества);

- **индустриальное общество** (промышленность с корпорацией и фирмой во главе);

- с 70-х — 80-х гг. XX в. — **постиндустриальное общество** (главный экономический ресурс — интеллект, знание, информационные технологии; сфера обслуживания и наука с университетом как главным местом производства знаний) [Белл 1986].

Таким образом, постиндустриальное общество характеризуется как современная, высшая стадия развития человеческого общества, в трактовке которого во второй половине XX в. и в век текущий развилось несколько направлений.

Выделяются две основные модели постиндустриального общества: **европейская** (Р. Дарендорф, Н. Луман, М. Понятовский, П. Серван-Шрайбер, А. Турен, Ж. Фурастье, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер и др.) и **американская** (Д. Белл, З. Бжежинский, К. Боулдинт, Дж. Гелбрейт, Г. Кан, М. Маклюэн, А. Тоффлер и др.), которые объединяются тем, что основной производительной силой признаются **знание** и **информация**, а ключом к будущему — **технологии** [Кравченко 2009: 214; Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 5; Шарков 2009: 215].

В результате этого происходят тектонические сдвиги в экономике: от производства товаров к производству услуг и информационных продуктов. Научно-технические кадры вытесняют предпринимателей в качестве доминирующего социального класса. Формируется новая социальная сила — **киберкратия** («белые воротнички»), обладающая

компьютерными информационными технологиями и выступающая носителем «социального интеллекта». При этом **информационно-социальный интеллект** реализуется: 1) через сетевую систему связи посредством информационных ресурсов и информационных технологий; 2) информационное поле, создаваемое средствами электронной коммуникации; 3) информационно-социальную память, хранящуюся в банках данных и банках знаний; 4) интеллектуальную элиту, продуцирующую новые идеи и знания — **информационный продукт**, который главенствует над материальным продуктом за счет увеличения доли инновации, дизайна и маркетинга в производстве информационного продукта, который становится движущей силой образования и развития общества в целом; 5) «**интеллектуальный рынок**» — обмен идеями и информацией через открытые границы в любой точке земного шара, что способствует формированию **интеллектуальной экономики** — экономики, основанной на знаниях [Кравченко 2009: 128].

Всё это позволяет считать современное постиндустриальное общество **информационным обществом**^[2] и свидетельствует об **информационной революции**, поскольку происходит коренное преобразование человеческого бытия [Кравченко 2009: 130; Шарков 2009: 215]. В научной литературе ее чаще именуют **научно-технической революцией** (НТР), так как это коренное преобразование производительных сил общества на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства и всей жизни общества [Горелов 2010: 7; Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 28]. Более того, «наука стала великим конструктором эволюции Земли, и сама эволюция человека зависит от того, каким образом и в каком направлении будет развиваться наука, которая может ускорить или затормозить эволюцию человека» [Горелов 2010: 243].

Причину того, почему наука стала решающим фактором жизни информационного общества, сумел понять и объяснить выдающийся философ XX в. Мартин Хайдеггер: «*Наука — способ, причем решающий, каким для нас предстает всё, что есть <...>, наука есть теория действительности*» [Хайдеггер 2011: 239].

При этом наука постнеклассического периода, детально охарактеризованная нами [Комарова 2013: 87—95], по словам академика В. А. Энгельгардта, «к таким атомам мироздания, как **вещество** и **энергия**, добавила **информацию** и **знание**» [Энгельгардт 1991: 10], которые «наряду с **коммуникаци-**

ей, — одно из всеобщих свойств материи, вместе с такими атрибутами, как *движение, время, пространство*» [Шарков 2009: 217].

В описанных социокультурных условиях в современном обществе сформировался в третьем тысячелетии своеобразный **социотехнико-инновационно-научно-культурный суперкомплекс** [Бабосов 2009: 219], в котором осуществляется множество взаимопереходов, но стержневым фактором его развития и эффективного действия является «онаучивание» культуры и «окультуривание» науки. Этот суперкомплекс обусловил новый вектор разворачивания наук: от **семиотики** как *первонауки* [Канке 2008: 188] (концепт **знак** востребован в любой науке) к **лингвистике/терминоведению** (как средствам кодирования и декодирования любого типа знания), а затем последовательно к *логике, математике, физике, химии, геологии, биологии, социальным наукам, техническим наукам* [Канке 2008: 188; Комарова, Дедюхина 2011: 40], что дает возможность определить важнейшие предметные области и установить приоритеты «чистого» знания / информации и гибридного, синтезированного знания, возникшего в силу концептуальной интеграции [Комарова, Дедюхина 2011]. Отметим, что обоснование неизбежной конвергенции наук и «научной мысли как планетарного явления» принадлежит отечественному ученому-естествоиспытателю, историку науки и философу В. И. Вернадскому.

Анализ научной отечественной и зарубежной литературы за последние 30 лет свидетельствует о том, что доминирующими мировыми социально-культурными процессами XXI в. являются **информатизация, глобализация, концептуальная интеграция, утверждение нового типа мышления (синергетического), научная ориентация и реформирование образования**. При этом терминированное понятие наших дней — **глобальное информационное общество** показывает, что два основных процесса — **глобализация** и **информатизация** — являются не двумя независимыми явлениями, а двумя сторонами одного и того же явления, не существующими одна без другой [Комарова 2013].

Эта социокультурная специфика современного общества определяет важнейший аспект рассматриваемой проблемы: что есть **информация**, каких видов она бывает, в чем ее смысловая сущность, как она связана со **знанием** и как проецируется на **язык**.

2. Информация — знание — язык

Докибернетическое понимание **информации** — «сведения о лицах, предметах,

фактах, событиях, явлениях и процессах, передаваемые людьми друг другу устным, письменным или другим способом» [Шарков 2009: 217] — сохранялось более двух тысячелетий — вплоть до середины XX в. Сегодня технологические инновации в информатике вновь производят революцию в возможностях хранения, передачи, применения знаний и доступа к ним [Формирование общества, основанного на знаниях: 13]. Р. Ф. Абдеев считает информацию «могучим локомотивом прогресса, умчавшим развитые страны в новую цивилизацию» [Абдеев 1994: 147]. В. В. Налимов приводит свою коллекцию определений термина «информация» в разных областях знания, доказывая, насколько полиморфен по своему значению этот термин [Налимов 2003: 134—135].

Ввиду широкого использования термина **информация** представления о том, что понимается под информацией, существенно различаются не только в зависимости от того, в какой области научного знания используется это понятие, но и от того, употребляется ли оно в терминологическом или быденном смысле [Комарова, Хасаншина 2009: 21].

В *теории коммуникации* информация понимается как снятие неопределенности для моделирования передачи языкового и другого содержательного материала по каналам коммуникации [Шарков 2009: 170]. В этом смысле термин **информация** использовался как в традиционной, так и в прикладной лингвистике [Баранов 2001; Герд 2005; Кибрик 2002; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009].

Для нашего исследования наиболее приемлемым является широкое понимание **информации**, связанное, с одной стороны, с развитием когнитивной лингвистики, в рамках которой фигурирует определение «*знание, репрезентуемое и передаваемое языковыми формами в коммуникации*» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 26], а с другой — с развитием теории информатики^[3], в результате которого рассматриваемый термин трактуется как «*всеобщая генеративная основа Вселенной; всё, что внутри нас, вне нас и во всей Вселенной, — вездесущая информация*» [Юзвизин 2000: 62].

В отечественной философской науке уже несколько десятилетий идет спор о двух различных, противостоящих друг другу подходах к феномену **информации** — *атрибутивном* и *функциональном*. «Атрибутисты» квалифицируют информацию как свойство, присущее всем материальным объектам, как атрибут материи. «Функционалисты», напротив, связывают информацию с функциони-

рованием самоорганизующихся систем, считая, что информация появилась лишь с возникновением жизни. Придерживаясь атрибутивного подхода, Р. Ф. Абдеев видит в информации «узловой пункт познания, философскую категорию, позволяющую выявить не только всеобщее, но и частное — конкретные, многогранные связи с действительностью как отражение этой действительности» [Абдеев 1994: 149].

При этом Р. Ф. Абдеев подразделяет информацию на *структурную* (или связанную), присущую объектам неживой и живой природы естественного и искусственного происхождения (орудиям труда, предметам быта, произведениям искусства, научным теориям и т. д.), и *оперативную* (или рабочую), циркулирующую между объектами материального мира, используемую в живой природе, в человеческом обществе. Генетически *структурная информация* явилась необходимой предпосылкой возникновения *оперативной информации*, используемой в анализе функциональных систем живой природы. Человек извлекает из объектов природы информацию и включает ее в контур познания. Это позволяет выявить содержание информации, она приобретает *ценность*, т. е. раскрываются семантический и прагматический аспекты информации. В этой связи можно говорить об *информационной картине мира* как об особом высокоорганизованном виде знаний, их синтезе путем широких философских обобщений на базе интегративных понятий, касающихся всех форм движения материи [Абдеев 1994].

Информационный обмен лежит в основе всякого знания [Володина 2000: 19], потому знание и информация по сути своей неразрывны, однако между ними нельзя ставить знак равенства^[4].

Отмечается, что «знание (синонимы: информация, „данные“, „сведения“) — то, что уже отложилось в сознании и составляет часть *памяти* в виде определенной системы; семантическое содержание ментальных репрезентаций или данных на уровне этих репрезентаций» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 28].

Как видим, авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», с одной стороны, подают термины *знание* и *информация* как синонимы, а с другой — показывают, что если это и синонимы [Марчук 2007: 36], то можно посомневаться, полные ли.

Таким образом, можно говорить о синонимии этих двух базовых понятий, имея в виду их объем, а в содержательном плане следует учитывать то, что *знание* как когнитивная структура в целом детерминировано

наукой и шире — культурой и в непосредственном опыте нам не дано, тогда как «*информация* — объективная реальность, она *материальна*, а материя — *информативна*» [Черный, Гиляровский 2002: 35].

Таким образом, *знание* отличается от *информации* тем, что существует только в голове человека. Конечно, оно может находиться и во внешних хранилищах, таких как книги, рисунки и артефакты, но такое знание не имеет смысла, если не будет приобретено и усвоено человеком в коммуникации [Мокир 2004: 11].

Исходя из этого, А. А. Кибрик [Кибрик 2002: 63] классифицирует виды знаний с выделением *априорных* и *комплементарных*. *Априорное знание* — это знание, полученное независимо от опыта, присущее сознанию изначально. *Априорные знания* — это предварительные знания, а *комплементарные знания* — это знания, которые дополняют априорные и которые человек получает в ходе общения [Кибрик 2002: 63].

Дж. Мокир вводит понятие *полезного знания* и подразделяет его на два подмножества: знание, каталогизирующее все явления и закономерности, — *пропозиционное знание*, или наука в целом, хотя оно гораздо шире, по его мнению, научного знания, и знание, предписывающее совершение определенных действий, связанных с манипулированием окружающей средой ради материальных целей — *прескриптивное* знание [Мокир 2004: 12]. В зависимости от цели и задач выделяются и другие типы знания [Комарова, Дедюхина 2011].

При этом эти базовые концепты (*знание* и *информация*) проецируются на *естественный человеческий язык*, который в свете современной концепции лингвистической философии рассматривается как *форма представления знаний*, причем содержательная сторона языковых единиц понимается как «*определенным образом категоризованная информация*» [Кравченко 1999; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011; Комарова 2013, 2016, 2017; Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Марчук 2007], что обусловлено сущностью человеческого языка, поскольку он «занимает в информатике фактически центральное место» [Зубов, Зубова 2014: 4; Комарова, Краев 2008], ведь именно разные формы языка служат для кодирования знания. На этапе кодирования *научное знание* сталкивается совсем с другой системой — системой знаний о языке, заложенной в мозге человека. Именно на этом этапе содержание знания начинает проникать в знаки избранного им языка, насыщать и заполнять их. Научное знание,

нашедшее свое выражение в слове — термине, становится элементом *языка науки*. Обретя язык, на следующем этапе научное знание «ищет» более высокие формы слововыражения — устные и письменные тексты, и тогда оно достигает статуса **научной информации** [Герд 2005: 49—50].

Как подчеркивает Т. М. Николаева, «именно XX век поставил более четко вопрос о количестве информации, которую тот или иной язык способен передавать» [Николаева 2000: 15]. При этом она устанавливает, что «язык развивается в сторону увеличения передаваемой информации в единицу времени» [Николаева 2000: 18]. На базе этого возникает «союз информатики и языкознания»^[4] [Андрющенко, Караулов 1987: 5—13; Иванов 2004: 165; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедухина 2011; Комарова 2013].

При этом лингвистика (теоретическая и прикладная), вскрыв многомерную модель языка, его многокачественную, противоречивую, вероятностную природу [Комарова 2013: 347—351], показывает его возможности выполнять **информационно-кибернетическую функцию** (моделирования речемыслительной деятельности человека в машине) [Налимов 2003: 349] для «конструирования лингвистических сущностей с помощью компьютерных технологий» [Марчук 2007: 12], т. е. осуществляет «препарирование языка для информационно-кибернетических целей, опираясь на интеллектуальные возможности современной техники» [Марчук 2007].

При этом **компьютерные технологии** (программы, алгоритмы, схемы, проекты, факты и правила и т. п.) [Потапова 1997: 36] ставят язык в положение, когда он максимально детально передает глубинные и специальные смыслы, свойственные различным неязыковым знаковым системам [Марчук 2007: 18].

Таким образом, **лингвистические проблемы информатики** начинаются там, где начинается сама информатика: эти проблемы сконцентрировались в области общения человека и машины (ЭВМ) с такими вопросами, как организация диалога с базами данных; составление баз знаний и общение с ними; извлечение смысла из текста в виде команд, фактов, энциклопедических знаний; машинный перевод, синтез текста, машинные словари; создание машинных корпусов, создание информационно-поисковых систем (ИПС) и информационно-поисковых языков (ИПЯ) как центральная проблема; искусственный интеллект и т. д. [Ершов 1986: 12].

Такова в целом лингвистическая проблематика информатики.

3. Сущность вызовов современному обществу

Выше уже упоминалось, что в динамическом взаимодействии общества и науки, по мнению Ф. Мертона, более изученным оказалось влияние науки на общество. И это понятно: более очевидным было то благополучие, которое получили люди от науки в эпоху НТР. Многие из того, что для нас сейчас стало совсем обычным — автомобиль, самолет, телевидение, мобильный телефон, персональный компьютер, Интернет — является продуктом НТР. Но собственно об НТР заговорили и стали изучать этот феномен в связи с созданием атомной бомбы. Использование атомной энергии имело огромный психологический эффект: люди убедились в колоссальных возможностях науки (особенно после выхода человека в космос), не только созидательных, но и разрушительных. НТР резко повысила благосостояние народов, которые воспользовались ее результатами (правда, имеются в виду преимущественно развитые страны). Наука и НТР благоприятно повлияли на мировоззрения людей: в *открытых обществах* (К. Поппер) каждый человек мог подняться до высот общественного признания и максимально самореализоваться. Создав радио, телевизор и Интернет, НТР облегчила доступ к информации.

Однако благотворная роль науки, выступающей в качестве орудия социального прогресса и, как утверждают сциентисты, способной сделать человека счастливым, всемогущим и почти бессмертным, ставшей, по мнению В. И. Вернадского, «геологической силой на нашей планете» [Горелов 2010: 259], сейчас подвергается серьезному сомнению, так как стали очевидными **глобальные проблемы** современного общества: *экологические, демографические, продовольственные, технологические, социальные, политические, нравственные, собственно научные, угроза мировой термоядерной войны*, грозящей погубить саму Землю, и др. В нашей работе речь пойдет не о них.

Стал очевиден главный парадокс развития науки, который состоит в том, что она, с одной стороны, дает человеку ценнейший неубывающий продукт — **знание** и **информацию** о мире (природе, обществе, человеке), а с другой — эта научная информация обуславливает уничтожение ее носителей: видов жизни (растений, животных, самого человека), природу — и угрожает самой планете. Но главное, теряется надежда на то, что наука может сделать людей счастливыми и дать им истину. Об этом говорил еще Лев Николаевич Толстой.

Действительность нельзя познать с помощью науки, так как *научное познание* — это частное познание, имеющее дело с определенными предметами, а не с самим бытием, по утверждению немецкого ученого и философа К. Ясперса [Ясперс 1991: 3].

Ограничения и парадоксы науки, кроме обозначенного, многочисленны и разноплановы [Горелов 2010: 241—244]. Отрицательные последствия НТР объясняются не только ими [Горелов 2010: 11—14], и эта тема подлежит монографической трактовке, мы же остановимся только на обозначенной проблеме. Ясно одно: причины следует искать в социокультурных условиях мирового сообщества с использованием цивилизационного подхода, что также требует самостоятельного исследования.

Постнеклассическую науку в современном обществе называют *Большой наукой*, не только потому, что она включает 15 тысяч научных дисциплин и в ней работают свыше 5 млн ученых; не только потому, что она стала решающим фактором самой земной цивилизации и определяет, за какой из наций останется первенство (К. А. Менделеев), но и потому, что наука развивается по экспоненте [Горелов 2010: 21; Марчук 2007: 35]. Так, по данным науковедения, за 25 лет число научных дисциплин удваивается. Только в XX в. появилось свыше 2000 новых научных дисциплин [Гринёв-Гриневиц 2008: 6]. Объем информации за последние 50 лет увеличился в 32 раза [Нелюбин 1991: 15], что обусловило *информационный «взрыв»* [Горелов 2010; Гринёв-Гриневиц 2008; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011; Комарова 2013, 2016, 2017; Научно-техническая революция и функционирование языков мира], сопровождающийся лавинообразным ростом специальной терминологической лексики, описываемым экспоненциальной кривой [Горелов 2010]. Несколько примеров. Так, в начале XX в. вся научная терминология немецкого языка, наиболее тщательно регистрировавшего научные и технические термины, насчитывала около 3,5 млн единиц. А в 80-х гг. в области только одной электротехники в немецком языке было уже 4 млн терминов [Марчук 2007: 19].

Еще один пример. В общесоюзном классификаторе промышленной и сельскохозяйственной продукции, выпускавшейся в нашей стране в начале 80-х гг. XX в., было уже 24 млн наименований [Дубичинский 2009: 157]. По последним данным из «Википедии» (указывает С. В. Гринёв-Гриневиц), это число включает 1,5 млн только химических соединений, а биологическая номенклатура

достигает 100 млн наименований. Всё это привело к так называемому «терминологическому взрыву» и опасности «терминологического потопа», если стихийное развитие специальной лексики станет неуправляемым [Гринёв-Гриневиц 2008; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Марчук 2007]. Возникает социальный заказ: превратить этот «терминологический взрыв» в управляемый процесс, поскольку специальная лексика поддается сознательному регулированию.

Что касается «информационного взрыва» в целом, то, по указанию многих научных источников, человечество приблизилось к черте, за которой использование поступающей информации окажется невозможным. В этих условиях, заставляющих говорить об *«информационном кризисе»* [Урсул 1985: 124], исключительную важность приобретает проблема обеспечения науки средствами *информационного обслуживания*, что также следует рассматривать как социальный запрос.

А поскольку это проблема *лингвотерминоведческая*, то реализация названных настоятельных запросов зависит прежде всего от состояния *лингвистики* и *терминоведения*, науки в целом, а также от языковой ситуации и языковой политики.

4. Языковая ситуация и языковая политика в информационном обществе

Под *языковой ситуацией* как одним из ключевых понятий *социолингвистики* понимаем совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований [Лингвистический энциклопедический словарь: 616]. Выделяются две основные группы языковых ситуаций: *экзоглосные* — совокупность различных языков, и *эндоглосные* — совокупности подсистем одного языка [Лингвистический энциклопедический словарь: 481]. В нашем исследовании важно учитывать обе группы ситуаций, существующих в информационном мировом сообществе (В. М. Алпатов, В. А. Виноградов, В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Л. Б. Никольский, Н. Б. Мечковская, А. Д. Швейцер и др.).

Социокультурная специфика такого общества обуславливает чрезвычайно сложную и многоаспектную *языковую ситуацию*. В ней можно выделить ряд, с одной стороны, относительно самостоятельных, а с другой — взаимосвязанных аспектов, факторов.

Основные из них:

1) *многоязычие* (от 2500 до 8000 языков) [Комарова, Хасаншина 2009: 9] и *разноязы-*

чие, а также обилие национальных языков, входящих в круг мирового общения [Научно-техническая революция и функционирование языков мира];

2) соотношение внутриязыкового и межъязыкового общения и в наши дни их постепенное выравнивание [Кузнецов 1987: 6];

3) соотношение естественных и искусственных языков [Комарова, Хасаншина 2009; Лингвистический энциклопедический словарь: 36; Научно-техническая революция и функционирование языков мира];

4) соотношение различных форм существования современных национальных языков [Лингвистический энциклопедический словарь: 325—326, 604—608]; прежде всего соотношение языка науки, подъязыков, языков для социальных целей [Гвишиани 1986 (2008); Комарова 2013; Научно-техническая революция и функционирование языков мира; Никитина 1987 (2010)].

Анализ различных аспектов языковой ситуации, данный в ряде названных работ, является необходимой предпосылкой выбора рациональной **языковой политики**, которую понимаем как совокупность идеологических принципов в социуме, государстве, связанных с сознательным воздействием общества на язык [Лингвистический энциклопедический словарь: 616], и **языкового строительства** — целенаправленного вмешательства в язык общества в лице властей и ученых-специалистов [Комарова 2013: 501—502].

Одной из целей языковой политики и языкового строительства в информационном обществе является необходимость дать ответ на обозначенные выше информационные вызовы, обусловленные НТР и языковой ситуацией, для преодоления информационного кризиса. Поскольку реализация этих настоятельных запросов зависит прежде всего от состояния лингвистики и терминоведения, то обратимся к их краткой характеристике.

5. Лингвистика и терминоведение в информационном обществе

Выяснив то, что информационные вызовы современному обществу — это прежде всего **вербальные вызовы**, поскольку именно язык вербализует любой тип знания (как обыденного — средствами естественного языка, так и научного — средствами научных языков), приходим к выводу о том, что в интегрированном пространстве современных наук, существующих «здесь и сейчас», лингвистика и терминоведение занимают лидирующее положение [Канке 2008; Кибрик 2002; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011;

Комарова 2013]. Следовательно, создание и существование информации обусловлены прежде всего состоянием этих наук.

Самый общий взгляд на **лингвистику** постнеклассического информационного общества показывает, что «статус современной лингвистики следует охарактеризовать как **полипарадигмальный**» [Язык и наука конца XX века 1995; Парадигмы научного знания в современной лингвистике 2006; Комарова 2013], что, по мнению Е. С. Кубряковой, проявляется в четырех принципиальных установках: 1) экспансионизм, 2) антропоцентризм, 3) неофункционализм и 4) экпланатарность [Ясперс 1991: 207], обусловивших, по выражению В. З. Демьянова, **интерпретирующий момент** [Ясперс 1991: 262] и ярко выраженный интерес к **металингвистическим построениям** [Язык и наука конца XX века 1995: 207; Иванов 2004: 8; Комарова 2013: 706—712].

Полипарадигмальность обусловила одновременное бытование ряда парадигм без явных признаков монополии одной из них, но с доминированием **коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной** парадигм (термин Е. С. Кубряковой) [Маслова 2008; Парадигмы научного знания в современной лингвистике 2006; Язык и наука конца XX века 1995], причем последняя признана **системообразующей** [Язык и наука конца XX века 1995; Парадигмы научного знания в современной лингвистике; Маслова 2008; Комарова 2013], поскольку в ее задачу входит **построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями** [Маслова 2008: 12].

При этом две доминирующие парадигмы интегрируются, так как по существу когнитивная парадигма сложилась путем **синтеза коммуникативно-прагматических моделей языка и идеи когнитивной науки** [Комарова 2013: 460].

Исходя из этого, коммуникативно-когнитивный подход к изучению языковых явлений базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и опосредованной ей дискурсивной деятельности лежит **система знаний о мире — концептуальная картина мира**, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности. Сам же язык при этом выступает в качестве **когнитивного механизма, когнитивного инструмента** [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53].

В. А. Звегинцев подчеркивает, что существенной чертой знаний является их **дискретный характер**, что и заставляет обратиться к языку, который выполняет здесь сразу три

функции: «Он служит средством дискретизации знаний, их объективации и, наконец, интерпретации» [Звегинцев 1996: 195].

А в качестве центральной проблемы выступает круг вопросов, связанных с установлением зависимостей в когнитивной цепочке **«разум (сознание) — язык — репрезентация — концептуализация — категоризация — восприятие»** [Кравченко 1999: 3].

Более того, *когнитивизм* и *когнитивная лингвистика* делают «заявку на метод серийного, если угодно промышленного решения задач о человеческой мысли» [Язык и наука конца XX века 1995: 269], что дает методологическую базу для языковой политики и языкового строительства в целом и решения рассматриваемой нами проблемы.

Особо следует сказать о том, что *классификационная* и *дефиниционная лингвистика* XIX—XX вв. к началу XXI в. обогатилась идеей *концептуальной интегративности* (Е. Г. Беляевская, О. К. Ирисханова, Л. Г. Лузина, С. Ю. Селезнева и др.), пересекла границы прежнего лингвистического мира сразу в трех направлениях [Комарова 2016: 102—103].

Во-первых, произошел прорыв в **макромир — лингвистику текста**, который, по М. М. Бахтину, есть «первичная реальность (данность) всякой гуманитарной науки», и, по словам Г. В. Степанова, лингвистика становится «служанкой при тексте» (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Л. А. Киселёва, Г. В. Колшанский, Т. М. Николаева, Г. Я. Солганик, З. Я. Тураева, Н. Энkvист и др.), и **лингвистику дискурса** (Н. Д. Арутюнова, Б. М. Гаспаров, В. Е. Демьянков, В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. М. Макаров; Р. Барт, Т. А. ван Дейк, Ю. Кристева, М. Фуко и др.).

Во-вторых, произошел прорыв в **микромир — лингвистическое портретирование** (А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян и др.), когда объектом описаний стало не слово как основная единица языка, а его элементы и когда произошло становление **коммуникативной семантики** (Г. В. Колшанский, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

В-третьих, произошел выход за **пределы лингвистики**, когда, по мнению В. А. Масловой, для лингвистики не стало «чужих полей»: «...она изучает всё, что вербализовано» [Маслова 2008: 8], т. е. любой тип знания, любую информацию, выходя за рамки чисто языковедческой проблематики в *естественно-научную* и *междисциплинарную*, а потому в постнеклассической науке в условиях наведения «мостов» между естественными и социально-гуманитарными науками лингвистика стала выполнять роль «методологического локомотива» (В. П. Да-

ниленко, В. А. Канке, В. П. Кохановский, С. А. Лебедев, Ю. С. Степанов и др.), формируя в наши дни свою системную методологию раньше других наук [Комарова 2013].

Всё сказанное свидетельствует о кардинальном усилении роли лингвистики в постиндустриальном обществе, особенно в его поздний период (третье тысячелетие), где эта наука выполняет *системообразующую роль* на всех этапах курсирования знания и информации в обществе: во всех *информационных процессах* — возникновения, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения (передачи) информации [Шарков 2009: 215], в создании *информационных продуктов, информационных ресурсов, информационных технологий*; оказании *информационных услуг*, обеспечении *информационного обмена* (внутригосударственного и международного); формировании *информационных технологий*, — иначе говоря, организации всего **информационного пространства** — сферы общества с достаточно развитой сетью *информационных коммуникаций* [Шарков 2009: 215]. Всё это в конечном итоге способствует обеспечению *информационной безопасности*, успеху в *информационных войнах*, преодолению *информационного кризиса*.

Под *терминоведением* мы понимаем междисциплинарную науку о *терминах* и их сообществах: *терминологиях* (стихийно сложившихся совокупностях терминов) и *терминосистемах* (естественно-искусственных образованиях с эксплицированными системными свойствами и связями) [Комарова 1991; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011; Комарова 2013, 2016, 2017; Лейчик 2006; Татаринцов 2006].

Пройдя длительный, мучительный путь развития (первоначально в лоне языкознания)^[5], терминоведение стало детищем XX в., первый период развития которого пришелся на 30—60-е гг. XX в. Второй этап (конец 60-х — 70-е годы) ознаменовался институционализацией данной области. 80-е годы прошлого века — этап зрелости терминоведения, сопровождающейся осознанием *интегративного характера* терминоведения, которое находится как бы на пересечении четырех групп наук: лингвистических, логико-философских, математических и предметных (приблизительно 3000, среди которых первое место занимает *семиотика*) [Лейчик 2006: 218—223]. Четвертый этап (с середины 90-х годов по настоящее время) — период формирования терминоведения как *метадисциплины*, когда в науке произошел *методологический синтез*, при котором

идея *междисциплинарного синтеза* была отрефлексирана и сформулирована как ключевая [Комарова, Дедюхина 2011: 38; Комарова 2013: 498].

Это положило начало формированию группы собственно методологических наук, в которую, кроме традиционных (философия, эпистемология, методология, логика), вошли современные науки: *информатика, кибернетика, современная интегративная лингвистика* [Иванов 2004: 157], а также *терминоведение* данного этапа — *когнитивное терминоведение* [Голованова 2011: 157; Комарова, Дедюхина 2011; Лейчик 2006], которое развивалось под большим влиянием когнитивной лингвистики. Потому когнитивное терминоведение восприняло от нее основные постулаты, принципы, подходы и проблематику. Соотношение *языка и знания* как ключевая проблема когнитивной лингвистики была воспринята когнитивным терминоведением и модифицировалась в проблему взаимосвязи *терминологии и знания*^[6].

В рамках когнитивного подхода как две центральные проблемы рассматриваются *структуры представления различных типов знания в языке и способы концептуальной организации знаний в процессе построения и понимания речевых сообщений*. Эти проблемы являются центральными и в когнитивном терминоведении [Голованова 2011; Комарова, Дедюхина 2011]. Наблюдаемая изоморфность принятых понятий модифицирована в связи с иной сферой коммуникации^[7] — *научной коммуникацией*^[8], а не естественной, обиходной.

Решающая роль терминоведения в решении указанных проблем обусловлена его целевой установкой: изучение особенностей и закономерностей образования и развития терминологий и терминосистем для *выработки рекомендаций по их совершенствованию и наиболее эффективному использованию* во всех сферах активности человека как члена общества [Гринёв-Гриневич 2008: 9], что отражается в *прикладном терминоведении*, включающем более двух десятков направлений [Гринёв-Гриневич 2008; Комарова 2016; Лейчик 2006; Татаринцов 2006; Терминология и знание 2017]. При этом значительная часть информационной работы носит чисто *терминологический характер* [Гринёв-Гриневич 2008: 12]. А поскольку деятельность в области терминоведения носит не только чисто научный характер, но и *организационный*, она оказывается связанной с языковой политикой государства и имеет международный характер.

В целом этим обусловлена аналогичная лингвистике доминирующая роль терминоведения в информационном обществе и «союзе» терминоведения с информатикой.

6. Пути и средства преодоления вербально-информационного кризиса

Учитывая чрезвычайную созидательную мощь в решении фундаментальных проблем, связанных с информацией, *лингвистики и терминоведения*, изучающего терминологическую информацию [Научно-техническая революция и функционирование языков мира; Татаринцов 2006; Терминология и знание 2017; Володина 2000], лингвисты и терминологи приступили к активному поиску путей преодоления вербально-информационного кризиса начиная с 70-х гг. XX в. В это время О. С. Ахмановой, В. А. Звегинцевым, Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Ярцевой были осмыслены и обоснованы два кардинальных возможных пути: первый — *оптимизация естественной коммуникации* [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 37; Потапова 1997] и второй — *создание искусственных вспомогательных языков* [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 37; Николаева 2000; Черный, Гиляровский 2002].

6.1. Оптимизация естественного человеческого языка

В дальнейшем первостепенной научно-прикладной проблемой признана *оптимизация естественного человеческого языка*, поскольку это мощное, универсальное, первородное средство не только для естественной коммуникации (*человек — человек*), но и преобладающее при коммуникации в паре *человек — машина*. При этом обнаруживается явная тенденция к экспансии естественного языка [Ершов 1986: 7—12; Марчук 2007; Иванов 2004; Научно-техническая революция и функционирование языков мира; Хайдеггер 2011]. В научной коммуникации (*человек — человек*) естественный язык участвует наряду с искусственным [Ершов 1986; Марчук 2007; Научно-техническая революция и функционирование языков мира].

Оптимизация^[9] заключается в таком преобразовании языковой системы и функций языка, в результате которого система становится максимально соответствующей условиям реализации определенной цели, решения определенной задачи. Перед языкознанием практически с самого начала его существования стояла проблема оптимизации языка, потому для *прикладного языкознания*, возникшего приблизительно к 20-м гг. XX в., деятельность по оптимизации была не

совсем новой, только менялись ее цели и задачи. К примеру, в период формирования литературных языков осуществлялась *формализация* языка через процессы *нормализации* и *кодификации*. В 20-е гг. XX в. оптимизация проявлялась в широком размахе *языкового строительства*, когда свыше 50 ранее бесписьменных языков получили письменность [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 118], шло формирование графики и орфографии и создание норм 50 младописьменных языков [Там же: 6, 13].

При этом оптимизация естественного языка (ЕЯ) в различные периоды преследовала разные цели, но никогда не допускала качественных изменений языковой системы [Там же: 7]. В информационном обществе, наоборот, «оптимизация языка предполагает именно качественные изменения элементов языковой структуры» [Там же: 8], которые определяются прежде всего социально-экономическими условиями функционирования языка и его состоянием в данное время. Не случайно этот период был обозначен лингвистами как *мировой лингвистический процесс*, охватывающий все формы функционирования языка во всех сферах человеческой деятельности [Там же: 13]. Именно *функции языка* задают точки отсчета для классификации огромной области приложения лингвистического знания [Баранов 2001: 8], определяемого лингвистическими дисциплинами^[10], и обуславливают:

- оптимизацию *когнитивной функции языка*, сосредоточенной в таких направлениях прикладной лингвистики, как когнитивная лингвистика, компьютерная лингвистика, квантитативная лингвистика, психолингвистика и афазиология, лингвистическая криминология;

- оптимизацию *эпистемической функции языка*, так или иначе проявляющейся в лексикографии (в том числе компьютерной), в терминографии (в том числе — цифровой), корпусной и полевой лингвистике;

- оптимизацию *коммуникативной функции языка* как средства передачи информации, которая связана с переводом (в том числе с машинным переводом), теорией и практикой информационно-поисковых языков, теорией и практикой кодирования информации, теорией и практикой преподавания родного, неродного и иностранного языка [Баранов 2001; Герд 2005; Звезгинцев 1996; Кибрик 2002; Марчук 2007];

- оптимизацию *социальной функции языка* (как части *коммуникативной*), находящей отражение в социолингвистике (языковой политике, языковом планировании, языко-

вом строительстве), этнолингвистике, межкультурной коммуникации, интерлингвистике, теории и практике воздействия, политической лингвистике;

- оптимизацию *информационно-кибернетической функции языка*, которая так или иначе сосредоточена практически во всех уже названных лингвистических направлениях, а также в лингвосемиотике, лингвосинергетике, лингвосистематике, лингвокибернетике, т. е. во всей макролингвистике [Иванов 2004; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Марчук 2007; Мечковская 2004; Налимов 2003; Потапова 1997; Черный, Гиляровский 2002].

Как известно, в современном обществе, основанном на знаниях [Мокир 2004; Формирование общества, основанного на знаниях], происходит сдвиг в сторону *научного знания*, что инициирует бурное развитие терминоведения, теоретического и прикладного, широкий «фронт» терминологической деятельности [Лейчик 2006], на базе чего актуализируется *оптимизация научного языка и его подъязыков*.

Соотношение прикладной лингвистики и прикладного терминоведения [Герд 2005; Гринёв-Гриневиц 2008; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011; Комарова 2013; Лейчик 2006; Татаринцов 2006], наличие аналогичных функций в общем языке, а также в языке науки и его подъязыках объясняет некоторую *изоморфность* направлений оптимизации научного языка, что не исключает и *алломорфных явлений*. Например, оптимизация ЕЯ в форме его *нормализации* и *кодификации* в научном языке проводится поэтапно в жесткой последовательности: *унификация* → *нормализация* → *стандартизация* → *гармонизация*, что закрепляется в соответствующих словарях (отраслевых, нормативных, словарях рекомендуемых терминов) и ГОСТах (*государственных стандартах*). Стандартизированные термины приобретают свойство *арбитражности* (термин К. Я. Авербуха), т. е. их адекватная интерпретация может служить основанием для решения суда, а терминологический *стандарт* является правовым документом [Гринёв-Гриневиц 2008: 229; Татаринцов 2006: 18].

Это направление признано основным в силу его значимости и интенсивности работы: если к концу XX в. в нашей стране действовали 630 ГОСТов и 280 отраслевых стандартов [Татаринцов 2006: 198], то в начале текущего века уже свыше 2 тысяч [Гринёв-Гриневиц 2008: 217], а в мире — более 20 тысяч терминологических стандартов [Баранов 2001: 90].

Кроме того, это направление дает базу для всех других многочисленных сфер *терминологической работы*, поэтому проводится и финансируется государственными организациями.

Понятно, что раскрыть весь охарактеризованный выше комплекс направлений оптимизации ЕЯ и научного языка невозможно, потому в рамках этой статьи остановимся на анализе наиболее характерных для информационно-технической цивилизации [Абдеев 1994] и жизненно необходимых для информационного общества сферах: это, во-первых, проблема искусственных (в том числе информационных) языков и их соотношения; во-вторых, лексикография (в том числе компьютерная); в-третьих, терминография (включая компьютерную терминографию) и их соотношение.

При этом введем ограничение: анализируется проблематика, приоритетная для текущего века.

6.2. Проблема искусственных языков

Как уже было сказано, второй путь преодоления вербально-информационного кризиса состоит в создании (лингвопроектировании и лингвоконструировании) **искусственных языков** (ИЯ), жизненно необходимых там, где использование ЕЯ является *невозможным* или *неэффективным*, а это в нашем обществе прежде всего сфера коммуникации в системе *человек — машина (ЭВМ) — человек*, где ИЯ выступают в роли посредников. Такие языки получили название **искусственных** потому, что являются «рукотворными». Степень **искусственности** различна и зависит от степени сознательного воздействия человека на языковую структуру, обусловленного нуждами данного общества, осуществляемого обществом и для общества.

Как отмечают корифеи естественной науки и специалисты по лингвистике (к примеру, Нильс Бор, Вернер Гейзенберг, А. Ахманова, Вяч. Вс. Иванов, В. А. Звегинцев, В. Н. Ярцев, Уильям Лабов и др.), все ИЯ в конечном счете являются производными от ЕЯ [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 45] и создаются как *продолжение* и *специализация* ЕЯ [Там же: 47]. ИЯ функционируют в качестве *специализированного средства общения*, параллельного ЕЯ и отчасти с ним конкурирующего, образуя оппозицию **естественный язык — искусственный язык** в «шкале семантических языков» по В. В. Налимову [Налимов 2003].

Само понятие «*искусственности*» (т. е. формализованности) является не новым для эпохи НТР, так как первые ИЯ были созданы

в Европе еще в XVI—XVII вв. (к примеру, язык дифференциального и интегрального исчисления).

Введение ИЯ диктуется не стремлением к изотеричности или социальной криптографии как таковой, а внутренними потребностями *самой науки* [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 57], а именно необходимостью обеспечить языковыми средствами (прежде всего — научной прозой с ее терминологическими ресурсами) возникшие новые сферы общения [Там же: 32], хотя некоторая изотеричность, по мнению Вяч. Вс. Иванова, ИЯ все же характерна, так как он ограничен в употреблении, в отличие от ЕЯ, пределами «интеллектуальной микросреды» [Там же: 32].

По нашим исследованиям, на сегодняшний день существует девять кардинальных отличий ИЯ от ЕЯ [Комарова, Хасаншина 2009: 28—30].

Но, несмотря на все расхождения между ЕЯ и ИЯ, по мнению Мишеля Бреалья, нельзя считать, что «первые наделены всеми достоинствами, а вторые, подобно гомункулусу Гёте, лишены способности к существованию» [Там же: 20]. Они объединяются тем, что и ЕЯ и ИЯ служат для выражения информации. Специалисты, обслуживающие информационно-поисковые системы и работающие в области искусственного интеллекта, считают ЕЯ *информационными языками прямой документации*, с помощью которых осуществляется первичная концептуализация мира, а ИЯ — *информационными языками вторичной документации*, служащими для вторичной, научной концептуализации [Комарова, Дедюхина 2011: 41].

Отсюда основное свойство, которое объединяет ЕЯ и ИЯ, — это то, что они предназначены для передачи информации, т. е. по сути своей это **информационные языки**, но, если у ЕЯ это одна из возможных функций, то у ИЯ это единственная функция (реже одна из нескольких), которая выполняется «**оптимальным образом**» [Марчук 2007: 5], т. е. ИЯ следует считать **собственно информационными языками**.

Следует заметить, что в современной научной литературе термин *информационные языки* используется неоднозначно как в широком понимании, так и в узком. В широком понимании, (В. М. Андрющенко, В. В. Бородин, А. И. Кузнецов, Ю. Н. Марчук, Н. А. Стоколова, А. Я. Шайкевич и др.) он применяется для обозначения трех видов ИЯ (вспомогательных языков):

– во-первых, **информационно-управленческих**, предназначенных для записи команд, идущих от человека к машине, т. е.

языков программирования, которых к началу XXI в. насчитывалось более 2500 (например, *бейсик*, *фортран*, *алгол*, *паскаль*, *кобол* и др.) [Марчук 2007];

– во-вторых, **информационно-логических**, служащих для формализации понятий той или иной области знания с помощью аппарата математической логики (например, универсальный семантический код В. В. Мартынова или международный терминологический код Э. К. Дрезена);

– в-третьих, **информационно-поисковых** языков (ИПЯ), служащих для записи информации, ее накопления и однозначной выдачи по запросу. Их количество на сегодняшний день приближается к количеству ЕЯ.

В узком смысле термин **информационные языки** использует В. А. Москович для обозначения только информационно-поисковых языков, так как они действительно наиболее значимы в плане семиотики ИЯ. Нам такой подход представляется не совсем убедительным, потому данный **специализированный искусственный язык** вслед за В. М. Андрющенко будем в нашей работе именовать сокращенно ИПЯ [Лингвистический энциклопедический словарь: 604].

В конечном счете этот разнообразный мир ИЯ поставил проблему их типологии, которая в общих чертах уже описана нами при характеристике ИЯ и раскрытии термина **информационные языки**. Тем не менее она нуждается в дальнейшем изучении.

Такова в общих чертах система *собственно информационных языков*, рожденных эпохой НТР и обслуживающих коммуникацию человека с машиной в условиях чаще всего одноязычного общения, представляющих как бы лицо информационного общества.

Однако описание ИЯ, представленное выше, останется неполным без учета ИЯ, используемых в коммуникации «человек — человек», которые С. Н. Кузнецов обозначает как **плановые языки** [Кузнецов 1987: 51], необходимые для *межъязыкового общения* в условиях глобализованного мира.

Языки, служащие средством общения народов разных государств, называются *международными языками* [Лингвистический энциклопедический словарь: 291] и являются объектом интерлингвистики. Она подразделяет международные языки на **естественные** и **искусственные**. Для международных естественных языков функция межъязыкового общения является реальной, но вторичной по отношению к их основному использованию в роли этнического языка. Для ИЯ функция межъязыкового общения

является первичной, но не всегда реализованной.

Первая группа. К международным ЕЯ принадлежат также *контактные* и *смешанные* языки, «самопроизвольно возникающие в результате необходимости межнационального общения на разноязычной территории» [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 38]. К ним относятся *лингва франка*, *койне*, *пиджины*. Характерная особенность этих языков, отличающая их от других естественных международных языков, в том, что, во-первых, для всех участников коммуникации они не являются родными и, во-вторых, сама коммуникация имеет функционально-тематические ограничения (*устный торговый*), хотя возможно их развитие из языка-посредника в родной и основной — процесс креолизации пиджинов.

Вторая группа. В оппозиции естественным международным языкам находятся так называемые **плановые** языки — это своего рода эвфемизм, которым сторонники «рукотворных» языков предпочитают называть неспециализированные искусственные международные языки: *волапюк*, *эсперанто*, *идо*, *интерлингва* и др. При этом языки, называемые **плановыми**, в дефиниции имеют такой набор компонентов: «*международный + искусственный + коммуникативно реализованный*» [Кузнецов 1987: 9].

По отношению к языковым системам, которые остались потенциальными, коммуникативно нереализованными, С. Н. Кузнецов предлагает применять термин **лингвопроект** [Там же: 9]; их примерами могут служить *окциденталь*, *новиаль*, *линкос* и др. Во многих работах подчеркивается огромный энтузиазм в лингвопроектировании: за 2000 лет создана 1000 проектов [Мечковская 2004: 185].

В целом необходимо отметить, что эти ИЯ чаще всего являются аналогами ЕЯ, т. е. языками *апостериорного типа*: слова заимствуются из ЕЯ, и грамматика строится по образцу ЕЯ.

Реже встречаются *априорные языки*: словарный состав и грамматика не заимствуются из ЕЯ, а конструируются по собственным правилам (например, *солъресоль* и *линкос*). Смешанные ИЯ совмещают свойства априорного и апостериорного языков (*волапюк*, *эсперанто*).

С. Н. Кузнецов указывает, что термин «**искусственный язык**» применяется также к подсистемам (или модификациям) ЕЯ, «которые отличаются от других подсистем большей степенью **сознательного воздействия человека** (выделено нами — З. К.) на их формирование и развитие» [Лингвистический энциклопедический словарь: 202], т. е.

к языкам, занимающим промежуточное положение между собственно ИЯ и ЕЯ.

По сути речь идет о таких фундаментальных **синкретичных** (основанных на синтезе ЕЯ и ИЯ) языках, которые формируются в информационном обществе, как 1) *язык науки*; 2) *его подязыки, языки для специальных целей* (ЯСЦ — LSP); 3) *мета-языки*.

Язык науки. Общеизвестный факт — наука воплощена в научных текстах, написанных на языке — привел к лингвофилософскому пониманию, что «всё есть язык» [Комарова 2013: 68] и «наука есть язык» (Р. Карнап, В. Гейзенберг), а потому изначально язык науки понимается как *язык научной литературы*^[11]. Доказательством этого является трехтомная работа «История научной литературы на новых языках» Леонарда Ольшки, посвященная сравнительно новому объекту изучения — *языку научной литературы*. Из этого следует, что научный язык возник и развивается одновременно с возникновением и развитием науки.

В современном обществе чрезвычайно высокий (определяющий всё) статус науки неизбежно привел к *оптимизации языка науки* [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 190] и необходимости изучения сущности этого базового феномена.

Проблема языка науки стала чрезвычайно актуальной. По данным научной литературы, соответствующие исследования ведутся постоянно и регулярно публикуются (Р. С. Аликаев, В. В. Бибихина, Р. А. Будагов, Л. Ю. Буянова, Г. А. Дианова, Н. В. Гвишиани, А. С. Герд, П. Н. Денисов, Н. А. Иванова, М. Н. Кожина, З. И. Комарова, А. П. Романова, Н. М. Разинкина, Е. С. Троянская, В. Н. Ярцева, Л. Дрозд, Ст. Милль, Л. Ольшки и многие другие).

Однако концептуальный анализ литературы по проблеме показывает, что последняя в наши дни еще далека от решения не только в лингвистике, но и в науке в целом. Вызывает удивление отсутствие словарной статьи «**язык науки**» во многих авторитетных словарях и справочниках. Так, в нашей отраслевой энциклопедии (ЛЭС) есть только упоминание об этом термине при описании логического направления в языкознании [Лингвистический энциклопедический словарь: 275] и в терминологическом указателе [Там же: 649]. Это терминовое понятие не дефинируется даже в самых авторитетных (доступных нам) работах отечественных и зарубежных авторов [Герд 2005, 2011; Голованова 2011; Гринёв-Гриневиц 2008; Дубичинский 2009; Караулов 1986; Кибрик

2002; Комарова 1991, 2013, 2016, 2017; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Дедюхина 2011; Кравченко 1999; Лейчик 2006; Марчук 2007; Реформатский 1986; Язык и наука конца XX века 1995].

Причина этого кроется в необычайно сложной, противоречивой, многоаспектной, полиморфной, иерархической природе данного базового феномена, вскрыть природу которого, как показывается С. Е. Никитина, можно только при синтезе ряда подходов: логико-философского, науковедческого, лингвистического, терминологического, метатеоретического и др. [Никитина 1987 (2000)], потому и она ограничивается интерпретациями языка науки только в одном каком-либо подходе.

С нашей точки зрения, полезной для дальнейших исследований является интерпретация с точки зрения первого подхода: «**Язык науки** (структурированное научное знание) предстает как многослойное иерархическое образование. В нем выделяют следующие блоки: категориально-понятийный аппарат; 2) терминосистема; 3) средства и правила формирования понятийного аппарата и терминов» [Никитина 1987 (2000): 10].

Чрезвычайно важной проблемой при этом является (для установления того, что раньше всего было понято) *анализ языка научной литературы*, за проведение которого активно ратуют не только специалисты по научному стилю и научной речи в *функциональной стилистике* [Научно-техническая революция и функционирование языков мира: 187—197], но и представители разных наук [Комарова 2013: 71—94].

При этом подходе синонимизируются *язык науки* и *язык научного изложения*, которые функционально и социально ориентированы в обществе эпохи НТР [Буянова 2010: 74], что не совсем так.

Почти одновременно при одноаспектном изучении *языка науки* была осмыслена роль термина и терминологии как центрального объекта изучения в языке науки [Никитина 1987 (2010)], как проводника в другие области и как область «скрещивания»: в *лингвистике* термины теоретически осмысляются как языковой знак; в *терминоведении* они «сгустки смысла, кодирующие целую концепцию» [Налимов 2003]; «единица логоса» [Буянова 2010]; «квант знания» [Герд 2005]; «когнитивно-информационная структура» [Володина 2000]; в *логике и философии* — «единицы познания» (Н. И. Кондаков, А. А. Ивин); в *информатике* — материал для создания ИЯ для информационных систем и т. д. [Шарков 2009: 43; Комарова, Краев 2008: 43].

Крайностью стало отождествление *языка науки с терминологией*, дожившее до наших дней: «**язык науки и техники** — смежное для терминоведения понятие функциональной стилистики, обозначающее наиболее развитую сферу функционирования терминов и терминосистем» [Татаринов 2006: 348], против чего активно возражает О. С. Ахманова в предисловии к «Словарю лингвистических терминов».

Возможно, речь идет об *общенаучной терминологии* как более развитой сфере, что в принципе верно, но приравнивание языка науки только к терминологии в ущерб естественному языку вызывает резкие возражения специалистов разных наук (Н. Бор, В. Гейзенберг, Луи де Бройль, А. Эйнштейн, Н. И. Вавилов, К. А. Тимирязев, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Ярцева и др.).

В наши дни принят тезис о том, что «язык входит в науку прежде всего терминологией» [Реформатский 1986: 164], которому не противоречит суждение о том, что наука «входит в язык тоже терминологией и через терминологию», а потому завершение моделирования базового концепта *язык науки* и его дефинирование принадлежит будущему [Комарова 2013].

В качестве рабочей дефиниции *языка науки* в третьем тысячелетии может служить его понимание как *относительно автономной подсистемы национальных языков, органически связанной с другими подсистемами, которая представляет собой естественно-искусственное понятийно-семиотическое образование, предназначенное для представления научного (совместно с другими типами) знания и оперирования им в разных научных областях, а также для передачи концептуальной информации в пространстве и времени*.

При этом характер *языка науки* в целом, его разделение на отдельные подязыки, их типология настолько мало изучены, что в настоящее время «представляется целесообразным исходить из априорного допущения о том, что каждая наука, каждая отрасль знания обладает своим подязыком» [Герд 2005: 14].

Подязык и ЯСЦ (LSP) как специализированные синкретичные языки

Заслуга введения в отечественную лингвистику терминованного понятия *подязык* принадлежит акад. Н. Д. Андрееву, который в 50-х гг. XX в. статистически обосновал введение более «дробной» единицы, чем *научный стиль* — *подязык*, понимаемый как «набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой» [Комарова, Хасаншина 2009: 18—23]. Поста-

новка проблемы *подязыка* и *подязыковой типологии* [Комарова, Краев 2008] обусловила активное квантитативное обследование разных подязыков в 50—60-х гг. [Там же: 25—33], в результате чего было осознано, что научные тексты — естественная «среда обитания» подязыков.

В 70-х гг. XX в. в германоязычных странах Европы, первоначально в лингводидактике, сложилось понятие **языка для специальных целей — ЯСЦ (Language for special purpose — LSP)**, которое соотносится с понятием *подязык*, по мнению одних, как эквивалентное (А. С. Герд, Ю. Н. Марчук, А. Я. Шевчук; В. Н. Ярцева и др.), по мнению других, по типу «часть — целое», т. е. если понятие *подязык* применяется ко всем специальным сферам деятельности человека, то понятие «**LSP** ограничено областью науки и техники» (А. Н. Васильева, З. И. Комарова, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская и др.).

Оптимизация специализированных языков в эпоху НТР обусловила понимание *подязыка* и *ЯСЦ* как жанрово-тематической разновидности языка науки, ограниченной рамками определенных научных (или учебных) дисциплин. Ядром данного варианта языка является терминология, периферией — общеязыковые средства, что не исключает других пониманий.

В наши дни развитие теории и практики ЯСЦ идет противоречиво: с одной стороны, происходит активное осмысление онтологии ЯСЦ с разной целевой установкой. Актуализировалось изучение ЯСЦ с прикладной ориентацией и направленностью на совершенствование формы, структуры, языка научных текстов, реально функционирующих в современном внутрисоциальном и международном обмене информацией [Герд 2011: 31]. Подходы и принципы структурирования подязыка русской агрономии описаны нами в работе [Комарова, Хасаншина 2009: 69—74].

С другой стороны, в наши дни сведения о таких языках, как и о языке науки, еще практически не отражены в словарно-справочной литературе: в ЛЭС *подязык* введен только в терминологический указатель [Лингвистический энциклопедический словарь: 640], но не имеет своей *словарной статьи*, а ЯСЦ даже не упоминается.

Возможно, это связано с социальной обусловленностью возникновения ЯСЦ: они возникают при целом ряде социальных условий высокоразвитого общества [Герд 2011: 20], а потому не всякий национальный язык имеет ЯСЦ. В странах, где они существуют, «*язык для специальных целей*» — но-

вая прикладная дисциплина, опыт изучения и преподавания которой еще невелик.

Термин **метаязык**, наоборот, широко представлен в словарно-справочной литературе, так и в трудах отечественных и зарубежных ученых самых разных специальностей. В нашей работе целесообразно осветить вопрос прежде всего о метаязыке лингвистики [Лингвистический энциклопедический словарь: 297—298].

Под **метаязыком** понимается язык, средствами которого проводится описание и последующее исследование свойств другого языка, выступающего по отношению к первому объектом его исследования.

К нашим дням такое или близкое понимание установилось в философии науки, науковедении и частных науках. Однако проблема метаязыка языкознания намного сложнее: он в значительной своей части строится на основе тех же языковых единиц, что и язык-объект, т. е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию, а поэтому является **консубстанциональным** с языком-объектом.

Кроме того, метаязык языкознания представляет собой сложное образование, ядро которого составляет его **терминосистема**, являющаяся особой семиологической системой, употребляемой тогда, когда надо изучать естественный человеческий язык (язык-объект), выступающий «как предмет языковедческого исследования» [Гвишиани 1986 (2008); Лингвистический энциклопедический словарь: 297].

В методологии науки и лингвистики в частности осознана продуктивная идея об **иерархии** метаязыковой организации языков науки и **квантовании** метаязыкового пространства, что очень важно для прагматики познания (в том числе **научного**), которая базируется на единой семиотической субстанции [Буянова 2010; Комарова 2013]. С этой точки зрения, видимо, можно выстроить такой ряд оппозиций: **метаязык (языка) науки** → **метаязык подъязыка** (к примеру, лингвистики) → **метаязык субподъязыка** (общесоциолингвистики) → **метаязык субсубподъязыка** (лингвосоциологии) и т. д.

Определение типологического статуса одного из возможных **микрометаязыков**, выполняющего **номинативно-информационную функцию**, проведено нами [Комарова, Хасаншина 2009].

Изучение методологического «арсенала» языка науки в теоретическом плане чрезвычайно актуально в целях оптимизации научного познания и научного общения сообщества эпохи НТР.

Анализ языкового пространства ЕЯ и ИЯ информационного общества показал, что

развивающиеся ИЯ, которые «исчисляются тысячами» [Мечковская 2004: 380], образовали свой своеобразный мир, существующий параллельно с миром естественных языков. Их взаимодействие в социальном общении, особенно в сферах технологий, привело к тому, что постепенно сложилась **новая языковая ситуация — естественно-искусственное двуязычие** [Комарова, Хасаншина 2009: 10; Марчук 2007: 24].

6.3. Лексикография и терминография информационного общества

Еще одним событием в лингвистическом мире информационного общества стало то, что в 70-е г. XX века **лексикография** перестала быть только «искусством» составления словарей, т. е. из прикладной области (**словарное дело**) превратилась в самостоятельную научно-прикладную дисциплину: появилась теория словарного дела. В специальной литературе она определяется как **раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой составления словарей**, выполняющий общественно важные функции: 1) обучение языку; 2) описание и нормализация языка; 3) внутриязыковое и межъязыковое общение; 4) научное изучение языка [Бобунова 2009: 6; Дубичинский 2009: 8; Лингвистический энциклопедический словарь: 258].

Другим, не менее значительным событием в конце 80-х — начале 90-х гг. было становление **терминографии** — **это интегративная научно-прикладная дисциплина (1) об истории, теории и практике терминологических словарей (2), формирующая методологию, методы, методики и технологии для оптимального проектирования, составления и использования созданного продукта (терминологических словарей для решения различных научных и практических задач)** [Комарова 2016: 105].

Основной социальной предпосылкой становления данных научных отраслей была необходимость преодоления отрицательных последствий **информационного**, в том числе **терминологического «взрывов»**. Необходимо было превратить эти стихийные процессы в управляемые, что возможно, так как лексика, особенно **специальная**, поддается сознательному регулированию.

Исключительное значение в этом принадлежит словарям, особенно — терминологическим (ТС), поскольку 90 % всех новых слов являются **специальными** [Гринёв-Гриневиц 2008: 5] в силу резко возрастающей специальной коммуникации в это время [Марчук 2007: 25].

Роль ТС трудно переоценить, считает А. А. Реформатский, который указывает во-

семь направлений использования ТС [Реформатский 1986: 164]. К названным сферам использования А. С. Герд добавляет необходимость ТС для широкого внутрисударственного и международного общения в разных областях деятельности, а также создания и обеспечения информационных служб и систем [Герд 2005: 146].

Так возник социальный заказ на ТС, свидетельством чего является то, что, по данным Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации СССР, с 1986 г. в мире ежедневно выходит хотя бы один ТС [Марчук 2007: 190].

Чем объяснить это явление? Дело в том, что **словарная форма**, вписанная в эволюцию культуры и цивилизации человечества уже более двух тысячелетий назад, была признана наиболее адекватной **формой манифестации любого типа знания**, была осознана непреходящая научная и культурная роль **словаря**, и поэтому, по образному выражению видного французского лексикографа А. Рея, «*современная цивилизация есть цивилизация словаря*» [Комарова 1991: 40; Комарова, Дедюхина 2011: 298].

С позиции когнитивно-дискурсивной парадигмы можем интерпретировать преимущество **словарной формы** для ТС, которое заключается в том, что это качественно высшая форма презентации семантики научного знания, характеризующаяся высшей степенью компрессии, абстракции, обобщенности [Герд 2005: 49—50].

Вторая особенность словарной формы как типа презентации знаний состоит в том, что она, как и информация, **всеохватна, вездесуща**, т. е. словарь — это «Вселенная в алфавитном порядке» [Бобунова 2009: 187]. Вот потому **словарная форма** как тип социальной коммуникации становится всё более привлекательной не только для специалистов разных областей знания, но и для неспециалистов. Это проявится в создании огромной словарной продукции.

В наши дни терминологическое знание ищет новые формы представления знания: **базы данных, базы знаний, машинные фонды** и др.

Потому в конце 80-х — начале 90-х гг. всё чаще среди основных областей лингвистики и терминоведения в качестве приоритетных выдвигаются **лексикография** и **терминография** как теоретическая база, «интеллектуальный резервуар» [Герд 2005: 122] для создания общеязыковых и терминологических словарей.

Это близкие, объединяемые филологией, научно-прикладные дисциплины, которые взаимодействуют, создавая **метаязыки**

для описания словарных единиц, но одновременно обогащают друг друга: лексикография в направлении методики и технологии фиксации знания в словарной форме, макро- и микроструктуры словаря, т. е. в целом в **словаростроении** (термин Ю. Н. Караулова). Она более «филологична». Терминография взаимодействует в направлении **методологии презентации научного знания**, т. е. она более интегративна и межнаучна. А в целом они обогащают друг друга, создавая все новые и новые типы и жанры словарей и справочников.

В наши дни развитые государства имеют такое несметное богатство словарей разных типов^[12], что оно не может быть освоено пользователями без повышения лексикографической/терминографической культуры современного человека, что создает лингводидактические проблемы в обществе (см. статью Л. П. Крысина «Ода словарям» [Бобунова 2009: 5—6]).

Выявлен интересный факт социальной обусловленности предпочтения в какой-либо стране ТС определенного типа: так, США занимает первое место (23 % всего мирового объема) по одноязычным ТС и четвертое место по выпуску переводных ТС. Германия характеризуется сбалансированностью по этому параметру: 64 % одноязычных, 23 % — двуязычных и 13 % — многоязычных ТС. Во Франции преобладают одноязычные ТС по разным областям знания, но на первом месте — ТС по медицине [Марчук 2007: 191]. В Японии преобладают двуязычные ТС. В Китае — одноязычные по различным областям: машиностроения, робототехники, нефтехимии, биологии. В Индии — переводные двуязычные. В России бум выпуска ТС пришелся на конец 70-х гг. XX в., и издание данной литературы с тех пор не идет на спад: Россия занимает третье по объему выпуска ТС (после США и Германии) место, при этом из 300 предметных областей, существующих в мире, ТС охвачено большинство, центральное место занимают одноязычные, а в последнее время и двуязычные словари, на последнем месте — многоязычные ТС, т. е. ТС сбалансированы аналогично немецкой модели.

Распространение переводных ТС не только в развитых, но и в развивающихся странах (Камбоджа, Лаос, Корея и др.) вызвано тем, что, по данным ЮНЕСКО, за последние 30 лет объем переводов возрос на 600 % [Там же: 25].

Правда, в последние десятилетия развитие словарного дела идет противоречиво: существуют социокультурные факторы, которые приводят сегодня к «драматическому

отставанию специализированных лингвистических ресурсов, в частности, терминологических и переводных словарей» — сетуют некоторые лингвисты [Терминология и знание 2017: 194].

Важно отметить, что всю лексикографическую и терминографическую словарную продукцию следует рассматривать как своеобразный «ключ» доступа к информации.

В обществе, основанном на знании/информации, был осознан и изобретен еще один «ключ», делающий доступ к информации быстрым, доступным, наименее затратным по силам для пользователей — это **машинный (цифровой) формат представления знаний**, базирующийся на **электронно-вычислительных машинах** (ЭВМ и ЦВМ), который совершенствуется уже более 75 лет с каждым новым поколением ЭВМ^[13]. Но при всех изменениях исходят из двух принципиальных тезисов: 1) любые данные о языке могут быть представлены в лексикографической форме; 2) любые лексикографированные данные о языке могут быть переведены в алгоритмизированную, машинную форму [Караулов 1986; Марчук 2007: 28].

Теоретическую основу для компьютерных (электронных) словарей формируют **компьютерные лексикография и терминография**, а также **компьютерная лингвистика**, изучающая лингвистические основы информатики [Марчук 2007: 36], о чем выше уже шла речь при характеристике «союза» **информатики и языкознания**. Разумеется, создание электронного словаря требует включения всего теоретического арсенала современной **лингвистики и терминоведения**.

На этой теоретической базе (В. М. Андрущенко, Г. Г. Белоногов, А. Варга, А. Л. Васильев, А. С. Герд, Б. Ю. Городецкий, С. В. Гринёв, А. П. Ершов, О. В. Зайцева, Р. Ю. Кобрин, М. М. Лесохин, Ю. Н. Марчук, И. Г. Самбулова, А. Я. Шайкевич и др.) произошло резкое расширение теории и практики лексикографии [Бобунова 2009; Дубичинский 2009] и терминографии [Дубичинский 2009; Герд 2011; Комарова 1991] текущего века за счет **электронных словарей**, которых уже в первом десятилетии текущего века было более 600 типов для 40 языков мира [Дубичинский 2009: 150]. Выделились следующие основные типы: 1) **информационно-поисковые тезаурусы** (ИПТ), которые, используя информационно-поисковые языки (ИПЯ), обслуживают информационно-поисковые системы (ИПС); 2) **базы данных (БД)**; 3) **терминологические базы данных (ТБД)**; 4) **базы знаний (БЗ)**; 5) **терминологические базы знаний (ТБЗ)**;

6) **машинные фонды**; 7) **машинные корпуса** и др.^[14]

Главное в том, что названные и неназванные типы машинных словарей созданы по новой технологии словарного дела [Марчук 2007], а потому являются связующим звеном между **словарным делом** и **информационными системами** [Герд 2005: 149, 187; Гринёв-Гриневиц 2008: 248—253].

Особый теоретико-практический интерес представляет активно разрабатывающиеся в разных странах **электронные корпуса текстов (исследовательские и иллюстративные)** [Баранов 2001: 112—137], **машинные фонды национальных языков**. Назначение **корпуса текстов** — показать функционирование лингвистических единиц на большом «живом» материале и в их естественном окружении — **контексте**.

Основная особенность **языковых корпусов** — «размеченность», т. е. наличие в текстах специальных меток, описывающих как сами тексты, так и их единицы, относящиеся к разным языковым уровням. Интересный опыт работы над «Национальным корпусом русского языка» описывает А. С. Герд в разделе под говорящим названием «**Национальный корпус — проект с открытым концом**» [Герд 2005: 241—247].

Развитие **корпусной лингвистики** сулит данному направлению статус одного из магистральных в лингвистике текущего века [Комарова 2013: 651—653], но одновременно высвечивает множество новых проблем.

Обозначим перспективные направления лексикографии и терминографии:

- совершенствование методологии, методики и технологии проектирования, составления и эффективного использования словарей разных типов для различных целей;
- развитие параметрической лексикографии и терминографии;
- углубление проблематики теории лексикографии и терминографии;
- утверждение новых научных парадигм, интегрированных лексикографией и терминографией;
- создание объектно-филиационной модели современной лексикографии и терминографии;
- совершенствование существующих типов и жанров словарей;
- создание новых типов словарей на основе новых принципов и задач, которые поставит время;
- информатизация и компьютеризация словарного дела для ускорения создания словаря и облегчения труда лексикографов/терминографов.

Компьютерная терминография продолжит развиваться по двум основным направлениям: во-первых, создание печатных словарей на основе компьютерной технологии и, во-вторых, создание электронных словарей, существующих только на магнитных носителях или в памяти компьютера. Образцы таких онлайн-словарей уже существуют, например, «*Электронный словарь-справочник русского языка системы ASIS*» В. Н. Тришина, который представляет собой свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами (объемом около 1 306 000 слов), т. е. *многофункциональный словарь* с большими поисковыми возможностями, который может быть надежной базой для различных исследований (они в компьютерной терминографии преобладают в силу гибридности научного знания). Не случайно в 2005 г. В. Н. Тришин за создание такого словаря был награжден знаком «Почетный орден Владимира Даля „Честь. Благие дела. Слава“» [Бобунова 2009: 185].

Важно отметить, что настоящее время — это переходный период от печатного («бумажного») словаря к *электронному* во всех странах, но лидирует *электронная* (ранее называвшаяся *кибернетической*) терминография в Англии (О. М. Карпова, Н. Н. Белозёрова, В. Д. Табанакова, Л. Е. Чуфистова и др.) в начале текущего века; это началось, когда появились прототипы современных электронных словарей — словари на компакт-дисках и так называемые «справочные ресурсы в Интернете», в которых закладывалась стратегия информационного поиска [Терминология и знание 2017: 251].

Можно назвать следующие отличительные характеристики *электронных словарей*: интегрирование типологических параметров традиционных словарей; скорость; доступность; подробное морфологическое обоснование; метасемантика; широта описания; данные о частотности; система ссылок и гиперссылок; большой объем; мультимедийность; возможность постоянного обновления [Там же: 258].

Отметим, что эти особенности, которые дает электронный формат словарной продукции, носят общий характер и свойственны всем электронным словарям. В этом их преимущества над «бумажными» словарями.

Не имея возможности проиллюстрировать уже существующее «море» электронных словарей, укажем электронный ресурс «*Обзор и сравнение коллекций электронных словарей*» [Диконов 2002].

При этом одни исследователи полагают, что «именно компьютеризация словарного

труда во многом определяет будущее лицо лексикографии. Благодаря компьютерной обработке лексикографических данных продолжится стремительное развитие словарной деятельности, и, возможно, XXI век мы по праву назовем *Золотым веком лексикографии*» (читаем: и терминографии) [Дубичинский 2009: 375].

Другие исследователи испытывают оптимизм в связи с «такими важными направлениями научных исследований, как инженерия знаний, теория познания, разработка новых поколений компьютерных систем и систем искусственного интеллекта, развитие творческих способностей человека и прогнозирование развития цивилизации» [Гринёв-Гриневич 2008: 291].

Характеризуя новейший период развития *лексикографии* и *терминографии* (первые десятилетия текущего века), нельзя не остановиться на формировании нового направления на стыке этих двух дисциплин — **социально ориентированной терминографии** [Терминология и знание 2017: 232], которая обусловлена спецификой социокультурной ситуации в обществе — резко возросшей интеллектуализацией и стремлением общества к расширению научно-популярного знания, т. е. знания терминов с частичной детерминализацией, из следующих социально значимых областей: названия отраслей наук и отраслей знания, общественно-политические термины, термины информатики, искусства, юридические, финансово-экономические.

Как результат, в ряде стран создаются словари особого типа, ориентированные на широкие круги населения, которые содержат так называемое, по Дж. Мокиру, **полезное знание** [Мокир 2004], вербализованное частично детерминализованными терминами.

Таким является «*Словарь специальной лексики русского языка*» (под ред. А. С. Герда и У. В. Буторовой) [Словарь специальной лексики русского языка 2014], в котором представлены специальные единицы 43 областей знания. Составители словаря во Введении предупреждают пользователей о том, что «словарь не может заменить отраслевые терминологические словари и энциклопедии» [Словарь специальной лексики русского языка 2014: 6], т. е. основные типы ТС.

В заключение можно отметить две тенденции, определяющие современное состояние терминографии: 1) появление словаря связано с закреплением новой отрасли знания в качестве научной и/или учебной дисциплины; 2) появление словаря связано с выделением новой предметной области как самостоятельной [Терминология и зна-

ние 2017: 243, 247], т. е. *научноведческую* ориентацию, что не характерно для лексикографии.

Напротив, два новых типа словаря, появившиеся в лексикографии, — *демонстрационные* словари и *экспериментальные* словари [Бобунова 2009: 3], видимо, невозможны в терминографии.

Итак, проведенный анализ взаимодействия и взаиморегулирования общества и науки (с постулированием первоочередности социокультурной специфики современного общества, с отталкиванием от которой ведется исследование) позволяет обобщить полученные результаты и наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения.

1. Формирование современного общества, основанного на знаниях/информации, предполагает проявление не только позитивных, но и негативных последствий, из которых господствующими оказываются *информационные вызовы*. Они неизбежно носят *вербальный характер* в силу вербальной (в основном) природы самой информации, а конкретнее — *лингвотерминологический*, обуславливающий так называемый *мировой лингвистический процесс*, заключающийся в таком языковом планировании (строительстве), которое направлено на преодоление этого вербально-информационного кризиса.

2. Для преодоления лингвотерминологического кризиса были осмыслены два основных пути: оптимизация естественных коммуникативных систем (общеязыковых и специальных) и создание искусственных языков. Реализация этих глобальных задач привела к формированию в обществе новой языковой ситуации: *естественно-искусственного двуязычия*, при котором возникает социальный заказ прежде всего на информационные языки и подязыки и на лексикографическую/терминографическую форму презентации общеязыковой и научной информации.

3. В условиях информационно-технологической цивилизации, в лоне этой общественной формации были осмыслены и реализованы два основных материальных (лингвотерминологических) средства решения проблем языкового планирования (строительства): 1) *словарная форма* как высшая форма фиксации обобщенной компрессированной информации, реализуемая в словарной продукции, и 2) *машинная (цифровая) форма* представления такой информации, базирующейся на ЭВМ и ЦВМ, манифестированная в *электронных словарях*. Эти два формата представления знаний дают возможность создавать «хранилища, сокровищницы» языкового знания, способные передавать его в пространстве и времени.

4. В лингвистике и терминоведении третьего тысячелетия в рассматриваемом аспекте приоритетной для решения в будущем является проблема, которую можно сформулировать так: *типы знания и их вербализация в естественных и искусственных языках*, в частности в связи с совершенствованием форм представления знаний: *формально-логических, кластерных, статистических, алгебраических, тезаурусных, фреймовых* и других, пока не найденных. Итак, первостепенная проблема — модификация старых и создание новых *лингвотерминологических ресурсов*, необходимых для культурно-духовной коммуникации и обеспечения обогащения *социально-языковой памяти* человеческого сообщества.

5. Синтез идей: 1) планетарности научной мысли; 2) концептуальной интеграции (на «перекрестке» когниции и коммуникации); 3) знаковости (на нашей планете); 4) информативности, которая всеохватна и вездесуща, — в современном человеческом сообществе рождает и формирует еще один «ключ» к знанию, который предлагаем обозначить как *информационная форма*, имеющая *знаковую природу*, по преимуществу — *вербальную (естественно-искусственную)*, вбирающую *словарную и цифровую словарную формы* презентации знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Учитывая инвариантные признаки, которые содержатся во множестве дефиниций научного концепта *общество*, в работе используем две интерпретации: 1) в широком социологическом смысле *общество* — это мировое сообщество, или мировая система, подразумевающая все человечество как единое целое; 2) в узком смысле *общество* — это сложная социальная система, целостное образование, основным элементом которого являются люди с их связями, взаимодействием и отношениями; как исторический этап — определенная форма общественного развития или конкретное общество в рамках одной страны, одного государства.

[2]. Термин *информационное общество* ввел профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши для тех стран, в которых 60—80 % рабочей силы прямо или косвенно связаны с созданием, обработкой и передачей информации [Кравченко 2009: 178].

[3]. Термин *информатика* (informatique) появился в 1964 г. во Франции как гибрид понятий *информация* и *автоматика* [Юзвизин 2000: 51] и был принят во многих странах, в том числе и в России, для обозначения области, связанной с «*вычислительной техникой*». К началу XXI в., пройдя пять этапов эволюции [Комарова, Краев 2008: 54—59], понятие было осмыслено как

междисциплинарная наука, изучающая закономерности получения, хранения, преобразования, передачи и использования информации с применением современных технических средств [Комарова, Краев 2008: 59; Марчук 2007: 13]. Исходя из этого, концептосфера современной информатики включает свыше 30 концептуальных областей [Комарова, Краев 2008: 66—72], что способствует расширению и углублению «союза» информатики и языкознания [Андрющенко, Караулов 1987].

[4]. Любопытно, что специалисты по искусственному интеллекту различают терминированные понятия *информация* и *знание*, но чисто прагматически: *информация* — широкое пространство сведений о данном предмете в информационно-поисковой системе, тогда как *знание* — то, что в данный момент нужно пользователю в ответ на его запрос [Марчук 2007].

[5]. Подготовительный этап развития терминоведения был чрезвычайно длительным: он начался с зарождения *специальной лексики* в дородовой период развития человечества, что в археологической периодизации соответствует эпохе каменного века — *палеолиту* (от 5,5 млн лет до 14 тысяч лет назад) [Гринёв-Гриневиц 2008: 94].

[6]. Сравним: *язык* и *знание* в когнитивной лингвистике и «*Терминология и знание*» — название проблематики международных симпозиумов, которые регулярно проводятся в наши дни Терминологическим центром Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Терминология и знание 2017: 6].

[7]. Термин *коммуникация* появился в научной литературе в начале XX в. В широком смысле под *коммуникацией* понимается процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию.

В узком смысле существуют три основные интерпретации, которые не используются в данной работе [Шарков 2009: 269—270].

[8]. Существуют два подхода к понимаемой *научной коммуникации*: 1) в узком смысле *научная коммуникация* — это коммуникация исследователей в рамках научного сообщества в целях производства, развития и применения научного знания, обмена научной информацией (синоним: *специальная коммуникация*); 2) в широком смысле синонимизируются *научная* и *профессиональная* коммуникации: «Под *профессиональной коммуникацией* мы понимаем коммуникацию в рамках профессиональной сферы между представителями родственных профессий» [Голованова 2011: 68]. Мы придерживаемся первого понимания.

[9]. Под *оптимизацией* понимается такое описание (модель) проблемной области, при которой эта область в результирующем представлении сохраняет только свойства, необходимые

для данной практической задачи [Баранов 2001: 10]. С. В. Гринёв-Гриневиц в близком значении этот процесс именует *языковым регулированием*.

[10]. Дисциплинарно-методологическая структура современной макролингвистики насчитывает свыше 100 лингвистических наук [Комарова 2013: 350—364].

[11]. Сравним определение *языка художественной литературы*, которую дает Ю. С. Степанов в ЛЭС: **Я. х. л.** — «это язык, на котором создаются художественные произведения» [Лингвистический энциклопедический словарь: 608].

[12]. По нашим данным, к началу 90-х гг. XX в. только сельскохозяйственная терминология насчитывала 1500 ТС [Комарова 1991: 76], типология которых чрезвычайно богата [Там же: 73—76]. По данным информационного международного центра «Инфотерм», к середине 80-х гг. XX в. было уже свыше 11 тысяч типов ТС [Там же: 74].

[13]. Краткие сведения о смене поколений ЭВМ, обусловившей эволюцию терминов *информатика* и *информация*, даны в нашей монографии [Комарова, Краев 2008: 57—58].

[14]. В. М. Лейчик считает, что все ТБД и ТБЗ необходимо рассматривать как «развитие терминологических словарей в сторону автоматизации поиска упорядоченной терминологической информации» [Лейчик 2006: 214], а *корпусы национальных языков* — это «текстовые собрания» [Там же: 215], «хранилища» социальной памяти сообщества людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. — М.: Владос, 1994. 336 с.
2. Андрющенко В. М., Караулов Ю. Н. Союз информатики и языкознания // Язык и логическая теория: сб. науч. тр. — М.: Центр. Совет по филос. и метод. при президиуме АН СССР, 1987. С. 5—13.
3. Бабосов Е. М. Социология науки. — Минск: Харвест, 2009. 224 с.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. 300 с.
5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе: пер. с англ. — М., 1986. С. 330—342.
6. Бобунова М. А. Русская лексикография XXI века: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2009. 200 с.
7. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: моногр. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 283 с.
8. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале средств массовой информации). — М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.
9. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). — М.: Высшая школа, 1986 (2008). 280 с.
10. Герд А. С. Прикладная лингвистика. — СПб.: СПбГУ, 2005. 268 с.
11. Герд А. С. Введение в изучение языков для специальных целей: учеб. пособие. — СПб.: СПбГУ, 2011. 60 с.
12. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2011. 224 с.
13. Горелов А. А. Концепции современного естествознания: учеб. пособие. — М.: Академия, 2010. 512 с.
14. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминология // Терминоведение: учеб. пособие. — М.: Академия, 2008. С. 218—234.

15. Диконов В. Г. Обзор и сравнение коллекций электронных словарей. 2002. URL: <http://www.ets.ru/arc15-r.htm>.
16. Дубичинский В. В. Терминография и стандарты // Лексикография русского языка : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009. С. 147—167.
17. Ершов А. П. Машинный фонд русского языка: внешняя постановка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М. : Наука, 1986. С. 7—12.
18. Звезгинцев В. А. Современная лингвистика — ее теоретические и практические задачи // Мысли о лингвистике. — М. : КомКнига, 1996. 336 с.
19. Зубов А. В., Зубова И. И. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие. — М. : Академия, 2004. С. 146—175.
20. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. — М. : Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
21. Канке В. А. Философия науки: краткий энцикл. слов. — М. : Омега-Л, 2008. 328 с.
22. Караулов Ю. Н. Методология лингвистического исследования и машинный фонд русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М. : Наука, 1986. С. 13—25.
23. Кибрик А. Е. Очерки по прикладным и общим вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). — М. : Эдиториал УРСС, 2002. 336 с.
24. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание : моногр. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. 156 с.
25. Комарова З. И., Краев С. В. Лингвистика и информатика // Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование : моногр. — Екатеринбург : Урал. литературное агентство, 2008. С. 50—59.
26. Комарова З. И., Хасаншина Г. В. Наука — лингвистика — знание — информация // Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подязыке : моногр. — Екатеринбург : Изд-во ИМС, 2009. С. 19—22.
27. Комарова З. И., Дедюхина А. С. Категория как формат знания в когнитивной лингвистике, когнитивном терминоведении и философии науки: история и современность // Термінологічний вісник. — Киев : ІУМ НАНУ, 2011. № 1. С. 28—46.
28. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2013. 820 с.
29. Комарова З. И. Когда и почему возникла терминография как научно-прикладная дисциплина? // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : сб. науч. работ. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2016. Ч. 3. С. 90—107.
30. Комарова З. И. Современная русская терминография: проблемы и тенденции развития // Славянское терминоведение конца XX — начала XXI веков : коллектив. моногр. — Сербия, Белград : Изд-во ТК Междунар. комитета славистики, 2017 (глава в печати).
31. Кравченко А. В. Классификация знаков и проблема связи языка и знания // Вопр. языкознания. — М., 1999. № 6. С. 3—12.
32. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. — М. : Проспект, 2009. 352 с.
33. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : МГУ, 1996. 196 с.
34. Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики : моногр. — М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. 207 с.
35. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура : моногр. — М. : КомКнига, 2006. 256 с.
36. Лингвистический энциклопедический словарь = ЛЭС / гл. ред. В. В. Ярцева. — М. : Большая Российская энцикл., 1990 (2002). 685 с.
37. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика : учеб. пособие. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 317 с.
38. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие. — М. : Академия, 2008. 272 с.
39. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М. : Прогресс, 2006. 796 с.
40. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций : учеб. пособие. — М. : Академия, 2004. 432 с.
41. Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы / пер. с англ. // Энциклопедический вестн. Ростов. гос. ун-та. 2004. Т. 2. № 1. С. 10—37.
42. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. — Томск ; М. : Водолей Publishers, 2003. 368 с.
43. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М. : Наука, 1977. 269 с.
44. Нелюбин Л. Л. Компьютерная лингвистика и машинный перевод. — М. : ВЦП, 1991. 152 с.
45. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. — М. : Наука, 1987 (2010). 146 с.
46. Николаева Т. М. От звука к тексту (Язык. Семиотика. Культура). — М. : Языки славянской культуры, 2000. 680 с.
47. Парадигмы научного знания в современной лингвистике. — М. : РАН ИНИОН, 2006. 239 с.
48. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. — М. : Радио и связь, 1997. 527 с.
49. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы терминологии. — М. : Наука, 1986. С. 163—198.
50. Словарь специальной лексики русского языка / А. С. Герд, У. В. Буторова [и др.]. — СПб. : Русская коллекция, 2014. 255 с.
51. Татаринов В. А. Общее терминоведение : энцикл. слов. — М. : Московский лицей, 2006. 528 с.
52. Терминология и знание : материалы 5-го Междунар. симпозиума. — М. : Принт Про, 2017. 367 с.
53. Урсул А. Д. Проблема информатизации в современной науке. — М. : Наука, 1985. 136 с.
54. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы : пер. с англ. — М. : Весь мир, 2003. 232 с.
55. Хайдеггер М. Бытие и время : пер. с нем. — М. : Академический проект, 2011. 605 с.
56. Черный А. И., Гиляровский Р. С. О сущности информации // Науч.-техн. информация. 2002. Сер. 1. С. 35—37.
57. Шарков Ф. И. Коммуникология : энцикл. слов.-справочник. — М. : Дашков и К°, 2009. 768 с.
58. Энгельгардт В. А. Интегрализм — путь от простого к сложному // Наука и жизнь. 1991. № 5. С. 5—13.
59. Юзвишин И. И. Основы информатиологии. — М. : Информациология, 2000. 744 с.
60. Язык и наука конца XX века : сб. ст. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т ; Ин-т языкознания РАН, 1995. 345 с.
61. Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. — М. : Просвещение, 1991. 527 с.

Z. I. Komarova
Ekaterinburg, Russia

INFORMATION CHALLENGES OF MODERN SOCIETY: LINGUO-TERMINOLOGICAL STUDIES AND TERMINOGRAPHY

ABSTRACT. This article is devoted to the interdisciplinary problem of interdependence and mutual adjustment of the sociocultural specifics of modern society and linguo-terminological and terminographic processes. The imperative of modern information and technological civilization is the formation of a post-non-classical open society based on knowledge / information. That is why the most important challenges to such a society are cardinal information challenges. It is established that in the conditions of post-non-classical science, a socio-technical-innovation-scientific-cultural supercomplex was formed, which conditioned a new vector of sciences: from semiotics as the basic science (the concept of a sign is recognized in any science) to linguistics / terminology (as a means of coding and decoding any type of knowledge), and then → logics → mathematics → physics → chemistry → geology → biology → social sciences → technical sciences,

which makes it possible to determine the most important subject areas and establish priorities for types of "pure" knowledge / information and dominant hybrid synthesized knowledge. The priority is given to the linguo-terminological and terminographic information processes that determine the "boost" of scientific and technical information and the danger of a scientific and information crisis if the growth of special information becomes unmanageable. It is revealed that in the new language situation (natural-artificial bilingualism) there is a social order for information languages and sublanguages and a lexicographic / terminographic form of presentation of terminological information, which led to the formation of socially-oriented terminography.

KEYWORDS: information society; information challenge; information language; terminography; terminographic process; socially important terminography; term study.

ABOUT THE AUTHOR: Komarova Zoya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor (Foreign Languages Department at the Institute of Humanitarian Sciences and Arts of the Ural Federal University named in the first Russian President Boris Yeltsin), Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Abdeev R. F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii*. — M.: Vldos, 1994. 336 s.
2. Andryushchenko V. M., Karaulov Yu. N. *Soyuz informatiki i yazykoznaneya // Yazyk i logicheskaya teoriya*: sb. nauch. tr. — M.: Tsentr. Sovet po filos. i metod. pri prezidiume AN SSSR, 1987. S. 5—13.
3. Babosov E. M. *Sotsiologiya nauki*. — Minsk: Kharvest, 2009. 224 s.
4. Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku*: ucheb. posobie. — M.: Editorial URSS, 2001. 300 s.
5. Bell D. *Sotsial'nye ramki informatsionnogo obshchestva // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*: per. s angl. — M., 1986. S. 330—342.
6. Bobunova M. A. *Russkaya leksikografiya XXI veka*: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2009. 200 s.
7. Buyanova L. Yu. *Terminologicheskaya derivatsiya v yazyke nauki: kognitivnost', semiotichnost', funktsional'nost'*: monogr. — Stavropol': Izd-vo SGU, 2010. 283 s.
8. Volodina M. N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale sredstv massovoy informatsii)*. — M.: Izd-vo MGU, 2000. 128 s.
9. Gvishiani N. B. *Yazyk nauchnogo obshcheniya (voprosy metodologii)*. — M.: Vysshaya shkola, 1986 (2008). 280 s.
10. Gerd A. S. *Prikladnaya lingvistika*. — SPb.: SPbGU, 2005. 268 s.
11. Gerd A. S. *Vvedenie v izucheniye yazykov dlya spetsial'nykh tseley*: ucheb. posobie. — SPb.: SPbGU, 2011. 60 s.
12. Golovanova E. I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedeniye*: ucheb. posobie. — M.: Flinta, 2011. 224 s.
13. Gorelov A. A. *Kontseptsii sovremennoogo estestvoznaniya*: ucheb. posobie. — M.: Akademiya, 2010. 512 s.
14. Grinev-Grinevich S. V. *Terminografiya // Terminovedeniye*: ucheb. posobie. — M.: Akademiya, 2008. S. 218—234.
15. Dikonov V. G. *Obzor i sravneniye kollektivy elektronnykh slovarey*. 2002. URL: <http://www.ets.ru/arc15-r.htm>.
16. Dubichinskiy V. V. *Terminografiya i standarty // Leksikografiya russkogo yazyka*: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2009. S. 147—167.
17. Ershov A. P. *Mashinnyy fond russkogo yazyka: vneshnyaya postanovka // Mashinnyy fond russkogo yazyka: idei i suzheniya*. — M.: Nauka, 1986. S. 7—12.
18. Zvegintsev V. A. *Sovremennaya lingvistika — ee teoreticheskie i prakticheskie zadachi // Mysli o lingvistike*. — M.: KomKniga, 1996. 336 s.
19. Zubov A. V., Zubova I. I. *Informatsionnye tekhnologii v lingvistike*: ucheb. posobie. — M.: Akademiya, 2004. S. 146—175.
20. Ivanov Vyach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu*. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 208 s.
21. Kanke V. A. *Filosofiya nauki: kratkiy entsikl. slov.* — M.: Omega-L, 2008. 328 s.
22. Karaulov Yu. N. *Metodologiya lingvisticheskogo issledovaniya i mashinnyy fond russkogo yazyka // Mashinnyy fond russkogo yazyka: idei i suzheniya*. — M.: Nauka, 1986. S. 13—25.
23. Kibrik A. E. *Ocherki po prikladnym i obshchim voprosam yazykoznaneya (universal'noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke)*. — M.: Editorial URSS, 2002. 336 s.
24. Komarova Z. I. *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoye opisanie*: monogr. — Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1991. 156 s.
25. Komarova Z. I., Kraev S. V. *Lingvistika i informatika // Yadernye sluzhebnye slova v russkom pod'yazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoye issledovaniye*: monogr. — Ekaterinburg: Ural. literaturnoye agentstvo, 2008. S. 50—59.
26. Komarova Z. I., Khasanshina G. V. *Nauka — lingvistika — znanie — informatsiya // Latinizirovannyi semanticheskii metayazyk v russkom agronomicheskom pod'yazyke*: monogr. — Ekaterinburg: Izd-vo IMS, 2009. S. 19—22.
27. Komarova Z. I., Dedyukhina A. S. *Kategoriya kak format znaniya v kognitivnoy lingvistike, kognitivnom terminovedenii i filosofii nauki: istoriya i sovremennost'* // *Terminologicheskii visnik*. — Kiev: IUM NANU, 2011. № 1. S. 28—46.
28. Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike*: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Flinta: Nauka, 2013. 820 s.
29. Komarova Z. I. *Kogda i pochemu voznikla terminografiya kak nauchno-prikladnaya distsiplina? // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*: sb. nauch. rabot. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2016. Ch. 3. S. 90—107.
30. Komarova Z. I. *Sovremennaya russkaya terminografiya: problemy i tendentsii razvitiya // Slavyanskoye terminovedeniye kontsa XX — nachala XXI vekov*: kollektiv. monogr. — Serbiya, Belgrad: Izd-vo TK Mezhdunar. komiteta slavistiki, 2017 (glava v pechati).
31. Kravchenko A. V. *Klassifikatsiya znakov i problema svyazi yazyka i znaniya // Vopr. yazykoznaneya*. — M., 1999. № 6. S. 3—12.
32. Kravchenko A. I. *Kratkiy sotsiologicheskii slovar'*. — M.: Prospekt, 2009. 352 s.
33. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E. S. Kubyakovoy*. — M.: MGU, 1996. 196 s.
34. Kuznetsov S. N. *Teoreticheskie osnovy interlingvistiki*: monogr. — M.: Izd-vo Un-ta druzhby narodov, 1987. 207 s.
35. Leychik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura*: monogr. — M.: KomKniga, 2006. 256 s.
36. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' = LES / gl. red. V. V. Yartseva*. — M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsikl., 1990 (2002). 685 s.
37. Marchuk Yu. N. *Komp'yuternaya lingvistika*: ucheb. posobie. — M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 317 s.
38. Maslova V. A. *Sovremennyye napravleniya v lingvistike*: ucheb. posobie. — M.: Akademiya, 2008. 272 s.
39. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. — M.: Progress, 2006. 796 s.
40. Mechkovskaya N. B. *Semiotika: yazyk. Priroda. Kul'tura*: kurs lektsiy: ucheb. posobie. — M.: Akademiya, 2004. 432 s.
41. Mokir Dzh. *Obshchestvo znaniya: teoreticheskie i istoricheskie osnovy / per. s angl. // Entsiklopedicheskii vestn. Rostov. gos. un-ta*. 2004. T. 2. № 1. S. 10—37.
42. Nalimov V. V. *Veroyatnostnaya model' yazyka: o sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov*. — Tomsk; M.: Vodoley Publishers, 2003. 368 s.
43. *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i funktsionirovaniye yazykov mira*. — M.: Nauka, 1977. 269 s.
44. Nelyubin L. L. *Komp'yuternaya lingvistika i mashinnyy perevod*. — M.: VTsP, 1991. 152 s.
45. Nikitina S. E. *Semanticheskii analiz yazyka nauki. Na materiale lingvistiki*. — M.: Nauka, 1987 (2010). 146 s.
46. Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu (Yazyk. Semiotika. Kul'tura)*. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 680 s.
47. *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike*. — M.: RAN INION, 2006. 239 s.
48. Potapova R. K. *Rech': kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika*. — M.: Radio i svyaz', 1997. 527 s.
49. *Reformatskiy A. A. Mysli o terminologii // Sovremennyye problemy terminologii*. — M.: Nauka, 1986. S. 163—198.

50. Slovar' spetsial'noy leksiki russkogo yazyka / A. S. Gerd, U. V. Butorova [i dr.]. — SPb. : Russkaya kolleksiya, 2014. 255 s.
51. Tatarinov V. A. Obshchee terminovedenie : entsikl. slov. — M. : Moskovskiy litsey, 2006. 528 s.
52. Terminologiya i znanie : materialy 5-go Mezhdunar. simpoziuma. — M. : Print Pro, 2017. 367 s.
53. Ursul A. D. Problema informatizatsii v sovremennoy nauke. — M. : Nauka, 1985. 136 s.
54. Formirovanie obshchestva, osnovannogo na znaniyakh. Novye zadachi vysshey shkoly : per. s angl. — M. : Ves' mir, 2003. 232 s.
55. Khaydegger M. Bytie i vremena : per. s nem. — M. : Akademicheskii proekt, 2011. 605 s.
56. Chernyy A. I., Gilyarovskiy R. S. O sushchnosti informat-sii // Nauch.-tekh. informatsiya. 2002. Ser. 1. S. 35—37.
57. Sharkov F. I. Kommunikologiya : entsikl. slov.-spravochnik. — M. : Dashkov i K^o, 2009. 768 s.
58. Engel'gardt V. A. Integritizm — put' ot prostogo k slozhnomu // Nauka i zhizn'. 1991. № 5. S. 5—13.
59. Yuzvishin I. I. Osnovy informatsiologii. — M. : Informatsiologiya, 2000. 744 s.
60. Yazyk i nauka kontsa KhKh veka : sb. st. — M. : Ros. gos. gumanitar. un-t ; In-t yazykoznaniiya RAN, 1995. 345 s.
61. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii : per. s nem. — M. : Prosveshchenie, 1991. 527 s.

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

ОКтябрьская революция: словарные толкования и аксиологические суждения на шкале времени

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются лексикографические данные и аксиологические суждения об Октябрьской революции. Цель анализа — выявление сдвигов в картине мира, обусловленных меняющимся отношением россиян к «Октябрю-событию». Доказано, что стандартный характер толкований идеологом «революция», «коммунизм», использование идеологически «сильных» контекстов в словарях советской эпохи подчинено установке «марксизм-ленинизм учит». Идеологически выверенная трактовка социалистической революции поддерживала закрепившуюся в картине мира модель времени: секвестрированная ретроспекция; продленное актуальное настоящее, включенное в революционную эпоху; коммунистическое будущее. Выявлен набор концептуально значимых признаков: историческая закономерность революции, классовый характер, насильственное свержение отжившего государственного строя, созидательные перспективы. Обозначены механизмы сакрализации системообразующей идеологии «революция». Отмечено, что в словарях новейшего времени отсутствуют идеологические «добавки», поддерживающие ленинскую доктрину революции. Лексема «коммунизм» толкуется как мифологема. Для специального анализа были использованы материалы проекта «Областной газеты» (Екатеринбург, февраль — август 2017) «100 монологов о революции». Каждый монолог представляет собой развернутое аксиологическое суждение. В совокупности данные суждения рассмотрены как свертхтекст, объединенный темой революции, хронотопом, образом автора, реализующего стратегическую установку, связанную с осмыслением феномена русской революции. Особое внимание уделено лингвоаксиологическому исследованию тематических блоков «Социальные преобразования», «Индустриализация», «Вера», «Жертвы революции». Установлено, что сдвиги в картине мира россиян обусловлены затуханием идеологем классовости, исторической неизбежности революции и революционного насилия, завершением процесса восстановления эволюционной модели реального времени при отсутствии целостного представления о будущем страны. Коллективное осмысление революции развивается в направлении от идеи к понятию на основе человекоцентризма и интегрирующей функции вневременных ценностей справедливости, духовности, сострадания, свободы выбора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологические суждения; базовые ценности; идеологемы; политическая идеология; языковая картина мира; модели времени; Октябрьская революция; лексикография.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Столетний юбилей русской революции активизировал многочисленные попытки осмысления уроков Октября. Ярко проявляется стремление носителей постсоветской лингвокультуры сформировать независимый взгляд на события 1917 года. В то же время как в индивидуальных, так и в групповых суждениях обнаруживается непреодолимое влияние советских идеологических стереотипов, речевое тиражирование которых находилось в ведении государственных институтов.

Официальная советская идеология сформировала «дисциплинированное мышление» [Клемперер 1998: 243], предполагающее «правильное» понимание идеологем, составляющих специфику языка революционной эпохи [См.: Селищев 1928]. Ядро поля идеологем — ключевое слово *революция* (далее также *р.*), маркирующее «Октябрь-событие» [Купина 2015: 74—78; Пантин 1993: 20 и др.]. «Октябрь-событие» определяет «хронотопическую» специфику советской картины мира, включающую «как пространственный, так и временной момент» [Бахтин 1994: 16]. **Секвестрированная ретроспекция: дореволюционное время**, погруженное в пространство царской России, характеризующееся социальным неравенством, классовыми противоречиями, экс-

плуатацией труда рабочих и крестьян. **Продленное актуальное настоящее: революционная эпоха** интенсивного строительства социализма в Советской стране и других странах. **Коммунистическое будущее** в масштабах планеты: формирование бесклассового общества всеобщего равенства и благоденствия.

Употребление слова *революция* в речи сопровождалось регулярными идеологическими «добавками» масштабности, исключительности, героизма, всепоглощающей преданности идее, жертвенности, справедливости, победоносности, ликования. «Октябрь-событие» сакрализуется. Последнему способствует не только агитация и пропаганда, но и важное для русской литературоцентрической культуры направление революционного романтизма, охватившее поэзию, прозу, драматургию, а также живопись и киноискусство. В течение всех лет существования СССР слово *революция* функционировало как интегрема, обеспечивающая «интенсивность переживаемого чувства общности» [Гаспаров 2014: 16].

«Единственно верная» марксистско-ленинская трактовка *социалистической революции*, в отличие от революции *буржуазной*, представлена в словарях и справочных изданиях. Используем в качестве типового

источника многократно переиздававшийся однотомный «Философский словарь» под редакцией И. Т. Фролова. Идеи закономерности, исторической необходимости революции, неизбежности изменения общественно-политического строя казуируют употребление в словарной статье экспрессивных глаголов, значения которых содержат семы разрушения, уничтожения: *ломать, уничтожать, расчищать, ликвидировать, искоренять, ниспровергнуть* [Философский словарь 1987: 407—408]. Социалистическая революция признается «высшим типом революции», «высшей формой борьбы классов» [Там же: 408]. Исторически назревшие преобразования осуществляют «передовые классы», которые «должны ниспровергнуть существующий государственный строй» [Там же] и взять власть в свои руки. Аксиологический орнамент конструируется на базе прилагательных *новый, передовой, прогрессивный, высший*. Прилагательное *Великая* становится постоянным атрибутивным сопроводителем сочетания *Октябрьская революция*. Противоречие заключается в том, что «широкие народные массы поднимаются к сознательной борьбе» [Там же], но движущей силой борьбы за социальную справедливость становится «революционной класс» (ср. устойчивое в языке советской эпохи сочетание *пролетарская р.*). Попутно отметим, что активное употребление экспрессивной лексики продиктовано идеологической ортологией, составляющей основу советской государственной «языковой и стилевой политики» [Григорьев 2007: 139], но противоречит нормам научного функционального стиля речи.

Заглавное словосочетание *революция социальная* толкуется как «коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового прогрессивного строя» [Философский словарь 1987: 407]. Выбор идентификатора *переворот* мотивируется латинским происхождением слова *революция*. Формулируется запрет: «Революции нельзя смешивать с так называемыми дворцовыми переворотами, путчами и т. п.» [Там же: 408]. Имплицитно данный запрет охватывает употребление сочетаний *большевистский переворот, Октябрьский переворот*. В сочетаниях типа *военный переворот (п.), государственный п., вооруженный п.* значение слова *переворот* приобретает отрицательную коннотацию и становится фразеологически связанным.

Трактовка *Октябрьской революции* включает ментально специфическую идею особой миссии России, получившую интерпре-

тацию в трудах русских мыслителей: «Миссия русского народа осознается как осуществление социальной правды... во всем мире» [Бердяев 1997: 374]. Идея планетарности мотивирует продленность реального послеоктябрьского времени: Великая Октябрьская социалистическая революция «предопределила неизбежность целой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе» [Философский словарь 1987: 408].

В анализируемом и других лексикографических изданиях советского периода, прошедших институциональный контроль, реализуется стереотипная дидактическая установка «марксизм-ленинизм учит», исключающая дискуссии о природе, сущности, следствиях Октябрьской революции. Незыблемыми остаются концептуально значимые дифференциальные признаки: историческая закономерность, неизбежность; классовый характер и активизация передового класса как движущей силы революционного процесса; насильственное свержение отжившего государственного строя и замена его строем справедливым, прогрессивным; построение коммунистического общества — вековой мечты человечества.

Идеологическая ортология внедряет в общественное сознание концепт идейности. «Преданность идеям марксизма-ленинизма», «бессмертным идеям Ленина» определяется как *высокая идейность* [Мокиенко, Никитина 1998: 224]. Прилагательное *идейный (у.)* маркирует проникнутое революционным учением мировоззрение (*у. воспитание, у. платформа; у. литература, у. искусство*) и сочетается с существительными лица (*у. человек, у. вождь, у. революционер, у. учитель*). «Строительство коммунизма особенно требует высокой идейности и понимания людьми своего долга» [Там же]. Человек идеи всеми силами приближает коммунистическое будущее. Сложившаяся лексическая сочетаемость зеркально отражает веру советских людей в коммунизм (*к.*): *бороться за к., верность идеям к., строительство к., путь к к., перерастание социализма в к.* [См.: Учебный словарь сочетаемости... 1978: 232].

Эффективность советской государственной идеологии определяется ее опорой на «русские искания целостного мирозерцания» [Бердяев 1997: 274]. Сформированную идеологической системой искреннюю веру в реальность коммунистического завтра можно объяснить целенаправленной «деформацией идей русского мессианства и универсализма, русского искания царства правды» [Там же: 381]. Ленинская доктрина социали-

стической революции основана на манипуляции вневременными базовыми национальными ценностями и осознании власти языка: «...его вдыхают и живут под его диктовку» [Клемперер 1998: 256].

Авторы-составители словарей русского языка советского периода объективно оценивали роль социальных факторов в жизни языка. В предисловии к первому советскому толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова находим замечание о влиянии на язык свершившейся революции: «Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов» [ТСУ 1935, т. 1: XII]. «Правильное» понимание значений и значимости ключевых слов революционной эпохи вообще и лексемы *революция* в частности обеспечивали использованные в словарной статье идеологически «сильные контексты» [Григорьев 2007: 139] — прежде всего высказывания Ленина, Сталина, извлечения из партийных документов [См.: Ильенко 2003]. Иллюстративный контекст, «информируя, обучает, ориентирует, формирует представления, установки, ценности, программирует стратегию деятельности и поведения» [Дридзе 1984: 136]. Например, идеологически «сильным», мобилизующим контекстом является догматическое высказывание Ленина, иллюстрирующее употребление заглавного слова *революция*: *Освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан* [ТСУ 1939, т. 3: 1311]. Модальность необходимости создает представление об исторической обусловленности революционного насилия, ориентирует воспринимающего на персональное участие в классовой борьбе, оправдывает стратегию разрушительной деятельности во имя освобождения, диктует безальтернативный аксиологический выбор.

В словарных толкованиях имеются семантические компоненты, определяющие специфику марксистско-ленинского понимания революции. Типовой идентификатор — слово *переворот*. Характерно, что в словарях синонимов лексемы *революция*, *переворот* не фиксируются [См.: Словарь синонимов русского языка 1971, т. 2]. В отдельных случаях отмечается синонимическое сближение вторичных значений: «*р.* | в какой-либо области знаний, техники и т. п. — *переворот*» [Александрова 1968: 467].

Идеологический фильтр прошло предложенное в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова толкование, которое полностью или частично калькируются последующими словарями: «*революция* (лат. *revolutio* — переворот) — переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу» [ТСУ 1939, т. 3: 1311]. Ср. словарную статью в пятнадцатом стереотипном издании словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1985: 599]: «*Революция* — коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передает власть в руки передового класса. *Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила капитализм в нашей стране*». В обоих случаях акцентируется классовый характер насильственного социального переворота, наличие передового класса, который берет в свои руки государственную власть.

Определяющая роль революции в истории отражена в следующей словарной статье, спроецированной на «Октябрь-эпоху»: «*Коммунизм* — общественная формация, идущая на смену капитализму, <...> состоящая из двух фаз: низшей (социализм) и высшей (полный коммунизм) <...>» [ТСУ 1935, т. 1: 1424]. Безотсылочная показательная иллюстрация является догматическим идеологическим суждением, утверждающим закономерность революции, неопределенность продолжения первой фазы коммунизма. Используется ставшее устойчивым сочетание *диктатура пролетариата: Переход от капитализма к коммунизму возможен только через пролетарскую революцию и длительную эпоху диктатуры пролетариата* [Там же].

Идеологема «революция» оказывается системообразующей: каузируя неизбежность насильственных разрушений во всех сферах жизни, она задает вектор общественного развития, структурирует коллективные ценностные предпочтения, определяющие участие всех и каждого в строительстве социализма и коммунизма. Сочетание *Великая Октябрьская социалистическая революция* становится устойчивым. Наряду с признаками исключительности и победоносности в значение данного сочетания включаются идеологически значимые компоненты руководящей роли партии и вождизма: «Первая в истории победоносная социалистическая революция, совершенная в 1917 году рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммуни-

стической партии во главе с В. И. Лениным» [Учебный словарь сочетаемости... 1978: 478]. Обращает на себя внимание трансформация семантической составляющей классовости: пролетарская революция интерпретируется как рабоче-крестьянская. Кроме того, партия *большевиков* [См.: Мокиенко, Никитина 1998: 420] именуется как *Коммунистическая*. Отмеченные сдвиги косвенно свидетельствуют о постепенном изменении механизмов формирования оценки события века в общественном сознании.

В словарях постсоветского периода отсутствуют идеологически и дидактически значимые компоненты, поддерживающие марксистско-ленинское понимание революции. Например: «*Революция* — коренное насильственное изменение в жизни общества, которое приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти» [ТСРЯ 2008: 823]. На первый план восприятия выдвигается социальный, но не классовый характер революции. Отсутствуют семантические компоненты закономерности, прогрессивности. В функции идентификатора используется лексема *изменение*. «Сильным контекстом» признается сочетание *Октябрьский переворот* [Там же: 624], а также сочетание *большевицкий переворот* [Ср.: АЛ 2006: 182]. Слово *коммунизм* толкуется как мифологема: «Провозглашаемая как возможная и идеальная общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа „От каждого

по способностям, каждому — по потребностям“» [ТСРЯ 2008: 354].

Зафиксированное лексикографами освобождение общественного сознания от вериг государственной советской идеологии породило «спектр оценок Октябрьской революции: от определения ее как национальной катастрофы, приведшей к значительным жертвам и установлению тоталитарной системы, до апологетических суждений о том, что революция была попыткой создания строя социальной справедливости» [НЭС 2001: 1269]. Приведенное извлечение из энциклопедического словаря косвенно свидетельствует об отсутствии нетенденциозной, собственно научной интерпретации русской революции. В этой связи особую значимость приобретают наблюдения и обобщения, основанные на реализации «метода опыта очевидности»: «Тот, кто... желает установить, что есть верное знание предмета, <...> должен осуществить и накопить обширный и разносторонний опыт очевидности» [Ильин 1994: 500—501; см. также: Сковородников 2016: 12—13]. Россиянами накоплен как коллективный, так и индивидуальный «опыт очевидности», позволяющий судить о революционной эпохе.

Для срезового анализа воспользуемся материалами проекта «ОГ» — «Областной газеты» (Екатеринбург, февраль — август 2017; см. рис.).

Опубликованные монологи, каждый из которых представляет собой развернутое аксиологическое суждение, в совокупности могут быть интерпретированы как особый свертхтекст [См.: Купина, Битенская 1994: 214—233], объединенный общей темой, образом автора, хронотопом.

Рис.

Ключевое тематическое слово — *революция*. Его употребление в свертхтексте не только поддерживает общую тему, но и задает ее проблемную разработку (здесь и далее извлечения из газетных публикаций передаются курсивом): *Революция — очень сложный процесс; Споры о революции не затихают до сих пор; Ради чего совершалась революция?* Тематически определенные нейтральные высказывания соседствуют с эмоционально-оценочными: *Русская революция — неудобная тема. Она, как рана, которую как ни тронь — все равно больно.* Именные оценочные предикаты характеризуют грандиозность свершившегося события: *В моем понимании революция как непосредственный процесс — это всегда трагедия; Революция — это величайшая катастрофа в истории России XX века.* Концептуализации [См.: Чудинов 2001: 36] тематической сферы, охватывающей революционную эпоху в целом, способствуют устойчивые образные параллели: *революция (р.) — (свежий) ветер, р. — вихрь, р. — порыв, р. — буря, р. — стихия.* Варианты тематической ключевой номинации: *Октябрьская р., Октябрь, Октябрь 17 года, Великая Октябрьская социалистическая р., Октябрьское восстание, Октябрьский переворот, (великая) русская р., российская р., наша р.* Хронологически отмеченные лексемы *Октябрь, Октябрьский(ая)* подтверждают непреходящую значимость «Октябрь-события».

Из сформировавшегося в языке советской эпохи словообразовательного гнезда с вершиной *революция*, включающего 39 дериватов [Тихонов 1985, т. 2: 27], в свертхтексте регулярно употребляются лишь прилагательные *революционный, дореволюционный*. Вектор отбора тематических слов можно объяснить не только наличием новоисторизмов (*ревком, реввоенсовет* и др.), но и постепенным освобождением современного языкового существования от идеологических ярлыков (*псевдореволюционер, контрреволюционный* и т. п.). Последнее подтверждает вывод социологов о «фантомах в общественной жизни», вызванных, в частности, «противоречиями между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития» [Тощенко 2015: 63]. «Феномен фантомов» используют в процессе языкового идеологического строительства, направленного на манипуляцию общественным сознанием. «Это особенно наглядно проявляется в лексике тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слово — во многом залог

победы» [Там же: 59] в борьбе с инакомыслием.

Специфика развития темы Октябрьской революции непосредственно связана с образом автора. На поставленный редакцией «Областной газеты» вопрос отвечают жители Урала, других регионов России, представители разных поколений и профессий. Вкрапления формирующих взгляд со стороны монологов иностранных граждан не нарушают целостности данной категории свертхтекста. Коллективный автор — носитель национальной лингвокультуры, использующий накопленный «опыт очевидности» для реализации единой стратегической установки, связанной с осмыслением уроков революции. Для коллективного автора характерна позиция «включенного Я», свидетельствующая о ментально специфическом сочетании «принципа личности с принципом общности» [Бердяев 1997: 279]. Внутри отдельного монолога органически сочетаются «Я-высказывания» и «Мы-высказывания»:

Конечно, последствия революции сказались на каждом из нас. Даже моя жизнь могла сложиться совершенно иначе <...> (С. Ежов, доцент УрФУ). *Нам, современникам, конечно, невозможно в полной мере оценить ту общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в России в 1917 году. Мы знаем о ней из газет той поры, книг, воспоминаний... Мой отец, например, ровесник Октябрьской революции <...> в детстве и юности он мне много рассказывал о своей жизни — и революция ему дала всё. <...> Нам же, живущим сегодня, надо очень хорошо знать свою историю, чтобы не совершать допущенных ранее ошибок* (А. Левин, председатель Свердловского творческого союза журналистов). *Мой дед <...> был расстрелян в подвале Тамбовского НКВД <...> Уже при моей жизни он был реабилитирован в годы горбачёвской оттепели... <...> Мы знаем о революционной романтике ниспровергателей прошлого и энтузиазме строителей коммунизма. <...> И всё-таки, на мой взгляд, уроком революции 1917 года является то, что нам не нужны более социальные потрясения* (В. Борзов, политолог). *Из того, что было утрачено, я выделяю веру. <...> Сегодня мы вновь возвращаемся к вековым канонам...* (А. Косинцев, депутат Екатеринбургской городской думы). *На мой взгляд, Россия в 1917 году потеряла естественный ход истории. <...> Сейчас мы вновь возвращаемся сильным игроком на мировую арену* (А. Русаков, директор Центра европейско-азиатских исследований, Екатеринбург). *Мы — поколение, которому тоже*

дано *стать очевидцем смены веков. И я очень рада, что сегодня <...> каждый <...> может почувствовать свою причастность к огромной силе под названием „государство“, потому что именно нам через 10—20 лет предстоит воплощать в жизнь планы и проекты развития России* (Н. Кошкина, студентка).

Субъект-лицо, осознавая свою принадлежность к узкому (например, семья), широкому (например, поколение) кругу «своих», отвечает на поставленные вопросы с общегражданских позиций. Стратегически обусловленное намерение, связанное с рациональным осмыслением заданной темы, как, в частности, показывают приведенные высказывания, проявляется в активном употреблении глаголов интеллектуальной деятельности (*знать, помнить, изучать, думать, обдумывать, осмысливать, понимать, рассмотреть* и др.), а также соответствующих именных производных. Во всех случаях наблюдается реализация независимой коллективной точки зрения, которая, однако, не может быть сиюминутной реакцией, а вырабатывается в процессе погруженных в историческое время размышлений:

Эти сто лет стали для нас серьезным уроком. Общественное мнение стало более мудрым и тонким, мы начали понимать ценность мирной жизни, семьи и ценность отдельного человека. А главное, пришли к пониманию того, что принцип разделения не исключает „соработничества“ с государством (В. Коротков, референт посла России во Франции). *Столетняя дискуссия о характере, смысле и значении российской революции 1917 года — это зримое свидетельство необходимости ее дальнейшего (непредвзятого и свободного от идеологических клише) изучения* (В. Каплюков, историк).

Аксиологические суждения, содержащие прямые оценки, позволяют судить о незавершенном процессе деидеологизации (десоветизации) общественного сознания. Присутствуют, но не являются типичными категорические оценки, исключаяющие возможность противоположной точки зрения. Например: *Мне крайне не нравится нынешнее отношение к советскому периоду. Люди „пляшут на костях“, прикрывая это желанием добиться правды. Но правда не всегда бывает красивой и легкой. И вкладывая силы в свой труд, люди верили, что их усилия окупятся сторицей* (В. Антипин, начальник производственного отдела Группы компаний «Уралстальконструкция»). В монологе В. Антипина выделяются только обретения: *Рывок в индустриальном развитии, перевооруже-*

ние всех отраслей народного хозяйства, культуры и быта стали возможными только благодаря Октябрьской революции.

Идеологема исключительности характерна для монологов, в которых превозносятся революционные достижения, но не фиксируются утраты. Реализуются идеологические стереотипы, получающие в контексте возвышенную окраску: *Появилась демократия, и народ с воодушевлением стал совершать трудовые подвиги. Началось строительство государства трудящихся, стали множиться фабрики и заводы. <...> Благодаря революции появился СССР, и наша страна стала промышленным гигантом. Были созданы современная армия, авиация и флот. Мы защитили нашу страну и весь мир от фашизма. Мы полетели в космос, совершили множество огромных прорывов. <...> Всё, что мы имеем, по большей части сделано руками рабочих и инженеров именно советского времени. Поэтому нам надо ценить и советское воспитание, и детсады, и пионерские лагеря, созданные еще при Сталине, и систему советского образования, благодаря которой у нас появились великие люди в разных сферах жизни* (И. Упоров, адвокат). Обретения революционной эпохи мотивируются разработкой эффективной идеологии: *Ради чего совершалась революция? В чем ее сила? В идеологии преобразований 1917 года лежали социальные и демократические принципы, отражающие интересы крестьян и рабочих, то есть большинства граждан. <...> Идеология позволила объединить многонациональные республики в одно целое сильное государство <...> Революция дала возможность советскому государству одержать победу над фашизмом — чумой XX века* (В. Потанин, директор Нижнетагильского технологического института — филиала УрФУ). Достижения, с апологетической точки зрения, делают существенными «отдельные недостатки»: *При всех обвинениях советской власти в тоталитаризме, номенклатуре и прочем советская социальная система была куда более демократичной не только в сравнении с царским режимом, но и в сравнении с постсоветским периодом и главными держателями демократических принципов — США* [Там же].

В отдельных суждениях обобщаются только утраты: *<...> Я считаю, что революция ничего хорошего не принесла. <...> Революция расколола нацию и уничтожила лучших людей. <...> Революция 1917 года — это большая, огромная ошибка* (Б. Шапиро, заслуженный деятель искусств РФ). В вос-

приятии последствий «Октября-события» ощущается катастрофизм, основанный прежде всего на неприятии насилия и гражданского противостояния: *Для меня Октябрьская революция является величайшей катастрофой начала XX века, самым страшным последствием которой стала Гражданская война. Российская Империя, некогда простиравшаяся от Польши и Финляндии до Камчатки, была расчленена, став полем боя между „красными“ и „белыми“.* <...> *И „красные“, и „белые“ были крайне жестоки на расправу с теми, кого считали инакомыслящими. И самое главное „наследие“ революции состоит в том, что после 1917 года Россия потеряла не земли, влияние или финансы, а миллионы людей, которые погибли в бессмысленной резне за передел власти в уничтоженной стране* (А. Горновский, студент).

Имплицитно формируется аксиома: «Насилие ничем оправдать нельзя». Ср.: <...> *когда речь идет об утратах России в ходе революции, для меня и моих коллег это прежде всего люди. Противостояние соотечественников — величайшая катастрофа России в XX веке. Сколько судеб, талантов, надежд переехало „красное колесо“... (И. Карпенко, участник российского проекта «Музей в революции / революция в музее», Санкт-Петербург).*

Еще раз подчеркнем, что односторонняя оценка Октябрьской революции не является ведущей. Сверхтекст в целом транслирует мысль о сложности и противоречивости поворотного события века: *Оглядываясь на сто лет назад, на события Октябрьской революции, ставшие историческим водоразделом, сложно делать однозначные выводы* (С. Метелёва, филолог). *Говорить о плюсах и минусах Октябрьской революции непросто — она двулика, как древний римский бог Янус. Причем многие плюсы и минусы двулики: в каждом сидят противоположности* (Б. Долинго, писатель-фантаст). *Я считаю, что любое историческое событие не следует оценивать как плохое или хорошее для страны, это нарушает принцип объективности восприятия* (Д. Бахтеев, преподаватель).

Принцип объективности, исключая идеологический максимализм, проявляется прежде всего в стремлении коллективного автора к тематической определенности, фактографичности, конкретности, в толерантном отношении к позициям противоборствующих сторон (неоднократно используется культурно-специфический стереотип «у каждого своя правда»). Аксиологические суждения конструируются в границах реального вре-

мени. Темпоральная модель (*раньше — теперь, сейчас*) включает давнопрошедшее время (*во времена Российской Империи*); актуальную ретроспекцию (*в советское время*); текущее настоящее. Представление о возможном коммунистическом будущем отсутствует: коммунизм трактуется как утопия: <...> *история показала, что проект Союза Советских Социалистических Республик оказался во многом утопичен, и построение коммунизма, невиданной доселе социально-экономической формации, тоже оказалось нежизнеспособным. В этом я вижу большую трагедию — и не только революционеров, но и их потомков — всей страны, которая поверила в их „правое дело“.* *Светлая футуристическая идея социального преобразования государственного строя спустя семь-восемь десятков лет оказалась нереализуемой... в том виде, в котором она задумывалась изначально* (С. Спиридонов, сотрудник Государственного музея политической истории России, Москва). *Попытка построить рай на земле под видом коммунистического общества потерпела фиаско* (В. Борзов, политолог).

Линейное время маркируется событиями, каждое из которых получает историческую оценку: <...> *сначала были события 1905 года, затем Февральская и Октябрьская революции 1917-го. Наверно, это было закономерно, потому что страна остро нуждалась в переменах. Ведь всего за полвека до этого в России отменили крепостное право, а по сути рабство.* <...> *Негативные последствия революции 1917 года преодолеть так быстро не удалось, тем более, что собственно революцией дело не ограничилось, испытания на нашу страну обрушивались одно за другим — Гражданская война, коллективизация, индустриализация. Наш народ всё это выдержал, а затем смог победить и в Великой Отечественной войне* (С. Щербинин, заслуженный тренер России, депутат городской думы Каменска-Уральского). *Великая Отечественная война и завоевание космоса неизменно осмысляются как исторически значимые события: Мы помним победу в Великой Отечественной войне и полет Юрия Гагарина в космос* (В. Борзов, политолог). Поворотное событие — распад СССР. Интерпретация последнего может сопровождаться идеологической тенденциозностью: *А кто виноват в развале СССР? Да, это была глобальная задача Запада* (В. Жириновский). Аксиологически значимой является константная идея связи времен, предполагающая не только продолжение традиций, но и осмысление современниками роковых ошибок прошлого:

Историю... важно ценить, беречь, какой бы она ни была. Сегодня возрождаются многие традиции, которые были заложены во времена царской России и имели для Урала большую ценность. Например, Ирбитская ярмарка или Правленский сад в поселке Билимбае. А в середине июля в Свердловской области традиционно проходят Царские дни, в которых с каждым годом принимает участие всё больше людей — паломников из России и зарубежных стран. Это люди, которые, как отметил в интервью митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, прониклись осознанием трагедии вековой давности, прониклись духом великой страны (Е. Чечунова, руководитель фракции «Единая Россия» в Законодательном собрании Свердловской области).

Современная эволюционная модель времени исключает секвестирование дореволюционного прошлого, стирание исторической памяти: *Революция — это скачок, который прерывает эволюционное развитие. Поэтому Россия потеряла прежде всего то, что было создано „до“: достижения промышленности, сложившийся класс крестьянства, традиции, династии в широком смысле слова, преемственность поколений, что в других странах служит прочным фундаментом развития, наконец — талантливых людей, чей успех вырос в прежних условиях (В. Осипов, писатель, член Уральского историко-родословного общества).* Целостное представление о будущем страны в сверткесте отсутствует.

Неизменно подчеркивается историческая значимость масштабных обретений, которые, однако, сопровождались невосполнимыми утратами: *<...> с точки зрения истории, Россия получила обновление, модернизацию, которые, безусловно, были необходимы стране. Только вот цена модернизации оказалась крайне высока... (С. Спиридонов, сотрудник Государственного музея политической истории России, Москва).* В речевой структуре сверткеста выделяются тематические блоки.

Наиболее развернуто представлен тематический блок **«Социально-культурные преобразования»**. Ключевые номинации: *социальное государство, социально ориентированное государство, ликвидация безграмотности, бесплатное образование, бесплатная медицина, социальное положение граждан.* Обобщающее суждение, как правило, располагается перед перечислительным однородным рядом, каждый член которого выступает в функции аксиологического конкретизатора. Например: *Впервые за многовековую историю человечества была*

предпринята попытка создать государство действительно социальное. <...> Государство, в котором средства производства перешли в собственность народа. Благодаря Октябрьской революции Россия сделала громадный шаг в своем развитии: были ликвидированы безграмотность, нищета, появились восьмичасовой рабочий день и бесплатная медицина, женщины получили одинаковые права с мужчинами (А. Папченко, писатель).

В числе достижений выделяются *главные: Большевики смогли найти опору в массовом сознании, поставив в качестве главной задачи достижение социализма как общества социальной справедливости (О. Поршнева, историк). Ср.: Безусловно, главным достижением Великой русской революции стало образование СССР — новейшей социальной формации, под красным флагом которой прошел весь XX век. Государство, на которое ориентировалось и с которого брало пример большинство стран мира. Советский Союз был образцом справедливого социального государства, задал высокую планку социальных гарантий (Е. Белоносов, политолог).* Выделение главных обретений проводится с опорой на базовую ценность социальной справедливости.

В отдельных случаях встречаем документальное подтверждение социально-культурных достижений: *Бесспорно, 1917 год принес колоссальные перемены, начиная с того, что читать и писать достаточно быстро научили практически всю страну. В первом пункте декрета Совнаркома, принятого в 1919 году, говорилось: „Всё население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте“. В 1920 году был издан еще один декрет — об учреждении при Главполитпросвете Наркомпроса чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности. <...> В середине 30-х годов в стране было введено всеобщее семилетнее образование. С середины 60-х годов — всеобщее среднее образование; бесплатное среднее профессиональное и высшее образование. Равный доступ к образованию в значительной степени уравнивал социальное положение граждан и их возможности (С. Метелёва, филолог).* Ставшее результатом революционной борьбы социальное равенство, с одной стороны, изменило жизнь людей простых сословий, обусловило перспективы их роста. Обратная сторона — уничтожение аристократии, притеснение интеллигенции, крестьянства.

Аксиологическая константа охватывает тематический блок **«Индустриализация и**

электрификация страны». Рывок в индустриальном развитии, перевооружение всех отраслей народного хозяйства... стали возможными благодаря Октябрьской революции, и первой ударной задачей стала тогда электрификация молодой страны. <...> Еще не закончилась гражданская война, а в Уральской области началось строительство Кизеловской районной электростанции в Губахе (В. Антипин, начальник производственного отдела Группы компаний «Уралстальконструкция»). В ряде случаев осуществляется узкоспециальный подход к интерпретации темы: Началась модернизация транспорта. В числе первых в стране 7 ноября 1935 года открылось регулярное движение поездов на электротяге между Свердловском и Нижним Тагилом. Повсеместно шла замена шпал и рельсов. Локомотивный парк пополнялся новой, более мощной техникой. <...> За годы советской власти наше железнодорожное хозяйство было не только полностью восстановлено, но и коренным образом реконструировано на новейшей технической основе (А. Машковцева, сотрудник Музея истории, науки и техники Свердловской железной дороги).

Обратная сторона индустриализации — разрушение сельского хозяйства: <...> в погоне за индустриализацией **сельское хозяйство революция погубила. Россия могла кормить весь мир, но об этом тогда думали меньше всего. Нужно было срочно развивать промышленность** (Е. Бирюков, фотожурналист). Очевидные успехи индустриализации не оправдывают человеческих жертв: *Что же касается восторгов по поводу форсирования индустриализации, то если не „кошмарить“ людей с 1917 по 1937 год, то ее можно было провести спокойно, без подвигов и жертв. И не надо было бы ничего форсировать, загоняя людей в лагерь. Лично мне жаль, что качественные перемены в государстве и обществе у нас происходят через резкие скачки и революции* (О. Пироговский, предприниматель). Человекоцентризм — отличительная примета анализируемых суждений: *Отдельно взятый человек практически не представлял ценности. <...> Мы добились огромных успехов в различных сферах, но все они рассматривались с точки зрения величия страны, но не благополучия ее граждан* (Д. Стровский, профессор, Израиль).

На шкале времени выделяется тематический блок **«Вера»**. Сквозь призму лексической сочетаемости (вера в идею; вера в Бога) выявляются векторы развития аксиологического выбора. Революция определила

всепоглощающую веру в руководящие идеи справедливости, равенства, братства, сплочения перед лицом врага: <...> **в 1917 году родилась великая революционная идея. Она сплотила, говоря газетным языком, в едином порыве народ. Я уверен, что если бы не было этого революционного порыва и той Идеи, которую несли большевики, вспомните, к примеру, лозунги: „все люди — братья“, „пролетарии всех стран, соединитесь“ и так далее — то мы бы не победили нацистскую Германию в Великой Отечественной войне. Совсем недавно я прочитал такую же мысль в мемуарах Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова. Он очень четко описывает этот момент. Да, на первый взгляд, это не связано, но народ и власть объединились как раз во время революции. Пожалуй, это единственное, на мой взгляд, что обрела Россия в 1917 году** (А. Дёмин, бывший главный тренер национальной сборной СССР по конькобежному спорту). Признается объединяющая и мобилизующая роль революционных идей, способствующих в том числе вовлеченности молодежи в общественно-политические процессы. Одновременно коллективным автором отмечается разрушительное влияние аксиологической субституции на духовно-нравственные устои общества (вера в торжество революционных идей заменила веру в Бога): *Сразу после революции началось активное разрушение церквей, через насаждаемый атеизм у людей формировали враждебное отношение к любой вере, несмотря на то, что вера в течение тысячи лет являлась основой нашего государства и общества. Храм, существовавший в каждом человеке, был разрушен, уважение к заповедям, которые сызмальства вкладывались в голову, было вытравлено. И общество, потеряв эту веру, становилось бездуховным* <...> **На смену духовности пришла идеология**, и многие поступки оправдывались ею (А. Косинцев, депутат Екатеринбургской городской думы). *Потеряла Россия <...> уважительное отношение к церкви, христианскую терпимость в обществе и народную мудрость. <...> А к 1917 году разделение государства и церкви довели до абсурда и полного отрицания последней, с уничтожением храмов и преследованием священников. Но ни одна государственная структура не может заместить церковь в решении духовных проблем человека* (В. Коротков, референт посла России во Франции). **Мы поверили в то, что Церковь — вредный и устаревший для современного общества институт. Пе-**

чальные итоги таких настроений нам хорошо известны... **Вера в ложь всегда приводит к ужасным последствиям** (К. Корепанов, иерей, поселок Староуткинский). Фиксируется, но не воспринимается с полным доверием возвращение собственно религиозных ценностей в наши дни: **Самое парадоксальное, что коммунистическая идея продолжает существовать параллельно с верой в Господа, которая у многих людей стала, к сожалению, уже скорее коммерческим проектом, чем чем-то искренним. Я человек искренне православный, но при этом понимаю людей, которые придерживаются левых взглядов, я прекрасно общаюсь с буддистами. Для меня самое важное — это этические вопросы. Как один человек относится к другому. И заповедь Иисуса — относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе — по сути, остается важнейшей** (С. Ивкин, поэт, художник, дизайнер). Вера (в Бога / в Идею) трактуется как проблема личного выбора.

Признание объективных достижений советского народа сопровождается вопросом о цене этих достижений: **После революции... начался подъем в разных сферах жизни, и в конце двадцатых — начале тридцатых годов удалось достичь неплохого экономического положения. Но какой ценой...** (Н. Воробьева, историк). **Советский народ достиг впечатляющих успехов в процессе предвоенной модернизации. <...> Но какова была человеческая цена преобразований?** (О. Поршнева, историк).

На базе слов, в значении которых содержатся семы насилия, физического уничтожения, формируется тематический блок «**Жертвы революции**».

Репрессивная политика государства противоречит идее социальной справедливости: **<...> справедливое социальное государство... Но как же быть с жертвами революции? Это тысячи людей, выброшенных из страны. Причем без средств к существованию, „в чем были“, без права вернуться. Нам об этом не говорили, но оказалось, что всё это цвет и краса нации — литераторы, инженеры, врачи, георгиевские кавалеры, промышленники и предприниматели. А кроме этого — тысячи расстрелянных, замученных людей. Целыми баржами потопленные солдаты и офицеры. Разруха, голод, взятие заложников, концлагеря... <...> Утопленная в крови страна <...> В 1929—1930 годах у крестьян отняли данную после революции землю, а тех, кто успел подняться своим трудом, объявили**

кулаками <...> Поиск скрытых врагов с легкой подачи власти не уменьшился со временем, а только усиливался вплоть до 1953 года. Целые кампании репрессий, ссылки целых народов... (В. Сахновский, предприниматель). Частотной является лексема репрессии: **А вот наши утраты. Репрессии по классовому принципу, продолжавшиеся долгие годы и после победы революции** (Б. Долинго, писатель-фантаст). Прослеживается мысль о персональной ответственности за репрессии: **Сталин утопил руки в крови народной** (И. Давыдов, писатель, журналист). Общим является суждение о безнравственности оправдания репрессий идеей революционной целесообразности: **<...> были... трагические страницы в истории Советского Союза. Невинные узники сталинских лагерей, насильственное переселение народов. Это нельзя оправдывать диалектикой развития общества или необходимостью индустриализации. Понять можно, оправдать нельзя** (А. Папченко, писатель). Таким образом, главной ценностью — даже в период революционных преобразований и цивилизационных сломов — остается человек. Не подвержено времени сострадание к жертвам революции. Коллективный автор с пониманием относится к революционной романтике, энтузиазму и достижениям строителей социализма, но отвергает насилие по отношению к человеку. Задача современников — **понять, почему благие идеи, заложенные в основу революции, на практике дали такой противоречивый результат. Чтобы в будущем не повторить этих ошибок** (С. Щербинин, заслуженный тренер России, депутат городской думы Каменска-Уральского). Социальная справедливость, духовность, сострадание, свобода выбора — вневременные ценностные константы, объединяющие аксиологические суждения о русской революции.

Проведенный анализ показывает, что толкования слова *революция* в современных словарях и справочниках лишены идеологических добавок и ориентированных на адресата догматических установок. В то же время обыденное восприятие революционной эпохи характеризуется редукцией идеологического максимализма, но не полным его исчезновением. Основной массив аксиологических суждений о революции 1917 года обнаруживает, что ее коллективное осмысление происходит в направлении от идеи к понятию [о противоположной направленности см.: Бартмицкий 2015].

Сдвиги в картине мира россиян обусловлены меняющимся отношением к революци-

онной эпохе, которое складывается без вмешательства идеологического диктата на основе человекоцентризма, объективного осмысления накопленного «опыта очевидности», восстановления эволюционной модели реального времени.

ИСТОЧНИКИ (СЛОВАРИ И ТЕКСТЫ)

1. АЛ = Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. — М. : Советская энциклопедия, 1968. 600 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. НЭС = Новый энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 2001. 1451 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1984. 15-е изд., стер. 816 с.
6. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л. : Ленинград. отд. изд-ва «Наука», 1971. 856 с.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. — М. : Русский язык, 1985. 886 с.
8. ТСРЯ = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
9. ТСУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. Т. 1, 1935. 1564 с. Т. 3, 1939. 1424 с.
10. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М. : Русский язык, 1978. 688 с.
11. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд., стер. — М. : Политиздат, 1987. 590 с.
12. 100 монологов о революции // Областная газета. Екатеринбург, февраль — август 2017.

ЛИТЕРАТУРА

13. Бартминский Е. Солидарность: между понятием и идеей? // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. — М. : Индрик, 2015. С. 363—379.

14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979. 424 с.

15. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М. : ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 245—412.

16. Гаспаров Б. М. Язык — разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих // Русский язык в многогортном социокультурном пространстве : [моногр.] / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 14—41.

17. Григорьев В. П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крыгина. — М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 138—150.

18. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М. : Наука, 1984. 268 с.

19. Ильенко С. Г. О контекстуальном компоненте толкового словаря // Русистика: избр. тр. / С. Г. Ильенко. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 614—619.

20. Ильин И. А. Путь к очевидности / Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 1994. Т. 3. С. 383—560.

21. Клемперер В. ЛТЛ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. — М. : Прогресс — Традиция, 1998. 384 с.

22. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура : [моногр.] / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : Ин-т развития регионального образования Департамента образования Администрации Свердловской области, 1994. С. 214—233.

23. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.

24. Пантин И. К. Россия в мире: историческое самоознание: размышления в связи с книгой М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 20—30.

25. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. — М. : Работник просвещения, 1928. 248 с.

26. Сковородников А. П. Экология русского языка. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2016. 388 с.

27. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. — М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

28. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

THE OCTOBER REVOLUTION: DICTIONARY DEFINITIONS AND AXIOLOGICAL ASSERTIONS OVER THE COURSE OF TIME

ABSTRACT. *The article deals with lexicographic data and axiological assertions concerning the October Revolution. The analysis is aimed at revealing shifts in the worldview caused by the changing attitudes of the Russian people to the events of the October Revolution. It is proved that the standard way of defining the ideologemes 'revolution' and 'communism', the use of ideologically 'strong' contexts in the Soviet dictionaries are consistent with the precept 'Marxism-Leninism teaches'. Ideologically adjusted interpretation of the Soviet revolution supported a fixed time model in the worldview: sequestered retrospection; the prolonged actual present, incorporated in the revolution epoch; and the communist future. The following conceptually important characteristics are revealed: consistent historical pattern of the revolution, its class character, the violent overthrow of the previous regime and attractive prospects for the future. The author outlines mechanisms of sacralization of the ideologeme 'revolution'. It is noted that the definitions in modern dictionaries do not have an ideological touch of Leninist revolutionary theory. The lexeme 'communism' is considered to be a mythologeme. A special analysis has been carried out using materials of Oblastnaya gazeta's project (Ekaterinburg, February — August 2017) '100 monologues about the revolution'. Each monologue is a comprehensive axiological assertion. All the assertions are analyzed as a supertext having in common the theme of the revolution, the chronotope and the image of the author who is fulfilling the strategic aim of understanding the phenomenon of the Russian revolution. Particular attention is paid to the linguo-axiological analysis of the thematic groups 'social changes', 'industrialization', 'faith', 'victims of the revolution'. It is established that the shifts in the Russian worldview are caused by the decay of ideologemes of historical immi-nence of the revolution and revolutionary violence, class nature, the restoration of the evolutionary model of real time with no clear understanding of the country's future. Collective understanding of the revolution is developed from an idea into a concept on the basis of human-centrism and the integrating function of eternal values of justice, spirituality, compassion, freedom of choice.*

KEYWORDS: *axiological statement; basic values; ideologeme; political ideology; linguistic worldview; model of time; October Revolution; lexicography.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. AL = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2006. 1136 s.
2. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod red. L. A. Cheshko. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 600 s.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii. — SPb. : Folio-Press, 1998. 704 s.
4. NES = Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2001. 1451 s.
5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1984. 15-e izd., ster. 816 s.
6. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. V 2 t. T. 2 / gl. red. A. P. Evgen'eva. — L. : Leningrad. otd. izd-va «Nauka», 1971. 856 s.
7. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. V 2 t. T. 2. — M. : Russkiy yazyk, 1985. 886 s.
8. TSRYa = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2008. 1175 s.
9. TSU = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. prof. D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. T. 1, 1935. 1564 s. T. 3, 1939. 1424 s.
10. Uchebnyy slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka / pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. — M. : Russkiy yazyk, 1978. 688 s.
11. Filosofskiy slovar' / pod red. I. T. Frolova. 5-e izd., ster. — M. : Politizdat, 1987. 590 s.
12. 100 monologov o revolyutsii // Oblastnaya gazeta. Ekaterinburg, fevral' — avgust 2017.
13. Bartmin'skiy E. Solidarnost': mezhdru ponyatiem i ideey? // Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture. — M. : Indrik, 2015. S. 363—379.
14. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M. : Iskusstvo, 1979. 424 s.
15. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma // Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N. A. Berdyaev. — M. : ZAO «Svarog i K», 1997. S. 245—412.
16. Gasparov B. M. Yazyk — raznorechnoe edinstvo: plyuralizm rechevogo povedeniya kak osnova kommunikativnogo vzaimodeystviya govoryashchikh // Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve : [monogr.] / otv. red. B. M. Gasparov, N. A. Kupina. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. S. 14—41.
17. Grigor'ev V. P. Koe-cto o stilevoy politike // Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysinina. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. S. 138—150.
18. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1984. 268 s.
19. Il'enko S. G. O kontekstual'nom komponente tolkovogo slovarya // Rusistika: izbr. tr. / S. G. Il'enko. — SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. S. 614—619.
20. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti / Sobr. soch. : v 10 t. / I. A. Il'in. — M. : Russkaya kniga, 1994. T. 3. S. 383—560.
21. Klemperer V. LTI. Yazyk tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa. — M. : Progress — Traditsiya, 1998. 384 s.
22. Kupina N. A., Bitenskaya G. V. Sverkh tekst i ego raznovidnosti // Chelovek. Tekst. Kul'tura : [monogr.] / pod red. N. A. Kupinoy, T. V. Matveevoy. — Ekaterinburg : In-t razvitiya regional'nogo obrazovaniya Departamenta obrazovaniya Administratsii Sverdlovskoy oblasti, 1994. S. 214—233.
23. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. Izd. 2-e, ispr. i dop. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 186 s.
24. Pantin I. K. Rossiya v mire: istoricheskoe samouznavaanie: razmyshleniya v svyazi s knigoy M. Ya. Geftera «Iz tekh i etikhet let» // Voprosy filosofii. 1993. № 1. S. 20—30.
25. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi: iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednykh let. — M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 248 s.
26. Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo yazyka. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2016. 388 s.
27. Toshchenko Zh. T. Fantomy rossiyskogo obshchestva. — M. : Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 s.
28. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. 248 s.

Н. В. Мельник
Кемерово, Россия

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ

АННОТАЦИЯ. С появлением интереса к интернет-коммуникации возникает необходимость изучения новых типов текстов, одним из которых является политический интернет-комментарий как результат речевой деятельности виртуальной языковой личности. Данный тип текстов находится на пересечении политического и бытового дискурсов, в нем отражается обыденное политическое сознание рядового носителя языка. Анонимность виртуального общения позволяет рядовому носителю языка реализовывать свой лингвокреативный потенциал в полной мере, в том числе и надевая разные «маски». Таким образом, на наших глазах формируется динамичный, отражающий «языковой вкус эпохи» материал, который обладает высоким гносеологическим потенциалом. Анализ вторичных текстов — интернет-комментариев — показал, что лингвоперсонологическое функционирование текста статьи политической проблематики обусловлено двумя разноприродными факторами, имеющими антиномический характер: объективным, собственно лингвистическим (системным и текстовым) и субъективным (лингвоперсонологическим). В настоящее время продолжается поиск лингвоперсонологических параметров типологизации интернет-комментариев, которые проецируются не только на порождение текста, но и на его восприятие. Исследование достаточного объема материала позволяет говорить о типах индивидуальной, коллективной или национальной языковой личности, о вариантах реализации языковой способности носителей языка и о конкретных и обобщающих характерные признаки представителях каждого типа, а также о типизируемости данных различий и, как следствие, об инвариантных свойствах русской языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; интернет-комментарии; политический дискурс; лингвоперсонология; политические деятели; интернет-коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мельник Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: saikova@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Полипарадигматизм современной лингвистики проявляется в том, что почти во всех исследованиях последних лет намечена тенденция к интеграции разных подходов к изучению языка. Проблематика данной работы находится на стыке разных областей лингвистического знания — лингвоперсонологии, лингвополитологии, теории обыденного метаязыкового сознания и интернет-лингвистики. Ее актуальность обусловлена антропоцентрической направленностью современного языкознания, в рамках которого формируется теория языковой личности — лингвоперсонология как перспективная отрасль научного знания; интегральным характером современного научного знания, внутри которого укрепляются междисциплинарные связи, приводящие к появлению дисциплин «на стыке», например лингвополитологии; интересом к рядовому носителю языка, реализующему себя в разных сферах — в том числе и в области политики; а также стремительным развитием интернет-лингвистики.

С появлением интереса к интернет-коммуникации возникает необходимость изучения новых типов текстов, одним из которых является политический интернет-комментарий как результат речевой деятельности виртуальной языковой личности. Данный тип текстов находится на пересечении политического и бытового дискурсов, в нем отражается обыденное политическое сознание рядового носителя языка: «...ин-

тернет-комментарий вписывается в область изучения обыденной лингвополитологии, поскольку характеризуется политической тематикой и одновременно отражает обыденное политическое сознание носителей языка, их идеологию, мировоззрение» [Савельева 2012: 44]. Это связано с тем, что многие люди часто посещают новостные порталы, оставляя свои комментарии для обсуждения той или иной проблемы, в них они выражают свою субъективную точку зрения, проявляя себя как личность. Согласно А. П. Чудинову, «каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации» [Чудинов 2008: 6].

Наша цель — с учетом закономерностей развития современного языкознания, соотнося категории системно-структурной и антропологической лингвистики, описать вариативность реализации потенциала текста статьи политической проблематики и выявить лингвоцентрические и персоноцентрические факторы, обуславливающие ее функционирование в виртуальном пространстве, с одной стороны, и в языковом сознании рядового носителя языка, интернет-комментатора — с другой.

В настоящее время средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование общественного сознания, в том числе и в области политической коммуникации — на формирование политиче-

ской картины мира. Интернет-среда, в которую вовлечены пользователи Интернета, предоставляет возможность каждому желающему, с одной стороны, найти интересующую его информацию, а с другой — высказать свою точку зрения по поводу освещаемых в ней событий, познакомиться с мнением других пользователей Сети, по дискутировать с ними. Анонимность виртуального общения позволяет рядовому носителю языка реализовывать свой лингвокреативный потенциал в полной мере, в том числе и надевая разные «маски». Таким образом, на наших глазах формируется динамичный, отражающий «языковой вкус эпохи» материал, который обладает высоким гносеологическим потенциалом, но до сих пор не получил комплексного изучения в лингвистике.

Лингвисту же, изучающему данный материал, предоставляется возможность решения ряда собственно лингвистических проблем, связанных с лингвоперсоналогической вариативностью обыденной интернет-коммуникации и ее детерминантами; вариативностью различных стратегий и тактик текстовой деятельности; разным суггестивным потенциалом существующих стратегий, разной степенью эффективности их влияния на формирование общественного сознания и политической картины мира в целом и сознание рядового носителя языка и его индивидуальной политической картины мира в частности; текстовыми трансформациями, обусловленными взаимодействием разных типов дискурсов: повседневного, обыденного и общественного, политического.

В рамках нашего исследования мы соприкасаемся с направлениями политической лингвистики, изучающей отдельные политические жанры, идиостиль отдельных политических лидеров, политических направлений и партий [Чудинов 2008: 29]. Но своеобразие нашего подхода заключается в том, что, обращаясь к сфере политической коммуникации, мы не затрагиваем ее профессиональную составляющую, а рассматриваем коммуницирующую рядовую языковую личность, что соответствует общей тенденции, о которой писал Ю. Н. Караулов: «В современном научном знании тот фон, на котором происходило становление теории языковой личности и научной школы в целом, характеризовался следующими особенностями: смещением во всех гуманитарных областях (особенно в истории, социологии, лингвистике) фокуса исследовательского интереса от элитарного человека, от „авторитета“ к простому смертному, к „миноритету“ и от жизни в эпохальном историческом времени — к обыденному существованию

человека в его рутинной повседневности; оживлением интереса к проблеме способов и форм существования языка, а также достижениями психолингвистики в изучении языковой способности человека» [Караулов 2004: 15]. А потому под конкретной языковой личностью понимается и рядовая личность, которая также может проявлять особенности речевого поведения, отражающиеся в продуктах ее речевой деятельности.

По определению Ю. Н. Караулова, «языковая личность» — это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов 1987: 3]. В последнем предложении этого определения актуализирована важная для нашего исследования мысль: способности человека (в частности, языковые) отражаются в порожденных им текстах. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать текст как персонотекст, то есть текст в аспекте отражения в нем свойств автора/адресата.

Все это актуализирует исследования в области наивной лингвистики, в сфере изучения философии повседневности. Исследованием обыденного языкового и метаязыкового сознания рядового носителя языка занимается школа под руководством Н. Д. Голева [Голев 2011, 2013], в русле которой развиваются разные отрасли научного знания — обыденная лексикография, обыденная лингвополитология. Объектом обыденной лингвополитологии является повседневный дискурс в его взаимодействии с политическим, т. е. тексты, авторами которых являются рядовые носители языка [Кашкин 2011; Обыденное... 2009; Обыденное... 2010; Обыденное... 2012]. Обращаясь к обыденной лингвополитологии, мы выводим на первый план аспект лингвоперсоналогический.

Таким образом, наше исследование, вписывающееся в сферы обыденной лингвополитологии и лингвоперсоналогии, имеет текстоцентрический характер и нацелено на комплексное и системное описание языковой личности непрофессионального комментатора с позиций его ментально-психологических, аксиологических и интенциональных характеристик, отраженных в обыденной политической коммуникации.

Лингвоперсоналогический анализ является универсальным типом анализа и при-

меним к любому тексту, независимо от его стиля, жанра и т. д., мы проецируем его на вторичный текст интернет-комментария, так как это дает возможность сопоставления его с текстом исходным. Лингвоперсоналогическая интерпретация анализируемых текстов позволила выявить параметры лингвоперсоналогических различий и на их основе выделить типы политических интернет-комментаторов. Возможны разные реализации лингвоперсоналогического аспекта исследования текста. Одно из них базируется на изучении медиатекста как персонотекста, в котором опредмечиваются стратегии и тактики текстовой деятельности его автора. При этом сам медиатекст обладает потенциалом своего деривационного, интерпретационного, лингвоперсоналогического функционирования, который отражается в текстах-комментариях на исходный текст, а потому в гносеологическом аспекте важным является обращение к вторичному тексту для познания первичного. Для этого нами был обоснован гносеологический потенциал производного текста для исследования исходного и разработана исследовательская методика, включающая сбор материала и его лингвоперсоналогическую интерпретацию [Мельник 2010; 2014]. Под нашим руководством выполнен ряд исследований в обозначенном ключе на материале интернет-комментариев статей политической проблематики.

Так, М. В. Бец разработана методика лингвоперсоналогического анализа аксиологического компонента текста [Бец 2012]. Лингвоперсоналогическое описание текста основывается прежде всего на анализе речевого поведения языковой личности, отражении и реализации ее ценностных установок, эксплицитно или имплицитно содержащихся в интернет-комментарии. Такие установки реализуются, как правило, на лексическом уровне, но часто особое значение имеет модусная составляющая текста, благодаря которой становится понятной значимость описываемых явлений для языковой личности.

И. В. Савельевой разработана методика лингвоперсоналогического анализа текста на примере анализа интернет-комментариев политических статей и выявлены стратегии и тактики текстовой деятельности, обусловленные особенностями языковых личностей, создающих и воспринимающих политический текст [Савельева 2012]. Дальнейшее изучение политических интернет-комментариев привело к необходимости выявления инвариантных и вариативных свойств личности интернет-комментатора, что возможно путем сравнения результатов текстовой деятельности коммуницирующей личности в

русскоязычной и англоязычной среде. И. В. Савельева выдвигает гипотезу, согласно которой виртуальная русскоговорящая личность более склонна к синтезирующему виду деятельности, а личность англоговорящая проявляет склонность к аналитизму в текстообразовании.

В работе С. Ж. Ергалиевой описывается виртуальная языковая личность в российских и казахстанских политических интернет-комментариях. По результатам анализа политических интернет-комментариев выявлено, что казахстанские интернет-комментарии обладают объективным текстовым характером, а российские — субъективным, напрямую связанным с разным качеством языковой способности носителей языка. Это доказывается тем, что параметры субъективности (ассоциативное мышление, фоновые знания, агрессия, эмоциональность, креативность) больше проявляются в российских политических интернет-комментариях, а показатели текстового (ключевые слова, проявление оппозиции «свой — чужой», сохранение темы, предложение пути решения заявленной проблемы) уровня присутствуют в казахстанских политических интернет-комментариях [Ергалиева 2017].

Итак, примером обыденной политической коммуникации могут служить комментарии интернет-пользователей, оставляемые к различным типам текста [Бец 2012; Ергалиева 2017; Савельева 2012]. Наибольший интерес для нас представляют тексты информационно-аналитических и новостных статей, поскольку они содержат актуальную информацию о событиях из разных сфер жизни, что побуждает языковую личность к началу общения путем высказывания собственной точки зрения по данному вопросу. Главный показатель актуальности основной тематики статьи — это количество комментариев к ней. Анализ вторичных текстов — интернет-комментариев показал, что лингвоперсоналогическое функционирование текста статьи политической проблематики обусловлено двумя разноприродными факторами, имеющими антиномический характер: объективным, собственно лингвистическим (системным и текстовым) и субъективным (лингвоперсоналогическим). В настоящее время продолжается поиск лингвоперсоналогических параметров типологизации интернет-комментариев, которые проецируются не только на порождение текста, но и на его восприятие.

Исследование достаточного объема материала позволяет говорить о типах индивидуальной, коллективной или национальной языковой личности, о вариантах реализации

языковой способности носителей языка и о конкретных и обобщающих характерные признаки представителей каждого типа, а также о типизируемости данных различий и, как следствие, об инвариантных свойствах русской языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бец М. В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве Рунета : дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2012. 189 с.
2. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика : тезисы Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011. С. 66—69.
3. Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: мета-языковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 30—37
4. Ергалиева С. Ж., Ергалиев К. С. Саяси интернет-түсіндірмелердің лингвоперсоналогиялық әлеуеті // Вестн. ЕААГИ. 2017. № 2. С. 254—258.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. 263 с.
6. Караулов Ю. Н. Научная школа «Языковая личность» // Гуманитарные исследования. Humanitaria studia. — Астрахань, 2004а. № 3. С. 14—23.
7. Кашкин В. Б. Языковые контрасты в обыденном сознании и в научной лингвистике // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Воронеж, 2011. № 2. С. 5—10.

N. V. Melnik
Kemerovo, Russia

LINGUOPERSONOLOGY OF POLITICAL INTERNET COMMENTS

ABSTRACT. *With the growing interest towards communication on the Internet, it becomes important to study new types of texts, one of which is political Internet comment, which is a result of speaking of a virtual linguistic persona. This type of texts is found on the intersection of political and everyday discourses; it reflects trivial political consciousness of an average native speaker. Anonymity of virtual communication allows an average native speaker to unlock their creative linguistic potential, including cases when they wear different "masks". Thus, we may observe formation of dynamic material that reflects "the language taste of the epoch" and has a huge gnoseological potential. The analysis of secondary texts – Internet comments – shows that linguo-personological functioning of a text devoted to some political issue is determined by two factors of different nature: objective or linguistic (systemic and textual) and subjective (linguo-personological). Today we continue to search for linguo-personological parameters of Internet comments typology that might be projected not only onto text creation, but also onto its perception. The research based on the great scope of material allows to speak about individual, collective and national linguistic persona, about different variants of language ability development and about concrete and generalizing typical features of representatives of every type, as well as the possibility to unite these features in a number of types, and, consequently about invariable features of a Russian linguistic persona.*

KEYWORDS: *linguistic persona; Internet comment; political discourse; linguo-personology; political leaders; Internet communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Melnik Natalia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Bets M. V. Axiologicheskaya sootnesennost' teksta informatsionno-analiticheskoy stat'i i kommentariya v virtual'nom prostranstve Runeta : dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2012. 189 s.
2. Golev N. D. Obydennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tezisy Mezhdunar. nauch. konf. / FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2011. S. 66—69.
3. Golev N. D. Obydennyi politicheskiy diskurs: metazykovoy i metalingvisticheskiy aspekty // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 30—37
4. Ergalieva S. Zh., Ergaliev K. S. Sayasi internet-tysindirmelerдің lingvopersonologiyalyk әлеуеті // Vestn. EAAGI. 2017. № 2. S. 254—258.
5. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M., 1987. 263 s.
6. Karaulov Yu. N. Nauchnaya shkola «Yazykovaya lichnost'» // Gumanitarnye issledovaniya. Humanitaria studia. — Astrakhan', 2004a. № 3. S. 14—23.

8. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсоналогическая интерпретация вторичного текста // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. — Кемерово, 2010. № 4 (44). С. 148—153.

9. Мельник Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персоналогические аспекты. — М. : ЛЕНАНД, 2014. 280 с.

10. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Лингвополитическая персоналогия: методологические основы и методика анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1 (25). С. 22—29.

11. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : сб. статей / Л. Г. Ким (отв. ред.), Н. Д. Голев, Е. В. Кишина. — Кемерово : Офсет, 2012. 293 с.

12. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллектив. мон. / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово ; Барнаул, 2009. 400 с.

13. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллектив. мон. Ч. 3 / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово, 2010. 460 с.

14. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстоприятия и текстопорождения: лингвоперсоналогический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев) : дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2013. — 251 с.

15. Теория и методика лингвистического анализа политического текста: моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба, Н. Н. Кошкарлова, О. Н. Кондратьева, М. В. Никифорова, И. С. Пирожкова, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. 303 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. 3-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2008. 256 с.

7. Kashkin V. B. Yazykovye kontrasty v obydennom soznanii i v nauchnoy lingvistike // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Voronezh, 2011. № 2. S. 5—10.

8. Mel'nik N. V. Derivatologicheskaya i lingvopersonologicheskaya interpretatsiya vtorichnogo teksta // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. — Kemerovo, 2010. № 4 (44). S. 148—153.

9. Mel'nik N. V. Derivatsiya russkogo teksta: lingvisticheskie i personologicheskie aspekty. — M. : LENAND, 2014. 280 s.

10. Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologicheskie osnovy i metodika analiza // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2017. № 1 (25). S. 22—29.

11. Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika : sb. statey / L. G. Kim (otv. red.), N. D. Golev, E. V. Kishina. — Kemerovo : Ofset, 2012. 293 s.

12. Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty : kollektiv. mon. / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово ; Барнаул, 2009. 400 с.

13. Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty : kollektiv. monogr. Ch. 3 / otv. red. N. D. Golev. — Kemerovo, 2010. 460 s.

14. Save'eva I. V. Variativnost' strategiy tekstvospriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskiy aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentariy) : dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2013. — 251 s.

15. Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta: monogr. / otv. red A. P. Chudinov ; A. P. Chudinov, E. V. Budaev, E. V. Dzyuba, N. N. Koshkarova, O. N. Kondrat'eva, M. V. Nikiforova, I. S. Pirozhkova, N. B. Ruzhentseva, O. A. Solopova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. 303 s.

16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. 3-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.

Й. Сипко
Прешов, Словакия

РОССИЯ, ЗАПАД И МЫ В КОНТЕКСТЕ РУСОФОБИИ

АННОТАЦИЯ. Внимание автора концентрируется на отражении в СМИ отношений между Россией и Западом и на роли Словакии в этом контексте. На основе примеров, взятых из современных российских и словацких массмедиа, демонстрируется определенный антагонизм, коренящийся в долгосрочных тенденциях к восприятию Запада доминирующим регионом по отношению к остальному миру. В то же время позиция, занимаемая Россией, в основном базируется на оборонных стратегиях. Указанный антагонизм во время политического противостояния имеет тенденцию перерасти в открытое выражение враждебности, главным образом со стороны представителей ультралиберальных взглядов. В контексте данного противостояния Словакия заметно разделилась. Значительное число официальных лиц (политиков и журналистов) заняло откровенно прозападную позицию («Мы не Восток, мы Запад»). В то же время среди простых жителей часто можно наблюдать противоположные тенденции. Это легко подтвердить рядом примеров. К сожалению, подобные тенденции, существующие в словацком обществе, лишь изредка представлены в официальных источниках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; русофобия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, Прешовский университет; 08005, Словакия, Прешов, Важецка, 14, e-mail: jozef.sipko@unipo.sk.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

1. Введение

Во время *холодной войны* многообразные формы вражды и ненависти между советским и западным лагерями казались почти естественным явлением, хотя на самом деле ничего естественного в этом не было. Главными лингвокультурами [Воробьев 1997] той эпохи были следующие единицы.

1. *Гонка вооружений, угроза ядерной войны, Карибский кризис, Корейская война, Вьетнамская война, Афганская война, угроза третьей мировой войны, агрессивность империализма, угроза коммунизма и др.*

И действительно, в некоторые годы мир стоял на грани ядерной войны между Востоком и Западом. Основной причиной такого опасного состояния мира на Западе считали коммунизм и его главного представителя — СССР. После того как наступила *горбачёвская перестройка*, советское руководство приняло целый ряд базисных решений, которые, как тогда многим казалось, реально создавали условия для улучшения международной обстановки:

2. *Объединение Германии, роспуск стран Варшавского договора, отвод советских войск из других стран и т. д.*

А когда в 1991 г. в результате *Беловежских соглашений* СССР перестал существовать, то возникли обоснованные надежды на снижение международной напряженности и реальное сближение Востока с Западом.

2. Рейган и эхо холодной войны

Еще в перестроечные годы тогдашний американский президент *Р. Рейган* «прославился» очень острой характеристикой СССР:

3. *СССР — империя зла.*

Эти слова вызвали среди простых россиян недоумение, поскольку уже начинались реформы советской системы, официальной целью которых была *демократизация* всего общества. На одной пресс-конференции в стиле голливудского киногероя *Рейган* даже заявил:

4. *Прямо сейчас я дал приказ бомбить империю зла.*

Миллионы россиян почувствовали себя оскорбленными этими заявлениями. В тот период на Чернобыльской ядерной электростанции проводились спасательные работы, и ликвидаторы, после того как получали дозу облучения в 50 рентгенов, покидали зону работ, уступая место сменщикам. Это сопровождалось такой фразой:

5. *Я получил 50 рейганов.*

В мае 1988 г. в СССР отмечали 1000-летие принятия христианства на Руси. В Москву прибыл с официальным визитом тот же *Рейган*. Как сегодня помню (тогда я учился в аспирантуре в Институте русского языка им. А. С. Пушкина): столица России была очень богато украшена американскими флагами, даже в маленьких переулочках висели американские флаги разных размеров. Я задал вопрос паре москвичей, откуда у них

This contribution is the result of the project implementation: KEGA № — 058PU-4/2016 — *Historical Facts and Institutions of Russian-Speaking Environment as a Source for Linguocultural Research and Description*, supported by Cultural and Educational Grant Agency of the Ministry of Education, science, research and sport of the Slovak Republic.

© Сипко Й., 2017

столько американских флагов. Кроме прочих, получил и такой ответ:

6. *Мы эти флаги сами шили.*

И действительно, у простых россиян трудно было заметить какую-либо неприязнь к Америке и ее президенту, несмотря на вышеприведенные слова об *империи зла*. Как раз наоборот — в Москве была праздничная и очень дружелюбная обстановка. Президенту Рейгану на пресс-конференции в Москве задали вопрос, продолжает ли он считать СССР *империей зла*. Он ответили однозначно:

7. *Нет, не считаю.*

В тот момент миллионы людей по всему миру искренне верили, что наконец-то наступит время настоящей дружбы и братства, прекратится эпоха *холодной войны*, начнется настоящее разоружение, и мир станет почти идеальным. По крайней мере, в это верили миллионы россиян и жители других стран.

3. **Всё возвращается на круги своя**

Несмотря на то что советская система распалась и коммунизм уже никто не считает серьезной угрозой, Запад опять видит в России своего главного противника, и тем самым повторяется история предыдущих столетий. Языковым кодом указанного состояния является слово *война*, которое опять вошло в обиход, особенно в СМИ:

8. *Новая холодная война, гибридная война, информационная война, третья мировая война уже началась.*

На вооружение в наше время ежегодно выделяется свыше 1600 трлн долларов (данные за 2015 г.), причем на Западе главным виновником этого состояния считают Россию. Существует массовая антироссийская пропаганда на всех уровнях, и почти каждый более-менее значимый международный вопрос обсуждается в контексте **отрицательной оценки России и ее президента**. Месик [Mesík 2017] публикует обширный материал о России под названием:

9. *Soči, Irkutsk a finále Ruska. Ruské lietadla padajú, obyvatelia Ruska mrú na alkohol a iné otravy, Sibír sa vyludňuje. Rusko je impérium v pokročilej fáze rozkladu* (S.28.1.2017). — *Сочи, Иркутск и финал России. Российские самолеты падают, жители России умирают от алкоголя и других ядов, Сибирь становится безлюдной. Россия — империя на продвинутом этапе распада.*

Вся статья читается очень тяжело. Это не просто презентация фактического материала о России, а создание ее враждебного образа, так что получается картина, содержащая разные фрагменты, взятые из современной России. В результате эта страна изображается как неестественный и отвра-

тельный географическо-социально-политический монстр, который не заслуживает ничего, кроме *распада*. Россия и ее президент, согласно подобным авторам, представляют собой опасную силу почти для каждого, в особенности для Евросоюза. А те, кто в это не верят, — это просто *тролли*:

10. *O tom, že by Vladimír Putin najradšej EÚ videl rozbitú, už azda nikoho (okrem J. Čarnogurského a jemu podobných) netreba presvedčať* (P. 2.2.2017). — *В том, что Владимир Путин был бы рад видеть Евросоюз разбитым, никто (кроме Яна Чарногурско-го и ему подобных) не сомневается.*

4. **Ансамбль им. Александра — символ распада России**

В обстановке, когда миллионы людей искренне грустят о гибели членов ансамбля им. Александра, для Месика (2017) данные музыканты — это лишь *гибридная команда*, которая приносит радость только нищим российским мужикам и троллям:

11. *Hybridné komando bolo na ceste do ruin Aleppa, kde malo osláviť dobytie «sýrskeho Stalingradu» a poskytnúť chudobnejším mužikom a globálnej trolosfére dúšok novoročného pocitu sily a dôležitosti* (S. 28.1.2017). — *Гибридная команда была на пути в руины Алеппо, где должна была отпраздновать взятие „сирийского Сталинграда“ и подарить обедневшим мужикам и глобальной троллесфере глоток новогоднего чувства силы и важности.*

Когда 25 декабря 2016 г. СМИ передали информацию об этой авиакатастрофе, многие люди эту весть приняли *со слезами на глазах*. И это кажется проявлением естественных человеческих чувств, несмотря на политическую ориентацию человека, ведь ансамбль им. Александра известен по всему миру, и каждый, кто мог вспомнить посещение его незабываемых концертов, грустил об этих молодых и прекрасных людях. Однако некоторые сторонники *трансатлантических ценностей*, как вытекает из упомянутой публикации Месика, считают трагедию и смерть этих людей, которые везде приносили радость, закономерным символом распада отвратительной *Российской империи*. Для погибших исполнителей автор не нашел ни одного слова сочувствия, скорее подбирал подходящие эмоционально-экспрессивные оценки с отрицательными коннотациями:

12. *Agitačno-propagačná úderka. Prominentní propagandisti z Moskvy* (S. 28.1.2017). — *Агитационно-пропагандистские ударники. Выдающиеся пропагандисты из Москвы.*

Крушение самолета с исполнителями знаменитого ансамбля, несмотря на причины аварии, однозначно свидетельствует, по

автору, о безнадежных перспективах *Российской империи*, которая приближается к своему концу. А смерть пассажиров российского самолета символизирует для этого автора ожидаемый конец:

13. *O stave a perspektívach ruského impéria na prahu stého výročia boľševickej revolúcie* (S. 28.1.2017). — О состоянии и перспективах Российской империи на пороге **сотой годовщины большевистской революции**.

Правда, это была только одна из подобных почти что торжествующих и злорадных статей и оценок России в связи со случившимся несчастьем. В той же словацкой газете предпринимались и попытки посмеяться над этим несчастьем:

14. *Alexandrovcov papajú rybičky. Ďalší symbol komunizmu padol. Do mora* (ZaV. 2017.2; Ростас цитирует *blok SME*). — **Александровцев едят рыбки**. Очередной символ коммунизма пал. В море.

В данном случае чувствуется даже радость от того, что коммунистический ансамбль упал в море. Так же посмеялись и порадовались во французском журнале «Charlie Hebdo», где нарисовали карикатуру с падающим самолетом с комментарием, что репертуар ансамбля им. Александрова обогатился еще одним номером:

15. Áááááááááá.

Трудно что-то написать об этих авторах. Только напомним, что когда террористы убили членов редакции их журнала, то по всему миру люди выражали скорбь и сочувствие. Комментируя эту бесчеловечность, Т. Э. Ростас (Rostas 2017) пишет:

16. *Komentáre ľudí v tejto dehumanizovanej stoke sa v ničom nelíšia od tých najhorších možných prejavov deviantov a psychopатов* (ZaV. 2017.2). — **Комментарии людей в таком дегуманизованном ключе ничем не отличаются от самых отвратительных поступков девиантов и психопатов**.

5. На нас катится ничтожество

Вернемся к тексту Месика. Кроме авиакатастрофы, автор описывает и другие негативные явления в России, в том числе алкоголизм, и в центре внимания журналиста оказывается смерть 77 человек в Иркутске в декабре 2016 г. после отравления по сути дела химическими жидкостями, содержащими алкоголь. Автор констатирует, что Россия представляет собой картину выживающих и несчастных людей. И чтобы она быстрее распалась, мы должны содействовать этому процессу. Автор сам предлагает некоторые меры, и, видимо, он верит, что доля нашего счастья зависит от несчастья России:

17. *To, čo z Ruska robí strašiaka Európy, nie je jeho sila, ale naša vlastná slabosť. Tá najvä-*

čšia slabosť je náš nezúujem radikálne znížiť dovoz ruskej ropy a plynu (S. 28.1.2017). — **То, что Россия служит пугалом Европы — это результат не ее силы, а нашей слабости. Самая большая слабость — это наша незаинтересованность в том, чтобы радикально снизить поставки российской нефти и российского газа**.

В этом контексте хочется заметить, что в некоторых СМИ невозможно найти ни одной положительной статьи о России, даже ни единой строчки. При длительном наблюдении за данными газетами и журналами возникает мысль о причинах такой антироссийской ненависти. Неужели россияне такие плохие люди? Естественно, антироссийские авторы ответят, что они критикуют лишь политику России и ее президента. Но его рейтинг достигает около 80 %, пусть даже и несколько меньше. Русские люди задаются вопросом:

18. **Почему нас так ненавидят?**

Если исполнится желание Месика и его единомышленников и Россия рухнет, поскольку она, по его мнению, *на продвинутом этапе распада*, то как быть с миллионами русских людей? Неужели автор думает, что они будут счастливы, когда развалится их Родина? В чем причина такой ненависти? Ведь если б не Россия, нас, славян, здесь бы не было! Возможно, ответ на этот вопрос содержит название статьи Ростаса (2017), который, анализируя вышеуказанные формы ненависти, русофобии и других отрицательных форм в современной медиасреде, подчеркивает:

19. *Valí sa na nás ničota* (ZaV. 2017.2). — **На нас катится ничтожество**.

Что в таком случае дальше делать с Россией? Предлагаются разные сценарии, при помощи которых необходимо Россию победить. Одной из тем телепередачи «Под лампой» была именно указанная тема:

20. *Technológia, ktorá porazí Putina?* — **Технология, которая победит Путина?** (Т. 2017.7).

В этом направлении ведут поиски разные авторы. Они однозначно считают Россию страной, в которой нет свободы, демократии, страной, в руководстве которой находятся люди, не отличающиеся от представителей криминалитета:

21. *Ruský režim je kriminálny*. — **Режим России — криминальный** (Т. 2017.7).

6. Россия — угроза для всего мира

Регулярно в СМИ и в официальных заявлениях отдельных прозападных политиков подчеркивается необходимость повышения военных расходов. В документах НАТО это объясняется тем, что страны Европы нахо-

дятся под угрозой России, в связи с чем необходимо ежегодно выделять по крайней мере 2 % ВВП на вооружение. Страны, военные расходы которых пока не достигают указанного уровня, часто подвергаются критике. В отдельных публикациях прямо заявляется:

22. *Politika súčasného ruského vedenia predstavuje pre Západ bezpečnostnú hrozbu* (S. 4.7.2017). — *Политика современного российского руководства представляет угрозу для безопасности Запада.*

Угроза, по этим авторам, относится и к Словакии, которая имеет общую границу с Украиной — страной, где в результате российской агрессии идет война. Таким образом, русский медведь угрожает не только Украине:

23. *Nové hrozby pre Slovensko. Ruský medved'* (P. 4.7.2017). — *Новая угроза для Словакии. Русский медведь.*

Россия в этом отношении является опасной и вместе с тем непредсказуемой страной, хотя европейцы вроде бы не желают иметь в лице России врага. Тем не менее страны Европы должны вооружаться:

24. *Žiaden z príčetných politikov nebude tvrdiť, že chce Rusko za nepriatelía. Problém je v tom, že my netušíme, čo chce Rusko* (P. 4.7.2017). — *Ни один из здравомыслящих политиков не будет утверждать, что хочет иметь Россию в качестве врага. Проблема заключается в том, что мы не знаем, чего хочет Россия.*

Такая страна, как современная Россия, по указанным авторам, представляет угрозу для всего мира. Она очень опасна, и в свете этого необходимо охранять западные ценности. По сути дела, современная Россия характеризуется с использованием языковых клише эпохи холодной войны:

25. *Súčasnú Rusko je hrozbou pre celý svet. V Rusku je hlavnou úlohou vlády kradnúť peniaze. Na najhoršie brežnevovské tradície nadväzuje putinizmus* (T. 2017.7). — *Современная Россия является угрозой всему миру. В России главной задачей правительства является воровство денег. Путинизм основан на худших брежневских традициях.*

В тех же прозападных СМИ практически невозможно найти корректных высказываний в адрес России, и почти каждая тема, анализируемая на страницах указанных СМИ, ассоциируется с отрицательными оценками России. При анализе политики Евросоюза подчеркиваются его просчеты, которыми, согласно версиям подобных материалов, воспользуется Россия:

26. *Úniu dobiehajú vlastné chyby a za rohom čaká Rusko* (T. 2017.24). — *Евросоюз пре-*

следуют его собственные просчеты, а за углом ждет Россия.

Как показано выше, многократно повторяется мысль о том, что Россия не только представляет собой опасность для Запада и его союзников, но также является худшим образцом в любой политической деятельности. Острые конфликты между словацкими политиками в этом контексте оцениваются как русификация [Schutz 2017]:

27. *Sú schopní rusifikovať slovenskú politiku* (S. 10.5.2017). — *Они способны русифицировать словацкую политику.*

Бесспорно, что у России, как и у других стран, имеются свои базовые ценности. К ним относятся события Великой Отечественной войны и Победа в ней. Но и об этом великом, легендарном и вместе с тем трагическом событии можно писать в отрицательном ключе по отношению к современной России [Procházková 2017]:

28. *Ruskí dobrovoľníci oslavujú koniec vojny po svojom. Bez zbraní a honosných prehliadok pre papalášov* (S. 10.5.2017). — *Российские добровольцы отмечают окончание войны по-своему. Без оружия и пышных парадов для верхушки.*

В редких случаях встречаются корректные упоминания о войне. В свое время на словацкое общество произвел глубокое впечатление фильм «Судьба человека», который вызывает гуманистические ассоциации, например, у современной словацкой писательницы Шиколовой [Šikulová 2017]:

29. *Niektoré z takých filmov by som povinne premietala... aby sme nezabudli, že aj pred nami tu žili ľudia* (P. 10.5.2017). — *Некоторые из таких фильмов я бы в обязательном порядке показывала... чтоб не забыть, что и до нас здесь жили люди.*

7. Трамп и оценки России

Особым феноменом в процессе негативизации России стало обсуждение избрания президента США Дональда Трампа. Оценки его персоны были самыми разнообразными, одной из упоминавшихся характеристик была его якобы пророссийская ориентация. Это привело даже к утверждениям о том, что при победе на президентских выборах Трампу помогла Россия, в особенности ее хакеры. Данная тема обсуждалась несколько месяцев, и этот будто бы пророссийский штамп в политическом паспорте Трампа стал самым частым объектом критики в адрес президента США. Для Запада Трамп стал опасным политиком, поскольку он с уважением относился к Путину:

30. *Trump je dlhodobo známy svojou trápnu úctou k Putinovi* (S. 6.2.2017). — *Трамп давно уже известен своим сомнительным уважением к Путину.*

Но в начале апреля 2017 г. произошли трагические события в Сирии, в результате которых погибло около 100 человек от боевых газов. В этом преступлении была обвинена власть президента Асада как союзника России. Президент США Трамп отдал приказ о бомбардировке военного аэропорта, из которого, по некоторым версиям, вылетали сирийские правительственные самолеты с газом. Трамп выступил в роли человека, который якобы отомстил Асаду. Американцы выпустили по Сирии 59 ракет за 100 миллионов долларов, и оценочная характеристика их президента сразу стала меняться:

31. *Z «proruského neprofesionála» sa stal hrdina* (P. 10.4.2017). — Из «пророссийского непрофессионала» стал героем.

В данном контексте ведутся дискуссии о сути американской бомбардировки Сирии, и некоторым авторам, видимо, хочется увидеть в этой операции американских военно-воздушных сил антироссийский шаг:

32. *Je útok na Asáda útokom na Rusko?* (S. 12.4.2017) — Атака на Асада является атакой на Россию?

Трамп тем самым больше не будет пророссийским американским президентом, а скорее всего, наоборот, будет энергично отстаивать интересы США и Запада перед агрессивной Россией, потому что главным противником, как всегда, для Запада является не президент Сирии, а Россия со своим президентом:

33. *Koniec idylky. «Proruský» Trump sa stal pre Rusko nepriateľom číslo jeden* (P. 10.4.2017). — Конец идиллии. «Пророссийский» Трамп стал для России врагом номер один.

Для отдельных авторов одну из главных негативных ролей в сирийской войне играет Россия и ее президент, невзирая на все другие обстоятельства. Эта роль президента России в данном контексте считается кровавой:

34. *Vladimír Putin hrá v Sýrii svoju krvavú hru* (P. 10.4.2017). — Владимир Путин играет в Сирии свою кровавую игру.

В таких обстоятельствах требуется всё время повышать военный бюджет, чтобы успешно защищать *свободолюбивый и демократический мир перед агрессивной Россией*. Было запланировано, что каждая страна НАТО должна повысить свои военные расходы, как отмечено выше, на 2 % ВВП. При этом получаются даже парадоксы:

35. *Štvrt'oročie po rozpade ZSSR musí 300 miliónov Američanov strážiť 500 miliónov Európanov pred 150 miliónmi Rusov* (T. 2017.7). — Четверть столетия спустя после распада СССР 300 миллионов амери-

канцев должны защищать 500 миллионов европейцев от 150 миллионов русских.

Россия, если верить этим авторам, угрожает многим странам, которые необходимо защищать. К ним относится и Черногория, где Россия, согласно некоторым версиям, готовилась убить премьер-министра страны Джукановича, чтобы страна не стала членом НАТО. Путин по этой версии должен требовать от Трампа, чтобы Черногория не стала членом НАТО:

36. *Ako Rusko chystalo atentát v Európe* (S. 21.2.2017). — Как Россия готовила покушение в Европе.

В этой новой обстановке президент Трамп, наверное, будет вести себя по отношению к России твердо, что вроде бы показал и обстрел Сирии американскими ракетами по прямому приказу Трампа. Ведь Россия является серьезной угрозой. Это мороз из Кремля (название книги З. Млынаржа — «Мороз ударил из Кремля»):

37. *Po chrbte ide mráz ako z Kremľa* (S. 21.2.2017). — По спине идет мороз, как из Кремля.

Можно встретиться и с попыткой более объективно изобразить военные конфликты на Ближнем Востоке, и в данном контексте оказывается, что не только президент Асад представляет безграничное зло. Союзник США Саудовская Аравия уже долгое время бомбит гражданское население в Йемене:

38. *V Jemene jeho saudskearabskí spojenci bombardujú takmer výhradne civilistov a deti* (P. 10.4.2017, Javurek). — В Йемене его саудовские союзники бомбят почти исключительно гражданское население и детей.

В этой новой обстановке намечаются дальнейшие геополитические возможности, связанные с тем, как должен вести себя Запад по отношению к России. Главную роль, как и в прошлом, должны играть США:

39. *Nová veľká americká hra o Rusko* (SNN. 2017.5). — Новая большая американская игра с Россией.

Итак, базисный штамп современных западников заключается в утверждении, что *Россия представляет главную угрозу современному миру*. Подчас данная позиция приобретает даже смехотворные формы. Так это было в случае с победой Трампа на президентских выборах. Долгое время одной из главных новостей СМИ была роль *российских хакеров*, благодаря которым Трамп стал президентом США. Получается, что сильнейшая страна мира, с сильнейшими вооруженными силами, с лучшими разведслужбами и спецслужбами по всему миру не смогла справиться с хакерами из отсталой

России. В контексте темы *российских хакеров* замечательным стал комментарий после парламентских выборов в Великобритании 8 июня 2017 г., которые не окончились ожидаемой однозначной победой Консервативной партии:

40. *Ruskí hackeri nezasahovali do anglických parlamentných volieb. Je zrejmé, že Anglicko im zato nestojí* (Р. 9.6.2017). — *Российские хакеры не вмешивались в английские парламентские выборы. Видимо, Англия не стоит их усилий.*

Данная тема причастности *российских хакеров* к американским президентским выборам еще долго обсуждалась и до сих пор обсуждается в СМИ, причем упор делается в первую очередь на критику России и ее президента. *Трампа* в этом контексте всё время изображали в качестве слабоумного политика:

41. *Tajomstvá vyzradil Rusom sám Trump* (S. 17.5.2017). — *Секрет выдал русским сам Трамп.*

8. Виктор Орбан подражает Путину

Премьер-министр Венгрии *Виктор Орбан* представляет для русофобов дальнейший индикатор агрессивности России. Он регулярно критикует Запад, в особенности Евросоюз, за политику, например, в связи с беженцами, и по ряду вопросов стал проводить самостоятельную политику. Дальнейшим поводом для критики в адрес *Орбана* стала его позиция по отношению к известному американскому миллиардеру *Соросу*, который финансирует целый ряд организаций, в том числе и учебные заведения, особенно в Восточной Европе и России. Как известно, его деятельность в России была прекращена. В Венгрии *Сорос* финансирует Центрально-Европейский университет, деятельность которого *Орбан* начал критиковать, и даже зашла речь о том, что соросовский университет в Будапеште будет закрыт. Этот факт стал очередным поводом для антироссийских комментариев:

42. *Orbán kopíruje Putinovu politiku voči Sorošovi* (Р. 10.4.2017). — *Орбан копирует политику Путина против Сороса.*

Автор одной статьи [Markuš 2017] критикует венгерское правительство и за то, что оно не считает главной угрозой Россию. О венгерском премьер-министре создается представление как о политике, который почти полностью подчиняется интересам России:

43. *Sibirsky expres Viktora Orbána* (Р. 7.2.2017). — *Сибирский экспресс Виктора Орбана.*

Виктор Орбан сопоставляется со словацким премьер-министром *Фицем*, и оба они в антироссийской пропаганде получают самые острые оценки. На этот раз критика в

адрес *Фица* и его министров направлена на их пассивность относительно *гибридной агрессивности России* в современном мире. Выстраивается интересная триада врагов «демократии и свободы» — Россия, *Орбан*, *Фиц*:

44. *Ak škrtneme blázna Orbána, zahraničná politika Fica je suverénne posledná v Európe, ktorá sa hybridnými vojnami Ruska ani nezapodieva* (S. 15.3.2017). — *Если вычеркнем сумасброда Орбана, то иностранная политика Фица является последней в Европе, которая гибридными войнами России вообще не интересуется.*

9. Словакия и ее пути

В такой антироссийской атмосфере прозападные авторы предлагают свои решения волнующих их проблем. Время от времени публикуются материалы об отрицательном отношении жителей Словакии к НАТО, высказываются мнения о том, что распространены взгляды на выгоду для нашей страны нейтралитета. Всё это вызывает среди современных *западников* почти ужас, потому что за углом — *русский медведь*:

45. *Nebude obrana, nemusí byť Slovensko. Neutralita by bola prechodom do mrazivého objatia ruského medveda* (Т. 2017.7). — *Не будет обороны, не будет и Словакии. Нейтралитет был бы переходом в морозные объятия русского медведя.*

В Словакии была в наше время создана молодежная организация, участники которой принципиально выступают против НАТО и занимаются самостоятельной физической подготовкой как *добровольцы-призывники (branci)*, чем демонстрируют острую неприязнь к политике Запада и в особенности НАТО. Против членов этой организации направлено много критических материалов, в которых проводится аналогия между судьбой Восточной Украины и Словакии. Вместе с тем острой критике подвергается председатель Словацко-русского общества *Ян Черногурский*, его деятельность считается предательской:

46. *Donbas na Slovensku. Chce Čarnogurský premeniť Slovensko na Donbas?* (S. 15.3.2017) — *Донбасс в Словакии. Хочет ли Черногурский превратить Словакию в Донбасс?*

Словакия и значительная часть ее жителей упрекаются в положительном отношении к России. Этот факт считается несомненным пятном на репутации страны, после публикации данных социологических опросов западники выявляют в них опасные сигналы — недостаточную степень прозападной ориентации словаков:

47. *Ruský vplyv je stále silný. 29% ľudí na Slovensku je za úzke vzťahy s Ruskom* (S. 12.

4.2017). — *Влияние России всё время оказывается сильным. 29 % жителей Словакии стоит на позиции тесных отношений с Россией.*

Ищутся причины такого неблагоприятного для западников показателя, и отдельные авторы приходят к заключению, что указанное **русофильство** многих словаков уходит своими корнями в прошлое, когда Россия была единственной защитой славян, в том числе и словаков, столетия живших в Австро-Венгрии. Лучшие представители Словакии, особенно в XIX в. (*Л. Штур, Й. Гурбан, Я. Коллар, П. Шафарик* и др.), подчеркивали именно **славянскую солидарность** как базисную идею и предпосылку в развитии наших народов. Современные западники это считают почти что несчастьем. А ведь в эпоху национального гнета наших предков и их главных представителей обвиняли именно из-за **панславизма**, который тогда считался преступлением. В том же антироссийском ключе один из разбираемых авторов [Cupřík 2017] критикует премьер-министра Фица:

48. *Panslavizmus stále ovplyvňuje srdcia a mysle Slovákov* (S. 12.4.2017). — **Панславизм всё время влияет на сердца и мысли словаков.**

Другой автор [Nicholson 2017] в том же номере газеты «Сме» **панславизм** осуждает прямо и видит в нем большую угрозу для Словакии и ее жителей. Он однозначно считает, что **панславизм** вредит Словакии, особенно в том случае, если приобретает про-российские формы:

49. *Nebezpečné rusofilstvo* (S. 12.4.2017). — **Опасное русофильство.**

10. Заключение

Отношения России и Запада в наше время представляют собой главную тему в СМИ. В персонифицированном виде это отношения в паре *Траммп — Путин*. В данном контексте типичной является такая история, представляющая собой то ли анекдот, то ли реальный факт из жизни:

50. *В американской школе спрашивают учеников:*

— *Кто является президентом США?*

— *Трампп, — отвечают хором дети.*

— *А вице-президентом?*

— *Путин, — опять отвечают хором.*

Вышеприведенные иллюстрации из статей некоторых словацких авторов вписываются в давнюю, хорошо известную традицию. На первый взгляд, идеологические

предшественники подобных авторов якобы защищали интересы своего народа, у которого лишь одна перспектива успешного развития — в тесном сотрудничестве с *передовым Западом*. Богатый исторический опыт таких людей ничему не научил. В относительно недавней истории сторонники сотрудничества с гитлеровской Германией жестоко убивали наших людей в Словакии, сжигали их села и другим образом преследовали жителей страны. Подобные деятели находились в каждой эпохе. В Средние века некоторые регионы Южной Словакии были заняты турками, которые нашли среди местного населения соотрудников, названных в народе *потурченцами*. Это слово вошло в поговорку, которая актуальна и сегодня:

51. *Потурченец хуже турка.*

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. P — Pravda
2. S — Sme
3. SNN — Slovenské národné noviny
4. T — Týždeň
5. ZaV — Zem a vek

ЛИТЕРАТУРА

6. Cupřík R. Ruský vplyv je stále silný // Sme. 2017. 12.4. S. 1, 3.
7. Čaplovič M. Nové hrozby pre Slovensko // Pravda. 2017. 4.7. S. 1—3.
8. Javurek P. O svete, aký je // Pravda. 2017. 4.7. S. 30.
9. Javurek P. Takže čo? // Pravda. 2017. 10.4. S. 28.
10. Himič D. Underground po rusky // Život. 2016. № 43. S. 16—18.
11. Kerný D. Nová veľká americká hra o Rusko // Slovenské národné noviny. 2017. № 5. S. 5.
12. Kopsay M. Donbas na Slovensku // Sme. 2017. 15.3. S. 10.
13. Krémárik M. Ako Rusko chystalo atentát v Európe // Sme. 2017. 21.2. S. 7.
14. Krivošík L. Nebude obrana, nemusí byť Slovensko // Týždeň. 2017. № 7. S. 38—39.
15. Latta B. Z „proruského neprofesionála“ sa stal hrdina // Pravda. 2017. 10.4. S. 12—13.
16. Markuš Š. Orbánova odplata dobrodincovi // Pravda. 2017. 10.4. S. 29.
17. Mesík J. Sočí, Irkutsk a finále Ruska // Sme. 2017. 28.1. S. 12.
18. Nicholson T. Nebezpečné rusofilstvo // Sme. 2017. 12.4. S. 10.
19. Nicholson T. Ukrajina: Putinov cukor // Sme. 2017. 6.2. S. 17.
20. Primakov J. M. Svet bez Ruska? K čomu vedie politická krátkozrakosť. — Praha : Ottovo Nakladatelství, 2000. (Z ruského originálu: Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость // Российская газета. — М., 2009).
21. Procházková P. Každý má svojho prastarého otca // Sme. 2017. 10.5. S. 12.
22. Schutz P. Matovič v celej kráse // Sme. 2017. 10.5. S. 10.
23. Rostas T. E. Ničota // Zem a vek. 2017. № 2. S. 4—7.
24. Rostas T. E. Čaj s Davidom Ickeom // Zem a vek. 2016. № 12. S. 72—89.
25. Procházková P. Každý má svojho prastarého otca // Sme. 2017. 10.5. S. 12.
26. Schutz P. Matovič v celej kráse // Sme. 2017. 10.5. S. 10.

J. Sipko

Prešov, Slovakia

RUSSIA, THE WEST AND OUR COUNTRY IN THE CONTEXT OF RUSSOPHOBIA

ABSTRACT. *The author concentrates his attention on the relations between Russia and the West and, at the same time, analyzes the role of Slovakia in this context. Based on the examples taken from the present-day Russian and Slovak mass media a certain antagonism can be observed which takes roots in long-lasting historical tendencies where the West is perceived as being dominant with regards to the rest of the world. On the other hand the viewpoints of Russia are mostly based on defensive positions. This antagonism at times of political opposition has a tendency to change into direct expression of enmity mainly from the representatives of extreme liberal viewpoints. Slovakia in the context of this opposition is greatly divided. A great many official representatives (politicians, journalists) take clearly pro-Western positions (We are not the East, we are the West). On the other hand, among common inhabitants a rather different tendency can be often observed, which can be proved by a number of examples. Unfortunately these tendencies in Slovak society are seldom represented by official sources.*

KEYWORDS: *political discourse; media discourse; media texts; media linguistics; media; mass media; language of mass media; Russophobia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages, University of Prešov, Slovakia.*

REFERENCES

1. P — Pravda
2. S — Sme
3. SNN — Slovenské národné noviny
4. T — Týždeň
5. ZaV — Zem a vek
6. Čupřík R. Ruský vplyv je stále silný // Sme. 2017. 12.4. S. 1, 3.
7. Čaplovič M. Nové hrozby pre Slovensko // Pravda. 2017. 4.7. S. 1—3.
8. Javurek P. O svete, aký je // Pravda. 2017. 4.7. S. 30.
9. Javurek P. Takže čo? // Pravda. 2017. 10.4. S. 28.
10. Himič D. Underground po rusky // Život. 2016. № 43. S. 16—18.
11. Kerný D. Nová veľká americká hra o Rusko // Slovenské národné noviny. 2017. № 5. S. 5.
12. Kopcsay M. Donbas na Slovensku // Sme. 2017. 15.3. S. 10.
13. Krčmárik M. Ako Rusko chystalo atentát v Európe // Sme. 2017. 21.2. S. 7.
14. Krivošík L. Nebude obrana, nemusí byť Slovensko // Týždeň. 2017. № 7. S. 38—39.
15. Latta B. Z „proruského neprofesionála“ sa stal hrdina // Pravda. 2017. 10.4. S. 12—13.
16. Markuš Š. Orbánova odplata dobrodincovi // Pravda. 2017. 10.4. S. 29.
17. Mesík J. Sočí, Irkutsk a finále Ruska // Sme. 2017. 28.1. S. 12.
18. Nicholson T. Nebezpečné rusofilstvo // Sme. 2017. 12.4. S. 10.
19. Nicholson T. Ukrajina: Putinov cukor // Sme. 2017. 6.2. S. 17.
20. Primakov J. M. Svet bez Ruska? K čomu vedie politická krátkozrakosť. — Praha : Ottovo Nakladatelství, 2000. (Z ruského originálu: Mir bez Rossii? K čemu vedet političeskaya blizorukost' // Rossiyskaya gazeta. — M., 2009).
21. Procházková P. Každý má svojho prastarého otca // Sme. 2017. 10.5. S. 12.
22. Schutz P. Matovič v celej kráse // Sme. 2017. 10.5. S. 10.
23. Rostas T. E. Ničota // Zem a vek. 2017. № 2. S. 4—7.
24. Rostas T. E. Čaj s Davidom Ickeom // Zem a Vek. 2016. № 12. S. 72—89.
25. Procházková P. Každý má svojho prastarého otca // Sme. 2017. 10.5. S. 12.
26. Schutz P. Matovič v celej kráse // Sme. 2017. 10.5. S. 10.

З. З. Чанышева
Уфа, Россия

**ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

АННОТАЦИЯ. *Обосновывается взгляд на перевод как на акт идеологической диверсии, используемой в целях установления контроля над информационным пространством целевой аудитории. Задача исследования заключается в обеспечении доказательной базы для подтверждения деструктивной роли перевода исходного текста, подвергнутого переводчиком субъективной интерпретации. В статье рассмотрены приемы смысловых искажений на материале сопоставительного анализа английских оригинальных статей и их версий на русском языке, выполненных сотрудниками Русской службы англоязычных изданий, а также переводов статей с русского языка на английский язык в политической коммуникации. В ходе работы с материалом использованы сопоставительно-переводческий, контекстуальный, дискурсивный методы, компонентный анализ, процедуры смысловой интерпретации. В результате исследования установлены переводческие приемы, обеспечивающие на разных уровнях содержания частичное или полное искажение смысла текста оригинала. Эмпирический материал показывает богатый арсенал средств, используемых в переводном тексте с целью преднамеренного изменения фрагментов с фактологической и концептуальной информацией оригинала и создания смыслового пространства политико-идеологической лжи. Материалы исследования позволяют пополнить типологию переводческих ошибок еще одним критерием, квалифицируя ошибки как непреднамеренные и преднамеренные. Ошибки первого типа не являются результатом умысла и допускаются вследствие непонимания текста, несформированной переводческой компетенции. Преднамеренные ошибки допускаются сознательно и, как правило, имеют нелингвистическую или, точнее, идеологическую мотивацию, преследуют цель манипулирования массовым сознанием.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *переводы; переводоведение; идеологическая диверсия; политическая коммуникация; межкультурная коммуникация; идеологическое давление.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: chanyshvazz@yandex.ru.*

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Идеологическая диверсия понимается в статье как неявный инструмент психологической войны, преследующий цель скрытого вторжения в информационное пространство политического оппонента, осуществляемого на институциональном уровне государственным политическим и идеологическим аппаратом, использующим для этого разные пропагандистские службы и богатый арсенал языковых средств и речевых технологий. В этом фонде всё более активную роль играет перевод зарубежных публикаций на русский язык в массовой коммуникации, который проявляет себя как гибкое тайное орудие для достижения главной цели — оказания воздействия на целевую аудиторию и усиления контроля над информированием противника о конфликтных ситуациях. Использование перевода как современного средства идеологической диверсии показывает его потенциал в качестве эффективного метода политической войны.

Радикальному изменению роли и места перевода в современной общественной жизни способствовал ряд обстоятельств. К внешним факторам относится усиление противостояния сторон, принимающее форму идеологического конфликта. На фоне развернувшейся информационной войны возросла роль слова, которое способно вызывать деструктивные последствия для политического оппонента при выборе в качестве целевой аудитории массового читателя.

Конфронтация противников приводит на страницах печати к формированию конфликтного дискурса как разновидности политического дискурса [Чанышева, Хазиева 2015]. В ходе словесной борьбы всё чаще прибегают к ангажированному переводу тщательно отбираемых политических текстов, смысл которых искажается в разной степени — от неточностей интерпретации до откровенной лжи.

Внутренние факторы действуют в теории и практике перевода и проявляются в набирающих силу новых тенденциях, способствующих созданию эффекта сопричастности и соавторства переводчика, обеспечивающих поощряемую субъективность и вытесняющих требование объективности и верности оригиналу, якобы скрывающих творчество переводчика, и позволяющих ему вольно обращаться с текстом. Как известно, в последние два десятилетия теория перевода в зарубежной и отечественной науке, активно взаимодействуя с другими дисциплинами, существенно расширила объект своего исследования, преодолев рамки сугубо лингвистической проблематики. Почва для решительного поворота была подготовлена наработками представителей культурологии и антропологии (А. Рум, Sh. Simon, M. Cronin), теории полисистем (I. Even-Zohar, M. Snell-Hornby), scopos-теории (K. Reiss, H. Vermeer, Ch. Nord), корпусной лингвистики (M. Baker, G. Aston, J. Sinclair). В 1990 г.

усилиями основоположников культурного направления Андре Лефевра и Сьюзен Басснетт был подготовлен и издан научный сборник «Translation. History. Culture», подытоживший успехи ученых в области изучения новых граней перевода. В этом коллективном труде, охватывающем длительный исторический период развития переводоведческой мысли, представлены самые ранние концепции, начиная с классических сочинений (М. Т. Cicero, St. Jerome, John of Trevisa, J. Dryden, J. W. Goethe), и более поздние изыскания крупных авторов (W. von Humboldt, Fr. Schleiermacher). Внимание привлекает раздел в этой книге, озаглавленный «The role of ideology in the shaping of a translation», который свидетельствует о признании важности идеологии в становлении перевода по материалам выдержек из сочинений Аврелия Августина, Квинта Горация, Мартина Лютера, поэта-переводчика Августа Вильгельма Шлегеля и других ученых. В этих трудах показаны примеры оказания идеологического давления со стороны покровителей, признающих верными подлиннику одни переводы и запрещающих переводы тех же текстов другими переводчиками. Как считает историк перевода Питер Фосетт, идеология проникла во все сферы жизни, являясь отражением неравных властных отношений, доминирования определенных классов и групп в обществе [Fawcett 2001]. Как видно, в практику перевода целенаправленно вмешиваются сторонние силы, управляющие этим процессом и подталкивающие его в нужном направлении, используя идеологические, материальные и статусные рычаги [Schaffner 2007]. Судя по тому, что происходит сейчас в сфере перевода, идеологический фактор в политической коммуникации начинает играть ведущую роль.

Представление о переводе как акте идеологической диверсии требует прежде всего уточнения базовых терминов. Знакомство с литературой показывает значительный разброс мнений в толковании концепта *идеология*. Отметим, что одной из наиболее влиятельных работ в этой области является фундаментальная монография английского литературоведа и философа Терри Иглтона. В своей монографии «Ideology: An Introduction» исследователь предложил десятки определений идеологии, среди которых внимание привлекают толкования, основанные на следующих критериях: это «процесс производства значений, знаков и ценностей в общественной жизни» (перевод здесь и далее выполнен мною. — З. Ч.), это «формы мысли, мотивированные общественными интересами», это «совокупность идей, ха-

актерных для социальных групп». Вместе с тем автор также приводит примеры понимания идеологии как сугубо отрицательного явления: это «ложные идеи, которые помогают легитимизировать господствующую власть», это «систематически искажаемая коммуникация» [Eagleton 1991].

Одним из первых ученых, связавших идеологию с дискурсом, был голландский лингвист Т. А. ван Дейк, который в известном труде «Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach» обозначил с позиций междисциплинарного подхода к идеологии три основных положения относительно этого понятия: 1) статус, внутреннюю организацию и ментальные функции идеологий необходимо изучать в терминах когниции, общества и дискурса; 2) идеологии выполняют не только когнитивные, но и социальные, политические, культурные и исторические функции; 3) идеологии формируются, изменяются и воспроизводятся главным образом в ситуативно привязанном дискурсе и коммуникации [Dijk]. На примере критического дискурс-анализа, разработанного Н. Фейрклафом [Fairclough 1989], Т. ван Дейк устанавливает в дискурсе расизма способы злоупотребления властью, закрепления неравенства и доминирования на материале расистских предрассудков и идеологий [Dijk 2008]. Кроме этого вида дискурса, автор также исследовал используемые для достижения манипулятивного воздействия средства в парламентских дебатах, в политическом дискурсе, военной риторике, преследующей цель легитимизации войны в Ираке, прагматике лжи в политической коммуникации. Программным положением, лежащим в основе междисциплинарного подхода к переводу, стало заявление бельгийского исследователя Тео Херманса о том, что практически любой перевод допускает и «предполагает определенные манипуляции с оригиналом, производимые с той или иной целью» [Hermans 1985: 9].

Рассматривая перевод как акт идеологической диверсии, считаем необходимым сделать акцент на той стороне идеологии в информационной войне, которая направлена на обработку массового сознания. Идеологическая установка переводчика предполагает такой способ перевыражения исходного материала, который (1) отражает определенную политическую позицию по отношению к персоналиям, действиям и событиям; (2) предлагает искаженную аксиологическую картину мира и оценку описываемых событий; (3) предопределяет интерпретацию массовым читателем описываемого, навязывая субъективную точку зрения переводчика.

Диверсия имеет характерные черты, проявляющиеся в том, что она (1) является проявлением определенного идеологического мировоззрения; (2) носит ярко выраженный антагонистический характер; (3) направлена против врага, реального или вымышленного; (4) принимает форму тайной подрывной деятельности в идеологическом противостоянии сторон.

В критике перевода внимание к идеологическому аспекту текста проявляется по-разному в зависимости от цели исследователя. Так, в научной статье Д. И. Петренко обсуждается жесткое проявление идеологического контроля власти на примере перевода художественного романа Джерома Сэлинджера «The Catcher in the Rye» с английского языка на русский. Этот государственный контроль в условиях советской идеологии принимал форму институциональной цензуры, поскольку осуществлялся властными органами (Главлит, Главиздат), которые не только отбирали тексты, рекомендованные к переводу, но и контролировали список издательств, получивших разрешение печатать переводы зарубежной литературы, определяя их идеологическую выдержанность, запрещая некоторые тексты как враждебные, чуждые и вредные, как проводники буржуазной идеологии. Осуждая и отказывая в праве любым силам со стороны оказывать идеологическое давление на переводчика, автор статьи отдает должное таланту и творческому подходу переводчицы Р. Я. Райт-Ковалёвой, сумевшей нейтрализовать и смягчить обценную лексику, снять подробности интимных отношений между мужчиной и женщиной, чтобы не смущать русского читателя, и в целом придать языку главного героя романа Холдена Колфилда более нормативный характер, а юноше — чистоту души [Петренко 2016].

В несколько ином ключе обсуждает проблему роли идеологии в переводе Д. М. Бузаджи, изучая идеологическую сторону переводческой практики. Он исходит из базового принципа, что качественный перевод невозможен без субъективных интерпретаций, нюансов и обертонов, и, обсудив типичные переводческие ошибки, формулирует основное требование к переводчику, действующему согласно идеологической установке: «Ясно видеть различия между культурами ИЯ и ПЯ и ориентироваться на читателя, не знающего на ИЯ ни слова и не обладающего в культуре ИЯ никакими специфическими познаниями» [Бузаджи 2011]. Автор выдвигает главную идеологическую задачу — «установку на предельную ответственность переводчика перед автором оригина-

ла, читателями перевода, своими коллегами и в конечном счете перед культурами ИЯ и ПЯ» [Бузаджи 2011:12].

В политической коммуникации не менее важны указанные выше идеологические приоритеты переводчика, этическая и моральная ответственность переводчика перед автором оригинала, читателями и своей совестью, так как здесь также нередко имеет место идеологический заказ владельцев издательств и редакции газет. По нашим наблюдениям над переводами политических текстов, а также по материалам сопоставления английских оригинальных статей с их переводами на русский язык, выполненными сотрудниками Русской службы ведущих англоязычных изданий, перевод нередко выполняет задачу подрывной пропагандистской деятельности, для чего используются разные приемы.

Рассмотрим примеры преднамеренного использования в русскоязычных версиях средств, имеющих целью создание ложной информации. В возникшей 7 июня 2017 г. ситуации конфликта ряда стран с Катаром, приведшего к разрыву дипотношений с соседними странами, пресса многих стран изобиловала информацией о взломе катарского информагентства российскими хакерами. Сообщение телеканала CNN моментально распространилось в прессе, хотя и подавалось под разным идеологическим соусом. В «International Business Times» эта информация приняла формат новости, требующей проверки и доказательств: *Did Russian hackers plant fake news that led to Qatar crisis?* [IBT.07.06.2017]. Эта же новость в «Daily Mirror» была сообщена с обвинительным тоном, с акцентом на предположении о связи события с пресловутыми российскими хакерами: *US suspects Russian hackers planted fake news behind Qatar crisis* [Daily Mirror.07.06.2017], что по сути было не подкрепленным фактами намеком на «российский след». В русскоязычной версии этого сообщения переводчик усилил идеологическую модальность, заменив слово со значением предположения (*suspect — believe tentatively, without clear ground*) [Oxford] на прямое обвинение России: «США обвинили российских хакеров в распространении фальшивых новостей в Катаре» [Republic. 07.06.2017], манипулируя сознанием массового читателя, готового принять на веру любую ложь. Аналогичный прием переводческого трансформирования информации происходит в оформлении сообщения о вступлении Черногории в НАТО: в английской версии — «*Montenegro Accession to NATO Would Affect Relations with Russia*» [Foreign

Policy.28.04.2017]; мысль о последствиях этого шага для России принимает форму утверждения, в котором основная смысловая нагрузка падает на глагол *affect* (*connect closely and often incriminatingly, make believe with the intent to deceive*), подчеркивающий вероятность недоброжелательной реакции России на это решение, способной привести к отрицательным результатам. Модальный глагол *would* выражает в английском тексте широкий спектр модальных значений: вероятность, желание, условность предположения. В русскоязычной версии использован иной тип сообщения, поданного в форме вопроса, в котором мысль о неизбежности пагубных последствий этого события для двусторонних отношений не подвергается сомнению, но речевым центром становится выдвигание в фокус того, какую форму это примет: «Как вступление Черногории в НАТО повлияет на отношения с Россией?» [bbc.com/russian 28.04.2017].

Использование текстуальных лексических единиц в англоязычной версии, вытесняющих словарные соответствия, имеет целью подать реальный факт в соответствующей идеологической упаковке, ср.: «Совет Федерации разрешил Путину **ввести войска на Украину**» [lenta.ru.01.032014] — «Ukraine crisis: Putin asks Russian Parliament's permission for **military intervention in Crimea**» [The Independent.01.03.2014]. В данном случае в англоязычном тексте искажен реальный смысл мартовских событий 2014 г., когда после государственного переворота на Украине и установления крайне реакционного режима население Крыма обратилось к руководству России с просьбой о защите и обеспечении безопасности. Хотя руководству России не пришлось воспользоваться предоставленным разрешением, в западной прессе закрепилось использование слов *military intervention, aggression, invasion, annexation* со значением военной агрессии, интервенции вместо *присоединение, воссоединение* в российских СМИ.

Лексико-грамматические замены в переводной версии, не мотивированные системными различиями между языками, способны вызывать значительные изменения в идеологической модальности текста. В оригинале английской статьи «Michael Flynn Failed to Disclose Income From Russia-Linked Entities» [New York Times.01.04.2017] сообщение о якобы имевших место связях помощника Д. Трампа с российскими компаниями носит характер недоказанного предположения, о чем свидетельствуют ключевые слова: *does not directly mention, a paid speech as well as other payments, an amended version, the list*

appears to include, no reason was given, the discrepancy between the two forms, payments were detailed in a letter, was forced to resign. В русской версии названия статьи «Флинн рассказал, от каких российских компаний он получал деньги» [02.04.2017] изменены смысловые акценты, и тон изложения события придает ему характер подтвержденного факта получения американским чиновником финансового возмещения со стороны русских. Эта модальность усиливается в тексте в результате необоснованной замены использованных в оригинале лексико-грамматических средств ее выражения на модальные маркеры с прямо противоположными смыслами, создающими иллюзию реальных фактов: **было указано, среди упомянутых в документе российских источников, позднее выяснилось, за эту работу платили ему хорошо, за свои услуги он получил, по сведениям источников, подал в отставку.**

Мощным средством воздействия, основанного на дезинформации читателя, является преобразование исходного текста, преследующее цель актуализации закрепившихся коннотаций, вызываемых прецедентными явлениями, аллюзиями, символами и другими знаками лингвокультуры. Заголовок статьи о российском министре обороны «*Silent strongman Sergey Shoigu is the real force behind Russia's military aggression*» [Spectator. 05.12.2015] оформлен автором оригинала с позиций якобы объективной модальности, но на самом деле несет абсолютно ложную информацию о С. К. Шойгу на фоне уже приевшихся обвинений в адрес России, оказывающей поддержку правительственным войскам по просьбе президента Сирии. В русскоязычной версии этой статьи в газете для русскоязычной части Америки «*Тихий силовик Сергей Шойгу*» [Еврейский мир. 12.12.2015] заголовок сокращен и модифицирован с целью усиления эмоционально-оценочных коннотаций, порождаемых ценностно-идеологическими ассоциациями, актуализирующими в сознании русскоязычной аудитории стереотипный образ «тихого американца» (из известного романа Грэхема Грина), внешне интеллигентного и вполне порядочного американского дипломата, миссия которого заключалась в организации провокаций, саботажей и актов кровопролития в чужой стране.

В фильме о ситуации в России на канале BBC в серии под названием «The Russian Godfathers» («Крестные отцы России») предложение «*Russian politics, declares Boris Berezovsky, «is Russian roulette*» [The Guardian 03.12.2005] переведено как «Российская политика — это русская рулетка. Ты

готов рискнуть или не готов?» [BBC. 09.02.2007]. Негативные коннотации порождаются в оригинале прецедентным сочетанием *Russian roulette*, реализующим смысл *an activity that is potentially very dangerous* [Oxford Dictionary]. Эта отрицательная оценка усиливается в русской версии за счет прямого обращения к адресату, который мог сомневаться в истинном подтексте этой аллюзии. Подобные приемы используются в переводных версиях зарубежных СМИ, порождающих миф о нестабильности, непредсказуемости, рискованном курсе и неизбежном фиаско российской политики.

Нередко в русскоязычных версиях газет в массовое сознание обывателя внедряются негативные оценочные коннотации образа русского медведя, которые идут вразрез с преобладающими положительными ассоциациями с этим зверем в русских сказках, пословицах, баснях, который имеет полное человеческое имя (Михайло Иваныч Топтыгин), встречается в гербах русских городов и т. д. Позитивный образ медведя подчеркивает в политическом дискурсе российский президент, отмечая миролюбивый характер зверя, то, что он никому не уступит территорию своего обитания [doovi. 24.10.2014]. Смысловой контраст в прецедентном зооморфном образе прослеживается в коннотациях, актуализируемых английским текстом и русскоязычными переводными версиями, ср.: *Beware: The Russian bear is getting bolder* [Washington Post. 01.12.2016] — *Русский медведь наглеет* [Forbes. 24.03.2017]. Английский текст начинается с предупреждения о явной угрозе и неминуемой опасности, олицетворяемой этим зверем (*beware — used to warn someone of danger or difficulty*). В нем использован ключевой элемент *bold* (*confidently assertive; adventurous, courageous; impudent, daring, fearless* [Oxford]), способный вызывать разнообразные ассоциации с храбрым, решительным, дерзким, сильным, готовым рисковать оппонентом, в то время как его текстуальное соответствие в переводе избирательно подчеркивает резко негативные свойства (нахальный, бесстыжий, хамский). Заголовок статьи в английском журнале *Europe Divided while Russian Bear Lurks, Hear The Bells Toll* [Forbes. 05.10.2016] вновь не только рисует образ агрессивного медведя как притаившегося в засаде зверя (*lurk — to wait, sometimes hiding, in order to frighten, annoy, or attack someone*), но и рождает смыслы, ассоциируемые с названием романа Э. Хемингуэя, угрозы всему человечеству. В русскоязычной версии сообщения «*Услышьте набат: русский медведь подбирается к разобщенной Евро-*

ле» [The Insider. 07.10.2016] на фоне описания крупных побед ВКС России в Сирии подчеркнута уязвимое состояние Европы, раздираемой внутренними разногласиями, как удобной мишени для сильного и опасного агрессора, готового воспользоваться этим.

Таким образом, материалы исследования позволяют пополнить типологию переводческих ошибок еще одним критерием, квалифицирующим ошибки как непреднамеренные и преднамеренные. Ошибки первого типа не являются результатом умысла и допускаются вследствие непонимания текста, несформированной переводческой компетенции, основанной на недостаточном знании ИЯ и ПЯ, предметной ситуации и правил межъязыкового и межкультурного переноса. Преднамеренные ошибки допускаются сознательно и, как правило, имеют нелингвистическую, или, точнее, идеологическую мотивацию, делаются с целью манипулирования массовым сознанием. Стратегия, определяемая желанием переводчика ввести читателя в заблуждение, искажив реальную информацию до заведомо ложной, реализуется в форме разных тактик и приемов создания фейка.

Проведенный анализ показывает, что перевод политических текстов в современных СМИ превращается в площадку идеологической борьбы и активно используется в качестве орудия вмешательства в информационное пространство целевой аудитории. Под благовидным предлогом равноправного соавторства переводчик прибегает к неоправданным трансформациям оригинала, обеспечивая идеологическую подачу факта.

ИСТОЧНИКИ

1. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39751523>.
2. URL: <https://foreignpolicy.com/>.
3. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraine-crisis-putin-asks-russian-parliaments-permission-for-military-intervention-in-crimea-9162253.html>.
4. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/01/us/politics/michael-flynn-financial-disclosure-russia-linked-entities.html>.
5. International Business Times. 2017. 7 June. URL: <http://www.ibtimes.co.uk/>.
6. URL: <http://www.dailymirror.lk/article/US-suspects-Russian-hackers-planted-fake-news-behind-Qatar-crisis-130372.html#sthash.jFcbEAKEdpuf>.
7. URL: <https://republic.ru/posts/83717>.
8. URL: <http://www.spectator.co.uk/2015/12/silent-strongman-sergey-shoigu-is-the-real-force-behind-russia's-military-aggression>.
9. URL: <http://evreimir.com/111378/tihij-silovik-sergej-shojgu/>.
10. URL: <http://theins.ru/ekonomika/49862>.
11. URL: <http://www.guardian.co.uk/russia/article/0,,1655229,00.html>.
12. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/beware-the-russian-bear-is-getting-bolder/2016/12/01/5f8535ae>.
13. URL: <https://www.forbes.com/sites/kevinomarah/2017/03/23/russian-irrelevance/#742247a53d11>.
14. URL: <https://www.forbes.com/sites/marcelmichelson/2016/10/05/europe-divided-while-russian-bear-lurks-hear-the-bells-toll/#1d0227df3cc1>.
15. URL: <http://www.doovi.com/video/putin-russkii-medved-ni-komu-svoei-taigi-ne-otdast/>.
16. URL: <https://yandex.ru/search/?text=oxforddictionaryonline&lr=172&clid=2039344>.

ЛИТЕРАТУРА

17. Бузаджи Д. М. Закалка переводом. Об идеологической стороне переводческой практики и преподавания перевода // Мосты. — М. : Р. Валент. № 1 (29). С. 1—12. URL: <http://www.thinkaloud.ru/feature/buz-ideology.pdf>.
18. Петренко Д. И. Перевод и идеология (на материале перевода романа Дж.Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» в СССР) // Вестн. Перм. нац. исследоват. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 28—37.
19. Чанышева З. З., Хазиева Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестн. Башкир. ун-та. Уфа. 2015. Т. 20. № 3. С. 974—980.
20. Dijk T. A. van. Discourse and Power. URL: <http://bookre.org/reader?file=1292058>.
21. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. URL: <https://yandex.ru/yandsearch?text=T.vanDijkIdeologyanddiscourse&lr=172&clid=2039342>.

Z. Z. Chanysheva
Ufa, Russia

TRANSLATION AS A TOOL OF IDEOLOGICAL SABOTAGE IN INTERCULTURAL POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The paper argues that translation may be used as an act of ideological sabotage to establish control over the informational space of the audience. The goal of this research is to prove destructive role of translation of a text that underwent subjective interpretation by translator. The article describes the methods of change in meaning on the basis of comparison of authentic articles in English and their translations into Russian made by the staff of the Russian version of the media and translations of articles from Russian into English in political communication. The following methods of research were applied: comparative-translative, contextual, discursive, component analysis and interpretation. The result of this research is a list of translation techniques that cause partial or complete distortion of the meaning of the original text. The empiric material proves the existence of a variety of techniques that are used in translated text to intentionally change the fragments of the original text that present some facts or conceptual information in order to create the space of political and ideological lie. The materials of this research add one more criteria in the typology of translation errors differentiating between unintentional and deliberate mistakes. Mistakes of the first type are not the result of some deliberate action and they appear because of misunderstanding of the text or poor translating competence. Deliberate mistakes are made on purpose, and, as a rule, have non-linguistic or ideological motivation to manipulate mass consciousness.*

KEYWORDS: translations; translation studies; ideological diversion; political communication; intercultural communication; ideological pressure.

ABOUT THE AUTHOR: Chanysheva Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Bashkir State University, Ufa, Russia.

REFERENCES

- URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39751523>.
- URL: <https://foreignpolicy.com/>.
- URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraine-crisis-putin-asks-russian-parliaments-permission-for-military-intervention-in-crimea-9162253.html>.
- URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/01/us/politics/michael-flynn-financial-disclosure-russia-linked-entities.html>.
- International Business Times. 2017. 7 June. URL: <http://www.ibtimes.co.uk/>.
- URL: <http://www.dailymirror.lk/article/US-suspects-Russian-hackers-planted-fake-news-behind-Qatar-crisis-130372.html#sthash.jFcbEAKe.dpuf>.
- URL: <https://republic.ru/posts/83717>.
- URL: <http://www.spectator.co.uk/2015/12/silent-strongman-sergey-shoigu-is-the-real-force-behind-russia's-military-aggression>.
- URL: <http://evreimir.com/111378/tihij-silovik-sergej-shoigu/>.
- URL: <http://theins.ru/ekonomika/49862>.
- URL: <http://www.guardian.co.uk/russia/article/0,,1655229,00.html>
- URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/beware-the-russian-bear-is-getting-bolder/2016/12/01/5f8535ae>.
- URL: <https://www.forbes.com/sites/kevinomarah/2017/03/23/russian-irrelevance/#742247a53d11>.
- URL: <https://www.forbes.com/sites/marcelmichelson/2016/10/05/europe-divided-while-russian-bear-lurks-hear-the-bells-toll/#1d0227df3cc1>.
- URL: <http://www.doovi.com/video/putin-russkii-medved-nikomu-svoei-taigi-ne-otdast/>.
- URL: <https://yandex.ru/search/?text=oxforddictionaryonline&lr=172&clid=2039344>.

- Eagleton T. Ideology: An Introduction. — New York, 1991. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/188812.Ideology>.
- Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. — London Group Publ., 1995. 265 p.
- Fawcett P. Ideology and translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. — Taylor & Francis e-library, 2001. P. 106—111.
- Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation // The Manipulation of Literature : Studies in Literary Translation / ed. by T. Hermans. — London : Croom Helm, 1985. P. 103—135.
- Lefevre A. Translation, history, culture: a sourcebook. — Taylor & Francis e-library, 2003. 182 p.
- Schaffner Ch. Politics and Translation // A Companion to Translation Studies / ed. P. Kuhiwczak, K. Littau. — Multilingual Matters Ltd : Clevedon-Buffalo-Toronto, 2007. P. 134—147.
- Buzadzi D. M. Zakalka perevodom. Ob ideologicheskoy storone perevodcheskoy praktiki i prepodavaniya perevoda // Mosty. — M. : R. Valent. № 1 (29). С. 1—12. URL: <http://www.thinkaloud.ru/feature/buz-ideology.pdf>.
- Petrenko D. I. Perevod i ideologiya (na materiale perevoda romana Dzh.D. Selindzhera «The Catcher in the Rye» v SSSR) // Vestn. Perm. nats. issledovat. politekh. un-ta. Problemy yazykoznavaniya i pedagogiki. 2016. № 3. С. 28—37.
- Chanysheva Z. Z., Khazieva R. R. Diskursivnye praktiki ispol'zovaniya agressivnoy lzhi v konfliktogennom diskurse // Vestn. Bashkir. un-ta. Ufa. 2015. Т. 20. № 3. С. 974—980.
- Dijk T. A. van. Discourse and Power. URL: <http://bookre.org/reader?file=1292058>.
- Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. URL: <https://yandex.ru/yandsearch?text=T.vanDijkIdeologyanddiscourse&lr=172&clid=2039342>.
- Eagleton T. Ideology: An Introduction. — New York, 1991. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/188812.Ideology>.
- Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. — London Group Publ., 1995. 265 p.
- Fawcett P. Ideology and translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. — Taylor & Francis e-library, 2001. P. 106—111.
- Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation // The Manipulation of Literature : Studies in Literary Translation / ed. by T. Hermans. — London : Croom Helm, 1985. P. 103—135.
- Lefevre A. Translation, history, culture: a sourcebook. — Taylor & Francis e-library, 2003. 182 p.
- Schaffner Ch. Politics and Translation // A Companion to Translation Studies / ed. P. Kuhiwczak, K. Littau. — Multilingual Matters Ltd : Clevedon-Buffalo-Toronto, 2007. P. 134—147.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

К. А. Астахова
Челябинск, Россия

ТАКТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ САНКЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. Для современного политического обозревателя одним из основных источников информации о политических событиях выступает виртуальная политическая реальность, сформированная и транслируемая медиадискурсом. В аспекте манипулятивных медиатехнологий рассматривается политический медиадискурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде, связанный с введением санкций. Отмечается расширение семантического объема слова «санкция» в толковых и энциклопедических словарях. Тематика санкций рассматривается на примере материалов ведущих информагентств, радиостанций, телеканалов, интернет-ресурсов, политических журналов и газет, которые освещали общественно-политические события марта — апреля 2014 года. Были обозначены позиции различных стран по отношению к происходящему между Украиной и Россией. Некоторые страны, такие как США и Канада, имели оппозиционную точку зрения и обсуждали меры воздействия. Такими мерами стали санкции, введенные против России. Так как санкции являются мерой воздействия против стороны, нарушившей международные договоренности, процесс «выдвижения санкций» предполагает наличие оппозиционных сторон: государства, формирующего санкционный список, и государства, которому он адресован. Следовательно, изменение семантического поля слова «санкции» имеет дискурсивный характер: появление нового компонента «конфронтации» в ракурсе недавних политических событий. Описываются основные тактики медиатекстов (тактика ограничения, концептирования), выделяются концепты (угроза, попытка ультиматума, холодное оружие; взаимный ущерб, обоюдострая вещь; риск, нежелательная мера воздействия, карательная мера).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия санкционирования; тактика ограничения; тактика концептирования; коммуникативный ход; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; санкции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Астахова Ксения Александровна, ассистент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарного педагогического университета; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: astahova_kseni@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Информационный поток, с которым сталкивается современный обозреватель, является сложным многосегментным образованием. Каждый сегмент представлен своим типом медиатекста, репрезентация которого не заключена в рамки обыденного понимания текста, а выходит за границы вербального средства передачи информации, поскольку используется видеоряд, звук или изображение. Медиатекст рассматривается в рамках медиалингвистики, которая изучает проблемы функционирования языка в сфере массмедиа. По мнению Т. Г. Добросклонской, политический медиатекст является центральной единицей медиалингвистики. Она предлагает комплексный подход к анализу медиаречи, который позволяет «не только понять ее внешние особенности, но и раскрыть внутренние механизмы ее порождения, распространения, а также воздействия на массовую аудиторию» [Добросклонская 2014: 6].

Одним из механизмов воздействия на восприятие человеком информации могут являться коммуникативные стратегии, заложенные в основе медиатекста. О. С. Иссерс утверждает, что в медийном политическом дискурсе речевое планирование достигает уровня технологий. Стратегия имеет составляющие, а именно речевые тактики, кото-

рые, в свою очередь, представлены наименьшими единицами речевого воздействия — коммуникативными ходами. Стратегия направлена на воздействие, трансформацию мировосприятия адресата [Иссерс 2008: 109].

Наибольшей концентрацией манипулятивных медиатехнологий обладает политический медиадискурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде. Конкурирующие между собой способы интерпретаций событий в СМИ, использующие различные вербальные и невербальные средства воздействия, наполняют виртуальной политической продукцией медиaprостранство. Таким образом, для современного обозревателя одним из основных источников информации о политических событиях выступает виртуальная политическая реальность, сформированная и транслируемая медиадискурсом. О. Ф. Русакова и Е. Г. Грибовод считают, что «сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан». Они так же отмечают, что «транслируемая СМИ политическая медиареальность нередко ока-

зывается для граждан более интересной и привлекательной, чем реальность эмпирического политического опыта» [Русакова 2014: 66].

Всеобъемлющее воздействие со стороны средств массовой информации, выдающих его в виде коммуникативных стратегий и тактик, возрастает с нарастающим объемом информации в целом. В основе стратегии взгляды и видение политической обстановки, необходимую трактовку которых одна сторона может навязывать другой. Данная мера воздействия манифестируется в речевом (или вербальном) и неречевом потоке в виде речевых тактик и коммуникативных ходов.

Основываясь на том факте, что предложение содержит не только прямое, но и имплицитное значение, которое адресат может по-своему интерпретировать, предложения в высказывании могут быть сгруппированы по принципу единства цели их имплицитных значений. Последовательность предложений, объединенных имплицитным значением, можно назвать стратегической. Чтобы понять, в чем заключается речевая стратегия «санкционирования», рассмотрим подробнее значение слова *санкция*. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, слово *санкция* (от лат. *sanctio* — освящение) имеет несколько значений: *признание законности какого-нибудь явления, утверждение чего-нибудь высшей инстанцией (юр.); перен. одобрение (книжн); условие, обеспечивающее выполнение закона, договора (юр.) преим. мн.* [ТССРЯ, 2013]. В толковом словаре мы не находим значения слова «санкция» как меры воздействия. Семантика лексемы расширяется благодаря дискурсивной актуализации: так, в большом энциклопедическом словаре одно из первых значений слова «санкция» — «мера воздействия, важнейшее средство социального контроля. Санкции также рассматриваются как государственная мера, применяемая к нарушителю установленных норм и правил. Санкции могут быть частью правовой нормы, содержащей указание на меры государственного воздействия в отношении нарушителя данной нормы. В международном праве — санкции это меры воздействия, применяемые к государству при нарушении им своих международных обязательств или норм международного права» [БЭС 2004].

Проанализировав изменения семантических компонентов слова «санкция» в толковом и энциклопедическом словарях, мы заметили расширение семантического объема данного слова. Таким образом, коммуникативная стратегия санкционирования будет

иметь смысловой компонент урегулирования правовых норм каких-либо сторон. Цели имплицитных значений ряда предложений будут сведены к воздействию либо запрету. Адресант, используя речевую стратегию санкционирования, пытается направить интеллектуальные и эмоциональные процессы адресата таким образом, чтобы те в конечном счете привели его к нужному решению, умозаключению. Стратегия может быть выстроена рядом речевых тактик или ходов.

Основываясь на рейтинге самых влиятельных общественно-политических СМИ, мы выбрали ведущие информагентства, радиостанции, телеканалы, интернет-ресурсы, политические журналы и газеты, которые освещали общественно-политические события марта — апреля 2014 г. В марте 2014 г. состоялся референдум, в ходе которого было принято решение о вхождении Крыма в состав РФ. В ответ рядом стран были введены санкции против России. Медиапространство заполонила «санкционная» тема: по ней на сайте РИА «Новости» за указанный период опубликовано 1797 материалов, на сайте канала «Вести 24» — 579 статей, на интернет-ресурсе «Лента.ру» — 144 материала, в общественно-политическом журнале «Коммерсант Власть» — 11 статей, на интернет-ресурсе «Коммерсант.ру» — 461 материал, на радио «Эхо Москвы» — 127 передач в эфирном времени, 140 упоминаний в блогах.

Стратегия санкционирования широко представлена в материалах приведенных выше источников. Медiateксты разных типов содержали в себе информацию, указывающую на урегулирование правовых взаимоотношений сторон. Были обозначены позиции различных стран по отношению к происходящему между Украиной и Россией. Некоторые страны, такие как США и Канада, имели оппозиционную точку зрения и обсуждали меры воздействия. Такими мерами стали санкции, введенные против России. Поскольку, несомненно, к данной проблеме необходимо было вызвать большой интерес массового зрителя и читателя, увеличился информационный поток, содержащий различные трактовки происходящих политических событий.

Так как санкции являются мерой воздействия против стороны, нарушившей международные договоренности, процесс «выдвижения санкций» предполагает наличие оппозиционных сторон: государства, формирующего санкционный список, и государства, к которому он адресован. Следовательно, изменение семантического поля слова «санкции» имеет дискурсивный характер: появле-

ние нового компонента «конфронтации» в ракурсе недавних политических событий.

Н. Б. Руженцева отмечает, что «любая речевая тактика (в том числе и тактика автора политических текстов) имеет в своей основе ряд частных речевых приемов — узких, специализированных способов построения высказывания, в совокупности направленных на достижение заданной цели» [Руженцева 2004: 26]. Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи, то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Так, речевая тактика ограничения представлена коммуникативными ходами «позиционирования» и «чуждости». Коммуникативная категория позиционирования выражена через употребление ряда синонимичных лексем: «ограничение», «нестыковка», «блокирование», «конфронтация» и «зависимость»: *Что проявилось с необычайной яркостью на прошедшем саммите Россия-ЕС. Он стал каким-то финальным аккордом, завершающим симфонию нарастающей взаимной брезгливости, полной нестыковки российского и европейского мировоззрения по важнейшим вопросам того, что в этом мире можно сегодня делать, а что нет (Дмитрий Косырев, политический обозреватель РИА Новости)* [Евросоюз и украинская ошибка начальной ценой в 11 млрд евро // РИА «Новости», 2014.07.03]; *По словам немецкого министра, ЕС не желает конфронтации, но поведение российской стороны наводит на необходимость подготовить соответствующие меры* [ФРГ: ЕС может подготовить ряд мер против России на следующей неделе // РИА «Новости», 2014.11.03]. В роли маркеров «чуждости» отмечены лексические единицы, выражающие недоверие к оппоненту — «якобы» и «так называемый»: *27 февраля украинский парламент утвердил состав так называемого „правительства народного доверия“, премьером стал Арсений Яценюк* [Конгрессмены призвали Белый дом исключить РФ из G8 и ввести санкции // РИА «Новости», 2014.12.03].

Тактика ограничения реализована набором ходов, наиболее ярким из которых является использование политических метафор: «линия непонимания», «спираль санкций»: *Уже то, что дискуссия по двум разным докладом — о ситуации на Украине и по полномочиям российской делегации — де-факто вылилась только в обсуждение действий России, говорит о том, где проходит линия непонимания* [Бутрин Д. Пра-

вила игры // Коммерсант, 2014.14.04]. Последняя указывает на то, что список мер, призванный повлиять на действия РФ, постоянно пополняется, а сама ситуация имеет повторяющийся, циклический характер. Политическая метафора является одним из важных составляющих коммуникативной тактики благодаря своему прагматическому потенциалу: «...метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2013: 23].

Еще одной немаловажной составляющей стратегии санкционирования является тактика концептирования. По словам Н. Н. Болдырева, «лексическая система концептуализации и категоризации по существу есть представление концептуальной системы человека в языке, то, что принято называть концептосферой языка или языковой картиной мира» [Болдырев 2013: 8]. Медийное концептирование — создание устойчивых концептов в медиaprостранстве, под воздействием той или иной трактовки политического события у адресата формируется определенный мыслительный образ. Проанализировав медиатексты, опубликованные за период марта — апреля 2014 г., мы выделили следующие концепты:

1) санкции — угроза / попытка ультиматума / холодное оружие: *Власти США могут расчехлить грозное „холодное“ оружие — применить санкции в отношении ряда российских банков по иранскому образцу* [Дейдест российских СМИ — 6 марта // РИА «Новости», 2014.06.03];

2) санкции — взаимный ущерб / обоюдоострая вещь: *По словам вице-премьера, санкции — „вещь обоюдоострая и влияют отрицательно как на одну сторону, так и на другую“* [Любые санкции несут риск для тех, кто их выдвигает, считает Дворкович // РИА «Новости», 2014.11.03];

3) санкции — риск / нежелательная мера воздействия / карательная мера: *Перечень карательных мер экономического характера должен быть разработан до конца недели, но еще до его введения может быть расширен санкционный список должностных лиц РФ* [Списки Запада станут восточными // Коммерсант, 2014.15.04].

Таким образом, благодаря использованию коммуникативных ходов «позиционирования» и «чуждости» в политическом медиадискурсе реализуются тактики ограничения и концептирования как составляющие стратегии санкционирования. Мы полагаем,

что данная стратегия используется для моделирования определенного отношения к действиям России на фоне общеполитической ситуации — данным действиям необходимо противостоять, дать отпор, они требуют урегулирования и подавления.

ИСТОЧНИКИ

1. Бутрин Д. Правила игры // Коммерсант. 2014. 14 апреля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2444291>.
2. Дайджест российских СМИ — 6 марта // РИА «Новости». 2014. 6 марта. URL: <https://ria.ru/society/20140306/998344987.html>.
3. Евросоюз и украинская ошибка начальной ценой в 11 млрд евро // РИА «Новости». 2014. 7 марта. URL: <https://ria.ru/analitics/20140307/998579644.html>.
4. Конгрессмены призвали Белый дом исключить РФ из G8 и ввести санкции // РИА «Новости». 2014. 12 марта. URL: <https://ria.ru/world/20140312/999083715.html>.
5. Любые санкции несут риск для тех, кто их выдвигает, считает Дворкович // РИА «Новости». 2014. 11 марта. URL: <https://ria.ru/economy/20140311/999029535.html>.
6. Списки Запада станут восточными // Коммерсант. 2014. 15 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2452766>

К. А. Astakhova
Chelyabinsk, Russia

RESTRICTION TACTICS AS A CONSTITUENT PART OF THE SANCTIONING STRATEGY IN RUSSIAN POLITICAL MEDIA TEXT

ABSTRACT. *Contemporary political analysts resort to virtual political reality, made and transmitted by media discourse, as one of the main information sources to update people about political events. Political media discourse covering sanctions is analyzed from the point of view of manipulation media technologies. The semantic scope of the word “sanctions” becomes wider in explanatory dictionaries and encyclopedias. The essence of sanctions is studied on the basis of publications of the leading information agencies, radio stations, TV channels and Internet resources, political magazines and newspapers that covered socio-political events of March – April 2014. The views of different countries on what was going on between Ukraine and Russia are interpreted. Some countries, like the USA and Canada, were in opposition to Russia and they discussed the possible counteractions. As a result, sanctions against Russia were imposed. As sanctions are the measures against the country that violated international agreement, the process of “proposing sanctions” implies the existence of two opposing parties: the state that makes sanction list and the country that these sanctions are imposed against. Consequently, the changes in the semantic field of the word “sanctions” have discursive nature due to the appearance of a new component of “confrontation” in the light of the recent political events. The main tactics used in media texts are described (tactics of restriction and conception); the dominant concepts are singled out (threat, ultimatum, cold steel arms; mutual damage, double-edged object; risk, unfavorable measure, punishment).*

KEYWORDS: *sanctioning strategy; restriction tactics; concentration tactics; communicative means; political discourse; media discourse; media text; media linguistics; media; mass media; sanctions.*

ABOUT THE AUTHOR: *Astakhova Ksenia Alexandrovna, English Philology Department Assistant Lecturer, South-Urals State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Butrin D. Pravila igry // Kommersant. 2014. 14 aprelya. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2444291>.
2. Dayzhest rossiyskikh SMI — 6 marta // RIA «Novosti». 2014. 6 marta. URL: <https://ria.ru/society/20140306/998344987.html>.
3. 4987.html.
4. Evrosoyuz i ukrainskaya oshibka nachal'noy tsenoy v 11 mlrd evro // RIA «Novosti». 2014. 7 marta. URL: <https://ria.ru/analitics/20140307/998579644.html>.
5. Kongressmeny prizvali Belyy dom isklyuchit' RF iz G8 i vvesti sanktsii // RIA «Novosti». 2014. 12 marta. URL: <https://ria.ru/world/20140312/999083715.html>.
6. Lyubye sanktsii nesut risk dlya tekhn, kto ikh vydvigaet, schitaet Dvorkovich // RIA «Novosti». 2014. 11 marta. URL: <https://ria.ru/economy/20140311/999029535.html>.
7. Spiski Zapada stanut vostochnymi // Kommersant. 2014. 15 aprelya. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2452766>
8. FRG: ES mozhet podgotovit' ryad mer protiv Rossii na sleduyushchey nedele // RIA «Novosti». 2014. 11 marta. URL: <https://ria.ru/world/20140311/998983601.html>.

7. ФРГ: ЕС может подготовить ряд мер против России на следующей неделе // РИА «Новости». 2014. 11 марта. URL: <https://ria.ru/world/20140311/998983601.html>.

ЛИТЕРАТУРА

8. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 5—13.
9. Большой энциклопедический словарь. — Большая Российская энциклопедия, 2004. 1456 с.
10. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь : моногр. — М. : Флинта, 2014. 264 с.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. — М. : КомКнига, 2008. 288 с.
12. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. — Екатеринбург, 2004. 293 с.
13. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как компоненты политической коммуникативистики // Науч. ежегод. Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. № 4. С. 65—77.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. — М. : Аделант, 2013. 800 с.
15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

10. Boldyrev N. N. Aktual'nye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. №1. S. 5—13.
11. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2004. 1456 s.
12. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. Sovremennaya angliyskaya mediarech' : monogr. — M. : Flinta, 2014. 264 s.
13. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monogr. — M. : KomKniga, 2008. 288 s.
14. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. — Ekaterinburg, 2004. 293 s.
15. Rusakova O. F., Gribovod E. G. Politicheskiy mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak komponenty politicheskoy kommunikativistiky // Nauch. ezhegod. In-ta filosofii i prava Ural. otdeleniya Ros. akad. nauk. 2014. T. 14. № 4. S. 65—77.
16. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. — M. : Adelant, 2013. 800 s.
17. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

А. А. Баранова
Екатеринбург, Россия

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИОТЕКСТА
В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ: СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-РАДИОТЕКСТА**

АННОТАЦИЯ. Показаны изменения, происходящие с радиотекстом в условиях конвергенции радио и интернета, на основе анализа особенностей расшифровок общественно-политических радиопрограмм на сайте радиостанции «Эхо Москвы», выделены изменения, происходящие с радиотекстом при публикации в интернете с учетом визуальной формы подачи текстового материала и специфики интернета. Радиотекст на сайте хоть и сохраняет приметы звучащего текста (живая неподготовленная речь, контактность), но существенно меняется: сказывается влияние визуальной формы подачи информации (особенности верстки — крупнотекстовые врезки, дробление большого материала на части, появление заголовка, анонса-лида) и специфика интернета (ярко выраженная интертекстуальность, интерактивность — вплоть до моментального использования в эфире сообщений от аудитории, полученных в результате голосования на сайте, — полемичное обсуждение текста уже после его выхода в эфир с переходом на личности, внелитературную лексику и т. д.). Ряд приемов (например, анонсы-лиды, призванные заинтересовать возможного читателя расшифровки радиопрограммы) демонстрирует тенденцию стирания в интернете различий между новостями, рекламой и материалами по связям с общественностью. Можно говорить о втором рождении радиотекста программы в виде нового текста — интернет-радиотекста — и в целом, возможно, интернет-радиодискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: радиодискурс; радиотексты; СМИ; средства массовой информации; контактность речи; неподготовленность речи; разговорная речь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Баранова Анна Александровна, кандидат филологических наук, редактор, редакционно-издательский отдел, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 106; e-mail: Annie.baranova@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Когда только начиналась конвергенция СМИ, многие люди представляли этот процесс упрощенно: дескать, можно взять звук с телевизионного сюжета и включить по радио, взять расшифровку радиоматериала и опубликовать в газете. Сейчас, в эпоху всеобщей интернетизации, эту логику можно продолжить: почему бы не взять расшифровку радиоматериала и не опубликовать на сайте? Действительно, подобные опыты были: на «Радио России — Екатеринбург» звук с телесюжетов ставили в радионовостях, а сайт радио «Эхо Москвы» публиковал полные дословные расшифровки радиопередач. Однако опытные журналисты ещё много лет назад говорили: разница все-таки есть, поэтому если и перебрасывать звук или текст с одного типа СМИ в другой, то неизбежно будут какие-то изменения.

Интернет назвали «пятой властью» [Кихтан 2004: 25], он играет огромную роль в нарастающем процессе конвергенции СМИ. Как отмечают Р. Рэддик и Э. Кинг, «конвергенция различных СМИ на Web ставит перед журналистикой новую задачу: понять, каким наиболее эффективным образом может быть использовано то или иное СМИ» [Рэддик, Кинг 1999: 382]. У большинства радиостанций есть хотя бы примитивный сайт. По мнению Я. Н. Засурского, «сайты в условиях конвергенции становятся опорными центрами как информационной, так и аналитической деятельности СМИ» [Засурский 2009: 3]. Сейчас солидные радиостанции существенно усовершенствовали подачу

интернет-версий радиопрограмм, особенно общественно-политических программ диалогических, информационно-аналитических жанров. Дело не только в возможности послушать программу онлайн или посмотреть видеoversию, меняется сам текст расшифровки радиопередачи с учетом визуальной формы подачи текстового материала и специфики интернета. В данной работе мы постараемся ответить на вопросы: 1) чем расшифровка радиопрограммы в интернете отличается от классического текста в печатных СМИ, 2) что нового в таком тексте появляется в связи с визуальной формой подачи информации, 3) какие особенности интернет привносит в подобный текст.

1. *Отличие расшифровки радиопрограммы на общественно-политическую тему в интернете от классического текста в печатных СМИ* заключается в следующем:

— сохраняются в больших количествах приметы неподготовленной, спонтанной речи: присоединительные, уточняющие конструкции, незаконченные и неполные предложения и т. д. (даже в монологических жанрах): «*Потому что* доктор Лиза — ну, кто она была? Наша святая, наша Мать Тереза, человек, который кормил бомжей. Я не говорю, что это лучшее занятие для человека, потому что бомж, как правило, его сколько ни корми, он остается бомжем. *Потому что* бомж — это не случайная история, это состояние сознания. Помните того нью-йоркского полицейского, который купил бездомному ботинки, и через 2 дня этот

же самый бездомный опять оказался на улице без ботинок? Но это нисколько не умаляет поступка полицейского. *И я сейчас не о бомжах, а о докторе Лизе, потому что то, что она делала, это называется „святая“. И режим сначала ее очень травил, всякие Ольгинские тролли, всякие поцреоты»* (курсив наш. — А. Б.) (Код доступа // Эхо Москвы. 2016. 31 дек.);

– в расшифровках радиопрограмм в диалогических жанрах очень ярко представлена контактность речи — на стыках реплик много повторов, местоименных элементов, выполняемых из соседних реплик, участники перебивают друг друга, что вполне нормально для диалогической радиопрограммы: «„Ну, оно происходит так, поэтому сейчас отступить...“ — „Это же позор!“ — „Ну и что? Ну, это позор. Опять, вот, позор не позор“» (курсив наш. — А. Б.) (Особое мнение // Эхо Москвы. 2017. 9 янв.);

– такие материалы в разы длиннее любого интервью в печатных СМИ: объем расшифрованных неинформационных радиоматериалов по общественно-политической тематике нередко составляет более 40 000 знаков, что сравнимо разве что с объемом научной статьи, но редкая публикация в классических журналистских жанрах может иметь такой большой объем.

2. В связи с визуальной формой подачи информации расшифровки радиопрограммы в интернете приобретают некоторые качества печатных СМИ:

– наличие заголовка и анонса-лида (все это зачастую не дублируется дословно в самой звучащей программе). На «Радио России» придумывают классический газетный заголовок (немного длинноватый, что в большей степени характерно уже для интернет-заголовков) и дают небольшой анонс радиопрограммы, подводя к основной теме и привлекая внимание к приглашенному гостю. Например, одна из программ озаглавлена «Экономическая интеграция России и Беларуси: общие интересы и подводные камни», дано вступление: «*Очень много людей в России и Беларуси связаны взаимными отношениями — личными, семейными, деловыми, дружескими; в России есть большая белорусская диаспора, а россияне с большим удовольствием ездят в Белоруссию отдохнуть, лечиться или по вопросам бизнеса. Что же объединяет нас в течение стольких лет, несмотря на существование определенных проблем в отношениях? Причем, — считает государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси Григорий Алексеевич Рапота...*» (От первого лица // Радио России. 2016.

27 дек.). Отметим также, что на сайте часть элементов лида графически выделена жирностью и курсивом. По этому же пути теперь идет и «Эхо Москвы». Например: «**Гость: Алексей Венедиктов**, главный редактор „Эха Москвы“. Есть конкретные ответственные люди, которые не погибли в авиакатастрофе как пилоты, а на земле. Вот их покрывают просто. Их покрывает руководство Министерства обороны, и их покрывает Сергей Кужугетович Шойгу...» (Персонально ваш // Эхо Москвы. 2017. 11 марта). Заголовком становится указание на имя частого для этой радиостанции гостя эфира, а лидом — полемичная фраза, из которой даже не вполне понятно, о чем пойдет речь в интервью, зато хорошо заметна критическая направленность в адрес властей. Такие анонсы-лиды призваны заинтересовать возможного читателя расшифровки радиопрограммы в интернете. В данном случае проявляется тенденция стирания в интернете различий между новостями, рекламой и материалами по связям с общественностью, о которой пишут Р. Рэддик и Э. Кинг [Рэддик, Кинг 1999: 81];

– крупнотекстовые врезки. Разумеется, для удобства восприятия материалы такого большого объема нужно дробить, для чего создатели интернет-версий выбирают самые яркие фразы и делают до 6—7 врезок в каждую расшифровку общественно-политической программы. Например, расшифровка программы «Особое мнение» дополнена 6 крупнотекстовыми врезками (кегель вдвое больше основного), часть из которых включает даже нелитературную лексику героя — явно с целью эпатажа аудитории: «К. Ремчуков: Трамп выдержит до 20 числа, и всё это дело, как говорят русские люди, похерит» (Особое мнение // Эхо Москвы. 2017. 9 янв.);

– иллюстративный материал (фотографии журналистов, гостей программы).

Такие расшифровки радиопрограмм уже можно сравнить с печатными материалами, то есть «радио благодаря сайтам приобретает достоинства газеты» [Засурский 2009: 5].

3. Интернет привносит в расшифровки радиопрограмм интерактивность, способность легко создавать архивы информации, оперативность, мультимедийность и избирательность информации, возможность мгновенно оценить популярность СМИ по рейтингу, создать виртуальный клуб поклонников, сделать информацию более доступной [Кихтан 2004: 25—28, 105]. В результате расширяется круг возможных тем, меняется сам стиль работы с массовой информацией [Калмыков 2005: 134]. В этом отношении

преуспевает сайт радиостанции «Эхо Москвы», превратившийся «в гигантский форум, на котором обсуждаются самые актуальные и насущные вопросы современного общества», этот сайт скорее можно назвать «мультимедийным порталом», поскольку на нем есть не только форум, множество блогов и почта, но и видеоблоги, опросы, конкурсы [Конкурс карикатур «Медведев спасает Землю от потепления» 2009; Эхо Москвы; см. также подробнее: Сойнова 2010б]. Остановимся подробнее на таких особенностях анализируемых материалов, как интертекстуальность и интерактивность:

– интертекстуальность в интернет-расшифровках радиопрограмм оборачивается гипертекстуальностью, которая, как справедливо отмечает Л. А. Коханова, по определению присуща журналистскому тексту как «полю множества пересекающихся дискурсов» [Коханова 2009: 77], но интернет раскрыл огромные возможности для гипертекстуальности: на сайте можно не только прочитать расшифровку программы, но и сразу же перейти на страничку автора программы, посмотреть другие передачи рубрики;

– интерактивность проявляется как в ходе программы, так и постфактум. Сообщения от аудитории сразу же используются в радиоэфире наряду с другими сведениями. Так, на радио «Эхо Москвы» в ходе программ «Разворот» журналисты предлагают аудитории проголосовать на сайте, а затем гость программы комментирует мнение аудитории; такой прием существенно влияет на ход программы. Активно идет обсуждение и после текста, причем очень полемичное. Хотя для того же «Эха Москвы» полемичность является необъемлемой частью всей редакционной политики [Баранова 2013; Сойнова 2010а и др.], в интернет-версии эта полемичность усиливается в разы (переход на личности и т. д.). На сайте можно отследить самые обсуждаемые материалы, и в обсуждении этих материалов присутствует резкая критика и по отношению к журналисту, и по отношению к власти, часто эта критика выражается в нелитературной форме, идет переход на личности. Одна из самых обсуждаемых программ — «Код доступа» с журналистом Ю. Латыниной — получает сотни комментариев к каждому выпуску: «*Терпеть не могу* Путина. За то что *либерастня* в России вместо того чтобы голой *.опой* на углях кататься, *жирует*», «Юля-недалекая дамочка, но ВДРУГ *замечательно* сказала про *обамышку*...», «Читаешь, что пишет это женщина. И радуешься, что слава богу, нет у тебя такой жены, и нет такой тещи, и нет такой начальницы, и соседки твои не такие

сволочные. Не *травят* они тебя своей не удовлетворенностью» (орфография и пунктуация авторов сохранены, курсив наш. — А. Б.) (Код доступа // Эхо Москвы. 2016. 31 дек. Комментарии к расшифровке программы). Подобная лексика и ярко выраженная оценочность без особой аргументации — не редкость для форумов, но ведь сайт является не просто форумом, а полноценным СМИ! Перед нами — сложный пейзаж, состоящий из множества «разноцветных мазков». То есть можно говорить о влиянии сайтов на медиакартину мира, а эта картина меняет и тип отношения человека к миру [Маслова 2007: 65]. Последствия этого изменения предсказать сложно, но налицо сокращение дистанции между журналистом и аудиторией.

Таким образом, радиотекст на сайте хоть и сохраняет приметы звучащего текста (живая неподготовленная речь, контактность), но достаточно существенно меняется: сказывается влияние визуальной формы подачи информации (особенности верстки — крупнотекстовые врезки, дробление большого материала на части, появление заголовка, анонса-лида) и специфика интернета (ярко выраженная интертекстуальность, интерактивность, полемичное обсуждение текста уже после его выхода в эфир с переходом на личности, внелитературную лексику и т. д.). В итоге восприятие такого материала существенно меняется, можно говорить о втором рождении радиотекста программы в виде нового текста — интернет-радиотекста — и в целом, возможно, интернет-радиодискурса. Этот текст уже нельзя приравнять ни к радиоинтервью или радиообзору, ни к газетной статье или корреспонденции, отличается он и от текстов интернет-СМИ в чистом виде. Является ли такой текст новым жанром, новым типом текста, новым видом дискурса или просто трансформацией уже имеющихся вариантов подачи общественно-политической информации в СМИ в условиях конвергенции — ещё предстоит выяснить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова А. А. Способы репрезентации России как политического субъекта в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Политическая коммуникация : мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24—26.09.2013). — Екатеринбург, 2013. С. 23—30.
2. Болотова Е. А., Круглова Л. А. Радиовещание в эпоху новейших технологий // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2009. № 4. С. 63—65.
3. Засурский Я. Н. Сайты расширяют информационное пространство // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2009. № 4. С. 3.
4. Калмыков А. А. Интернет-журналистика. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
5. Кихтан В. В. Информационные технологии в журналистике. — Ростов н/Д. : Феникс, 2004.

6. Конкурс карикатур «Медведев спасает Землю от потепления» — Голосование. 2009. 21 дек. URL: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/643011-echo/>.

7. Коханова Л. Д. Основы теории журналистики. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

8. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М. : Академия, 2007.

9. Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле он-лайн: использование Internet и других электронных ресурсов. — М. : Национальный институт прессы : Вагриус, 1999.

10. Соينوва А. А. Негативные оценки политических субъектов в журналистском дискурсе // Тенденции развития языка СМИ: актуальные проблемы : мат-лы Первой Междунар. заоч. науч.-практ. конф. молодых исслед. (26 нояб. 2010). — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010а. С. 271—279.

11. Соينوва А. А. Специфика подачи общественно-политической информации на сайтах радиостанций // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир — Россия — Урал : мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. (Екатеринбург, 8—9 апр. 2010 г.). — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2010б. Т. 2. С. 320—324.

12. Эхо Москвы : сайт. URL: <http://echo.msk.ru/site.html>.

A. A. Baranova
Ekaterinburg, Russia

THE SECOND BIRTH OF SOCIO-POLITICAL RADIO TEXT IN TERMS OF THE CONVERGENCE OF RADIO AND THE INTERNET: SPECIFICS OF INTERNET RADIO TEXT

ABSTRACT. *The paper discusses the changes of a radio text caused by convergence of radio and the Internet. The research is based on the analysis of the scripts of socio-political radio programs published in the web site of the radio station "Ekho Moskvy". The changes of the text published on the web site are singled out. Radio text published on the web-site has distinctive marks of the text on the air (live, spontaneous speech, contact), but it undergoes serious adaptation: due to the influence of the visual form of presentation (peculiarities of page assembly – bold type, division in parts, heading, the lead) and the features of the Internet (intertextuality, interactivity – the use of messages left on the web site, or discussion of the text after its publication and criticism of the person using colloquial language, etc.). Some examples (the lead that aims to arouse interest of a reader of the script) prove blur of the border between the news, advertising and PR texts in the Internet. We can speak of the second birth of a radio text that becomes Internet radio text, and consequently develops into Internet radio discourse.*

KEYWORDS: *discourse of radio; radio text; media; mass media; contact potential of speech; spontaneity of speech; colloquial speech.*

ABOUT THE AUTHOR: *Baranova Anna Aleksandrovna, Candidate of Philology, Editor, Editorial and Publishing Department, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranova A. A. Sposoby reprezentatsii Rossii kak politicheskogo sub"ekta v programmakh radiostantsiy «Radio Rossii» i «Ekho Moskvy» // Politicheskaya kommunikatsiya : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 24—26.09.2013). — Ekaterinburg, 2013. S. 23—30.

2. Bolotova E. A., Kruglova L. A. Radioveshchanie v epokhu noveyshikh tekhnologiy // Vestn. MGU. Ser. 10, Zhurnalistika. 2009. № 4. S. 63—65.

3. Zasurskiy Ya. N. Sayty rasshiryayut informatsionnoe prostranstvo // Vestn. MGU. Ser. 10, Zhurnalistika. 2009. № 4. S. 3.

4. Kalmykov A. A. Internet-zhurnalistika. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

5. Kikhtan V. V. Informatsionnye tekhnologii v zhurnalistike. — Rostov n/D. : Feniks, 2004.

6. Konkurs karikatur «Medvedev spasayet Zemlyu ot potepeniya» — Golosovanie. 2009. 21 dek. URL: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/643011-echo/>.

7. Kokhanova L. D. Osnovy teorii zhurnalistiki. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

8. Maslova V. A. Lingvokulturologiya. — М. : Akademiya, 2007.

9. Reddik R., King E. Zhurnalistika v stile on-layn: ispol'zovanie Internet i drugikh elektronnyy resursov. — М. : Natsional'nyy institut pressy : Vagrius, 1999.

10. Soynova A. A. Negativnye otsenki politicheskikh sub"ektov v zhurnalistskom diskurse // Tendentsii razvitiya yazyka SMI: aktual'nye problemy : mat-ly Pervoy Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. molodykh issled. (26 noyab. 2010). — Тамбов : TGU im. G. R. Derzhavina, 2010а. С. 271—279.

11. Soynova A. A. Spetsifika podachi obshchestvenno-politicheskoy informatsii na saytakh radiostantsiy // Neozhidannaya sovremennost': menyayushchiesya realii XXI veka. Mir — Rossiya — Ural : mat-ly XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. (Ekaterinburg, 8—9 apr. 2010 g.). — Екатеринбург : Gumanitarnyy un-t, 2010b. Т. 2. С. 320—324.

12. Ekho Moskvy : sayt. URL: <http://echo.msk.ru/site.html>.

Э. Р. Йылмаз, А. Х. Ашрапова, З. Р. Зиннатуллина
Казань, Россия

И. С. Попп
Екатеринбург, Россия

**ПОТЕНЦИАЛ СИНКРЕТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОДОБРЕНИЯ/НЕОДОБРЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ)**

АННОТАЦИЯ. На сегодняшний день средства массовой информации стали пространством, в котором отчетливо отражаются мельчайшие изменения в сфере языка в целом и языковом потенциале определенного социума, проявляются трансформации правил и норм языкового функционирования. В связи с этим тексты СМИ представляют большой интерес для современных ученых. Актуальны они и для исследователей речевых актов, поскольку представляют собой среду, где адресант и адресат вступают в коммуникативную связь, которая иногда реализуется без прямого контакта. Мы решили обратиться к вопросу синкретических речевых актов одобрения и неодобрения, объему их потенциала на примере материалов СМИ, изданных на турецком языке и обращенных на носителей турецкого языка и культуры в настоящее время. Иногда синкретичные акты служат для осуществления двух координально противоположных функций: через выражение неодобрения относительно действий одной из сторон коммуникант поддерживает противоположную. Прямое выражение одобрения и неодобрения употребляются примерно в равном количестве. Если сравнивать косвенные и прямые акты одобрения/неодобрения, то можем заметить преобладание первых. Это дает нам повод задуматься о проблеме взаимодействия языка и культуры, менталитета и вербального поведения носителя данного культурного наследия. Синкретичные коммуникативные акты одобрения/неодобрения зависимы от контекста в широком смысле слова и экстралингвистических факторов. Значительным потенциалом обладает возможность проявлять акты одобрения/неодобрения через другие речевые акты; не прямое выражение речевых актов служит способом усиления их эмоционально-экспрессивного воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; одобрение; неодобрение; синкретизм; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Йылмаз Эльвира Рафиловна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: el-vira-hadieva@yandex.ru.

Ашрапова Алсу Халиловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры, языковой и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: tatarandlanguages@gmail.com.

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: zin-lulya@mail.ru.

Попп Ирина Сергеевна, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 148; e-mail: poppirina87@gmail.com.

Сегодня средства массовой информации (далее СМИ) стали неотъемлемой частью нашей жизни. Очень часто на основе их материалов формируется общественное мнение о том или ином событии. Поэтому иногда автор сознательно выстраивает материал таким образом, чтоб вызвать у читателя одобрение или порицание описанной ситуации. При обучении иностранному языку необходимо не только учить различать смысловую составляющую такового рода информации, но и вводить максимальное количество примеров из сферы СМИ, так как именно язык СМИ выступает образцом живого языка и через него осуществляется проекция существующих общепринятых норм общения. Умение учитывать потенциал синкретических актов одобрения и неодобрения особенно важно для будущих переводчиков, которые должны будут раскрывать и передавать всю смысловую гамму текстов СМИ, транслируя позицию адресанта и не включая другие смыслы в адресованный читателям текст.

В текстах средств массовой информации большую роль играют не столько прямые (явные) акты одобрения и неодобрения, сколько косвенные (скрытые), через которые

адресант осуществляет оценку действий или решений лиц, не оценивая при этом их личности и личностные качества. Косвенные речевые акты требуют от адресанта максимально точного выражения с учетом интерпретационных особенностей адресата. Для нас представляет интерес потенциал возможностей передачи смысла косвенных актов одобрения/неодобрения в рамках текстов СМИ.

Согласно исследованиям Т. В. Кабанковой, речевые акты, «реализующие в речи, как минимум, два иллокутивных намерения — прямое и косвенное — могут рассматриваться как частный случай не прямой коммуникации» [Кабанкова 2011]. Такие речевые акты не прямой коммуникации названы синкретичными актами. Непрямая коммуникация — это содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания предполагает восприятие смысла, не передающегося напрямую, а требующего «дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2006: 5]. Прагматический потенциал — возможность речевых актов передавать максимально полное содержание адресованного сообщения через языковую манифестацию. Адресант со-

общения организует свой коммуникативный акт таким образом, чтобы произвести коммуникативный эффект на адресата при меньших затратах сил и экономии языковых ресурсов.

Особенностью косвенных речевых актов одобрения/неодобрения является намеренное завуалирование адресантом отправляемого сообщения. Если помимо непрямого намерения есть еще и прямое намерение адресата, то акт становится синкретичным. Заметим, что скрытая интенция всегда является доминантной целью отправителя сообщения. Обращение адресантов к имплицитным формам обусловлено внешними факторами. Политические процессы, постепенное исчезновение границ между странами и культурами, глобализация — все это оставляет отпечаток на языке и его орудиях. «В последние годы одним из особенных направлений в лингвистике стали вопросы, связанные с межкультурной коммуникацией, плавно переходящие в такие наиболее сложные и значимые обсуждения, как межэтнические и межнациональные отношения» [Ашрапова 2014: 16]. Некоторые исследователи межкультурных коммуникаций считают, что «косвенность, имплицитность рассматриваются как проявление вежливости, деликатности, кооперативного стиля общения, тогда как прямой речевой акт ассоциируется с бесцеремонностью, с конфликтным поведением и даже с агрессивностью» [Милосердова 2007: 68]. Отправитель сообщения может оценивать действия и намерения, не касаясь при этом личности лица, которому они принадлежат. К прямой оценке прибегают в тех случаях, когда требуется более жесткое выражение позиций адресанта.

В статье «Akşener: Kesinlikle „hayır“ kazandı, yüzde 49'u korumamız gerekiyor» («Акшениер: «Однозначно, выиграл — „нет“, вам следует защитить 49 %» (перевод наш. — Э. И.)), напечатанной в издании «Milli Gazete» 8 мая 2017 г., есть такой интересный фрагмент: «Belli ekonomik güce sahip insanların işlerini yurt dışına taşımaya başladığını kaydeden Akşener, „Artık Türkiye’de gelecek görmeyen bazı kesimler önce çocuklarını eğitim için yurt dışına gönderiyor. Yurt dışına yatırım göçü başladı. Benim tanıdığım yakın çevremden dahi insanlar çocuklarını yurt dışına gönderiyor“ diye konuştu. 2019’daki cumhurbaşkanlığı seçimlerinin önemine de işaret eden Akşener şöyle dedi: „Bu ülkemiz için son demokratik seçimdir. <...> 2019’da Tayyip Erdoğan kazanırsa ülke parti devletine gider. Türkiye’deki demokrasi, hukuk, yaşam, her şey sıkıntıya girer. Bu seçimin sonuçları daha kesinleşmedi. Kesinlikle „Hayır“ çıktı“ <...>» [Milli Gazete]. Переведем этот текст: «Акше-

нер, отмечая то, что многие не испытывающие экономических трудностей бизнесмены стали переносить свои активы за рубеж, заявила: „Некоторые люди, уже более не видящие будущего Турции, вначале отправляют своих детей на учебу за границу. Началась миграция инвестиций. Гениальные люди из моего окружения отправляют своих детей за рубеж“. Акшениер, указывая на важность президентских выборов в 2019 году, сказала: „Это последние демократические выборы в нашей стране. <...> Если Эрдоган выиграет в 2019 году, страна станет государством одной партии. В Турции демократия, закон, жизнь — все войдет в кризис. Результаты этих выборов до сих пор не уточнены. Однозначно, победил — „Нет“ <...>» (перевод наш. — Э. И.). Здесь для нас представляет интерес синкретизм в следующем проявлении: в предложении «Некоторые люди, уж более не видящие будущего Турции, вначале отправляют своих детей на учебу за границу» изначально видим акт репрезентации, адресант сообщает о событиях, происходящих в мире. Далее также даны предложения прямой репрезентации, где прослеживается акт сообщения. Последнее предложение звучит следующим образом: «Некоторые люди, уже более не видящие будущего Турции, вначале отправляют своих детей на учебу за границу». Как мы видим, существует обрамляющая конструкция. Адресант сообщает о некоторых людях, которых определяет как «уже более не видящие будущего Турции» и «гениальных» в одном и том же тексте. Таким образом, мы можем вычислить ее отношение к действующим лицам, проявляющееся в акте оценки их действий. То есть получается, что «не видеть будущего» и «переносить активы за границу», «отправлять детей» — все эти действия получают одобрение адресанта. Это одобрение является косвенным актом, но, в свою очередь, служит для иных целей адресанта. Ведь главная идея не в самом процессе миграции, а в том, какие факторы стали при этом ключевыми. Далее всплывает основная тема — тема выборов, прошедших и предстоящих. Здесь также использован речевой акт сообщения, построенного в форме условного предложения. Далее адресант осуществляет акт прогноза, в рамках которого действия адресата сообщения, ведущие к выигрышу Эрдогана, оцениваются через акт неодобрения. Акт носит легкий манипуляторный характер: нет давления адресанта на потенциальную аудиторию, но через прогноз можно вычислить ожидаемое поведение.

В некоторых случаях не прямые выражения актов одобрения/неодобрения в рамках

конкретной коммуникативной ситуации, обусловленные набором определенных экстралингвистических факторов, могут многократно усиливать оценку адресанта. Например, мы видели, как в речи политиков акты одобрения/неодобрения, выраженные косвенно, играли ключевую роль и становились на ключевые позиции в тексте сообщения.

В электронном издании газеты «Naber» мы нашли статью, опубликованную 22 апреля 2017 г. под заголовком «Türkiye'den Avrupa'ya rest: „Onlar bilir!“» («Европе от Турции отпор: „Им видней!“») (перевод наш. — Э. Й.).

Автор статьи не указан. Текст звучит следующим образом: «AB Bakanı ve Başmüzakereci Ömer Çelik „Türkiye vize serbestisi açısından her şeyi yapmıştır. Biz kağıdımız hazırladık. Mayıs'ta vereceğiz. Kabul etmezlerse onlar bilir“ ifadelerini kullandı.

AB Bakanı ve Başmüzakereci Ömer Çelik CNN Türk'e katıldığı canlı yayında vize serbestisi için son sözü söyledi. Bakan Çelik, „Türkiye vize serbestisi açısından her şeyi yapmıştır. Biz kağıdımız hazırladık. Mayıs'ta vereceğiz. Kabul etmezlerse onlar bilir. Terörle mücadele yasasıyla ilgili bir değişiklik yapamayız. Bizim güvenliğimiz için önemlidir. Eğer bu önerilerimiz kabul edilmezse Egedeki mükellefiyetlerimizi yerine getirmeyiz“ ifadelerini kullandı» [Türkiye'den Avrupa'ya rest].

Далее идет подзаголовок: «Avrupa'yi biz kurtardık» («Мы спасли Европу») (перевод наш. — Э. Й.) и продолжение текста: «Bakan Çelik sözlerine şöyle devam etti;

„Biz göçmenlere kucak açarak Avrupa'yi kurtardık. Biz eğer bu anlaşmaları yapmasaydık. Göçmenler gitseydi Avrupa'ya aşırı sağcı, ırkçı partiler bunu kullanacaklardı. Avrupa'nın demokрасisi kayacak, politikaları değişecekti“» [Ibid.].

Обратимся к переводу данной статьи: «Министр по делам ЕС и главный переговорщик Омер Челик в своем интервью CNN Türk сказал последнее слово относительно введения безвизового режима. Министр Челик выразился следующим образом: „Турция сделала все для безвизового режима. Бумаги подготовили. В мае предоставим. Если не примут, им видней. Мы не сможем ничего изменить в законе о борьбе с терроризмом. Это важно для нашей безопасности. Если наше предложение не будет принято, то мы не выполним наши обязательства в Эгейском море“.

Мы спасли Европу.

Министр Челик продолжил свою речь следующим образом: „Мы спасли Европу, открыв свои объятия беженцам. А если бы мы не приняли это соглашение, если беженцы попали бы в Европу, крайне правые и расист-

ские партии использовали бы это. Европейская демократия бы сместилась, политика бы изменилась“» (перевод наш. — Э. Й.).

Заголовок данной статьи несет основную иллокутивную силу — автор в нем уже выразил все, что хотел сказать. Текст статьи в этом случае выступает неким пространством, где более подробно описывается основная ситуация и делаются предположения, прогнозы адресующей стороны коммуникативного акта.

В заголовке «Türkiye'den Avrupa'ya rest: „Onlar bilir!“» («Европе от Турции отпор: „Им видней!“») мы видим коммуникативную конструкцию, в рамках которой осуществляется акт неодобрения, подтвержденный в двух позициях. Первая позиция — это использование адресантом маркера в первой части конструкции: «rest» (отпор). Во второй части мы сталкиваемся с негативной оценкой «Onlar bilir!» (им виднее), которая в рамках турецкого языка используется для обозначения недовольства адресанта действиями либо намерениями кого-либо. Здесь уместно вспомнить высказывание Ф. Х. Тарасовой, что существующие «различия, или национальное своеобразие может объясняться складом ума или национальной психологией, определяющими символизацию, ассоциативные связи и коннотативную (оценочную) окрашенность понятий и явлений, обозначенных языковыми единицами» [Тарасова, Кормильцева 2013: 248—249]. В рамках нашего текста выражение приобретает значение неодобрения намерений Европейского союза относительно прекращения визового режима с Турцией. Далее в тексте ситуация получает более детальное описание. Вторая часть статьи, расположенная под подзаголовком «Avrupa'yi biz kurtardık» («Мы спасли Европу»), служит для подкрепления позиции адресанта сообщения, в ней мы видим вариант развития событий, который мог бы произойти или сможет осуществиться в будущем в том случае, если не будет достигнуто соглашение.

Заметим, что сама по себе статья адресована предполагаемым читателям — жителям Турции, целью интернет-издания является разъяснение ситуации с точки зрения позиции страны по внешнеполитическим вопросам, поэтому мы тут не видим скрытых адресантов, скрытой цели. Речь Омере Челика построена на акте неодобрения действий третьих лиц, т. е. адресаты речевого акта и объект речевого акта различаются. Это еще раз доказывает нашу точку зрения относительно того, что речевой акт одобрения/неодобрения выступает самостоятельной единицей и ее не следует рассматри-

вать в составе других речевых актов, например как разновидность похвалы или комплимента, где адресат сообщения или лицо, выполнившее некое действие, будут являться объектами речевого акта. Главной особенностью акта одобрения/неодобрения является то, что одобрению или неодобрению подвергаются не лица, а действия лиц.

Важность контекста при классификации речевых актов можно увидеть на представленном ниже примере. В первой части статьи есть следующее предложение, выделенное нами из цитаты Омера Челика: «Türkiye vize serbestisi açısından her şeyi yapmıştır» («Турция сделала все для безвизового режима»). Если мы уберем контекст, то столкнемся с репрезентативным сообщением: автор будет сообщать о положении дел, при этом не имея целью одобрение или неодобрение действий турецкой стороны. В тексте же Омер Челик осуществляет акт одобрения, подтверждая его указанием на позитивные итоги действий Турции, принятых для достижения поставленной цели (подписания соглашения о безвизовом режиме). Такими итогами являются прием беженцев (благодаря чему достигается сохранение стабильности в Европе), подготовка необходимых документов, принятие условий ЕС. Получается, что сюжетная канва текста служит неким маркером, позволяющим выявить истинные цели адресанта. Через предложения, сообщающие о положении дел (такие как «Бумаги подготовили», «В мае предоставим» и «Мы спасли Европу» и т. д.), осуществляется сообщение читателю заранее определенного адресантом эмоционального настроения. Предполагаемый адресат на основе этих предложений сам делает некоторые выводы, которые служат основанием для позитивного или негативного настроения. Поэтому в рамках контекста предложение «Türkiye vize serbestisi açısından her şeyi yapmıştır» («Турция сделала все для безвизового режима») приобретает оценочный характер, выполняет функцию речевого акта одобрения.

Также интересным с точки контекстуальных особенностей выражения речевых актов является следующее предложение: «Eğer bu önerilerimiz kabul edilmezse Egedeki mükellefiyetlerimizi yerine getirmeyiz», которое мы перевели как «Если наше предложение не будет принято, то мы не выполним наши обязательства в Эгейском море». Во-первых, этот пример может служить образчиком косвенного речевого акта, иллокутивная цель которого скрыта и должна выводиться самим адресатом. Здесь нет иллокутивного глагола, но по наличию условия и контексту ста-

ти адресат понимает, что перед ним — коммиссивный акт. Говорящий берет на себя обязательство не продолжать действовать согласно ранее обговоренному соглашению при невыполнении его требований. В данном случае речевой акт неодобрения сформирован на уровне условного предложения, где совмещены две иллокуции — сообщение и угроза. Данное высказывание, не содержащее в себе оценочного компонента, могло быть истолковано как репрезентатив или коммиссив, если бы мы не знали о том, что ситуация с беженцами создает для Турции большие проблемы, к тому же ЕС все еще не спешит отменить визовый режим, что было основным условием Турецкой Республики. Анализируя такие экстралингвистические факторы, как пресуппозиция высказывания (предпосылки высказывания, скрытое в высказывании) и его широкий контекст, адресат может достичь правильной интерпретации. Ученые все больше склоняются к тому, что высказывания имеют свои пресуппозиции, влияющие на интерпретацию в целом. Делая некоторые утверждения о предметах и явлениях, осознанно или неосознанно адресант сообщения демонстрирует свои знания о них. Каждое высказывание допускает, предполагает некое суждение. В данном случае всплывает политический опыт Турции в отношениях с Европой, который выражается актом неодобрения в адрес действий и намерений ЕС. То есть в предложении важную роль играет не столько упомянутое условие, сколько акт неодобрения, выраженный через это условие и ситуацию, которой оно продиктовано.

Во-вторых, следует обратить внимание на слово «Egedeki», переведенное сочетанием «в Эгейском море». Если не учитывать условия — время и место произнесения речи, а также происходившие в тот период события, — переводчик может сделать ошибочный перевод, посчитав, что речь идет о Эгейской зоне Турции. Но если учитывать актуальные проблемы внешней политики и ситуацию вокруг Турецкой Республики, становится понятным, что речь шла о Эгейском соглашении, на основе которого беженцев, приплывших по Эгейскому морю, согласна принять Турция. Поэтому форму «Egedeki», которая могло бы означать и Эгейскую зону в рамках другого контекста, мы переводим выражением «в Эгейском море».

Интересно, что формирование эмоционального настроения предполагаемого читателя ведется с двух позиций. Первую позицию представляет Омер Челик, а на второй позиции — скрытый соавтор сообщения, т. е. некто, написавший статью. Хотя он выступа-

ет в роли ведущего, отвечающего только за организацию коммуникативного акта между адресантом и адресатом, в некоторых моментах на канве текста находит отражение и его оценка — например, во время представления речи Омера Челика он заявляет: «...son sözü söyledi» (сказал последнее слово). Данное выражение не столько указывает на окончательность решения, сколько подчеркивает критическую настроенность говорящего. То есть это лицо уже на подсознательном уровне сообщает читателю, что в речи Омера Челика будет оценка некоторых действий, при этом относительно визового режима будет озвучено последнее решение, т. е. после этого сторона, представляемая говорящим, не собирается идти на компромисс.

Таким образом, в статье мы наблюдаем противопоставление действий и намерений Турции и Европейского союза, на основе этого вырисовываются акты одобрения и неодобрения. Большинство речевых актов являются косвенными, для того чтобы распознать их цель, требуется комплексный анализ, направленный на выявление скрытых целей адресанта сообщения, которым является не только Омер Челик и онлайн-издание, но и некое скрытое лицо, выступающее модератором коммуникативного акта и способное влиять на контекст в целом. Также заметим, что на данном примере мы убедились в том, что контекст не всегда помогает полностью проанализировать текст. Иногда нужно обращаться к пресуппозиции высказывания и широкому контексту, только в этом случае возможна максимально точная интерпретация высказывания. В этой связи вспомним утверждение Ф. Х. Тарасовой: «Комплексный анализ предложений выявляет способы репрезентации смысловых единиц и особенности структурно-семантического состава близких по значению синтаксических моделей» [Тарасова 2010: 89].

Высказывание Омера Челика «Onlar bilir!» («Им виднее!») — это акт сообщения, через которое также осуществлен косвенный акт неодобрения. Скрытая позиция указывает не только на истинную оценку адресанта, но и многократно усиливает эмоциональную составляющую. Также благодаря скрытой форме сохранен этикет: политическое лицо не может явно критиковать ЕС за политические решения, но выражать неодобрение в скрытой форме вполне может.

Результаты нашего анализа эмпирического материала указывают на то, что иногда синкретичные акты служат для осуществления двух координально противоположных функций: через выражение неодобрения действий одной из сторон коммуникант под-

держивает противоположную. В этом случае он скрыто одобряет свои действия. Явным (прямым) значением указанных выше примеров синкретичных речевых актов выступает констатация факта, сообщение о положении дел. Но фактор контекста, в котором они прозвучали, актуализировал их не прямое, скрытое оценочное значение. Таким образом адресант намерен воздействовать на предполагаемого адресата, но при этом действовать в рамках сложившейся ситуации, чтобы не вызвать лишнюю агрессию [Yilmaz, Tarasova, Ashrapova 2016]. Наблюдается количественное различие в отношении исследуемых подгрупп речевых актов. Косвенное выражение одобрения встречается реже, чем косвенное выражение неодобрения. Прямое выражение одобрения и неодобрения употребляется примерно в равном количестве. Если сравнивать косвенные и прямые акты одобрения/неодобрения, то можем заметить преобладание первых. Это дает нам повод задуматься о проблеме взаимовлияния языка и культуры, менталитета и вербального поведения носителя данного культурного наследия. Синкретичные коммуникативные акты одобрения/неодобрения зависимы от контекста в широком смысле слова и экстралингвистических факторов. Значительным потенциалом обладает возможность проявлять акты одобрения/неодобрения через другие речевые акты; не прямое выражение речевых актов служит способом усиления их эмоционально-экспрессивного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашрапова А. Х. Лингвокультурологические особенности перевода идиом с английского на татарский в призме диалога культур // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. — Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2014. С. 16—17.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. 376 с.
3. Кабанкова Т. В. Функционирование синкретичных речевых актов одобрения/неодобрения в современном немецком диалогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2011. 203 с.
4. Милосердова Е. В. Влияние прагматической парадигмы языка на речевое поведение индивида // Гуманитарные исследования. — Астрахань: Астрахан. ун-т, 2007. № 3. С. 66—70.
5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер. с фр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субтекста) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 325—332.
7. Сулонова М. Ю. К вопросу о роли вербальной реакции адресата в диалоге // Иностранные языки: теория и методика преподавания: сб. ст. / отв. ред. и сост. В. Я. Мыркин, Л. Ю. Щипицина. — Архангельск: ПТУ, 2004. С. 141—149.
8. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. — Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. 51 с.
9. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. С. 7—13.

10. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика : учеб. для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). — М. : Восток-Запад, 2006. 200 с.

11. Тарасова Ф. Х. Простые предложения в системе пословиц и поговорок с компонентом «пища» в английском, русском и татарском языках // Вестн. Бурят. гос. ун-та. — Улан-Удэ, 2010. № 11. С. 89—93.

12. Тарасова Ф. Х., Кормильцева А. Л. Категория оценки в устойчивых выражениях английского и русского языков с концептом «женский интеллект» // В мире научных открытий. — Красноярск : Науч.-инновационный центр, 2013. С. 240—250.

13. Milli Gazete. Akşener: Kesinlikle «hayır» kazandı, yüzde 49'u korumamız gerekiyor. URL: http://www.milligazete.com.tr/aksener_kesinlikle_hayir_kazandi_yuzde_49u_korumamiz_gerekiyor/464252 (дата обращения: 08.05.2017).

14. Türkiye'den Avrupa'ya rest: «Onlar bilir!» Sabah gazetesi URL: <http://www.habergazetesi.com.tr/haber/524585/samsun-haber-bakan-kilicitan-chpli-bozkurta-istifa-et-cagrisi> (дата обращения: 22.04.2017).

15. Yılmaz E. R., Tarasova F. K., Ashrapova A. K. Speech Act of Approval as a Separate Component of a Positive Assessment // Speech Act Journ. of Language and Literature. 2016. Vol. 7. № 2. P. 195—198.

E. R. Yılmaz, A. H. Ashrapova, Z. R. Zinnatullina

Kazan, Russia

I. S. Popp

Ekaterinburg, Russia

POTENTIAL OF SYNCRETICAL SPEECH ACTS OF APPROVAL/DISAPPROVAL IN LINGUISTICS (AS EXEMPLIFIED BY MASS-MEDIA TEXTS)

ABSTRACT. *Mass media today reflect every change in the language in general and in the language of a certain community, they show transformation of rules and standards of the language. Thus, mass media texts are of great interest for contemporary scholars. They are also a good material for speech acts researchers, as these texts allow addresser and addressee communicate without direct contact. This research scrutinizes the issue of syncretical speech acts of approval/disapproval and their potential in mass media texts in Turkish addressed to contemporary native speakers of Turkish. Sometimes syncretic speech acts serve to perform two contradictory functions: expression of disapproval of actions of the other party shows that the speaker supports the views of other party. Direct approval or disapproval are equally frequent. Having compared the number of usages of indirect approval and disapproval, we may conclude that the first ones prevail. From this perspective, it would be a good idea to analyze mutual influence of the language and culture, mentality and verbal behavior of native speakers. Syncretic speech acts of approval/disapproval depend on the context in the broad sense of the word and on extralinguistic factors. The possibility to express approval/disapproval with the help of some other speech acts has a great potential; indirect expression of speech acts is a way to emphasize their expressive manipulative potential.*

KEYWORDS: *speech act; approval; disapproval; syncretism; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media.*

ABOUT THE AUTHORS: *Yılmaz Elvira Rafilovna, Post-graduate Student, Department of Language and International Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.*

Ashrapova Alsu Khalilovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Language and International Communication Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Zulfiya Rafisovna Zinnatullina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and World Literature, Kazan federal University, Kazan, Russian Federation.

Popp Irina Sergeevna, Post-graduate Student, Department of Advertising and Public Relations, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Ashrapova A. Kh. Lingvokulturologicheskie osobennosti perevoda idiom s angliyskogo na tatarskiy v prizme dialoga kul'tur // Nauka, obrazovanie, obshchestvo: problemy i perspektivy razvitiya. — Tambov: Konsaltingovaya kompaniya «Yukom», 2014. S. 16—17.

2. Dement'ev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya. — M. : Gnozis, 2006. 376 s.

3. Kabankova T. V. Funktsionirovanie sinkretichnykh rechevykh aktov odobreniya/neodobreniya v sovremennom nemetskom dialogicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. — Tambov, 2011. 203 s.

4. Miloserdova E. V. Vliyanie pragmaticheskoy paradigmy yazyka na rechevoe povedenie individa // Gumanitarnye issledovaniya. — Astrakhan' : Astrakhan. un-t, 2007. № 3. S. 66—70.

5. Sosyur F. de. Kurs obshchey lingvistiki : per. s fr. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.

6. Stepanov Yu. S. V poiskakh pragmatiki (problema sub"ekta) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1981. T. 40. № 4. S. 325—332.

7. Suslova M. Yu. K voprosu o roli verbal'noy reaktsii adresata v dialoge // Inostrannye yazyki: teoriya i metodika prepodavaniya : sb. st. / otv. red. i sost. V. Ya. Myrkin, L. Yu. Shchiptsina. — Arkhangel'sk : PTU, 2004. S. 141—149.

8. Susov I. P. Semantika i pragmatika predlozheniya. — Kalinin : Kalininsk. gos. un-t, 1980. 51 s.

9. Susov I. P. Deyatel'nost', soznanie, diskurs i yazykovaya sistema // Yazykovoe obschenie: protsessy i edynitsy. — Kalinin : Kalinin. gos. un-t, 1988. S. 7—13.

10. Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika : ucheb. dlya studentov, magistrantov i aspirantov (doktorantov). — M. : Vostok-Zapad, 2006. 200 s.

11. Tarasova F. Kh. Proste predlozheniya v sisteme poslovits i pogovorok s komponentom «pishcha» v angliyskom, russkom i tatarskom yazykakh // Vestn. Buryat. gos. un-ta. — Ulan-Ude, 2010. № 11. S. 89—93.

12. Tarasova F. Kh., Kormil'tseva A. L. Kategoriya otsenki v ustoychivyykh vyrazheniyakh angliyskogo i russkogo yazykov s kontseptom «zhenskiy intellekt» // V mire nauchnykh otkrytiy. — Krasnoyarsk : Nauch.-innovatsionnyy tsentr, 2013. S. 240—250.

13. Milli Gazete. Akşener: Kesinlikle «hayır» kazandı, yüzde 49'u korumamız gerekiyor. URL: http://www.milligazete.com.tr/aksener_kesinlikle_hayir_kazandi_yuzde_49u_korumamiz_gerekiyor/464252 (дата обращения: 08.05.2017).

14. Türkiye'den Avrupa'ya rest: «Onlar bilir!» Sabah gazetesi URL: <http://www.habergazetesi.com.tr/haber/524585/samsun-haber-bakan-kilicitan-chpli-bozkurta-istifa-et-cagrisi> (дата обращения: 22.04.2017).

15. Yılmaz E. R., Tarasova F. K., Ashrapova A. K. Speech Act of Approval as a Separate Component of a Positive Assessment // Speech Act Journ. of Language and Literature. 2016. Vol. 7. № 2. P. 195—198.

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

МАЙДАН В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается новый концепт «майдан», вошедший в мировую политическую концептосферу в связи с событиями на Украине. Объектом исследования являются метафорические модели, репрезентирующие названный концепт в российских медиа. Метафоры классифицируются по сферам-источникам («Стихия», «Театр и кино», «Игра», «Спорт», «Война», «Медицина», «Религия»). Используемые в СМИ для характеристики майдана метафоры в большинстве своем обладают оценочными коннотациями, чаще — негативными, реже — позитивными, что зависит преимущественно от редакционной политики издания и конкретной политической ситуации. Акцентирование внимания на деструктивных и опасных особенностях майдана, проявляющееся особенно ярко в морбиальных и милитарных метафорах, а также в метафорах стихий, становится одним из способов реализации общей дискурсивной стратегии авторов российских медиа — сформировать в сознании читательской аудитории образ негативно окрашенного политического события, предостеречь читателей, не допустить подобных событий на территории России (например, Украина, ее политические и экономические структуры предстают как страдающий от болезни человек, которому необходима помощь профессиональных медиков — политиков; майдан уподобляется вырвавшейся из берегов реке, бурным потоком обрушившейся на страну, или пожару).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; концептуальные метафоры; метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая метафорология; украинский кризис; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; Майдан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, заместитель директора по учебной работе Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Кемеровский государственный университет; 650043, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: Kondr25@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Начало XXI столетия было отмечено многочисленными изменениями в политической и экономической сферах, что привело к смещению на периферию языкового сознания многих концептов, активных в советскую эпоху, возвращению в активную сферу политических концептов периода дореволюционной России (например, *губернатор*, *чиновник*), вхождению в национальную концептосферу концептов, связанных с политическим и социальным устройством зарубежных стран (например, *импичмент*, *инаугурация*, *омбудсмен* и др.), и, конечно же, возникновению новых концептов, отражающих специфику современной политической ситуации в России и мире.

Одним из концептов подобного типа является концепт «майдан», который благодаря событиям на Украине за короткое время превратился из заурядного топонима в важнейший политический концепт современного общества. Новый концепт сразу же стал объектом исследовательского внимания политологов, социологов, этнологов, историков и лингвистов — представители гуманитарных наук, пользуясь частнонаучными методами, стремились уяснить суть нового феномена.

Российские и украинские лингвисты сосредоточились прежде всего на этимологии основного номинанта концепта «майдан», его лексикографической характеристике в словарях разного типа, изменении структуры

лексико-семантического поля, произошедшей в новом столетии в украинском и русском языках [Ашраф 2014; Безрукова 2016; Лекарева 2016; Нефедов, 2015; Полякова 2014; Соболева 2014; Химик 2015 и др.]. В результате было установлено, что в современной коммуникации слово «майдан» существует в трех проекциях: традиционно-исторической, арготической и социально-политической, при этом именно третья проекция является в настоящий момент доминирующей [Химик 2015].

Социально-политический концепт «майдан» резко увеличил количество языковых репрезентаций (*евромайдан*, *майданить*, *майданящие*, *майдауны*, *майданутье* и др.), возник соответствующий антоним (*антимайдан*), появились многочисленные мемы и креолизованные тексты, прямо либо косвенно связанные с событиями на майдане (см. подр.: [Ваганова 2015; Данюшина 2014; Сушкова, Шевченко 2017 и др.]). Значительно возросла частотность и продуктивность метафорических моделей, репрезентирующих концепт «майдан» в разных видах дискурса, что вполне закономерно, поскольку расширение объема концептуального содержания требует осмысления, политики, журналисты и обыватели активно задействуют аналоговые когнитивные механизмы, лежащие в основе метафор, для уяснения сути нового социально-политического феномена.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации»

© Кондратьева О. Н., 2017

Цель настоящей статьи — анализ метафорических репрезентаций концепта «майдан», представленных в российском медиадискурсе.

Выбор в качестве материала исследования медиадискурса определяется тем, что именно массмедиа традиционно являются активными распространителями новых концептов, именно в них новая идеология обретает официальное закрепление. Массмедиа не только наиболее мобильно реагируют на происходящие в обществе и в языковом сознании изменения, но и во многом определяют изменения в сознании значительной части рядовых носителей языка, чрезвычайно восприимчивых к влиянию СМИ [Володина 2003; Гришаева 2015; Новицкайте 2016 и др.].

Использование концептуальных метафор в медиадискурсе позволяет авторам избежать прямого декларирования своей позиции, навязывания своей точки зрения, оно оставляет возможность читателю интерпретировать происходящее самостоятельно (но в заданном массмедиа направлении), т. е., по сути, создает у читателя иллюзию объективности изложения, соответственно, процесс влияния на читателя становится имплицитным, неявным, а потому и более эффективным.

Материалом исследования послужили тексты российских средств массовой информации XXI в. (2004—2017 гг.), извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и базы «Архив СМИ» в «Интегруме».

При анализе метафоры в СМИ использована классификация метафорических моделей, предложенная А. П. Чудиновым [Чудинов 2001], основанная на выделении сфер-источников метафорической экспансии. Используемые для характеристики майдана в российских массмедиа концептуальные метафоры позволяют устанавливать в сознании читателей аналогии между новой информацией и уже имеющейся, помогают осмыслить происходящее в терминах иных понятийных областей (театра, спорта, религии, медицины, природного мира и т. д.), формируют соответствующее эмоциональное отношение читателей к событиям на Украине.

1. Сфера-источник «Стихия». Базовые свойства природной стихии, такие, например, как внезапность, неконтролируемость, разрушительность, достаточно часто проецируются в российских массмедиа на украинский майдан: *Стихия майдана, которая сейчас фактически управляет соседним государством, имеет и такую особенность — она может быть использована*

противоположной стороной (Forbes. 2014); *Нынешний майдан, в отличие от „оранжевой“ революции 2004 года, имеет стихийную природу* (Известия. 2014).

Чаще всего майдан уподобляется огненной стихии, пожару, в частности, подобным образом репрезентируются разные фазы существования майдана — лексемы *вспыхнуть, полыхнуть, загореться* и т. д. указывают на начальную фазу событий, в то время как *угаснуть, тлеть* и др. — на понижение градуса политического конфликта: *К тому же невозможно поверить, что население, искренне возмущенное произволом олигархов в стране — по этой причине и вспыхнул майдан, во всяком случае, это была одна из основных причин, — вдруг выбирает себе в президенты олигарха* (Известия. 2014); *И в страшном сне нельзя предположить, что совсем скоро полыхнет майдан, и Тимошенко выедет на инвалидной коляске, и потом — потом мир уже никогда не будет прежним* (Вечерняя Москва. 2017); *Политики утверждают, что майдан превратился в чисто политический проект, после чего стал быстро угасать* (Известия. 2014).

Продуктивными являются и образы водной стихии, уподобляющие майдан вырвавшейся из берегов реке, бурным потоком обрушившейся на страну: *Поэтому в обозримой перспективе майдан с политического горизонта Украины никуда не исчезнет, разве что „вернется в берега“ той киевской площади, с которой вылился на страну* (Известия. 2014); *Когда весь смысл речей в том, что забурлила бы такой майдан, да нечем, приходится терпеть, это не очень удачное утверждение традиции мирно менять правительство* (Известия. 2010).

Следует также отметить, что первоначально метафора стихий использовалась для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность народного протеста. Но затем данная метафора стала активно использоваться для указания на неконтролируемый характер происходящего, невозможность управлять народными волнениями, полное бессилие властей.

2. Сфера-источник «Театр и кино». Российские массмедиа активно формируют образ майдана как некоего представления различных видов и жанров, за которым с интересом наблюдает весь мир.

Если первый майдан воспринимался достаточно позитивно, как некое шоу, карнавал, то последующие события уже не вызывают положительных эмоций, политическое зрелище превращается в фарс: *Вспомните,*

у нас первый „майдан“ был тоже достаточно веселым, **карнавальным** немножко (Новый регион 2. 2010); **Как мы видим, попытка повторить майдан превращается в фарс** (Новый регион 2. 2007).

События 2013—2014 гг. характеризуются в российских массмедиа как тщательно подготовленный спектакль, имеющий своих сценаристов и режиссеров: **Режиссер майдана, кто он?** (Экономические известия. 2013); **Теневые режиссеры майдана выходят из-за кулис** (Русская правда. 2017); **Итоги затянувшегося „спектакля“ радуют его сердце главным достижением — ему, как режиссеру, удалось заставить родных братьев ненавидеть и убивать друг друга во имя целей и идеалов тех, кто писал Сценарий** (Русская правда. 2017). Удачно выполненная политическая постановка получает признание на Западе и удостоивается высшей награды: **Один „Оскар“ от американо-европейского общества за майдан получили, так до сих пор от собственной гениальности в чувство не придут** (Комсомольская правда. 2006).

3. Сфера-источник «Игра». Игровая метафорика, задействованная в процессе концептуализации майдана, основана на восприятии игры как способа проведения досуга, при этом это всегда игра на публику: **Поскольку БЮТ оперативно развернул палаточный лагерь, взяв здание ЦИК в осаду и начав любимую игру в Майдан** (РИА «Новости». 2007); **Дай Бог, но не факт, что в России не найдется желающих поиграть в конструктор „Собери Майдан“** (Новый регион 2. 2006).

4. Сфера-источник «Спорт». Майдан регулярно описывается в российских массмедиа с помощью метафор спортивных состязаний, целью которых является победа участников. Однако в большинстве случаев украинский майдан оказывается в позиции проигравшего: **По сути, в культурном смысле Русская Весна уделала Майдан со счетом 10:0, но никто в России не может это материализовать и объяснить людям мира в доступной форме, кто здесь варвары, а кто Рим** (Комсомольская правда. 2014); **Он поблагодарил крымчан за мужество и за то, что они „отправили в нокаут майдан и Обаму“** (Известия. 2014).

5. Сфера-источник «Война». Исследователями неоднократно было отмечено, что данная понятийная сфера относится к наиболее частотным исходным понятийным сферам, задействованным в метафорическом конструировании мира политики. Нестабильная политическая ситуация на Украине, реальные военные столкновения на

Майдане, негативное отношение России к происходящему обуславливают особую продуктивность метафор подобного типа в отечественных массмедиа.

Массовые протесты на Майдане характеризуются как боевая техника и оружие, использование которых позволяет протестующим достичь поставленных целей: **В Киеве оранжевый майдан был своего рода бронепоездом на запасном пути** (Известия. 2005); **Майдан также называли психотропным оружием, — говорит Татьяна Мокриди, сотрудница штаба „Наша Украина“** (Комсомольская правда. 2006).

6. Сфера-источник «Медицина». В рамках метафорической модели с названной исходной сферой майдан предстает как тяжелое заболевание, ослабляющее Украину. Основной проблемой украинских политиков стало игнорирование произошедших в обществе изменений, проведение политики невмешательства в происходящее, основанной на извечной надежде «само рассосется», что и привело к серьезному ухудшению политической ситуации в стране: **Изначальная ошибка Януковича, таким образом, заключалась в том, что он не распознал в ноябре 2013-го, что в этот раз майдан не рассосется, а приживется в центре Киева и разрастется в гниющую рану на теле украинской государственности** (Известия. 2014); **Кроме того, популярность приобрела фраза „майдан головного мозга“, чаще всего она звучит как диагноз для нынешней Украины** (Комсомольская правда. 2014); **Разогнать Майдан легко. Но зачем? В обществе должны сами выработать антитела от майданов** (Вся правда. 2014).

При использовании в медиадискурсе морбиальных метафор, характеризующих майдан, Украина, ее политические и экономические структуры предстают как страдающий от болезни человек, которому необходима помощь профессиональных медиков — политиков.

7. Сфера-источник «Религия». Сами украинцы воспринимают майдан как главную духовную ценность, как святыню (в том числе это проявляется и в многочисленных написаниях лексемы-репрезентанта *Майдан* с заглавной буквы). Подобные метафоры обладают ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, актуализируют смыслы особой значимости, чистоты, истинности: **Янукович занял местную политическую святыню — майдан** (Комсомольская правда. 2007); **И. о. президента Турчинов дал команду разобрать майдан — святая святых** (Известия. 2014); **Да и сам Януко-**

вич не единожды говорил, что **Майдан его очистил** (РИА «Новости». 2007).

Российские массмедиа предлагают антонимичную метафору в истолковании природы майдана, обусловленную его разрушительными последствиями: *Эта армия осуществила налет на Киев, превратила майдан в крошечный ад, совершила „революцию свастики“* (Известия. 2014). Майдан регулярно характеризуется как божество, нуждающееся в постоянных жертвоприношениях, что обусловлено накалом политических страстей и гибелью многочисленных участников массовых протестов: *Майдан этой жертвой не удовлетворится, протесты в Киеве продолжатся* (Известия. 2014); *Праздник жертвоприношения. Мифы и правда о „небесной сотне“* (Аргументы и факты. 2014).

Подводя итоги, отметим, что концепт «майдан» становится одним из наиболее значимых компонентов современной политической концептосферы. В современной коммуникации майдан — это феномен языка, политики и культуры, являющийся результатом изменения политической ситуации в мире и реакции на эти изменения социума. Когнитивные схемы, задействованные при формировании нового концепта, отражаются в языке в виде метафорических моделей, основанных на проекциях из разных понятийных сфер в область сферы-источника [Кондратьева 2014]. В российских массмедиа майдан осмысливается в терминах театра, спорта, религии, медицины, природного мира, что позволяет эксплицировать разнообразные проявления данного политического явления (стихийность, неконтролируемость, разрушительность, опасность).

Как видно из проанализированных примеров, метафоры, репрезентирующие майдан в российских массмедиа, в большинстве своем обладают оценочными коннотациями, чаще — негативными, реже — позитивными, что зависит преимущественно от редакционной политики издания и конкретной политической ситуации. Акцентирование внимания на деструктивных и опасных особенностях майдана, проявляющееся особенно ярко в морбиальных и милитарных метафорах, а также в метафорах стихий, становится одним из способов реализации общей дискурсивной стратегии авторов российских массмедиа — сформировать в сознании чита-

тельской аудитории образ негативно окрашенного политического события, предостереечь читателей, не допустить подобных событий на территории России.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка (газетный корпус). URL: <http://www.ruscorgora.ru>.
2. Интегрум (продукты «Архив СМИ», «Лента» и «Анализ СМИ»). URL: <http://www.integrum.ru>
3. Polpred.com_URL <http://polpred.com/news/Eastview>. URL: <http://www.eastview.com/>.

ЛИТЕРАТУРА

4. Ашраф М. Аттия. Лексико-семантическое поле «майдан» в русском языке // Наука и мир. 2014. Т. 2. № 4 (8). С. 65—69.
5. Безрукова А. А. Новые семантические и синтагматические характеристики лексемы майдан в политическом дискурсе XXI века // Эволюция и трансформация дискурсов. — Самара : Самар. гос. ун-т, 2016. С. 180—189.
6. Ваганова Е. В. Неологизмы майдана в текстах интернет-медиа // Наука ЮУрГУ : материалы 67-й науч. конф. 2015. С. 946—951.
7. Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 9—31.
8. Гришаева Л. И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 6 (717). С. 179—191.
9. Данюшина Ю. В. Мемы майдана и первой части украинского кризиса // Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия. — М. : РУДН, 2014. С. 144—147.
10. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI—XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2014. 46 с.
11. Лекарева Л. А. Заимствованный апеллятив «майдан» и производные от него // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 161—164.
12. Нефедов И. В. Отражение взаимодействия социума и языка в интернет-дискурсе // Изв. Юж. фед. ун-та. Филологические науки. 2015. № 3. С. 78—87.
13. Новицкайте Э. А. Особенности манипуляции сознанием реципиента в медиадискурсе и языковые средства ее реализации // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10-6. С. 73—76.
14. Полякова Т. М. Функционирование украинизма майдан в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 173—179.
15. Соболева И. А. Концепт «майдан» в современном украинском медиapolитическом дискурсе // Жанры и типы текста в научном медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. — Орёл, 2014. С. 168—175.
16. Сушкова А. А., Шевченко А. А. Новый «Словарь Майдана» // Бюл. медицинских интернет-конф. — Саратов : Наука и инновации, 2017. Т. 6. № 1. С. 460.
17. Химик В. В. Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 57—64.
18. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

O. N. Kondrat'eva
Kemerovo, Russia

MAIDAN IN THE METAPHORICAL MIRROR OF THE RUSSIAN MASS-MEDIA

ABSTRACT. *The paper describes a new concept “Maidan” that entered the global political concept sphere after the notorious events in Ukraine. The object of this research is metaphorical models representing the abovementioned concept in mass media. Metaphors are classified according to their source-domains (“Nature”, “Theatre and Cinema”, “Game”, “Sport”, “War”, “Healthcare”, “Religion”).*

Most of the metaphors, used in mass media to describe Maidan, have negative evaluative connotations; positive ones are less frequent. The choice between positive or negative metaphor depends on the policy of the editorial board of the publishing house and the current political situation. Focus on destructive and dangerous features of Maidan, that is especially obvious when military, morbid and nature metaphors are used, is one of the ways to introduce the discursive strategy of the Russian mass media – to create in the minds of the audience the image of a negatively colored political event, to prevent the readers from the same actions on the territory of Russia (for example, Ukraine, its economic and political bodies are represented as a human being suffering from a serious disease who needs help of qualified doctors; Maidan is compared with a river in flood, a current that is impossible to stop or a fire).

KEYWORDS: political communication; conceptual metaphors; metaphorical models; metaphorical modeling; political metaphorology; Ukrainian crisis; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media; Maidan.

ABOUT THE AUTHOR: Kondrat'eva Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Deputy Director for Academic Activities, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

REFERENCES

1. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (gazetnyy korpus). URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
2. Integrum (produkty «Arkhiv SMI», «Lenta» i «Analiz SMI»). URL: <http://www.integrum.ru>
3. Polpred.com. URL <http://polpred.com/news/Eastview>. URL: <http://www.eastview.com/>.
4. Ashraf M. Attiya. Leksiko-semanticheskoe pole «maydan» v russkom yazyke // Nauka i mir. 2014. T. 2. № 4 (8). S. 65—69.
5. Bezrukova A. A. Novye semanticheskie i sintagmicheskie kharakteristiki leksemy maydan v politicheskom diskurse XXI veka // Evolyutsiya i transformatsiya diskursov. — Samara : Samar. gos. un-t, 2016. S. 180—189.
6. Vaganova E. V. Neologizmy maydana v tekstakh internet-memov // Nauka YuUrGU : materialy 67-y nauch. konf. 2015. S. 946—951.
7. Volodina M. N. Yazyk SMI — osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 9—31.
8. Grishaeva L. I. Kak v mediadiskurse informirovanie stanovitsya manipulirovaniem // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 6 (717). S. 179—191.
9. Danyushina Yu. V. Memy maydana i pervoy chasti ukrainskogo krizisa // Innovatsionnoe prepodavanie russkogo yazyka v usloviyakh mnogoyazychiya. — M. : RUDN, 2014. S. 144—147.
10. Kondrat'eva O. N. Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokulture (XI—XX vv.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014. 46 s.
11. Lekareva L. A. Zaimstvovannyy apellyativ «maydan» i proizvodnye ot nego // Vestn. Pskov. gos. un-ta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 3. S. 161—164.
12. Nefedov I. V. Otrazhenie vzaimodeystviya sotsiuma i yazyka v internet-diskurse // Izv. Yuzh. fed. un-ta. Filologicheskie nauki. 2015. № 3. S. 78—87.
13. Novitskayte E. A. Osobennosti manipulyatsii soznaniem retsipienta v mediadiskurse i yazykovye sredstva ee realizatsii // Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii. 2016. № 10-6. S. 73—76.
14. Polyakova T. M. Funktsionirovanie ukrainizma maydan v russkom politicheskom mediadiskurse // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 173—179.
15. Soboleva I. A. Kontsept «maydan» v sovremennom ukrain-skoy mediapoliticheskom diskurse // Zhanry i tipy teksta v nauchnom mediynom diskurse : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Orel, 2014. S. 168—175.
16. Sushkova A. A., Shevchenko A. A. Novyy «Slovar' Maydana» // Byul. meditsinskikh internet-konf. — Saratov : Nauka i innovatsii, 2017. T. 6. № 1. S. 460.
17. Khimik V. V. Maydan kak fenomen russkoy i vostochno-slavyanskoy yazykovoy deystvitel'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 57—64.
18. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАИМИДЖА СТРАНЫ И МИРА

АННОТАЦИЯ. Анализируются аксиологические и жанрово-стилистические особенности государственного русскоязычного журнала «Китай», международного телеканала на русском языке «ССТV-Русский», международного радио Китая «CRI-Русский». Русскоязычные СМИ Китая рассматриваются как инструмент формирования медиаимиджа страны. Данные средства массовой информации выполняют различные функции в зависимости от инструмента и канала воздействия на целевую аудиторию (печатное слово, аудиовизуальный канал, звучащее слово). Однако коммуникативные и прагматические возможности системы средств массовой информации в настоящее время подвергаются изменениям в связи с новой формой их бытования — в сети Интернет. В связи с этим для унификации критериев анализа разнообразного материала рассматривались онлайн-версии указанных СМИ. Имиджевое пространство государства, региона, города включает в себя следующие области: политическую, экономическую, социальную, культурную, спортивную. Эти параметры стали основой анализа русскоязычных СМИ Китая как инструмента формирования медиаимиджа страны и мира. Отмечается, что медиадискурс и медиатексты как материал для анализа являются теми сферами, которые детерминируют создание территориального имиджа лишь в совокупности с другими аспектами: действие/бездействие субъекта на политической арене, официальная риторика, социальное и речевое поведение лидеров государства (страны, города), общественное мнение о стране. Коммуникативные стратегии, используемые в русскоязычных СМИ, можно охарактеризовать как функционирующие в рамках кооперативного дискурса. Такое позитивное, адекватное и разнообразное предствление материала способствует формированию позитивного имиджа обеих стран в сознании целевой аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык; СМИ; средства массовой информации; медиаимидж; кооперативный дискурс; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Южно-Уральский государственный университет; 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: studiumjuvenis@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Термин *медиаимидж*, использованный в названии статьи, является настолько же широко и часто употребляемым, насколько и неоднозначным в своей трактовке. Современные исследования, посвященные изучению международного имиджа стран, оперируют синонимичными, но различающимися с точки зрения объема и содержания понятиями — *имидж* и *образ* [Айвазян 2010; Антонюк 2013; Гавра, Савицкая, Шишкин, 2011; Жижина 2016; Самаркина 2016]. С целью более корректной интерпретации речевого материала считаем важным обратиться к терминологической базе анализа русскоязычных СМИ Китая и попытаться разграничить указанные выше понятия.

И. В. Сидорская [Сидорская 2015] различает понятия *образ* и *имидж* по такому критерию, как стихийность/сознательность формирования. Автор полагает, что образ — это «продукт стихийно сложившегося восприятия, к которому не применялись целенаправленные усилия того или иного объекта» [Сидорская 2015: 66]. Имидж же, по мнению И. В. Сидорской, конструируется в соответствии с четко сформулированными целями, по определенным программам, с применением соответствующих технологий.

Аналогичного мнения придерживается Т. Э. Гринберг, которая указывает, что «под имиджем понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследований

потребностей и „идеалов“ целевых аудиторий) образ» [Гринберг [http](http://)].

Д. П. Гавра, А. С. Савицкая, Д. П. Шишкин считают, что имиджевое пространство государства, региона, города включает в себя следующие области:

- политическая;
- экономическая;
- социальная (в том числе медицина, социальная защита, образование);
- культурная (в том числе искусство и массовая культура);
- спортивная [Гавра, Савицкая, Шишкин 2011: 190].

Полагаем, что указанные выше параметры могут стать основой анализа русскоязычных СМИ Китая как инструмента формирования медиаимиджа страны и мира. При этом необходимо учитывать тот факт, что медиадискурс и медиатексты как материал для анализа являются теми сферами, которые детерминируют создание территориального имиджа лишь в совокупности с другими аспектами: действие/бездействие субъекта на политической арене, официальная риторика, социальное и речевое поведение лидеров государства (страны, города), общественное мнение о стране. Эмпирическую базу исследования составили следующие СМИ: государственный русскоязычный журнал «Китай», международный телеканал на русском языке «ССТV-Русский», международное радио Китая «CRI-Русский».

Как видно из приведенного списка, выбранные в качестве материала для анализа средства массовой информации выполняют различные функции в зависимости от инструмента и канала воздействия на целевую аудиторию (печатное слово, аудиовизуальный канал, звучащее слово). Однако коммуникативные и прагматические возможности системы средств массовой информации в настоящее время подвергаются изменениям в связи с новой формой их бытования — в сети Интернет. Таким образом, для унификации критериев анализа столь разнообразного материала нами были выбраны именно онлайн-версии русскоязычного журнала, международного телеканала, международного радио.

Концепция (концептуальная модель) любого издания и используемые им стратегии дискурсивного взаимодействия с читателем находят отражение в рубриках, которые репрезентируют «ведущий замысел, основанный на системе профессиональных знаний и ценностей, закрепленных во внутриредакционных нормативных документах и (или) в виде написанных правил, традиций и норм, определяющих совокупно технологическую и идеологическую базу издания» [Иваницкий 2009: 119]. Перечислим рубрики, представленные на веб-страницах указанных массмедиа:

1) государственный русскоязычный журнал «Китай»: *Новости. Политреалии. Экономика. Путешествия. Культура. Общество. Спецтемы. Китайский язык*;

2) международный телеканал на русском языке «ССТV-Русский»: *Главная. Новости. Арт. О пандах*;

3) международное радио Китая «CRI-Русский»: *Новости. Экономика. Туризм. Стиль жизни. Досуг. Почтовый ящик. Изучаем китайский. Влюбиться в Пекин*.

Как видно из приведенного выше списка, анализируемые нами издания преследуют цель не только информировать читателя о событиях в стране и мире (*Новости. Политреалии. Экономика*), но и установить диалог, конструктивные и доверительные отношения с аудиторией (*Изучаем китайский. Влюбиться в Пекин*). Манипулятивная стратегия не входит в число приоритетных задач указанных СМИ, на что указывает и Н. Б. Руженцева при анализе русскоязычной прессы за рубежом. Автор пишет: «Название (орган пресс-канцелярии Госсовета КНР «Партнеры». — Н. К.) отражает политическую, экономическую и культурную концепцию издания, а также детерминирует выбор дискурсивной стратегии — концепция журнала реализуется в рамках кооперативного дискурса» [Руженцева 2016: 61].

Сказанное будет верным и о коммуникативной стратегии анализируемых СМИ. Информационный обмен, реализуемый в рамках массмедиа, имеет форму диалога, а не выполняет функцию манипулятивного воздействия, о чем свидетельствуют названия публикаций: *Диалог политических партий Китая и Центральной и Восточной Европы 2017 года. <...> Преимущества межрегионального сотрудничества Китая и России. <...> Тематическая дискуссия по активизации контактов и обменов между мозговыми центрами. <...> Тульская область РФ намерена расширять сотрудничество с Китаем. <...> Лю Яньдун приняла участие в китайско-африканском совещании по вопросам сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения. <...> Ван И о ядерной проблеме Корейского полуострова: все стороны должны подать голос за мир и рациональность. <...> Представитель МККК указывает на большое пространство для сотрудничества с Китаем в рамках „Поляса и пути“. <...> В Беларуси видят перспективы в комплексном развитии китайско-белорусского индустриального парка. <...> Присоединение Китая к ВТО принесло пользу американским потребителям.*

Приведенные выше названия публикаций — это аргумент в пользу того, что идеологическая концепция анализируемых СМИ заключается в трансляции политических идей, обсуждении актуальных событий в стране и мире, информировании читателя о наиболее важных явлениях в области политики. Однако, как показывает анализ речевого материала, аксиологические приоритеты указанных массмедиа охватывают широкий спектр проблем. Так, на веб-сайте Международного радио Китая находим следующие рубрики: *Прекрасная половина. Красота по-китайски. Ваше здоровье. Многоликий Китай*.

Не вызывает сомнения тот факт, что средства массовой информации не могут быть аксиологически нейтральными, любой текст обладает определенной аксиологической модальностью и образует аксиологическое поле — «фрагмент картины мира, состоящий из ценностей, вербализуемых в тексте» [Марьянчик 2013: 14]. В терминологии В. И. Карасика ситуации, которые «осмысливаются в виде концептов — квантов переживаемого знания — и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи», являются аксиогенными, или ценностнопорождающими [Карасик 2014: 65]. По мнению исследователя, такие ситуации «вербализуются в специально созданных для этого жанрах речи — легендах,

притчах, пословицах, анекдотах и описаниях случаев из жизни (фактических и фикциональных)» [Там же].

Действительно, жанровый репертуар анализируемых СМИ весьма широк и представлен следующими жанрами: новости, комментарии, беседа (характерна для радио, в котором носителем информации выступает звук). Отличительной особенностью новостей, представленных в русскоязычных СМИ Китая, является наличие таких стилистических характеристик текста, как яркость, оригинальность изложения, эмоциональность и оценочность. Выделенные параметры характерны для мягкой новости, которая «призвана развлекать целевую аудиторию» [Фещенко 2004: 21]. Приведем примеры таких новостей: *Красивый Санья. Романтическое приглашение. <...> Цветущие рапсовые поля в уезде Мэньюань. <...> Море цветов на древнем Шелковом пути.*

В русскоязычных СМИ Китая широко представлена и жесткая новость, интенция которой состоит в информировании читателя о тех или иных событиях: *Банк России открыл в столице Китая первое зарубежное представительство. <...> Харбин впервые проведет в Иркутске выставку экспортных товаров. <...> Президент РФ прибыл в Китай для участия в саммите G20.*

Комментарий как традиционный публицистический жанр в русскоязычных СМИ Китая обладает своими структурными и стилистическими особенностями. Если в российских СМИ в жанре комментария преобладает индивидуально-личностный компонент (это могут быть комментарии политиков, политических консультантов, рядовых граждан), то в анализируемых массмедиа комментариями отвечает своей жанровой интенции — «дать четкое представление о свершившемся событии, содержать оценку новости и его первоначальную трактовку» [Ким 2011: 340]. Так, комментарии, размещенные на сайте Международного радио Китая, строятся по схеме, которая содержит все элементы анализируемого жанра: в начале приводится комментируемый факт (новость), затем — аргументы «за» и «против», т. е. мнения экспертов по этому вопросу. Приведем пример такого комментария: *Введение терминов „электромобиль“ и „гибридный автомобиль“ в правила дорожного движения поддержит их импорт в Россию и снизит загрязненность воздуха в крупных городах, заявил РИА „Новости“ директор по природоохранной политике Всемирного фонда дикой природы (WWF) России Евгений Шварц. Премьер-министр России Дмитрий Медведев подписал постановле-*

ние об изменении ПДД: в частности, вводятся термины „электромобиль“ и „гибридный автомобиль“, а также соответствующие дорожные знаки и разметки, сообщается в понедельник на сайте правительства. „Введение терминов „электромобиль“ и „гибридный автомобиль“ очень важно, чтобы поддержать их ввоз в Россию отменой или дифференциацией импортных пошлин. Этого добиваются все крупные производители электромобилей и „гибридов“, а нам это важно, чтобы остановить рост загазованности крупных городов, так как 90 % загрязнения воздуха — это выхлопы автомобилей“, — сказал Шварц.

Таким образом, идеологический, аксиологический, жанрово-стилистический анализ русскоязычных СМИ Китая позволяет сделать вывод о том, что они отвечают ожиданиям аудитории как в Китае, так и в России, освещая широкий круг вопросов не только территориального, но и мирового масштаба. Коммуникативные стратегии, используемые в русскоязычных СМИ, можно охарактеризовать как функционирующие в рамках кооперативного дискурса. Такое позитивное, адекватное и разнообразное представление материала способствует формированию позитивного имиджа обеих стран в сознании целевой аудитории.

ИСТОЧНИКИ

1. Китай : гос. русскоязыч. журн. URL: <http://www.kitai.china> (дата обращения: 11.08.2017).
2. CRI-Русский : Междунар. радио Китая. URL: <http://russian.cri> (дата обращения: 15.08.2017).
3. CCTV-Русский : Междунар. телеканал на русском языке. URL: <http://russian.cctv> (дата обращения: 17.08.2017).

ЛИТЕРАТУРА

4. Айвазян Л. Имидж страны и международные отношения: атмосфера XXI // 21-й век. 2010. № 2 (14).
5. Антонюк Е. Ю. Культурологический подход к концепту «образ страны» // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2013. № 1.
6. Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестн. СПбГУ. 2011. Сер. 9. Вып. 3.
7. Гринберг Т. А. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 10.08.2017).
8. Иваницкий В. Л. Коммуникативная стратегия периодического издания // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2009. № 5.
9. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие для вузов. — СПб. : Питер, 2011.
10. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47).
11. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвистический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013.
12. Руженцева Н. Б. Русскоязычная пресса за рубежом: универсалии и специфика анализа политических текстов // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный мир». — СПб., 2016.
13. Самаркина И. В. Образ страны в контексте национальной-государственной идентичности: сущность, виды и функции // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. 2016. Т. 8. № 6.

14. Сидорская И. В. «Образ» или «имидж» страны: что представляют СМИ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики. 2015.

N. N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia

CHINESE MASS MEDIA IN RUSSIAN AS A TOOL TO MAKE MEDIA IMAGE OF THE COUNTRY AND THE WORLD

ABSTRACT. *The paper analyzes axiological, genre and stylistic peculiarities of the national magazine "China" published in Russian, international TV channel "CCTV-Russian" broadcasting in Russian, and international radio of China "CRI-Russian". Chinese mass media in Russian are considered to be the tool of creation the media image of the country. These mass media perform different functions according to the tool and the channel of perception chosen to persuade the audience (printed word, audio-visual channel or pronounced word). However communicative and pragmatic potential of the system of mass media undergo changes today due to a new form of their existence, namely the Internet. In this connection, to unify criteria for the analysis of different material we used on-line versions of the mentioned mass media. The image of the country, region, and city includes the following areas: political, economic, social, cultural and sport. These parameters form the basis for the analysis of Chinese mass media in Russian, which are tools of making media image of the country and the world in general. It is noted that media discourse and media texts are those spheres that determine territorial image only if they are accompanied by some other phenomena: activity/inactivity of a subject on political arena, official rhetoric, social and speech behavior of the state leaders (of the country or city), and public opinion about the country. Communicative strategies, used in the Chinese media in Russian, may be characterized as strategies functioning in the frames of cooperative discourse. Such positive, adequate and diverse representation of material contributes to creation of a positive image of both countries in the minds of the audience.*

KEYWORDS: *Russia; media; mass media; media image; cooperative discourse; media discourse; media text.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koshkarova Natalia Nikolayevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Kitay : gos. russkoyazychn. zhurn. URL: <http://www.kitai.china> (data obrashcheniya: 11.08.2017).
2. CRI-Russkiy : Mezhdunar. radio Kitaya. URL: <http://russian.cri> (data obrashcheniya: 15.08.2017).
3. CCTV-Russkiy : Mezhdunar. telekanal na russkom yazyke. URL: <http://russian.cctv> (data obrashcheniya: 17.08.2017).
4. Ayvazyan L. Imidzh strany i mezhdunarodnye otnosheniya: atmosfera XXI // 21-y vek. 2010. № 2 (14).
5. Antonyuk E. Yu. Kul'turologicheskiy podkhod k kontseptu «obraz strany» // Poznanie stran mira: istoriya, kul'tura, dostizheniya. 2013. № 1.
6. Gavra D. P., Savitskaya A. S., Shishkin D. P. Vneshniy imidzh gosudarstva v mediaprostranstve // Vestn. SPbGU. 2011. Ser. 9. Vyp. 3.
7. Grinberg T. A. Obraz strany ili imidzh gosudarstva: poisk konstruktivnoy modeli. URL: <http://www.mediascope.ru> (data obrashcheniya: 10.08.2017).
8. Ivanitskiy V. L. Kommunikativnaya strategiya periodicheskogo izdaniya // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2009. № 5.
9. Kim M. N. Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista : ucheb. posobie dlya vuzov. — SPb. : Piter, 2011.
10. Karasik V. I. Aksiogennaya situatsiya kak edinita tsenostnoy kartiny mira // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47).
11. Mar'yanchik V. A. Aksiologicheskaya struktura mediapoliticheskogo teksta (lingvostilisticheskiy aspekt) : dis. ... d-ra filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2013.
12. Ruzhentseva N. B. Russkoyazychnaya pressa za rubezhom: universalii i spetsifika analiza politicheskikh tekstov // Lingvokul'tura i kontseptual'noe prostranstvo yazyka. Ser. «Kontseptual'nyy i lingval'nyy miry». — SPb., 2016.
13. Samarkina I. V. Obraz strany v kontekste natsional'nogosudarstvennoy identichnosti: sushchnost', vidy i funktsii // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. 2016. T. 8. № 6.
14. Sidorskaya I. V. «Образ» или «имидж» страны: что представляют СМИ // Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki. 2015.
15. Feshchenko L. G. Redaktirovanie gazetnogo teksta: zhanrovyy aspekt : ucheb. posobie dlya studentov fak. zhurnalistiki. — SPb. : Laboratoriya operativnoy pechati fakul'teta zhurnalistiki SPbGU, 2004.

Е. М. Крижановская
Пермь, Россия

ВЫБОРЫ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2017 ГОДУ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД В ПЕРМСКИХ КРАЕВЫХ И РАЙОННЫХ СМИ: СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

АННОТАЦИЯ. Характеризуются некоторые наиболее частотные стратегии и тактики речевого воздействия, использованные в период подготовки к проведению выборов губернатора Пермского края в 2017 году. В работе на материале текстов краевых и районных печатных и интернет-СМИ Пермского края рассматриваются речевые способы презентации Максима Решетникова как временно исполняющего обязанности губернатора и поддержания региональными журналистами интереса жителей края к предстоящему политическому событию. Одной из основных речевых стратегий выступает информационно-интерпретационная стратегия (с такими тактиками, как акцентирование положительной информации, ссылка на мнение авторитетов). Стратегия информирования об участии кандидата в значимых политических событиях региона избирается пермскими журналистами для того, чтобы охарактеризовать деятельность политика, сделать акцент на его роли в политической жизни края и тем самым побудить читателей впоследствии проголосовать за него. Статья содержит вывод о том, что на способы освещения актуального политического события в краевых и районных СМИ незначительно влияют такие экстралингвистические факторы, как политические условия отдельного российского региона, место издания в структуре средств массовой информации региональных СМИ или личная политическая позиция отдельных журналистов, поскольку основополагающей является конформистская установка на следование единой, заранее выработанной, господствующей в официальной региональной печати линии представления ключевых событий и характеристики основных политических деятелей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; интернет-коммуникация; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; политические деятели; предвыборная кампания; политическая коммуникация; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Крижановская Елена Мечиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: krizh@psu.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Общеизвестной особенностью современного этапа развития политических коммуникаций является то, что журналисты выступают в качестве посредников между профессиональными политиками и массовой аудиторией, которая в основном дистанцирована от процесса принятия политических решений и не обладает возможностью влиять на них. В связи с этим «журналисты-„рассказчики“ о политике и политиках являются своеобразными „агентами влияния“, способствующими формированию общественного мнения» [Шейгал 2000: 25]. Кроме того, понятно, что современные журналисты принимают непосредственное участие в осуществлении предвыборной агитации, которая приобретает наибольший размах в периоды, предшествующие смене политической власти на федеральном или региональном уровне. Электронный «Словарь финансовых и юридических терминов» со ссылкой на Постановление ЦИК России от 20.09.1995 №18/149-II «Об Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с госу-

дарственным участием» дает следующее определение предвыборной агитации в СМИ: это «деятельность граждан, избирательных объединений, избирательных блоков, кандидатов в депутаты и других участников избирательного процесса, предусмотренных настоящей Инструкцией, по подготовке и распространению через СМИ в установленных законом формах информации, имеющей целью побудить избирателей принять участие в голосовании за или против тех или иных кандидатов, федеральных списков кандидатов» [Словарь... [http](http://)]. Целью данной статьи является анализ стратегий и тактик речевого воздействия, которые были использованы пермскими журналистами в процессе предвыборной агитации в краевых и региональных СМИ, освещавших выборы губернатора Пермского края в 2017 г.

Материалом исследования послужили новостные статьи пермских краевых и районных общественно-политических газет, имеющих онлайн-версии. Для анализа методом сплошной выборки были взяты информационные материалы, представленные в рубриках «Политика» и «Общество» на официальных сайтах пермских СМИ за период с 8 июня по 15 августа 2017 г. В качестве материала исследования было использовано 69 новостных текстов следующих пермских краевых и региональных газет:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59007.

«В Курсе Пермь» (*v-kurse.ru*); «Зори Плюс» (*dobryanka.net*); «Искра Кунгур» (*iskra-kungur.ru*); «Наш Соликамск» (*www.vsolikamske.ru*); «Парма-Новости» (*parmanews.ru*); «Чусовской рабочий» (*chrgazeta.ru*). Анализируемые статьи посвящены актуальному политическому событию, которое состоялось в Пермском крае 10 сентября 2017 г.

Выборы губернатора Пермского края прошли в Единый день голосования 10 сентября 2017 г. Напомним, что под Единым днем голосования понимается законодательно установленная в Российской Федерации единая дата проведения выборов в органы власти разных уровней — выборы в органы власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления с 2013 г. Это были первые выборы губернатора Пермского края, так как предыдущие губернаторы назначались Законодательным собранием края по предложению Президента РФ, причем последние выборы губернатора Пермской области проводились в 2000 г. В 2012 г. после отставки бывшего губернатора Пермского края О. А. Чиркунова в качестве кандидатуры на пост губернатора Пермского края был предложен бывший министр регионального развития В. Ф. Басаргин, который неоднократно занимал низкие места в рейтингах российских губернаторов. 6 февраля 2017 г. В. Ф. Басаргин официально объявил о своей отставке с поста губернатора Пермского края. В результате исполняющим обязанности губернатора был назначен глава департамента экономической политики г. Москвы М. Г. Решетников.

8 июня 2017 г. Законодательное собрание Пермского края официально назначило выборы на 10 сентября 2017 года. 9 июня 2017 года был опубликован расчет числа подписей, необходимых для регистрации кандидата, с 10 июня по 29 июня 2017 года прошел период выдвижения кандидатов, агитационный период начался со дня выдвижения кандидата и прекратился за одни сутки до дня голосования. По установленным правилам, в Пермском крае кандидаты выдвигались только политическими партиями или их региональными отделениями, имевшими право участвовать в выборах, в то время как самовыдвижение кандидата не допускалось. Для преодоления так называемого муниципального фильтра в Пермском крае кандидаты должны были собрать подписи 6 % муниципальных депутатов и глав муниципальных образований. По расчету избиркома, каждый кандидат должен был собрать от 234 до 245 подписей депутатов всех уровней и глав муниципальных образований. Избиркомом официально зареги-

стрировал 5 кандидатов на пост губернатора Пермского края: Владимира Аликина («Справедливая Россия»), Олега Постникова (ЛДПР), Максима Решетникова («Единая Россия»), Андрея Степанова («Патриоты России»), Ирину Филатову (КПРФ).

Изучение новостных материалов, представленных на сайтах пермских краевых и региональных газет, свидетельствует о том, что способы подачи пермскими журналистами информации о предстоящем актуальном политическом событии, к сожалению, не отличаются разнообразием и не зависят от уровня издания (краевого или районного). Это объясняется тем, что многие журналисты, создающие информационные тексты для онлайн-версий пермских газет, размещают на страницах своих электронных изданий материалы, представленные на официальном сайте Пермского регионального сервера (*perm.ru*). В этом случае информационные материалы обычно не имеют прямого авторства, в то время как статьи, содержащие сведения о политических событиях или действиях политиков отдельных районов Пермского края, обычно подписываются.

Примечательно, что анализируемые информационные материалы имеют типичную композиционную структуру, которая отражает, по сути, структуру новостного пресс-релиза. Новостная статья имеет заголовок, сообщающий определенную новость, после которого следует лид-абзац, состоящий из нескольких предложений и отражающий основное содержание текста. В качестве иллюстрации приведем следующие варианты лид-абзацев:

– а) *31 июля на пресс-конференции кандидат на пост губернатора Пермского края Олег Хараськин заявил, что написал заявления в краевой избирком, прокуратору и следственный комитет. Его штаб предполагает, что подписи, представленные в избирком другим кандидатом Андреем Степановым, могут быть поддельными* (Я. Яновская. «Олег Хараськин намерен доказать правомерность своих подписей». 01.08.2017. *parmanews.ru*); б) *Кооперация в нефтяной промышленности Прикамья позволит увеличить число высокооплачиваемых рабочих мест. Врио губернатора Пермского края Максим Решетников побывал с рабочим визитом в Добрянском районе. В ходе поездки он посетил Пермский инженерно-технический центр „Геофизика“ в Полазне, входящий в группу компаний „Нефтьсервисхолдинг“. На территории Пермского края предприятие выполняет геофизические исследо-*

вания скважин» («Нефть — на благо региона». 09.08.2017. chrgazeta.ru).

В тексте новостной статьи содержатся также упоминания о политической ситуации, сложившейся к моменту совершения того события, о котором рассказывается в статье, и имеющих с данным событием непосредственную связь. Информационные тексты, как правило, содержат ссылки на мнения политиков, бизнесменов, представителей власти и интеллигенции, широко известных в Пермском крае. Экспликация в текстах новостных статей авторитетных мнений позволяет журналистам подкрепить выражаемую ими определенную политическую позицию. При этом новостные статьи пермской краевой газеты «В Курсе Пермь» (*v-kurse.ru*) обычно заканчиваются абзацем, который выступает в качестве своеобразной эхо-фразы, так как постоянно повторяется, например:

– а) **Напомним**, кандидаты на пост губернатора Пермского края должны представить подписи муниципальных депутатов и глав в свою поддержку. Прием подписей от кандидатов продлится до 18:00 26 июля (25.07.2017); б) **Напомним**, 10 сентября — в Единый день голосования — в Пермском крае впервые за 17 лет пройдут всенародные выборы губернатора (27.07.2017); в) **Напомним**, выборы губернатора Пермского края состоятся в Единый день голосования — 10 сентября. В предвыборной гонке участвуют ученый Владимир Аликин („Справедливая Россия“), врио губернатора Пермского края Максим Решетников („Единая Россия“), Андрей Степанов („Патриоты России“), депутат Законодательного собрания Олег Постников (ЛДПР) и Ирина Филатова (КПРФ) (08.08.2017).

Выявленные в процессе анализа особенности новостных текстов подтверждают мнение Т. Г. Добросклонской о том, что «новостной текст как бы соединяет в себе две противоположные тенденции: постоянное обновление и приверженность устойчивым формам выражения. Действительно, с одной стороны, новости — это открытый, ежедневно обновляемый текст, с другой — текст в высшей степени предсказуемый, характеризующийся устойчивыми признаками как на уровне языка, так и на уровнях формата и содержания, иначе говоря, глобальной клишированностью» [Добросклонская 2010: 106—107].

Анализ избранных статей свидетельствует также о том, что, несмотря на официальную регистрацию 5 человек в качестве кандидатов на должность губернатора Пермского края, в процессе предвыборной кампании пермские журналисты в новостных

текстах освещают преимущественно деятельность только одного кандидата — временно исполняющего обязанности губернатора Пермского края Максима Решетникова. Такой выбор пермских журналистов заставляет нас предположить наличие определенной ангажированности и, по-видимому, существование негласной официальной установки на освещение деятельности преимущественно только одного кандидата. Частота упоминания имени одного и того же кандидата в краевых и региональных СМИ, наряду с использованием других предвыборных технологий и ресурсов, автоматически переводит его в разряд фаворитов предвыборной гонки.

В процессе анализа новостных текстов пермских СМИ были выявлены некоторые стратегии и тактики речевого воздействия на электорат. По-видимому, одной из основных речевых стратегий выступает информационно-интерпретационная стратегия (по классификации О. Н. Паршиной). Исследователь отмечает, что «большое место в речевой деятельности политиков, находящейся у власти, занимает воздействие на общество, осуществляемое через подачу информации и ее интерпретацию» [Паршина 2007: 79]. Стратегия информирования об участии кандидата в значимых политических событиях региона избирается пермскими журналистами для того, чтобы охарактеризовать деятельность политика, сделать акцент на его роли в политической жизни края и тем самым побудить читателей впоследствии проголосовать за него. Обычно для характеристики действий политика служат следующие слова и словосочетания: *заключил договор, защитил проект, заявил, обозначил сложности, обсудил вопросы, ознакомился с проектом, отметил, поблагодарил, побывал с рабочим визитом, подвел итог, подтвердил, подчеркнул, посетил, принял участие, провел ряд встреч, рассказал, сказал в приветственном слове, считает* и др. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты:

– а) **На фестивале дворового спорта глава Пермского края провел встречу с молодежью, в которой приняли участие участники пермской команды, победившей в национальном чемпионате профессионального мастерства WorldSkills, молодые спортсмены, представители дворовых видов спорта** («Максим Решетников ответил на вопросы активной молодежи Перми», 20.06.2017, *iskra-kungur.ru*); б) **Врио губернатора Максим Решетников обратил внимание глав муниципалитетов на качество и сроки ответов на сообщения на портале „Управ-**

ляем вместе“ (О. Меланина. «В режиме прозрачности», 07.07.2017, dobryanka.net).

Одной из коммуникативных тактик, реализующих информационно-интерпретационную стратегию, является тактика акцентирования положительной информации. По мнению О. Н. Паршиной, «акцентирование положительной информации, опора на ценностные приоритеты (критерий „хорошо“) ориентированы не только и не столько на сообщение информации, сколько на речевое воздействие на адресата. Интерпретация политиком реалий действительности часто направлена на нейтрализацию негативного представления адресата» [Паршина 2007: 82]. Приведенные ниже текстовые фрагменты служат подтверждением сказанного выше:

– а) **„Предприятие „Авиадвигатель“ — один из крупнейших центров разработок в авиакосмической отрасли в масштабах всей страны“, — отметил Максим Решетников** («Максимальная отдача». 26.07.2017, chrgazeta.ru); б) **„Обратная связь от жителей, которую я получаю, посещая территории, очень важна. Намерен ежегодно в каждом муниципалитете отчитываться о своей работе. Мы будем предельно открыты, откровенны и подотчетны жителям всех территорий“, — подчеркнул Максим Решетников** («Максим Решетников выступил перед представительными органами муниципалитетов Пермского края». 22 июня 2017, iskra-kungur.ru).

Для создания имиджа врио губернатора пермские журналисты активно используют такой тактический прием, как ссылку на мнение авторитетного человека, проявляющийся в дословном цитировании его слов. При этом прямая речь авторитетного лица, как правило, содержит позитивную оценку действий кандидата, например:

– а) **„Я считаю, что процент проголосовавших за врио губернатора Максима Решетникова будет выше 60 % — это нижний предел. Итог может быть — 65—70 %.., — говорит советник экс-губернатора Пермского края Олега Чиркунова Николай Яшин..; — Из всех потенциальных кандидатов Максим Решетников выглядит наиболее предпочтительным. Разница в подготовке к избирательной кампании настолько большая, что не оставляет сомнений — подавляющее большинство граждан проголосует за него. Потому результат от 60 до 80 % кажется вполне вероятным, — считает депутат Законодательного собрания Илья Шулькин** («Эксперты: Максим Решетников победит на выборах при высокой явке». 14.07.2017, v-kurse.ru); б) **„Максим Ре-**

шетников за короткий период посетил большинство предприятий региона, основательно вник в наши проблемы. Чувствуется его системный подход к решению приоритетных задач, которые сегодня стоят перед промышленностью. Власть и производственные предприятия вырабатывают совместные действия, есть поддержка со стороны краевого правительства...“, — прокомментировал встречу генеральный директор группы предприятий ПЦБК Александр Сухановский («В Перми обсудили актуальные вопросы развития реального сектора экономики». 05.07.2017; iskra-kungur.ru).

Подводя предварительные итоги анализа новостных статей пермских краевых и районных СМИ, посвященных выборам губернатора Пермского края, отметим, что, очевидно, на способы речевого воздействия на избирателей, которые используют пермские журналисты, не влияют политические условия отдельного российского региона, место издания в структуре средств массовой информации региональных СМИ или личная политическая позиция отдельных журналистов, поскольку, на наш взгляд, основополагающей является конформистская установка на следование единой, заранее выработанной, господствующей в официальной региональной печати линии представления ключевых событий и характеристики основных политических деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агитация предвыборная // Словарь финансовых и юридических терминов. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=jt;div=LAW> (дата обращения 16.08.2017).
2. Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53—60.
3. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. Изд. 3-е. — М.: КРАСАНД, 2010. 288 с.
4. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 29—33.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 228 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». 2-е изд. — М.: Флинта : Наука, 2011. 224 с.
7. Лу Тинтин. Стратегии уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 60—67.
8. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
9. Никитина Л. Б. Языковой образ омского чиновника по данным региональной газеты «Ваш ОРЕОЛ» // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 27—32.
10. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свой — чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 154—162.

11. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Изд-во ЛКУИ, 2007. 232 с.

12. Политические коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов / Ю. Ю. Петрунин и др. ; под ред. А. И. Соловьева. — М. : Аспект Пресс, 2004. 232 с.

13. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2004.

14. Филиппова О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию : учеб. пособие / О. А. Филиппова. — М. : Флинта : Наука, 2012. 144 с.

15. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе : учеб. для магистратуры. — М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

E. M. Krizhanovskaya

Perm, Russia

ELECTIONS OF PERM REGION GOVERNOR IN 2017 AS NEWS TOPIC IN PERM REGIONAL AND LOCAL MASS-MEDIA: STRATEGIES OF SPEECH INFLUENCE

ABSTRACT. *The most frequent manipulative strategies and tactics used in the Governor's election campaign in Perm Krai in 2017 are analyzed in this paper. Based on the texts published in regional newspapers and on the Internet we analyze verbal means of presentation of Maxim Reshetnikov as interim Governor and raising the public interest to the elections. One of the main speech strategies is informational interpretational strategy (including the tactics of emphasizing the positive information and reference to the authority). The strategy of giving information about the candidate taking part in an important political campaign of the region is chosen by Perm journalists to describe the activities of the politician, to emphasize the great role he plays in the life of the region and thus persuade the people vote for him. The paper concludes that the choice of language means to describe some important political event in regional mass media is, but to some extent, influenced by such extralinguistic factors as living conditions in the region, the role of the media in the structure of the regional mass media, or personal political views of the journalist, because the general tendency is to conform to the unanimously accepted by the media way of presentation of key events and political leaders.*

KEYWORDS: *political discourse; Internet communication; communicative strategies; communicative tactics; political leaders; election campaign; political communication; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media*

ABOUT THE AUTHOR: *Krizhanovskaya Elena Mechislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communication, Perm State National Research University, Perm Russia.*

REFERENCES

1. Agitatsiya predvybornaya // Slovar' finansovykh i yuridicheskikh terminov. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=jt;div=LAW> (data obrashcheniya 16.08.2017).

2. Belova V. F., Zyubina I. A., Lesnyak M. V., Matveeva G. G. Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 53—60.

3. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstv: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi. Izd. 3-e. — М. : KRASAND, 2010. 288 s.

4. Ivanova S. V. Politicheskiiy media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 29—33.

5. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — М. : Izd-vo LKI, 2008. 228 s.

6. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu». 2-e izd. — М. : Flinta : Nauka, 2011. 224 s.

7. Lu Tintin. Strategii ukloneniya v politicheskom interv'yu: na materiale russkogo i kitayskogo yazykov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 60—67.

8. Mikhaleva O. L. Politicheskiiy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — М. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

9. Nikitina L. B. Yazykovoy obraz omskogo chinovnika po dannym regional'noy gazety «Vash OREOL» // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 27—32.

10. Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Varianty i sredstva reprezentatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoi — chuzhie» v diskurse mera Ekaterinburga Evgeniya Royzmana // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 154—162.

11. Parshina O. N. Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika / pod red. O. B. Sirotninoy. Izd. 2-e, ispr. i dop. — М. : Izd-vo LKUI, 2007. 232 s.

12. Politicheskie kommunikatsii : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Yu. Yu. Petrunin i dr. ; pod red. A. I. Solov'eva. — М. : Aspekt Press, 2004. 232 s.

13. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2004.

14. Filippova O. A. Obuchenie emotsional'nomu rechevomu vozdeystviyu : ucheb. posobie / O. A. Filippova. — М. : Flinta : Nauka, 2012. 144 s.

15. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse : ucheb. dlya magistratury. — М. : LENAND, 2017. 176 s.

16. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М. : ITDГK «Gnozis», 2004. 326 s.

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

МАКРОСТРУКТУРА ДИСКУРСИВНОГО МИРА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ: САММИТ «G20»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена моделированию макроструктуры дискурсивного мира политического события. Исследование проводится на основе анализа итогового коммюнике саммита «Группы двадцати» 2017 г., а также англоязычных публикаций, объединенных тематикой международного форума, в американских, британских и австралийских средствах массовой коммуникации. Цель работы — выявление базовых макрофреймов — когнитивных опор дискурсивного мира одного из важнейших политических событий текущего года, ориентированного на изменение финансово-экономической жизни мирового сообщества. Дискурсивный мир рассматривается в режиме макроактуализации, что предполагает выявление его характеристик как результата общеполитических целей общения в рамках события. Понятие макроструктуры дискурсивного мира политического события трактуется с позиций когнитивно-дискурсивного миромоделирования — автономного направления лингвистической дискурсологии, исследующего дискурс в терминах репрезентационных структур. Устанавливается, что концептуальное содержание дискурсивного мира политического события специфицировано в отношении глобальных угроз, стоящих перед лицом современного мирового сообщества. Макрофреймы, конституирующие каркас дискурсивного мира, группируются в когнитивно-семантическое поле с ориентацией на цели коммуникации. Наиболее актуальным фрагментом дискурсивного мира политического события саммита является когнитивно-семантическое поле «Человек и общество», объединяющее макрофреймы, которые содержат представления о вызовах, стоящих перед человеком в системе социальных и международных связей и отношений. Результаты могут представлять интерес для разработки лингвистических основ политтехнологий, имеющих цель подготовки ожидания событий мирового значения и их восприятия общественностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; СМИ, средства массовой информации; макрофреймы; политические события; саммиты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Материалы статьи представлены на Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистические основы взаимопонимания» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Средства массовой коммуникации, к которым традиционно относят прессу, телевидение, радио и Интернет, играют определяющую роль в формировании ракурсов восприятия событий мирового значения, управлении мнениями и настроениями людей. В медиакоммуникации объективируются фрагменты проективной реальности, или **дискурсивные миры**, — динамические системы смыслов, создаваемые инициаторами дискурса и интерпретируемые потребителями информации под воздействием совокупности факторов, имеющих геополитический, социальный, культурный и мировоззренческий характер.

В теоретико-методологическом отношении структурирование информации о действительности в дискурсе, приводящее к образованию репрезентационных структур разной степени концептуальной сложности, рассматривается в рамках **теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования** как автономного направления лингвистической дискурсологии. Поскольку эта теория преимущественно развивается за рубежом, отметим наиболее значимые англоязычные публикации [Gavins 2007; Hidalgo Downing 2000; Matczak 2013; Semino 1995; Tincheva 2007, 2013; Trimarco 2015; Verdonk 2008; Werth 1999], а также сделаем автос-

сылку [Кушнерук 2016]. Названное научное направление исследует дискурс в терминах репрезентационных структур и интегрирует идеи философии, логики, когнитивной лингвистики, прагматики, дискурсивного анализа для объяснения динамических процессов и результатов, подчиненных целям общения и служащих основой конструирования социальной реальности, ментально-языкового представления информации о мире и управления ей. Под **репрезентационными структурами** понимаются объективируемые в дискурсе ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации.

Дискурсивный мир (далее — ДМ) политического события рассматривается как многокомпонентная репрезентационная структура дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в интегративной совокупности средств массовой коммуникации, фокусирующих внимание на саммите «двадцатки». Эта структура имеет экстралингвистические ограничения, что дает основание выделить **контекстуально заданные параметры** ДМ — координаты *времени, места, ключевых участников*: 1) **время** — 7—8 июля 2017 г.; 2) **место** — Гамбург, Гер-

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 14.04.2017 г. № 16-446 по теме «Дискурсивное конструирование: репрезентация действительности в языке и коммуникации».

мания; 3) **ключевые участники** — Аргентина, Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Европейский союз, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Япония. ДМ саммита обладает мощным **миромоделирующим потенциалом**, под которым понимается актуализация идеологически востребованных интенционально детерминированных смыслов и ценностных установок в медийном текстовом континууме.

В настоящей статье анализ проективной реальности ДМ, создаваемой в средствах массовой коммуникации, производится в режиме **макроактуализации** — выявляются его характеристики как результат реализации общеполитических целей общения в рамках события. Значим **когнитивно-семантический аспект миромоделирования**, позволяющий установить, как фреймируется ДМ в условиях мирового политического и экономического взаимодействия, организованного с целью дать ответ на глобализационные вызовы. Понятие «**фреймирование**» раскрывается в трактовке И. Гофмана. Его основная идея заключается в том, что поведение людей регулируется формами организации повседневного опыта и общения — фреймами. Фрейм представляет собой интерпретационную схему, формирующую перспективу восприятия, которая создает формальные определения ситуаций. Переработка информации нуждается во фреймах для ограничения фона, по отношению к которому должны восприниматься сообщения [Гофман 2003: 80]. Фреймирование обеспечивает стандартизацию коммуникации и установление социального порядка. Привлечение фреймовых структур дает возможность объяснить способы формирования смыслов на функциональном уровне. В данном режиме ДМ политического события анализируется на уровне макроструктуры.

Понятие **макроструктуры**, введенное Т. А. ван Дейком в 1970-х гг., соотносится с концептуальным глобальным значением дискурса и используется для абстрактного семантического описания его основного содержания [Dijk, Kintsch 1983; Дейк 2014]. Макроструктура дискурса суммирует информацию, удерживаемую в долговременной памяти [Данюшина 2010]. Формой организации макроструктур выступают **макрофреймы** — объемные, концептуально-многомерные структуры, упорядочивающие знания о действительности и отражающие различные концептуальные признаки в ментальном пространстве дискурсивного мира. По словам Т. ван Дейка, «макроструктуры не могут

быть просто заменены иерархическими структурами знаний, такими как фреймы или сценарии. Последние действительно представляют собой структуры знаний и имеют общую и иногда стереотипную природу, в то время как макроструктуры являются структурами самого дискурса и часто единственными в своем роде» [Дейк 2015: 49].

Макрофреймы рассматриваются как когнитивные структуры, упорядочивающие знания об отдельной предметно-понятийной области, которые в той или иной мере актуализируются в единичных текстовых реализациях, используемых для оформления коммуникативного содержания. Например, в следующем контексте лексически репрезентированы макрофреймы «ТОРГОВЛЯ», «ФИНАНСЫ», «ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ», «ЗАНЯТОСТЬ», «ДИГИТАЛИЗАЦИЯ» («ЦИФРОВИЗАЦИЯ»), «КЛИМАТ», которые закрепляют представления о наиболее дискуссионных вопросах саммита, но лишь частично передают концептуальное содержание ДМ: *The joint communique, formally called the G20 Leaders' Declaration, covers a lot of ground, including that contentious arena of trade, as well as international financial architecture, health, employment, "harnessing digitalization," and, of course, climate* / В совместном коммюнике, формально именуемом „Декларация лидеров „Группы двадцати“, рассматривается много тем, включая наиболее спорные вопросы торговли, а также международной финансовой архитектуры, здравоохранения, занятости, „освоения цифровых технологий“ и, конечно, климата (Daily Kos. 08.07.2017).

Семантическая макроструктура дискурсивного мира саммита 2017 г. моделируется на основе интегративной совокупности контекстов, извлеченных их средств массовой коммуникации, и описывается конечным числом **дискурсивно релевантных макрофреймов**, или семантических доминант, отражающих наиболее существенные стороны политического события и формирующих инвариантное концептуальное содержание ДМ. Выделенные макрофреймы специфицируют ДМ политического события в отношении глобальных угроз, стоящих перед лицом современного мирового сообщества, и группируются в три когнитивно-семантических поля (КСП) — «Человек и общество», «Мировое хозяйство», «Человек и природа» (рис.). Под **когнитивно-семантическим полем** понимается объединение макрофреймов на основе тематической группировки с ориентацией на цели коммуникации. Основной целью участников обсуждаемого политического события в широком смысле можно счи-

тать выработку стратегии реагирования на вызовы современности, которые обретают новые формы в условиях глобализации и интенсивного технологического развития.

Рис. Макроструктура ДМ политического события

1. Когнитивно-семантическое поле «Человек и общество». Наиболее дробным и, следовательно, наиболее актуальным фрагментом ДМ политического события июльско-го саммита является когнитивно-семантическое поле «Человек и общество», объединяющее макрофреймы «ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН», «МИГРАЦИЯ», «ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ», «КОРРУПЦИЯ», «ЗАНЯТОСТЬ», «ПАРТНЕРСТВО С АФРИКОЙ», которые актуализируют представления о вызовах, стоящих перед человеком в системе социальных («внутренних») и международных («внешних») связей и отношений.

Наиболее развернутую структуру в названном когнитивно-семантическом поле имеет макрофрейм «ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН» (11): *gender equality, quality of female employment, employment discrimination, protection from all forms of violence, women's access to labour markets, quality education and training, social protection policies, participation for women and girls in the digital economy, support for women's entrepreneurship, women's participation in the economy, economic empowerment of women*. На первый план выходят такие проблемы, как гендерное равенство, качество женской занятости, дискриминация при трудоустройстве, защита от всех форм насилия, доступ женщин к рынкам труда, качественное образование, профессиональное обучение, политика в области социальной защиты, участие женщин и девочек в цифровой экономике, поддержка женщин-предпринимателей, участие женщин в экономике, а также расширение прав и возможностей женщин в экономической

сфере. Наиболее очевидная причина, по которой структура данного макрофрейма оказывается концептуально разветвленной, видится в общем усилении роли женщины в мире в начале XXI в.

Макрофрейм «МИГРАЦИЯ» (10): *historic levels of migration, forced displacement, drivers of forced displacement, orderly and regular migration, irregular migration, reintegration of migrants, migrant smuggling, trafficking in human beings, needs of refugees, governance of migration*. В условиях глобализации возросла роль процессов переселения, вызванного серьезными политическими, экономическими и религиозными причинами, что находит отражение в структуре макрофрейма, включающего представления об историческом максимуме миграции, вынужденном переселении, причинах вынужденного перемещения, необходимости осуществления упорядоченной и легальной миграции, процессах нелегальной миграции, реинтеграции, контрабанде, осуществляемой мигрантами, торговле людьми, потребностях беженцев, а также об управлении процессами миграции.

Макрофрейм «ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ» (8): *global health challenges, universal health coverage, strong health systems, health systems worldwide, health workforce, health challenges, health emergencies, prudent use of antibiotics*. Апелляция к общечеловеческим фундаментальным ценностям, ведущей из которых является здоровье как непереносимое условие счастья и благополучия человека, обуславливает актуализацию данного макрофрейма в свете ключевых проблем общества, что предопределяет его семантическое наполнение: реагирование на вызовы в области здравоохранения, всеобщий охват медицинскими услугами, создание сильных систем здравоохранения по всему миру, развитие медицинских кадровых ресурсов, реагирование на вызовы здоровью в чрезвычайных ситуациях, а также рациональное использование антибиотиков.

Макрофрейм «КОРРУПЦИЯ» (6): *fighting corruption, Anti-Corruption Action Plan, resilient against corruption, fight against corruption, high level of corruption, anti-corruption standards*. Порочная практика коррупции в глобальных масштабах осознается как феномен, подрывающий экономическую и политическую устойчивость мирового сообщества, против которого должна быть выработана эффективная система мер. Это находит отражение в семантическом наполнении макрофрейма: борьба с коррупцией, Антикоррупционный план действий, антикоррупционная устойчивость, высокий уровень коррупции, стандарты борьбы с коррупцией.

Макрофрейм «ЗАНЯТОСТЬ» (5): *diversity of employment, decent work opportunities, transition of the labour market, integrating young people into the labour market, work-based learning*. Концептуальная структура систематизирует набор представлений о существующих в настоящее время многообразных формах труда, возможностях для достойной работы, трансформациях на рынке труда, необходимости привлечения к труду молодежи, а также об обучении на рабочих местах.

Макрофрейм «ПАРТНЕРСТВО С АФРИКОЙ» (5): *challenges in African countries, aspirations of African countries, poverty and inequality, help interested African countries, African economic opportunities*. На когнитивной карте ДМ политического события данный фрейм занимает особое место, поскольку соотносится с «внешними» проблемами, касающимися взаимоотношений государств на мировом уровне. Полярность мира выявляется через противопоставление сильных («Группа двадцати») и нуждающихся в помощи (Африка), что не только влечет за собой ответственность первых по отношению к последним в ответ на вызовы в африканских странах, ожидания, засилье бедности и неравенства, но предполагает содействие заинтересованным африканским странам в улучшении экономических возможностей Африки в целом.

2. Когнитивно-семантическое поле «Мировое хозяйство» содержит макрофреймы «ФИНАНСЫ», «ДИГИТАЛИЗАЦИЯ» («ЦИФРОВИЗАЦИЯ»), «ЭКОНОМИКА», «ТОРГОВЛЯ», которые актуализируют представления о широком спектре глобальных финансовых и экономических задач, стоящих перед субъектами мировых хозяйственных отношений, разработке способов их решений, инноваций и поиске перспектив дальнейшего развития.

Макрофрейм «ФИНАНСЫ» (6): *resilient financial system, financial regulatory reforms, international financial architecture, global financial safety, boosting investment, financial transparency*. Элементы информации, отражаемые в макрофрейме, свидетельствуют об устремленности участников к устойчивой международной финансовой системе, регулируемому реформированию, что должно способствовать укреплению международной финансовой архитектуры, финансовой безопасности, увеличению инвестиций на фоне финансовой прозрачности.

Макрофрейм «ДИГИТАЛИЗАЦИЯ» («ЦИФРОВИЗАЦИЯ») (6): *harnessing digitalization, digital transformation, digital literacy, digital skills, digital economy, digital technologies*. Ин-

новации в ходе стремительного научно-технологического развития мира прочно соотносятся с выделенным макрофреймом, представляющим сегмент ДМ, который включает представления об освоении цифровых технологий, повышении цифровой грамотности, усовершенствовании цифровых навыков, развитии цифровой экономики и цифровых технологий, что должно содействовать международным экономическим контактам.

Макрофрейм «ЭКОНОМИКА» (3): *growth prospects, international economic and financial cooperation, economic activity*. Признаковый состав данного макрофрейма отражает сущностную цель международного форума, который был создан для решения важнейших проблем в сфере экономики (1999 г.) вскоре после разразившегося мирового финансового кризиса 1997—1998 гг.: перспективы экономического роста, международное и финансовое сотрудничество, высокая экономическая активность.

Макрофрейм «ТОРГОВЛЯ» (3): *international trade and investment, reciprocal and mutually advantageous trade, rules-based international trading system*. Так же как макрофрейм «ЭКОНОМИКА», данный макрофрейм выявляется на когнитивной карте ДМ политического события как конструктивный элемент, наличие которого предопределяется глобальной целью (управление экономикой) и вытекающими из нее конкретными задачами учреждения «Группы двадцати», связанными с международной торговлей и инвестициями, взаимовыгодными условиями сотрудничества и соблюдением установленных правил торговых отношений.

3. Когнитивно-семантическое поле «Человек и природа» включает макрофреймы «ЭНЕРГИЯ И КЛИМАТ» и «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ», которые акцентируют внимание на интенсификации воздействия человека на естественную среду обитания, утилитарном использовании сырьевых ресурсов и связанных с этим злоупотреблениях.

Макрофрейм «ЭНЕРГИЯ И КЛИМАТ» (5): *clean energy technologies, greenhouse gas emissions, energy efficiency, energy security, commitment to the Paris Agreement*. В структуре макрофрейма отражаются представления о чистых технологиях в сфере энергетики, сокращении выброса парниковых газов, энергоэффективности, энергетической безопасности, а также о приверженности реализации Парижского соглашения, направленного на сдерживание климатических изменений (принято в 2015 г. 195 странами).

Макрофрейм «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ» (4): *efficiency and sustainability of natural re-*

source, sustainable consumption, marine litter, Marine Litter Action Plan. Семантический объем макрофрейма: эффективность и устойчивость использования природных ресурсов, устойчивое потребление, морской мусор, план действий в связи с морским мусором.

Представление значимого политического события мирового уровня, посвященного решению вопросов международного экономического сотрудничества, формирует специфику семиотически воплощенного дискурсивного мира как когнитивной структуры концептуально сложного типа, которая создается в средствах массовой коммуникации и интерпретируется потребителями информации с ориентацией на общечеловеческие понятийные универсалии — взаимосвязанное мироустройство и улучшение качества жизни.

Дискурсивный мир политического события представляет собой контекстуально заданную концептуально-информационную модель действительности, созданную в интегративной совокупности средств массовой коммуникации, объединенных тематикой саммита «Группы двадцати». Когнитивными опорами модели являются дискурсивно релевантные макрофреймы, объединенные в когнитивно-семантические поля «Человек и общество», «Мировое хозяйство» и «Человек и природа». Базовые топики отражают наиболее проблемные стороны общемирового экономического взаимодействия, формируют макрореальность политического события через призму глобальных вызовов, что ограничивает концептуальное содержание дискурсивного мира. Дискурсивно-специфичное «портретирование» действительности в рамках политического события

S. L. Kushneruk
Chelyabinsk, Russia

MACROSTRUCTURE OF DISCOURSE WORLD OF THE POLITICAL EVENT: G20 SUMMIT

ABSTRACT. The paper focuses on modeling the macrostructure of discourse world of the political event. It is based on G20 Leaders' Declaration and publications united by the theme of the international forum for economic cooperation. The purpose of the paper is to reveal basic macroframes considered as cognitive 'pillars' of discourse world of one of the most crucial international political events of the current year aimed at changing for the better economic life of the global community. Discourse world is considered on the level of macro actualization, i.e. with the emphasis on characteristics resulting from global political and economic aims. The notion of discourse world macrostructure draws on cognitive-discourse World-Modeling Theory initially inspired by Text-World Theory, introduced by Werth. Within the framework of the theory, discourse is analyzed in terms of representational structures. It is argued that global economic challenges specify the discourse world, and thus, basic macroframes that constitute macrostructure of the discourse world of G20 summit can be grouped into cognitive-semantic fields in accord with the key aims of the political event. The most represented fragment of the discourse world of the event is cognitive-semantic field "Man and Society" that unites macroframes containing information about challenges in social and international relations. The conclusions might present interest for further investigation of the linguistic basics of communicative technologies employed by news makers and spin doctors.

KEYWORDS: political discourse; media discourse; mass media; media; macro frame; political event; summit.

ABOUT THE AUTHOR: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

саммита предопределяется совокупностью факторов, имеющих экономический, политический, социальный, технологический и глобализационный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М., 2003. 752 с.
2. Данюшина Ю. В. Англоязычный сетевой бизнес-дискурс: когнитивно-семантический обзор // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2010. № 3 (024). С. 97—103.
3. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
5. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 48 с.
6. Dijk T. A. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. Ch. 6. Macrostrategies. — New York: Academic Pr., 1983. P. 189—206.
7. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. — Edinburgh Univ. Pr., 2007. 193 p.
8. Hidalgo Downing L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. — Stamford, CA: Ablex Publ. Corp., 2000. 225 p.
9. Matczak M. Legal Text as a Description of a Possible World. Preliminary Discussion of a Model of Legal Interpretation // *SSRN Electronic J.* 2013. May. URL: <http://www.researchgate.net/publication/236669126> (date of access: 04.06.2017).
10. Semino E. Schema theory and the analysis of text worlds in poetry // *Lang. and Lit.* 1995. № 4 (2). P. 79—108.
11. Tincheva N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds // *On Man and Language*. — Sofia: St. Kliment Ohridski Pr., 2007. URL: <http://papers.ssrn.com/> (date of access: 27.03.2016).
12. Tincheva N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds 2 // *Liber Amicorum Professor Bistra Alexieva: In Honor of her 80th Birthday* / ed. D. Yankova. SSRN. 2013. URL: <http://ssrn.com/abstract=2264714> (date of access: 27.03.2017).
13. Trimarco P. Digital Textuality / P. Trimarco. — UK: Palgrave, 2015. 176 p.
14. Verdonk P. Text World Theory: An Introduction // *Lang. and Lit.* 2008. № 17 (4). P. 373—376.
15. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. — London: Longman, 1999. 390 p.

REFERENCES

1. Gofman I. Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. — M., 2003. 752 s.
2. Danyushina Yu. V. Angloyazychnyy setevoy biznes-diskurs: kognitivno-semanticheskiy obzor // Vopr. kognitiv. lingvistiki. 2010. № 3 (024). S. 97—103.
3. Deyk T. A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : LIBROKOM, 2014. 344 s.
4. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M. : LENAND, 2015. 320 s.
5. Kushneruk S. L. Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie v britanskoy i rossiyskoy kommercheskoy reklame : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 48 s.
6. Dijk T. A. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. Ch. 6. Macrostrategies. — New York : Academic Pr., 1983. P. 189—206.
7. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. — Edinburgh Univ. Pr., 2007. 193 p.
8. Hidalgo Downing L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. — Stamford, CA : Ablex Publ. Corp., 2000. 225 p.
9. Matczak M. Legal Text as a Description of a Possible World. Preliminary Discussion of a Model of Legal Interpretation // SSRN Electronic J. 2013. May. URL: <http://www.researchgate.net/publication/236669126> (date of access: 04.06.2017).
10. Semino E. Schema theory and the analysis of text worlds in poetry // Lang. and Lit. 1995. № 4 (2). P. 79—108.
11. Tincheva N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds // On Man and Language. — Sofia : St. Kliment Ohridski Pr., 2007. URL: <http://papers.ssrn.com/> (date of access: 27.03.2016).
12. Tincheva N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds 2 // Liber Amicorum Professor Bistra Alexieva : In Honor of her 80th Birthday / ed. D. Yankova. SSRN. 2013. URL: <http://ssrn.com/abstract=2264714> (date of access: 27.03.2017).
13. Trimarco P. Digital Textuality / P. Trimarco. — UK : Palgrave, 2015. 176 p.
14. Verdonk P. Text World Theory: An Introduction // Lang. and Lit. 2008. № 17 (4). P. 373—376.
15. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. — London : Longman, 1999. 390 p.

М. Н. Лату
Пятигорск, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ БЛОКИ И ХАРАКТЕР СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется соотносительность содержания структурных компонентов дефиниции, представляющих собой информационные блоки, и системных отношений, устанавливаемых между элементами научного знания. Выделяются информационные блоки, которые могут составлять дефиницию: информационный блок, где указывается родовая принадлежность определяемого понятия (родо-видовые отношения представляются значимыми для научного знания, поскольку с их помощью выстраивается иерархия понятий); информационный блок, который не является обязательным и не всегда представлен в дефинициях, раскрывающий информацию о видовых понятиях, для которых дефинируемое понятие является гиперонимом; информационный блок, раскрывающий непосредственные составляющие, элементы структуры, компоненты, которые образуют дефинируемый референт, включающий термины, которые в терминологической сети связаны с определяемым термином отношением части и целого; информационный блок целеполагания, в котором сообщаются данные о целях, соотносимых с дефинируемым референтом, отчасти определяющих его специфику и уникальность (нередко данный информационный блок вводится посредством предлога «для» — обособленно или в составе фразы «предназначен для»); когда референт, означиваемый термином, определяется как объект воздействия в рамках определенного процесса, информация об этом составляет соответствующий блок; блок локализации, где приводятся данные о месте расположения или ограничения распространения дефинируемого явления; информационный блок, где представлена информация об особенностях происхождения определяемого референта или результатах некоторой активности. Использование терминологической и общеупотребительной лексики в составе информационного блока во многом зависит от специфики определяемого понятия, возможности репрезентации конкретного элемента научного знания посредством термина данной или смежных терминосистем, а также индивидуального выбора составителя дефиниции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные блоки; политическая лексика; политический язык; терминология; политические термины.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9; e-mail: Laatin@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Сегодня политическая ситуация в стране и мире оказывает значительное влияние на процессы, происходящие в обществе. Сфера использования политических понятий вообще не ограничивается профессиональным дискурсом и распространяется также и на дискурс СМИ [Иванов 2016; Кондратьева 2016], где терминология нередко «создает нужную картину мира, чаще всего выгодную коммуникатору, но семиотически искажает действительность» [Сурикова 2017]. В этой связи особую значимость приобретают исследования особенностей определения понятий, в том числе и политических.

Любая дефиниция термина потенциально может быть делима на составляющие [Смирнова 2011], что создает возможность для моделирования ее структуры. Компоненты дефиниции, которые можно выделить в общем содержании определения [Шелов 1990; Жуков 2013], можно рассматривать как определенные информационные блоки, которые раскрывают различные стороны дефинируемого понятия [Лату 2016б]. В данной работе рассматривается соотносительность содержания отдельных информационных блоков определения термина и системных отношений, которые существуют между

элементами научного знания в рамках модели терминосистемы в виде терминологической сети [Лату 2016а].

Одной из значимых структурных частей дефиниции является информационный блок, где указывается родовая принадлежность определяемого понятия. Иными словами, приводятся данные о ближайшем роде или понятии, представляющем собой некоторое множество, к которому относится трактуемое. Рассматриваемый блок основывается на существовании двух системных отношений в семантических сетях, в том числе и терминологических: АКО — «a kind of», отношение между непосредственным гиперонимом и гипонимами; ISA — «is a», отношение совпадения или включения во множество, которое не является непосредственным родовым понятием [Лату 2016]. Родо-видовые отношения представляются значимыми для научного знания, поскольку с их помощью выстраивается иерархия понятий. Данный информационный блок, как правило, вводится одним из первых в определении. Например:

Социальное государство — государство, в котором кроме правовой защиты человека и реальной действенной силы за-

Публикация выполнена в рамках реализации проекта «Разработка лингвистических принципов проектирования и создание экспортной системы представления элементов научного знания на основе конструирования терминологических семантических сетей» по проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ на 2017-2019 гг.» (№34.3234.2017/ПЧ)

кона хорошо развита система социального обеспечения, социальной защиты граждан, обеспечен высокий уровень жизни населения [Кулаков 2006].

В данной дефиниции блок, репрезентирующий родовую принадлежность, состоит из одного термина **государство**, который называет понятие, являющееся родовым для ряда других терминов, в том числе и термина **социальное государство**. В терминологической сети данные термины связаны системным отношением АКО. В ряде случаев в качестве родового указывается понятие, передаваемое не термином-гиперонимом, а посредством общеупотребительной лексики или же термином, не являющимся специализированной единицей данной терминосистемы. Например:

Политические науки — науки, изучающие политическую сферу общества. К ним относятся: политическая философия, политическая география, теория международных отношений, политическая история, политическая экономика, политология, политическая психология, политическая социология, политическая антропология, политическая история, политическая этика, политическая астрология [Кулаков 2006].

Термин **наука** не является политическим термином. В терминологической сети между такими единицами устанавливается отношение включения во множество — ISA, поскольку в иерархии научного знания между ними представлены и другие понятия, например **гуманитарные науки** и др.

В данной дефиниции представлен также еще один информационный блок, где может репрезентироваться системное отношение АКО. Он раскрывает информацию о видовых понятиях, для которых дефинируемое понятие является гиперонимом. В вышеуказанном примере это фрагмент дефиниции «к ним относятся: политическая философия, политическая география, теория международных отношений, политическая история, политическая экономика, политология...», поскольку данные науки являются разновидностью политических наук. Данный информационный блок, в отличие от блока родовых отношений, не является обязательным и не всегда представлен в дефинициях. Предполагается, как правило, в завершающей части дефиниции. В качестве еще одного примера можно привести развернутую дефиницию термина **партийная система**, где один блок видовых отношений вложен в другой блок видовых отношений:

Партийная система — совокупность политических партий в государстве,

а также система связей между ними. Выделяют **однопартийную, двухпартийную и многопартийную системы**, а также их разновидности... Итальянский политолог Дж. Сартори среди основных разновидностей многопартийности выделил **систему ограниченного плюрализма** (Бельгия, Нидерланды), **систему крайнего плюрализма** (Италия) и **атомизированную систему** (Малайзия)... [Погорельный, Фесенко, Филиппов 2010].

В вышеуказанном примере также представлен весьма частотный информационный блок, раскрывающий непосредственные составляющие, элементы структуры, компоненты, которые образуют дефинируемый референт: «...политических партий в государстве, а также система связей между ними». Данный информационный блок может содержать термины, которые в терминологической сети связаны с определяемым термином отношением РО — «part of», отношение части и целого, например, **политические партии** и **партийная система**. В качестве еще одного примера можно привести связь между терминами **унитарное государство** и **административно-территориальная единица, конфедерация** и **государство**, которая также представлена в дефинициях в составе рассматриваемого информационного блока:

Унитарное государство — форма территориального устройства, состоящая из **административно-территориальных единиц**, не обладающих собственной государственностью.

Конфедерация — союз **государств** для осуществления конкретных совместных целей, чаще всего в областях военной, внешнеполитической, транспорта и связи, денежной системы [Сирота 2012].

В структуру дефиниции термина **конфедерация**, помимо рассмотренного блока составляющих, входит также информационный блок целеполагания, в котором сообщаются данные о целях, соотносимых с дефинируемым референтом, отчасти определяющих его специфику и уникальность. Нередко данный информационный блок вводится посредством предлога «для» обособленно или в составе фразы «предназначен для». Его расположение относительно других информационных блоков в структуре дефиниции может варьироваться в зависимости от специфики определяемого понятия и субъективного выбора составителя дефиниции, например:

Клака — в политологии: группа участников массового политического мероприятия, приглашенных (или нанятых) для ор-

ганизации шумного одобрения (или неодобрения) происходящего [Кулаков 2006].

В тех случаях, когда референт, описываемый термином, определяется как объект воздействия в рамках определенного процесса, информация об этом составляет соответствующий блок, где репрезентируется системное отношение Obj, которое в терминологической сети устанавливается между процессом и объектом воздействия данного процесса. Следует отметить, что знания о таком процессе в дефиниции не всегда репрезентированы в виде термина и могут означиваться общеупотребительной лексикой, как в примере с фрагментом «приглашенных (или нанятых)» в составе дефиниции термина *клака*.

Нередко термин определяется посредством описания действий, инициатором которых выступает вербализуемый им референт, или процессов, где данный референт выступает в качестве активного начала. В случаях, когда дефиниция раскрывает содержание понятия категории «процесс», данный блок субъектных отношений содержит информацию об инициаторе действия. В терминологической сети между термином, репрезентирующим субъект действия, и термином, вербализующим данное действие, устанавливается системное отношение Ag и его разновидности. Заметим также, что не все действия, которые включаются в дефиницию, представляют собой понятия, передаваемые терминологической лексикой, например:

Агент влияния — 1) должностное лицо (либо лицо, пользующееся общественным доверием и авторитетом), осуществляющее систематическую деятельность по реализации целей политики иностранного государства (формально не являясь сотрудником его секретных служб); 2) общественный деятель, проводящий политику какой-либо партии или организации в среде, не принадлежащей к этим структурам [Кулаков 2006].

В структуре дефиниций терминов категории «Процесс» могут быть представлены информационные блоки, указывающие как на субъект, так и на объект действия. Так, например, существующие в терминологической сети отношения Ag между терминами *парламент* и *импичмент*, а также Obj между терминами *импичмент* и *глава государства* репрезентированы в составе соответствующих информационных блоков дефиниции термина *импичмент*, который относится к категории «Процесс»:

Импичмент — обвинение, отрешение от должности, придание суду главы госу-

дарства, осуществляемое парламентом, в случаях нарушения им конституции страны [Кулаков 2006].

Среди прочих информационных блоков в структуре дефиниции может быть также представлен блок локализации, где приводятся данные о месте расположения или ограничении распространения дефинируемого явления. В терминологической сети между такими терминами устанавливается системное отношение Loc — «location», как например, между терминами *репрессии* и *тоталитарная система*, что находит отражение в составе соответствующего блока «в основном имеют место в тоталитарных политических системах» в определении термина *репрессии*:

Репрессии — карательные меры, применяемые органами государственной власти. Как реализация политической власти, в основном имеют место в *тоталитарных политических системах* [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

В качестве еще одного примера можно привести дефиницию термина *государственный герб*, где блок локализации не содержит политических терминов и информация передается преимущественно посредством единиц общеупотребительной лексики:

Государственный герб — элемент национально-государственной символики, отличительный знак, эмблема государства, закрепленная в его законодательстве. Изображается на флагах, денежных знаках, печатях и некоторых официальных документах [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

В структуру дефиниции также может входить информационный блок, где представлена информация об особенностях происхождения определяемого референта или результатах некоторой активности. В случае если в состав данного информационного блока входит понятие, передаваемое термином, то между ним и дефинируемым понятием устанавливается семантическое отношение R — «result», отношение между действием и результатом действия, например, между терминами *парламент* и *выборы*:

Парламент — высший представительный и законодательный орган государства, формирующийся целиком или частично на *выборных началах* [Сирота 2012].

В меньшей степени репрезентативным, чем другие, является информационный блок оппозиционных отношений, где приводятся данные о согипониме, который противопоставлен определяемому термину по одному или ряду признаков и имеет с ним общий

род. В составе терминологической сети между такими терминами устанавливаются системные отношения IOp — «implicit opposition» (имплицитная оппозиция, отношение между видовыми понятиями, внутренняя форма которых не содержит противопоставления) и EOp — «explicit opposition» (эксплицитная оппозиция, где внутренняя форма таких терминов отражает противопоставление). Несмотря на наличие согипонимов в системе научного знания, данная информация не всегда находит отражение в определении. Расположение рассматриваемого информационного блока в структуре дефиниции варьируется, и он может быть представлен как один из первых, так и последних. Например, в дефиниции термина **гражданственность** блок оппозиционных отношений «антитеза аполитичности» предшествует другим информационным блокам в ее составе:

Гражданственность — антитеза аполитичности, активная и сознательная включенность личности в политическую жизнь общества, психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества, готовым защищать интересы общества, государства, идти на жертвы ради этого [Кулаков 2006].

Еще одним необязательным информационным блоком является блок примеров. Его наличие в структуре дефиниции во многом зависит от субъективного выбора и индивидуальных предпочтений составителя. Так, например, С. И. Хаякава отмечает, что использование примеров в дефиниции необходимо для более точного понимания описываемого явления [Hayakawa: 19]. Нередко информация в составе данного блока носит уточняющий характер. При этом блок примеров может быть как базовым (относиться именно к дефинируемому понятию), так и вложенным (уточнять информацию, приведенную в составе другого блока). В этой связи его расположение может быть различным, но всегда в позиции после уточняемой им информации. В составе определения может вводиться при помощи круглых скобок, например:

Гегемония — главенствующее положение какой-либо политической силы, класса (*Г. буржуазии, Г. пролетариата*), государства [Кулаков 2006].

Как правило, блок примеров отражает семантические отношения АКО или ISA, которые сложились между дефинируемым понятием и понятиями, представленными в данном блоке, в системе научного знания. Например, понятия **политический блок** (репрезентируемое термином) и **Антанта**

(репрезентируемое номеном) связаны семантическим отношением ISA:

Политический блок — объединение, союз государств, политических партий, общественных организаций, социальных групп для достижения определенных политических целей. Примерами политических блоков являются **межгосударственный союз Франции, Великобритании и России (Антанта)**, противостоявший в Первой мировой войне коалиции государств во главе с Германией... [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

В составе дефиниции также может быть представлена информация о человеке, который впервые выделил определяемое понятие, или исторической личности, связанной с ним, что можно рассматривать как одно из проявлений принципов антропоцентризма в научном дискурсе [Раздубев 2015а; Раздубев 2015б; Раздубев, Алимуратов 2016].

Таким образом, некоторые содержательные фрагменты дефиниции, образующие определенные информационные блоки, находятся в тесной корреляции с системными отношениями, которые существуют между элементами научного знания, передаваемыми терминами в модели терминологической сети. Некоторые такие структурные фрагменты дефиниции могут основываться более чем на одном типе отношений. При этом информационные блоки могут быть как основными (относиться непосредственно к определяемому понятию), так и вложенными (уточнять содержание другого информационного блока, входя в его состав). Некоторые информационные блоки соотносятся с несколькими типами системных отношений, тогда как отдельные системные отношения могут встречаться в составе разных информационных блоков. Использование терминологической и общеупотребительной лексики в составе информационного блока во многом зависит от специфики определяемого понятия, возможности репрезентации конкретного элемента научного знания посредством термина данной или смежных терминосистем, а также индивидуального выбора составителя дефиниции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков О. Р. Дефиниция термина «Стиль» в российских литературоведческих словарях: анализ формы и содержания // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 11. С. 1274—1277.
2. Иванов Д. В. Политическое манипулирование при помощи СМИ в современной России // Научный журнал. 2016. № 8 (9). С. 68—70.
3. Кондратьева О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 6 (44). С. 38—49.
4. Краткий словарь-справочник по политологии / сост. А. П. Кулаков. Изд. 2-е, исправ., доп. — Новосибирск, 2006. 43 с.

5. Лату М. Н. Принципы построения терминологических сетей: типы вершин и отношений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016а. № 4. С. 142—149.

6. Лату М. Н. К проблеме моделирования определений политических понятий // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы X Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, УрГПУ, 26—30 сент.). — Екатеринбург, 2016б. С. 143—146.

7. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелький, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. 318 с.

8. Раздубев А. В. Современная англоязычная терминология нанотехнологий в антропоцентрическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015а. № 1 (42). С. 143—149.

9. Раздубев А. В. Особенности антропоцентрического и когнитивного подходов к анализу научно-технической терминологии // Интеграционные процессы в науке в современ-

ных условиях : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. 2015б. С. 56—60.

10. Раздубев А. В., Алимуратов О. А. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 580—591.

11. Сирота Н. М. Политология. Классики науки. Термины. Тесты. — СПб., 2012. 32 с.

12. Смирнова Ю. С. Дефиниционное моделирование как способ изучения концепта в дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). С. 108—111.

13. Сурикова Т. И. За что термин признан лукавым // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 110—115.

14. Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 21—32.

15. Hayakawa S. I. Language in thought and action. — San Diego : Harcourt, 1990. 196 p.

M. N. Latu

Pyatigorsk, Russia

INFORMATION BLOCKS AND SYSTEMIC RELATIONS IN DEFINITIONS OF POLITICAL TERMS

ABSTRACT. *The paper analyzes correlation between the content of the structural components in the definition that represent information blocks and systemic relations existing between the elements of a scientific knowledge. There are following information blocks that make a definition: information block that marks generic nature of the notion (generic and aspectual relations are relevant for scientific knowledge as they help to make a hierarchy of notions); information block that is not obligatory and is not always found in definitions, but it gives information about specific notions for which the defined notion is a hyperonym; information block that discloses the constitutive parts, structural elements and components that constitute a defined referent, including terms that correlate with the defined term as specific correlates with the whole; information block of goal-setting which includes the data about the goals connected with the defined word, specifying its peculiarities and uniqueness (this information block is often introduced by the preposition “for” used independently or in the phrase “is meant for”); when the referent defined by the term becomes an object of influence within a certain process, the information about it makes the corresponding information block; allocation block provides data about the place of existence or limits of circulation of the phenomenon; information block that contains information about the origin of the referent or results of some activity. The use of terms and common lexis in the information block depends on the features of the defined notion, the possibilities of representation of the piece of scientific knowledge by means of the term of this or allied terminological systems and the individual choice of the person who makes the definition.*

KEYWORDS: *information blocks; political vocabulary; political language; terminology; political terms.*

ABOUT THE AUTHOR: *Latu Maxim Nikolayevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Educational Centre “Applied Linguistics, Term Study and Lingo-cognitive Technologies”, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

REFERENCES

1. Zhukov O. R. Definiitsiya termina «Stil'» v rossiyskikh literaturovedcheskikh slovaryakh: analiz formy i sodержaniya // Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy. 2013. T. 3. № 11. S. 1274—1277.

2. Ivanov D. V. Politicheskoe manipulirovanie pri pomoshchi SMI v sovremennoy Rossii // Nauchnyy zhurnal. 2016. № 8 (9). S. 68—70.

3. Kondrat'eva O. N. «Slovar' politicheskikh terminov v SMI» kak novyy leksikograficheskiy produkt // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 6 (44). S. 38—49.

4. Kratkiy slovar'-spravochnik po politologii / sost. A. P. Kulakov. Izd. 2-e, isprav., dop. — Novosibirsk, 2006. 43 s.

5. Latu M. N. Printsipy postroeniya terminologicheskikh setey: tipy vershin i otnosheniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016a. № 4. S. 142—149.

6. Latu M. N. K probleme modelirovaniya opredeleniy politicheskikh ponyatiy // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy X Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ekaterinburg, UrGPU, 26—30 sent.). — Ekaterinburg, 2016b. S. 143—146.

7. Noveyshiyy politologicheskii slovar' / avt.-sost. D. E. Pogorelyy, V. Yu. Fesenko, K. V. Filippov. — Rostov n/D : Feniks, 2010. 318 s.

8. Razdubev A. V. Sovremennaya angloязыchnaya terminologiya nanotekhnologii v antropotsentricheskom aspekte // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015a. № 1 (42). S. 143—149.

9. Razdubev A. V. Osobennosti antropotsentricheskogo i kognitivnogo podkhodov k analizu nauchno-tekhnicheskoy terminologii // Integratsionnye protsessy v nauke v sovremennykh usloviyakh : sb. statey Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. А. А. Сукиасян. 2015б. С. 56—60.

10. Razdubev A. V., Alimuradov O. A. Nekotorye antropotsentricheskie parametry terminologicheskoy nominatsii (na materiale terminov-eponimov sfery nanotekhnologii) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 27. S. 580—591.

11. Sirota N. M. Politologiya. Klassiki nauki. Termini. Testy. — SPb., 2012. 32 s.

12. Smirnova Yu. S. Definiitsionnoe modelirovanie kak sposob izucheniya kontsepta v diskurse // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2011. № 24 (239). S. 108—111.

13. Surikova T. I. Za chto termin priznan lukavym // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 110—115.

14. Shelov S. D. Ob opredelenii lingvisticheskikh terminov // Voprosy yazykoznavaniya. 1990. № 3. S. 21—32.

15. Hayakawa S. I. Language in thought and action. — San Diego : Harcourt, 1990. 196 p.

Ли Сыци
Харбин, КНР

СИЛА РЕЧИ СИ ЦЗИНЬПИНА

АННОТАЦИЯ. Китайская культурная среда с ее спецификой и феноменом исторической памяти влияет на политический дискурс, закрепляя в нем ряд традиционных для китайской политической культуры фраз и выражений. Классический китайский политический язык становится способом формирования нового варианта политического языка, соответствующего реалиям модернизирующегося Китая. Метафорическое представление сущности политической власти в конкретной культуре имеет собственную сферу-источник, что делает особенно интересным исследование неодинаковых смыслов, которые они отражают, в зависимости от изучаемого региона. Политическая коммуникация любой страны характеризуется использованием метафор и символов, имеющих отношение к далекому прошлому. Особенности китайского политического дискурса рассматриваются на материале выступления международного экономического форума «Один пояс, один путь», завершившегося 15 мая 2017 г. в Пекине. Форум был посвящен озвученной осенью 2013 года инициативе создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП-XXI), которая впоследствии получила сокращенное название «Один пояс, один путь». Си Цзиньпин начал свое выступление с обращения к истории. Две тысячи лет назад древний Великий шелковый путь открыл новую страницу в истории человечества. Идеи Великого шелкового пути — это ценнейшее наследие человеческой цивилизации. В их число входят такие понятия, как мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность, взаимное обучение, взаимная выгода и всеобщий выигрыш. Си Цзиньпин не случайно упоминает об этом, так как концепция «Один пояс, один путь» наследует Великому шелковому пути, и в ее основе лежат все вышеперечисленные принципы. Си Цзиньпин подчеркивает, что история — это лучший учитель. В данной статье анализируется язык председателя Си Цзиньпина, рассматриваются его метафорические особенности, то, как в них выражаются политические особенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: особенности речи; политический дискурс; политическая метафорология; политические метафоры; политическая коммуникация; прецедентные феномены; китайский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Сыци, докторант, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай; 150001, Китай, провинция Хэйлунцзян, Харбин, Сюэ Фу, д. 74; e-mail: 459526706@qq.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Введение

Метафора считается многими учеными (литературоведами, лингвистами, культурологами и др.) самым главным тропом, при этом его название иногда употребляется как родовое обозначение любого образного высказывания, как указание на то, что слова используются не в прямом, а в переносном значении. Метафорический язык — это язык «иносказательный», или «образный».

Изучение метафоры стало одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.), которая рассматривает данный троп как «инструмент анализа состояния общественного сознания». Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Изучение метафорических моделей в политическом дискурсе позволяет выявить общие характеристики отношения к действительности, к социальным и культурным феноменам. Актуальность исследования определяется не только собственно лингвистическими потребностями, но задачами рассмотрения в междисциплинарном (с точки зрения лингвистики, социологии, психологии, политологии) аспекте.

Явление метафоричности привлекает пристальное внимание исследователей по-

литического дискурса не случайно. Это объясняется прежде всего общим интересом к изучению политического выступления, высказывания, а также в целом публицистического текста в широком понимании. Не последнюю роль здесь играет стремление дать лингвистическое обоснование и толкование различным стилистическим приемам, которые создают экспрессивность текста. Привлекают исследователей и проблемы, связанные с механизмами манипулирования общественным сознанием. При современном подходе факты изучаются не изолированно, а в контексте, который позволяет дать полную картину.

После своего избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПК (14 марта 2013 г.) Си Цзиньпин заявил: «Мы будем решительно идти по пути мирного развития, но категорически не станем отказываться от наших законных прав и интересов, не будем жертвовать коренными интересами государства... Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что мы будем вести торговлю своими ключевыми интересами, ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства». Выступления Си Цзиньпина привлекают всё больше и больше внимания.

Цель данной работы — исследовать язык председателя Си Цзиньпина, проанализировать особенности употребления ме-

тафор в его дискурсе, прояснить его политические взгляды.

Объектом для данного исследования послужили высказывания Си Цзиньпина, распространяемые средствами массовой информации. Предметом исследования являются частные случаи употребления метафоры в данных высказываниях.

1. Политическая метафора

Специалисты по современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность политической речи. В настоящее время на первый план выходит стремление сделать речь более выразительной. Стоит отметить, что яркость, удачная языковая игра, индивидуальность стиля во многих случаях ценятся больше, чем ясность и политическая корректность текста.

1.1. Направления исследования политической метафоры

В процессе взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания — метафорологии и политической лингвистики возникла теория политической метафоры. В современной зарубежной науке выделяется несколько основных направлений исследования политической метафоры. Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В этом случае метафора понимается как некое украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. Применительно к американской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями данное направление в изучении метафор относится преимущественно к семантике и стилистике. В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира. Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит М. Джонсону и Дж. Лакоффу.

1.2. Функции политической метафоры

Принято выделять следующие функции метафоры.

1. Когнитивная функция.

В современной лингвистике метафорическое мышление рассматривается как не менее значимое, чем мышление рациональное. Соответственно метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира. В процессе мыслительной деятельности аналогия игра-

ет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы.

2. Коммуникативная функция метафоры.

Язык — это не только орудие мышления, но и средство передачи информации. Если человек мыслит метафорами, то вполне закономерно, что и передача информации осуществляется с использованием метафор. Кроме того, во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме.

3. Прагматическая функция метафоры.

Метафора является мощным средством декодирования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния. Использование метафоры усиливает действенность побуждения граждан к политической деятельности. Например, метафорический призыв «Выйти на решающий бой с врагами» воспринимается совершенно иначе, чем банальное приглашение проголосовать на выборах или принять участие в демонстрации.

4. Эстетическая функция метафоры.

Данная функция выступает как основная для художественного дискурса, кроме того, она весьма значима и для политической сферы коммуникации. Как известно, образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным. Использование метафорической формы часто воспринимается как признак глубины и смысловой точности высказывания.

Таким образом, в современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на общественное сознание.

2. Особенности речи Си Цзиньпина

2.1. Основные особенности речи Си Цзиньпина

Перечислим основные особенности речи Си Цзиньпина.

1. Использование метафоры. Политиком нужно овладеть навыками уместного использования метафоры в своих публичных

выступлениях. Председатель Си Цзиньпин в своей речи часто уместно использует метафоры, которые хорошо люди любого возраста, что является основной причиной популярности выступлений этого политика. Например, в его речи «переключатель» означает мировоззрение, взгляд на жизнь и ценность человека. «Дефицит кальция» и «рахит» означают «отсутствие веры». «Высоковольтная линия» означает закон ККП; «заряженная высоковольтная линия» означает наказание после нарушения закона ККП. «Зарядка» — это учиться у простых людей. Такие метафоры часто встречаются в речи Си Цзиньпина, поэтому его речи хорошо воспринимаются и запоминаются.

2. Использование пословиц и поговорок. Легкие для понимания пословицы выражают глубокую истину. Мы отметили употребление таких выражений, как «Береги платье снову, а честь смолоду», «Куй железо, пока горячо», «Беды мучат, (да) уму учат», «Ворон ворону глаз не выклюет» и др. Эти выражения отражают мудрость и чувство юмора председателя Си Цзиньпина.

3. Использование стихов и архаизмов. Председатель Си Цзиньпин любит читать, и он хорошо знаком с такими известными произведениями, как «Лунь юй», «Лао-цзы», «Синь Цзы» и т. д. Он неоднократно виртуозно употреблял цитаты из этих книг: «Чего не желаешь себе, не делай и другим»; «Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасаться потерять его»; «Не в свое дело не вмешивайся»; «Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убеждения и совершенствуй свой путь». Политик становится прекрасным примером для членов ККП. Председатель не только развивает китайскую традицию, но и придает ей новый смысл.

Помимо вышеупомянутых аспектов, у председателя прекрасный голос и приятная манера речи, что привлекает внимание к его выступлениям.

2.2. Особенности употребления метафор в речи Си Цзиньпина

В выступлениях Си Цзиньпина много острых политических метафор, касающихся развития государства и международных отношений. По нашим наблюдениям, выделяется семь основных типов метафор (см. табл.).

1. Метафоры, основанные на представлениях о теле и мышлении.

Мы базируемся на исследованиях американских лингвистов-когнитивистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в частности, на положение о том, что концептуальные метафоры структурируют не только речь, но и практическую деятельность носителей культур. Лакофф и Джонсон считали, что подавляющее большинство метафор основано на опыте, и основные метафоры базируются на повседневной жизни. «Человек» — это первый воспринимаемый в жизни объект, причем наибольшее внимание уделяется его мыслительным процессам. Таким образом, при построении метафор человек и его мышление — приоритетная сфера-мишень. Часто встречаются метафоры, связанные с человеком и мышлением, и в политических выступлениях, например:

- 1) 今天，我们的人民共和国正以昂扬的姿态屹立在世界东方。
- 2) 实现中国梦必须弘扬中国精神。
- 3) 中国梦归根到底是人民的梦，必须紧紧依靠人民来实现，必须不断为人民造福。

По данным анализа, в большинстве метафор данного типа упоминаются «мечта», «дух» и «сила». Такие концептуальные метафоры в основном касаются внутренних дел государства. Упоминание понятия «мечта» составляет 30 %, таким образом, по мнению председателя, источником силы государства являются люди. Он отметил, что в деле возрождения и процветания Китая нужно полагаться на людей. Это отражает твердую решимость политика в достижении поставленных целей.

Таблица. Метафоры в дискурсе Си Цзиньпина

Сфера-источник	Абсолютное количество употреблений	Частота использования, %
Тело и мышление	58	28
Путешествие	48	23
Война	24	12
Общество	23	11
Строительство	22	10
Семья	8	4
Растение	6	3
Другое	18	9
Все сферы-источники	207	100

2. Метафоры со сферой-источником «Путешествие»

Поскольку политическая деятельность рассматривается как целенаправленная социальная активность, в политическом дискурсе появляется метафора «Целенаправленная социальная деятельность — это путешествие». Согласно нашим статистическим подсчетам, метафоры этого типа относятся к двум явлениям: развитие государства и международное сотрудничество. Проблемы в этих сферах решают в процессе развития государства, и поэтому уместным является обобщение «Развитие государства — это путешествие». Приведем примеры:

4) 中华人民共和国走过了光辉的历程。

5) 全国各族人民一定要增强对中国特色社会主义的理论自信、道路自信、制度自信，坚定不移沿着正确的中国道路奋勇前进。

6) 我们将高举和平、发展、合作、共赢的旗帜，始终不渝走和平发展道路。

Политические лидеры часто выражают свои политические взгляды применительно к различным областям с помощью метафор о путешествии. В данном контексте упоминаются и такие актуальные для современности темы, как мир и развитие. Мир и развитие взаимосвязаны. Мир является предпосылкой для всеобщего развития, а развитие является важной основой мира.

3. Метафоры со сферой-источником «Война»

Война является важной частью истории человечества, неизменным спутником развития цивилизации. Политики часто выражают свои взгляды с помощью метафор о войне.

7) 全国广大工人、农民、知识分子，要发挥聪明才智，勤奋工作，积极在经济社会发展中发挥主力军和生力军作用。

8) 全国各党派、各团体、各民族、各阶层、各界人士要更加紧密地团结在中共中央周围，……，始终谦虚谨慎、艰苦奋斗，始终埋头苦干、锐意进取，不断夺取全面建成小康社会、加快推进社会主义现代化新的更大的胜利，不断为人类作出新的更大的贡献！

Правительство — это командир, а народ — это солдат(ы). Их общая цель — добиться успеха. Поэтому в политических выступлениях частотны выражения «бороться», «одержать победу», «преодолеть препятствия». Новые лидеры Китая искренне надеются, что все живущие в Китае народы совместно борются за возрождение и процветание Китая.

3. Имидж Китая в речах Си Цзиньпина

Согласно конструктивистским лингвистическим концепциям, имидж государства в

значительной степени опосредован строем дискурса. Лидеры являются важными представителями страны, и их выступления и поведение играют решающую роль в создании имиджа государства. На протяжении более двух лет председатель Си Цзиньпин ведет речь об идеалах и вере, нормах поведения, партийной дисциплине, углублении реформ, наказании коррупции и выстраивании международных отношений, употребляя множество политических метафор. Эти политические метафоры не только демонстрируют политическое мастерство Си Цзиньпина, но и отражают новый имидж Китая.

3.1. Управление государством по законам

Управление государством по законам является основой для достижения социалистической демократии и построения социализма с китайской спецификой. Для выражения этого председатель Си Цзиньпин часто использует политические метафоры, рисующие новый имидж Китая перед населением страны народами и всем миром.

3.2. Всестороннее продвижение реформы

На пленумах Центрального комитета Коммунистической партии Китая была выдвинута стратегическая цель всесторонне углубить реформы. В выступлениях председателя на эту цель указывает ряд метафор: «плёс», «опасный перекат» — это препятствия в процессе реформы, «Радуга появится после дождя — это значит, мы обязательно преодолеем препятствия». Все эти удачные политические метафоры создают имидж Китая в современную эпоху.

3.3. Поиск путей мирного развития

Китай всегда настаивает на принципах мирного сосуществования и всеобщего развития. Концепция «цивилизованного обмена», предложенная Си Цзиньпином, пользуется популярностью за рубежом. Политик неоднократно упоминал в дипломатических кругах слово «ускоритель» и отметил, что Китай всегда готов сотрудничать с другими странами в вопросах поддержания стабильности. Председатель уважает культуру и традиции других стран, что создает привлекательный имидж Китая.

Заключение

Метафора — троп или несколько тропов, заключающийся в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и тому подобное, для характеристики или наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «метафора» применяется к любым видам слов в непрямом значении.

Она часто содержит точную и яркую характеристику лица — суждение. В обычной

связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых бы не было метафоры. Политическая сфера, как правило, должна быть бедна метафорами, но на примере нашей работы мы убедились, что это далеко не так.

Для создания политической метафоры журналисту требуется быть в курсе современных социологических исследований, политической и экономической ситуации, иметь представление о субкультуре своих будущих читателей, их уровне жизни. В противном случае метафора окажется неэффективной.

Таким образом, метафора — частотный прием в речах Си Цзиньпина. Она придает высказыванию выразительность, эмоциональность, которые определенным образом воздействуют на читателя, а также помогает создать новый имидж Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82—90.
2. Чудинов А. П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1997.
3. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург, 2000.

Li Siqi

Harbin, China

POWER OF XI JINPING'S SPEECH

ABSTRACT. *Chinese culture with its specific features and the phenomenon of historical memory influences political discourse introducing into it a number of phrases and expressions typical of Chinese political culture. Standard Chinese political language is a way of development of a new political language that reflects the life in modernized China. Metaphorical representation of the essence of political power in a certain culture has its own source-domain, which makes it especially interesting to find the differences in their meanings in different parts of the country. Political communication in any country uses metaphors and symbols concerned with the remote past. The peculiarities of Chinese political discourse are analyzed on the basis of the speeches pronounced in the International Economic Forum "One Belt One Road" in May 2015 in Beijing. The Forum discussed the initiative introduced in 2013 to build "Silk Road Economic Belt" and "Maritime Silk Road", which later got the name of "One Road One Belt". Xi Jinping began his speech with the references to the past. 2000 years ago the ancient Silk Road began a new epoch in the history of mankind. The ideas of the Silk Road are a great heritage of the human civilization. They include peace and cooperation, openness and inclusivity, mutual teaching, mutual benefit and profit. It is not by chance that Xi Jinping mentions these advantages, as the conception of "One Belt One Road" is based on that of the Silk Road and includes all the above mentioned principles. Xi Jinping underlines that history is the best teacher. This paper analyzes the language of Xi Jinping, especially metaphors in his speech to represent political phenomena.*

KEYWORDS: *features of speech; political discourse; political metaphorology; political metaphors; political communication; precedent phenomena; Chinese.*

ABOUT THE AUTHOR: *Li Siqi, Doctor's Degree Applicant, Heilongjiang University, Harbin, China.*

REFERENCES

1. Chernikova N. V. Metafora i metonimiya v aspekte sovremennoy neologii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 82—90.
2. Chudinov A. P. Zаметки o ritoricheskom masterstve I. V. Stalina // Khudozhestvennyy tekst: struktura, semantika, pragmatika / Ural. gos. un-t. — Ekaterinburg, 1997.
3. Chudinov A. P. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennoy agitatsionno-politicheskom diskurse // Yazyk. Sistema. Lichnost'. — Ekaterinburg, 2000.
4. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale // Russkaya rech'. 2001. № 1.
5. Chudinov A. P. Strukturnyy i kognitivnyy aspekt issledovaniya metaforicheskogo modelirovaniya // Lingvistika : byul. Ural. lingvist. o-va. — Ekaterinburg, 2001. T. 6.

4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1.

5. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2001. Т. 6.

6. Чудинов А. П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2000. Т. 5.

7. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. — Свердловск, 1988.

8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by.* — Chicago : The Univ. of Chicago Pr., 1980. P. 5—20.

9. Orwell G. *Politics and the English Language // Inside the Whale and Other Essays.* — Harmondsworth : Penguin, 1962. P. 154.

10. Jeffery M., Albert N. K. *Metaphor: Implications and Applications.* — New Jersey : Lawrence Erlbaum Associations Publ., 1996. 57 p.

11. Thompson S. *Politics without Metaphor Is Like aFish without Water // Metaphor Implications and Applications / Mio, Katz.* — Mahwah, N. J. : Erlbaum, 1996. P. 138—142.

12. Lakoff G. *Moral Politics — How Liberals and Conservatives Think.* — Chicago, London : The Univ. of Chicago Pr., 2002.

13. 黄敏. 隐喻与政治:“人民日报”元旦社论 (1999—2004) 隐喻框架之考察 // 修辞学习. 2006. № 1. P. 15—23. = Huangmin. *Yinyu yu zhengzhi: “Renmin ribao” yuandan shelun (1999—2004) yinyu kuangjia zhi kaocha // Xiucixue xuexi.* 2006. № 1. P. 15—23.

14. 贺梦依. 概念隐喻与政治的关系识解 // 外国语文. 2011. № 3. P. 48—52. = He Mengyi. *Gainian yinyu yu zhengzhi de guanxi shixie // Waiguoyuwen.* 2011. № 3. P. 48—52.

15. 叶爽. 中国领导人政治讲话中的概念隐喻研究 // 现代语文. 2012. № 10. P. 92—94. = Xieshuang. *Zhongguo lingdaoren zhengzhi jianghua zhong de gainian yinyu yanjiu // Xiandai yuwen.* 2012. № 10. P. 92—94.

6. Chudinov A. P. Teoriya metaforicheskogo modelirovaniya na sovremennoy etape razvitiya // Lingvistika : byul. Ural. lingvist. o-va. — Ekaterinburg, 2000. T. 5.

7. Chudinov A. P. Tipologiya var'irovaniya glagol'noy semantiki. — Sverdlovsk, 1988.

8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by.* — Chicago : The Univ. of Chicago Pr., 1980. P. 5—20.

9. Orwell G. *Politics and the English Language // Inside the Whale and Other Essays.* — Harmondsworth : Penguin, 1962. P. 154.

10. Jeffery M., Albert N. K. *Metaphor: Implications and Applications.* — New Jersey : Lawrence Erlbaum Associations Publ., 1996. 57 p.

11. Thompson S. *Politics without Metaphor Is Like aFish without Water // Metaphor Implications and Applications /*

Mio, Katz. — Mahwah, N. J. : Erlbaum, 1996. P. 138—142.

12. Lakoff G. Moral Politics — How Liberals and Conservatives Think. — Chicago, London : The Univ. of Chicago Pr., 2002.

13. Huangmin. Yinyu yu zhengzhi: “Renmin ribao” yuandan shelun (1999—2004) yinyu kuangjia zhi kaocha // Xiucixue xuexi. 2006. № 1. P. 15—23.

14. He Mengyi. Gainian yinyu yu zhengzhi de guanxi shixie // Waiguo yuwen. 2011. № 3. P. 48—52.

15. Xieshuang. Zhongguo lingdaoren zhengzhi jianghua zhong de gainian yinyu yanjiu // Xiandai yuwen. 2012. № 10. P. 92—94.

Лу Тинтин
Пекин, КНР**ПЕРЕБИВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

АННОТАЦИЯ. Политическое интервью как особый жанр дискурса СМИ отличается по таким параметрам, как коммуникативная цель, речевые роли коммуникантов, правила смены ролей говорящих, ограниченность во времени и в пространстве. На основе корпуса из звукозаписей 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью рассматриваются механизмы смены ролей говорящих. В политическом интервью далеко не всегда строго соблюдается модель-цикл, часто встречаются перебивание и наложение реплик. В российских политических интервью чаще встречается одноразовое перебивание. Также наблюдаются структуры, при которых партнеры перебивают друг друга и последовательно перебивают друг друга. Интервьюер прерывает политиков, исходя из следующих максимум в рамках принципа кооперации: максимума количества информации; максимума отношения (релевантности); максимума качества информации. В китайских политических интервью примеры, когда один собеседник перебивает другого, встречаются реже, чем в российских. В Китае интервьюер перебивает политика, если: интервьюер догадывается, какое слово хочет произнести политик, и сам произносит его, помогая закончить фразу; интервьюер хочет интерпретировать речь политика; интервьюер хочет расширить тему разговора; интервьюер хочет дать комментарий или выразить свое мнение; интервьюер сообщает дополнительные сведения по обсуждаемой теме. Выявленные различия обусловлены, во-первых, традициями проявления уважения в китайском обществе, во-вторых, тем, что российские и китайские политики и журналисты неодинаково оценивают функции средств массовой информации и преследуют в интервью разные коммуникативные цели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; интервью; перебивания; речевое поведение; речевые жанры; русский язык; китайский язык; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лу Тинтин, кандидат филологических наук, Второй пекинский университет иностранных языков, Хэйлуцзянский университет; 100024, Китай, г. Пекин, район Чаоян, Динфучжуан Наньли № 1; e-mail: lutingting0809@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Введение. Политическое интервью представляет собой способ общения политика с народом посредством ответов на вопросы журналиста. Как особый жанр дискурса СМИ политическое интервью выделяется на основе таких параметров, как коммуникативная цель, речевые роли коммуникантов, правила смены ролей говорящих, ограниченность во времени и в пространстве и т. д. [Лу Тинтин 2016: 118]. В данной статье на основе корпуса, включающего звукозаписи 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью, рассматриваются механизмы смены ролей говорящих в российских и китайских политических интервью и их нарушение.

Механизм смены ролей говорящих. Механизм разделения ролей устроен таким образом, что в то время как один коммуникант говорит, другой должен находиться в состоянии слушания, что соответствует молчанию. После окончания своего высказывания первый коммуникант становится слушающим, а тот, к кому он обращал свою речь, начинает говорить [Богданов 1990: 32]. Как особый вид общения, интервью характеризуется диалогическим механизмом построения процесса общения. Как отмечает Дэвид Грэйтбатч, в английском интервью наблюдается такой механизм смены ролей говорящих: 1) высказывание интервьюера как минимум понимается как вопрос, а высказывание интервьюируемого — как ответ; 2) интервьюер, как правило, прямо задает следующий вопрос и редко употребляет такие реактивные выражения, как знак получения информации, комментарии, которые

часто встречаются в бытовых разговорах; 3) в реплике интервьюера могут выражаться мнения и позиция, служащие предпосылкой вопроса. Следовательно, интервьюируемый, осведомленный об этом, не воспринимает формулировку мнений и позиций как сигнал смены ролей; 4) при групповом интервью интервьюер определяет порядок смены ролей; 5) в большинстве случаев интервью начинается с высказывания интервьюера; 6) интервью обычно кончается речью интервьюера; 7) при нарушении механизма смены реплик интервьюер часто задает новый вопрос для восстановления порядка [Greatbatch 1988: 401]. На наш взгляд, идеальный механизм в политическом интервью должен быть построен по принципу модели-цикла: «вопрос — ответ — вопрос — ответ...».

Нарушение механизма и перебивание. В политическом интервью далеко не всегда строго соблюдается приведенная модель-цикл, часто встречаются перебивание и наложение реплик. Д. Таннен рассматривает перебивы как «накладывание реплик друг на друга» [Tannen: 120], но среди китайских ученых есть точка зрения, что необходимо различать эти два понятия: «Перебивание происходит, когда говорящий не закончил свое высказывание по механизму коммуникации и сразу перестал говорить, после того как партнер начал говорить» [Liao Meizhen 2003: 175], а «наложение происходит тогда, когда слушающий начинает говорить, не дав закончить предложение говорящему, что приводит к частному или полному наложению высказываний» [Liao Meizhen 2003: 195].

Табл. 1. Интервал между перебиваниями в российском политическом интервью

Номер	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Число перебиваний, раз	1	19	13	7	2	10	16	14	12	34	30	21	35	35	9
Продолжительность интервью, с	3148	1574	4903	4143	1402	1477	3179	2173	3179	1725	2826	2971	2098	2867	2745
Интервал, с	314	83	377	592	701	148	199	155	265	51	94	141	60	82	305

Итак, наложение отличается от перебивания наличием накладывающихся реплик. Как отмечают специалисты, «для политического интервью характерно частое перебивание» [Bull, Mayer 1993], следовательно, изучение перебивания в политическом интервью приобретает особую актуальность.

ПЕРЕБИВАНИЕ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ

• **Число перебиваний и интервал.** Продолжительность 15 российских политических интервью составила 674 минуты. Мы насчитали 258 перебиваний, средний интервал между которыми равнялся 157 секундам.

• **Позиция перебивания.** В 15 российских политических интервью большинство перебиваний (256 из 258) происходит в основной части, только два — в начале и конце. Таким образом, мы пришли к выводу, что перебивания редко появляются в несущественных частях интервью. С точки зрения позиции в высказывании перебивают чаще ближе к концу или в конце высказывания.

• **Субъект перебивания.** Чаще всех прерывает партнеров интервьюер (на него приходится 68,62 % случаев), причем политиков он перебивается чаще (66,28 %), чем других журналистов (0,78 %) и аудиторию (2,33 %). Второе место по частотности перебивания занимает интервьюируемый политик (27,89 %), интервьюера он перебивает чаще (26,74 %), чем аудиторию (1,16 %). Реже всего перебивает участников интервью аудитория (1,93 %).

• **Структура перебивания.** В российских политических интервью лидирует такой структурный тип, как одноразовое перебивание. Наблюдаются и другие структуры: перебивание партнерами друг друга (пример 1) и последовательные перебивания партнера (пример 2; ▲ ▼ — знаки перебивания).

(1) *Русская служба новостей, программа «Позиция», 2010.11.16.*

Журналист: Е. Родина. Гость: О. Митволь.

Родина. Олег Львович, вот в этом проекте, в предварительных материалах говорится, что должны эти центры агломерации возглавить сити-менеджеры. И говорится не о том, что губернаторы, там мэра, а именно сити-менеджеры. Что это за сити-менеджеры, где мы их возьмем?

Даже если в федеральных округах вы говорили, или этого ▲

Митволь. ▼ Вы знаете, вообще, честно говоря, сити-менеджеры, у нас есть такая форма управления, а — вообще. С одной стороны, это хорошо, когда занимается управлением профессионал. С другой стороны, сити-менеджер — это тот человек, который никак не проходит выборы, фактически он назначается по какому-то конкурсу. Вот и он не отвечает перед людьми за результаты своей работы. ▲

Родина. ▼ Не отвечает. ▲

Митволь. ▼ Он, конечно, отвечает перед теми, кто его назначил на эту работу. Обычно перед Советом депутатов. ▲

Родина. ▼ Вы бы пошли сити-менеджером?

*Митволь. Вопрос, а — ** Мне никто не предлагает, хотя нормальная работа. <...>*

(2) Радио «Маяк», программа «Панорама», 2006.10.16

Журналист: Людмила Маликова. Гость: Г. А. Зюганов.

Зюганов. Нет, нет, нет. Вот не случайно создают Партию пенсионеров. Пенсионеры попали в труднейшее положение. Средняя пенсия — 2—2,5 тысячи, а за квартиру уже надо две платить, за двух-трехкомнатную квартиру! А вот прибавили сотенку, вторую — и голосуют за партию власти. Обошли социальные работники и понудили. Они наедине с телеэфиром, газету не выпишешь, не до каждого дойдешь. За нас голосует наиболее думающая, образованная, подготовленная и работающая часть населения. Не случайно в городах, и в том числе в Москве, мы устроили свои результаты: здесь труднее компостировать мозги, здесь труднее их промывать, здесь труднее заставить, здесь труднее контролировать. А на деревне, особенно в селе, там феодализм самый настоящий: не проголосуешь, как скажут, — не проведем газ, отрежем свет, не повезем в больницу, не вспашем огород. Это уже стало сплошь и рядом. ▲

Маликова. ▼ Но это опять же риторика. Почему вы тогда не работаете в областях? Именно туда необходимо идти.

Зюганов. || Кстати, вот и ставили задачу дойти до каждого поселка. Там нужен

парторганизатор, агитатор, нужен молодой человек, нужен толковый. ▲

Маликова. ▼Где взять? Нашлись агитаторы?

Зюганов. Нашли, нашли. Сегодня у нас немало уже молодых людей, мы укрепили комсомольскую организацию, у нас как грибы растут пионерские организации. Мы омолодили весь состав руководящий. У меня секретарь по делам молодежи — 28 лет, секретарь по пропаганде — 27 лет, первый секретарь Московского горкома — 40 лет. И так далее.

• **Причины перебиваний.** Т. В. Бендас предлагает интерпретировать прерывание речи партнера как проявление либо доминантности, либо, напротив, сотрудничества и интереса к речи собеседника [Бендас 2005]. Как мы заметили, некоторые перебивания можно объяснить принципом кооперации Грайса (1985), а другие обуславливаются психическими и социальными факторами.

I. Перебивание политиков интервьюером

Интервьюер иногда прерывает политиков, исходя из следующих максимум в рамках принципа кооперации:

– максима количества информации.

Иногда интервьюер думает, что политик не дал достаточной информации, и поэтому прерывает его, задав новый вопрос или переформулировав вопрос, как в примере 3, где Е. Родина прерывала О. Митволя, чтобы выяснить, кому предлагается передать полномочия.

(3) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2010.11.16.

Журналист: Е. Родина. Гость: О. Митволь.

Родина. ...Все-таки об объединении давайте. А — вот ваша позиция: объединить легче? Сейчас настало время для того, чтобы объединить Москву и область? К этому все идет или нет?

Митволь. || Вы знаете, я считаю, что вообще надо бы навести, скажем так, порядок в тех же Химках и в плане криминалитета. Я не хочу лезть в систему ЖКХ, да там статей много было и в «Новой газете» и т. д. Мы там видели (—), какие фирмы работают, кто там у кого родственники, все мы там видели, да? Это, ну, как бы на этом, ⊥ ну никто не видит, у нас это нормальным считается. Ну ладно, вопрос. Но то, что, извините меня, людей, которые чем-то недовольны и с чем-то не согласны, отправляют в реанимацию, но понимаете, без исключения, то есть там извините меня. А▲

Родина. 1→ ▼Кто должен наводить порядок?

Митволь. Убивают верстальщика Протазанова, там — 4 ноября покушение на Константина Ярошенко...то есть там вопрос?▲

Родина. 2→ ▼ Кто должен наводить порядок? || Я еще не понимаю.

Митволь. || Вообще это должна заниматься и власть, и милиция. Вот.▲

Родина. 3→▼Вот, какие? Областные, химкинские или, может быть, московские уже? Или федеральные?

Митволь. Вы знаете, я надеюсь, что федеральные сделают какие-то выводы...

А иногда, по мнению интервьюера, политик рассказал по какой-то теме уже достаточно много, поэтому и происходит такое перебивание, как в примере 4, где интервьюер уже предполагал, что будет дальше говорить О. Митволь, и от этого использовал наложение высказывания, но О. Митволь все-таки продолжал свою речь, так что интервьюеру пришлось прервать диалог и объяснить, что «все мы знаем».

(4) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2010.11.16.

Журналист: Е. Родина. Гость: О. Митволь.

Родина. Был как?

Митволь. ...Потом, там есть некто Анатолий Юров, бывший главный редактор газеты „Гражданское согласие“. Значит ему а ⊥ сначала напали на него, просто избили. Потом он получил десять ножевых ранений. Причем, когда его кололи этим ножом, ему говорили, чтобы он больше газету не выпускал. Потом, на самом деле, эта история с Бекетовым. Вы знаете, да, что сначала ему на пороге его дома || убили.

Родина. 1→ || Да, собаку.

Митволь. Собаку, подбросили, ▲

Родина. 2→ ▼Да, все мы знаем, то || есть это все взаимосвязано.

Митволь. ||сожгли машину. Нет, я ничего || ⊥ просто вам рассказывал.

Родина. ||Нет? Да, но все мы знаем, || просто хотела...;

– максима отношения (релевантности).

Широко известно, что политики далеко не всегда отвечают на все вопросы, которые им задают. Уклонение от ответов представляет собой одну из важнейших стратегий в политическом дискурсе [Лу Тинтин 2016]. Это проявилось в вышеприведенном примере 3: Е. Родина прервала О. Митволя и задала новый вопрос, а О. Митволь не обращал никакого внимания и продолжал свою мысль, поэтому Е. Родина еще раз его прервала;

– максима качества информации.

В примере 5, следуя максиме качества информации, Добродеев перебил Медведева и исправил его неточное выражение «буквально несколько дней назад».

(5) НТВ, Первый канал, «Россия», 2009.12.24.

Журналисты: К. Эрнст, О. Добродеев, В. Кулиستиков. Гость: Д. Медведев.

Медведев. **Наиболее серьезные сложности были в Дербенте, буквально несколько дней назад состоялись решения.** ▲

Добродеев. ▼ **Вчера, вчера.**

Кроме вышеназванных причин, интервьюер прерывает политиков с целью уточнения информации (в примере 6), расширения темы разговора (7), выражения своей позиции (8), а также из-за ограниченности во времени (9).

(6) Радио «Свобода», программа «Лицом к лицу», 1993.08.28.

Журналисты: М. Дейч, Д. Мажелова, Л. Колодный. Гость: Ю. Лужков.

Дейч. Юрий Михайлович, я коренной москвич, и у меня такое впечатление, что за последние годы (может быть, это ложное впечатление) совершенно прекращено жилищное строительство — главная насущная проблема для многомиллионного города, тем более такого, как Москва. Всегда в Москве не хватало жилой площади, всегда были многотысячные очереди первоочередников, скажем так, и не только первоочередников жилья. У меня такое впечатление, что жилищное строительство практически законсервировано. Это, может быть, не так?

Лужков. Абсолютно не так. То есть вы ошибаетесь, грубо ошибаетесь. Я вам могу сказать, что последние три года мы ежегодно вводим по 3 миллиона квадратных метров жилья. **Это московское жилье** ▲

Дейч. →▼ Извините. Это то жилье, которое предназначено для москвичей, что называется, просто очередников? Или это жилье, которое вы продаете коммерческим структурам, которые потом взвинчивают цены безумно, продают их, уже называется, миллионерам, у которых и так есть жилье?

(7) Радио «Маяк», программа «Панорама», 2006.10.16.

Журналист: Л. Маликова. Гость: Г. А. Зюганов.

Маликова. Убедить можно? Вот просто ▲

Зюганов. 1→▼ „Единую Россию“ убедить нельзя. Никакие аргументы, никакие доводы — ничего не работает. Это штамповочное производство: как прикажут, так и будут голосовать. ▲

Маликова. 2→▼ Обратиться к президенту, и мы говорим о будущем страны.

Зюганов. ИЯ выступал, кстати. Президент вроде бы и слушает, а мер не принимает.

(8) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2011.01.25.

Журналист: М. Андреева. Гость: Л. Гозман.

Гозман. Так это же разные вещи. ▲

Андреева. ▼ Разные, абсолютно, да.

(9) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2011.01.25.

Журналист: О. Гречанюк. Гость: Г. Гудков.

Гудков. ...Они говорят: „Эта идейная обработка идет такими темпами, так быстро, что когда уже родители начинают что-то замечать, уже поздно бывает“. Вот, допустим, там шесть-семь детей, в семье там пять-шесть — всё нормально, шестой там последний, ну не важно, один из них вдруг там ▲

Гречанюк. →▼ Геннадий Владимирович, я предлагаю позицию формулировать, **потому что времени и мало остается.**

II. Перебывание аудитории интервьюером

Интервьюер прерывает аудиторию в том случае, когда аудитория говорит не по теме разговора, нарушая максимум отношения (в примере 10), или дает слишком много информации, не соблюдая максимум количества информации (в примере 11).

(10) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2011.01.25.

Журналист: О. Гречанюк. Гость: Г. Гудков.

Слушатель. Да, да, да. Я хотел, просто хочу сказать, с чем я там согласен. ▲

Гречанюк. ▼ Нет, с чем вы не согласны, сейчас нам интересно, с чем и вы не согласны.

(11) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2011.01.25.

Журналист: О. Гречанюк. Гость: Г. Гудков.

Слушатель. Знаете, что я хотел бы по этому поводу однозначно сказать, это я не вижу однозначно бега именно в его концепте, во-первых. Непосредственно и как государственный институт Государственная дума повинна в этом теракте. Как президент и премьер-министр, они создали концепцию именно политического управления, где теракты есть продолжение их политики. Это надо жестко и четко понимать. Я не понимаю, они что, сидят с тремя классами образования? Они этого не видят? ▲

Гречанюк. ▼ Да, Владимир Иванович, спасибо. Геннадий Владимирович, прокомментируйте.

III. Перебивание интервьюера политиком

С одной стороны, интервью, как диктуют правила института СМИ, контролируется интервьюером; с другой стороны, политик, в отличие от интервьюируемых других профессий, проявляет коммуникативную активность, прерывает интервьюера, чтобы выдвинуть свою позицию и повернуть интервью в свою пользу. В примере 12, по нашим наблюдениям, после двух наложений реплик Зюганов наконец перебил интервьюера.

(12) Радио «Маяк», программа «Панорама», 2006.10.16

Журналист: Л. Маликова. Гость: Г. А. Зюганов.

Маликова. Геннадий Андреевич, это ваше мнение, поскольку еще ни Конституционный суд, ни избирком не дали оценки.

Зюганов. Не мое мнение. Это официальный отчет избирательной комиссии.

Маликова. Это ваш... ▲

Зюганов. Нет. Это официальный отчет избирательной комиссии. В других областях, посмотрите, 3, 4, 5 процентов.

IV. Перебивание аудиторию политиком

Торопясь выразить свое мнение, политик прерывает и аудиторию.

(13) Русская служба новостей, программа «Позиция», 2010.11.16.

Журналист: Е. Родина. Гость: О. Митволь.

Родина. С этим вы готовы поспорить?

Слушатель. Конечно. Я не согласен. Понимаете? Это 20 тысяч километров на 6 поделить. Понимаете? ▲

Митволь. 1→ ▼Нет, подождите. Я хочу другое сказать. Я хочу сказать, что мы сегодня де-факто, в 2000 году, точнее, не сегодня, а уже десять лет, мы создали такие вещи, как федеральные округа. Сегодня в каждом федеральном округе есть полпред президента, и есть, есть...

Слушатель. Совершенно правильно, совершенно правильно, совершенно правильно.

Митволь. Есть соответствующие руководители от Министерства внутренних дел, есть... ▲

Слушатель. 2→ ▼Есть структура вертикальная и горизонтальная. Есть уже готовая, сформированная структура.

Перебивание в китайском политическом интервью

● Число перебиваний и интервал. Общая продолжительность рассмотренных 15 китайских политических интервью составляет 617 минут; насчитывается 78 перебиваний, средний интервал которых — 474 секунды. В 3 китайских политических интервью перебивания не было.

Табл. 2. Интервал между перебиваниями в китайском политическом интервью

Номер	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Число перебиваний, раз	2	7	3	7	13	17	0	10	0	3	2	9	2	0	3
Продолжительность интервью, с	1894	3191	2070	3738	3531	2820	1971	2017	2360	1469	1347	2149	2064	3600	2788
Интервал, с	947	456	690	534	272	167	0	202	0	490	674	239	1032	0	929

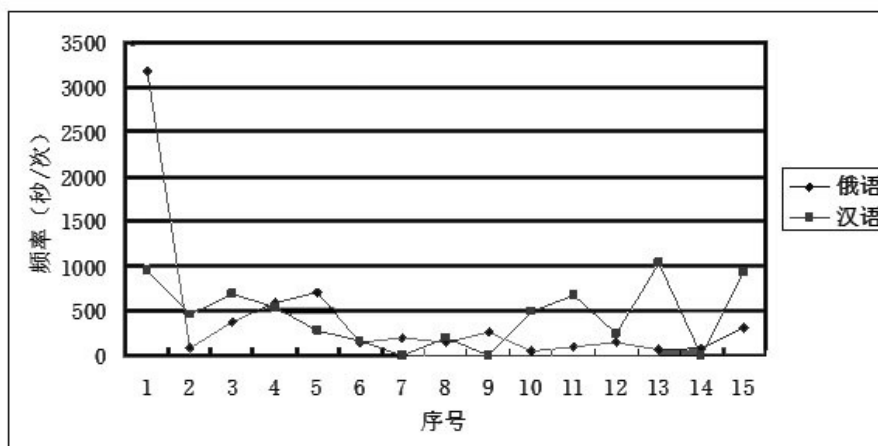

Рис. Интервал между перебиваниями в российских и китайских политических интервью

● **Позиция перебивания.** В рассмотренных китайских политических интервью большинство перебиваний приходится на основную часть. С точки зрения позиции по отношению к высказыванию перебивают, как правило, ближе к концу или в конце высказывания.

● **Субъекты перебивания.** Чаще всего интервьюер прерывает политиков (доля таких случаев составляет 80,77 %), политик перебивает интервьюера реже (в 19,23 % случаев).

● **Структура перебивания.** В структурном отношении популярнее всего одноразовое перебивание. Такие структурные типы, как перебивания партнерами друг друга и последовательные перебивания партнера, очень редко встречаются в китайском политическом интервью.

(14) Журналист. *Когда проводим старый год и встречаем новый, мы часто делаем отчет о прошедшем годе. Я уверена, что в прошлом году город Тяньмэнь добился больших экономических успехов. Сейчас мы считаем счастье целью нашей жизни, и, следовательно, появился „показатель счастья“. Как вы думаете, если сравнить с показателем 11-й пятилетки, „показатель счастья“ повысился или нет? Есть ли какие-нибудь примеры-доказательства?*

Чжан Эйго. *Счастье, по-моему, это ощущение, а „показатель счастья“ — это на самом деле показатель на лице человека. ▲*

Журналист. *▼ Да, да, точно. И чувство в душе.*

Чжан Эйго. *Да, да, это и чувство. Должен сказать, что 11-я пятилетка — это время, когда быстро развивается экономика города Тяньмэнь, население получило реальную выгоду и почувствовало сильное счастье. Хочу перечислить причины. Во-первых, повышение доходов. В прошлом году средний доход на душу населения нашего города составлял 12 270 юаней, что выше в 1,7 раза по сравнению с 11-й пятилеткой. Средний доход крестьянина составляет 6207 юаней, это в 1,9 раза больше, чем в 2005 году, а продолжительный рост доходов в последние 5 лет достиг 13,4 %. Это один показатель. ▲*

Журналист. *▼ То есть кошелек населения стал больше наполняться.*

Чжан Эйго. *Да, больше! Это рост доходов. Второе, я думаю... (2011.03.09. CCTV)*

● **Причины перебиваний.**

I. Перебивание политика интервьюером

Такое перебивание появляется тогда, когда:

1) интервьюер догадывается, какие слова хочет произнести политик, и перебивает его, чтобы помочь закончить фразу.

(15) Журналист. *Пользователь Интернета задал такой вопрос. Вы только что упомянули о плане, он хочет узнать, есть ли план строить дорогу 213 до города Чэнду и Женшоу?*

Сянь Сюн: *Этот вопрос уже вышел за рамки тяжело пострадавшего района, но что касается южной части дороги 213, то есть от Чэнду через Женшоу к югу, план скоростной магистрали готов, и уже началась работа первого периода, уже началась. И предполагается не только прокладка тоннеля, а будет скоростная магистраль через Женшоу, через Женшоу, и поэтому транспортная ситуация в Женшоу в последние годы... ▲*

Журналист. *▼ улучшается.*

Сянь Сюн. *Будет заметное улучшение (Сайт народного правительства Сычуаньской провинции. 2008. 29 июня);*

2) интервьюер хочет интерпретировать речь политика, как в примере 14;

3) интервьюер хочет уточнить информацию:

(16) Лю Хайшэн. *Более того, сейчас стандарт стал гибким, что приносит больше людям. Общий план нацелен на то, чтобы могли расширить этот опытный участок до всего центрального района нашего города ▲*

Журналист. *▼ до всего центрального района?*

Лю Хайшэн. *В связи с тем, что в пригороде бедных семей меньше, если рассудить, то проще учитывать и центральный район, поэтому больше внимания обращают на центральный район (сайт «Восток». 2010. 18 янв.);*

4) интервьюер хочет расширить тему разговора:

(17) Журналист. *Председатель Ку, после того, что вы сказали, я вспомнил комментарий одного пользователя Сети — не знаю, совпадет ли его высказывание с тем, что вы хотите выразить, но, по-моему, его комментарий можно рассматривать как обобщение вашей речи. Он так сказал: „Без правильного руководства КПК и Правительства не могло бы быть большого развития и процветания“.*

Кужеси Мэхасути. *Этот пользователь Сети очень-очень прав... На этой рабочей беседе по Уйгурскому автономному району, организованной Центральным правительством, выдвинули документ № 9, где четко установили, что будут реализовывать дифференцированную промышленную политику в нашем автономном районе. Тогда в рамках дифференцированной промышленной политики для некоторых ресурсов,*

которые могут стать экономически важными и характерными для нашего района, можно реализовать специальную политику, отличную от политики всей страны. ▲

Журналист. ▼ Если конкретно, какие?

Кужеси Мэхасути: Конкретно говоря, <...> (сайт «Синьхуа». 2011. 15 мая);

5) интервьюер хочет дать комментарий или выразить свое мнение, как в примере 14; интервьюер предпочитает демонстрировать согласие с политиком;

6) интервьюер хочет сообщить дополнительные сведения:

(18) Сянь Сюн. *Вторая проблема в том, что очень трудно обеспечить проходимость восстановленной дороги, потому что произошло очень большое землетрясение и постоянно появляются вторичные геологические проблемы* ▲

Журналист. ▼ и остаточные толчки.

Сянь Сюн. *Постоянные остаточные толчки, поэтому наша инфраструктура, в том числе полотно, покрытие дороги, мосты и тоннель, подверглись серьезному повреждению. На некоторых восстановленных дорогах пока только одностороннее движение. Двухстороннее движение невозможно, потому что слишком обрывист откос* ▲

Журналист. ▼ К тому же, уже начался сезон наводнений.

Сянь Сюн. Да, да.

Журналист. *Наводнения, скорее всего, часто случаются.*

Сянь Сюн. *Точно, вы правы, правы. Второй фактор — именно сезон наводнений...* (сайт народного правительства Сычуаньской провинции. 2008. 29 июня).

II. Перебивание интервьюера политиком

Торопясь выразить свою точку зрения и позицию, политик прерывает речь интервьюера.

(19) Журналист. *Хорошо, обязательно передам. Несколько дней назад, давая интервью, вы сказали, что недопустимо, чтобы святое дело — науку, разъедали деньги и власть. Я заметил, что после интервью на форуме оставили много записей. Широкие отклики. Пользователь Интернета отозвался так: „Министр Ван, вы правильно сказали...“* ▲

Ван Ган. ▼ *Я читала. Вам не надо говорить, я всё знаю. Он сказал: „Вы правильно сказали, но как реализовать, как делать...“* (сайт «Жэньминь». 2009. 9 марта).

Сравнение и выводы. Анализ корпуса позволяет выделить общие черты российских и китайских политических интервью: 1) перебивания часто встречаются в основной части политического интервью, ближе к

концу или в конце высказывания; 2) чаще всех прерывает партнеров интервьюер; 3) чаще всего встречается одноразовое перебивание.

Вышесказанные сходства обуславливаются спецификой политического интервью. С одной стороны, контролируя процесс интервью, интервьюер при необходимости прерывает политика, в то же время учитывая принцип вежливости, с другой стороны, интервьюируемый политик рассматривает перебивание как тактику включения в разговор и, следовательно, борется за инициативу в коммуникативном процессе.

Необходимо выделить и различия между российскими и китайскими политическими интервью: 1) в российских политических интервью чаще, чем в китайских, встречаются перебивания; 2) в российских политических интервью наблюдаются некооперативные перебивания, носящие доминантный характер, хотя бывают и кооперативные перебивания, нацеленные на поддержку и согласие, сотрудничество и проявление интереса к речи, в то время как в китайских политических интервью большинство перебиваний носит кооперативный характер.

Названные различия обусловлены спецификой социально-политической культуры и традиций российского и китайского общества. Китайские журналисты проявляют меньшую степень активности, чем их российские коллеги. На наш взгляд, это обусловлено тем, что, во-первых, в китайском обществе сложилась традиция проявления вежливости и уважения, тем более к старшим по возрасту людям и начальству, во-вторых, можно предположить, что российские и китайские политики и журналисты неодинаково оценивают функции общественных институтов (в частности, средств массовой информации) и ставят перед собой в дискурсе интервью разные коммуникативные цели [Лу Тинтин 2014].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендас Т. В. Гендерная психология. — СПб., 2005.
2. Богданов В. В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты. — Л., 1990.
3. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2008.
4. Грайс П. Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 217—237.
5. Лавринова Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5.
6. Лу Тинтин. Сопоставительное исследование политического и культурного контекста русскоязычного и китайскоязычного политического интервью // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 148—152.
7. Лу Тинтин. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 60—67.
8. Лу Тинтин. Политическое интервью как жанр дискурса СМИ // Медиалингвистика. 2014. № 4. С. 114—124.

9. Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе : тез. 4 Междунар. конф. по риторике. — М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2009.

10. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: на материале текстов немецких политических интервью : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2005.

11. Bull P., Mayer K. How not to answer questions in political interviews // *Political Psychology*. 1993. № 14. P. 651—666.

12. Donald E. A., Rebecca F. G. *Conversation Analysis: The Sociology of Talk*. — The Hague : Mouton, 1974.

13. Greatbatch D. A turn-taking system for British news interviews // *Language in Society*. 1988. № 3. P. 401—430.

14. Tannen D. You just don't understand. Women and Men in Conversation. URL: <http://www.barnesandnoble.com/w/you-just-dont-understand-deborah-tannen> (date of access: 13.05.2013).

15. Liao Meizhen. Fating wenda jiqi hudong yanjiu. — Beijing : Falyu chubanshe, 2003. = 廖美珍《法庭问答及其互动研究》[M], 北京: 法律出版社, 2003年.

Lu Tingting
Beijing, China

INTERRUPTING IN POLITICAL INTERVIEWS: BASED ON RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

ABSTRACT. *Political interview as a genre of mass media discourse has the following features: communicative goal, communicative roles of interlocutors, role change rules and time and space frames. Based on the corpus of 15 Russian and 15 Chinese political interviews the mechanisms of role change are studied. Political interview is characterized by frequent violation of model-cycle, in other words, communicators often interrupt each other. In Russian political interviews they often interrupt each other once. There are also cases when communicators have successive interruptions. The interviewer interrupts the politicians following the principles of cooperation: the maxim of information quantity, the maxim of relevance; and the maxim of information quality. Interruptions in Chinese political interviews are less frequent than in Russian. In China interviewer interrupts a politician if: the interviewer guesses the word that the politician is about to pronounce and pronounces it himself helping to finish the sentence; the interviewer wants to interpret the politician's words; the interviewer wants to expand the topic; the interviewer is eager to comment and express his view; or the interviewer gives additional details about the topic. These differences are caused by several factors, firstly, traditions of the countries, secondly, the difference of interpretation of the role of mass media in Russia and China, and, finally, different communicative goals of interviews.*

KEYWORDS: *political discourse; interview; interruption; verbal behavior; speech genre; Russian; Chinese; media; mass media; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lu Tingting, Candidate of Philology, Beijing International Studies University (BISU), Heilongjiang University, Beijing, China.*

REFERENCES

1. Bendas T. V. *Gendernaya psikhologiya*. — SPb., 2005.

2. Bogdanov V. V. Rechevoe obshchenie: pragmaticheskiy i semanticheskiy aspekty. — L., 1990.

3. Golovash L. B. *Kommunikativnye sredstva vyrazheniya strategii ukloeniy ot pryamogo otveta* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2008.

4. Grays P. *Logika i rechevoe obshchenie / per. s angl. V. V. Turvovskogo // Novoe v zarubezhnoy lingvistikе*. — M. : Progress, 1985. Vyp. XVI. S. 217—237.

5. Lavrinova N. I. *Tekstoobrazuyushchie kharakteristiki politicheskogo interv'yu // Vestn. Pomor. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2009. № 5.

6. Lu Tintin. *Sopostavitel'noe issledovanie politicheskogo i kul'turnogo konteksta russkoyazychnogo i kitayskoyazychnogo politicheskogo interv'yu // Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4. S. 148—152.

7. Lu Tintin. *Strategiya ukloeniy v politicheskom interv'yu: na materiale russkogo i kitayskogo yazykov // Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4. S. 60—67.

8. Lu Tintin. *Politicheskoe interv'yu kak zhanr diskursa SMI // Medialingvistika*. 2014. № 4. S. 114—124.

9. Mikhal'skaya A. K. *Politicheskoe interv'yu kak rechevoy zhanr // Ritoricheskaya kul'tura v sovremennom obshchestve : tez. 4 Mezhdunar. konf. po ritorike*. — M. : Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 2009.

10. Churikov M. P. *Soglasie, nesoglasie i ukloeniy v aspekte rechevogo obshchenie: na materiale tekstov nemetskikh politicheskikh interv'yu* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005.

11. Bull P., Mayer K. How not to answer questions in political interviews // *Political Psychology*. 1993. № 14. P. 651—666.

12. Donald E. A., Rebecca F. G. *Conversation Analysis: The Sociology of Talk*. — The Hague : Mouton, 1974.

13. Greatbatch D. A turn-taking system for British news interviews // *Language in Society*. 1988. № 3. P. 401—430.

14. Tannen D. You just don't understand. Women and Men in Conversation. URL: <http://www.barnesandnoble.com/w/you-just-dont-understand-deborah-tannen> (date of access: 13.05.2013).

15. Liao Meizhen. *Fating wenda jiqi hudong yanjiu*. — Beijing : Falyu chubanshe, 2003.

Н. В. Монгилёва

Костанай, Республика Казахстан

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СХЕМЫ «СВЯЗЬ» В СИСТЕМЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ РАСШИРЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В когнитивной науке схема определяется как когнитивное образование, сформированное путем перцептивного анализа, выполняющее функцию памяти о сенсорных ощущениях и служащее шаблоном для в процессе новых восприятий, обеспечивающее способность к узнаванию и запоминанию того, что является новым вариантом по отношению к шаблону. На основе механизма образной схемы в процессе понимания происходит выделение ряда значимых аспектов внешнего мира и постоянная трансформация опыта, понимание действительно переделывает опыт. В статье анализируется актуализация образной схемы «Связь» в описании соотношения абстрактных сущностей, имеющих структурную организацию (политика, экономика). Образная схема «Связь» с элементами «субъект», «предмет в функции связи», «субъект» является одной из базовых структур русскоязычного дискурса об отношениях. Специфика лингвокультурного сценария русскоязычного дискурса об отношениях такова, что нарратив об отношениях людей автоматически актуализирует семантику эмоций, эмоциональной оценки взаимодействия. За счет элемента объективации эмоциональной связи в русской лингвокультуре в нарративе о взаимодействии государственных структур становится допустимым развитие концептуальных векторов целой гаммы человеческих эмоций (обиды, симпатии, амбиций и т. д.) при упоминании любых отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические метафоры; политическая метафорология; русский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Монгилёва Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранной литературы, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова; 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А. Байтурсынова, 47; e-mail: natmong@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В когнитивной науке схема определяется как когнитивное образование, сформированное путем перцептивного анализа, выполняющее функцию памяти о сенсорных ощущениях и служащее шаблоном в процессе новых восприятий, обеспечивающее способность к узнаванию и запоминанию того, что является новым вариантом по отношению к шаблону [Fortis 2010: 19; Attneave 1955; Mandler 1992; Rohrer 2005]. По словам Т. Клаузер и У. Крофт, образные схемы не имеют изображения, они абстрактны, но в том смысле, что представляют собой максимально обобщенные и упрощенные конструкции, такие как КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ, СИЛА, БАЛАНС и т. д. [более обширный список схем см.: Johnson 1987], которые повторяются в большом количестве других когнитивных областей (схема КОНТЕЙНЕР будет основой любого понятия с семантическим элементом емкости) [Clausner, Croft 1999].

На основе механизма образной схемы в процессе понимания происходит выделение ряда значимых аспектов внешнего мира и постоянная трансформация опыта, понимание действительно переделывает опыт [см.: Johnson 2015 http]. Процесс понимания происходит путем привлечения структур фонового знания, по словам Р. Лангакера, термин «домен» наиболее удачен для обозначения таких структур. Выбор фонового домена при понимании абстрактного контекста уже является этапом толкования. Р. Лангакер говорит об этом, что на понятийном уровне мы, по-видимому, способны представлять содержание довольно нейтрально, но как только мы кодируем его на языке, мы обязательно

навязываем определенное толкование [Langacker 1991: 44]. Образная схема, заключенная в когнитивном домене, играет важную роль в этом процессе. В статье *An Image Schema Language* Р. Амант, К. Моррисон и их соавторы приводят упрощенный рисунок когнитивной архитектуры, помещая образную схему на пересечении границ сенсорного уровня *Perceptual/Motor Function* и уровня познания *Higher-level Cognition*, где происходят действия рассуждения, планирования, решение проблем [Amant et al 2006:1—2].

С одной стороны, элементы образной схемы являются точками привязки когнитивных доменов в метафорических моделях и ментальных пространствах. С другой, существует некоторое предопределение, заложенное в образной схеме. При осмыслении понятия «карьера» в терминах КОНТЕЙНЕРА обязательно актуализируется смысл ограничения — сравните две фразы об удачной карьере: *попал на теплое местечко* и *попал в струю*; первая фразеа строится на базе схемы КОНТЕЙНЕР, вторая — на базе схемы ПУТЬ. Данные примеры могут продемонстрировать правомерность утверждения Т. Клаузер и У. Крофт о том, что схемы — это вид когнитивных структур, которые связывают домены [Clausner, Croft 1999: 16] и играют фундаментальную роль в различных когнитивных семантических процессах.

Данное исследование имеет целью анализ актуализации образной схемы СВЯЗЬ в описании соотношения абстрактных сущностей, имеющих структурную организацию (политика, экономика). В предыдущих ис-

© Монгилёва Н. В., 2017

следованиях было установлено, что одной из базовых структур русскоязычного дискурса об отношениях является образная схема СВЯЗЬ с элементами «**субъект — предмет в функции связи — субъект**»: *завязать знакомство, разорвать связи, узы брака, захомутать, привязать к себе ребенком* и т. д. [Монгилева 2016]. Дальнейший анализ позволил сделать вывод, что в осмыслении взаимодействия субъектов в образе предмета связи концептуализируется эмоциональная реакция субъектов отношений, связующий элемент схемы — это эмоциональное ощущение отношений, которое объективируется как статичное, независимое от субъектов и обладающее своей динамикой сил: *меня к нему тянет, нас судьба свела, так чего ж он мне душу рвет? приковывать взгляды* и т. д.

Наличие двух (и более) субъектов отношений в компонентном составе образной схемы является ее первой характеристикой. Отношения субъектов передаются лексемой множественного числа, вариант *отношение* к имеет значение подобия, аналогии, т. е. является уже реализацией другой схемы.

Элемент эмоциональной связи, стремление к эмоциональной статичности является основой концептуализации общения в русской лингвокультуре и дифференцирует концептуальную метафору ОБЩЕНИЕ — СВЯЗЬ на фоне других метафоризаций общения и понятия *communication* в англоязычной научной литературе: например, метафоры *Communication is Feeding, Communicating is Leading, Communication Is Showing* [Lakoff, Johnson 1999: 12] рассматриваются авторами как варианты метафор ДУМАНИЕ — ДВИЖЕНИЕ, ИДЕИ — ЕДА, ИДЕИ — ОБЪЕКТЫ и раскрывают понятие коммуникации как обмен информацией, в данном случае связь LINKS понимается как канал связи, канал, по которому информация доставляется до адресата [Grady 1997]. В то же время в русской лингвокультуре общение подразумевает не обмен информацией, а скорее обмен эмоциями, нахождение в статичном состоянии эмоционального комфорта. *О чем говорили? Да так, общались... /// какие у вас отношения? — ну, ... мы общаемся. /// ...Тебя к нему тянет, потому что вы общались, он был тебе другом и он тебе дорог как человек, с которым можно поделиться, посоветоваться. А тут произошел такой разрыв между вами, и вы перестали быть друзьями....*

Анализ корпуса материала, который составил более 3000 выражений и высказываний о семейных и межличностных отношениях, доказывает, что указанная схема орга-

низует первичный базовый уровень этого домена. Схема СВЯЗЬ является источником примарной метафоры ОТНОШЕНИЯ — СВЯЗЬ, на которую наслаиваются следующие. Так, в выражении *между нами тает лед* подразумевается прежде всего объект, заполняющий пространство между субъектами отношений. Лед как расширение метафоры ОТНОШЕНИЯ — ВОДНАЯ СТИХИЯ объективирует то общее, что существует между субъектами. Далее состояние этого объекта выражено в общекультурной метафоре *Affection is Warm — Disaffection Is Cold*, которую можно назвать частью универсального онтологического опыта. Если бы концептуализации отношений в виде физического объекта не было бы вообще, фраза имела бы вид *мой/твой лед тает*. Похожий пример — *между ними вспыхнул бурный роман*: первична концептуализация чувств между субъектами в виде физического объекта, который далее выражен в терминах *Жизнь — Текст*, а качественные характеристики обусловлены метафорой *Affection is Warm — Disaffection Is Cold*, количественные — метафорой *нагрелось — вспыхнуло*, количество и качество событий отражает метафора ОТНОШЕНИЯ — ВОДНАЯ СТИХИЯ, бурное море. Опять же, если убрать базовую примарную метафору ОТНОШЕНИЯ — ОБЪЕКТ, то поменяется синтаксическая конструкция, т. е. затрагивается более глубокий уровень организации фразы: *их роман был бурным, у нас вспыхнул бурный роман* и т. д. Также необходимо указать, что в ассоциации с метафорой моря немалую роль играет осмысление предмета связи как обладающего большей динамикой силы, чем субъекты отношений; образ стихии подразумевает невозможность контроля отношений со стороны человека.

Приводимые Дж. Лакоффом метафоры об отношениях *The marriage is on the rocks (брак на скалах)* и *We're spinning our wheels in this relationship (мы вращаем колеса наших отношений)* действительно понимаются верно, если в основе лежит метафора ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ, которая базируется на схеме ПУТЬ и опыте необходимости общих целей для совместной жизни. Тогда невозможность движения вперед формирует смысл трудностей-препятствий в отношениях в примере *The marriage is on the rocks*. На примере во второй фразе — *We're spinning our wheels in this relationship* — Дж. Лакофф говорит о чувстве разочарования, которое говорящие выражают через образ вращающихся колес: усилия прилагаются, но автомобиль не движется [Lakoff 2014: 2—3].

Однако если представить эти фразы в устах представителя русской лингвокультуры, то смысл будет другой. Если базовой является схема СВЯЗЬ, главным в отношениях становится единение, нечто общее между субъектами, движение куда-либо вторично, поэтому образ разбитой лодки, о котором говорит Дж. Лакофф, во фразе *наш брак на скалах* означал бы конец отношений, так как повреждено то общее, что объединяло супругов. Вторая фраза — *мы вращаем колеса*, — наоборот, означала бы, что субъекты прилагают все усилия, стараются, так как образ автомобиля остается неповрежденным. Чтобы выразить смысл трудностей в отношениях, необходимо было бы убрать какой-либо образ, означающий усилия субъектов, и сделать опорной точкой образ сломанной машины, например: *в наших отношениях кончился бензин*.

В русской лингвокультуре для описания взаимоотношений может быть использована и другая схема, условно называемая в данной работе схемой структурного объекта: *отношения строятся/рушатся/восстанавливаются, укрепляют отношения, стабильные отношения, отношения разваливаются*. Подобная схема описана в работе Ж. Грэйди в рамках исследования примарной метафоры THEORIES ARE BUILDINGS — там когнитивный домен «человеческие отношения» приводится как одно из расширений домена-источника ЗДАНИЙ *Trust is the foundation of marriage (Доверие — фундамент нашего брака)*. Сопоставление абстрактной сущности со зданиями возможно, если абстрактное понимается как структура, имеющая дискретные части, между которыми имеются логические/причинно-следственные отношения. Второе условие: жизнеспособность означает продолжение функции или постоянную актуальность в некотором контексте — в понимании такого состояния используется схема движения вверх [Grady 1997: 44—46].

Но в отличие от схемы структуры, при актуализации говорящим образной схемы СВЯЗЬ происходит когнитивное выделение эмоционального отношения к другому субъекту, эмоциональная статика осмысливается как целостный объект, вне зависимости от субъектов. Модель ОТНОШЕНИЯ — ЗДАНИЕ всегда задействована в представлении целевых доменов, которые имеют в своей онтологии структурную организацию (политика, государство, экономика): *отношения строятся на принципах... // укреплять наши отношения с... /// выстраивать взаимовыгодные отношения... /// вкладом в наши отношения будет...* — и т. д.

Однако в политическом дискурсе наблюдается намеренное использование сценария со схемой СВЯЗЬ в основе: *После подписания соглашения Сирия и Израиль выясняли свои отношения силовыми способами на территории соседнего Ливана и в его воздушном пространстве. /// Ранят душу несправедливые отношения между Москвой и нашим городом, в котором, между прочим, крупнейший в мире завод по производству ядерного топлива*.

В примерах взаимодействие государственных структур, действия которых регулируются институциональными актами, метафоризировано как отношения двух людей: *Сирия и Израиль, Москва и наш город*. Тем самым автоматически возникает смысловое содержание схемы СВЯЗЬ с эмоциональными оценками справедливости/несправедливости, обиды, амбиций и т. д. Также в дискурсе сразу появляется все то, что возникает от объективации связи как независимого от субъектов отношений объекта, а это смысловой компонент нелогичности, внешней силы, непредсказуемости результата, силы обстоятельств и т. д.

Возможно, отмеченная частотность использования метафор личных отношений вместо логически обоснованных метафор структур обусловлена тем, что таким образом легче представить работу структуры, «мы так мыслим». Ж. Грэйди говорит, что осмысление чего-либо в метафоре ЗДАНИЙ активизирует фреймы знаний о зданиях и скрипты «часть — целое», скрипты складывания частей. По словам Ж. Грэйди, здания понимаются таким образом, потому что «мы их так строим» [Grady 1997: 44—46].

Личные отношения оказываются более понятными и предсказуемыми, чем отношения «часть — целое»: *...Но проблема-то в том, что одних желаний мало. Уверен, что ни одна из вышеназванных стран не хочет большой катастрофы. Но возникают противоречия национальных интересов. И Россию в этой связи заботит сохранение своего суверенитета, политического веса. Американцы умеют и любят навязывать свое видение, пытаются политически подчинить собеседников. Но это все шито белыми нитками, и вряд ли у них что-то из этого получится* (отрывок интервью с М. С. Гусманом).

В исследовании метафорического отражения образа государства в политическом дискурсе А. П. Чудинов неоднократно указывает на частотность метафоры родства [Чудинов 2001: 80—85; 2003]. С помощью метафоры родства описываются отношения человека и государства, общества и госу-

дарства, политических деятелей, чиновников, отношения человека и предприятия и т. д. При этом все перечисленное является структурированными системами, и отношения субъекта и государства — это также соотношение структурных частей, пусть и разноразмерных, но одинаково значимых для сохранения целостности системы. Однако метафора родства (основанная на схеме СВЯЗЬ со всеми сопутствующими элементами первородной связи) в данных случаях — это указание на то, что данные понятия в русской лингвокультуре легче представляются как аморфное целое, существующее как данность, независимо от субъекта. Метафора ГОСУДАРСТВО — ТЕЛО появляется в результате действия того же механизма, например: *рыба гниет с головы, а чистят ее с хвоста* — в отличие от метафоры ГОСУДАРСТВО — ОРГАНИЗМ, так как в образ организма включается взаимодействие уровней частей.

В обыденном сознании в описании взаимодействия субъекта с представителями социальных структур сложно найти выражения, которые в своей основе имели бы примарную метафору ОРГАНИЗАЦИЯ — ФИЗИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА. Так, выражения *выйти на начальника, заведующая пошла нам навстречу, пойти до конца, начальник вошел в наше положение, дойти аж до президента* представляют конфликтную ситуацию в метафоре РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ — ПУТЕШЕСТВИЕ. В описании взаимодействия субъекта с организацией нет действий с частями. Ряд других выражений: *разобраться со школой, поскандалить с отделом кадров* — представляет организацию в виде человека, а контекстная ситуация трактуется как личный разговор, что является реализацией метафоры РАБОТА СТРУКТУРЫ — ЛИЧНЫЙ РАЗГОВОР. Может быть, поэтому решение проблемы по порядку, законодательно определенному, согласно институционально закрепленным актам, заранее считается бесполезным. В этом плане показательное освещение в СМИ «Прямой линии с президентом России», представляющее общение людей с главным представителем государственной структуры как общение двух людей, один из которых обладает чудодейственной силой. Репортажи СМИ о событии содержат выражения *лично оценил, пообещал лично проконтролировать, поручил разобраться лично, сразу же после этого разговора*, что делает понятие государственной структуры аморфным, воплощенным в личности одного человека, на это же направлены многочисленные вкрапления просторечий: *борзота, я еще попрошу и*

другие, растиражированные в СМИ. В приведенном отрывке все компоненты работы структуры *чрезвычайная ситуация — мониторинг ситуации соответствующей структурой — действия властей, регулируемые институциональными актами* представлены через метафору РАБОТА СТРУКТУРЫ — ЛИЧНЫЙ РАЗГОВОР:

*Тогда прямо на месте пожара, через два дня после события, состоялась прямая линия с президентом: с пепелища врио главы РБ Алексей Цыденов **рассказал** Владимиру Путину о случившемся. Путин **поблагодарил** всех граждан, которые „оперативно, тепло и душевно откликнулись на печальное событие, сделали все, чтобы помочь пострадавшим“ и **поручил** полностью и своевременно оказать помощь пострадавшим от пожара. Также он **пообещал лично** проверить, как идет строительство домов.*

Реализуется схема СВЯЗЬ, в которой с одной стороны — субъект, обладающий мистической силой, с другой — субъект вообще без возможности что-либо сделать. Положительный контекст дискурса об описываемом событии во внутренней политической жизни страны поддерживает эту схему СВЯЗЬ, нивелируя понимание государства как отлаженного механизма, где субъект и президент — взаимозависимые структурные элементы и эффективность работы механизма является единственным условием его существования. Метафорические выражения *чудом разрешилось, поставило всех на уши, мигом оказался, окрик из Кремля* эксплицируют элемент внешнего воздействия и элемент отсутствия силы у субъекта. В выражениях *только после вмешательства президента* ситуация субъекта представлена в метафоре КОНТЕЙНЕР, т. е. описывается как замкнутое пространство, существующее вне структуры государства.

Образная схема СВЯЗЬ в понимании взаимодействия между людьми дает основание для появления определенных скриптов в коммуникативном поведении. Поведенческий стереотип таков, что после установления контакта с кем-либо личное знакомство становится основой более искренних, доверительных отношений. Это выражают единицы системы языка *помочь по-соседски, по знакомству, по-родственному, по-свойски, по душам, по-дружески* и т. д. Так, отношения с соседями должны быть *доверительными, хорошими, добрососедскими*, а не деловым сотрудничеством собственников жилья. В ряду подобных примеров есть выражения, эксплицирующие схему СВЯЗЬ: *иметь личные отношения с дирек-*

тором (у других, получается, виртуальные отношения?), *иметь особые отношения (отдельно, независимо от других, то, что существует только между данными субъектами), попроси это у директора, ты же с ним на короткой ноге, а то нам он не разрешит...* Последнее выражение — *быть на короткой ноге* — показательно тем, что восходит к трансформированному французскому *être sur un bon pied*, но прилагательное *bon* — *хороший* означает качество функционирования, русское *короткая* означает длину, указывая на соотношение субъектов по горизонтали, задавая динамику движения субъектов навстречу друг другу, тем самым в русском лингвокультурном сознании заимствование адаптировалось под схему СВЯЗЬ и даже стало основой для синонимов *быть на дружеской ноге, быть на коротке*.

Специфика представленного в русском языке дискурсе лингвокультурного сценария отношений такова, что нарратив об отношениях людей автоматически актуализирует семантику эмоций, эмоциональной оценки взаимодействия. За счет элемента объективации эмоциональной связи в русской лингвокультуре в нарративе о взаимодействии государственных структур становится допустимым развитие концептуальных векторов целой гаммы человеческих эмоций (обиды, симпатии, амбиций и т. д.) в любых отношениях, и тех, которые регулируются институциональными нормами, и тех, которые онтологически имеют свойства структуры. *„Дело Соколовского лишь повод сделать Кирилла невъездным“, — заявил экс-депутат // Какие шкурные интересы преследует Киев, пытаясь законодательно повесить на Россию ярлык... // Литва хочет стрясти с России миллиарды евро...*

Негативная коннотация выражения *шкурные интересы преследует* возможна только на основе контекста личных отношений, в которых жажда личной выгоды коннотируется крайне отрицательно (согласно схеме СВЯЗЬ, есть как минимум два субъек-

та отношений, и выгода одного влечет за собой ущерб другому). Если сменить основу на схему структуры, то действия по укреплению своих позиций, вклад в упрочение и т. п. становятся логично-нейтральными (какие же еще интересы должна преследовать организация, кроме своих?).

ЛИТЕРАТУРА

1. Монгилева Н. В. Архетипический образ «связь» в метафоризации отношений между людьми // Когнитивные исследования языка. — Тамбов, 2016. Вып. 27 : Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. С. 217—224.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
4. Amant R. S., Morrison C. T., Chang Y., Mu W., Cohen P. R., Beal C. An Image Schema Language. Proceedings of The 7th International Conference on Cognitive Modelling (ICCM). — North Carolina State Univ at Raleigh dept of computer science, 2006.
5. Attneave F. Perception of Place in a Circular Field // The American Journ. of Psychology. 1955. Vol. 68. No. 1 (Mar.). P. 69—82.
6. Fortis J.-M. De l'hypothèse de Sapir-Whorf au prototype : sources et genèse de la théorie d'Eleanor Rosch // Revue en ligne Corela, 2010, 8(2). URL: //corela.revues.org/1243 (date of access: 10.05.2017)
7. Grady J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes. — UC Berkeley dissertation, 1997. 229 p.
8. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 1987. 268 p.
9. Johnson M. Embodied understanding // Front. Psychol. 2015. Vol. 6. P. 875. URL: www.frontiersin.org (date of access: 10.05.2017)
10. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive linguistics. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. № 10-1. P. 1—13.
11. Lakoff G. Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8 Art. 958. URL: //journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnhum.2014.00958 (date of access: 10.05.2017).
12. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. — New York, NY : Basic Books, 1999. 640 p.
13. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. — Stanford, California : Stanford Univ. Pr., 1991. Vol. II: Descriptive application. 589 p.
14. Mandler J. M. How to build a baby II: conceptual primitives // Psychological Review. 1992. № 99. P. 587—604.
15. Rohrer T. Image Schemata in the Brain // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / eds. by B. Hampe, J. Grady. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. P. 165—196.

N. V. Mongilyova
Kostanay, Kazakhstan

FUNCTIONING OF THE IMAGE SCHEME IN THE SYSTEM OF METAPHORICAL EXTENTIONS

ABSTRACT. Cognitive science defines a scheme as cognitive unit that is formed by means of perceptive analysis performing the function of memory about sense perception and serving as a model for new sense perception that gives an opportunity to recognize and memorize the new variant. Based on the mechanism of visual scheme the process of comprehension is accompanied by identification of a number of significant aspects of the outer world and constant transformation of the experience; comprehension changes the experience. The paper analyzes the visual scheme “Relations” in description of correlation between abstract phenomena that have a structure (politics, economics). The visual scheme “Relations” with the elements “subject”, “object in the function of connecting link”, “subject” is one of the basic structures of Russian relations discourse. The feature of linguo-cultural scenario in Russian relations discourse is that relations narrative automatically underlines the semantics of emotions and emotional evaluation of cooperation. With the help of the element of emotional relations in Russian linguo-culture, the narrative about cooperation of the countries has conceptual vectors of a number of human feelings and emotions (insult, affection, ambitions, etc.) when any kind of relations is mentioned.

KEYWORDS: political discourse; political metaphors; political metaphorology; Russian.

ABOUT THE AUTHOR: *Mongileva Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Literature, Kostanay State University, n.a. A. Baitursyniv, Kostanay, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Mongileva N. V. Arkhetipicheskiy obraz «svyaz'» v metaforizatsii otnosheniy mezhdu lyud'mi // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. — Tambov, 2016. Vyp. 27 : Antropotsentricheskii podkhod v kognitivnoy lingvistike. S. 217—224.
2. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
3. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
4. Amant R. S., Morrison C. T., Chang Y., Mu W., Cohen P. R., Beal C. An Image Schema Language. Proceedings of The 7th International Conference on Cognitive Modelling (ICCM). — North Carolina State Univ at Raleigh dept of computer science, 2006.
5. Attneave F. Perception of Place in a Circular Field // *The American Journ. of Psychology*. 1955. Vol. 68. No. 1 (Mar.). P. 69—82.
6. Fortis J.-M. De l'hypothèse de Sapir-Whorf au prototype : sources et genèse de la théorie d'Eleanor Rosch // *Revue en ligne Corela*, 2010, 8(2). URL: //corela.revues.org/1243 (date of access: 10.05.2017).
7. Grady J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes. — UC Berkeley dissertation, 1997. 229 p.
8. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 1987. 268 p.
9. Johnson M. Embodied understanding // *Front. Psychol.* 2015. Vol. 6. P. 875. URL: www.frontiersin.org (date of access: 10.05.2017).
10. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // *Cognitive linguistics*. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. № 10-1. P. 1—13.
11. Lakoff G. Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8 Art. 958. URL://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnhum.2014.00958 (date of access: 10.05.2017).
12. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh*. — New York, NY : Basic Books, 1999. 640 p.
13. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*. — Stanford, California : Stanford Univ. Pr., 1991. Vol. II: Descriptive application. 589 p.
14. Mandler J. M. How to build a baby II: conceptual primitives // *Psychological Review*. 1992. № 99. P. 587—604.
15. Rohrer T. Image Schemata in the Brain // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / eds. by B. Hampe, J. Grady. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. P. 165—196.

Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ

АННОТАЦИЯ. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении особенностей метафорической репрезентации образа России в политическом дискурсе западных СМИ. На основе наиболее актуальных метафорических выражений анализируется воздействие на реципиента в языковом (слово) и визуальном (изображение), а также в персуазивном и суггестивном аспектах. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и дескрипторной теории метафоры, а также опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Демонстрируется, что некоторые метафоры требуют от реципиента «расшифровки», поэтому влияние их концептуальных установок остается незаметным. Помимо использования скрытого подтекста, часто ставка делается на постоянное повторение в разных источниках готового тождества и вызывание у реципиента такого привыкания к нему, что уже ничего доказывать не надо. В современных условиях информатизации западные СМИ консолидированы в вопросах противостояния России, и их усилия направлены на демонизацию ее образа и дискредитацию ее действий. Эти действия находят свое отражение в политическом дискурсе, для которого характерен медийный и массовый характер. Причина кроется в том, что большую часть транслируемой ими информации составляют материалы нескольких агентств, таких как Reuters, Associated Press и Agence France-Presse.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ России; политическая метафорология; политические метафоры; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; медиатексты; медиадискурс; информационные войны; языковое воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков, Военный университет Министерства обороны РФ; академик Российской академии естественных наук; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. ¾; e-mail: tatyana_27@mail.ru.

Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического) Министерства обороны РФ) Военного университета, Военный университет Министерства обороны РФ; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. ¾; e-mail: Lieutenant-en-chef@ya.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Современный мир характеризуется при- матом информатизации. Каждую минуту в информационном пространстве появляются новые политические тексты, скорость и масштабы распространения которых несоизмеримо превышают способность и желание реципиента ознакомиться с ними. На фоне тотального информационного шума формирование и изменение его основных стереотипов, политических взглядов и даже мировоззрения происходит в рамках небольшого «окна» любимых телеканалов, интернет-сайтов, радиостанций и газет, выбирающихся индивидуально и субъективно.

Однако основные западные средства массовой информации, занимающие 90 % всего информационного эфира, в вопросах внешней политики пропагандируют практически единую позицию. Причина кроется в том, что большую часть транслируемой ими информации составляют материалы нескольких агентств, таких как Reuters, Associated Press и Agence France-Presse. Ведущие международные медиакорпорации: Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation и Comcast/NBCUniversal — контролируют 90% национальных и региональных СМИ США и оказывают огромное влияние на европейские источники [Мировые медиагиганты].

Таким образом, основные концептуальные и мотивационные установки западного

массмедийного пространства подчиняются генеральной линии политических и экономических элит и едины в отношении России независимо от совершаемой выборки СМИ. Тотальный контроль над информацией позволяет адресанту создавать выгодные для себя мифы и ложные стереотипы мышления о нашей стране, изменять систему ценностей реципиентов и дезинформировать их. Цели достигаются путем системного воздействия на реципиента: как на языковом и визуальном, так и на эмоциональном и рациональном уровнях. Необходимо учитывать, что большую роль играет здесь аргументативный потенциал речи субъекта политической коммуникации [Попова, Таратынова 2012: 90].

В эмоциональной плоскости информационного воздействия акцент делается на образно-метафорическую информацию, «расшифровать», обобщить и представить в формате которой в языковом, наглядном формате есть задача лингвиста-политолога.

В рамках настоящей статьи мы намерены показать, как воздействуют на реципиента наиболее актуальные на сегодняшний день метафорические выражения образа России. Как было сказано выше, в освещении любых внутри- и внешнеполитических действий России западными СМИ соблюдается определенная линия поведения, предусматривающая их негативную интерпрета-

цию и искажение. Другими словами, против России ведется тотальная информационная война. Например, развитие отечественной экономики, повышение рейтинга президента страны и сохранение курса на отстаивание национальных интересов в условиях санкционного давления Запада преподносится извращенно. Бывший директор по коммуникациям аппарата Белого дома Э. Скарамуччи охарактеризовал эту ситуацию так:

"I think the sanctions had in some ways an opposite effect because of Russian culture. I think the Russians would eat snow if they had to survive. And so for me the sanctions probably galvanized the nation with the nation's President" («Я думаю, что из-за российского характера санкции в некоторой степени сыграли обратный эффект. Я думаю, что *русские ели бы снег, чтобы выжить*. И, по моему мнению, санкции, вероятно, сплотили нацию вокруг президента») [Frye http].

Э. Скарамуччи верно отмечает стойкость и сплоченность российского общества, но при этом употребляет пейоративную метафору, которая, на первый взгляд, таковой не кажется. Однако если задуматься, выражение «есть снег, чтобы выжить» вызывает не очень приятные ассоциации. Как выразить его манипулятивный посыл (концептуальную/мотивационную установку)?

Самый наглядный формат, который мы имеем на сегодняшний день — это формат метафорической модели «X — это Y» [Чудинов 2012: 131]. Функционирующие в политическом дискурсе метафоры неразрывно связаны с общей смысловой линией политической риторики и через это тождество отражают ее лейтмотивы.

Политические метафоры являются одновременно основными индикаторами прагматического замысла речевого произведения, выступая в качестве своеобразных семантических доминант, и следствием этого замысла, реализуя мелиоративную/пейоративную функцию и оказывая манипулятивное воздействие на реципиента. В данном случае — суггестивное, поскольку явного тождества здесь нет, и мы должны его выявить.

Итак, снег едят тогда, когда больше нечего есть. Кто будет есть снег в России или где бы то ни было? Те, кто не может себе позволить есть что-либо кроме снега, то есть нищие. Таким образом, манипулятивный посыл сообщения Скарамуччи раскрывается с помощью цепочки *есть снег* → *есть больше нечего* → *нищие*: «РУССКИЕ — это НИЩИЕ». В этой формуле одновременно заложены мысли о том, что санкции оказали *экономический* эффект («больше нече-

го есть»), что если нечего есть, значит, русские обнищали, и что если, несмотря на все это, они не меняют свою политику, значит, они стойкие, даже упрямые.

Последнее является единственной положительной характеристикой, которая вносит свои коррективы в конечное тождество манипулятивного посыла: «РУССКИЕ — это УПРЯМЫЕ НИЩИЕ».

Среднестатистический реципиент не будет задумываться о «расшифровке» подобных политических метафор, поэтому их концептуальные установки будут влиять на него незаметно, оставаясь в подсознании. Напомним, что высказывание Э. Скарамуччи распространилось в СМИ по всему миру и было переведено на множество языков. Стоит учесть и тот факт, что комментарии официальных лиц всегда воспринимаются аудиторией с повышенным вниманием и понимаются практически буквально, особенно если они произнесены на камеру или по радио, а не прочитаны в колонке статьи.

Именно по этой причине заявления политических деятелей в сравнении с продуктами политехнологов и журналистов оказываются более эффективными в структурировании политической картины мира в сознании (подсознании) реципиента. Образ, который участвует в создании метафорического значения, не обособлен и единичен, а существует в ряду подобных себе и семантически связанных образов, которые в совокупности представляют метафорическую модель, определяющую стереотипы ментального восприятия реальной действительности, окружающей человека [Попова 2003: 41].

Скрытый подтекст, который необходимо каждый раз расшифровывать, присутствует в метафоре не всегда. Часто ставка делается на постоянное повторение в разных источниках готового тождества и вызывание у реципиента такого привыкания к нему, что уже ничего доказывать не надо: «Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что, в конце концов, она уже принимается как доказанная истина» [Лебон 2014: 209].

Например, с начала сирийского кризиса и до сих пор во французских СМИ периодически повторяется одна и та же простая формула: / *"La Russie est le parrain de la Syrie"* с вариациями *"parrain russe"* [La guerre de Syrie n'est pas finie; Syrie: la revanche de Bachar el-Assad; Poutine, l'homme de la "glasnostalgie"]. К чему такая номинация? Дело в том, что как в криминальной, так и в политической сфере выражение «крестный отец» несет в себе не родственную (семейную), а преступную конно-

тацию, которая возникает в сознании реципиента сразу и не нуждается в дополнительных намеках.

Крестный отец в кругах мафии — это глава преступного сообщества, «босс», который решает ключевые вопросы и знает о любом «деле», совершаемом ее членами. Таким образом, создается впечатление о преступном сообществе, в которое входит Россия и Сирия, а иногда и Иран, и Турция. В контексте приведенной криминальной метафоры эти страны предстают преступниками, а их действия видятся незаконными, что и нужно субъектам информационного воздействия — западным СМИ.

В отличие от предыдущего примера, здесь метафорическое воздействие проходит на внешнем контуре — персуазивном: реципиенту открыто подают и повторяют интерпретацию, которую нужно усвоить.

Воздействие СМИ в эмоциональной плоскости оказывается и визуально: это видео-

фотоматериалы, коллажи, картинки, карикатуры и другие материалы, нередко содержащие в себе метафоры. Ряд жанров полностью основан на них и/или построен на сочетании языковых и визуальных элементов.

Метафорическое содержание визуальных образов во многом вторит языковым метафорам. Так, на первой карикатуре не утонуть в кровавом море Асаду помогает спасательный круг в цветах российского триколора, увенчанный головой нашего президента (рис. 1) [Guerres en Syrie et en Ukraine: Routine maître du jeu]. Модели, которые читаются здесь, влияют на реципиента суггестивно, ему приходится самостоятельно выстраивать ассоциативный ряд: «АСАД — это КРОВАВЫЙ УБИЙЦА», «РОССИЯ — это СПАСИТЕЛЬ КРОВАВОГО УБИЙЦЫ», «РОССИЯ И СИРИЯ — это КРОВАВЫЕ УБИЙЦЫ». Так или иначе, авторы карикатуры хотят показать, что Россия причастна к «мору крови», которое сейчас в Сирии.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Еще одна картинка призвана показать реципиенту, какие цели преследует Россия в Сирии (рис. 2) [Там же]. Самолет, управляемый президентом России В. В. Путиным, бомбит территорию под табличкой «Враги Асада», при этом террорист с надписью «Daesh» разводит руками. Основной посыл ясен: «РОССИЯ — это ЗАЩИТНИК Асада».

Наконец, третий пример более конкретен и посвящен роли России и В. В. Путина в решении мировых проблем (рис. 3) [Там же]. Основная концептуальная установка написана в центре этой картинки и реализуется через персуазивный контур: «РОССИЯ — это МИРОВОЙ ЛИДЕР».

Примечательно, что все картинки взяты из прямого эфира телеканала *France 24*, обладающего многомиллионной аудиторией.

Таким образом, в современных условиях информатизации западные СМИ консолидированы в вопросах противостояния России, и их усилия направлены на демонизацию ее образа и дискредитацию ее действий. Эти действия находят свое отражение в политическом дискурсе, для которого характерен медийный и массовый характер. Основные концептуальные и мотивационные установки его информационных «продуктов» поддаются расшифровке с помощью тождества метафорических моделей «X — это Y».

На эмоциональном уровне информационного воздействия акцент делается на использование образно-метафорических конструкций, которые могут проявляться в языковом, визуальном и смешанном виде. Метафорическое манипулятивное воздействие может проходить на внешнем контуре (персуазивном) или внутреннем (суггестивном), а в определенных случаях — одновременно на обоих.

Тем не менее необходимо понимать, что метафорическое воздействие представляет собой лишь один из элементов общего информационного шума, который создается всей западной индустрией массмедиа. В последнее время одной из ее главных задач стала фабрикация ложных новостей (*fake news*), которые привлекают главное внимание политиков, дипломатов и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебон Г. Психология народов и масс. — М.; Челябинск : Социум, 2014. 379 с.
2. Мировые медиагиганты // Журналистская правда. URL: <https://jgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/> (дата обращения: 16.08.2017).
3. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : моногр. — М. : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 176 с.
4. Попова Т. Г., Таратынова Н. В. Политический текст и его лексические особенности // *Rhema. Рема*. 2012. № 3. С. 90—98.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 4-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.
6. Frye T. Are sanctions pushing Russians to 'rally around the flag'? Not exactly // *Washington Post*. — URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/06/15/are-sanctions-pushing-russians-to-rally-around-the-flag-not-exactly/?utm_term=.42a3d3c599fe (date of access: 17.08.2017).
7. Guerres en Syrie et en Ukraine: Poutine maître du jeu // *Youtube*. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tcPCbKTrZD4> (date of access: 28.08.2017).
8. La guerre de Syrie n'est pas finie // *Le Monde*. — URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/07/26/la-guerre-de-syrie-n-est-pas-finie_5165219_3232.html (date of access: 20.08.2017).
9. Poutine, l'homme de la "glasnostalgie" // *Le Monde*. — URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/06/26/poutine-l-homme-de-la-glasnostalgie_3437232_3232.html?xtmc=ne_dites_pas_a_vladimir_poutine_qu_il_est_un_homme_du_passe&xtcr=9 (date of access: 21.08.2017).
10. Syrie: la revanche de Bachar el-Assad // *L'Express*. — URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-la-revanche-de-bachar-el-assad_1781780.html (date of access: 18.08.2017).

T. G. Popova, R. I. Zaripov
Moscow, Russia

METAPHORICAL REPRESENTATION OF RUSSIA'S IMAGE IN WESTERN MEDIA

ABSTRACT. *The goal of this paper is to study the features of metaphorical representation of the image of Russia in Western media political discourse. Based on the most frequent metaphors we analyze persuasion of an addressee via the language (word) and picture in persuasive and suggestive aspects. The methodology of this research grounds on the theory of metaphorical modeling and descriptor theory of metaphors, as well as the achievements of discourse analysis and works of the Russian scholars in cognitive linguistics and linguoculturology. It is shown that some metaphors should be deciphered by the reader, that is why the influence of their conceptual connotations goes unnoticed. Besides the hidden connotation, the stress is often laid upon constant repetition of the readymade equation so that the reader got used to it and didn't need any proof of the given information. In the world of information western media unite to confront Russia; their attempts are focused on demonization of Russia's image and discreditation of its actions. This activity becomes obvious in political discourse that is characterized by media and mass nature. The reason for such activity is in the fact that most of the information is made of news prepared by such information agencies as Reuters, Associated Press and Agence France-Presse.*

KEYWORDS: *image of Russia; political metaphorology; political metaphor; media; mass media; language of mass media; media texts; media discourse; information war; language manipulation.*

ABOUT THE AUTHORS: *Popova Tatiana Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language (second language), Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.*

Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of the Centre (Linguistic Ministry of Defense of Russia) in Military University, Military University of the Ministry of Defense of Russia, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass.* — M. ; Chelyabinsk : Sotsium, 2014. 379 s.
2. Mirovye mediagiganty // *Zhurnalistskaya pravda.* URL: <https://jpgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/> (data obrashcheniya: 16.08.2017).
3. Popova T. G. *Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov)* : monogr. — M. : Izd-vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. 176 s.
4. Popova T. G., Taratynova N. V. *Politicheskiy tekst i ego leksicheskie osobennosti* // *Rhema. Rema.* 2012. № 3. S. 90—98.
5. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* : ucheb. posobie. 4-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.
6. Frye T. Are sanctions pushing Russians to 'rally around the flag'? Not exactly // *Washington Post.* — URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/06/15/are-sanctions-pushing-russians-to-rally-around-the-flag-not-exactly/?utm_term=.42a3d3c599fe (date of access: 17.08.2017).
7. *Guerres en Syrie et en Ukraine: Poutine maître du jeu* // Youtube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tcPCbKTrZD4> (date of access: 28.08.2017).
8. *La guerre de Syrie n'est pas finie* // *Le Monde.* — URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/07/26/la-guerre-de-syrie-n-est-pas-finie_5165219_3232.html (date of access: 20.08.2017).
9. *Poutine, l'homme de la "glasnostalgie"* // *Le Monde.* — URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/06/26/poutine-l-homme-de-la-glasnostalgie_3437232_3232.html?xtmc=ne_dites_pas_a_vladimir_poutine_qu_il_est_un_homme_du_passe&xtcr=9 (date of access: 21.08.2017).
10. *Syrie: la revanche de Bachar el-Assad* // *L'Express.* — URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-la-revanche-de-bachar-el-assad_1781780.html (date of access: 18.08.2017).

Е. Г. Прилукова
Челябинск, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРАТЕГИЙ БУДУЩЕГО РОССИИ В «НОВОСТЯХ» НА ПЕРВОМ КАНАЛЕ

АННОТАЦИЯ. Представлен анализ новостных репортажей с Петербургского международного экономического форума 2017 г., делавшихся непосредственно в дни его работы для программы «Новости» на Первом канале. «Новости» на Первом канале есть не столько актуальная реальность настоящего и ее осознание в социальной ментальности, сколько ее отражение, сконструированное цифровыми технологиями массмедиа. Теоретической рамкой исследования текстов репортажей с форума выступают основные принципы методологического герменевтического стандарта и «метафорического зеркала», позволяющие синтезировать философские, лингвистические и внелингвистические аспекты осмысления новостного текста. Языковая репрезентация закрепляет образ страны, уверенной в своем развитии. Это находит подкрепление в визуальном ряде «Новостей», поставляющем встречи, приемы, рукопожатия и подписание большого числа контрактов. Однако в сложном и быстроразвивающемся мире невозможно полное отсутствие проблем у какой-либо страны. Упрощенный и построенный на стереотипах образ государства ведет к его недооценке и непониманию. Поэтому не случайно практически во всех новостных сюжетах с Форума назывались одновременно с успехами и «болевыми» точки роста и развития, что позволяло «Новостям» на Первом канале более объективно отражать формирующуюся реальность. Основные метафорические модели стратегий будущего России в «Новостях» Первого канала социоантропоцентричны. Исследуя политическую реальность, человек представляет ее в виде подобия своему телу и составляющих его физиологических процессов. Новостные сюжеты о работе Петербургского международного экономического форума четко репрезентировали специфику стратегий будущего исходя из основных характеристик современной политической реальности, как реальности стремительно развивающейся и требующей к себе пристального внимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиареальность; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; политическая реальность; образ России; телевидение; телеканалы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Прилукова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, к. 434; e-mail: prilukova74@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Реальность настоящего времени во многом по своей природе пред-за-дана медиасредствами, одним из наиболее эффективных инструментов ее соз-дан-ия и по-став-щиков выступает телевидение [Бодрийяр 1992; Virilio 1996 и др.]. Продиктовано это рядом обстоятельств и прежде всего исторической традицией развития техники и технологий коммуникации: телевидение с момента своего возникновения позволяет индивиду на доступном для него «языке» узнавать обо всех событиях и «ухватывать» волнующие общество идеи. Кроме того, телевидение представляет информацию в форме образов, содержание которых лишено привычной — линейной — для восприятия формы подачи материала, последовательности и взаимозависимости между сюжетами. Это позволяет зрителю в кратчайшие сроки освоить огромный массив информации на основе собственно «телевизионных» причинно-следственных связей между событиями, фиксируемыми и закрепляемыми в образе согласно правилам конкретного жанра (новости, интервью, «прямой» эфир, ток-шоу и пр.).

Образы легко усваиваются индивидуальным и общественным сознанием, поскольку не требуют особых интеллектуальных усилий со стороны воспринимающего индивида: эмоционально-окрашенная «картинка» события пред-стаёт в полном объеме «здесь и сейчас», а «глаз» камеры и

«голос за кадром» рас-став-ляют акценты. Происходящее на экране начинает восприниматься как реальность — «вижу собственным глазом» и нет оснований ему не доверять, а информация о ней (реальности) приобретает статус знания. Учитывая, что современное общество наполнено образами, телезритель оказывается способным «прожить и пережить» огромное количество событий, в то время как вследствие ограниченности индивидуального реального жизненного опыта не в состоянии их освоить. В результате мир начинает «собираться», подобно мозаике калейдоскопа, из образов-фрагментов за счет их непрерывного поступления, где одни образы референтны другим. Так логика телевидения начинает не только от-ображ-ать реальность, но и задавать ее, принуждая зрителя осмысливать ее бытие в понятиях-представлениях образов или симулякров как знаков особого языка — языка медиаобразов [Бодрийяр 1996].

Статус репрезентации реальности и реальности на телевизионном экране становится не различимым, потому что симулякры есть знаки без референта: у них нет подобия — они отрицают не реальность как таковую, а различия между ней и образом, репрезентирующим ее. Симулякры в определенный момент подменяют собой реальность [Бодрийяр 1996], что делает актуальным проблему манипулирования общественным и индивидуальным сознанием путем

© Прилукова Е. Г., 2017

насильственного навязывания тех или иных репрезентаций [Кара-Мурза 2009; Prilukova 2016 и др.].

Новостные программы телевидения создаются по канонам собственно телевизионного жанра: образ сопровождается комментариями, которые не всегда могут совпадать с его содержанием, предлагая зрителю «самые последние свежие» новости через строго определенные промежутки времени. Однако мыслимы мы при помощи понятий, суждений и умозаключений, которые оформляются и транслируются прежде всего словами. Следовательно, возникает проблема понимания содержания сообщаемого. Не являются в этом плане исключением «Новости» на Первом канале. Рассмотрим это на примере новостных репортажей с Международного экономического форума в г. Санкт-Петербурге (ПМЭФ), проходившего в июне 2017 г.

В репортажах с Петербургского международного экономического форума транслировавшийся и тиражировавшийся визуальный ряд сопровождал вербальный текст ведущего и/или участников *пред-став-*ляемых событий, репрезентировал стратегии развития будущего мира и нашей страны. При этом вербальный и визуальный «тексты» могли в некоторых случаях кардинально отличаться своим содержанием.

Визуальный ряд, отражавший работу форума, в изображении настоящего и будущего в целом был скорее похож на кадры фантастических фильмов и не столь богат содержанием в силу своей — образной — природы, в отличие от текстового сопровождения. Обусловлено это тем, что любое вербальное высказывание предполагает формулирование, за которым есть определенная идеология, система взглядов и ценностей, поскольку языковые структуры тесно связаны с мыслительными [Кликс 1983; Корниенко 2012; Мельничук 1990; Прибрам 1975 и др.]. Более того, новостные материалы о работе Петербургского экономического форума отчетливо предъясняют языковыми, а не образными средствами картину современного мира как мира сложного и противоречивого, мира, стремящегося к стабильности через постоянные изменения, нередко провоцирующие хаос.

Поэтому для понимания содержания репрезентируемого образа стратегий будущего России следует обратиться к текстам «Новостей», чтобы выделить основные смыслы самих предлагаемых стратегий. При этом важно обратить внимание, что структура новостного телетекста по своему характеру не является произвольной, она — результат

сложившейся в определенных условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности [Дейк, ван 1989: 230].

Теоретической рамкой исследования текстов репортажей с форума выступают основные принципы методологического герменевтического стандарта [Кузнецов 2010] и «метафорического зеркала» [Чудинов 2001], позволяющие синтезировать философские, лингвистические и внелингвистические аспекты осмысления новостного текста. Новостные программы «Первого» представляет собой не что иное, как проекцию порождающей их социальной реальности, анализ которой позволяет «привязывать» содержание текста к лингвокультурному пространству, наполненному метафорами. Метафоричность неизбежна, так как позволяет одновременно удерживать и конструировать универсум репрезентаций, частью которого выступает языковая картина реальности, а язык *за-дает* картину мира [Бергер 1996; Будаев 2008; Чудинов 2001; Эко 1998 и др.]. Вместе с тем анализ «Новостей» с Форума и о Форуме требует учитывать, что они *предъясняют* политический дискурс, который в своей основе сосредоточен исключительно на репрезентации оппозиции «свой — чужой». Образ стратегий будущего России не является исключением — он в новостных материалах используется с учетом данного противопоставления и направлен на его реализацию.

Форум традиционно считается экономическим и, с одной стороны, стремится дать всестороннюю оценку состояния собственно экономической ситуации в глобальном мире и показать перспективы ее развития, с другой — его результаты оказывают влияние на многие сферы современного мира и российского общества, одной из которых является политическая. Все это красноречиво подтверждают репортажи «Новостей» на Первом канале.

Несмотря на то что в мире продолжается информационная и экономическая «войны» против России с использованием стереотипов «о руке Москвы» (курсив автора. — *Е. П.*), в работе форума принимают участие представители деловых кругов и политические деятели разных стран мира, как Запада, так и Востока. По числу участников форум 2017 года бьет рекорды: их около 12 000. Кроме того, ПМЭФ является одной из площадок установления диалога России и Запада [Кочетков [http \(б\)](http://b)].

Все новостные программы о ПМЭФ в той или иной мере предлагают материалы об особенностях развития современного мира и положения России в нем. Наряду с экономи-

ческими реалиями и проектами рассматриваются политические, которые фиксируются и закрепляются строгими рамками политического дискурса — дихотомия «свой — чужой» неизменно в них присутствует [Шейгал 2000 и др.]. «Новости» постоянно напоминают телезрителю о наличии нас и их («свои — чужие») не только в материалах репортажей с Форума, но и всей архитектурой самих новостных программ, посвященным текущим событиям в стране и мире, который, в свою очередь, «разделен» на партнеров и их оппонентов («свои — чужие»). Политический язык позволяет применять метафоры, что находит отражение в «Новостях» и вполне оправданно.

Следуя положению современной когнитивной лингвистики, рассматривающему «метафору не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления» [Чудинов 2001: 11], важно уделить внимание тому, что метафоры «заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001: 37]. В истории нашей страны политическая метафора играла и продолжает играть важную роль при конструировании образа политической реальности. Обратимся к некоторым из них.

Метафора тела — «рука» — одна из распространенных в современном политическом дискурсе и позволяет сформировать круг неких «своих»: они всегда рядом — на расстоянии руки, «чужие» — далеко. Кроме того, в российском политическом языке «рука» исторически наделена еще и силой: «своя рука — владыка». Поэтому использование метафоры «всепроникающая рука Москвы» фиксирует признание силы России мировым сообществом и одновременно «говорит» о стремлении уменьшить ее авторитетные позиции в мире информационными атаками путем конструирования и тиражирования сенсационных новостей о «происках Кремля», постоянно вторгающегося в суверенитет других государств (курсив автора. — Е. П.). Яркое свидетельство тому — постоянные расследования и сенсационные заявления о ходе и результатах избирательной президентской кампании в США, о которых постоянно напоминают не только журналисты и политики, но и представители бизнеса.

Наряду с «рукой» нашли применение в «Новостях» о Форуме и другие «телесные» метафоры (ноги, голова, палец, лицо), позволяющие говорить о современной политической ситуации и понимать ее специфику, характер взаимоотношений крупнейших игроков на политической арене, таких как Рос-

сия и США, с нарастающим и укрепляющимся авторитетом первой.

Так, в своем выступлении В. В. Путин заявил, что США «просто с *ногами* забрались в нашу внутреннюю политику, на *голове* нам сели, *ноги* свесили и *жвачку жуют*. Развлекаются просто. Это систематическое, на протяжении многих лет грубое, абсолютно бесцеремонное, в том числе даже на уровне дипломатических ведомств, вмешательство прямо в нашу внутреннюю политику. ...мы никогда не решим ни одной проблемы, если вы сами эту *кашу заварили*... Недостаточно только все время показывать *пальцем* на Россию»... (курсов автора) [Кочетков [http \(a\)](http://a)].

«У малого и среднего бизнеса в этом году еще и *женское лицо* (курсив автора. — Е. П.). На форуме — женщины-предприниматели со всего мира, в том числе представительницы прекрасной половины арабского мира», потому что у арабских женщин «имеются средства для инвестиций» [Витов 01.06.2017]. Лицо в политическом языке используется обычно для демонстрации подлинной сущности происходящего, и в данном сюжете отчетливо указывается на открытость к сотрудничеству с различными группами бизнеса.

Таким способом репрезентируется еще одна из стратегий будущего России — расширение привычных рамок своего экономического присутствия и активное продвижение в поиске партнеров на Востоке: от ставшего уже стратегическим Китая к третьей экономике мира в лице Индии и арабскому миру.

В политической риторике во время работы Петербургского форума нашли применение метафоры, связанные с удовлетворением важнейших физиологических потребностей человека — питание — в совершенно различных значениях.

Основное применение метафоры, связанной с питанием, означает освобождение от ненужного и уничтожение [Чудинов 2001: 65]. «Кашу заварили» в «Новостях» выступает как характеристика ненужных провокационных, вызывающих осуждающие оценки действий политических оппонентов. Во-первых, бездеятельность как видимость конструктивной деятельности в установлении межгосударственного диалога при решении сложнейших проблем современного мира (например, борьба с терроризмом) и, во-вторых, как стремление навязывать свои — американские — правила во внутренней политике суверенного государства. Выражение «жвачку жуют» красноречиво «говорит» о неуважительном и высокомерном отноше-

нии к своим партнерам и желании доминировать над ними со стороны США. Вместе с тем использование продуктов — каша и жвачка — подчеркивает еще и культурные различия между государствами, которые нуждаются в признании и уважении традиций при выстраивании международных отношений (каша — продукт российский, жвачка — американский), особенно в условиях глобализации. Реалии международной политики не всегда учитывают данный аспект со стороны ее акторов, стремящихся предложить свой взгляд на мир. Россия отказывается принимать такие правила и готова только к диалогу равных — на основе взаимного уважения и доверия. Безусловно, это зрителю говорит о стратегии будущего России как полноправного субъекта международной политики в условиях динамично формирующейся политико-экономической карты мира, что подтверждает основная тема форума — «поиски нового баланса в глобальной экономике». Россия, на этой карте традиционно занимающая особое место, должна привлекать внимание инвесторов своим стремлением к новому и передовому и не пугать их своей приверженностью к традициям и самостоятельностью.

Если Россия в собственно телевизионных образах-сюжетах — радушная и гостеприимная домохозяйка, что невольно «провоцирует» желание некоторых гостей продиктовать ей несколько правил и условий, предлагаемых и закрепляемых политическим дискурсом, то в языковой репрезентации Россия пред-*стает* как страна, которая готова к всестороннему диалогу. Однако для ведения этого диалога есть одно важное, по мнению российских политиков, условие — «государство должно *своими* способами, *своими* инструментами перераспределять ресурсы...», поскольку в мире не столь много стран, обладающих суверенитетом. Россия очень *дорожит* тем, что *суверенитетом* обладает» (курсив автора) [Кочетков [http \(б\)](#)].

Этот суверенитет закрепляется экономическим потенциалом страны, который лаконично, но отчетливо репрезентируется словами Президента о том, что «в ближайшие 2—3 года экономика страны должна выйти на темпы *выше мировых*» (курсив автора. — *Е. П.*). Начинается *новый цикл роста...*» (курсив автора. — *Е. П.*) [Кочетков [http \(а\)](#)].

На развитие собственного экономического потенциала нацелена не только политика страны, но и все социальные структуры. В частности, назревшая и обсуждаемая реформа судебной системы ориентирована на содействие бизнесу [Кочетков [http \(а\)](#)].

Наряду с метафорами тела и пищи используется в репрезентации стратегий будущего Петербургским международным экономическим форумом метафора игры, которая активно применяется современным политическим дискурсом.

Так, в «нулевой день» — 31 мая — прошел ряд мероприятий деловой и культурной программы, в том числе и традиционный товарищеский матч по хоккею, цель которого — не только непосредственно само спортивное состязание, но задача «понять, с кем можно иметь дело. *Бизнес* — это ведь тоже *своего рода игра*» (курсив автора. — *Е. П.*) [Витов 01.06.2017].

В данном тексте «Новостей» игра — одна из стратегий будущего, подразумевающая развитие российского бизнеса как партнера, с которым можно иметь дело. Однако использование метафоры игры в политической риторике традиционно носит негативный окрас. При этом важно обратить внимание, что игра и поведение игроков — это не одно и то же. Поэтому традиционное представление об игре как событии временном и проводимом по правилам, событии становления состояния самой игры, «захватывания играющих, овладения ими» [Гадамер 1988: 152] в конечном итоге выражает недоверие к российскому бизнесу. Это позволяет высказать предположение о некоторой неопределенности и неуверенности самого российского бизнеса.

Представляя еще одно их важнейших и перспективных направлений развития страны, «Новости» Первого канала сделали акцент не столько на необходимости внедрения цифровых технологий во все сферы жизни, сколько на указании Президента о том, что их использование возможно только при *условии соблюдения требований информационной безопасности* (курсив автора. — *Е. П.*) [Кочетков [http \(а\)](#)]. В тексте вполне ясно репрезентирована стратегия будущего России как развитие сильного суверенного государства, способного обеспечить не только собственно свою — государственную — безопасность, но и безопасность каждого отдельного человека.

Таким образом, мы видим, что языковая репрезентация закрепляет образ страны, уверенной в своем развитии. Это находит подкрепление в визуальном ряде «Новостей», по-*став-*ляющем встречи, приемы, рукопожатия и подписание большого числа контрактов. Однако в сложном и противоречиво быстроразвивающемся как нечто целое мире не может быть так, чтобы проблемы отсутствовали только у какой-то одной страны, поскольку часть всегда несет на себе отпечаток целого.

Следовательно, упрощенный и построенный на стереотипах образ государства ведет к его недооценке и непониманию. Поэтому не случайно практически во всех новостных сюжетах с Форума назывались одновременно с успехами и «болевыми» точки роста и развития, что позволяло «Новостям» на Первом канале более объективно отражать формирующуюся реальность.

Таким образом, основные метафорические модели стратегий будущего России в «Новостях» Первого канала социоантропоцентричны — их образы в значительной степени отвечают вызовам настоящего времени и традиционны для русского духа. Исследуя политическую реальность, человек уподобляет ее своему телу и характерным для него физиологическим процессам. Все метафоры современного политического языка соответствуют требованиям времени. В них одновременно сочетаются довольно жесткая рационально-критическая оценка реальности и вера в то, что будущее лучше настоящего.

Вместе с тем новостные сюжеты о работе Петербургского международного экономического форума четко репрезентировали специфику стратегий будущего исходя из основных характеристик современной политической реальности как реальности стремительно развивающейся и требующей к себе пристального внимания.

Следовательно, важно обратить особое внимание, что «Новости» на Первом канале есть не столько актуальная реальность настоящего и ее осознание в социальной ментальности, сколько ее отражение, сконструированное цифровыми технологиями массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. 322 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции : пер. с фр. // Философия эпохи постмодерна. — Минск : Красико-принт, 1996. 108 с.

3. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10. С. 64—70.

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. 248 с.

5. Витов Д., Германова А. В Санкт-Петербурге начинается работу международный экономический форум. URL: <https://www.itv.ru/news/2017-06-01/32629> (дата обращения: 04.06.2017).

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики : пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. 704 с.

7. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ., сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. — М.: Прогресс, 1989. 312 с.

8. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. 2-е изд. — М.: Академический проект, 2009. 390 с.

9. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. — М.: Прогресс, 1983. 302 с.

10. Корниенко А. Ф. Взаимосвязь языка, мышления и сознания // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы 12-й Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.). — М.: Ин-т языкознания РАН ; Ульяновск : Ульянов. гос. ун-т, 2012. С. 40—42.

11. Кочетков Д. (а). Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. URL: <https://www.itv.ru/news/2017-06-02/326375>.

12. Кочетков Д. (б). ПМЭФ остается площадкой для обсуждения острейших политических вопросов. URL: https://www.itv.ru/news/2017-06-02/326394-pmef_ostaetsya_ploschadkoy_dlya_obsuzhdeniya_ostreyshih_politicheskikh_voprosov (дата обращения: 3.06.2017).

13. Кузнецов В. Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 7, Философия. 2010. № 3. С. 51—64.

14. Мельничук А. С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 606—607.

15. Прибрам К. Языки мозга: экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии : пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975. 464 с.

16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000. 386 с.

18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

19. Prilukova E. G. The shadows of the power in a modernity // SGEM 2016. 3 International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts (24—26 Aug., 2016, Albena, Bulgaria). — Sofia : STEF92 Technology Ltd., 51 “Alexander Malinov” Blvd, 2016.

20. Virilio P. Speed and Politics. Essay on dromology. — New York, 1996. 218 p.

E. G. Prilukova
Chelyabinsk, Russia

REPRESENTATION OF STRATEGIES OF RUSSIA'S FUTURE IN THE NEWS BROADCAST ON CHANNEL ONE

ABSTRACT. *The paper analyzes news reports covering St. Petersburg International Economic Forum in 2017 in the News broadcast on Channel One. Channel One News is not a mere representation of reality and its social perception, but it is rather an interpretation of the events via digital technologies of mass media. Theoretical bases of the study of news reports covering the Economic Forum are the principles of methodological and hermeneutic standard and “metaphorical mirror” that allow to produce philosophical, linguistic, and extra linguistic interpretations of a news text. The image of the country as represented in the language is that of a confident state following its route of development. This image is also supported by the visual component in the News, showing meetings, consultations, handshaking and contract signing. However it is hardly believed that a country may experience no difficulties in the rapidly developing world. Simplified and stereotypical image of the country may lead to its underestimation and misunderstanding. That is why almost all the news reports from the Forum mentioned not only positive achievements, but also some “weak” points in the development of the country, which helped the Channel One News represent our reality true to life. The most frequent metaphorical models representing the strategies of Russia’s future are social and anthropocentric. Exploring political reality, a person compares it with a human body and physiological processes. News reports covering St. Petersburg International Economic Forum in 2017 represented the features of the strategies of the future proceeding from the characteristics of contemporary political situation, which is rapidly developing and demanding much attention.*

KEYWORDS: *media reality; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media; political reality; image of Russia; TV; TV channels.*

ABOUT THE AUTHOR: *Prilukova Ekaterina Grigorievna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Philosophy, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. — M. : Medium, 1995. 322 s.
2. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsii : per. s fr. // *Filosofiya epokhi postmoderna*. — Minsk : Krasiko-print, 1996. 108 s.
3. Bodriyyar Zh. Zloy demon obrazov // *Iskusstvo kino*. 1992. № 10. S. 64—70.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2008. 248 s.
5. Vitov D., Germanova A. V Sankt-Peterburge nachinaet rabotu mezhdunarodnyy ekonomicheskyy forum. URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-06-01/32629> (data obrashcheniya: 04.06.2017).
6. Gadamer Kh. -G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki : per. s nem. — M. : Progress, 1988. 704 s.
7. Deyk, van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / per. s angl., sost. V. V. Petrova ; pod red. V. I. Gerasimova. — M. : Progress, 1989. 312 s.
8. Kara-Murza S. G. Vlast' manipulyatsii. 2-e izd. — M. : Akademicheskyy proekt, 2009. 390 s.
9. Kliks F. Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta. — M. : Progress, 1983. 302 s.
10. Kornienko A. F. Vzaimosvyaz' yazyka, myshleniya i soznaniya // *Yazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* : materialy 12-y Mezhdunar. nauch. konf. (Ul'yanovsk, 16—19 maya 2012 g.). — M. : In-t yazykoznaniya RAN ; Ul'yanovsk : Ul'yanov. gos. un-t, 2012. S. 40—42.
11. Kochetkov D. (a). Vladimir Putin prinyal uchastie v plenarnom zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-06-02/326375>.
12. Kochetkov D. (b). PMEF ostaetsya ploschadkoy dlya obsuzhdeniya ostreyshikh politicheskikh voprosov. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-06-02/326394-pmef_ostaetsya_ploschadkoy_dlya_obsuzhdeniya_ostreyshih_politicheskikh_voprosov (data obrashcheniya: 3.06.2017).
13. Kuznetsov V. G. Klassicheskaya i neklassicheskaya germeneytika: preemstvennost' i transformatsii // *Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 7, Filosofiya*. 2010. № 3. S. 51—64.
14. Mel'nichuk A. S. Yazyk i myshlenie // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 606—607.
15. Pribram K. Yazyki mozga: eksperimental'nye paradoksy i printsipy neyropsikhologii : per. s angl. — M. : Progress, 1975. 464 s.
16. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
17. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000. 386 s.
18. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. — SPb. : Petropolis, 1998. 432 s.
19. Prilukova E. G. The shadows of the power in a modernity // SGEM 2016. 3 International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts (24—26 Aug., 2016, Albena, Bulgaria). — Sofia : STEF92 Technology Ltd., 51 "Alexander Malinov" Blvd, 2016.
20. Virilio P. Speed and Politics. Essay on dromology. — New York, 1996. 218 p.

М. А. Самкова
Челябинск, Россия

СТЕПЕНЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ДЕЗИНФОРМИРУЮЩЕГО МЕДИАТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья имеет целью определить степень воздействия дезинформирующего медиатекста на общественное мнение. Воздействие дезинформации зависит от ритмического распределения прагматически значимых лексем в медиатексте, которые отражают общественный настрой, часто негативный. Методология исследования включает прагмалингвистический анализ и расчет вероятности. Прагмалингвистический анализ выявляет соответствие прагматически маркированной лексики содержанию внушения. Создается композиционно-тематическая модель медиатекста, обусловленная оптимальной для восприятия ритмической организацией, созданной повторяющимися прагматически маркированными структурообразующими элементами. Частотность элементов определяет статистический критерий. Вычисленная вероятность появления прагматически значимых слов в комментариях определяет степень воздействия дезинформирующего медиатекста. Результат анализа материала исследования доказывает, что даже средняя степень воздействия статьи, опубликованной в «The Washington Post», соответствует значительному эффекту внушения, который благоприятен для создания и распространения дезинформирующего контекста — в 46 % комментариев к статье дезинформация считается правдивой и становится стимулом для использования негативных угрожающих высказываний. Результаты настоящего исследования применимы в практике оценки валидности новостных сообщений, проверки сфабрикованных новостей и мониторинга дезинформации с целью определения оптимальных методов противодействия ей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дезинформация; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Самкова Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 336; e-mail: _degi_@mail.ru.

1. Введение

Активно развивающиеся процессы глобализации, изменение геополитической обстановки влияют на условия существования России в современном мире, ее роль на мировой арене, равно как и на ее образ в средствах массовой информации. Средства массовой информации становятся главным источником формирования и отражения общественного мнения. В современных условиях стало возможным управление общественным мнением в реальном масштабе времени. Развитие общества и государства дестабилизируется социальными сетями, прессой, телевидением и другими средствами связи, оперирующими ложной информацией.

Перед современным обществом встает острая проблема выявления дезинформации. Данная статья имеет целью определить степень воздействия дезинформирующего медиатекста на общественное мнение. Мы ставим перед собой задачи: выяснить, включает ли дезинформацию материал нашего исследования — статья в газете «The Washington Post»; провести прагмалингвистический и структурный анализ исследуемого медиатекста. Гипотеза: степень воздействия дезинформирующего медиатекста зависит от ритмического распределения в нем прагматически значимых лексем.

Материалом настоящего исследования является статья [Nakashima 2017] в американской ежедневной газете «The Washington Post» («Вашингтон пост»), которая считается надежным источником информации в США. «The Washington Post» имеет большое влияние на формирование новостной пове-

стки и общественного мнения в Соединенных Штатах Америки. Соответственно, освещаемые в данном издании события заведомо важны и популярны.

Опровергающие статью данные находятся на сайте *Fakecheck* («Фейкчек»), разработанном телеканалом *RT* («Ар-ти») [*Fakecheck* [http](http://)]. Центральное разведывательное управление США утверждает, что телеканал *RT* является пророссийским [*Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections* [http](http://)]. Тем не менее информация на сайте является релевантной, так как Э. Накашима ссылается на анонимные источники и на исследование «*Crash-override. Analysis of the Threat to Electric Grid Operations*» («Анализ угрозы деятельности электросетевых организаций» — здесь и далее перевод наш. — М. С.), в котором не упоминается о связи хакеров с Россией. Следовательно, причастность российского правительства к хакерским атакам не доказана, а исследуемый медиатекст статьи носит дезинформирующий характер.

На сайте газеты «The Washington Post» размещен 731 комментарий к статье, в 339 из которых авторы ассоциируют хакерские атаки с Россией. Таким образом, дезинформирующий медиатекст формирует мнение читателей, внушая ложную информацию.

2. Методология исследования

В ходе исследования степени воздействия дезинформирующего медиатекста мы будем апеллировать к таким терминам, как «дезинформация», «текст», «медиатекст», «ритмическая структура». Термин «дезинформация» понимается как «особый вид

лжи, содержанием которой является преднамеренное введение одним из субъектов в заблуждение другого субъекта путем целенаправленного доведения до него заведомо ложной информации» [Красников 2006]. Отличие дезинформации от ложной информации заключается в их интерпретации. Дезинформация — это намеренно искаженные данные, которые соответствуют мировоззрению, опыту, эмоциональным предпочтениям реципиента и в дальнейшем формирует мнение.

В данной статье мы будем анализировать текст статьи как форму представления письменной информации и дезинформации. Вслед за Г. Г. Москальчук, Н. А. Манаковым и С. В. Болтаевой текст мы рассматриваем как самоорганизующуюся систему, обладающую протяженностью во времени, целостностью линейно развертываемых в определенном пространстве единиц и характеризующуюся ритмической упорядоченностью. Психолингвистические и структурные исследования текста доказали, что ритмическая структура текста влияет на восприятие его содержания.

Существенными для восприятия являются единицы текста, которые создают ритмическую структуру, распределяясь в тексте в определенной последовательности. В силу того что медиатекст как информационный продукт массмедиа имеет целью социальное регулирование, структурообразующими единицами выступают прагматически значимые лексемы.

В ходе анализа мы будем руководствоваться прагматическим и статистическим критериями. Прагматический критерий отражает соответствие прагматически маркированной лексики цели и содержанию внушения. Статистический критерий определяется частотностью употреблений прагматически значимых лексем, распределение которых обуславливает такую структуру текста, которая детерминирует наличие единиц в ключевых для восприятия интервалах. Прагматические, статистические и структурные аспекты анализа позволяют определить степе-

пень воздействия дезинформирующего текста. Степень определяется как отношение количества появлений прагматически маркированных единиц к общему объему текста и вероятность их нахождения в комментариях, иными словами вероятность того, что читатели лучше воспримут информацию из ритмически организованного дезинформирующего контекста, и в комментариях дезинформация будет преподноситься как правдивая.

Для определения степени воздействия мы вычислим вероятность появления прагматически маркированных слов в медиатексте и текстах комментариев. За основу мы возьмем классическую формулу определения вероятности:

$$P(A) = \frac{m}{n}, \quad (1)$$

где P — вероятность события A,

m — число благоприятствующих событию A исходов,

n — число всех элементарных равно- возможных исходов.

Анализ степени воздействия дезинформирующего медиатекста будет проходить в несколько этапов.

3. Прагматический анализ дезинформирующего медиатекста.

Вероятность появления единиц в тексте

На первом этапе подсчитаем вероятность появления прагматически маркированных слов исходя из экспериментальных данных. Проанализировав медиатекст, мы выделили 38 прагматически маркированных лексем. Количество их появлений равно 115. В настоящем исследовании данные единицы обладают следующими характеристиками:

- 1) являются полными или вариативными повторами;
- 2) находятся в дезинформирующем контексте;
- 3) характеризуются обобщением и малой информативностью;
- 4) часто имеют негативную коннотацию;
- 5) относятся к определенным тематическим группам, представленным ниже (см. табл.).

Таблица. Тематические группы слов в дезинформирующем контексте статьи «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research»

Тематическая группа 1 «Хакерство»	Тематическая группа 2 «Разрушение»	Тематическая группа 3 «Исследование»	Тематическая группа 4 «государство»	Тематическая группа 5 «Россия»
malware (17) hacker (8) CrashOverride (5) cybersecurity (3) Electrum (3) cyberweapon (2) Sandworm (2) hack (2)	disrupt (7) attack (6) attacker (4) destroy (2) blackout (2) disruption (1) disruptive (1) devastating (1)	researcher (4) research (3) expert (2) report (2) analysis (2) analyze (1)	government (7) official (3)	Russian (9) Russia (1) Russians (1)

Также к прагматически маркированным лексемам мы относим модальные глаголы (7), местоимение *some* (1), наречия *just* (1), *only* (1) и отглагольные прилагательные *allied* (1), *linked* (1), *associated* (1), *attributed* (1). Значение, указанное в скобках, — это количество появлений лексемы в медиатексте.

Исходя из формулы (1), степень воздействия медиатекста рассчитывается как отношение количества появлений прагматически маркированных слов (115) к общему количеству слов в тексте (1062). Расчеты показали, что $P(A) = 0,108$.

Чтобы определить вероятность появления прагматически маркированных слов в комментариях, нам необходимо подсчитать общий объем комментариев (сумму всех слов) и определить среднее значение — отношение количества всех слов к количеству комментариев. Общий объем комментариев — 24 867 слов. Среднее значение: $24867 \div 731 = 34$.

Подсчитаем вероятность появления прагматически маркированных лексем в комментариях, опираясь на формулу (1). Обнаружено 1268 появлений прагматически маркированных единиц в комментариях. Показатель вероятности как результат отношения количества всех появлений прагматически маркированных слов (1268) в текстах комментариев к общему количеству слов (24 867) равен 0,051. Исходя из показателя среднего значения, на каждый комментарий приходится 2 слова из дезинформирующего контекста. Данный показатель рассчитывается по формуле: $34 \times 0,051 = 1,7 \approx 2$.

Сравним фактические показатели, выявленные при анализе комментариев с прагматически маркированными лексемами, заимствованными из дезинформирующего контекста медиатекста, с полученным средним значением. Условимся, что в тех комментариях, в которых данные лексем не обнаружены, количественный показатель равен 0 и степень воздействия дезинформирующего медиатекста низкая; степень воздействия считается средней, если показатель равен 0,051 или приближается к нему; высокой степени соответствует показатель 0,357. Высокой степенью воздействия обладает контекст, в котором обнаружено 7 прагматически маркированных лексем. Таким образом, степень воздействия изучаемого нами медиатекста — средняя: $P(A) = 0,108$. Общий объем комментариев примерно в 23 раза больше объема текста статьи, в комментариях в 11 раз больше появлений прагматически маркированных единиц, чем в медиатексте. Разница между вероятностью появления прагматически маркированной

единицы в медиатексте и в тексте комментария вычисляется так: $0,108 - 0,051 = 0,057$. Следовательно, в среднем в комментариях прагматически маркированных лексем в два раза меньше.

В текстах комментариев расширяются тематические группы, единицы объединяются в макрогруппы «война» и «кибервойна», появляется новая тематическая группа «соперники». В лексических единицах отражен агрессивный настрой читателей по отношению к России и к действующему президенту США:

– Betsy7 6/13/2017 1:44 AM GMT+0500 *Will it matter whether they are **government officials**, contractors, or just patriotic **Russians**? It's time people in the US take notice that **Russians** are waging a new kind of **warfare**. The fact that **Russians** used technology to interfere in the election and now have some ability to **disrupt** the power grid ought to be a major wake-up call. The fact that so many **Republicans** are following the lead of Donald **Trump** and denying the dangers may well be viewed as the fatal appeasement of the 21st Century.* Like 10 / Бэтси7 13 июня 2017 1:44 +0500 по Гринвичу *Имеет ли значение, **официальные ли это власти**, наемные рабочие или просто **русские-патриоты**? Пришло время обратить внимание США на то, что **русские** ведут новую **войну**. То, что русские используют технологии для вмешательства в выборы, имеют возможность **нарушить** работу электроэнергетической системы, должно послужить сигналом к действию. То обстоятельство, что так много **республиканцев** следуют примеру Дональда **Трампа** и отрицают угрозы, видится как губительная политика умиротворения XXI века.* Нравится 10;

– whatthe---- 6/13/2017 4:57 PM GMT+0500 *IF the **Russians** are just **stupid** enough to **attack** the US via a power grid shutdown, we should **destroy** all their oil and gas refinery facilities and dare them to **retaliate**. Cold in Moscow, you bet! / чтоза---- 13 июня 2017 года 16:54 +0500 по Гринвичу *ЕСЛИ **русские** такие **глупые**, что хотят **атаковать** США, отключив электроэнергетическую систему, мы должны **разрушить** все их нефте- и газоперерабатывающие заводы, тогда посмотрим, посмеют ли они на это что-то ответить. В Москве ведь холодно!**

– webcat95 6/13/2017 9:01 PM GMT+0500 *How can the President continue to deny **Russian** intent on the U.S. when you see stories like this. He has to have been told this already if it's in the news now* Like 1 / вебкэт95 13 июня 2017 года 21:01 +0500 по Гринвичу *Как президент может отрицать намерения **Рос-***

сиди в отношении США, когда читаешь такие статьи. Ему должны были доложить, если это уже в новостях. Нравится 1;

– taxpayer2 6/12/2017 9:07 PM GMT+0500 *Nothing new to worry about folks. President Trump has probably already given them the necessary access codes anyway.* Like 6 / налогоплательщик2 12 июня 2017 года 21:07 +0500 по Гринвичу *Ничего нового, волноваться не стоит, друзья. Президент Трамп, наверное, уже отдал им необходимые коды доступа.* Нравится 6.

Экспериментальные данные доказывают, что 46 % (339 из 731) комментариев содержат лексемы, заимствованные из дезинформирующего контекста. Авторы комментариев считают дезинформацию правдивой. Следовательно, даже при условии среднего показателя количества прагматически маркированных лексем, создающих дезинформирующий контекст, степень воздействия медиатекста достаточно высока.

4. Структурный анализ дезинформирующего медиатекста.

Лингвистическая характеристика единиц

Структурный анализ позволяет определить способ распределения прагматически значимых лексических единиц и выявить особенность ритмической структуры, которая создает эффект внушения. Мы локализуем повторы прагматически маркированных единиц как основных структурных элементов текста. Морфологическая характеристика повторов указывает на то, что это текстоповествование: преобладают имена существительные (нарицательные и собственные) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени. Имена существительные и прилагательные могут быть объединены в тематические группы: «cyberweapon» (кибероружие), «cybersecurity» (кибербезопасность), «malware» (вредоносная программа), «hackers» (хакеры), «researchers» (исследователи), «government» (правительство), «Russian» (российский), «U.S.» (Соединенные Штаты). Автором многократно упоминаются названия вредоносных программ и имена экспертов — текст изобилует именами собственными.

Анализ структуры текста приводит к выводу, что первая часть статьи, в которой содержится ложная информация о связи хакеров с российским правительством, структурирована оптимальным для восприятия способом. Повторы размещены в статье в среднем через 70 слов. Они создают устойчивую связь элементов текста. Рассмотрим некоторые повторяющиеся элементы:

– **Hackers allied with the Russian government have devised a cyberweapon that has**

the potential to be the most disruptive / Хакеры, связанные с российским правительством, разработали кибероружие, которое обладает большим разрушительным потенциалом;

– *ambitious effort by the Russian government last year to disrupt the U.S. presidential election / смелая попытка российского правительства вмешаться в выборы США в прошлом году;*

– **Russian hackers suspected in attack / Российские хакеры подозреваются в атаке;**

– **That attack <...> was carried out by Russian government hackers / Атака была совершена хакерами российского правительства;**

– **Russian hackers used 'zero-day' to hack NATO / Российские хакеры использовали вредоносную программу для атаки на НАТО;**

– **The same Russian group that targeted U.S. [industrial control] systems / Та же российская группа, которая покушалась на американские системы управления производственными процессами;**

– **a cyberweapon that can disrupt power grids / кибероружие, которое может нарушить работу электроэнергетической системы;**

– *the second instance of malware specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems / вторая вредоносная программа, специально созданная для разрушения систем управления производственными процессами;*

– **CrashOverride, is known to have disrupted only one energy system / программа CrashOverride, нарушившая работу только одной энергетической системы.**

Большинство повторов находится в анафорической позиции. В исследуемом медиатексте анафора выполняет две функции: выделение лексем, важных в смысловом отношении, и внушение.

В медиатексте обнаружены полные лексико-грамматические повторы, возникающие в глагольных словосочетаниях (tailored to disrupt or destroy industrial control systems), и вариативные лексико-семантические повторы (cyberweapon, cybersecurity, cyberattack), а также контекстуальные синонимы (Russian group = Russian hackers). На взаимосвязанном повторении указанных единиц основана прагматическая сила первой части текста. Она определяется ритмической организацией, формальным признаком которой выступает повтор прагматически сильных слов, способных вызвать у реципиента эмоциональный отклик (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев). Лексические единицы «cyberweapon» (кибернетическое оружие, хакерское про-

граммное средство) и «malware» (хакерская программа, программа для взлома, вредоносное программное средство) вызывают большой эмоциональный резонанс среди читателей в США — целевой аудитории газеты «The Washington Post», потому что безопасность — первостепенный приоритет в данной стране.

Лексемы «cyberweapon» и «malware» фигурируют в средствах массовой информации для описания вредоносной программы, используемой одной страной против другой страны с политической, военной или разведывательной целью [Macmillan Dictionary [http](http://)]. Единица «malware» — это родовое понятие для ряда таких терминов, как «вирус», «червь», «троян», «руткит» и другие. В контексте анализируемого медиатекста встречается в синтаксически параллельных предложениях, в которые входят многочисленные повторы:

– *The malware, dubbed CrashOverride, is just the second instance of malware specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems, according to new research* / **Вредоносная программа, получившая название CrashOverride, — это только второй случай создания такого рода программы, предназначенной специально для того, чтобы подорвать и нарушить деятельность промышленных систем управления, как утверждается в новом исследовании;**

– *CrashOverride is only the second instance of malware specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems* / *CrashOverride — это только второй случай создания такого рода программы, предназначенной специально для того, чтобы подорвать и нарушить деятельность промышленных систем управления.*

Используемые в примерах наречия-синонимы «just» и «only» в сочетании со словосочетанием «the second instance» реализуют прагматическую установку автора, подразумевающего, что злоумышленники будут создавать другие вредоносные программы, нарушающие работу промышленных систем.

В средствах массовой информации и других открытых источниках заметно увеличивается частотность негативно-оценочных лексем группы «кибербезопасность» в контексте с лексемами группы «Россия». Прагматическим потенциалом обладает высказывание «a wide-ranging, ambitious effort by the Russian government last year to disrupt the U.S. presidential election and influence its outcome» («крупномасштабная амбициозная попытка российского правительства подорвать выборы президента США в прошлом году и повлиять на их результаты»). Амери-

канские СМИ причисляют кибератаки, совершенные во время президентских выборов в США в 2016 г., к действиям российского правительства. Прагматически значимо упоминание недавних событий, связанных с выборами в США, в медиатексте, описывающем вредоносную программу *CrashOverride*. У читателей выстраивается ассоциативный ряд, в который входят понятия «российское правительство», «хакер», «атака» и «вредоносная программа». Приведем некоторые из комментариев в качестве примера:

– MD Fried 6/12/2017 10:54 PM GMT+0500 <...> *Everyone else knows, Putin, Russia and Russian Hackers have been conducting cyber attacks on the USA for over a year now. Have you made a lot of money Hacking for Putin?* / Эм-Ди Фрайд 12 июня 2017 года 22:54 +0500 по Гринвичу <...> *Все знают, что Путин, Россия и российские хакеры уже как год проводят кибератаки на США. Ты много заработал, работая на Путина?;*

– John from Cincinnati 6/12/2017 9:48 PM GMT+0500 [Edited] <...> *If Russia continues behaving like a criminal hacker state, then its access to the internet should be cut off* <...> / Джон из Цинциннати 12 июня 2017 года 21:48 +0500 по Гринвичу [Отредактировано] <...> *Если Россия продолжит вести себя как криминальное государство, занимающееся хакерской деятельностью, тогда доступ России к Интернету нужно закрыть.* Метафорическое сравнение России с криминальным государством — это фрейм, созданный СМИ с целью воссоздать образ России как врага.

5. Выводы

Исходя из результатов анализа медиатекста и комментариев, тематически связанные единицы группы «кибероружие» становятся контекстуальными синонимами со словосочетанием «план/попытка российского правительства», сближаясь в условиях контекста данной газетной статьи. Повторы прагматически сильных лексических единиц в сочетании с ритмической неоднородностью создают фон, на котором впечатление от текста усиливается, что позволяет распределить акценты в развитии темы выгодным автору статьи образом. В исследуемом медиатексте ритм создается в виде анафоры, повторной репрезентации с помощью синонимов, а также тематически близкой лексики на уровне ассоциаций.

В середине статьи осуществляется переход от одного ритмического тона к другому, что внешне выражается в несимметричных по ритмомелодике высказываниях. Описываются вредоносные программы, приводятся мнения специалистов в виде цитат.

Прямое цитирование нарушает однородность стиля.

В описании вредоносной программы используются метафора и эпитет: «the malware is like a Swiss Army knife» (вредоносная программа как складной нож со многими лезвиями), «a “wiper” component» (очистительный компонент), «a “time bomb” functionality» (функционал бомбы замедленного действия), «a doomsday scenario» (сценарий конца света). Средства выражения создают дополнительную асимметрию и требуют больших затрат для восприятия текста. Смена ритмического тона во второй части медиатекста обладает эффектом воздействия и снижает уровень восприятия информационно насыщенного участка медиатекста.

Анализ статьи из газеты «The Washington Post» показал, что дезинформирующий медиатекст представляет собой сочетание информационно насыщенных правдивых блоков с прагматически значимыми повторяющимися единицами, которые выступают структурообразующими элементами, с помощью которых автор создает дезинформирующий контекст. Степень воздействия дезинформирующего медиатекста зависит от ритмического распределения структурообразующих элементов.

Прагматический, статистический и структурный критерии легли в основу вычисления вероятности появления прагматически маркированных слов в текстах комментариев как показатель степени воздействия, в частности внушения. Дезинформация имеет свойство самовоспроизводиться и многократно повторяться, проникая в информационное поле и оказывая влияние на общественное сознание. К способам передачи дезинформации относится анафора как способ «эксплуатации синтаксиса». Прагматически маркированные лексемы в анафорической позиции способствуют процессу симметризации и лучшему восприятию текста читателями. Дезинформирующий медиатекст соответствует желаниям общества и содействует распространению паники среди населения.

M. A. Samkova
Chelyabinsk, Russia

THE EXTENT OF A DESINFORMING MEDIA TEXT IMPACT

ABSTRACT. *The article aims at determining the extent of a desinforming media text effect on public opinion. The impact depends on the rhythmical distribution of pragmatically relevant lexemes in a media text, which reflect public views, most likely, a negative one. The research methodology includes pragmatolinguistic analysis and probability calculation. The pragmatolinguistic analysis determines the correspondence of pragmatically relevant lexemes and a desinforming media text impact. A thematic compositional model of a media text is determined by the optimal for perception rhythmical text structure that is optimal for perception. The rhythm is created by frequently repeated pragmatically relevant lexemes. The frequency of these elements is a statistical criterion that is used to calculate the probability of pragmatically relevant lexemes occurrence in comments to a media text. The occurrence probability defines the extent of a desinforming media text impact. The research outcomes show that the moderate extent of a media text published in the Washington Post reflects the considerable suggestion effect, which promotes disinformation circulation. In 46 % of comments, the disinformation is assumed to be true. It promotes negative threatening utterances. The research findings can be applied to news validity estimate, fake news check, and disinformation monitoring in order to work out the countermeasure techniques.*

KEYWORDS: *fake news; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media; lexeme.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бойчук Е. И. Восприятие ритма прозаического текста // Актуальные вопросы филологических наук : материалы Международ. науч. конф. (Чита, нояб. 2011 г.). — Чита, 2011.
3. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
4. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
5. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М. : Педагогика, 1991.
7. Красников М. А. Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения : дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
8. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи : лингвистический и семиотический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Р/Д, 2010.
9. Леонтьев А. А. Ключевые идеи Л. С. Выготского — вклад в мировую психологию XX столетия // Психологический журнал. 2001. № 4.
10. Манаков Н. А., Москальчук Г. Г. К основам текстосимметрии // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : материалы второй школы-семинара. — Барнаул, 2001.
11. Попчук О. М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
12. Самкова М. А. Лингвосинергетическая трактовка учебно-педагогического дискурса (на материале англоязычных учебных текстов-полилогов) : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2014.
13. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections // Intelligence Community Assessment. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf (date of access: 17.07.17).
14. Cyber weapon. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/cyber-weapon> (date of access: 10.08.17).
15. Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (date of access: 17.07.17).
16. Nakashima E. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (date of access: 9.07.2017).
17. Swain D. CBC News. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/washington-post-media-critic-investgators-1.4113710> (date of access: 17.07.17).
18. Word and phrase. Info. URL: <http://www.wordandphrase.info/frequencyList.asp> (date of access: 10.08.17).

ABOUT THE AUTHOR: *Samkova Maria Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001.
2. Boychuk E. I. Vospriyatie ritma prozaicheskogo teksta // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Chita, noyab. 2011 g.). — Chita, 2011.
3. Bolindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987.
4. Boltaeva S. V. Ritmicheskaya organizatsiya suggestivnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003.
5. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987.
6. Vygotskiy L. S. Pedagogicheskaya psikhologiya. — M. : Pedagogika, 1991.
7. Krasnikov M. A. Regulyativnaya funktsiya dezinformatsii v protsesse mezhluchnostnogo obshcheniya : dis. ... kand. psikhol. nauk. — M., 2006.
8. Lenets A. V. Kommunikativnyy fenomen lzhi : lingvisticheskiy i semioticheskiy aspekty : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — R n/D, 2010.
9. Leont'ev A. A. Klyucheveye idei L. S. Vygotskogo — vklad v mirovuyu psikhologiyu XX stoletiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2001. № 4.
10. Manakov N. A., Moskal'chuk G. G. K osnovam tekstosimmetriki // Lingvosinergetika: problemy i perspektivy : materialy vtoroy shkoly-seminara. — Barnaul, 2001.
11. Popchuk O. M. Lingvisticheskie i paralingvisticheskie sredstva realizatsii lozhnogo vyskazyvaniya v akte kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006.
12. Samkova M. A. Lingvosinergeticheskaya traktovka uchebno-pedagogicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnykh uchebnykh tekstov-polilogov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2014.
13. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections // Intelligence Community Assessment. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf (date of access: 17.07.17).
14. Cyber weapon. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/cyber-weapon> (date of access: 10.08.17).
15. Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (date of access: 17.07.17).
16. Nakashima E. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (date of access: 9.07.2017).
17. Swain D. CBC News. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/washington-post-media-critic-investgators-1.4113710> (date of access: 17.07.17).
18. Word and phrase. Info. URL: <http://www.wordandphrase.info/frequencyList.asp> (date of access: 10.08.17).

Р. В. Саттарова
Стерлитамак, Россия

ИПОСТАСИ «ДРУГИХ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Цель статьи заключается в установлении специфики проявления оппозиции «свой/чужой» в дискурсе политического лидера, представленном выступлениями бывшего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона. В фокус исследования вынесен фактор внешнего целевого адресата, условно называемого «другими». Анализ материала направлен на установление диаметрально противоположных проявлений «других»: с одной стороны, могущих стать «своими» и, с другой стороны, относимых к лагерю «чужих» и воспринимаемых в образе врагов. В статье использован компонентный анализ, контекстуальный и дискурсивный методы. Проведенное исследование позволило выявить различия в реализации стратегий речевого воздействия, ориентированных на указанные ипостаси «других». Они могут преследовать цель включения адресата в круг «своих» с помощью знаковых интеграторов и номинаций объединения, включая соответствующие метафорические образы. В случае идентификации «других» как «чужих» применяемые стратегии направлены на конфронтацию и реализуются в средствах дистанцирования. Контрастно сталкиваются обе стратегии в ситуации объединения «своих» перед общим противником. Выявлены языковые средства объединения «своих» перед общим противником: номинации объединения и предикативные конструкции; дескриптивно-оценочные единицы и эмотивная лексика; лексика интегративной семантики. Вторую модель, подразумевающую, что, не раз перейдя в лагерь «своих», «другой» становится «чужим», реализуют следующие языковые средства: условные предложения; смена «мы-дискурса» на «я-дискурс» как средство дистанцирования; дескриптивно-оценочная лексика с отрицательной коннотацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: свой — чужой; политический дискурс; политическая коммуникация; политические деятели; языковые номинации; политическая речь; политическая риторика; языковая личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Саттарова Рахана Винеровна, ассистент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета; 453103, Россия, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49; e-mail: raxana.sattarova@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Политическая коммуникация представляет собой общение между участниками политической деятельности. При этом учитывается деятельность как отправителя сообщения, так и адресата [Чудинов 2006: 31—35]. Одну из ключевых ролей в политической коммуникации играет достаточно широко освещенная в литературе оппозиция «свой/чужой», реализующая дискурсивные функции интеграции и агональности и обладающая сильным воздействующим потенциалом. Отметим диссертации А. А. Матвеевой, П. Канчани, А. М. Нехорошевой, Т. В. Алиевой, Е. А. Слободенюк, рассматривающих данную оппозицию с разных сторон: как концепт, категорию или семантическую оппозицию. Мы придерживаемся точки зрения А. А. Матвеевой о категориальном статусе данной оппозиции и ее трактовки в качестве универсальной категории, базирующейся на самоотождествлении личности с определенной общностью — «своими» и отграничении себя от некоего континуума — «чужих» [Матвеева 2011: 8]. Исследователь отмечает, что неотъемлемым качеством категории «свой/чужой» является оценочность [Матвеева 2011: 4], в связи с чем анализ иллюстративного материала произведен с учетом аксиологической модальности.

Придерживаясь точки зрения о категориальном статусе оппозиции «свой/чужой», мы рассматриваем данную дихотомию в рамках дискурсивной категории адресованности, что говорит о подчиненном характере оппозиции

по отношению к адресованности и позволяет назвать ее подкатегорией. Адресованность является категорией дискурса, способствующей материализации представления о целевом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности. Другими словами, категория адресованности отвечает за категоризацию образа адресата [Поздеева 2011].

Исследование фактического материала, а также работы Т. В. Алиевой, М. Л. Дубосарской и Е. В. Кишиной говорят о том, что традиционная дихотомия свой/чужой может быть дополнена третьим членом оппозиции — «другой», что наиболее отчетливо проявляется в интердискурсивном пространстве. Объединенное одной тематикой пространство интердискурса включает в себя личностные смысловые доминанты адресантов сообщения, а также доминанты этнокультурных смыслов. Взаимодействие языковых средств в дискурсивном и интердискурсивном пространствах создает многократное смысловое усиление [Чанышева, Гайнаншин 2014: 101].

В качестве материала исследования выбраны два выступления бывшего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, посвященные членству в Евросоюзе, от 23 января 2013 г. и 9 мая 2016 г. Первая речь произнесена Д. Кэмероном в середине первого срока в качестве главы кабинета министров и обозначила позицию премьера по вопросу членства в ЕС. Второе выступление

было последним полномасштабным обращением Д. Кэмерона к британцам в преддверии Референдума. Объем проанализированного материала составил свыше 12 000 слов.

В условиях современной политической ситуации даже близких союзников точнее

было бы отнести к группе «других». «Другой» отличается от «своих», но при этом не несет угрозу существованию, в отличие от «чужих» [Дубоссарская 2008: 170]. Анализ иллюстративного материала позволяет выделить две главные модели реализации подкатегории «свой/чужой» (см. рис.).

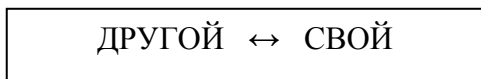

Рис. Модели реализации подкатегории «свой/чужой»

В соответствии с первой моделью, представители «своих» могут переходить в лагерь «других», и наоборот. При этом последняя реализация данной модели включает в себя два подвида: обозначение круга «своих» и объединение «своих» перед общим противником. Формирование образа «своих» осуществляется с помощью трех основных средств.

1. Обладающие культурологической компонентой культурологически маркированные единицы. Под культурологической компонентой понимается совмещенная с языковым значением и локализованная в единицах языковой системы культурно-ценностная информация [Иванова 2003: 25; Иванова, Чанышева 2010: 51]. Общеευропейские культурологически маркированные единицы в проанализированных выступлениях можно разделить на две главные категории: персоналии (*Churchill, Chancellor Merkel, the Home Secretary (Theresa May)*) и войны, битвы и ассоциируемые с ними топонимы и даты (*Blenheim, Trafalgar, Waterloo, the Great War, the Battle of Britain, the Spanish Succession, 1588, 1704, 1815, 1914, 1940, 1989*): *What happens in our neighbourhood matters to Britain. That was true in 1914, in 1940 and in 1989. Or, you could add 1588, 1704 and 1815. And it is just as true in 2016* [PM speech on the UK's strength and security in the EU].

2. Дескриптивно-оценочные единицы, выраженные предикативами и определениями, а также эмотивная лексика, обозначающая наименования предметов и действий, оценочная сема которых является частью коннотативного компонента [Кобызева 2011: 100]. Воздействие данных единиц усиливается с помощью метафор и других средств выразительности: *Over the years, Britain has made her own, unique contribution to Europe. We have provided a haven to those fleeing tyranny and persecution. And in Europe's darkest hour, we helped keep the flame of liberty alight* [EU speech at Bloomberg].

3. Общеевропейские топосы. Д. Кэмерон апеллирует к исторически сложившимся в европейских странах топосам *freedom* и

peace: What Churchill described as the twin marauders of war and tyranny have been almost entirely banished from our continent. Today, hundreds of millions dwell in freedom (...). And while we must never take this for granted, the first purpose of the European Union — to secure peace — has been achieved and we should pay tribute to all those in the EU, alongside NATO, who made that happen [EU speech at Bloomberg]. В приведенном примере премьер-министр умело ссылается на общее нестабильное прошлое, включая в дискурс инклюзивное притяжательное местоимение *our* и контрастную эмотивную лексику *war, tyranny* и *freedom, peace*. Сменяя идею об общем историческом прошлом, адресант представляет аудитории новые общеевропейские, с его точки зрения, топосы — *prosperity, competitiveness, flexibility, openness, security*, — представленные в дискурсе как данными существительными, так и семантически близкими к ним словами, а также соответствующими прилагательными.

По словам М. Л. Дубоссарской, противопоставление группы «своих» «чужим» способствует сравнению своих внутригрупповых различий и противоречий с различиями и противоречиями своей группы с чужими, что приводит к сплочению «своих» перед общим противником [Дубоссарская 2008: 168]: *It's barely been 20 years since war in the Balkans and genocide on our continent in Srebrenica. In the last few years, we have seen tanks rolling into Georgia and Ukraine (...). Britain has a fundamental national interest in maintaining common purpose in Europe to avoid future conflict between European countries* [PM speech on the UK's strength and security in the EU]. Пространство интердискурса позволяет заключить, что использование топонимов *Georgia* и *Ukraine* имплицитно указывает на общего для европейских стран врага — Россию и способствует объединению «своих» для осуществления общей цели.

Исследование фактического материала позволяет отнести к лагерю «своих» для Великобритании наряду с Европой также и

США, а к общим противникам добавить Иран: *When Russia invaded Crimea and Eastern Ukraine, there was a real risk of a feeble European response, and of a split between the United States and Europe. I convened a special meeting of the key European countries in Brussels, agreed a package of sanctions, and then drove that package through the full meeting of EU leaders — the European Council — later that same evening. I could not have done that outside the EU. An example of Britain injecting steel into Europe's actions; delivering sanctions which have been far more effective because 28 countries are implementing them, not just the UK. And at the same time, we maintained that crucial unity between Europe and the US in the face of Russian aggression. On Iran, again, it was Britain that pushed hardest for the implementation of an EU oil embargo against that country. And it was the embargo which helped bring Iran to the negotiating table, and ultimately led to the UN sanctions that led to Iran abandoning its ambition to build a nuclear weapon. Who led those negotiations? It was the EU, with Britain playing a central role* [PM speech on the UK's strength and security in the EU].

Данные примеры выявляют следующие языковые средства объединения «своих» перед общим противником.

1. Номинации объединения (коннекторные пары в терминологии Т. Н. Астафуровой и А. В. Олянич [Астафурова, Олянич 2008]) и предикативные конструкции: *the United States and Europe; the EU, with Britain playing a central role*.

2. Дескриптивно-оценочные единицы и эмотивная лексика: *feeble, invaded, a split, aggression*.

3. Лексика интегративной семантики: *our, common, unity*.

Переход от отношения к европейским странам как «своим» к нейтральной позиции «других» можно увидеть на следующих примерах: *And I say to our European partners, frustrated as some of them no doubt are by Britain's attitude: work with us on this; and just as I believe that Britain should want to remain in the EU so the EU should want us to stay. For an EU without Britain, without one of Europe's strongest powers, a country which in many ways invented the single market, and which brings real heft to Europe's influence on the world stage which plays by the rules and which is a force for liberal economic reform would be a very different kind of European Union; and it is hard to argue that the EU would not be greatly diminished by Britain's departure* [EU speech at Bloomberg].

Идентификация некогда «своих» в качестве «других» осуществляется с помощью

эксклюзивного местоимения *us* и номинации *partner*, заменившей номинации *friend* и *ally*. Воздействующий эффект аргументации увеличивается за счет апелляции к национальному концепту *fair play* («a country (...) which plays by the rules») и стилистических приемов саспенса («without one of Europe's strongest powers, a country which in many ways invented the single market, and which brings real heft to Europe's influence on the world stage which plays by the rules and which is a force for liberal economic reform»), литоты («not diminished») и концептуальной метафоры *life is a journey* («Britain's departure»).

Вторая модель реализации трехчастной оппозиции «свой/другой/чужой» подразумевает то, что, не раз перейдя в лагерь «своих», «другой» становится «чужим». Иллюстративный материал позволяет выделить следующие языковые средства реализации данной модели.

1. Условные предложения: *If we don't address these challenges, the danger is that Europe will fail and the British people will drift towards the exit* [EU speech at Bloomberg]. Условное предложение, относящееся к одному из языковых средств, способных создавать тон конфронтации, в данном примере носит характер предупреждения. Причиной перехода в лагерь «чужих» является не военный, а идеологический конфликт: ситуация, сложившаяся в Евросоюзе, стала причиной организации Референдума, в результате которого Великобритания на момент произнесения речи могла выйти из состава ЕС и оказаться вне этой структуры. Выход из Евросоюза означает для Великобритании усложнение процессов взаимодействия с европейскими странами, о чем свидетельствуют слова Д. Кэмерона: *But it is clear that leaving the EU will make cooperation more legally complex — and make our access to vital information much slower and more difficult* [PM speech on the UK's strength and security in the EU].

2. Смена «мы-дискурса» на «я-дискурс» как средство дистанцирования: *That is why I am here today: to acknowledge the nature of the challenges we face. To set out how I believe the European Union should respond to them. And to explain what I want to achieve for Britain and its place within the European Union* [EU speech at Bloomberg].

3. Дескриптивно-оценочная лексика с отрицательной коннотацией: *And so we urgently need to address the sclerotic, ineffective decision making that is holding us back. That means creating a leaner, less bureaucratic Union, relentlessly focused on helping its member countries to compete* [EU speech at Bloomberg]. Воздействующий эффект данного от-

рывка усиливается с помощью риторических вопросов, параллелизма и анафорических повторов: *In a global race, can we really justify the huge number of expensive peripheral European institutions? Can we justify a Commission that gets ever larger? Can we carry on with an organisation that has a multi-billion pound budget but not enough focus on controlling spending and shutting down programmes that haven't worked?* [EU speech at Bloomberg].

Таким образом, интердискурсивное пространство современной политической коммуникации характеризуется двумя главными моделями реализации трехчастной оппозиции «свой/другой/чужой». Модель «другой ↔ свой» находит выражение в апелляции к общеевропейским и национальным топосам, культурологически маркированным, а также дескриптивно-оценочным единицам, эмотивной лексике, номинациям объединения и лексике интегративной семантики. Модель «свой ← другой → чужой» реализуется с помощью следующих средств: условные предложения, «я-дискурс», дескриптивно-оценочная лексика с отрицательной коннотацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст : моногр. — Волгоград : Нива, 2008. 244 с.

R. V. Sattarova
Sterlitamak, Russia

INCARNATIONS OF “THE OTHERS” IN POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The goal of this research is to describe the specific features of the opposition “we/the others” in the discourse of the British Prime Minister D. Cameron. The focus of attention of this research is the factor of the external addressee, who is referred to as “the other”. The analysis aims to reveal the opposite polar of “the other” — on the one hand, they can join “us”, and, on the other hand, they belong to “the others” and are considered to be enemies. The paper employs component analysis, contextual and discursive methods of research. The study allowed to identify the differences in the strategy of speech manipulation focused on the abovementioned incarnations of “the others”. They may try to include an addressee in the list of “us” with the help of integrating signs and nominations of unity, including the suitable metaphorical images. In case of identification of “the others” as enemies this strategy presents confrontation and employs the means to set distance. Both types of the strategy collide in the situation of unification of “us” when opposed to some other enemy. The language means of unification of “us” in front of the enemy are singled out: nominations of unity and predicative constructions; descriptive and evaluative units and emotive vocabulary; words of integrative semantics. The other model that implies that having joined “us” several times, “the other” becomes an enemy is made with the help of the following language means: conditional mood; the change of “we-discourse” into “I-discourse” as a means of distancing; descriptive and evaluative vocabulary with negative connotation.*

KEYWORDS: “we — the others”; political discourse; political communication; political leaders; language units; political speeches; political rhetoric; linguistic persona.

ABOUT THE AUTHOR: Sattarova Raksana Vinerovna, Assistant Lecturer, Department of Germanic Languages, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.

REFERENCES

1. Astafurova T. N., Olyanich A. V. Lingvosemiotika vlasti: znak, slovo, tekst : monogr. — Volgograd : Niva, 2008. 244 s.

2. Dubossarskaya M. L. Cvoy-chuzhoy-drugoy: k postanovke problemy // Vestn. Stavropol. gos. un-ta. — Stavropol', 2008. № 1. S. 167—174.

3. Ivanova S. V. Lingvokulturologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinit: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2003. 41 s.

4. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Lingvokulturologiya: problemy, poiski, resheniya : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2010. 366 s.

5. Kobyzeva S. V. Aksiologicheskaya modal'nost' i spetsifika ee realizatsii v reklamnom tekste // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. 2011. № 20. S. 99—104.

6. Matveeva A. A. Otsenchnaya parametrizatsiya lingvokulturologicheskoy kategorii «svoy — chuzhoy» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2011. 23 s.

2. Dubossarskaya M. L. Svoiy-chuzhoy-drugoy: k postanovke problemy // Vestn. Stavropol. gos. un-ta. — Stavropol', 2008. № 1. S. 167—174.

3. Ivanova S. V. Lingvokulturologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinit : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2003. 41 s.

4. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Lingvokulturologiya: problemy, poiski, resheniya : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2010. 366 s.

5. Kobyzeva S. V. Aksiologicheskaya modal'nost' i spetsifika ee realizatsii v reklamnom tekste // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. 2011. № 20. S. 99—104.

6. Matveeva A. A. Otsenchnaya parametrizatsiya lingvokulturologicheskoy kategorii «svoy — chuzhoy» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2011. 23 s.

7. Pozdeeva T. V. Otnosheniya adresant — adresat v politicheskom gazetnom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2011. 164 s.

8. Chanysheva Z. Z., Gaynanshin M. F. Sinergeticheskii effekt ekonomicheskoy metafory v interdiskursivnom prostranstve // Vestn. Baltiysk. feder. un-ta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. — Kalinigrad, 2014. № 2. S. 98—106.

9. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

10. EU speech at Bloomberg. 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (date of access: 25.08.2017).

11. PM speech on the UK's strength and security in the EU: 9 May 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016> (date of access: 25.08.2017).

7. Pozdeeva T. V. Otnosheniya adresant — adresat v politicheskom gazetnom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2011. 164 s.

8. Chanysheva Z. Z., Gaynanshin M. F. Sinergeticheskii effekt ekonomicheskoy metafory v interdiskursivnom prostranstve // Vestn. Baltiysk. feder. un-ta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. — Kalinigrad, 2014. № 2. S. 98—106.

9. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

10. EU speech at Bloomberg. 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (date of access: 25.08.2017).

11. PM speech on the UK's strength and security in the EU: 9 May 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016> (date of access: 25.08.2017).

Р. А. Сафина, Я. Р. Чернова
Казань, Россия

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АВСТРИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируются лингвостилистические и прагматические особенности речей кандидатов предвыборной президентской кампании 2016 г. в Австрии. Основная задача исследования заключается в выявлении технологий коммуникативного влияния политического дискурса на массовое сознание. Наиболее показательным уровнем изучения политического дискурса является анализ политических тактик и стратегий, позволяющих политикам манипулировать словом в личных целях. Как свидетельствуют результаты анализа, выбор этих приемов во многом зависит от исходной репутации кандидата и от занимаемой им позиции в политической системе страны: независимый кандидат Александр Ван дер Беллен для формирования в обществе положительного восприятия своей политической позиции чаще всего прибегает к стратегии самопрезентации, в то время как кандидат от ультраправой Австрийской партии свободы вынужден нивелировать сложившееся в социуме негативное отношение к своей партии и использовать преимущественно тактику защиты. В предвыборной борьбе оба политика широко используют стратегию дискредитации, которая представлена тактикой конфронтации и критики оппонента. Необходимо также отметить, что различия в выборе стилистических средств выразительности в речах кандидатов на пост президента обнаруживаются как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самопрезентация политиков; эмоционально-оценочная лексика; экспрессивный синтаксис; политическая риторика; политические деятели; языковая личность; политические речи; манипулятивное воздействие; массовое сознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Сафина Римма Абельхаеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет; 420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2; e-mail: rsafina@mail.ru.

Чернова Яна Романовна, студентка, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет; 420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2; e-mail: awesomeyanka@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

На современном этапе развития общества политическая коммуникация является объектом пристального изучения лингвистов, что связано с возросшим интересом социума к языку как идеологическому средству воздействия на массовое сознание [Чудинов 2012; Шапочкин 2005; Водак 2004; Паршин 2002; Метелица 2003; Наумова 2000]. Предметом исследования политической лингвистики становится анализ новостных текстов СМИ, устной и письменной речи общественных и политических деятелей, предвыборных дебатов, особенностей парламентского и дипломатического дискурса с целью выявления особых языковых средств, речевых стратегий и тактик, которые направлены на формирование общественного мнения [Катермина 2015; Гималетдинова, Халитова 2013; Сафина 2014, Слободенюк 2015; Баранов 2003 и др.].

Основной целью настоящего исследования является сопоставительное изучение речевых тактик и стратегий, применяемых австрийскими политиками в ходе предвыборной кампании 2016 г., выявление технологий коммуникативного влияния политического дискурса на массовое сознание. Исследование проводилось на материале предвыборных речей и текстов интервью ведущих кандидатов на пост президента Австрии Александра Ван дер Беллена и Норберта Хофера, опубликованных в официальных интернет-изданиях австрийских СМИ.

Первый кандидат на пост президента Австрии Александр Ван дер Беллен является известным экономистом и политическим деятелем, который получил в обществе статус политика-интеллекта с характерными левоцентристскими взглядами и «зеленым» прошлым. Такая смесь политических взглядов заставляет кандидата достаточно часто использовать стратегию самопрезентации с целью представления публике своей политической концепции, при этом политик делает ставку прежде всего на убеждение электората в правильности выбора его кандидатуры:

Ich glaube, es gibt genügend in der ÖVP, die der Überzeugung sind, dass ich die bessere Wahl bin. Bei ehemaligen ÖVPlern genieße ich zudem große Unterstützung, auch bei vielen Bürgermeister.

Ich möchte, dass nach sechs Jahren die Leute an den Bildern des Bundespräsidenten vorbeigehen und sagen: Ja, das ist unser Bundespräsident.

Наиболее интересной и многоплановой с точки зрения языковой реализации в речах данного политика является стратегия дискредитации: тактика конфронтации и критики, исходящей от Ван дер Беллена, направлена не только на его основного оппонента Н. Хофера, но и на партию, к которой он принадлежит, а также на существующую политическую власть, альтернативой которой он выступает:

Ist Sippenhaftung jetzt ein Teil des Rechtsprinzips in der FPÖ?

Jetzt Norbert Hofer zu wählen, wäre ein zusätzlicher Unsicherheitsfaktor.

Hofer ist ein Meister im Zerstören eines Gesprächs. Sie können ihn nach A fragen und er antwortet mit Z. Das ruiniert jedes Gespräch. Das habe ich genügend erlebt.

Hofer ist zum Synonym für Kreide geworden.

Wenn von oben herab eine Einmischung in meine privaten Angelegenheiten stattfindet, dann ist das ein Ärgernis. Man kann's sicher mit der Political Correctness übertreiben.

В использовании стратегии дискредитации наиболее тонкой является грань между критикой правительства и политикой популизма, злоупотреблением актуальными проблемами общества и «игрой» на чувствах:

Wenn ich mit jungen Menschen spreche, dann sage ich ihnen: Ihr seid das künftige System, ihr seid die Zukunft des Landes.

Политический язык характеризуется высокой экспрессивностью, и в период предвыборных кампаний это проявляется особенно ярко. Для того, чтобы завоевать электорат, политики используют все средства выразительности речи. Одним из излюбленных приемов Ван дер Беллена является использование эмоционально окрашенной лексики, чаще всего с негативной коннотацией:

Beide Vorwürfe sind einfach absurd — und deswegen sehe ich das mit einem gewissen Galgenhumor. Mir daraus 50 Jahre danach einen Vorwurf zu machen ist grotesk.

Wie Sie sehen, befinde ich mich — anders als von so einem Scherzkeks behauptet — keineswegs in den Händen von Entführern.

Dieser Stil von FPÖ-Politikerin Ursula Stenzel — zuerst haltlose Unterstellungen gegen meine Familie in den Raum zu stellen und dann herumzulavieren — ist nicht nur geschmacklos, er richtet sich von selbst.

В своих предвыборных выступлениях кандидат охотно прибегает к использованию различных стилистических приемов, например, таких как метафоры и другие образные тропы. Наличие образной лексики в речи политика позволяет сформировать нужные ему ассоциативные ряды у избирателей. Одним из ключевых в дискурсе Ван дер Беллена является сравнение политической деятельности с ожесточенной борьбой или игрой:

Seit der tragischen Fehlentscheidung der Mehrheit der Briten zum Brexit sind viele Leute aufgewacht, und es ist ihnen bewusst geworden, dass man mit diesem Feuer nicht spielt.

Österreichs Neutralität ist unser Atout, das es gilt auszuspielen.

Используя ту или иную метафору, политик представляет определенные политиче-

ские события с выгодной ему или с характерной для его точки зрения стороны. Так, например, высказываясь о системе отношений между Австрийской Республикой и Европейским союзом, Ван дер Беллен характеризует состояние последнего как состояние «больного», для чего прибегает также к использованию антитез и фразеологизмов:

Das Kernproblem ist, dass die Union sich in den vergangenen Jahren als zunehmend beschlussunfähig und handlungsunfähig erweist, das manifestiert sich im Europäischen Rat. Die Diagnose ist leicht, die Therapie nicht.

Он же сам является в этой модели «доктором», способным и жаждущим бороться за здоровье пациента изо всех сил:

Ich werde, wenn Sie so wollen, bis zum letzten Atemzug für den Sinn und den Zweck dieser europäischen Einigung kämpfen.

Говоря об особенностях синтаксиса в дискурсе данного политика, можно отметить, что для его речей характерны довольно сложные распространенные предложения, лишние раз подтверждающие имидж «политика-интеллектуала»: *Aber ich habe dazu gelernt, dass es politische Kontroversen gibt, wo die Erwartung, dass das sachliche Argument irgendetwas zählt, falsch ist.*

Стоит также отметить, что излюбленной грамматической формой, используемой политиком в ответах на вопросы, является сослагательное наклонение. С одной стороны, форма конъюнктива как нельзя лучше подходит для описания политической концепции в общих словах, с другой — она выражает модальность недействительности и поэтому не дает четких утвердительных установок и обещаний, что для политиков, несомненно, особенно удобно и выгодно.

Для того, чтобы акцентировать и закрепить в сознании избирателей определенную информацию, Ван дер Беллен часто прибегает к повторам и параллелизмам, которые способствуют гиперболизации семантики всего высказывания в целом:

Das war vor fast einem Jahr eine unpräzise Äußerung. Selbst wenn Herr Strache einen großen Wahlerfolg einfahren wird, eine absolute Mehrheit wird er nicht haben. Selbst wenn er die relative Mehrheit hat: Wenn er nicht glaubhaft seine europapolitische Positionierung ändert, werde ich ihn nicht mit der Regierungsbildung beauftragen.

За вторым кандидатом на пост президента Австрии Норбертом Хофером закрепился прочный статус политика «правого толка», и именно поэтому одной из основных коммуникативных стратегий в его речах является тактика защиты от обвинений в радикальных взглядах экстремистского направ-

ления. Данный общественный деятель является кандидатом от Австрийской партии свободы, имеющей также неоднозначную репутацию, а значит, и защищать ему приходится не только собственный имидж, но и имидж всей партии:

Ich kenne René Schimannek. Er trägt dieses Gedankengut nicht in sich. Ich habe in vielen Jahren keine einzige Bemerkung von ihm gehört, wo man sagen würde: Das ist aber ordentlich rechts. Ich hätte ihn sonst nicht als Büroleiter eingesetzt.

Политик избегает прямой оценки идеологии своей партии и старается всячески отстраниться от использования непопулярных в обществе лексем «правый», «национализм», «экстремизм», «радикальный»:

Das hat nichts mit links oder rechts zu tun, sondern mit Vernunft.

Типичным проявлением тактики защиты является использование большого количества отрицательных конструкций в ответах Хофера, пытающегося всеми силами развеять сложившийся вокруг него неблагоприятный образ:

Ich bin kein Feind der Türkei.

Ich möchte kein Populist sein. Sonst würde ich jetzt sagen: Raus aus der Union. Denn es gibt viele Menschen, die das wollen. Ich sage aber: Wir brauchen eine bessere EU.

Das wird mir immer wieder unterstellt. Ich kann nur zeigen und beweisen, dass ich nicht so bin.

Как один из способов защиты можно также выделить тактику ухода от прямого ответа на вопрос, к которой кандидат прибегает неоднократно:

M: *Wie kommen Sie darauf, zu behaupten, dass die Türkei Millionen syrische Flüchtlinge zu Staatsbürgern machen will?*

Хофер: *Das hat ein Regierungschef gesagt.*

M: *Welcher war das?*

X: *Das darf ich nicht verraten. Es war der Regierungschef eines EU-Mitgliedslandes. Er hat mir in einem Gespräch gesagt, dass er damit rechnet und ich sehen werde, dass es genau so kommen wird.*

Несомненно, в речах второго кандидата на пост президента также можно обнаружить стратегию самопрезентации, которая используется с целью создания положительного имиджа политика:

Ich glaube immer noch sehr daran, dass es besser werden kann. Ich glaube auch, dass eine Wahl von mir, die Regierung vielleicht ein bisschen aufwecken könnte.

Ich kann nur sagen, wenn ich gewinne, werde ich zeigen, dass ich das Amt besonnen ausübe. Dass ich mir jede Entscheidung sehr gut überlege, engsten Kontakt mit der Bundes-

regierung suche, auch mit dem Parlament und den Landeshauptleuten. Und dass ich sehr verantwortungsvoll mit den Kompetenzen des Bundespräsidenten umgehe.

Так же, как и у первого кандидата, важной частью предвыборной кампании Хофера являются использование тактики конфронтации и критика оппонентов и действующего правительства, которая усиливается за счет сравнения с собственными, «лучшими» предложениями.

Schauen Sie sich die SPÖ an: Die wechselt ihre Haltung in zentralen Fragen in wenigen Monaten.

Das würde ich nicht zulassen. Aber die Regierung muss jetzt wirklich arbeiten. Weil wir verlieren sehr viel Zeit.

Der Rechnungshof berichtet im Parlament. Die Politiker nicken. Und es wird nicht umgesetzt. Das werde ich als Bundespräsident nicht zulassen. Vorschläge sind umzusetzen.

Для большего успеха Хофер, как и многие другие политики, охотно занимается популизмом, поднимая острые темы, находящиеся в так называемой «группе риска»:

Diese Obergrenze betrifft in Österreich nicht Flüchtlinge, sondern Menschen, die einen Asylantrag stellen. Diese werden in diese Obergrenze mit einbezogen. Ich bin etwas skeptisch, wie man das administrieren soll. Sagt man dann: „So, du bist der 37.501., du darfst nicht über die Grenze.“? Mir ist nicht klar, wie die Regierung das umsetzen will.

Meine Tochter hat ganz viele Freunde aus dem Ausland. Und einer hat zu mir neulich gesagt: „Die ganze Familie wählt Sie“.

С точки зрения экспрессивности высказываний речь Норберта Хофера, по сравнению с выступлениями Ван дер Беллена, является более нейтральной, хотя в ряде высказываний он также задействует эмоционально окрашенные эпитеты и устойчивые выражения для придания речи выразительности и убедительности:

Nein. Weil jeder, der mich kennt, weiß, dass ich den Nationalsozialismus aus tiefstem Herzen verabscheue. Das war eine Mörderbande, die für Millionen von Toten verantwortlich ist.

Das war ein eklatanter Rechtsbruch mit dem Argument, man hätte nicht anders gekonnt — was nicht wahr ist.

Чаще всего для того, чтобы сделать акцент на характеристике тех или иных политических событий, политик использует определенный спектр наречий, позволяющих усилить экспрессивность и эмоциональную оценочность высказываний в целом:

Ich sage nicht, dass Merkel diese Leute wieder zurückschicken hätte sollen. Das war eine extrem schwierige Situation.

Die Positionen der FPÖ finden Sie alle im Parteiprogramm. Ich habe das extra so gestaltet, dass anhand von Leitsätzen zu zentralen Themen für jeden klar ist, wer wir sind und wofür wir stehen.

Одним из главных приемов усиления выразительности речи Хофера на лексическом уровне можно считать введение просторечий и диалектизмов, которые также служат для демонстрации близости политика к народным массам:

Meine Nachbarn sind aus Serbien, ein bisserl weiter wohnen Muslime, vier Häuser weiter wird eine chinesische Familie einziehen.

В синтаксическом плане дискурс политика структурирован достаточно однотипно. Сложные предложения обычно имеют одно или два придаточных предложения, чем понимание семантики высказывания в целом не перегружается. Интересным в данном случае является употребление Н. Хофером «австрицизмов» для выражения принадлежности к одной с населением группе: как правило, политик использует не региональные лексемы-диалектизмы, а специфические синтаксические конструкции, характерные для австрийского варианта немецкого языка: *Und am besten kennen mich jene Menschen, die über Monate mit mir in einem Krankenzimmer gelegen sind.*

К наиболее часто используемым тактикам в речах Хофера можно отнести прием повтора в самых его разнообразных вариациях. Политиком могут повторно называться субъекты деятельности, выраженные личными местоимениями или существительными, объекты или реципиенты, сами действия, повторяются вводные конструкции. Всё это используется для закрепления у избирателей определенных установок и лучшего запоминания нужной политике информации:

Ich finde zum Beispiel nicht, dass wir „das schaffen“, weil ich nicht weiß, wer „wir“ ist und wie wir das schaffen, wenn wir so weitermachen.

Ich habe sehr, sehr gehofft, dass dieser New Deal auch tatsächlich umgesetzt wird. Und bisher kamen nur ganz, ganz wenige Dinge, wie die Gewerbeordnung, die zum Teil reformiert worden ist.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что наиболее показательным для изучения политического дискурса является анализ политических тактик и стратегий, позволяющих политикам осуществлять вербальную манипуляцию в личных целях. Необходимо отметить, что выбор этих приемов во многом зависит от исходной репутации кандидата и от занимаемой им позиции в политической системе страны. Так, например, кандидат-самовыдвиженец Александр Ван дер Беллен для формирования в обществе положитель-

ного восприятия своей политической позиции чаще всего прибегает к стратегиям самопрезентации, в то время как кандидат от Австрийской партии свободы, за которой утвердился имидж партии «правого» характера, вынужден нивелировать сложившееся в социуме негативное отношение к своей партии и использовать преимущественно тактику защиты. Что касается стратегии дискредитации, то по результатам анализа речей политиков тактика конфронтации и критики оппонента одинаково важна и широко представлена в речах обоих кандидатов на пост президента Австрии. Различия в выборе языковых средств в речах кандидатов на пост президента обнаруживаются как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Тогда как господин Ван дер Беллен для усиления выразительности высказываний в изобилии использует образную и эмоционально окрашенную лексику, то господин Хофер прибегает для достижения тех же самых целей к употреблению определенного набора наречий — усилителей экспрессии. Синтаксические конструкции в текстах Ван дер Беллена имеют в основной своей массе сложную структуру с большим набором второстепенных членов предложения, что подчеркивает статус политика-интеллектуала. Норберт Хофер, напротив, использует простые предложения и достаточно легкие для восприятия синтаксические конструкции. Кроме того, для выражения своего единения с народом политик употребляет в речи особые грамматические структуры, характерные для австрийского варианта немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика. — М.: Флинта, 2012. 352 с.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем.; ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2004. 139 с.
3. Гималетдинова Г. К., Халитова Л. К. Метафорическая репрезентация военного конфликта в новостном тексте // Филология и культура. Philology and Culture. — Казань: Казан. ун-т, 2013. № 3 (33). С. 74—79.
4. Катермина В. В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 26—31.
5. Метелица Е. В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003. 250 с.
6. Наумова С. А. Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. — Минск: БГУ, 2000. Вып. 2. С. 94—103.
7. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Проблемы прикладной лингвистики. — М., 2002.
8. Сафина Р. А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах // Филология и культура. Philology and Culture. — Казань: Казан. ун-т, 2014. Вып. 2 (36). С. 51—58.
9. Слободенюк Е. А. Особенности сочетания визуального и вербального в создании образа современного немецкого политика в британском медиадискурсе (на примере

Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 113—121.

10. Шапочкин Д. В. Когнитивные аспекты политического дискурса: на материале британских, американских и немецких публичных политических речей : дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2005. — 244 с.

11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2012. 256 с.

12. Baranov A. N., Zynken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten. — Hamburg, 2003. S. 93—121.

R. A. Safina, Ya. R. Chernova
Kazan, Russia

STRATEGIES OF MASS CONSCIOUSNESS MANIPULATION IN THE SPEECHES OF CANDIDATES IN AUSTRIAN ELECTION CAMPAIGN OF 2016

ABSTRACT. *Linguo-stylistic and pragmatic features of the speeches of candidates in Austrian election campaign of 2016 are analyzed. The goal of this research is to reveal the technologies of communicative persuasion in political discourse to manipulate mass consciousness. Analysis of strategies and tactics that politicians use to manipulate the audience to reach their goals is wide spread in the study of political discourse. It should be noted that the choice of strategies and tactics depends on the reputation of the candidate and on the position held by the candidate in political system of the country. An independent candidate Alexander Van der Bellen uses the strategy of self-presentation to form a positive image of himself, while the Candidate of the Freedom Party of Austria that is believed to be the right-wing party, has to level down the negative attitude to his party and thus he uses the strategy of defense. Both politicians resort to the strategy of discredit represented by the tactics of confrontation and criticism of the opponent. The difference in the choice of language means in the speeches of the presidential candidates reveals itself both on the lexical and syntactical levels. Mr. Van der Bellen, for example, uses figurative and emotionally colored vocabulary, while Mr. Hofer prefers adverbs for emphasis.*

KEYWORDS: *self-presentation of politicians; emotionally colored words; expressive syntax; political rhetoric; political leaders; linguistic persona; political speeches; manipulation; mass consciousness.*

ABOUT THE AUTHORS: *Safina Rimma Abelkhaerovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

Chernova Yana Romanovna, Student, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

REFERENCES

1. Budaev E. V. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. — М. : Flinta, 2012. 352 s.

2. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika / per. s angl. i nem. ; VGPU. — Volgograd : Peremena, 2004. 139 s.

3. Gimaltdinova G. K., Khalitova L. K. Metaforicheskaya reprezentatsiya voennogo konflikta v novostnom tekste // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. — Kazan' : Kazan. un-t, 2013. № 3 (33). S. 74—79.

4. Katermina V. V. Otsenochnye nominatsii politikov (na materiale russkoy i angliyskoy substandartnoy leksiki) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 26—31.

5. Metelitsa E. V. Diskurs diplomaticheskogo protokola v angloyazychnoy ritual'noy kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2003. 250 s.

6. Naumova S. A. Teoreticheskie modeli kommunikatsionnykh protsessov i politicheskaya kommunikatsiya // Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov. — Minsk : BGU, 2000. Vyp. 2. S. 94—103.

7. Parshin P. B. Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoy lingvistiki // Problemy prikladnoy lingvistiki. — М., 2002.

8. Safina R. A. Politicheskaya evfemiya v funktsional'no-pragmaticheskom i diskursivnom aspektakh // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. — Kazan' : Kazan. un-t, 2014. Vyp. 2 (36). S. 51—58.

13. Dijk T. A. van. Discourse analysis as ideology analysis // Language and Peace / eds. C. Schäffner, A. Wenden. — Aldershot : Dartmouth Publishin, 1993.

14. Tiroler Zeitung Interview mit van der Bellen. URL: <http://www.tt.com/politik/innenpolitik/12258994-91/van-der-belle-n-im-tt-interview-hofer-hat-viel-kreide-gegessen.csp> (date of access: 01.04.2017).

15. ZIB2-Interview mit Norbert Hofer. URL: <https://neuwal.com/2016/11/17/transkript-norbert-hofer-bei-armin-wolf-zib2-bp-w16> (date of access: 01.04.2017).

9. Slobodenyuk E. A. Osobennosti sochetaniya vizual'nogo i verbal'nogo v sozdanii obraza sovremennogo nemetskogo politika v britanskom mediadiskurse (na primere Angely Merkel') // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 113—121.

10. Shapochkin D. V. Kognitivnye aspekty politicheskogo diskursa: na materiale britanskikh, amerikanskikh i nemetskikh pbllichnykh politicheskikh rechey : dis. ... kand. filol. nauk / Tyumen. gos. un-t. — Tyumen', 2005. — 244 s.

11. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — М. : Flinta, 2012. 256 s.

12. Baranov A. N., Zynken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten. — Hamburg, 2003. S. 93—121.

13. Dijk T. A. van. Discourse analysis as ideology analysis // Language and Peace / eds. C. Schäffner, A. Wenden. — Aldershot : Dartmouth Publishin, 1993.

14. Tiroler Zeitung Interview mit van der Bellen. URL: <http://www.tt.com/politik/innenpolitik/12258994-91/van-der-bellen-im-tt-interview-hofer-hat-viel-kreide-gegessen.csp> (date of access: 01.04.2017).

15. ZIB2-Interview mit Norbert Hofer. URL: <https://neuwal.com/2016/11/17/transkript-norbert-hofer-bei-armin-wolf-zib2-bpw16> (date of access: 01.04.2017).

Б. Г. Фаткулин
Челябинск, Россия

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»
В ЭЛЕКТРОННОЙ ПРЕССЕ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ГОСУДАРСТВ (ТАДЖИКИСТАН, АФГАНИСТАН, ИРАН)**

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются подходы ираноязычных государств Пояса Шелкового пути к внешнеполитической концепции КНР «Один пояс один путь», анализируется отражение этих подходов в иранской, афганской и таджикской электронной прессе, различия в подходах и причины, приводящие к неоднородному восприятию этой внешнеполитической инициативы. Материалом исследования являются статьи по внешнеполитической инициативе КНР «Один пояс — один путь» на языках фарси, дари и таджикском языке, опубликованные в электронных версиях информационных источников этих стран. Языковые данные, собранные в статье, свидетельствуют о том, что существующая разница в политической терминологии Ирана, Афганистана и Таджикистана применительно к освещению внешнеполитических инициатив КНР обусловлена геостратегическим положением указанных государств, особенностями их политической доктрины, внешним влиянием, внутренней обстановкой. Иранское экспертное сообщество серьезно присматривается к этой инициативе и пытается осмыслить все плюсы и минусы этого процесса. Это связано со статусом Ирана как региональной державы, ираноцентричным менталитетом иранцев. Пресса Таджикистана отражает стремление стать транзитной страной и потребность преодоления географической замкнутости. Многие СМИ освещают экономическую помощь КНР Таджикистану. Афганистан демонстрирует два политических вектора. Первый вектор — внутренняя нестабильность и зависимость от поддержки стран ISAF. Второй вектор — перспектива стать страной-транзитером со всеми экономическими последствиями этого статуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внешняя политика; китайско-афганские отношения; китайско-иранские отношения; китайско-таджикские отношения; международные отношения; политическая лингвистика; политический дискурс; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фаткулин Булат Гилмдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет; доцент кафедры восточных и романо-германских языков, факультет Евразии и Востока, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76, к. 466; e-mail: bfatkulin@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Информационное сопровождение внешнеполитической инициативы — это комплекс мероприятий, направленный на продвижение внешнеполитических концепций одного государства в информационном пространстве других государств, создание благоприятных условий для продвижения идей, проектов в странах-объектах. Парадигма «внешнеполитическая инициатива» включает в себя три ключевых элемента: государства-инициаторы, государства-объекты, третьи страны.

Внешнеполитическая инициатива может быть встречена государствами-объектами нейтрально, благожелательно или негативно, возможно противодействие инициативе с их стороны. Другие участники международных процессов могут относиться к чужим внешнеполитическим инициативам настороженно и даже информационно противодействовать им через подконтрольные им СМИ.

Выдвижение и последующее информационное сопровождение внешнеполитических инициатив является ключевым составным элементом внешнеполитической стратегии всех государств мира. Крупные государства, обладающие экономической, военной мощью и авторитетом на мировой арене, постоянно выдвигают те или иные инициативы, рассчитанные на внешний мир.

Информационное сопровождение внешнеполитической инициативы включает в себя:

- формулирование и постулирование ключевых понятий;
- организацию международного обсуждения в СМИ путем высказывания экспертного мнения;
- публикацию статей, интервью, съемку телепередач, документальных фильмов, печать рекламных буклетов;
- создание и показ телепередач на заданную тематику;
- проведение международных научных конференций и широкое обсуждение феномена в научном сообществе, поиск и подготовку кадров для информационного сопровождения.

В информационном сопровождении внешнеполитической инициативы задействуются люди медийных профессий: журналисты, эксперты, ученые, преподаватели и т. д., представляющие государства-инициаторы, государства-объекты, третьи страны. Есть два уровня информационного сопровождения внешнеполитических инициатив: информационное сопровождение, рассчитанное на среднестатистического гражданина, и информационное сопровождение, рассчитанное на представителей экспертного сообщества своей страны и зарубежных экспертов [Ирисханова, Мотро 2010].

Государством-инициатором внешнеполитической инициативы «Один пояс — один путь» является КНР, государствами-объектами — страны, расположенные в зоне этого транспортного коридора, третьи страны — это сторонние государства, интересы которых пересекаются с данной внешнеполитической инициативой [Цзяоюй 2017]. Изучение особенностей информационного сопровождения той или внешнеполитической инициативы с точки зрения языков входит в предмет политической лингвистики [Лу 2016].

Одним из наиболее значительных международных инфраструктурных проектов современности является выдвинутая в 2013 г. лидером КНР Си Цзиньпином внешнеполитическая инициатива «Один пояс, один путь» [Михалёв 2016]. Для многих государств Центральной Азии повышение межгосударственных отношений с Китаем до уровня стратегического партнерства является закономерным результатом последовательной совместной работы с китайской стороной и свидетельством укрепившегося взаимного доверия и уважения за период после установления дипломатических отношений.

Среди государств Шелкового пояса есть как тюркоязычные (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан), так и ираноязычные: Иран, Афганистан, Таджикистан. Ввиду того, что наше исследование проводится в рамках иранистики, мы сравниваем три ираноязычные страны, находящиеся в зоне действия инициативы «Один пояс — один путь», а именно: Иран, Афганистан, Таджикистан. Языковой анализ показывает, что понятие транскрибируется в обозначенных трех языках примерно одинаково:

1. Иран (фарси): *Эбтекар-е Йек камарбанд — йек джаде*.

2. Афганистан (дари): *Йек камарбанд — йек раһ*.

3. Таджикистан (таджикский): *Як қамарбанд — як роҳ*.

С точки зрения взаимоотношений с КНР указанные три страны обладают разным политическим статусом: Таджикистан — полноправный член ШОС; Иран и Афганистан — наблюдатели в ШОС; у Таджикистана и Афганистана есть общая граница с КНР; у Ирана общая граница с КНР отсутствует [Алиева 2014]. Формой выражения таджикского языка является кириллический алфавит, источники на фарси и дари используют алфавит на основе арабского.

Материалом исследования являются заголовки статей СМИ и публикаций в специализированных журналах, обнародованные в КНР и в указанных трех странах. Точку зрения китайских экспертов на инициативу от-

ражают переводы аннотаций статей на китайском языке за 2017 г., найденных в китайской наукометрической базе данных CNKI. Данный метод основан на методике китайского исследователя Жуюй Инь [Инь 2015].

Иранский взгляд на инициативу получил отражение в переводах заголовков статей на иранских наукометрических порталах *sid.ir* и *noormags.ir*. Ввиду отсутствия у Афганистана и Таджикистана собственных наукометрических порталов, подобных российскому РИНЦ, китайскому CNKI и иранскому *sid.ir*, позиции Афганистана и Таджикистана выявляются через электронные СМИ данных стран.

На наш взгляд, факторами, влияющими на восприятие инициативы «Один пояс — один путь», являются:

- 1) степень самостоятельности принятия внешнеполитических решений,
- 2) степень независимости СМИ, дотационный либо самодостаточный характер СМИ;
- 3) наличие собственной инфраструктуры, четко сформулированной стратегии в отношении внешнеполитической инициатив, идущих извне.

Сравнительный анализ целесообразно начать с Ирана. Главная особенность информационного сопровождения внешнеполитической инициативы ОПОП в Иране обусловлена тем, что в списке трех стран Иран — самая экономически развитая, технологически продвинутая и политически зрелая страна [Амирахмадиан и др. 2017; Юртаев 2012]. Для внешней политики Ирана характерен ираноцентризм, в Иране разработана и активно реализуется собственная внешнеполитическая доктрина. Пресса Ирана, помимо государственного персидского, также выходит на азербайджанском, арабском, армянском и английском языках.

Руководство СМИ Ирана осуществляют государственная организация радио и телевидения (*Седа-о-симайе джомхурийе эсламие Иран*) и Национальное информационное агентство ИРНА.

Седа-о-симайе джомхурийе эсламие Иран (ИРИБ) включает около 20 телеканалов информационной, религиозной и научно-образовательной направленности. ИРИБ располагает 17 корпунктами за рубежом, в том числе в России, Германии, Великобритании, США, Азербайджане, Таджикистане, Индии и Турции. Вещание ведется на 20 языках. В июле 2007 года ИРИБ был запущен крупный международный телеканал «Пресс-ТВ», предполагающий вещание на английском языке по всему миру [Парсиан 2015].

Основным информационным агентством ИРИ является «Информационное агентство Исламской Республики Иран» («Хабаргозарийе джомхурийе эсламийе Иран») — ИРНА. В настоящее время ИРНА действует при министерстве культуры и исламской ориентации ИРИ. Вещание ведется как на внутреннюю, так и международную аудитории (на английском, китайском и до 2008 г. на русском языках).

В области радиовещания в Иране действуют около 30 станций различной направленности, в частности информационное радио «Голос Исламской Республики Иран» (в том числе и на русском языке).

Электронные СМИ на фарси в Иране, согласно конституции страны, подконтрольны

правительству. Система подготовки журналистских кадров на территории Ирана также не отличается открытостью и нацелена на препятствование иностранному влиянию. В частности, Иран не дает разрешения на создание институтов Конфуция в иранских вузах.

Анализом инициативы «Один пояс — один путь» в Иране занимается множество научно-исследовательских структур, многочисленное экспертное сообщество. Ознакомиться с мнением иранского экспертного сообщества на животрепещущие темы современности достаточно легко, так как Иран развивает цифровые технологии в науке и располагает своими полнотекстовыми наукометрическими базами: *SID.ir*, *noormags.ir* и т. д. [Фаткулин 2016].

<p>Цифры и данные о формировании коалиции стран зоны Шелкового пути для возрождения древнего транспортного коридора // Вестник Торговой палаты (1390 г. по иранскому солнечному календарю)</p>	<p>چند و چون تشکیل اتحادیه کشورهای حوزه راه (. نامه اتاق 1390 ابریشم تلاش برای احیای یک جاده قدیمی.) 33—32), 83(523بازرگانی,</p>
<p>Ходакулиपुर, Алиреза. Китайская инициатива «Пояс — путь» и ее влияние на национальные интересы ИРИ // Внешняя политика (1396 г. по иранской солнечной хиджре)</p>	<p>(. ابتکار کمر بند - راه 1396 خدافلای پور, علیرضا.) چین و تاثیر آن بر منافع ملی جمهوری اسلامی ایران. سیاست 49—17), 31(120خارجی,</p>
<p>Шариатиния, Мохсен. Экономический пояс Шелкового пути: драгоценный китаецентричный пояс // Внешняя связи (1395 г. по иранскому солнечному календарю)</p>	<p>(. کمر بند اقتصادی جاده 1395 شریعتی نیا, محسن.) (, 8(31ابریشم: زنجیره ارزش چین محور. روابط خارجی, 113—85)</p>
<p>Амирахмадиан, Бахрам и Салехи, Доулатабад. Китайская инициатива «Новый Шелковый путь» (цели, препятствия и разногласия) // Исследования в области международных отношений (1395 г. по иранскому солнечному календарю)</p>	<p>امیراحمدیان, بهرام, & صالحی دولت آباد, روح اله. (. ابتکار «جاده ابریشم جدید» چین (اهداف, موانع و 1395) 42—9), 9(36چالشها). مطالعات روابط بین الملل,</p>
<p>Йаздани, Энаятолла; Омиди, Али; Шахмохаммади, Париса. Инициатива «Пояс — путь»: базовый принцип теории Хартлэнда // Исследования Центральной Азии и Кавказа (1395 г. по иранскому солнечному календарю)</p>	<p>یزدانی, عنایت الله, امید, علی, & شاه محمدی, پریسا. (. ابتکار کمر بند — راه: قوام نظریه هارت لنڈ. 1395) 188—163), 0(96مطالعات آسیای مرکزی و قفقاز,</p>

Заголовки статей в иранских специализированных журналах показывают, что в экспертном сообществе инициатива проходит первичное рассмотрение. Такое отношение диктуется тем, что Иран не имеет границы с КНР и реализация инициативы в большей степени зависит от поведения стран, лежащих между Ираном и КНР.

Третьи страны также не остаются в стороне от обсуждения китайской инициативы. Существует большое количество СМИ на фарси, которые находятся за пределами Ирана: иранские редакции радио BBC,

«Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», «NHK», которые вещают на Иран [Дилами, Поплавская 2012].

Переходя к сравнительному анализу информационного сопровождения внешнеполитической инициативы «Один пояс — один путь» в Таджикистане, необходимо отметить, что на формирование Республики Таджикистан огромное влияние оказали нахождение в составе Российской империи, затем в составе СССР, а также географическая замкнутость Таджикистана [Демиденко 2013]. Будучи сухопутной страной, зажатой

между равнинами и высокогорьями, Таджикистан крайне заинтересован в преодолении географической замкнутости. Проблемным для реализации инициативы в Таджикистане является то, что Шелковый путь на этом участке пролегает по высокогорью.

В настоящее время Пекин изучает варианты международной железнодорожной магистрали Китай — Афганистан — Иран через Киргизию либо Узбекистан [Абдулло 2015; Алимов 2010; ИONOва 2014; Ярошенко 2012]. Высокогорье сыграло свою роль в том, что для Пекина оказался выгоднее маршрут через территорию Узбекистана с ее менее сложным ландшафтом и более развитой инфраструктурой.

Мы воспользовались китайской наукометрической базой CNKI, чтобы найти заголовки и аннотации к статьям китайских специалистов, изучающих инициативу ОПОП в контексте Таджикистана.

КНР предоставляет гражданам Таджикистана возможность получать образование в вузах КНР. В Декларации о стратегическом партнерстве двух стран говорится, что Китай приветствует обучение студентов из Таджикистана в своих вузах и подтверждает свою готовность предоставлять государственную стипендию успевающим таджикским студентам [Алимов 2013]. В Таджикистане были открыты два культурно-образовательных центра «Конфуций».

Приведем в качестве примера заголовки некоторых статей в таджикстанских СМИ:

1. *Душанбе аз Пекин имзои созишномаи таҳвили меваро дархост кард.* / Душанбе попросил у Пекина подписать соглашение о поставках фруктов.

2. *Рӯзҳои 14-15 май дар шаҳри Пекин Форуми “Як камарбанд — Як роҳ” баргузор мешавад.* / 14—15 мая в городе Пекин проходит форум «Один пояс — один путь».

Что касается Афганистана, то Афганистан — это страна, находящаяся в течение 30 последних лет в состоянии внутреннего конфликта. С вводом в Афганистан ISAF (натовского военного контингента) ситуация в стране существенно не изменилась. Россия отказалась от сотрудничества с ISAF и ввиду отсутствия границы с Афганистаном имеет очень мало рычагов влияния на ситуацию в этой стране. Бывшие советские

республики, граничащие с Афганистаном, сотрудничают с ним самостоятельно.

С геополитической точки зрения Афганистан для КНР — это важнейшее государство в Азии, через которое можно проложить множество торговых путей. Кроме того, очаги сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют отношение к Афганистану, и решение самой проблемы сепаратизма тесно связано с развитием китайско-афганских отношений.

В условиях слабой экономики центральное правительство Афганистана во многом зависит от иностранной военной и экономической поддержки. Страны ISAF оказывают Афганистану идеологическую поддержку в создании так называемого гражданского общества, равноправия женщин и т. д., подкрепленную специальными грантами. Вложив в боевые действия в Афганистане большие средства и купив видимость спокойствия большой кровью, страны-спонсоры вправе ожидать от Афганистана соразмерной отдачи. Приход КНР в Афганистан стал бы нарушением монополии ISAF на ведение деятельности в Афганистане, поэтому спонсируемая странами ISAF часть афганских СМИ не занимается активным продвижением инициативы КНР. Ввиду информационной несамодостаточности афганских СМИ третьи страны имеют много возможностей формировать в Афганистане отношение к инициативам КНР. Широкой популярностью среди населения Афганистана пользуются фарсиязычные программы мировых радиостанций «Би-би-си» и «Свобода». В них китайская инициатива также не получила активного освещения.

«Бахтар» — национальное информационное агентство, основанное в 1940 г. в Кабуле. Агентство является основным источником новостей для всех средств массовой информации Афганистана.

В Афганистане транслируется пять телеканалов — государственное «ТВ Каболь» и частные — «Толу», «Айине», «Ариана» и «Афган ТВ». Одним из примеров внешнего влияния на афганцев может служить частная телестанция «Толу», созданная афганско-австралийской медиагруппой.

Приведем в качестве примера заголовки сообщений афганского информагентства «Бахтар».

Китай подтвердил начало осуществления проекта «Один путь — один пояс»	کشور چین بر راه اندازی پروژه یک کمربند یک راه تاکید کرد
Прошел совместный китайско-афганский семинар по взаимодействию в рамках инициативы	سمینار زیرنامه مساعی مشترک افغانستان و چین در چهارچوب ابتکار، برگزار شد

Канунпу Сорурданеш: «Афганистан заинтересован в особой роли поли китайского проекта „Один пояс — один путь“»	قانونپوه سروردانش: افغانستان علاقمند است که در طرح ابتکاری دولت چین به نام یک کمربند، یک راه، نقش ویژه داشته باشد
Полный текст заявления Мохаммада Мохатгега, заместителя главы исполнительного комитета, на церемонии открытия международной культурной выставки «Шелковый путь» в провинции Ганьсу КНР	متن کامل بیانیہ محمد محقق معاون ریاست اجرائیہ در مراسم افتتاحیہ اولین نمایشگاه بین المللی فرهنگی راه ابریشم ولایت گنسوی جمهوری مردم چین
Президент Гани: «Китай — надежный и хороший друг Афганистана»	رئیس جمهور غنی: چین دوست با اعتبار و خوب افغانستان است

КНР не занимается «политическим воспитанием» афганцев, но вкладывается в экономику Афганистана, в том числе и в ее информационную составляющую. В частности, между Афганистаном и Китаем к концу 2018 г. планируется проложить оптоволоконный кабель протяженностью около 480 км.

КНР проникает в Афганистан не военным путем, а исключительно через экономические проекты [Трушкин 2015]. КНР спонсирует изучение китайского языка афганцами и подготовку журналистского корпуса Афганистана в вузах КНР.

По мнению китайских экспертов [Алимов 2010], ситуация в Афганистане характеризуется следующими моментами:

- Афганистан до сих пор не преодолел угрозу «трех зол» (сепаратизм, терроризм и религиозный экстремизм);
- количество террористических актов в Афганистане не уменьшается;
- производство наркотиков и наркотрафик из Афганистана растут;
- в руководстве и народе Афганистана растет недовольство действиями контингента стран НАТО и их союзников;
- введенные в Афганистан силы США и НАТО сталкиваются со все большими трудностями.

Особенностями Афганистана в информационной сфере являются слабость суверенитета, внешнее финансирование медийных проектов, подготовка журналистских кадров за рубежом.

Через использование образа Древнего Шелкового пути делается попытка оживить угаснувшие воспоминания об эре процветания торговли в Древнем Китае. Обыгрывая легенды о былой торговой славе, Китай под руководством Си Цзиньпина собирается сформировать новую экономическую и политическую картину будущего.

Внешнеполитическая инициатива КНР прошла путь апробации. Три ираноязычных государства имеют совершенно разное восприятие китайской инициативы «Инициатива „Пояс — путь“». Пока все страны находятся

в состоянии ожидания дальнейших шагов Китая.

Принятие внешнеполитических решений в Иране сопровождается множеством согласований и экспертиз. Анализ заголовков статей показывает, что иранское экспертное сообщество серьезно присматривается к этой инициативе и пытается осмыслить все плюсы и минусы этого процесса. В прессе Ирана преобладают нейтральные тона и ожидание реальных шагов. Иранские эксперты оперируют такими понятиями, как «Хартлэнд», «китаецетричный». Это связано со статусом Ирана как региональной державы, ираноцентричным менталитетом иранцев.

Пресса Таджикистана отражает стремление стать транзитной страной и потребность преодоления географической замкнутости. Многие СМИ освещают экономическую помощь КНР Таджикистану.

Афганистан демонстрирует два политических вектора. Первый вектор — внутренняя нестабильность и зависимость от поддержки стран ISAF. Второй вектор — перспектива стать страной-транзитером со всеми экономическими последствиями этого статуса.

«Инициатива „Пояс и путь“» демонстрирует подход китайского руководства к процессам глобализации. С китайской точки зрения, большинству людей в развивающихся странах мира требуется именно то, что провозгласил общечеловеческими ценностями Китай, и то, что китайцами обозначается как «общество средней зажиточности». Российские СМИ должны уделять большее внимание этой инициативе. Опыт российских специалистов, имеющих давнюю историю профессиональных взаимоотношений с ираноязычными государствами, может быть востребован в ходе реализации проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демиденко М. В. Таджикистан и ТС: вызовы и возможности // Евразийская экономическая интеграция. 2013. Т. 3 (20).
2. Абдулло Р. Таджикистан — Китай: четверть века прямых отношений // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 3—4. С. 105—120.

3. Алиева Р. Р. Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 4. С. 81—88.

4. Алимов Р. К. Таджикиско-китайские отношения: история, современность, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. Т. 15.

5. Алимов Р. К. К вопросу о таджикиско-китайском сотрудничестве в сфере образования // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. С. 254—265.

6. Амирахмadian Б. и др. Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017. — М., 2017. 184 с.

7. Дилами Ф., Поплавская Н. В. Использование метода контент-анализа для оценки информационной политики американских СМИ в отношении Ирана // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4.

8. Инь Ж. Реакция китайских СМИ на присоединение Крыма к России. Контент-анализ опубликованных статей на портале CNKI // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5. С. 142—148.

9. Ионова Е. П. Рост китайского присутствия в Таджикистане // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1 (22). С. 82—88.

10. Ирисханова О. К., Мотро Ю. Б. Обмен экспертными знаниями как коммуникативное событие // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2010. Т. 597. С. 28—44.

B. G. Fatkulin

Chelyabinsk, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INFORMATION SUPPORT OF THE FOREIGN POLICY INITIATIVE "ONE BELT — ONE ROAD" IN THE ELECTRONIC PRESS OF IRANIAN-SPEAKING COUNTRIES (TAJIKISTAN, AFGHANISTAN, IRAN)

ABSTRACT. *The paper describes the attitude of Iranian-speaking countries of the Silk Road to Chinese foreign policy "One Belt — One Road"; it analyzes representation of the attitudes in Iranian, Afghan and Tajik electronic media; it discusses the differences in interpretation of the initiative and provides reasons that might have caused them. The research is based on the analysis of articles on the foreign policy initiative of China "One Belt — One Road" in Farsi, Dari and Tajik languages published in electronic versions of the media circulating in these countries. The linguistic data presented in the paper prove that there are differences in political terminology in Iran, Afghanistan and Tajikistan that is used to depict foreign policy initiative of China; they are caused by geographic and strategic position of these countries, peculiarities of their political doctrines, foreign influence and domestic policy. Iranian experts examine the initiative and try to assess all its positive and negative consequences. It is caused by the status of Iran as the regional power, strong sense of national identity of Iranians. Tajik press describes potential positive results of being transit centre, which might open a lot of opportunities for the development of the country. Most of the media speak of the economic aid that China offers to Tajikistan. Afghanistan shows two political vectors. The first one is internal instability and dependence on ISAF countries. The second vector is perspective to become the transit country with all the economic consequences.*

KEYWORDS: *foreign policy; China — Afghanistan relations; China-Iran relations; China-Tajikistan relations; international relations; political linguistics; political discourse; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Fatkulin Bulat Gilimdarovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Linguistics and International Communications of South Ural State University; Faculty of Eurasia and the East of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Demidenko M. V. Tadjikistan i TS: vyzovy i vozmozhnosti // Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya. 2013. Т. 3 (20).

2. Abdullo R. Tadjikistan — Kitay: chetvert' veka pryamykh otnosheniy // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2015. Т. 18. № 3—4. S. 105—120.

3. Alieva R. R. Mezhdunarodnyy dialog v oblasti kul'tury na prostranstve ShOS // Izv. Saratov. un-ta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. Т. 14. № 4. S. 81—88.

4. Alimov R. K. Tadjikisko-kitayskie otnosheniya: istoriya, sovremennost', perspektivy // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2010. Т. 15.

5. Alimov R. K. K voprosu o tadjikisko-kitayskom sotrudnichestve v sfere obrazovaniya // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2013. Т. 18. S. 254—265.

6. Amirakhmadian B. i dr. Partnerstvo Rossii i Irana: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Doklad № 29/2017. — М., 2017. 184 с.

11. Лу Т. Политическая лингвистика в Китае: теория и основные направления // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 46—55.

12. Михалёв М. С. «Один пояс, один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6 (50).

13. Парсиан А. А. СМИ как информационный фактор формирования государственной политики в Иране // Вестн. Таджик. нац. ун-та. 2015. № 3-1. С. 197—201.

14. Трушкин А. Г. Развитие китайско-афганских отношений в XXI веке: ресурсный фактор // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. 2015. Т. 14. № 4. С. 81—85.

15. Фаткулин Б. Г. Электронные библиотеки и наукометрические базы данных Исламской Республики Иран — инструмент для развития российско-иранских научных связей // Материалы 68-й науч. конф. / Юж.-Урал. гос. ун-т. 2016. С. 833—839.

16. Цяюой К. Перспективы инициативы «Один пояс — один путь» в развитии российско-китайских экономических отношений // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5.

17. Юртаев В. И Особенности современной внешней политики Ирана // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2012. Т. 2. С. 13—20.

18. Ярошенко Е. Н. Внешняя политика Китая в Республике Таджикистан. — Благовещенск: Благовещен. гос. пед. ун-т, 2012. С. 154—157.

7. Dilami F., Poplavskaya N. V. Ispol'zovanie metoda kontent-analiza dlya otsenki informatsionnoy politiki amerikanskikh SMI v otnoshenii Irana // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2012. № 4.

8. In' Zh. Reaktsiya kitayskikh SMI na prisoeдинenie Kryma k Rossii. Kontent-analiz opublikovannykh statey na portale CNKI // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2015. № 5. S. 142—148.

9. Ionova E. P. Rost kitayskogo prisutstviya v Tadjikistane // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2014. № 1 (22). S. 82—88.

10. Iriskhanova O. K., Motro Yu. B. Obmen ekspertnymi znaniyami kak kommunikativnoe sobytie // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. 2010. Т. 597. S. 28—44.

11. Lu T. Politicheskaya lingvistika v Kitae: teoriya i osnovnye napravleniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 46—55.

12. Mikhalev M. S. «Oдин poyas, odin put'» kak novaya vneshnepoliticheskaya strategiya KNR. Kratkiy analiz vnutrikitsayskoy diskussii // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2016. Т. 9. № 6 (50).

13. Parsian A. A. SMI kak informatsionnyy faktor formirovaniya gosudarstvennoy politiki v Irane // Vestn. Tadjik. nats. un-ta. 2015. № 3-1. S. 197—201.

14. Trushkin A. G. Razvitie kitaysko-afganskikh otnosheniy v XXI veke: resursnyy faktor // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, Filologiya. 2015. T. 14. № 4. S. 81—85.

15. Fatkulin B. G. Elektronnye biblioteki i nauko-metri-cheskie bazy dannykh Islamskoy Respubliki Iran — instrument dlya razvitiya rossiysko-iranskikh nauchnykh svyazey // Materialy 68-y nauch. konf. / Yuzh.-Ural. gos. un-t. 2016. S. 833—839.

16. Tsyayuy K Perspektivy initsiativy «Odin poyas — odin put'» v razvitiy rossiysko-kitayskikh ekonomicheskikh otnoshe-niy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 5.

17. Yurtaev V. I Osobennosti sovremennoy vneshney politiki Irana // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. T. 2. S. 13—20.

18. Yaroshenko E. N. Vneshnyaya politika Kitaya v Respublike Tadjikistan. — Blagoveshchensk : Blagoveshchen. gos. ped. un-t, 2012. S. 154—157.

Н. Ю. Хорецкая, И. В. Кокурина
Иваново, Россия

**«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...», ИЛИ ЛОГИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ
В МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ СМИ)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена манипулятивным техникам воздействия на сознание и поведение человека, которые исследуются на материале немецких СМИ. А значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. На этом и базируется любое манипулятивное воздействие и разрабатываются его приемы и тактики, среди которых можно выделить диффамацию (распространение компрометирующих слухов), коммороацию (вторжение одной и той же мысли разными словами), сублимацию (превращение неприемлемого поведение в приемлемое), а также навешивание ярлыков, использование эвфемизмов, умолчание, обращение к полуправде и др. Рассматривается манипулятивный потенциал логических частиц. К логическим частицам в немецком языке относятся такие слова, как «auch» (также, тоже), «noch» (ещё), «schon» (уже), «nur» (только), «sogar» (даже) и т. д., играющие важную роль в организации мыслительных процессов и восприятии передаваемой информации. С помощью частиц авторам удается скрыто проводить свою позицию и настроить читателя на определенную волну восприятия информации. Манипуляция в высказываниях с логическими частицами при этом приводит к следующим результатам: создается аксиологический контекст, где за счет экспликации дополнительных положительных/отрицательных характеристик программируется оценка; изменяются представления о происходящих событиях; усиливается нагнетание ситуации. зная технологию использования логических частиц можно успешно избежать манипулятивных атак со стороны источников информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипуляция сознанием; политический дискурс; медиaproстранство; немецкие СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; манипулятивное воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Хорецкая Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии, Ивановский государственный университет; 153025Россия, г.Иваново, ул. Ермака, 39; e-mail: nataliasch@mail.ru.

Кокурина Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Ивановский государственный университет; 153025Россия, г.Иваново, ул. Ермака, 39; e-mail: inna-kokurina@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Сегодня уже трудно представить нашу жизнь без средств массовой информации, от которых давно стало зависеть наше мировоззрение и оценка происходящего вокруг. СМИ не только повествуют о том, чем живут разные части света, но и обеспечивают нас «компетентными» комментариями происходящего рядом с нами и далеко за пределами государств, в которых мы живем. Такое положение вещей напрямую связано с растущей потребностью аудитории в информации разного вида. Господствующей здесь на сегодняшний день является информация о различных политических процессах. Именно им отводится самое большое место в современных информационных источниках. Почему именно политика все больше интересует современного человека? Вероятно, это происходит потому, что каждый из нас все больше зависит от этого общества и старается осмыслить происходящее или приспособиться к нему. Однако часто наши попытки разобраться в череде политических событий заканчиваются согласием в основных вопросах с государственными политическими стратегиями или как минимум пассивным восприятием политических интриг. Причиной этому служит уже всем известное понятие «манипуляция». Именно к манипулятивным действиям склонны по своей природе СМИ, поскольку именно с помощью СМИ

политики осуществляют свои намерения и ведут информационные войны. Целью любой информационной войны является изменение поведения и системы ценностей аудитории, навязывание своих идеалов и даже управление мыслительной и аналитической деятельностью человека. Это позволяет охарактеризовать любую информационную войну в политике как манипулятивный процесс. Отсюда утверждение, что манипуляция — это часть технологии власти.

Природу манипуляции достаточно четко описал С. Г. Кара-Мурза в своей известной работе «Манипуляция сознанием», заметив, что вместе с посылаемым сообщением манипулятор направляет адресату «закодированный» сигнал, который, в свою очередь, должен разбудить в сознании адресата те образы, которые необходимы манипулятору [Кара-Мурза 2004: 277]. «Закодированный» сигнал при этом является не чем иным, как таким умело созданным контекстом, в котором мысли человека идут в требуемом направлении. Иными словами, в медиареальности конструируется фиктивная реальность, которая воздействует на реципиента [Гришаева 2017: 26]. Манипулированию в медиадискурсе посвящено много научных исследований [Казаков 2013; Гришаева 2015; Цыцаркина 2015].

Любой текст формируется знаками. Наиболее распространенными среди таких зна-

ков являются слова. Именно ловко подобранное слово способно «вывести» получателя информации за пределы текста и исказить до нужных пределов представление о действительности. Таким образом, орудием любой манипуляции являются прежде всего слова как формы языка.

Язык тесно связан с мышлением [Алефиренко 2005: 32; Колшанский 1990: 10—11]. Знание законов, по которым функционируют эти две сложные системы (язык и мышление), и того, как они переплетаются между собой, позволяет программировать поведение человека. Как известно, мышление — это процесс, в результате которого в определенных логических формах в сознании отражаются объективные связи предметов и явлений объективного мира. Большинство таких логических форм скрыто в самом языке, которым пользуется человек [Кривоносов 1993: 15; Кривоносов 1996: 16]. Логическое мышление есть у каждого здравомыслящего человека, который пользуется языком. Структура логического мышления сегодня прекрасно изучена. А значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. На этом и базируется любое манипулятивное воздействие и разрабатываются его приемы и тактики, среди которых можно выделить диффамацию (распространение компрометирующих слухов), комморацию (повторение одной и той же мысли разными словами), сублимацию (превращение неприемлемого поведения в приемлемое), а также навешивание ярлыков, использование эвфемизмов, умолчание, обращение к полуправде и др.

Одним из значимых, на наш взгляд, средств формирования в сознании реципиента умозаключений, нужных манипулятору, являются логические частицы. К сожалению, до сих пор на эти небольшие слова-манипуляторы, которыми пестрят тексты политической направленности, не обращали должного внимания. Однако с научной точки зрения считать такие части речи неважными порой очень опасно [Klein 1998: 177]. Уже само название **логические частицы** заставляет задуматься об особой роли и функции этих лексем в организации высказываний. Большое количество логических частиц свойственно немецким текстам, в частности текстам немецких СМИ. Остановимся на этом более подробно.

К логическим частицам относятся такие слова, как *auch* (также, тоже), *noch* (ещё), *schon* (уже), *nur* (только), *sogar* (даже) и т. д. Несмотря на то, что эти лексем относятся к служебному классу слов, они играют очень

важную роль в организации мыслительных процессов и восприятии передаваемой информации. В науке о языке выделяют две основные функции логических частиц: соотнесение смежных понятий и маркирование коммуникативного центра (ремы) [Торопова 1980: 6]. Эти функции можно продемонстрировать следующим примером: *Sogar der Vater ist zum Fest gekommen (Даже отец пришел на праздник)*.

Логическая частица *sogar* (даже) сопровождает слово — ядерный элемент *der Vater* (отец), соотнося его с неким смежным понятием. Даже без знания контекста в нашем сознании эксплицируется тот факт, что кроме отца на праздник пришли и другие люди (родственники, близкие, друзья...). Более того, частица акцентирует наше внимание исключительно на слове *der Vater*. Наше сознание сразу же улавливает этот компонент высказывания и определяет его как самый значимый (рема), даже не владея ситуацией в полном объеме. Данный пример наглядно показывает, что логические частицы — это слова, сила которых не в информационном содержании, а в суггесторном воздействии. Таким образом, особенности организации коммуникативной структуры высказывания могут рассматриваться как воплощение коммуникативной стратегии говорящего и результат воздействия контекста [Янко 1999].

Именно с этих позиций были рассмотрены политические тексты немецких средств массовой информации. Проведенный анализ позволил сделать интересные выводы. Частое употребление логических частиц в немецком политическом дискурсе неслучайно. С помощью частиц авторам удается скрыто проводить свою позицию и настраивать читателя на определенную волну восприятия информации. Манипуляция в высказываниях с логическими частицами при этом приводит к следующим результатам:

- 1) создается аксиологический контекст, где за счет экспликации дополнительных положительных/отрицательных характеристик программируется оценка;
- 2) изменяются представления о происходящих событиях;
- 3) усиливается нагнетание ситуации.

Рассмотрим это более подробно на примерах.

Случай (1): *Es darf da keinen "Rapallo-Effekt" geben, wie damals nach dem Ersten Weltkrieg, als sich das Deutsche Reich und Russland auch über die Köpfe kleinerer Staaten hinweg verständigten* [Gebert 2017]. — *Здесь нельзя допустить возникновения „эфффекта Рапалло“, когда после Первой*

мировой войны Германский рейх и Россия **тоже** через головы более мелких государств пришли к согласию.

Речь идет о возможном диалоге между Дональдом Трампом и Владимиром Путиным, где частица «подсказывает», что любое сотрудничество на политическом уровне осуществляется не только за счет игнорирования интересов небольших стран, но и за счет неких других негативных действий, которые не названы прямым текстом, но которые точно имеют место в политической жизни. Тем самым благодаря намекам на дополнительные отрицательные поступки у читателя формируется негативная оценка происходящего. Особо следует подчеркнуть, что основное внимание в высказывании благодаря наличию логической частицы приковывается именно к смысловой группе «через головы более мелких государств».

Случай (2): *Und was die allgemeine Einschätzung betreffe, er, Setschin, sei der zweitmächtigste Mann in Russland, so könne das „nur Lachen hervorrufen“* [Steiner 2017]. — *А что касается распространенных слухов о том, что он, Сечин, является вторым по значению человеком в России, то это может „только вызвать смех“.*

В данной статье немецкой газеты «Welt» обсуждается вопрос об истинных «первых скрипках» российского правительства. При этом частица настойчиво помогает поменять свое мнение о том, что главным политическим деятелем страны является не российский президент, а глава концерна «Роснефть» Игорь Сечин. Происходит такая манипуляция потому, что частица задерживает внимание на компоненте «вызвать смех». В таком контексте мысли читателя определенно идут в «нужном» манипулятору направлении.

Случай (3): *Seit Sonntag, meldet die ukrainische Armee, seien schon acht Soldaten gefallen* [Smirnova 2017]. — *По сообщениям украинской армии, с воскресенья погибли уже восемь солдат.*

Информационный материал повествует о развязывании Россией войны с мирной Украиной. Сводка последних событий заявляет об эскалации боевых действий в Дон-

бассе. При этом благодаря частице особо акцентируется внимание на количестве погибших военных с целью намеренного усугубления негодования читателя.

Следует еще раз подчеркнуть, что очень часто трудно предугадать, какой эффект повлекут за собой безобидные на первый взгляд логические частицы и какое воздействие они могут оказывать на реципиента. Но зная технологию использования логических частиц, можно успешно избежать манипулятивных атак со стороны источников информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. — М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Гришаева Л. И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 6 (717).
3. Гришаева Л. И. «Сказка — ложь, да в ней намек...», или О принципах построения медиареальности // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64).
4. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45).
5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2004. 864 с.
6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990. 120 с.
7. Кривонос А. Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. — М.; Нью-Йорк, 1996. 682 с.
8. Кривонос А. Т. Естественный язык и логика. — М.; Нью-Йорк. 318 с.
9. Торопова Н. А. Семантика и функции логических частиц. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 173 с.
10. Цыцаркина Н. Н. Особенности речевого манипулирования при объективации фрейма конфликтных социальных отношений в политическом медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22.
11. Янко Т. Е. О понятии коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1999. № 4.
12. Gebert A. Die EU spielt in der dritten Liga // Stern. 21.01.2017. URL: <http://www.stern.de/politik/ausland/wolfgang-ischinger---die-eu-spielt-in-der-dritten-liga--7288388.html> (date of access: 05.02.2017).
13. Klein W.P. Über Schriftpartikel, oder: Warum man manchmal aus einer Mücke einen Elefanten machen darf // Partikulae partikularum. Festschrift zum 60. Geburtstag von Harald Weydt. — Tübingen: Stauffenburg Verl., 1998. 402 S.
14. Smirnova Ju. Putins Separatisten entfachen einen Winterkrieg // Die Welt. 01.02.2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article161721463/In-der-Ostukraine-entbrennt-ein-Winterkrieg.html> (date of access: 07.02.2017).
15. Steiner E. Sie nennen ihn Darth Vader // Die Welt. 21.01.2017. URL: https://www.welt.de/print/die_welt/wirtschaft/article161382004/Sie-nennen-ihn-Darth-Vader.html (date of access: 27.01.2017).

N. Ju. Khoretskaya, I. V. Kokurina
Ivanovo, Russia

“WE CANNOT DIVINE...” OR LOGICAL PARTICLES IN MANIPULATIVE TECHNIQUES IN POLITICAL MEDIA SPACE (BASED ON THE TEXTS OF GERMAN MEDIA)

ABSTRACT. *The paper discusses manipulative techniques to influence the consciousness and behavior of people, that are found in the German mass media. It is possible to persuade a person to think in a certain way, and thus deprive them of the ability to come to logical conclusions. This is the basis of manipulation. The main techniques and tactics of manipulation are defamation (the spread of gossip), commemoration (repetition of one and the same idea using different words), sublimation (transformation of indecent behavior into decent), pinning labels, the use of euphemisms, omission, half-truth, and others. Manipulative potential of logical particles is analyzed in this article. Logical particles in German include «auch» (also), «noch» (else), «schon» (yet), «nur» (only), «sogar» (even), etc. They play a great role in the mental processes that accompany comprehension. With the help of these particles the authors can introduce and promote their views, as*

well as tune the readers. Manipulation in the sentences containing logical particles has the following results: axiological context is built in which evaluation is given by means of the negative or positive characteristics; the view of the event is changed; tension is accelerated. If readers know the technology of the use of logical particles, they can resist manipulation of mass media.

KEYWORDS: *manipulation of consciousness; political discourse; media space; German mass media; mass media; media linguistics; media discourse; media texts; manipulation.*

ABOUT THE AUTHORS: *Khoretskaya Natalia Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Romance Linguistics, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

Kokurina Inna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Romance Linguistics, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. — M. : Gnozis, 2005. 326 s.
2. Grishaeva L. I. Kak v mediadiskurse informirovanie stanovitsya manipulirovaniem // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 6 (717).
3. Grishaeva L. I. «Skazka — lozh', da v ney namek...», ili O printsipakh postroeniya mediareal'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64).
4. Kazakov A. A. Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v politicheskom mediadiskurse: popytka sistematizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45).
5. Kara-Murza S. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2004. 864 s.
6. Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. — M. : Nauka, 1990. 120 s.
7. Krivonosov A. T. Yazyk. Logika. Myshlenie. Umozaklyuchenie v estestvennom yazyke. — M. ; N'yu-York, 1996. 682 s.
8. Krivonosov A. T. Estestvennyy yazyk i logika. — M. ; N'yu-York. 318 s.
9. Toropova N. A. Semantika i funktsii logicheskikh chas-tits. — Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta, 1980. 173 s.
10. Tsytsarkina N. N. Osobennosti rechevogo manipulirovaniya pri ob"ektivatsii freyma konfliktnykh sotsial'nykh otnosheniy v politicheskom mediadiskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2015. № 22.
11. Yanko T. E. O ponyatii kommunikativnoy struktury i kommunikativnoy strategii (na materiale russkogo yazyka) // Voprosy yazykoznavaniya. 1999. № 4.
12. Gebert A. Die EU spielt in der dritten Liga // Stern. 21.01.2017. URL: <http://www.stern.de/politik/ausland/wolfgang-ischinger---die-eu-spielt-in-der-dritten-liga--7288388.html> (date of access: 05.02.2017).
13. Klein W.P. Über Schriftpartikel, oder: Warum man manchmal aus einer Mücke einen Elefanten machen darf // Partikulae partikularum. Festschrift zum 60. Geburtstag von Harald Weydt.— Tübingen : Stauffenburg Verl., 1998. 402 S.
14. Smirnova Ju. Putins Separatisten entfachen einen Winterkrieg // Die Welt. 01.02.2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article161721463/In-der-Ostukraine-entbrennt-ein-Winterkrieg.html> (date of access: 07.02.2017).
15. Steiner E. Sie nennen ihn Darth Vader // Die Welt 21.01.2017 URL: https://www.welt.de/print/die_welt/wirtschaft/article161382004/Sie-nennen-ihn-Darth-Vader.html (date of access: 27.01.2017).

Р. Р. Юсупова, Р. Р. Теплых
Уфа, Россия

ДЕМОНИЗАЦИЯ «ПЛОХИХ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ. Стратегия демонизации является основным методом информационной войны. Цель данного исследования — выявить приемы речевого воздействия, направленные на создание стратегии демонизации в ходе информационной войны. Демонизация политического лидера исследуется на примере телевизионных передач канала «CNN Live», посвященных войне в Сирии, Башару Асаду и членам его семьи. Установлено, что в период войны в Сирии использовались приемы манипулятивного убеждения и внушения, когда в психику реципиента внедряются цели, оценки, идеи, искажающие картину мира или выгодные коммулятору без учета интереса реципиента. Выделены основные приемы речевого воздействия: апелляция к авторитетным личностям, мнения которых неоспоримы (в эфир приглашаются эксперты — опытные политики и научные сотрудники университетов), персонализация события (внимание реципиентов отвлекается от сути события и акцентируется на личности и ее качествах), апелляция к устоявшимся стереотипам (насаждение своих ценностей и неприятие чужих, активизирующее базовую оппозицию «свой — чужой»), использование полуправды (игнорирование фактов, которые противоречат идеологической установке), устрашение (демонизация иррациональна и всегда воздействует на чувства, сильное воздействие оказывают негативные эпитеты и истории из жизни с участием объектов демонизации), предъявление обвинений (обвинения предъявляются без доказательной базы), апелляция к фоновым знаниям через аналогии (чтобы задействовать фрейм «мафия», автор проводит аналогию с семьей Корлеоне: для каждого члена семьи Башара Асада находится прототип в фильме Ф. Коппола).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия демонизации; приемы речевого воздействия; информационные войны; метафорические фреймы; свой — чужой; политический дискурс; политические деятели; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; политическая метафорология; политические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Юсупова Розалия Римовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра международного права и международных отношений, Институт права, Башкирский государственный университет; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: rozaliya-yusupova@yandex.ru.

Теплых Регина Римовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Уфимский государственный технический университет; 450062, Россия, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1; e-mail: reginateplykh@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Информационные войны всегда являлись частью внешней политики государств. Даже в догосударственную эпоху вожди/шаманы придумывали и распространяли порочащие соседей слухи для обоснования нападения на них. Самым распространенным основанием было, конечно, богатство соседей. Но и возрастающее могущество в не меньшей мере было причиной объявления так называемых превентивных войн [Шонин, Юсупова 2017: 43—45].

В информационной войне испокон веков используется создание стереотипов у населения своей страны, прежде всего для демонизации и дегуманизации противника. В своем исследовании в качестве рабочего определения информационной войны мы воспользуемся определением А. П. Сковородникова и Г. А. Копнина, в котором учитывается роль языка и речи в психологическом воздействии. Информационно-психологическая война — это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения [Сковородников, Копнина 2016: 42—49]. Поскольку применяемые информационные средства носят наступательный характер и направлены на изменение мышления адресата, то страте-

гия демонизации является основным методом такой войны. Эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательно — отталкивающего образа оппонента, в результате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло [Иванова 2016: 28—37].

В данной работе мы воспользуемся традиционными методами исследования речи и текста, а именно методами контекстуального, концептуального, сравнительного, дефинитивного анализов и методом критического дискурс-анализа. Цель данного исследования — выявить приемы речевого воздействия, направленные на создание стратегии демонизации в ходе информационной войны на примере войны в Сирии. Под приемами речевого воздействия мы понимаем специфические психологические, речевые действия со стороны воздействующего субъекта, единичные либо совокупные, направленные на достижение его целей [Шелестюк 2014: 66—79].

Материалами для исследования послужили телевизионные передачи американского канала *CNN Live*. Согласно рейтингу Нильсена (англ. *Nielsen ratings* — система измерения количества аудитории), *CNN* занимает первое место среди новостных каналов в США и второе среди международных служб новостей, уступая аудитории BBC. Передачи те-

леканала доступны к просмотру более чем в 212 странах мира. Таким образом, можно заключить, что, имея высокий рейтинг и доверие аудитории, *CNN* оказывает большое влияние на формирование общественного мнения.

Американский телеканал *CNN Live* подготовил серию телепередач с очень громкими названиями: «*Bashar al-Assad: like father, like son*», «*Dictator Dynasty "Syria, Assad Family Business"!*», «*Maher, most ruthless of the al-Assads*». Как правило, заголовки и названия образуют модальную «рамку», содержащую концентрированное выражение модальности текста сообщения и создающую установку на восприятие смысла текста статьи или передачи [Белова 2013: 794—796]. В данных названиях передач вектор коммуникативной направленности четко обозначен: там, где Асады, ничего хорошего нет. Возможно, зрители не знают, кто такой Махер (Maher — младший брат Башара Асада. — *Р. Ю., Р. Т.*), но в названии телепередачи эксплицитно выражено, что он принадлежит к семье Асадов (*of the al-Assads*). Использование прилагательного *ruthless* (*not thinking or worrying about any pain caused to others; cruel*) в превосходной степени позволяет выстроить гипотетическое представление о Махере как об очень жестоком человеке.

В ходе эмпирического анализа мы выделили следующие приемы речевого воздействия, направленные на стратегию демонизации оппонента в телевизионных передачах американского телеканала *CNN Live* в период войны в Сирии: манипулятивное убеждения и внушения, когда в психику реципиента внедряются цели, оценки, идеи, искажающие картину мира или выгодные коммулятору без учета интереса реципиента. Основными приемами речевого воздействия являются следующие.

1. Апелляция к авторитетным личностям, мнения которых неоспоримы. В телевизионных передачах американского телеканала *CNN Live* в качестве экспертов были приглашены Андрей Таблер, представитель Вашингтонского института ближневосточной политики (Andrew Tabler : The Washington Institute for Near East Policy), Флорида Шами, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Florida Shami, senior fellow at Stanford university's Hoover Institution on War, Revolution and Peace), Тед Каттиф, бывший посол США в Сирии (Ted Kattouf is a former US Ambassador to Syria), профессор Джошуа Ландис из Университета Оклахомы (Prof. Joshua Landis University Ok-

lahoma). Поскольку эксперты выражают свое субъективное мнение и не приводят доказательств, то истинность играет второстепенную роль, иными словами, их мнения представляются единственно правильными.

2. Персонализация события. При создании отрицательного, отталкивающего образа руководителя «неудобной страны» внимание реципиентов отвлекается от сути события и акцентируется на личности. «Не обязательно заставлять ненавидеть весь народ, — писал британский дипломат лорд Артур Понсонби (1871—1946), — надо персонифицировать образ врага, показать своему населению, что глава, руководитель „других“ — это душевнобольной, свихнувшийся, продажный человек» [Понсонби [http](http://)]. Приведем цитату: *His father Hafez al-Assad a brutal and repressive dictator accused of using chemical weapons against his own people.*

При определении Хафеза Асада словом *dictator* (*a leader who has complete power in a country and has not been elected by the people*) в сочетании с эпитетами, которые содержат отрицательную оценку в денотативном компоненте значения: *brutal* (*cruel, violent and completely without feelings*), *repressive* (*controlling what people do, especially by using force*), — адресат воспринимает отца Башара Асада как самое большое зло.

I think that some people have two natures and I think Bashar al-Assad and his wife are this kind of couple they're very deceptive, they're very alluring for those particularly that don't understand what goes on in Syria every day.

Башар Асад и его жена охарактеризованы как *deceptive* (от глаг. *deceive* — *to persuade someone that smth false is truth, or to keep the truth hidden from someone for your own advantage*). То есть за внешней привлекательностью — *alluring* (*the quality of being attractive, interesting or exciting*) — главы Сирии и его супруги скрывается их лживость и двуличие.

Syria is a family business. The Assads is a dynasty, a mafia, Bashar al-Assad was going to be a reformer the reality is: like father, like son.

Таким образом, Асады — авторитарные личности (*dynasty, mafia* — *a close group of people who are involved in similar activities and who help and protect each other, sometimes to the disadvantage of others*), которые подчиняют государство своей воле, и ничего хорошего, пока они у власти, не будет (*the reality is like father like son*).

3. Апелляция к устоявшимся стереотипам. Обращение к исследованию стереотипов, которые удобны для журналистов вследствие своей схематичности, нарочито-

сти и простоты, помогает раскрыть процесс формирования установок на положительное или отрицательное восприятие чужой страны, а также вынесение общей оценки о том или ином государстве и его роли на мировой арене [Иванова, Салимова 2015: 1032—1038]. Насажение своих ценностей и неприятие чужих активизируют определенные ассоциации, оценки и эмоции, и реализуется базовая оппозиция «свой — чужой». Иными словами, необходимо показать, что все, что связано с Асадами, выходит за пределы человеческих норм, принятых цивилизованным обществом.

It's so amazing because even in my own lifetime Alawites were the drawers of the water wood and the hewers of in Syria. They were maids, they were servants, but found their way to power. And so boys with nothing to do, with no other means of income, with no social skills, with no talent for business became soldiers.

Данный пример ярко иллюстрирует, что алавиты, религиозное течение, к которым принадлежат Асады, необразованные, они способны выполнять только самую некавалифицированную работу (*maids, servants, drawers of the water*), они абсолютно не приспособлены к жизни (*with no other means of income, with no social skills, with no talent for business*), и единственное, на что были способны алавиты, — участвовать в военных действиях (*became soldiers*).

4. Использование полуправды. Для СМИ характерно игнорирование некоторых фактов, если они противоречат идеологической установке.

And the Republican Guard elite Syrian military units composed of mostly minority Alawite Muslims, the same sect as the Assad clan.

В данном примере демонизируется само религиозное течение алавитов, представленное как секта (*sect — a religious denomination*). Совмещение фактов (*the same sect as the Assad clan*) порождает дополнительные смыслы, легко восстанавливаемые реципиентом. Таким образом, зритель подводится к управляемому выводу: даже в элитных военных подразделениях не все хорошо, поскольку они состоят из алавитов, т. е. сектантов. Налицо искажение истинных масштабов явления. Если уже в элитных войсках алавиты, то это серьезная проблема для всей нации и Сирии в целом.

5. Устрашение. Демонизация иррациональна и всегда воздействует на чувства. А страх — очень сильная эмоция, которая привлекает внимание, мы сразу фокусируемся на том, что нас пугает, волнует, таким образом, блокируется осмысленное мышление. Страх часто перерастает в гнев. Негативные

эпитеты, которыми наделяют объектов демонизации, и истории из жизни с участием объектов демонизации имеют очень сильную силу воздействия. Необходимо заметить, что жизненные истории всегда выглядят правдоподобными и убедительными.

If mafia al-Assad is still alive and still helping his brother, he's following a menacing family tradition. Their father dictator Hafez al-Assad placed his own brother Rifat as head of key security units. Rifat al-Assad was reported as a key figure behind a 1982 crackdown in the city of Hama in which tens of thousands of Syrian civilians were massacred.

Перспектива хорошего будущего отсутствует, если Асады останутся у власти. Вся их семья имеет негативную оценку: *menacing (making you think that someone is going to do something bad)*. Башар Асад продолжит семейные традиции (*he's following a menacing family tradition*), а традиции связаны с насилием: отец номинируется как диктатор, а брат Хафеза, Рифат, возглавлял подразделение службы безопасности, участвовал в убийстве десятков тысяч мирных сирийцев (*tens of thousands of Syrian civilians were massacred — to kill many people in a short period of time*).

6. Предъявление обвинений. В приведенных ниже примерах обвинения представлены без доказательной базы, иными словами, они представляют информационный взброс, который является эффективным способом речевого воздействия на массовое сознание.

The Assads treat the country as a kind of kiddie for themselves. They've robbed Lebanon, they had run a racket in Lebanon for 30 years. They've held up the oil Sates, the Arab oil States to ransom and they've received billions from them. Syria has oil in the Northeast. There is enough oil-producing state, there is enough wood and the oil money is also regime money, is also a sad money.

В этом примере показана губительная внутренняя и внешняя политика Асадов. Они в течение долгого времени рэкетиrowали Ливию (*they've robbed Lebanon, they had run a racket in Lebanon for 30 years*) и установили выкуп для арабских нефтяных государств (*they've held up the oil Sates, the Arab oil States to ransom and they've received billions from them*), несмотря на то, что Сирия имеет достаточно нефти, леса (*Syria has oil in the Northeast. There is enough oil-producing state in a big way but there is enough wood*). Для характеристики внутренней политики используется метафора *kiddie — a small child*, которая в своем значении реализует несерьезность. Надо заметить, что метафоры

имеют очень сильное психологическое воздействие.

7. Апелляция к фоновым знаниям через аналогии. Чтобы попасть во фрейм «мафия», автор проводит аналогию с семьей Корлеоне. При использовании конструкции объект демонизации приравнивается к некоей силе, которое олицетворяет зло.

Since we are using the metaphor of the new mafia think of the older brother of Bashar, Bassel, who died in that car accident, we think about Sonny and think of Bashar as Michael Corleone the cool-blooded guy who inherited the job accidentally and then turns out very good at.

И мама Башара Асада, и его сестра, младший брат, дядя (брат отца), муж сестры, двоюродные братья — для каждого есть свой прототип в фильме Фрэнсиса Форда Coppola.

В ходе своего исследования мы установили, что для реализации стратегии демонизации оппонента были использованы приемы речевого воздействия, а именно манипулятивного убеждения и внушения. Необходимо заметить, что основным инструментом речевого воздействия является психологическая составляющая, связанная с воздействием на эмоциональную сферу адресата. В ходе информационной войны СМИ, создавая новые когнитивные представления, а именно направленные на демонизацию оппонента, делают упор на эмоциональную сферу, что отчетливо выделяется на лексическом уровне языка.

R. R. Yusupova, R.R. Teplykh
Ufa, Russia

DEMONIZATION OF THE “BAD” POLITICAL LEADERS AS A TOOL OF INFORMATION WAR

ABSTRACT. *The strategy of demonization is the basic method used in information war. The goal of this research is to reveal means of speech manipulation aimed at demonization strategy formation in information war. Demonization of a political leader is analyzed on the basis of TV programs in «CNN Live» devoted to Syria war, Bashar Assad and his family members. It is found that during the war in Syria such manipulation techniques were especially frequent: the recipient's mind was filled with the goals, ideas and evaluations that distorted reality and were beneficial for the addresser. The main techniques of speech manipulation are the following: appeal to famous people, whose authority is unchallenged (experts, politicians and scholars from the largest universities are invited to take part in the TV program); personalization of the event (the addressee's attention is focused on the personality and personal traits rather than on the event); appeal to the common stereotypes (introduction of one's values and rejection of the values of the others, the opposition “we – the others”); half-truth (disregard of facts that contradict ideological belief); threatening (demonization is always irrational, it appeals to the senses and feelings; negative epithets and life stories of the demonization subjects are especially strong); accusation (charges are brought without any evidence); appeal to the background knowledge via analogy (to activate the frame “Mafia”, the author brings the analogy with the Corleone family: every member of Bashar Assad's family is compared to the character from the film).*

KEYWORDS: *strategy of demonization; speech manipulation techniques; information war; metaphorical frames; we – the others; political discourse; political leaders; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media; political metaphorology; political metaphors.*

ABOUT THE AUTHORS: *Yusupova Rozaliya Rimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Bashkir State University Institute of Law, Ufa, Russia.*

Teplykh Regina Rimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Ю. А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации // Вестн. Башкир. ун-та. 2013. № 3 (18). С. 794—796.
2. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.
3. Иванова С. В., Салимова Р. М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. № 3 (20). С. 1032—1038.
4. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—48.
5. Понсонби А. Ложь во время войны. URL: <http://www.aitrus.info/node/3876/> (дата обращения: 28.08.2017).
6. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие. Онтология и методология исследования. — М.: Флинта, 2014. 173 с.
7. Шонин Н. Е., Юсупова Р. Р. Информационная война как часть внешней политики государства // Коммуникация в политике, бизнесе и образовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (17—19 мая 2017 г.): науч. электр. изд-е. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 2017. 272 с.
8. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/us/dictionary>.
9. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
10. New Oxford American Dictionary (for ABBY Lingo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
11. Oxford Dictionary (for ABBY Lingo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
12. В Америке рассказали об истинной причине войны в Сирии // Утро.ру. 2016. 11 марта. URL: <https://utro.ru/articles/2016/03/11/1274073.shtml>.
13. Bashar al-Assad: Like father, like son. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oO7xz1KavgI>.
14. Dictator Dynasty "Syria „Assad Family Business“ ! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=USHUjeOBiHg>
15. Maher, most ruthless of the al-Assads. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxCONBUSgyg>.

REFERENCES

1. Belova Yu. A. Smysl gazetnogo zagolovka: trudnosti interpretatsii // Vestn. Bashkir. un-ta. 2013. № 3 (18). S. 794—796.
2. Ivanova S. V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozдание effekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 28—37.
3. Ivanova S. V., Salimova R. M. Stereotipizatsiya i demonizatsiya obraza Rossii na stranitsakh britanskikh gazet // Vestn. Bashkir. un-ta. 2015. № 3 (20). S. 1032—1038.
4. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—48.
5. Ponsonbi A. Lozh' vo vremya voyny. URL: <http://www.aitrus.info/node/3876/> (data obrashcheniya: 28.08.2017).
6. Shelestyuk E. V. Rechevoe vozdeystvie. Ontologiya i metodologiya issledovaniya. — M. : Flinta, 2014. 173 s.
7. Shonin N. E., Yusupova R. R. Informatsionnaya voyna kak chast' vneshney politiki gosudarstva // Kommunikatsiya v politike, biznese i obrazovanii : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (17—19 maya 2017 g.) : nauch. elektr. izd-e. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 2017. 272 s.
8. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/us/dictionary>.
9. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
10. New Oxford American Dictionary (for ABBY Lingo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
11. Oxford Dictionary (for ABBY Lingo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
12. V Amerike rasskazali ob istinnoy prichine voyny v Sirii // Utro.ru. 2016. 11 marta. URL: <https://utro.ru/articles/2016/03/11/1274073.shtml>.
13. Bashar al-Assad: Like father, like son. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oO7xz1KavgI>.
14. Dictator Dynasty "Syria ,Assad Family Business" ! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=USHUjeOBiHg>
15. Maher, most ruthless of the al-Assads. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxCONBUSgyg>.

Чэнь Айсян, Ян Кэ
Гуанчжоу, Китай

**СОВЕТСКАЯ ПАМЯТЬ У СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(ОБЗОР РАБОТ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ)**

АННОТАЦИЯ. В последние годы вопросы, связанные с памятью современных россиян о Советском Союзе, вызывают у китайских ученых большой интерес. Можно сказать, что в этой области китайские исследователи работают довольно плодотворно, причем в исследованиях наблюдается определенная динамика. В научных работах периода с 1992 по 1998 год главным образом показывались печальные эмоции, тяжелое жизненное положение россиян после распада Советского Союза, психологическая травма, проистекшая из разрыва между прошлым и настоящим. Исследования, опубликованные в период с 1999 по 2008 год, концентрируют внимание на социальном, историческом и литературном аспектах проблемы. Обнаруживается и отход от полного отрицания истории Советского Союза, типичного для начала 90-х годов, и вполне объективное рассмотрение советской исторической памяти, а также непосредственный анализ памяти о Советском Союзе у россиян. В период 2009—2015 годов внимание китайских исследователей обращено в основном на сложные отношения между советской памятью и национальным духом. «Историческая память», «советская память» — ключевые слова публикаций данного периода. Процесс изменения концепта советской памяти у россиян обусловлен спецификой историко-культурного контекста постсоветской России. Для китайских исследователей данная проблематика также тесно связана с историко-культурным контекстом современного Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советский период; историческая память; национальный дух; историко-культурный контекст.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Чэнь Айсян, научный сотрудник постдокторантуры Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, профессор Чжаоцинского университета; 510421, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюаньдао Бэй, № 2; e-mail: 641386132@qq.com.

Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур, профессор Центра по исследованию зарубежной литературы и культуры, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510421, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюаньдао Бэй, № 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

Данная статья является результатом этапа реализации специально финансируемого проекта Китайского постдокторского научного фонда «Исследования „советской памяти“ в современных российских романах» (2015T80899); финансируемого проекта Китайского постдокторского научного фонда «Исследования „советской памяти“ новой России в новых российских романах» (2014M550431); финансируемого проекта «Исследование современной российской литературы — на примере русской Букеровской премии» (14QNCX06) Центра по исследованию зарубежной литературы и культуры при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли.

После декабря 1991 г. Советский Союз исчез, постепенно ушел в прошлое для российской нации. Индивидуальная и коллективная память отражает и интерпретирует данный сложный и неоднозначный период истории. Отрицательные и положительные стороны жизни Советского Союза, сохраняемые памятью, обладают культурным колоритом. Эти культурные особенности восприятия оказываются для китайских исследователей одновременно и знакомыми, и странными, неожиданными, поскольку они частично соответствуют нашей прежней памяти о Советском Союзе, а отчасти противоречат ей. Вопрос о том, с какой целью и с помощью какого подхода исследовать «советскую память» (так китайские исследователи условно называют воспоминания о различных аспектах жизни в Советском

Союзе и представления о советском периоде истории) современных россиян, стал весьма популярной темой у китайских ученых-русистов. Одни из них объективно описывают эту память путем интервьюирования российских граждан; другие с помощью изучения современной русской литературы и искусства показывают изменения в восприятии Советского Союза; третьи проводят глубокий культурологический и философский анализ памяти о советском периоде; а четвертые, пользуясь многопрофильными и комплексными ресурсами, проводят системные исследования по данной теме. Цель работы китайских ученых, как и зарубежных исследователей, заключается в том, чтобы инициировать широкий научный диалог, в рамках которого обсуждались бы не только настоящее и прошлое России и Китая, но и перспективы обеих стран.

1992—1998: печальные эмоции — односторонний показ памяти о советских реалиях

В первые годы после распада Советского Союза основное внимание китайских исследователей сосредоточено на анализе причин этого события и его исторического значения, см.: «Российские политики о распаде Советского Союза и положение России сегодня» [Юй Хунцзюнь 1992], «Размышления некоторых представителей России о распаде Советского Союза» [Чжун Япин 1997] и др. Количество исследований, посвященных памяти россиян о советском периоде, в этот период невелико: меньше десятка статей. Чем это объясняется? Прежде

всего тем, что прошло мало времени с распада Советского Союза, и внимание исследователей было сосредоточено главным образом на анализе причин этого события, а на феномен памяти о советском периоде тогда еще мало кто обращал внимание. Хотя вышло несколько статей, в которых непосредственно показаны некоторые поверхностные явления, глубоких и подробных работ не было. В статье Тин Хуа «Рассмотрение сегодняшней России — на примере одного номера журнала „Огонек“» [Тин Хуа 1992] объектом исследования является журнал «Огонек» (№ 9 за 1992 г.). Автор показал экспликацию памяти о советском периоде у россиян на примере анализа организации статей и примечаний от редакции в разделах «Культура», «Политика», «Опрос». В статье «Нищета Нового Завета» (раздел «Культура») речь идет о тяжелом положении библиотеки. Автор статьи вспомнил следующий момент: во время руководства восстанием в 1917 г. Ленин подчеркнул важность деятельности библиотеки в беседе с Луначарским в Смольном. В статье Леонида Радзиховского «Революция — сзади», посвященной Февральской революции, и размещенной в разделе «Политика», излагается следующий факт. Россия отмечает 75-летие Февральской революции. Несмотря на солидную дату, это событие вызывает более оживленную реакцию, чем, скажем, 50-летие Сталинградской битвы. Здесь содержится намек и на отношение россиян к Сталинградской битве. В статье Тин Хуа показана память россиян о Советском Союзе, но автор ограничивается описанием этой памяти как социально-политического явления, в статье нет теоретического обобщения или какого-либо системного анализа. В статье «После распада Советского Союза... Очерки по итогам визита в Россию, Литву, Украину» [Ши Чжунсин 1995] советская память у бывших советских граждан описывается на материале наблюдений автора во время поездки по трем постсоветским странам. В статье «„Не зря ли мы живем?“ — воспоминания русских ветеранов Второй мировой войны» [Дай Вэньтянь 1995] показывается живая память о войне посредством интервьюирования российских ветеранов Второй мировой войны. Заданный ими вопрос «Не зря ли мы живем, не зря ли так много пережили?» отражает растерянность и недоумение старшего поколения россиян, проявляющиеся в их размышлениях об истории и современном состоянии России.

Внимание некоторых исследователей сосредоточено на психологическом состоянии русского народа. Например, в статье Юе

Юнхун «От мифа Советского Союза до мифа новой России — социально-политические и психологические процессы в российском обществе после распада Советского Союза» [Юе Юнхун 1995] рассматривается память россиян о «советском мифе» с точки зрения социальной психологии на основе материалов из монографии доктора Е. В. Егорова-Гантмана. В статье Хэ Сяопинь «Социально-политическое и психологическое состояние россиян после распада Советского Союза» [Хэ Сяопинь 1996] подробно анализируется специфика памяти о Советском Союзе у русских людей. Исследователь считает, что «резкое столкновение прежней славы и сегодняшнего падения, гордости и чувства потери делает нынешнюю Россию страной, полной противоречий и характеризующейся амбивалентностью» [Хэ Сяопинь 1996: 37].

Результаты поиска по сайту CNKI (China Knowledge Resource Integrated Database — один из авторитетных сайтов в области научных исследований) показывают, что в период с момента распада СССР по 1998 г. мало кто из китайских исследователей обращал внимание на тему памяти о советском периоде у россиян. Найдено всего лишь 9 статей, связанных с данной темой, за эти 7 лет, и все эти статьи обладают одной общей чертой: в них отражены негативные чувства россиян в связи с тяжелым положением в реальной жизни после распада СССР и амбивалентность в их психологии по отношению к прошлому, так или иначе передаются печаль, грусть, ностальгия в осмыслении уникального исторического опыта советской эпохи. Это тесно связано с внутренним социально-психологическим контекстом России. После распада СССР россияне оказались в условиях деконструкционной системы, и депрессивное состояние после деконструкции вызывает у них ощущение растерянности и неопределенности: куда, в конце концов, должна идти Россия?

1999—2008. Многостороннее рассмотрение памяти — социологический, исторический, литературоведческий аспекты

Результаты поиска по сайту CNKI показывают: с 1999 по 2008 г. всё больше китайских исследователей обращается к теме советской памяти у россиян. Насчитывается 65 научных статей, посвященных этой теме, причем феномен советской памяти рассматривается в разных аспектах — в социологическом, историческом и литературоведческом. Можно сказать, что в 1999 г. произошел «маленький бум» в области исследования памяти у россиян о Советском Союзе: найдено 9 статей, связанных с данной те-

мой, среди них 5 статей специально посвящены обсуждению и анализу взглядов россиян на Сталина, например, «Изменение отношения к Сталину в России» [Чжан Цзэ 1996], «Изменение оценки Сталина россиянами в последние годы» [Лю Яньмин 1999] и т. п. В статье Лю Шучунь «Незасекреченный Сталин — диалог между корреспондентом газеты „Советская Россия“ В. Кожемяком и доктором философских наук Р. И. Квоборовым» [Лю Шучунь 1999] представлен довольно сложный образ Сталина. Некоторые китайские исследователи уделяют внимание вопросу об Октябрьской революции в памяти россиян: «Изменение отношения к Октябрьской революции в России после распада СССР» [Сян Цзотао, Кун Ханьбин 2007], «Споры об Октябрьской революции в России и их значение» [Лю Шучунь 2008 г.] и др.

Имеются и комплексные исследования того, какой вообще предстает история Советского Союза в глазах россиян, например, «История России XX века — оценки исследователей и общественности после распада СССР» [Ву Эньюань 2003]. Обращают на себя внимание и статьи, в которых можно найти трансформацию одностороннего отрицания истории Советского Союза у россиян в 90-х, например, «Новые взгляды российских исследователей на Ленина, Сталина и историю Советского Союза» [Кан Яньжу, Дуан Цицзэн 2007]. Китайские исследователи познакомили своих читателей в переводе с последними достижениями российских ученых: были полностью или частично переведены важные статьи, такие как «Новый смысл Октябрьской революции для нас — России и мира — общее заявление 17 известных „левых“ ученых» [Линь Яньмэй 2008], «Октябрьская революция — увертюра мощной России» [Рустем Вахитов 2008]. Описание ностальгического восприятия прошлого россиянами обнаруживается в следующих статьях: «Советский комплекс у россиян в последние годы» [Фан Гуаншунь, Ли Сяннань 2007], «Российская молодежь скучает по Советскому Союзу» [Ли Жуйцин 2008]. Авторы обеих работ отметили, что, в отличие от резкой критики и абсолютного отрицания периода распада Советского Союза, спустя 15 лет часть россиян вновь дает положительную оценку роли Ленина и Сталина в социально-историческом процессе, в российском обществе наблюдается ностальгия по Советскому Союзу.

Помимо рассмотрения памяти о Советском Союзе в социально-историческом аспекте, в этот период становится популярным и литературоведческий аспект. В моногра-

фии Чжан Цзэ «Обзор современной русской литературы» [Чжан Цзэ 2007] имеется специальный раздел «Кошунство над священным — о „новых“ взглядах некоторых российских писателей на Великую Отечественную войну», где обсуждается феномен отрицания итогов Великой Отечественной войны в литературных кругах России 90-х годов. Автор статьи «„Красное настроение“ в современной русской литературе — слава национальной истории не стерта» [Чжан Цзяньхуа 2006] считает, что современная русская литература показывает сумбурную картину жизни в постсоветском пространстве, созданную российскими писателями в результате распада главных литературных направлений и появления плюрализма художественного сознания, однако даже в такой ситуации всё-таки проявляется присутствие классической русской литературе «красное настроение». Под «красным настроением» подразумевается неизменное стремление литературы к духовным идеалам. В других работах, написанных в том же ключе, что исследование Чжан Цзэ и Чжан Цзяньхуа, рассмотрено многообразие проявлений отмеченных тенденций в художественной литературе.

Можно заметить, что в этот период изучение китайскими учеными вопросов, связанных с советской памятью, характеризуется многосторонностью подходов: память о советском периоде рассматривается как в социально-историческом аспекте, так и в литературоведческом и культурологическом аспектах. Представлены разнообразные оценки при анализе исторической памяти о советском периоде: наблюдается и отход от полного отрицания истории Советского Союза, характерного для начала 90-х годов, и процесс изменения в сознании российского населения исторической памяти о советском периоде, и прямая демонстрация «просоветских настроений» россиян. Все это тесно связано с историческим контекстом развития России. После карнавала полного отрицания всего советского россияне начинают более объективно и всесторонне рассматривать историю Советского Союза.

2009—2015. Сложное сочетание исторической памяти и национального духа. Рациональные размышления и воспоминания

В отличие от ситуации до 2009 г., основное внимание исследователей в период с 2009 по 2015 г. акцентируется на сложном сочетании и взаимовлиянии исторической памяти и национального духа. Чжан Хун взял интервью у знаменитого китайского ученого Вэн И [Чжан Хун 2013]. Интервью

состоит из трех тематических блоков: Советский Союз в глазах россиян; Советский Союз с точки зрения истории; изучение Советского Союза китайскими исследователями. Вэн И в этом интервью высказал интересные мысли о новых чертах советской памяти у россиян в данный период: «...отношение к истории может быть различным: это могут быть вечные память и почтение, могут быть и забвение, и ненависть, но то государство для людей нескольких поколений является в конце концов родиной, и оно носит имя Советский Союз» [Чжан Хун 2013: 133]. Эти слова передают сложное эмоциональное отношение россиян к Советскому Союзу, то глубокое чувство связи с «родиной», которое выше поверхностных проявлений в виде памяти, почтения, забвения и ненависти. Подобное мнение высказывалось и одним из соавторов настоящей статьи, Чэнь Айсян [Чэнь Айсян 2013]. Чэнь Айсян называет такое эмоциональное отношение «переозначиванием». По ее мнению, «переозначивание» — «это не полная идентичность официальному дискурсу Советского Союза или полное возвращение в него, а поиск духовного ядра и ценностных элементов, содержащихся в истории Советского Союза, т. е. социальной заботы и справедливости, чувства положительной самооценки нации, уверенности в себе, чувства солидарности, активной роли в обществе и предприимчивого духа и т. д., которые помогают формированию национального единства и национальной сплоченности» [Чэнь Айсян 2013: 10].

В статье Дин Цзюй и Ли Шихой «Как Россия обеспечивает передачу и укрепление памяти о Великой Отечественной войне посредством институционализации» [Дин Цзюнь, Ли Шихой 2012] описывается институциональная поддержка сохранения и укрепления памяти о Великой Отечественной войне на официальном уровне. В статье Линь Цзинхуа «Будьте добры к истории — Советский Союз в повседневной жизни России» [Линь Цзинхуа 2014] устанавливается значение памяти о советском прошлом в повседневной жизни современного российского общества, показано, что как страница истории Советский Союз естественным образом сохраняется в массовом сознании и в условиях нового периода развития России. Автор данной статьи рассматривает такое естественное сохранение памяти о советском периоде как способ существования общества, имеющий огромное значение для актуализации образа России в пространстве бывшего СССР. Китайские исследователи также обращают внимание на то, что в этот период восприятие российским обществом

советского прошлого не соотносится с концепциями традиционной исторической науки, для воспоминаний важна не «первоначальная функция» истории, а ее «вторичные функции», т. е. гордость за родину и государственная идентичность. В новом историческом контексте современные россияне начинают заново осознавать ценность духовных принципов, сохраняемых памятью о советском периоде истории, искать корни национального духа в истории Советского Союза, ожидая найти духовную движущую силу для национального возрождения России. Они предпочитают эмоционально переосмыслить образ Советского Союза, т. е. рассматривать Советский Союз как духовный символ и тем самым пробуждать историческую память и эмоциональное воображение, формировать новую национальную идею и базу для осознания себя в качестве единого народа.

Значительный объем исследований, посвященных памяти о советских реалиях, в 2015 г. отчасти является откликом на 70-летний юбилей победы китайского народа над фашистами. Первый номер популярного в Китае журнала «Русская литература и искусство» за 2015 г. полностью посвящен 70-летию победы над фашизмом. В нем опубликованы статьи, в которых непосредственно отражена память россиян о Великой Отечественной войне: «Цена победы» М. Попова, «Об отношении к войне и военным романам» О. Павлова и «Война после войны» А. Королёва. В перечисленных статьях изложены мысли современных россиян о Великой Отечественной войне, подчеркивается, что нельзя стереть память о войне, нельзя забыть правду о войне, иначе не будет речи о будущем народа, каждый человек утратит основной смысл своего существования.

Обращает на себя внимание комплексное исследование проблематики, связанной с памятью о войне у россиян: в статье «Память о Великой Отечественной войне в новой России и история, представленная в литературных произведениях» [Чэнь Айсян 2015] рассказывается о том, что после распада Советского Союза современные российские писатели начинают отражать историю Великой Отечественной войны с самых различных точек зрения, не будучи стесненными конкретной политической идеологией.

Помимо журнальных статей в этот период также появились и диссертационные работы, посвященные теме памяти о советском у россиян: «Октябрьская революция в российской исторической памяти» [Юй Чжэ 2013] и «Женщина и историческая память —

анализ романа — лауреата Букеровской премии „Время женщин“ [Дин Чэнян 2012], а также докторская диссертация «„Советское“: литературный знак исторической памяти — на примере русского „Букера“» [Чэнь Айсян 2012], где вопрос о советской памяти рассматривается с исторической и литературоведческой точек зрения.

Можно отметить, что в исследованиях этого периода наблюдаются два заметных изменения. Во-первых, отношение к сложным связям между памятью о советском и национальным духом перестает быть простым, положительным или отрицательным: представлены стремящиеся к объективности описания, а не простая ностальгия. Внимание исследователей нацелено на то, чтобы найти источник национального духа современной России в исторической памяти о Советском Союзе. Во-вторых, более четким становится понимание ключевых выражений «историческая память», «советская память». Раньше, конечно, тоже проводились исследования памяти о советском у россиян, но терминология данной сферы была недостаточно разработана, а с 2009 г. «историческая память», «советская память» стали общепринятыми ключевыми словами. Эта обсуждаемая проблематика связана с историко-культурным контекстом как России, так и Китая. В последние годы в некоторых китайских телесериалах встречается подшучивание над историей и попытки ее деконструкции. Это заставляет ученых задуматься над вопросом, какую роль играет историческая память в воссоздании национального духа на пути возрождения нации. Исследование памяти о советском у россиян встраивается в размышления китайских ученых об истории собственного отечества.

Заключение

Память о советском у россиян претерпела значительные изменения за более чем 20 лет, прошедших после распада Советского Союза. Анализ памяти о советском периоде, предпринимавшийся китайскими учеными, прошел следующие этапы: «печальные эмоции — односторонний показ памяти о советских реалиях»; «многостороннее рассмотрение памяти — социологический, исторический, литературоведческий аспекты»; «сложное сочетание исторической памяти и национального духа: рациональные размышления и воспоминания». Советская память у россиян будет сохраняться, и китайским ученым предстоит долгий путь в ее постижении. Б. Кроче сказал: «...только интерес к настоящей жизни сможет заставлять людей рассматривать прошедшие факты, по этой причине такие прошедшие факты — не для

того, чтобы удовлетворить прошедший интерес, а для того, чтобы удовлетворять настоящий интерес; так происходит, как только они сочетаются с запросом жизни настоящего» [Кроче 1982: 334].

Исследование и интерпретация китайскими учеными «советской памяти» у россиян осуществляются на фоне нынешней ситуации, сложившейся в Китае. Изучение исторических событий периода существования Советского Союза заставляет нас задуматься об уникальности исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ву Эньюань. История России XX века — оценки исследователей и общественности после распада СССР // Вестн. Хэнаньского ун-та. Сер. общественных наук. 2003. № 3. = 吴恩远. 20世纪的俄罗斯历史——苏联解体以来俄罗斯学者及民众评价 // 河南大学学报 (社会科学版). 2003年03期.
2. Дай Вэньтянь. «Не зря ли мы живем?» — воспоминания русских ветеранов Второй мировой войны // Мировое видение. 1995. № 10. = 戴问天. “我们没白活一回!” — 俄罗斯二战老兵的心声 // 世界博览. 1995年10期.
3. Дин Цзюй, Ли Шихой. Как Россия обеспечивает передачу и укрепление памяти о Великой Отечественной войне посредством институционализации // Тенденции в зарубежных теориях. 2012. № 1. = 丁军, 李世辉. 俄罗斯如何通过制度保证卫国战争精神的传承和弘扬 // 国外理论动态. 2012年01期.
4. Дин Чэнян. Женщина и историческая память — анализ романа — лауреата Букеровской премии «Время женщин»: дис. ... магистра / Нанкинский ун-т. 2012. = 丁成洋. 女性与历史记忆——试析布克获奖小说“女人时代”: 南京大学, 2012.
5. Кан Яньжу, Дуан Цицзэн. Новые взгляды российских ученых на Ленина, Сталина и историю Советского Союза // Общественные науки за рубежом. 2007. № 6. = 康晏如, 段启增. 俄罗斯学者对列宁、斯大林及苏联历史的新见解 // 国外社会科学. 2007年06期.
6. Кроче Б. История и летопись // Хрестоматия по направлениям современной западной историографии. — Шанхай: Шанхайск. народное изд-во, 1982. = [法]克罗齐. 历史和编年史 // 田汝康、金重远选编, 现代西方史学流派文选. — 上海: 上海人民出版社, 1982.
7. Рустем Вахитов. Октябрьская революция — увертюра мощной России / пер. Ли Жуйцин // Теоретические тенденции за рубежом. 2008. № 2. = 李瑞琴. 十月革命是强大俄罗斯的序曲 // 国外理论动态. 2008年02期.
8. Линь Цзинхуа. Будьте добры к истории — Советский Союз в повседневной жизни России // Чтение. 2014. № 9. = 林精华. 善待历史: 俄国日常中的“苏联” // 读书. 2014年09期.
9. Октябрь для нас, России и всего мира / пер. Линь Янмэй // Теоретические тенденции за рубежом. 2008. № 2. (режим доступа оригинального текста: <http://www.ikd.ru/node/3013>). = 林艳梅. 摘译.“十月革命对于我们 — 俄罗斯和全世界的意义 — 17位俄罗斯著名中左学者的声明” // 国外理论动态. 2007年11期.
10. Лю Шучунь. Споры об Октябрьской революции в России и их значение // Общественные науки в китайских высших учебных заведениях. 2008. № 1. = 刘淑春. 俄罗斯关于十月革命的争论及其启示 // 高校理论战线. 2008年01期.

11. Лю Шучунь. Незасекреченный Сталин — диалог между корреспондентом газеты «Советская Россия» В. Кожемяком и доктором философских наук Р. И. Квоборовым // Исследования марксизма. 1999. № 4—5. = 刘淑春. 并不神秘的斯大林 — 苏维埃俄罗斯报>记者维·科热米亚科与哲学博士理·伊·科索拉波夫教授的谈话 // 马克思主义研究. 1999年04, 05期.
12. Лю Яньмин. Изменение оценки Сталина россиянами в последние годы // Теоретические тенденции за рубежом. 1999. № 12. = 刘燕明. 近年来俄罗斯人对斯大林评价的变化 // 国外理论动态. 1999年第12期.
13. Русская литература и искусство. 2015. № 1. = 俄罗斯斯文艺. 2015年01期.
14. Сян Цзогао, Кун Ханьбин. Изменение отношения к Октябрьской революции в России после распада СССР // Вестн. Хунаньского пед. ун-та. Сер. общественных наук. 2007. № 5. = 项佐涛, 孔寒冰. 苏联解体后俄罗斯对十月革命看法的变化 // 湖南师范大学学报(社会科学版). 2007年05期.
15. Тин Хуа. Рассмотрение сегодняшней России — на примере одного номера журнала «Огонек» // Советская литература. 1992. № 5. = 廷桦. 从一期<星火>杂志看今日俄罗斯 // 苏联文学联刊. 1992年05期.
16. Хэ Сяопинь. Социально-политическое и психологическое состояние россиян после распада Советского Союза // Современный мир и социализм. 1996. № 3. = 何小平. 苏联解体后的俄罗斯民众心态 // 当代世界与社会主义. 1996年03期.
17. Чжан Цзэ. Изменение отношения к Сталину в России // Современные идеологические тенденции. 1996. № 6. = 张捷. 俄罗斯国内对斯大林看法的变化 // 当代思潮. 1999年06期.
18. Чжан Цзэ. Обзор современной русской литературы. — Пекин : Изд-во «Народная литература», 2007. = 张捷. 当代俄罗斯文学扫描. — 人民文学出版社, 2007年.
19. Чжан Цзяньхуа. «Красное настроение» в современной русской литературе — слава национальной истории не стерта // Литературная газета. 2006. 20 мая. = 张建华. “俄罗斯当代文学中的“红色情调” — 民族辉煌的历史不会被抹去” // 文艺报. 2006年5月20日.
20. Чжан Хун. Ностальгия не означает желание возвращения в Советский Союз // Трибуна общественных наук. 2013. № 12. = 张弘. 怀旧不等于想重回苏联 // 社会科学论坛. 2013年12期.
21. Чжун Япин. Размышления некоторых представителей России о распаде Советского Союза // Исследования марксизма. 1997. № 2. = 钟亚平. 俄罗斯部分人士对苏联解体的反思 // 马克思主义研究. 1997年02期.
22. Чэнь Айсян. «Советское»: литературный знак исторической памяти — на примере русского «Букера» : дис. ... д-ра филол. наук / Пекинский пед. ун-т. 2012. = 陈爱香. “苏联” : 一个历史记忆的文学符号 — 以俄语布克奖为考察中心. — 北京 : 北京师范大学博士论文, 2012.
23. Чэнь Айсян. Советская память и самоидентификация русского народа // Исследования народов мира. 2013. № 5. = 陈爱香. 苏联记忆与新俄罗斯民族的自我认同 // 世界民族. 2013年05期.
24. Чэнь Айсян. Память о Великой Отечественной войне в новой России и история, представленная в литературных произведениях // Русская литература и искусство. 2015. № 1 = 陈爱香. 新俄罗斯的卫国战争记忆与文学化的历史 // 俄罗斯文艺. 2015年01期.
25. Ши Чжунсин. После распада Советского Союза... Очерки по итогам визита в Россию, Литву, Украину // Обзор журналистики. 1995. № 8. = 史中兴. 苏联解体之后... — 访问俄罗斯、立陶宛、乌克兰散记 // 新闻记者. 1992年08期.
26. Юе Юнхун. От мифа Советского Союза до мифа новой России — социально-политические и психологические процессы в российском обществе после распада Советского Союза // Международное обозрение. 1995. № 4. = 岳永红. 从苏联神话到新俄罗斯神话—苏联解体后俄罗斯人的社会政治心理历程 // 国际观察. 1995年04期.
27. Юй Хунцзюнь. Российские политики о распаде Советского Союза и положение России сегодня // Вестн. Высшей школы ЦК КПК. 1992. № 9. = 于洪君. 俄罗斯政治家谈苏联解体与今日俄罗斯局势 // 中共中央党校学报. 1992年09期.
28. Юй Чжэ. Октябрьская революция в российской исторической памяти : дис. ... магистра / Сычуаньский ун-т иностранных языков. 2013. = 余哲. 俄罗斯历史记忆中的十月革命 / 四川 : 四川外国语大学. 2013.

Chen Aixiang, Yang Ke
Guangzhou, China

A STUDY OF RUSSIANS' MEMORY OF THE SOVIET UNION IN THE EYES OF CHINESE RESEARCHERS

ABSTRACT. *The article reviews the Chinese studies on the memory of Russian people, which become very popular these days. Chinese scholars work a lot to examine this area and their works show certain dynamics. The research works of the Chinese scholars are divided into three periods. The first period covers 1992-1998, and focuses on sad emotions and tough living conditions in Russia after the collapse of the Soviet Union, as well as the sense of the psychological contradictions of the past and the present. The second period, from 1999 to 2008, focuses on the social, historical and literary aspects of the problem explored. In the third period, from 2009 to 2015, the main attention of Chinese researchers is drawn to the study of complex relationship between the Soviet memory and national spirit, when memory is the keyword of this period. The change of the concept of Soviet memory is a reflection of the historical and cultural context of Russia, having close connection with the discourse context of Chinese scholars.*

KEYWORDS: Soviet period; historical memory; national identity; historical and cultural context.

ABOUT THE AUTHORS: Chen Aixiang, Postdoctor of Guangdong University of Foreign Studies, Professor of Zhaoqing University, Guangzhou, Zhaoqing, China.

Yang Ke, PhD, Professor, Director of the Faculty of European Languages and Cultures, Professor of Centre for the Study of Foreign Literature and Culture, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

REFERENCES

1. Vu En'yuan'. Istoriya Rossii XX veka — otsenki issledovateley i obshchestvennosti posle raspada SSSR // Vestn. Khenan'skogo un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. 2003. № 3.
2. Day Ven'tyan'. «Ne zrya li my zhivem?» — vospominaniya russkikh veteranov Vtoroy mirovoy voyny // Mirovye videniya. 1995. № 10.
3. Din Tsyuy, Li Shikhoy. Kak Rossiya obespechivaet peredachu i ukreplenie pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne posredstvom institutsionalizatsii // Tendentsii v zarubezhnykh teoriyakh. 2012. № 1.
4. Din Chenyan. Zhenshchina i istoricheskaya pamyat' — analiz romana — laureata Bukerovskoy premii «Vremya zhenshin»: dis. ... magistra / Nankinskiy un-t. 2012.
5. Kan Yan'zhu, Duan Tsitszen. Novye vzglyady rossiyskikh uchennykh na Lenina, Stalina i istoriyu Sovetskogo Soyuzha // Obshchestvennye nauki za rubezhom. 2007. № 6.
6. Kroche B. Istoriya i letopis' // Khrestomatiya po napravleniyam sovremennoy zapadnoy istoriografii. — Shan-khay: Shankhaysk. narodnoe izd-vo, 1982.
7. Rustem Vakhitov. Oktyabr'skaya revolyutsiya — uvertюра moshchnoy Rossii / per. Li Zhuysin' // Teoreticheskie tendentsii za rubezhom. 2008. № 2.
8. Lin' Tszinkhua. Bud'te dobry k istorii — Sovetskiy Soyuz v povsednevnoy zhizni Rossii // Chtenie. 2014. № 9.
9. Oktyabr' dlya nas, Rossii i vsego mira / per. Lin' Yanmey // Teoreticheskie tendentsii za rubezhom. 2008. № 2. (rezhim dostupa original'nogo teksta: <http://www.ikd.ru/node/3013>).
10. Lyu Shuchun'. Spory ob Oktyabr'skoy revolyutsii v Rossii i ikh znachenie // Obshchestvennye nauki v kitayskikh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. 2008. № 1.
11. Lyu Shuchun'. Nezasekrechenny Stalin — dialog mezhdú korrespondentom gazety «Sovetskaya Rossiya» V. Kozhemyakom i doktorom filosofskikh nauk R. I. Kvoborovym // Issledovanie marksizma. 1999. № 4—5.
12. Lyu Yan'min. Izmenenie otsenki Stanina rossiyanami v poslednie gody // Teoreticheskie tendentsii za rubezhom. 1999. № 12.
13. Russkaya literatura i iskusstvo. 2015. № 1.
14. Syan Tszotao, Kun Khan'bin. Izmenenie otnosheniya k Oktyabr'skoy revolyutsii v Rossii posle raspada SSSR // Vestn. Khunan'skogo ped. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. 2007. № 5.
15. Tin Khua. Rassmotrenie segodnyashney Rossii — na primere odnogo nomera zhurnala «Ogonek» // Sovetskaya literatura. 1992. № 5.
16. Khe Syaopin'. Sotsial'no-politicheskoe i psikhologicheskoe sostoyanie rossiyan posle raspada Sovetskogo Soyuzha // Sovremennyy mir i sotsializm. 1996. № 3.
17. Chzhan Dze. Izmenenie otnosheniya k Stalinu v Rossii // Sovremennyye ideologicheskie tendentsii. 1996. № 6.
18. Chzhan Tsze. Obzor sovremennoy russkoy literatury. — Narodnaya literatura, 2007.
19. Chzhan Tszyan'khua. «Krasnoe nastroyeniye» v sovremennoy russkoy literature — slava natsional'noy istorii ne sterta // Literaturnaya gazeta. 2006. 20 maya.
20. Chzhan Khun. Nostal'giya ne oznachaet zhelanie vozvrashcheniya v Sovetskiy Soyuz // Tribuna obshchestvennykh nauk. 2013. № 12.
21. Chzhun Yapin. Razmyshleniya nekotorykh predstaviteley Rossii o raspade Sovetskogo Soyuzha // Issledovaniya marksizma. 1997. № 2.
22. Chen' Aysyan. «Sovetskoe»: literaturnyy znak istoricheskoy pamyati — na primere russkogo «Bukera» / Pekinskiy ped. un-t. 2012.
23. Chen' Aysyan. Sovetskaya pamyat' i samoidentifikatsiya russkogo naroda // Issledovaniya narodov mira. 2013. № 5.
24. Chen' Aysyan. Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne v novoy Rossii i istoriya, predstavennaya v literaturnykh proizvedeniyakh // Russkaya literatura i iskusstvo. 2015. № 1.
25. Shi Chzhunsin. Posle raspada Sovetskogo Soyuzha... Ocherki po itogam vizita v Rossiyu, Litvu, Ukrainu // Obzor zhurnalistiki. 1995. № 8.
26. Yue Yunkhun. Ot mifa Sovetskogo Soyuzha do mifa novoy Rossii — sotsial'no-politicheskie i psikhologicheskie protsessy v rossiyskom obshchestve posle raspada Sovetskogo Soyuzha // Mezhdunarodnoe obozrenie. 1995. № 4.
27. Yuy Khuntszyun'. Rossiyskie politiki o raspade Sovetskogo Soyuzha i polozhenie Rossii segodnya // Vestn. Vysshey shkoly TsK KPK. 1992. № 9.
28. Yuy Chzhe. Oktyabr'skaya revolyutsiya v rossiyskoy istoricheskoy pamyati : dis. ... magistra / Sychuan'skiy un-t inostrannykh yazykov. 2013.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-36

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.19

Н. В. Баско
Москва, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лингвистическому анализу фразеологии политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация призвана осуществлять общение между представителями различных национальных культур. Среди языковых средств, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, особое место занимают фразеологические обороты. Специфика фразеологических оборотов заключается в том, что они обладают как коммуникативной, так и культурологической ценностью. Семантика фразеологизмов вызывает большие трудности у иностранцев, прежде всего у иностранных переводчиков, так как создает языковые барьеры и нарушает взаимопонимание в межкультурном диалоге. Особое значение приобретает знание русских фразеологизмов в такой важной сфере международного общения, как политика, где важно находить общие точки соприкосновения, компромиссы в спорных вопросах, стремиться к улаживанию конфликтов мирным путем. Правильное понимание иностранцами информации на актуальные политические темы из российских массмедиа также становится затруднительным без знания наиболее употребительных русских фразеологизмов. Роль фразеологизмов в современной русской речи (устной и письменной) заметно выросла, это в полной мере относится и к фразеологии политического дискурса. Данные проблемы рассмотрены в статье на примере журналистских материалов политической тематики и выступлений российских политиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологические единицы; фразеологизмы; фразеология русского языка; языковые средства; межкультурная коммуникация; политический дискурс; коммуникативные ценности; культурные ценности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Баско Нина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, МГУ имени М. В. Ломоносова; 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; e-mail: ninabasko@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Важнейшим социальным процессом, который связывает членов одного сообщества, объединенного языком и культурой, осуществляет контакты между ними, является коммуникация. Коммуникация обеспечивается как вербальными средствами (словами, словосочетаниями, фразеологизмами, пословицами, поговорками, крылатыми выражениями), так и невербальными (жестами, мимикой). Каждый народ обладает собственными национально-культурными традициями, выраженными в языке. В процессе коммуникации представители определенного лингвокультурного сообщества обозначают предметы и явления окружающего мира, сообщают информацию, выражают различные эмоции. Иначе говоря, у каждого народа коммуникация обусловлена национально-культурной традицией, которая передается из поколения в поколение.

Но общение происходит не только в рамках одного сообщества, объединенного одним языком и культурой, оно расширяет границы, распространяясь на представителей разных стран и народов. Это стремление к общению с представителями другой национальной культуры, с носителями другого языка становится особенно актуальным в XXI в., в условиях современного глобального мира. Именно межкультурная коммуникация необходима для общения между представителями различных национальных культур, между представителями разных

стран. Впервые в отечественной лингводидактике определение термина «межкультурная коммуникация» было сформулировано академиком В. Г. Костомаровым: «Межкультурная коммуникация — это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26].

Международные контакты, основанные на межкультурной коммуникации представителей разных культур, широки и разнообразны: это и культурный обмен, и сотрудничество в сфере образования и науки, это и взаимовыгодное деловое сотрудничество, бизнес-партнерство. Особое значение приобретает межкультурная коммуникация в такой важной сфере международного общения, как внешняя политика, где чрезвычайно важно достижение взаимопонимания между участниками диалога. Успешно осуществляемая межкультурная коммуникация в политической сфере помогает находить точки соприкосновения, достигать компромиссов в решении спорных вопросов, способствует улаживанию конфликтов мирным путем, достижению договоренностей и в итоге формирует взаимное доверие между сторонами. Переоценить этот фактор в нашем чрезвычайно хрупком и нестабильном мире невозможно, поэтому роль межкультурной коммуникации в политической сфере все более возрастает.

© Баско Н. В., 2017

Среди языковых средств, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, особое место занимают фразеологические обороты — устойчиво воспроизводимые в речи образно мотивированные словосочетания: *голосовать ногами, заходить/зайти в тупик, закручивать/закрутить гайки, камень преткновения, раскачивать лодку, сглаживать острые углы, хлопнуть дверью, хромая утка, цветная революция, черный пиар* и другие. Фразеологические обороты языка наряду с пословицами, поговорками, устойчивыми метафорами, крылатыми словами входят в фоновое знание русских: они представляют собой совокупность общей информации для участников коммуникации, объединенных в одно лингвокультурное сообщество, являются носителями общего знания. Их употребление в речи рассчитано на то, что собеседник также их знает и понимает.

Иностранец же обычно не проходит того процесса социализации, что и носитель языка, и не имеет возможности в процессе регулярного общения знакомиться с фоновыми знаниями русских людей, тесно связанными с национальной культурой. Он получает эти знания в процессе изучения русского языка как иностранного. В связи с этим важной задачей преподавателя русского языка как иностранного является обучение русскому языку в единстве с русской национальной культурой, что способствует овладению русским языком как средством межкультурной коммуникации, как средством общения представителей разных народов и культур. Чужая культура познается через язык носителей этой культуры. Об этом пишет известный специалист в области межкультурной коммуникации профессор С. Г. Тер-Минасова: «Тесная взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации очевидны: каждый урок иностранного языка фактически представляет собой диалог культур, опыт межкультурной коммуникации» [Тер-Минасова 2008: 15].

Фразеологизмы представляют собой уникальное языковое явление, поскольку, с одной стороны, являются языковым средством, обеспечивающим в обществе полноценную коммуникацию, с другой стороны, являются яркими выразителями национально-культурной семантики, отражая стереотипы национально-культурного видения мира: национальную культуру, обычаи, традиции народа, детали быта, исторические события. Иначе говоря, фразеологические обороты обладают как коммуникативной, так и культурологической ценностью. Эта особенность фразеологизмов играет важную культурно-познавательную роль при изуче-

нии русского языка иностранцами, обогащает их знания о России и русской культуре.

В то же время следует признать, что понимание семантики фразеологических оборотов чужого (в данном случае русского) языка вызывает большие трудности у иностранцев (прежде всего у иностранных переводчиков), что, в свою очередь, создает языковые барьеры в межкультурной коммуникации и нарушает взаимопонимание при общении представителей разных стран, разных национальных культур. Кроме того, правильное понимание иностранцами информации на актуальные политические темы из российской прессы, радио, телевидения и Интернета в наши дни становится затруднительным без знания наиболее употребительных русских фразеологизмов, поскольку материалы современных массмедиа буквально насыщены яркими образными выражениями, передающими высокий эмоциональный градус дискуссий по проблемам политики, экономики, социальных вопросов. В связи с этим необходимо установить, в чем заключается причина трудностей в понимании русских фразеологических оборотов иностранцами и в чем выражается специфика фразеологизмов как особых коммуникативных единиц.

Опыт преподавательской работы по обучению русской фразеологии иностранных студентов показывает, что трудности в понимании русских фразеологизмов иностранцами обусловлены самой лингвистической природой этих языковых единиц, особенностью их семантики, прежде всего идиоматичностью их значения. Ведь смысл фразеологизма как особой значимой единицы языка не представляет собой сумму значений составляющих его слов-компонентов, поэтому «фразеологический оборот — это всегда секрет, загадка языка. Носители языка знают этот секрет, а для иностранцев — это трудная задача, которую должен помочь решить преподаватель РКИ» [Баско 2016: 43].

В подавляющем большинстве фразеологизмы — образно мотивированные словосочетания, т. е. их значение мотивировано тем образом, который осознается при буквальном восприятии фразеологизмов. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и осознается как их подобие. Некоторые фразеологизмы сохраняют в своей семантической структуре те признаки значения, которые были непосредственно связаны с его образованием. В таких случаях метафорический образ, лежащий в основе их семантики, понятен, легко расширява-

ется. Например, *вставлять палки в колеса*, *делать из мухи слона*, *пятое колесо в телеге* и др. Мотивировка значений таких фразеологизмов является основой для их понимания. Не случайно, что первая реакция иностранца на встретившееся в тексте на русском языке непонятное, странное выражение — это попытка буквально понять тот первоначальный образ, который был положен в основу фразеологизма, желание доискаться до мотивировки значения фразеологизма. По мнению таких известных ученых-фразеологов, как Н. М. Шанский, В. Н. Телия, В. И. Зимин, первоначально все фразеологизмы были мотивированными: образы, лежащие в основе их семантики, были понятны современникам. Но в большинстве случаев фразеологические обороты утрачивают мотивированность значения, в результате чего их образное содержание становится непонятным, странным для современных носителей языка и тем более для иностранцев. Почему фразеологический оборот *кот наплакат* обозначает малое количество предметов, а фразеологический оборот *пруди пруди*, наоборот, большое? Почему Москву называют «Третьим Римом», а Санкт-Петербург — «Северной Пальмирой»? Подобные вопросы возникают не только у иностранцев, но и у носителей русского языка. Особые трудности вызывают русские фразеологизмы, в составе которых содержатся слова, обозначающие реалии прошлого, например, такие как *семи пядей во лбу*, *за семь вёрст киселя хлебать*, *мерить на свой аршин*. В таких случаях без историко-культурологического комментирования трудно обойтись.

В настоящее время ученые отмечают возросший «удельный вес» фразеологии в общем речевом потоке, поэтому лингвистам и переводчикам важно понимать, в чем состоит особенность фразеологизмов как особых средств языка, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, в том числе и в политической сфере. Рассмотрим специфику фразеологизмов на примере фразеологических оборотов, активно функционирующих в политическом дискурсе. Под политическим дискурсом нами понимается совокупность текстов, связанных с политическими проблемами, в их функционировании в социальном пространстве, т. е. принимаются во внимание условия появления таких текстов и их восприятия, интерпретации современными носителями русского языка.

Заметим, что в современном политическом дискурсе используются фразеологические обороты, различные по широте распространения в речи. С одной стороны, среди них выделяются единицы, связанные исклю-

чительно с политической проблематикой (с политическими событиями, политическими отношениями и вопросами). Например, *арабская весна*, *бряцать оружием*, *встреча без галстуков*, *горячая точка*, *гражданин мира*, *грязные технологии*, *игра мускулами*, *наводить мосты*, *сглаживать острые углы*, *холодная война*, *хромая утка*, *челночная дипломатия* и др. С другой стороны, в современном политическом дискурсе активно используются фразеологизмы, широко распространенные и в других речевых сферах — экономической, социальной, спортивной. Ср.: *бежать впереди паровоза* «опережать естественный ход событий», *брать/взять верх* «побеждать», *брать/взять курс* «определять направление», *брать/взять на вооружение* «использовать в работе», *брать/взять сторону* «поддерживать кого-либо», *бросать/бросить вызов* «смело вызывать на борьбу», *вбивать/вбить клин* «делать кого-либо враждебными друг другу», *вставлять палки в колеса* «мешать, препятствовать в деле», *дорожная карта* «план действий», *заходить/зайти в тупик* «оказываться в безвыходном положении», *сидеть на двух стульях* «занимать неопределенную, двойственную позицию», *стоять у руля* «руководить чем-либо» и многие другие.

Наиболее ярко специфика фразеологизма как языкового средства, обеспечивающего межкультурную коммуникацию, проявляется при сравнении его со словом-синонимом или синонимичным свободным словосочетанием. По наблюдениям ученых, фразеологизмы в речи несут большую смысловую нагрузку, обладают более насыщенной информацией, чем их синонимы — слова или синонимичные им свободные словосочетания. «Значение идиом всегда богаче, чем значение синонимичного слова (или слов). А это значит, что значение идиом всегда более оснащено подробностями, чем слова» [Телия 1995: 13]. Например, фразеологический оборот книжной речи *камень преткновения*, часто используемый в политическом дискурсе, имеет значение «непреодолимое препятствие, преграда». Но семантика этого фразеологического оборота оказывается шире: она подразумевает, что препятствие возникает именно в процессе какой-либо деятельности или переговоров, которые нацелены на достижение положительного результата, но не завершились благополучно из-за существующей (или возникшей) проблемы. Приведем примеры контекстного употребления этого фразеологизма в СМИ: *Как отмечают эксперты, проблема контроля территорий не единственный и далеко не самый важный камень*

преткновения в примирении *Израиля и Палестины* (Мария Горковская, Юрий Мацарский. Вашингтон посадил израильтян и палестинцев за стол переговоров // *Известия*, 29.07.2013); **Сегодня камнем преткновения в отношениях с США стала Сирия**. (Михаил Таратута. Сможем ли мы подружиться с Америкой? Блог // *Эхо Москвы*, 08.10.2015).

Другой важной особенностью фразеологизмов как особых единиц языка является закрепленность их за определенной ситуацией, в которой фразеологизм обычно употребляется в речи. Например, широко распространенный в политической сфере фразеологизм **хлопнуть дверью** имеет значение «выразить резкий протест, решительное несогласие с кем-либо, не добившись желаемого». Этот фразеологизм, относящийся к разговорной речи, подразумевает следующую ситуацию: по какому-либо вопросу у двух сторон существуют противоположные мнения, в ходе политической полемики одна из сторон, не выдержав эмоционального напряжения и публично демонстрируя свое несогласие, прекращает спор, переговоры, резко обрывает дискуссию. Использование этого фразеологизма в речи предполагает, во-первых, наличие острой конфликтной ситуации между двумя сторонами и, во-вторых, сильную эмоциональную напряженность конфликта. Форма демонстративного протеста может быть различной. Например, официальная делегация государства демонстративно покидает зал заседаний, лидер страны прекращает двусторонние отношения и т. д. Вот как эта ситуация иллюстрируется примерами из российских СМИ: **В Брюсселе российская делегация хлопнула дверью, покинув зал заседаний** (1-й телеканал, передача «Однако», 26.03.2009); **Николя Саркози пригрозил хлопнуть дверью на саммите G20 в Лондоне** (*Российская газета*, 31.03.2009); **Скажу откровенно, на этом длинном и тернистом пути иной раз хотелось „хлопнуть дверью“**, вообще бросить переговоры (Владимир Путин. «Россия и меняющийся мир» // *Комсомольская правда*, 27.02.2012). Ситуация, в которой обычно используется фразеологический оборот, как бы предусматривает возможность или невозможность, уместность или неуместность употребления идиом в определенных социальных условиях коммуникации. При этом должен учитываться социальный статус участников коммуникации: их положение в обществе, занимаемая должность, возраст и др. Эта особенность фразеологических оборотов чужого языка предполагает не только знание их значений, но и

тех ситуаций, в которых их уместно употреблять [Баско 2011: 4].

И, наконец, следующей особенностью фразеологического оборота как языкового средства, обеспечивающего межкультурную коммуникацию, является оценочный характер значения большинства фразеологизмов: фразеологические обороты не только обозначают какой-либо фрагмент действительности, но, как правило, выражают положительное или отрицательное мнение говорящего о том, что обозначается. Например, глагольные фразеологические обороты **заходить/зайти в тупик** «заканчиваться/закончиться безуспешно, безрезультатно», **наступать на те же грабли** «повторять одни и те же ошибки», **раскачивать лодку** «нарушать стабильность, обострять какую-либо конфликтную ситуацию» выражают отрицательное мнение человека, употребляющего этот фразеологизм, по поводу названных действий. А фразеологические обороты **заткнуть за пояс** «превзойти кого-либо», **идти в гору** «успешно развиваться, совершенствоваться», **встать на ноги** «укрепиться» выражают положительное мнение о названных действиях человека, использующего этот фразеологизм в речи.

Как уже отмечалось, роль фразеологизмов в современной русской речи (устной и письменной) заметно выросла, это в полной мере относится и к фразеологии политического дискурса. В качестве подтверждения этого факта приведем пример — фрагмент статьи из «Российской газеты», который ярко демонстрирует использование фразеологических оборотов в современном политическом дискурсе.

До Ахмадинежада на Генассамблее „зажигал“ венесуэльский лидер Уго Чавес. А вот преемник Чавеса Николас Мадуро на этот раз вообще отказался ехать в Нью-Йорк. Вместо этого он отправился с визитом в Пекин. И тут эксперты явно были готовы заскучать — неужели в этом году никто из глав делегаций не захочет хоть пару часов побыть „белой вороной“. Но, как говорится, „свято место“ пусто не бывает. Нашелся такой президент. Михаил Саакашвили, очевидно, решил, уходя, как можно громче хлопнуть дверью (Владимир Воробьев. Делегация России покинула зал Генассамблеи ООН из-за нападок Саакашвили // *Российская газета*. 26.09.2013).

Подводя итоги наблюдениям над местом и ролью фразеологических оборотов политического дискурса в межкультурной коммуникации, можно сделать следующий вывод. Ввиду сложности фразеологизмов как особых языковых единиц, влияющих на содер-

жание и результат политического диалога, иностранным лингвистам, переводчикам и учащимся гуманитарных специальностей необходимо уделять большее внимание фразеологизмам. Овладение семантикой, стилистическими свойствами и ситуацией употребления фразеологических оборотов является залогом успешной межкультурной коммуникации на русском языке в политической сфере и служит достижению взаимопонимания между ее участниками. Это чрезвычайно важно для развития дружеских, добрососедских отношений между странами и народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2006. № 4. С. 24—27.
2. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 9—15.
3. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
4. Баско Н. В. Русская фразеология и межкультурная коммуникация / Н. В. Баско // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому как неродному: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Крючкова. — М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 41—46.
5. Баско Н. В. Русские фразеологизмы в ситуациях : учеб. пособие по русской фразеологии и развитию речи. — М.: Русский язык. Курсы, 2011. 160 с.

N. V. Basko

Moscow, Russia

PHRASEOLOGY OF POLITICAL DISCOURSE IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The paper is devoted to linguistic analysis of political discourse phraseology in the aspect of intercultural communication. Intercultural communication serves to establish communication between the representatives of different nations. Phraseological units occupy a prominent position among the other language units that provide successful intercultural communication. The main feature of a phraseological unit is that it has both communicative and cultural value. Semantics of phraseology may cause foreigners many difficulties in translation, as it builds language barriers and violates mutual understanding in the intercultural dialogue. It is especially important to know the meaning of Russian phraseological units belonging to the sphere of politics, while it is important to come to an agreement in controversial issues and to settle disputes peacefully. It is almost impossible to understand the information given by mass media without good knowledge of the frequent Russian phraseology. The role of phraseology in modern Russian (written and spoken) has grown, including political discourse. These issues are discussed in this paper on the basis of mass media text of the topic politics and the speeches by the prominent Russian politicians.*

KEYWORDS: *phraseological units; phraseology; Russian phraseology; language means; intercultural communication; political discourse; communicative values; cultural values..*

ABOUT THE AUTHOR: *Basko Nina Vasilevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students of Humanitarian Faculties, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Alimuradov O. A., Latu M. N. Metaforichnost' termina kak perevodcheskaya problema // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2006. № 4. S. 24—27.
2. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya vlasti v sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafere (sopostavitel'nyy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2010. Vyp. 2 (32). S. 9—15.
3. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 496 s.
4. Basko N. V. Russkaya frazeologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / N. V. Basko // Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu i russkomu kak nerodnomu : sb. st. / отв. ред. Л. С. Крючкова. — М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 41—46.
5. Basko N. V. Russkie frazeologizmy v situatsiyakh : ucheb. posobie po russkoy frazeologii i razvitiyu rechi. — М.: Russkiy yazyk. Kursy, 2011. 160 s.
6. Bakhi A. M. Politicheskaya frazeologiya arabskogo yazyka // Uch. zap. Tavrich. natsional'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii». 2013. T. 26 (65), № 2. S. 183—188.

7. Большой фразеологический словарь русского языка = БФСРЯ / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
8. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
9. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Русский язык, 1990. 269 с.
10. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. — Пермь, 2009. Вып. 7, т. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.
11. Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. — М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 54—62.
12. Султанова Ю. Ф., Петрова И. В. Политическая фразеология в толковом словаре русского языка начала XXI века (под ред. Г. Н. Складчиковой). Актуальная лексика // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году укрепления межнационального согласия в Республике Башкортостан. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 76—78.
13. Телия В. Н. Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. — М.: Отечество, 1995. С. 10—16.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2008. 264 с.

skogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2013. T. 26 (65), № 2. S. 183—188.

7. Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka = BFSRYa / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.

8. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.

9. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. — М.: Russkiy yazyk, 1990. 269 с.

10. Pavlova A. V. Yazyk kak istochnik svedeniy o natsional'noy kartine mira // Filologicheskie zametki. — Perm', 2009. Vyp. 7, t. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.

11. Sokolova G. G. Sostavlyayushchie konnotativnogo znacheniya frazeologicheskikh edinitis // Lingvisticheskie problemy perevoda. — М.: Izd-vo MGU, 1981. S. 54—62.

12. Sultanova Yu. F., Petrova I. V. Politicheskaya frazeologiya v tolkovom slovare russkogo yazyka nachala XXI veka (pod red. G. N. Sklyarevskoy). Aktual'naya leksika // Yazyk, literatura,

kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Godu ukrepleniya mezhnatsional'nogo soglasiya v Respublike Bashkortostan. — Ufa : RITs BashGU, 2011. S. 76—78.

13. Teliya V. N. Osnovnye znacheniya idiom kak edinitis frazeologicheskogo sostava yazyka // Slovar' obraznykh

vyrazheniy russkogo yazyka / pod red. V. N. Teliya. — M. : Otechestvo, 1995. S. 10—16.

14. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskii aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 s.

15. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. —M. : SLOVO/SLOVO, 2008. 264 s.

Э. В. Булатова
Екатеринбург, Россия

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВЫДЕЛЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ КЛЮЧЕВЫХ ЗНАКОВ МЕДИАТЕКСТОВ AD QUAESTUM

АННОТАЦИЯ. В статье даны определения понятий «дискурсивная практика», «ключевой знак», «медиатексты Ad utilitatem» («Для пользы»), «медиатексты Ad quaestum» («Для выгоды»). На примере рассмотрения материалов корпоративной прессы, характерными чертами которых являются иницированность, оптимизированность и селективность, показана специфика медиатекстов Ad quaestum. Отмечено, что к числу важных признаков, демонстрирующих природу текста, относится оценка характера его ключевых знаков. Выделены виды ключевых знаков. Описаны практики выделения вербальных ключевых знаков в PR-публикациях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивные практики; ключевые знаки; ключевые слова; медиатекст; медиатексты Ad utilitatem, медиатексты Ad quaestum; медиадискурс; корпоративная пресса; дискурс СМИ; смысловая структура текста.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Булатова Элина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: elina2824@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Согласно данным словарей, практика — «вся совокупность деятельности людей, направленной на освоение и преобразование природы и общества, составляющая движущую силу развития общества и человеческого познания» [Словарь русского языка 1983: 358]; «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-нибудь в жизни, опыт» [Ожегов и др. 2003: 578]; «непосредственная человеческая деятельность» [Большой словарь иностранных слов 2002: 532]. Соответственно, интегральной семой в понятийном содержании слова «практика» является сема «деятельность». По широко известному определению дискурс — «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 136]. При этом текст — «всякий связный знаковый комплекс» [Бахтин 1986: 473], что же касается речи, то она представляет собой «конкретное говорение, происходящее в звуковой (включая внутреннее проговаривание) или письменной форме. Под речью принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом» [Русский язык 1979: 255]. Во втором случае, если речевое произведение представляет собой «связный знаковый комплекс», мы имеем дело с текстами. Сле-

довательно, понятия «текст» и «речь» тесно связаны: в процессе речевой деятельности происходит продуцирование текстов.

Таким образом, в широком смысле «дискурсивная практика» — это речевая или текстовая деятельность. (Ср.: «Использование языка (дискурс) есть процессуальная деятельность, у которой есть все динамические характеристики деятельности как таковой, есть средства ее осуществления, есть ее результат (текст), но главное, исполнители и их цели» [Кубрякова 2004: 527]. См. также определение дискурса, данное В. В. Красных: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2003: 113].) Подобным образом определяет это понятие Социологический словарь: дискурсивная практика — «категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» [Социологический словарь]. Можно говорить о дискурсивных практиках адресанта и дискурсивных практиках адресата. Первые предполагают деятельность по продуцированию, вторые — по восприятию речи. Восприятие бывает разных видов. Особой дискурсивной практикой является исследовательская практика, предполагающая углубленный характер ознакомления с текстом и использование разноплановых методов его анализа.

Дискурсивные практики в каждой сфере общественной деятельности имеют специфические черты. Предметом нашего рассмотрения стали сообщения корпоративных

СМИ, адресованные внешней аудитории (Business-to-Customer (B2C) — бизнес-потребитель), — прагматические тексты, нацеленные на создание благоприятного имиджа компании в глазах реальных и потенциальных клиентов и, следовательно, на увеличение их числа. Это разновидность локально выгодных медиатекстов (Ad quaestum). Медиатексты Ad quaestum (условно говоря, «корыстные», см.: «Корыстный. Основанный на корысти, направленный на извлечение личной выгоды, пользы» [Словарь русского языка 1983: 109]) — это созданные заинтересованным адресантом или созданные СМИ по заказу такого адресанта материалы, целью которых является воздействие на адресата для достижения частной/локальной выгоды. Это политически или коммерчески прагматические тексты, нацеленные на приобретение чего-либо (получение дохода, выгоды; усиление влияния). К текстам Ad quaestum мы относим PR-публикации, коммерческую и политическую рекламу. Локально выгодные медиатексты Ad quaestum противопоставлены медиатекстам общественно полезным (Ad utilitatem).

Медиатексты Ad utilitatem (условно говоря, «бескорыстные», см.: «Бескорыстный. Чуждый корысти, стремления к личной выгоде, наживе» [Словарь русского языка 1981: 81]) — материалы, целью которых является информирование адресата или воздействие на него для достижения общественной пользы. Это тексты политически и коммерчески непрагматические: не преследующие целей продвижения (образа политика или товара/услуги). К общественно полезным текстам мы относим тексты журналистского дискурса и социальной рекламы, которые привлекают внимание к насущным, злободневным проблемам социума (см.: [Булатова 2013б]).

Представление о типе текста можно получить на основании анализа его формальных и содержательных признаков, характеризующих дискурсивные практики автора, а также привлекая данные, характеризующие дискурсивные практики адресата. К числу

важных признаков, демонстрирующих природу текста, относится оценка характера его ключевых знаков.

Под ключевым текстовым знаком (далее — КЗ) мы понимаем двусторонние материально-идеальные единицы разной семиотической природы, репрезентирующие ключевые смыслы текста. Ключевой смысл, в свою очередь, понимается как значимый компонент основного содержания текста, без которого адекватное восприятие текста затруднительно или невозможно. В креолизованных текстах электронных СМИ для выражения ключевых смыслов могут использоваться вербальные, визуальные и аудиальные знаки, в текстах печатных СМИ — вербальные и визуальные знаки. Представим соотношение близких понятий «ключевые знаки», «ключевые смыслы», «ключевые слова» в виде таблицы (табл. 1).

Ключевая лексика, по мысли авторов сборника «Ключевые слова текущего момента», несет в себе «элементарные частицы» общественного сознания и таит возможность воздействия на него [цит. по: Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах 2004]. Как указывает Л. М. Майданова, такие «отмеченные» слова текстов СМИ, безусловно, отражают „практику жизни“ [Там же: 7]. Анализ ключевых знаков текста позволяет выделить основные смыслы, транслируемые СМИ, и (в нашем случае) получить ответ на вопрос, как реализуется смысл «наша прекрасная организация» в корпоративных медиатекстах.

Для вычленения КЗ в отдельном тексте может быть использован комплекс методик: экспериментальные психолингвистические методики, компьютерный количественный метод определения частоты слов в тексте, формально-содержательный способ обнаружения КЗ по сильным позициям текста, а также содержательный метод обнаружения КЗ, предполагающий опору на основные элементы смысловой структуры текста (см. об этом: [Булатова 2013а]).

Таблица 1

Соотношение понятий «ключевые знаки», «ключевые смыслы», «ключевые слова»

Ключевые знаки, выражающие ключевые смыслы текста			
Вербальные ключевые знаки		Визуальные ключевые знаки	Аудиальные ключевые знаки
Ключевые слова	Ключевые фразы (словосочетания и предложения)	Ключевые изображения	Ключевые фрагменты аудиоряда

Практику выделения ключевых знаков в текстах корпоративных СМИ покажем на примере анализа публикаций газеты «Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета», которая издается с 2009 г. Газета представляет собой глянцево-восьмиполосное издание (на сайте театра доступна электронная версия, идентичная печатной). Распространяется бесплатно в фойе Театра оперы и балета, периодичность выхода — 1 раз в месяц. Эмпирическую базу исследования составили материалы, опубликованные с мая по ноябрь 2011 г.

Компьютерный количественный анализ показал, что наиболее частотным словом каждого номера явилось слово «театр». Также в десятку самых частотных слов всех публикаций входят лексемы «год» (второе по частоте употребления слово), «опера», «спектакль», «балет», «партия», «работа», «работать», «артист», «человек». В двадцатку — «постановка», «екатеринбургский», «сезон», «репертуар», «зритель», «публика», «жизнь», «время», «труппа», «сцена». Приведем данные, характеризующие степень употребительности данной лексики в русском языке. С этой целью воспользуемся материалами «Частотного словаря современного русского языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [Ляшевская, Шаров 2009].

Слово «год» является самым частотным существительным по данным словаря — 3727.5 ipm, ранг 28 (ipm — число употреблений на миллион слов корпуса; частотный ранг слова — порядковый номер в общем частотном списке, содержащем 20 004 слова). Остальная лексика расположилась в следующем порядке: «человек» — 2723.0 ipm, ранг 39; «время» — 2015.7 ipm, ранг 52; «жизнь» — 1389.8 ipm, ранг 66; «работа» — 1058.3 ipm, ранг 87; «работать» — 611.2 ipm, ранг 148; «театр» — 305.3 ipm, ранг 330; «партия» — 250.4 ipm, ранг 420; «сцена» — 177.2 ipm, ранг 633; «спектакль» — 164.7 ipm, ранг 693; «артист» — 98.0 ipm, ранг 1239; «зритель» — 91.7 ipm, ранг 1338; «публика» — 74.6 ipm, ранг 1638; «сезон» — 69.2 ipm, ранг 1749; «постановка» — 49.5 ipm, ранг 2361; «опера» — 34.3 ipm, ранг 3189; «балет» — 21.4 ipm, ранг 4714; «репертуар» — 17.2 ipm, ранг 5533; «труппа» — 16.8, ранг 5628.

Таким образом, слово «театр», обозначающее наиболее частотное понятие публикаций, является не самым частотным в языке, а взаимосвязанные с ним слова «опера» и «балет» находятся на периферии языкового словоупотребления. Однако для театрального мира эти периферийные понятия

становятся центральными, краеугольными. Без них не обходится практически ни одна публикация.

Другим способом определения ключевых знаков текста является анализ основных элементов смысловой структуры произведения. Применительно к практике изучения текстов СМИ существует традиция рассмотрения их смысловой структуры как логического каркаса, определяющего отношения между аналитическими, событийными и предметными элементами содержания. Теория смысловой структуры журналистского текста разработана Л. М. Майдановой. В составе смысловой структуры выделяются следующие элементы: 1) основная/главная мысль текста (предмет речи и его основной анализируемый признак) (ГМ), 2) элементы общего содержания: а) основные: констатирующие тезисы (КТ), развивающие тезисы (РТ), аналитическая оценка ситуации/вывод (АОС), б) второстепенные элементы: иллюстрации к развивающим и констатирующим тезисам, а также фон (подводка) к цели сообщения [Майданова 2007]. Выделение КЗ в материалах корпоративных медиа также целесообразно проводить с опорой на основные элементы смысловой структуры текста: доминантные КЗ содержатся в ГМ и АОС, а второстепенные КЗ — в КТ.

Рассмотрим в качестве примера смысловую структуру публикации «Многообещающее начало» (февраль 2011 г.).

«Многообещающее начало».

Театр начал год с большого гастрольного тура по Китаю и Турции

Китайские зрители увидели последнюю балетную премьеру нашего театра „Лебединое озеро“, а в Анкаре был показан балет „Любовь и Смерть“. Подробнее об этих событиях рассказывает директор театра Андрей Шишкин:

— Для нашего театра нынешний календарный год начался весьма активно, с гастролей в Китае, которые продолжались почти три недели. Балетная труппа в составе 56 человек представляла наш новый балет „Лебединое озеро“ на сценических площадках различных городов Поднебесной. Спектакли проходили с неизменным успехом. Однако, что касается самой поездки, то она включала в себя много переездов и в целом оказалась достаточно тяжелой для труппы.

Более приятные впечатления остались у артистов после выступлений в Турции. Инициатором этих гастролей выступил Полад Бюльбюль оглы, композитор, создавший балет „Любовь и Смерть“, Посол Республики Азербайджан в России. Мы представили два спектакля 13 и 14 января. Оба спектакля

прошли с аншлагом. Публика оценила высокий профессиональный уровень исполнителей, а также интересное воплощение темы: как известно, балет создавался по мотивам древнейшего азербайджанского эпоса „Китаби Деде Горгуд“.

По окончании спектаклей артисты получили множество цветов и поздравлений. В знак благодарности от Международной культурной организации ТЮРКСОЙ главному балетмейстеру, постановщику спектакля Надежде Малыгиной, дирижеру Павлу Клиничеву, а также исполнителям главных партий Елене Воробьевой, Максиму Клековкину, Алие Муратовой и Денису Зайнудинову были вручены памятные подарки. Репортажи о гастрольях Екатеринбургского театра транслировались на всех местных телеканалах.

Искренне восхищала организация этих гастролей. Нам был устроен самый радужный прием. Нас поселили в замечательный отель недалеко от театра и предоставили все условия для двух полноценных репетиций балета и оркестра. Полад Бюльбюль оглы лично проявлял заботу об артистах, всякий раз интересуясь при встрече, нет ли у нас каких-то особых пожеланий относительно условий проживания, меню и т. п. Конечно, все мы были тронуты таким вниманием.

По нашим самым приблизительным подсчетам на поездку было потрачено порядка 5 млн. рублей, и мне хотелось бы искренне поблагодарить всех, кто помог этим гастролям осуществиться. Хочется высказать слова особой признательности Поладу Бюльбюль оглы. Огромная благодарность театра — в адрес Международного центра турецкой культуры.

Главным итогом нашего визита стал меморандум о сотрудничестве между Екатеринбургским театром оперы и балета и театрами Турции. Вместе с директором объединенных турецких театров мы подписали документ в торжественной обстановке в присутствии директора департамента современного искусства и международных культурных связей Министерства культуры РФ Алексея Шалашова, Посла Азербайджанской Республики в РФ Полада Бюльбюль оглы и других высоких гостей, среди которых были директора турецких театров, руководители консерватории и филармонии из Баку и т. д.

Итак, был подписан протокол о намерении, согласно которому наш театр в 2012 году едет на гастроли в Аспендос. Это престижный музыкальный фестиваль, который проходит в курортной зоне недалеко от Анталии, в старинном римском амфитеатре. Екатеринбургскому театру оперы и балета в

2012 году исполняется сто лет, и для всех нас очень важно, что труппа выезжает на столь представительные гастроли в июне, предвосхищая тем самым юбилейные торжества, которые развернутся в октябре 2012. На этот раз мы повезем в Турцию оперу, однако произведение пока еще не выбрано.

В свою очередь, в апреле 2012 года, как предусматривает соглашение, мы принимаем у себя коллектив театра Анкары. Турецкая труппа покажет в Екатеринбурге оперу Моцарта „Похищение из Сераля“. Сюжет оперы имеет прямое отношение к Турции, поскольку события разворачиваются на территории Османской империи. Это произведение Моцарта в нашем театре никогда не ставилось, так что представление будет интересно для зрителя.

Таким образом, наши гастроли, состоявшиеся в Анкаре, можно считать началом больших творческих взаимоотношений» (текст дан в сокращении).

Построим схему смысловой структуры данного текста.

Фон: китайские зрители увидели последнюю балетную премьеру нашего театра «Лебединое озеро», а в Анкаре был показан балет «Любовь и Смерть». Подробнее об этих событиях рассказывает директор театра Андрей Шишкин.

ГМ: Гастроли театра по Китаю и Турции, состоявшиеся в начале года, были успешными и плодотворными (имплицитная).

Кт 1: Так как спектакли в Китае, которые шли почти три недели на сценических площадках различных городов Поднебесной, проходили с неизменным успехом.

Рт к Кт 1: Однако поездка включала в себя много переездов и в целом оказалась достаточно тяжелой для труппы.

Кт 2: Так как приятные впечатления остались у артистов после выступлений в Турции.

Илл.: Инициатором этих гастролей выступил Полад Бюльбюль оглы, композитор, создавший балет «Любовь и Смерть», посол Республики Азербайджан в России.

Рт 1 к Кт 2: Оба спектакля (13 и 14 января) прошли с аншлагом. Публика оценила высокий профессиональный уровень исполнителей, а также интересное воплощение темы: как известно, балет создавался по мотивам древнейшего азербайджанского эпоса «Китаби Деде Горгуд».

Рт к Рт 1 (к Кт 2): По окончании спектаклей артисты получили множество цветов и поздравлений. В знак благодарности от Международной культурной организации ТЮРКСОЙ главному балетмейстеру, постановщику спектакля Надежде Малыгиной, ди-

рижеру Павлу Клиничеву, а также исполнителям главных партий Елене Воробьевой, Максиму Клековкину, Алие Муратовой и Денису Зайнудинову были вручены памятные подарки. Репортажи о гастролях Екатеринбургского театра транслировались на всех местных телеканалах.

Рт 2 к Кт 2: Искренне восхищала организация этих гастролей.

Рт а) к Рт 2 (к Кт 2): Нам был устроен самый радушный прием. Нас поселили в замечательный отель недалеко от театра и предоставили все условия для двух полноценных репетиций балета и оркестра. Полад Бюльбюль оглы лично проявлял заботу об артистах, всякий раз интересуясь при встрече, нет ли у нас каких-то особых пожеланий относительно условий проживания, меню и т. п.

Рт б) к Рт а): Конечно, все мы были тронуты таким вниманием.

Рт в) к Рт 2 (к Кт 2): По нашим самым приблизительным подсчетам, на поездку было потрачено порядка 5 млн рублей, и мне хотелось бы искренне поблагодарить всех, кто помог этим гастролям осуществиться. Хочется высказать слова особой признательности Поладу Бюльбюль оглы. Огромная благодарность театра — в адрес Международного центра турецкой культуры.

Кт 3: Так как главным итогом нашего визита стал меморандум о сотрудничестве между Екатеринбургским театром оперы и балета и театрами Турции.

Илл. к Кт 3: Вместе с директором объединенных турецких театров мы подписали документ в торжественной обстановке в присутствии директора департамента современного искусства и международных культурных связей Министерства культуры РФ Алексея Шалашова, посла Азербайджанской Республики в РФ Полада Бюльбюль оглы и других высоких гостей, среди которых были директора турецких театров, руководители консерватории и филармонии из Баку и т. д.

Рт 1 к Кт 3: согласно подписанному протоколу о намерении, наш театр в 2012 г. едет на гастроли в Аспендос.

Илл.: Это престижный музыкальный фестиваль, который проходит в курортной зоне недалеко от Анталии, в старинном римском амфитеатре. Екатеринбургскому театру оперы и балета в 2012 г. исполняется сто лет, и для всех нас очень важно, что труппа

выезжает на столь представительные гастроли в июне, предвосхищая тем самым юбилейные торжества, которые развернутся в октябре 2012 г. На этот раз мы повезем в Турцию оперу, однако произведение пока еще не выбрано.

Рт 2 к Кт 3: В свою очередь, в апреле 2012 г., как предусматривает соглашение, мы принимаем у себя коллектив театра Анкары.

Илл.: Турецкая труппа покажет в Екатеринбурге оперу Моцарта «Похищение из Сераля». Сюжет оперы имеет прямое отношение к Турции, поскольку события разворачиваются на территории Османской империи. Это произведение Моцарта в нашем театре никогда не ставилось, так что представление будет интересно для зрителя.

АОС: Таким образом, наши гастроли, состоявшиеся в Анкаре, можно считать началом больших творческих взаимоотношений.

Доминантными вербальными КЗ, по результатам анализа смысловой структуры текста, являются слова «театр», «гастроли», «год», «Китай», «Турция», «Анкара», а также фразы, отражающие смысл успешности гастролей: «были успешными и плодотворными», «начало больших творческих взаимоотношений». Заголовок — сильная позиция текста — добавляет в состав КЗ слово «многообещающее» (начало), семантически связанное с АОС, а также слова «год», частотность которого в текстах издания определяется необходимостью обозначить вехи театральной жизни, и «большой», подчеркивающее значительность представленного события. Констатирующие тезисы включают повторы доминантной лексики «Екатеринбургский театр оперы и балета», «Китай», «Турция», «проходили с неизменным успехом», а также второстепенные ключевые слова и фразы «меморандум о сотрудничестве», «спектакли», «приятные впечатления», «артисты».

Представим результаты компьютерного анализа частоты слов в тексте (топ-20 частотных слов; табл. 2), а также приведем данные лингвистического эксперимента, в ходе которого 22 респондентам нужно было выделить ключевые слова и выражения в тексте (топ-20 слов, выделенных респондентами; табл. 3). Для статистической обработки результатов использовалась программа сайта istio.com.

Таблица 2. Топ-20 частотных слов

№	Слово	Количество повторений	Доля в тексте, %
1	театр	20	2,4
2	гастроли	12	1,4
3	Турция	9	1,1
4	Анкара	9	1,1
5	год	8	0,9
6	балет	7	0,8
7	спектакль	6	0,7
8	культура	6	0,7
9	директор	5	0,6
10	артист	5	0,6
11	турецкий	5	0,6
12	опера	5	0,6
13-15	Полад Бюльбюль оглы	5	0,6
16	труппа	5	0,6
17	международный	4	0,4
18	министерство	4	0,4
19	ТЮРКСОЙ	4	0,4
20	оркестр	3	0,3

Таблица 3. Топ-20 слов, выделенных респондентами

№	Слово	Количество упоминаний в качестве КЗ
1	гастроли	17
2	театр	16
3	меморандум	11
4	взаимоотношение	9
5	год	9
6	Турция	9
7	сотрудничество	8
8	балет	8
9	премьера	7
10	успех	7
11	опера	5
12	труппа	5
13—14	5 млн рублей	4
15	творческий	4
16	прием	4
17	радушный	4
18	аншлаг	4
19	спектакль	4
20	артист	3

Мы видим значительное совпадение результатов всех проведенных анализов: «театр», «гастроли», «год», «Турция» и некоторые другие слова выделяются в качестве ключевых во всех случаях. В первую очередь это лексика, относящаяся к представ-

лению предмета мысли автора. Что же касается лексики, отражающей основной анализируемый признак предмета мысли и аналитическую оценку ситуации («успех», «творческие взаимоотношения» и пр.), то она выделяется в ходе анализа смысловой струк-

туры, а также в ходе лингвистического эксперимента. Слово, важное в смысловом отношении (согласно анализу смысловой структуры текста), может не иметь большого числа повторений в тексте и, следовательно, не отражаться в результатах количественного компьютерного анализа. И напротив, частотной может оказаться менее важная лексика, например, «директор», «министерство», «оркестр» в рассмотренной публикации. Таким образом, опрос читателей представляет собой более точный, по сравнению с компьютерным анализом, механизм определения ключевых знаков текста, позволяющий, кроме того, оценить восприятие текста адресатом. В данном случае мы видим, что, помимо доминантных ключевых знаков, значимым для респондентов стало словосочетание «5 млн рублей», демонстрирующее затраты на поездку, а также слова и словосочетания «меморандум» (отражающее конкретный результат поездки), «аншлаг», «радушный прием» (конкретизирующие смысл успешности состоявшихся гастролей).

Как уже отмечалось выше, «театр» — наиболее частотное слово всех рассмотренных публикаций, обозначающее центр корпоративного мира. И подавляющее большинство передаваемых ключевыми вербальными знаками смыслов, связанных с ним, является позитивным. Показательны заголовки номеров за 2011 г.: «Искусство на все времена», «Событие года — гастроли», «Три номинации на „Золотую маску“», «Благодарность от Большого театра», «Живем премьерами и гастролями», «Новая победа Детского хора театра», «Это будет настоящий прорыв!», «„Палладио“ в Петербурге: екатеринбургский балет заявил о себе на DANCE OPEN», «Все самое интересное — у нас!», «Ритму города соответствуем», «Счастье служить людям», «Шесть приглашений за рубеж», «„Браво!“ — лучшим», «Добиваясь высокого стиля», «Учиться и развиваться — всегда!», «Победа маленьких профи: детский хор получил приз на международном конкурсе» и др. Нам встретилась только одна публикация — «Возвратить вокальную культуру» (ноябрь 2011 г.), — содержащая некоторое количество критики, передаваемой доминантными и второстепенными ключевыми знаками. Речь шла о спорных моментах новой постановки оперы «Князь Игорь» и об общих проблемах оперной труппы: «...теряется вокальная эстетика, появляется пестрота», «по набору голосов у нас очень перспективная труппа, но по уровню вокальной культуры — не всегда», «есть претензии: кто-то не соответствует роли» и др. Проблемы в театральной жизни есть, и

достаточно существенные, однако о них издание практически не упоминает, преимущественно используя форму «рапорта об успехах». Цель издания — создание благоприятного имиджа театра и продвижение театрального «продукта» — спектаклей путем информирования о премьерах, рассказа о постановках в позитивном ключе.

В стилистическом отношении для газеты характерны следующие признаки:

1) стабильный жанровый состав: преобладающие жанры — заметки с цветными иллюстрациями, мини-рецензии, интервью с приглашенными артистами, фотопубликации, представляющие сцены из спектаклей в рубрике «Фотоальбом», отчеты о гастролях. На последней полосе всегда размещается афиша. Серьезные, аналитические рецензии, репортажи отсутствуют;

2) узкая корпоративная тематика: издание ориентировано исключительно на освещение событий, имеющих отношение к Екатеринбургскому театру оперы и балета;

3) ровный, сдержанно-пафосный стиль публикации без яркого проявления авторского «я»;

4) присутствие значительного количества терминов («ферьетуры», «форшлагги», «каденции», «форте», «речитативы» и пр.) и оценочной лексики («легкое и изящное произведение», «лучшее сопрано», «великолепная акустика», «окации» и пр.).

Отметим отсутствие обратной связи. Вместе с тем издание, несомненно, интересно аудитории благодаря 1) высококачественному полиграфическому исполнению, упомянутым ярким фотографиям, содержащим крупные планы напряженных или интригующих моментов спектаклей; 2) портретным интервью, предоставляющим читателям возможность получить сведения о некоторых деталях биографии, чертах личности любимых артистов; 3) познавательным рубрикам: «Закулисье» (в которой размещается информация о том, как создаются декорации, костюмы исполнителей, реквизит), «Архивная страница» (в которой рассказывается об истории театра) и пр.

Можно сделать вывод, что публикации в газете «Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета» строятся в соответствии с законами PR-деятельности, предполагающими иницированность, оптимизированность и селективность передаваемой информации (об этих законах см.: [Кривонос 2002]). Анализ ключевых знаков в этой ситуации может служить одним из инструментов, выявляющих дискурсивную форму издания.

В завершение отметим, что анализируемое издание представляет собой «глянце-

вую газету»: печать осуществляется на глянцевого бумаже, большая часть материалов — это яркие, красочные креолизованные тексты, оказывающие комплексное вербально-визуальное воздействие на читателя: высококачественные фотографии сцен из спектаклей рисуют «наш прекрасный, яркий мир театра». Соответственно представляется возможным выделение ключевых изображений. Анализ визуальных ключевых знаков креолизованных публикаций является, на наш взгляд, перспективным направлением исследований корпоративных медиатекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М. : Худож. лит., 1986. 543 с.
2. Большой словарь иностранных слов. — М. : Изд-во Центрполиграф : Полнос, 2002. 816 с.
3. Булатова Э. В. Практика выделения ключевых знаков журналистского текста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013а. № 3 (116). С. 10—17.
4. Булатова Э. В. Социальные функции медиатекстов разных типов // Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013б. С. 316—317.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

E. V. Bulatova
Ekaterinburg, Russia

DISCURSIVE PRACTICES OF FINDING VERBAL KEY SIGNS OF AD QUAESTUM MEDIA TEXTS

ABSTRACT. *The paper defines the notions “discursive practice”, “key sign” and “Ad utilitatem media text” (socially-important texts). Ad utilitatem media texts are the texts whose goal is to inform or manipulate an addressee to get some social benefit. Ad utilitatem media texts are beneficial or lucrative texts made by an addresser in interest of or by mass media on request of addresser, the goal of which is to manipulate an addressee to get some personal benefit; they include PR publications, commercials and political ads. The important features revealing the nature of the text include evaluation of its key signs (double-sided material and units of different semiotic nature representing the key meaning of the text). Based on corporate media, which are usually sponsored, optimized and selected, we show the specific features of Ad utilitatem media texts. The paper “Ekaterinburg State Academic Opera and Ballet Theatre” is studied. The aim of the news-paper is to create a favorable image of the theatre. The main features of the paper from the stylistic point of view include: genres (the most frequent are notes accompanied by color pictures, short reviews, interviews with actors, photos and reviews of tours); narrow topics concerning profession; posh style of publications; many terms and evaluative words.*

KEYWORDS: *discursive practice; key sign; media text; media discourse; corporate media; media; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bulatova Elina Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Journalism, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. — M. : Khudozh. lit., 1986. 543 s.
2. Bol'shoy slovar' inostrannykh slov. — M. : Izd-vo Tsentrpoligraf : Polyus, 2002. 816 s.
3. Bulatova E. V. Praktika vydeleniya klyuchevykh znakov zhurnalistskogo teksta // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2013a. № 3 (116). S. 10—17.
4. Bulatova E. V. Sotsial'nye funktsii mediatekstov raznykh tipov // Zhurnalistska v 2012 godu: sotsial'naya missiya i professiya : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — M. : Fakul'tet zhurnalistski MGU im. M. V. Lomonosova, 2013b. S. 316—317.
5. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? — M. : ITDGG «Gnozis», 2003. 375 s.
6. Krivonosov A. D. PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. 288 s.
7. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoi zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. / Ros. akad. nauk. In-t yazykoznaneya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.
8. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. 685 s.

6. Krivonosov A. D. PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. 288 s.

7. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoi zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. / Ros. akad. nauk. In-t yazykoznaneya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.

8. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. 685 s.

9. Lyashvskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). — M. : Azbukovnik, 2009. 1087 s. URL: <http://dict.ruslang.ru/> (data obrashcheniya: 15.05.17.).

10. Maydanova L. M. Praktikum po sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2007. 528 s.

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : OOO «ITI Tekhnologii», 2003. 944 s.

12. Russkiy yazyk : entsikl. — M. : Sov. entsikl., 1979. 432 s.

13. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 1. A — I. — M. : Russkiy yazyk, 1981. 698 s.

14. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. K — O. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 736 s.

15. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. P — R. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 752 s.

16. Slovo i klyuchevye smysly v sovremennykh mediatekstakh / L. M. Maydanova [i dr.] ; Ural. gos. un-t, fak. zhurnalistski ; red.-sost. L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2004. 231 s.

17. Sotsiologicheskiy slovar'. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Diskursivnye-Praktiki-1989.html> (data obrashcheniya: 25.06.2016).

9. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). — M. : Azbukovnik, 2009. 1087 s. URL: <http://dict.ruslang.ru/> (data obrashcheniya: 15.05.17.).

10. Maydanova L. M. Praktikum po sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2007. 528 s.

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : OOO «ITI Tekhnologii», 2003. 944 s.

12. Russkiy yazyk : entsikl. — M. : Sov. entsikl., 1979. 432 s.

13. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 1. A — Y. — M. : Russkiy yazyk, 1981. 698 s.

14. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. K — O. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 736 s.

15. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. P — R. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 752 s.

16. Slovo i klyuchevye smysly v sovremennykh mediatekstakh / L. M. Maydanova [i dr.] ; Ural. gos. un-t, fak. zhurnalistski ; red.-sost. L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2004. 231 s.

17. Sotsiologicheskiy slovar'. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Diskursivnye-Praktiki-1989.html> (data obrashcheniya: 25.06.2016).

М. В. Загидуллина
Челябинск, Россия

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ САЙТ КАК ИНДИКАТОР ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ТЕГ «ПОЛИТИКА» НА «PIKABU.RU»

АННОТАЦИЯ. Преимущественно считается, что развлекательные сайты собирают большое число участников в сферах, далеких от политики. Однако обращение к контенту таких сайтов показывает, что политика оказывается притягательной темой для обсуждения и в сообществах, относимых к разделу «Развлечения». Предпринята попытка рассмотреть предпочтения пользователей развлекательного сайта как своеобразный индикатор публичной сферы. Сетевые коммуникации способствуют развитию так называемого «нюслора» — шуток и карнавализации текущих событий как источника смешного. Господство социальных сетей в современной массовой коммуникации позволяет говорить о новом витке политической коммуникации как таковой — она становится не управляемым «из центра» спектаклем, а скорее объектом публичного рассмотрения и обсуждения. Это рассматривается на примере тегов сайта «Пикабу». Теги политической направленности («Украина», «Россия», «политика») входят в первую десятку популярных данного развлекательного сайта. Устанавливаются наиболее популярные темы политической направленности (коррупция и социальная несправедливость, неприятие партии власти и вообще депутатов). Отмечается, что анализ высокорейтинговых постов помогает понять основные социальные настроения и своевременно обнаруживать точки социального напряжения. Социальное управление получает достаточно гибкие инструменты в виде встроенных метрик социальных сетей, по которым можно определять точки риска в социальной системе для своевременного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-коммуникация; политический дискурс; социальные сети; интернет-сайты; развлекательные сайты; хеш-тег; военные метафоры; политическая метафорология; интернет-дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Загидуллина Марина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, Челябинск, Братьев Кашириных, 129; e-mail: tzagidullina@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Преимущественно считается, что развлекательные сайты собирают большое число участников в сферах, далеких от политики. Однако обращение к контенту таких сайтов показывает, что политика оказывается притягательной темой для обсуждения и в сообществах, относимых к разделу «Развлечения».

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть предпочтения пользователей развлекательного сайта как своеобразный индикатор публичной сферы. По Ю. Хабермасу, публичная сфера сама по себе есть площадка конструктивного диалога об устройстве общества и совершенствовании общественных отношений (и только то общество, где такой диалог развит и культивируется, может рассчитывать на прогресс во всех смыслах слова). Развлекательные сайты, ориентированные на «легкий» контент, представляются очень далекой от этих задач платформой. Однако при изучении таких источников мы обнаруживаем интересный и значимый для социального управления материал.

По Р. Франку, сетевые коммуникации способствуют развитию так называемого «нюслора» — шуток и карнавализации текущих событий как источника смешного (от критики и остросоциального сарказма до простого «стеба» и «базза») [Frank 2011]. Изучение политики как части «общества спектакля» [Дебор 2000] стало особенно активным на рубеже веков (когда тезис о медиалогике политики был одним из общих

мест в изучении политических коммуникаций — политическая сфера все активнее требовала «фотогеничного актера» на роль политического лидера). Но нюслор — это иная сторона медали, скорее, показывающая падение медиалогии «ТВ-типа» и ее смену логикой социальных медиа, архитектура которых открывает перспективы иных требований к политическому событию, высказыванию, персоне. Хосе ван Дик и Томас Поэлл предлагают рассматривать новую медиалогиику в виде тетрады «коннеktivность», «программируемость», «популярность», «датафикация» (и тогда «медиагенность», например, становится неинтересной и ненужной) [van Dijck, Poell 2013].

Мы могли бы отметить, что предшествующий период «театрализации» политики [Володина 2010] (и публичной сферы в целом) во многом завершен. Господство социальных сетей в современной массовой коммуникации позволяет говорить о новом витке политической коммуникации как таковой — она становится не управляемым «из центра» спектаклем, а скорее объектом публичного рассмотрения и обсуждения, теряя режиссера и общее управление, а средства массовой информации повсеместно заняты «уловлением» этих настроений и апелляцией к ним как к vox populi, получающему свое оформление и во многом легитимирующего определенные настроения.

Обращаясь к развлекательным сайтам как «зеркалу» общественных настроений и

своеобразному монитору социальных настроений, мы можем указать на подробные исследования *Reddit.com* — крупнейшего развлекательного англоязычного сайта (1,2 млрд посещений в месяц, 36 млн зарегистрированных пользователей). Изучая архитектуру сайта, Дженнифер Форесталь предложила рассматривать его как прообраз демократии (в духе Дж. Дьюи) [Forrestal 2017]. Возможность коллективизации действий на таких сайтах (аккумуляция «плюсов» и «минусов» как основные способы воплощения фольклорной (видимый) механизм выработки «общественного мнения» (ставим в кавычки, поскольку это частный случай общего феномена и зависит во многом от избирательных характеристик аудитории — даже если она выглядит как «массовая»: например, преимущественно «молодое мужское» население сайта, см.: [Lamont 2014]).

Таблица 1

Количество постов на сайте *rikabu.ru*, отмеченных самыми популярными тегами (на 01.09.2017)

текст	819721
длиннопост	477701
видео	398411
кот	196480
гифка	169054
фотография	160598
девушки	148405
Украина	140209
Россия	133867
политика	119182

Сайт *Рикабу* (на русском языке, 14 млн посещений в день, 1,2 млн зарегистрированных пользователей) использует подобную *Reddit* архитектуру. Информация сортируется согласно тегам, устанавливаемым авторами постов. При установке или выборе тега каждый пользователь видит список тегов со статистикой, кроме того, можно видеть полный список тегов со статистикой (ранжируется по частотности). Первые десять тегов определяют самые популярные теги, это в основном обозначение жанра и типа поста («текст», «длиннопост», «видео», «фото-

графия», «гифка»). Однако в десятку попадают и тематические теги, ранжированные в следующем порядке: «кот», «девушки», «Украина», «Россия», «политика». Нет сомнений, что три последних тега отражают именно политические предпочтения пользователей.

Так как число тегов, набравших более 2000 постов, приближается к тысяче (статистики по общему числу тегов нет), то можно заключить, что политика — важнейшая часть *Рикабу*, занимающего, по статистике *Liveinternet*, первое место в разделе «Развлечения» во всем пространстве русскоязычного Интернета. Кроме того, мы можем использовать и другие инструменты встроенных метрик для установления особенностей и политических предпочтений массовой аудитории этого сайта.

Это прежде всего ранжирование постов с определенным тегом по количеству «плюсов». Так как на сайте *Рикабу* принята система учетов суммы «плюсов» и «минусов», то общее число пользователей, участвующих в оценке, остается неизвестным. Однако благодаря такому метрическому показателю, как «лучшее за все время», мы можем видеть, что суммарная оценка самых отмеченных постов оказывается в районе 25 тысяч «плюсов», а значит, это количество может быть опорным при оценке предпочтений.

Тегом «Политика» отмечено, как показано в таблице 1, 119 182 поста; мы отобрали верхние 10 постов (это все посты с рейтингом выше 10 000 плюсов). Обзор этих 10 постов показан в таблице 2.

Обратим внимание на графу «давность», указывающую, сколько дней назад был сделан тот или иной пост. Этот показатель позволяет судить об общей активности аудитории (7 из 10 постов подборки сделаны менее чем полгода назад, что говорит об активизации и некоторой «политизации» аудитории, активно интересующейся политическими проблемами). Содержательный анализ показывает, что в топ-10 практически не попадают посты, связанные с внешней политикой (в том числе и украинская тематика), хотя есть и исключение — пост о заявлении белорусского президента А. Лукашенко.

Таблица 2

Посты сайта *pikabu.ru*, отмеченные тегом «Политика» и набравшие свыше 10 тысяч «плюсов» (на 01.09.2017; темы приведены в редакции авторов постов)

№	Тема	Плюсы	Комментарии	Давность	Примечание
1	Открытое письмо Иосифу Кобзону от «хама»	15646	1040	46	О выступлении Кобзона на свадьбе дочери судьи Хахалевой
2	Студенты МГУУ правительства Москвы ответили!	14666	1535	184	О стремлении обеспеченных студентов уйти от платы за парковку
3	Вот такой вот выпускной	14561	2441	72	Выступление выпускницы из Адыгеи против одноклассницы, получившей медаль «по блату»
4	Мэр города	11694	465	136	О том, что никто не хочет избираться мэром Омска
5	Вот это поворот =)	11302	911	452	О противоправном поведении единоросса
6	Из инстаграмм Дмитрия Нагиева	10690	1000	353	Об удалении граффити с изображением Задова
7	Про Ганзю	10653	670	267	О депутатах Госдумы, требующих своевременного окончания заседаний
8	Видимо картошка уже не актуальна	10166	997	29	Призыв Лукашенко увеличить рождаемость
9	Логично	10181	2572	159	Одиночный пикет после фильма о Медведеве
10	Двойная зарплата депутатам! Единогласно!	10114	1446	54	О решении Красноярского заксобрания поднять зарплату

Тематический лидер — коррупция в стране и социальная несправедливость. Основной эмоциональный двигатель большинства представленных в подборке публикаций — возмущение и даже ненависть, в основном инспирированные имущественным и карьерным расслоением.

На социальном неравенстве построен пост против высказывания И. Кобзона о «нездоровом» интересе к коммерческой стороне свадьбы дочери судьи Хахалевой (основной тезис автора — все эти затраты в конечном итоге оплачены налогоплательщиками, которые имеют право спросить, куда расходуются их деньги). На неприязни и возмущении основан пост о студентах престижного вуза (автор многократно подчеркивает, что дорогие иномарки не могли быть заработаны молодыми людьми и являются подарками обеспеченных родителей). Исполнен возмущения, граничащего с ненавистью, пост выпускницы, выложившей видео с выпускного, где она обличает одноклассницу — дочь сотрудницы отдела образования. Вокруг вопроса неоправданно высоких зарплат чиновников и депутатов построены посты «Про Ганзю» и «Двойная зарплата». Пост о замазывании граффити представляет собой публикацию высказывания артиста Нагиева, основная часть которого — саркастические замечания о том, что чиновники готовы тратить народные деньги на борьбу с уличными художниками в стране, где «вызывают попов, чтобы освятить очередную украденный миллиард при строительстве Zenit-Арены».

Не содержат «финансовой» составляющей посты о единороссе, Лукашенко, баллотировании в мэры Омска и одиночном пикете. Они помогают понять, какие другие политические темы могут вызвать всеобщий интерес. Сюжет о мотоциклисте, подвергшемся нападению нетрезвого кандидата в депутаты, оказывается в топе — судя по комментариям — благодаря тому, что речь идет о представителе партии «Единая Россия», аморальное поведение которого посрамлено на видео, сделанном с видеокамеры на шлеме мотоциклиста. Кроме того, пост был замечен официальными новостными изданиями, включившими его в повестку дня. Дружная поддержка поста (и довольно резких комментариев к нему) показывает градус общественного настроения, возможно, по отношению к партии парламентского большинства, но не исключено, что и в целом к статусу депутата.

Линия неприятия депутатов прослеживается и в посте «Про Ганзю»: речь идет о недовольстве двух женщин-депутатов поздними окончаниями заседаний в Госдуме (дома ждут голодные мужья). Автор поста выражает свою иронию с помощью «денежно-зарплатной» калькуляции — на зарплату одного депутата можно нанять на работу 14 врачей; он предлагает сделать это и «отпустить» женщин готовить еду мужьям.

Пост о высказывании Лукашенко («Лукашенко потребовал увеличить численность населения Белоруссии») поддержан, по видимому, не в последнюю очередь из-за

комичного мема с президентом и общенно-добродушным высказыванием, приписанным ему (с подчеркиванием ставшей визитной карточкой президента своеобразной «народной» риторики Лукашенко). Однако комментарии раскрывают все ту же финансовую составляющую и вопрос о бедности: «...как можно увеличивать численность если не улучшать качество, нищета снова и снова... нет, наелись в 90-х годов, больше не хотим рожать» (сохранено оформление первоисточника; число «плюсов» этого комментария — 701).

Единственным постом, близким к юмористическому типу, является пост о мэре Омска. Он поддержан в силу его ориентации на самореференции сообщества (пикабушники как особое коммьюнити): «Многие наверняка в курсе, а остальные теперь узнают — в Омске никто не хочет быть мэром. Ну а раз никто не хочет, то я никому и не помешаю, получается. Короче, баллотируюсь на пост мэра Омска. Программа кандидата: 1. Собираю все посты об Омске на Пикабу за последние 4 года. 2. Делаю ровно наоборот. 3. Все довольны, всем хорошо. 4. Пишу отчет на Пикабу. 5. Может, переизберусь еще потом» [Мэр города]. Здесь критический пафос высказывания (скрытое «в Омске все плохо») перекрыт конструктивным — взять за основу «пикабушную критику» и исправить ситуацию.

Наконец, стоит особенно отметить пост «Логично», набравший не только более 10 тысяч «плюсов», но и получивший рекордное в этой подборке количество комментариев. Автор поста опубликовал фото одиночного пикетчика с плакатом «Требую посадить в тюрьму! Медведева Д. А. за коррупцию, или Навального А. А. за клевету» (https://pikabu.ru/story/logichno_4935799, сохранено оформление первоисточника). Автор поста, размещая фотографию, добавил следующую подпись: «Единственный более-менее вменяемый протестант, которого видел за последние сутки». Самый популярный комментарий: «+1266 NAKONE Митинг проходил под лозунгом „хотим получить ответы“. Реакции на прямое обвинение второго лица страны в коррупции не было никакой: Не было дела ни на Медведева, ни на Навального, если он клеветает. Этот мужик с плакатом — не некий символ невозмутимой мудрости среди толпы безумцев — этот мужик всего лишь показывает идею, которая была в основе протеста» [Там же].

При этом значимо, что основная дискуссия развернулась по поводу «скрытой модерации» комментариев и постов: «+513

Arkham80. Какого * вчера весь Пикабу * и вгонял в дикие минуса все посты и комментарии, которые гласили то же самое? А сегодня плюсуют. Кругом одни боты что ли?

+278 Faxmaq. Вот тоже не понимаю. Я хоть и разочаровался немного в этом в митинге, но он не так бесполезен, как его все пытались выставить вчера. Самое интересное, что заминусовывались посты, как и поддерживающие митинг, так и осуждающие.

+140 fdl70. Было такое, подтверждаю. Я глазам своим не поверил, охр*нел просто

+107 st4niqz. Сегодня выходной у ботов после вчерашнего дежурства» [Там же].

Скрытая модерация контента исследуется пикабушниками как военная тактика — и участие в дискуссии превращается в реализацию военной метафоры: есть «враг», мешающий высказывать свое мнение. В частности, находим такое мнение: «Автор теги „политика“, „навальный“ и „митинг“ не поставил сначала. Кремлеботы ничего тупо не заминушили, а когда уже пост попал в горячее, то модерация поставила теги. Хитрый ход, однако». Таким образом, на фоне возможной (предполагаемой) модерации сайта средствами самих участников (выполняющих, по мнению дискутирующих, заказ) возникают различные тактики обхода этих препятствий. Кроме того, сами пикабушники блокируют тег «политика» к показу, стараясь уйти от заведомо ангажированной информации [Ботряков 2017].

Однако анализ высокорейтинговых постов помогает понять основные социальные настроения и своевременно обнаруживать точки социального напряжения. Хотя мы могли бы говорить о вечности таких проблем, как социальное расслоение, в ситуации достаточно активного стремления пользователей уйти от политической проблематики аккумуляция интереса пользователей именно к постам на тему несправедливого распределения благ должна оказываться в зоне внимания и подтолкнуть к осмыслению причин, силы и направленности возникающего напряжения. Социальное управление получает достаточно гибкие инструменты в виде встроенных метрик социальных сетей, по которым можно определять точки риска в социальной системе для своевременного регулирования. В настоящее время мы видим только одну тактику реакции на такие точки — подавления, «физического» уничтожения и затушевывания, что, на наш взгляд, не способствует формированию и конструктивному развитию публичной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ботряков В. Г. Политизация развлекательного Рунета: современное состояние // Медиасреда-2017 : научный альманах. — Челябинск, 2017. С. 14—16.
2. Володина М. Н. О роли СМИ в процессе политической коммуникации (на материале немецких массмедиа) // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 9—12.
3. Дебор Г. Э. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М. : Лоуо (Радек), 2000. 183 с.
4. Логично // Pikabu. 2017. 27 марта. URL: https://pikabu.ru/story/logichno_4935799.
5. Мэр города // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/myer_goroda_4992822#comments.
6. Федотова Н. А. Рекреативные функции СМИ: идеологический и политический контекст // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 414—420.
7. Хаббермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы: от журналистики частных литераторов к публичным потребительским услугам массмедиа: публичная сфера как платформа для рекламы / реферативный пер. Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. — М. : Вариант : ЦСПГИ, 2013. С. 266—308. (Б-ка «Журнала исследований социальной политики»).

M. V. Zagidullina

Chelyabinsk, Russia

ENTERTAINING WEB-SITE AS INDICATOR OF PUBLIC SPHERE: HASH TAG “POLITICS” ON PIKABU.RU

ABSTRACT. *It is believed that entertaining web-sites attract many people if they are devoted to the spheres far from politics. However the contents of such web-sites prove that politics arouses much discussion in the communities interested in entertainment. This research considers users' preferences as kinds of indicators of public sphere. Web communication contributes to the development of the so-called “newslore” – jokes and presentation of the current events as something funny. Domination of social networks in mass communication allows us to speak about a new round of political communication – it is not anymore a performance controlled from “the center”, it is rather a focus of public attention and discussion. This fact is analyzed on the basis of hash tags found on the web-site Pikabu. Political hash tags (“Ukraine”, “Russia”, “politics”) are included in top ten most popular hash tags on this web site. The most popular political topics are: corruption and social injustice, rejection of the party of power and deputies in general. It is noted that the analysis of the top-rated posts helps reveal public mood and single out the areas of social strain. Social management gets various tools among the functions of social networks, which help to identify risky areas in society and control them.*

KEYWORDS: *Internet communication; political discourse; social network; Internet web site; entertaining web site; hash tag; military metaphor; political metaphorology; Internet discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zagidullina Marina Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Officer, department of Journalism and Mass Communication, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Botryakov V. G. Politizatsiya razvlekatel'nogo Runeta: sovremennoe sostoyanie // Mediasreda-2017 : nauchnyy al'manakh. — Chelyabinsk, 2017. S. 14—16.
2. Volodina M. N. O roli SMI v protsesse politicheskoy kommunikatsii (na materiale nemetskikh massmedia) // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4. S. 9—12.
3. Debor G. E. Obshchestvo spektaklya / per. s fr. S. Ofertasa i M. Yakubovich. — M. : Лоуо (Радек), 2000. 183 с.
4. Logichno // Pikabu. 2017. 27 марта. URL: https://pikabu.ru/story/logichno_4935799.
5. Mer goroda // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/myer_goroda_4992822#comments.
6. Fedotova N. A. Rekreativnye funktsii SMI: ideologicheskii i politicheskii kontekst // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2015. № 5 (360). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 94. S. 414—420.
7. Khabermas Yu. Transformatsiya politicheskoy funktsii publichnoy sfery: ot zhurnalistiki chastnykh literatorov k publichnym potrebitel'skim uslugam massmedia: publichnaya sfera kak platforma dlya reklamy / referativnyy per. T. Tyagunovoy // Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi: kolektiv. monogr. / pod red. E. R. Yarskoy-Smirnovoy i P. V. Romanova. — M. : Variant : TsSPGI, 2013. S. 266—308. (B-ka «Zhurnalna issledovaniy sotsial'noy politiki»).

8. Forestal J. The Architecture of Political Spaces: Trolls, Digital Media, and Deweyan Democracy // American Political Science Review. 2017. № 111 (1). P. 149—161.
9. Frank R. Newslore: Contemporary Folklore on the Internet. — Univ. Pr. of Mississippi, 2011.
10. Holbert R. L., Hill M. R., Lee J. The political relevance of entertainment media // Political communication / C. Reinemann, ed. — Berlin : De Gruyter, 2014.
11. Lamont, T. Reddit: How to Win the Internet // The Guardian. 07.02.2014. URL: <http://www.theguardian.com/technology/2014/feb/07/reddit-how-to-win-the-internet>.
12. van Dijk J., Poell T. Understanding Social Media Logic // Media and Communication. 2013. № 1 (1). P. 2—14.
13. Vorderer P., Hefner D., Reinecke L., Klimmt C., eds. Permanently Online, Permanently Connected: Living and Communicating in a POPC World. — Routledge, 2017.
14. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the heart of media entertainment // Communication Theory. 2004. № 14. P. 388—408.
15. Weinmann C. Feeling political interest while being entertained? Explaining the emotional experience of interest in politics in the context of political entertainment programs // Psychology of Popular Media Culture. 2017. № 6. P. 123—141.
16. Zillmann D., Vorderer P. Media entertainment: The psychology of its appeal. — Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2000.

8. Forestal J. The Architecture of Political Spaces: Trolls, Digital Media, and Deweyan Democracy // American Political Science Review. 2017. № 111 (1). P. 149—161.
9. Frank R. Newslore: Contemporary Folklore on the Internet. — Univ. Pr. of Mississippi, 2011.
10. Holbert R. L., Hill M. R., Lee J. The political relevance of entertainment media // Political communication / C. Reinemann, ed. — Berlin : De Gruyter, 2014.
11. Lamont, T. Reddit: How to Win the Internet // The Guardian. 07.02.2014. URL: <http://www.theguardian.com/technology/2014/feb/07/reddit-how-to-win-the-internet>.
12. van Dijk J., Poell T. Understanding Social Media Logic // Media and Communication. 2013. № 1 (1). P. 2—14.
13. Vorderer P., Hefner D., Reinecke L., Klimmt C., eds. Permanently Online, Permanently Connected: Living and Communicating in a POPC World. — Routledge, 2017.
14. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the heart of media entertainment // Communication Theory. 2004. № 14. P. 388—408.
15. Weinmann C. Feeling political interest while being entertained? Explaining the emotional experience of interest in politics in the context of political entertainment programs // Psychology of Popular Media Culture. 2017. № 6. P. 123—141.
16. Zillmann D., Vorderer P. Media entertainment: The psychology of its appeal. — Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2000.

Н. Г. Искужина
Уфа, Россия

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается специфика языковой ситуации, особенности функционирования и взаимодействия языков, определение их юридического статуса в многонациональной Республике Башкортостан. Актуальность исследования определяется тем, что мониторинг языковых ситуаций полиэтнических регионов необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного общества в целом. Характеризуются такие важные для анализа языковой ситуации коммуникативные сферы, как народное образование, распространение массовой и культурной информации. В Республике Башкортостан со сложным национальным и этнолингвистическим составом созданы все условия для развития языков всех компактно живущих этносов. В республике распространено активно двуязычие, как в сельской местности, так и в городах. Наиболее сильно развито национально-русское двуязычие. Три языка — русский, башкирский и татарский — обладают широкими социальными функциями: русский — как государственный язык России и Башкортостана, башкирский — как государственный язык в Республике Башкортостан; татарский — как функционально развитый язык. Меньшими социальными и коммуникативными функциями наделены чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский и немецкий языки. Более узкими функциями обладают белорусский и латышский языки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА языковая политика; языковая ситуация; билингвизм; полиэтнические регионы; взаимодействие языков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Искужина Наиля Гайфулловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории, обществознания и культурологии, Институт развития образования Республики Башкортостан; 457577, Россия, г. Уфа, ул. Мингажеева, 120; e-mail: iskuzhina@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Республика Башкортостан является многонациональным, поликультурным и поликонфессиональным субъектом Российской Федерации. Исторически сложившееся расположение Башкортостана на стыке Европы и Азии, перекрестке тысячелетнего движения различных народов и культур, привело к тому, что регион представляет собой уменьшенную модель самой России как уникального евразийского геополитического образования [Национальный состав населения Республики Башкортостан...: 78].

По численности населения РБ занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место в Российской Федерации; на долю республики приходится 2,85 % населения страны и 13,62 % населения Приволжского федерального округа. По состоянию на 14 октября 2010 г. численность постоянного населения РБ составила 4072,2 тыс. человек, при этом 20 национальностей представлены численностью свыше 1000 человек, 77 национальностей и этнических групп составляют до 10 человек, из них 24 представлены одним человеком [Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан].

Особенность республики заключается в том, что она является территорией интенсивного взаимодействия славянских, тюркских, финно-угорских и других народов. Национальный состав населения РБ по переписи 2010 г. в численном соотношении можно представить следующим образом: при общем населении 4 072 292 человека рус-

ские составляют 1 432 906 (36 %), башкиры — 1 172 287 (29,5 %), татары — 1 009 295 (25,4 %), чувашаи — 107 450 (2,7 %), марийцы — 103 688 (2,6 %), удмурты — 21 477 (0,5 %), мордва — 20 300 (0,5 %), белорусы — 11 680 (0,3 %), украинцы — 39 875 (1 %), латыши — 1117 (0,03 %), евреи — 1900 (0,05 %).

Из всего населения РБ, указавшего национальную принадлежность и владение языками, русским языком владеют 3910,5 тыс. человек (98 %). Из них для 1918 тысяч человек он является единственным. Из языков народов России наиболее часто указывалось владение татарским (1063,5 тыс. чел.), башкирским (935,8 тыс. чел.), марийским (81,2 тыс. чел.), чувашским (75,4 тыс. чел.) языками (см. данные табл. 1); из иностранных языков — английским (172 тыс. чел.) и немецким (45,3 тыс. чел.). О полиязычности населения РБ говорят такие цифры: почти половина населения республики владеет двумя или более языками, из них 382,5 тыс. человек — тремя и более языками [Там же].

Многоаспектную языковую ситуацию в полинациональных государствах порождают функционирование языков и культур большого числа народов, проживающих на данной территории. Поэтому мониторинг языковых ситуаций полиэтнических регионов необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного общества в целом [Аюпова 2000: 12].

Таблица 1

Распределение населения наиболее многочисленных национальностей по родному языку (на 1000 человек соответствующей национальности, указавших родной язык)

	Указали родным языком		
	Язык, соотв. национ-ти	Русский язык	Языки, других национ-ей
Русские	998	х	2
Башкиры	753	77	169
Татары	853	139	7
Чуваши	766	225	8
Марийцы	884	111	5
Украинцы	231	765	4
Мордва	567	431	2
Удмурты	896	86	18
Белорусы	122	875	3

Именно национально-государственные образования являются основными гарантиями сохранения и развития культур и языков всех народов, и только в них могут создаваться условия для развития национального образования, функционирования родных языков, наращивания культурно-духовного потенциала народов.

Официальными документами, регламентирующими функционирование языков в Республике Башкортостан, являются Конституция Республики Башкортостан и Закон «О языках народов Республики Башкортостан». В феврале 1999 г. был принят Закон «О языках народов Республики Башкортостан», где башкирскому языку придан статус государственного языка наряду с русским. Статья 3 данного закона гласит: «Государственными языками Республики Башкортостан на всей территории являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации» [Закон о языках народов Республики Башкортостан 1999: 3]. Это положение позднее было закреплено в Конституции Республики Башкортостан (1993 г.): «Государственными языками Республики Башкортостан являются башкирский и русский языки». Что касается статуса языков других народов республики, то «в местах компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-территориальных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах общения используется язык населения данной местности» [Конституция Республики Башкортостан 2001: 4]. Статус языков в Республике Башкортостан определен в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 68, п. 1,2) и законом «О языках народов Российской Федерации» (ст. 3, п. 1, 2, 3), где прописано, что «республики вправе устанавливать свои государственные языки» [Конституция Российской Федерации 1993]. Следует иметь в виду, что еще в 1917 г. первая автономная Башкирская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, основываясь на Декларации прав народов России (ноябрь 1917 г.), в которой признавалось «право народов России на свободное самоопределение», объявила на территории БАССР государственными языками башкирский и русский языки.

Языковая картина современного Башкортостана может быть представлена в следующей схеме, разработанной на основе формулы Ч. Фергюсона профессором Башгосуниверситета Л. Л. Аюповой:

LS (с) PB = 3 Lmaj* + 10 L min + 5L spec, интерпретация которой выглядит так: лингвистическая ситуация РБ характеризуется тремя основными («большими») языками — русским как государственным языком РФ, башкирским «титольным», используемым в официально-деловом общении, и татарским, на котором говорит 24,8 % населения; десять «второстепенными» языками компактно проживающих этносов в РБ (чувашский, марийский, мордовский, удмуртский, украинский, белорусский, латышский, эстонский, немецкий, казахский); пятью «специальными» («особыми») языками, четыре из которых изучаются как иностранные языки в школе (английский, немецкий, французский, турецкий) и один используется в религиозных обрядах (арабский). Можно скорректировать эту формулу, дополнив ее церковнославянским языком, представленным в республике православной религией. К сожалению, как отмечает автор, эта формула не отражает многого: а) характера функционирования языков (их социальных функций); б) взаимодействия языков; в) объема социальных функций языков, находящихся в одном цифровом показателе, например, 10 L min,

в котором располагаются чувашский и марийский языки Башкортостана с широкими социальными функциями наряду с латышским, немецким языками, имеющими в условиях РБ ограниченные функции, и т. д. [Аюпова 2000: 13].

К важнейшим структурным компонентам языковой ситуации относятся такие коммуникативные сферы, как народное образование, массовая информация и духовная культура, наиболее полно отражающие функциональную дистрибуцию языков. Сегодня в Башкортостане насчитывается более 100 языков, из которых 11 имеют постоянную среду бытования и возможности для естественного речевого общения. Эти языки представлены *тюркской* (башкирский, татарский, чувашский), *финно-угорской* (марийский, удмуртский, мордовский) и *славянской* (русский, украинский, белорусский) группами языков. Кроме перечисленных, функционируют немецкий и латышский языки, носители которых также проживают компактно в отдельных населенных пунктах РБ. Такое языковое многообразие вызвано наличием множества этносов, которые в той или иной степени культивируют свою родную культуру и язык. Однако языки народов республики различаются с точки зрения их функциональной развитости и использования в различных социальных сферах. Выражая полное согласие с мнением В. Ю. Михальченко, также отметим, что «уровень функционального развития языков зависит от ряда социальных факторов: 1) численности носителей языка; 2) способов расселения носителей языка; 3) наличия письменности; 4) наличия традиций использования языка в разных сферах общения; 5) степени развития у носителей языка национально-языкового самосознания; 6) наличия социальной потребности в использовании национального языка; 7) культивирования других языков в разных сферах общения (двуязычие или многоязычие)» [Михальченко 2016: 6].

Образовательный процесс в дошкольных образовательных учреждениях организован на шести родных языках: русском, башкирском, татарском, чувашском, удмуртском, марийском. В настоящее время 57 % детей дошкольного возраста образовательные услуги получают на родном языке.

Полное среднее образование в школах республики осуществляется на шести языках: русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском и удмуртском. В качестве предмета изучаются восемь языков: мордовский, немецкий, латышский, украинский, белорусский, греческий, польский, еврейский (иврит), т. е. в школах изучаются

14 языков. Для сравнения: в 1990/91 уч. г. их было всего 7.

По состоянию на 2014/15 уч. г. более 70 % учащихся нерусской национальности изучают свой родной язык (для сравнения: в 1995 г. этот показатель составил чуть более 50 %). Также функционируют 16 воскресных школ, в том числе в г. Уфе (башкирская, еврейская, немецкая, марийская, польская, две чувашские, две татарские, две украинские, армянская), в Стерлитамаке (чувашская), в г. Салавате (украинская), в г. Ишимбае (чувашская), в г. Мелеузе (чувашская).

Языком обучения в профессиональных учебных заведениях является русский язык. В пяти вузах и двенадцати педагогических колледжах республики ведется подготовка педагогических кадров по башкирскому, русскому, татарскому, чувашскому, марийскому, удмуртскому, немецкому, английскому, французскому языкам. В последние десятилетия в связи с возрождением мечетей возрос интерес к арабскому языку. Он изучается преимущественно в мечетях, в основном пожилыми людьми. В учебные планы некоторых гуманитарных специальностей арабский язык включен в качестве спецкурса или курса по выбору.

Таким образом, система образования республики создает благоприятные лингвопедагогические условия для формирования вариативного образования с предоставлением возможности выбора как языка обучения/изучения, так и воспитания. Административное применение только одного языка в системе образования бесперспективно. Примером могут служить многие республики бывшего СНГ.

Статья 18 Закона Республики Башкортостан «О языках Республики Башкортостан» определяет башкирский и русский языки как языки издания государственных республиканских газет и журналов, передач телевидения и радиовещания. По усмотрению учредителей допускается также издание газет и журналов на иных языках и использование в средствах массовой информации языков народов, составляющих большинство населения данной территории [Закон о языках народов Республики Башкортостан 1999: 14].

В целях реализации Государственной программы сохранения, изучения и развития языков народов РБ увеличилось количество печатных средств массовой информации, использующих башкирский и другие родные языки компактно проживающих народов в республике. Ведется активная работа по расширению области функционирования башкирского языка в сфере деятельности подведомственных Управлению печати РБ

предприятий, обеспечивается использование башкирского языка при оформлении вывесок, бланков, печатей, штампов, товарных этикеток, ярлыков и другой продукции, выпускаемой в республике предприятиями, учреждениями и организациями.

Издательской деятельностью в республике занимаются более ста предприятий и организаций. Ими выпускается около 2 тыс. наименований книг общим тиражом около 2 млн экземпляров. Самая большая часть выпущенной продукции приходится на «Башкирское издательство», издательства «Китап», «Башкирская энциклопедия», «Гилем», «Слово», «Белая река».

Следует выделить издаваемые на языках народов Республики Башкортостан газеты — «Башкортостан», «Йәшлек», «Азна», «Киске Офә», «Йәншишмә» (на башкирском языке), «Республика Башкортостан», «Вечерняя Уфа», «Уфимские ведомости», «Неделя», «Истоки» (на русском языке), «Кызыл таң», «Омет», «Азна», «Кызыл таң — очкын» (на татарском языке), «Урал сасси» (на чувашском языке), «Чолман» (на марийском языке), «Ошмес» (на удмуртском языке), которые освещают новости общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни республики. Журналы «Агизел», «Башкортостан кызы», «Башкортостан укытыусыһы», «Һәнәк», «Шоңғар», «Аманат», «Ақбузат» (на башкирском языке), «Бельские просторы», «Вилы», «Уфа» (на русском языке), «Тулпар», «Әллүки» (на татарском), учредителями которых являются государственные органы. Общественно-политический, научно-популярный и художественный журнал «Ватандаш» выходит на башкирском, русском и английском языках.

Одна республиканская и 50 районных газет (или 43 % всей продукции периодической печати) дублируются на русском и одном из национальных — чаще всего башкирском либо татарском — языках, а 5 районных газет издаются параллельно даже на трех языках. При этом можно отметить явную диспропорцию в соотношении «язык издания — язык чтения» между жителями городов и сел и деревень: их язык обучения и воспитания не всегда совпадает с языком востребованных изданий. Выявлено, что предпочтительным средством чтения у горожан, независимо от этнической принадлежности, является русский язык. По-видимому, городские условия, в которых оказываются би-/трилингвы, получившие образование на каком-либо другом языке Башкортостана, отличаются перераспределением функций русского и нерусского языков, влекущими за собой соответствующий выбор читателей. Представители

русского этноса по существу остаются монолингвами, не испытывая потребности читать прессу на других языках.

Этнической пестроты населения Башкортостана соответствует и разнообразие конфессий. Более половины населения — башкиры, татары, казахи, узбеки — исповедуют ислам. Часть религиозных обрядов проводится на арабском, башкирском, татарском языках. Текст Корана переведен на башкирский язык.

На территории республики транслируются 108 каналов ТВ на русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, английском, немецком языках. В каждом городе функционирует местное телевидение, вещание которого охватывает не только территорию города, но и близлежащие районы. Язык вещания на ТВ по городам РБ распределен таким образом: русский язык — 100 %, т. е. на русском языке ведут вещание все ТВ-каналы, башкирский язык составляет 78 %, татарский — 56 %; на чувашском языке ведется вещание по ТВ в г. Белебей, на удмуртском, марийском вещает несколько телекомпаний г. Нефтекамска.

Радиопередачи гостелерадиокомпаний Республики Башкортостан (с 1928 г.) — ГТРК «Башкортостан» — выходят в эфир ежедневно и охватывают 100 % территории Башкортостана. Продолжительное время население ряда районов не имело возможности принимать, смотреть и слушать программы республиканского телевидения из-за сложного рельефа местности. Телевидение и радио представлено в республике 50 телерадиокомпаниями, в том числе 1 государственной, 29 муниципальными, 24 коммерческими. Программы «Радио Башкортостана» — информационно-музыкальные радиоканалы «Юлдаш» (на башкирском, татарском языках), «Спутник ФМ» (на русском языке), «Ашкадар» (на башкирском языке) — транслируются в круглосуточном режиме на башкирском, русском, татарском языках.

Соотношение языков на канале «Радио Башкортостана» следующее: русский — 42 %, башкирский — 34 %, татарский — 20 %, другие языки (чувашский, марийский и удмуртский) — 4 %. Также ведется онлайн-вещание молодежного приложения к каналу «Юлдаш» — «Юлдаш-нюс», по которому транслируется популярная башкирская молодежная музыка. Анализ объема радиопередач на языках народов Башкортостана показывает примерно одинаковое соотношение эфирного времени на башкирском и русском языках, в среднем соответственно 45 и 44 %. С конца 1990-х гг. доля эфирного

времени на башкирском языке составила более 50 %, достигнув, например, в 2001 г. 70 %. Эфирное время, отведенное татарскому языку на радио Башкортостана, в 2001 г. составило 0,4 %, а в 2005 г. — 16,8 % от общего объема вещания [Фатхутдинова 2011: 19]. В 2001 г. теле- и радиопередачи выходили на 8 языках: башкирском, татарском, русском, чувашском, марийском, удмуртском, украинском и мордовском.

Семья играет важнейшую роль в сохранении и развитии родного языка. В РБ самый высокий уровень этносмешанных браков в РФ, причем в городах разнонациональных семей больше, чем в сельской местности. По данным Управления записи актов гражданского состояния РБ, в 2010 г. в регионе зарегистрировано 34 819 браков, из них межнациональных — 13 222, или 38 % (для сравнения: в 1970 г. — 15,9 %, в 1979 г. — 19,4 % от общего числа семей).

Среди городов РБ самую высокую долю однонациональных (русских) (77,9 %) и низкую долю этнически смешанных (22,1 %) браков имеет г. Белорецк. Город Стерлитамак, наоборот, имеет высокую долю смешанных (59,2 %) и самую низкую — этнически однородных (40,8 %) браков.

Большая нагрузка в сфере духовной культуры ложится на общедоступные библиотеки республики, которые выполняют особую роль в сохранении национальной памяти, формировании культуры межнационального общения и приобщении населения к культуре, языку. Успешно функционируют базовые библиотеки по обслуживанию разных этнических групп: Архангельская (латышская); Бижбулякская (чувашская); Иглинская (белорусская); Мишкинская (марийская); Стерлитамакская (украинская); Федоровская (мордовская); Чекмагушевская (татарская); Янаульская (удмуртская); Национальная библиотека Республики Башкортостан (башкирская); «Дружбы народов» (обслуживание всех этнических групп РБ). В фондах Национальной библиотеки имеются книги на 14 языках, выписываются периодические издания на 8—10 языках. На территории компактного проживания народов в целях возрождения, сохранения и развития национальных культур и языков народов республики созданы историко-культурные центры (ИКЦ). На сегодняшний день функционируют 16 ИКЦ, которые являются филиалами государственного учреждения — Дома дружбы народов РБ. С точки зрения вклада в языковое развитие РБ отдельные мероприятия историко-культурных центров как альтернативных учреждений способствуют сохранению этнического многообразия

и воспитанию толерантности, гражданской позиции, любви к родному языку, истории и культуре.

В целом в Республике Башкортостан со сложным национальным и этнолингвистическим составом созданы все условия для развития языков всех компактно живущих этносов. В республике распространено активное двуязычие, как в сельской местности, так и в городах. Наиболее сильно развито национально-русское двуязычие. В целом двуязычие играет положительную роль: оно открывает новые возможности для дальнейшего роста и развития. Однако ограниченное развитие национального языка приводит к развитию одностороннего национально-русского двуязычия, что ведет к снижению уровня владения родным языком, а иногда и к его потере. Три языка — русский, башкирский и татарский — обладают широкими социальными функциями: русский — как государственный язык РФ и РБ, башкирский — как государственный язык в РБ; татарский — как функционально развитый язык. Меньшими социальными и коммуникативными функциями наделены чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский и немецкий языки. Более узкими функциями обладают белорусский и латышский языки.

Таким образом, в Республике Башкортостан на современном этапе сложилась двухкомпонентная модель языковой политики, т. е. языковая политика с двумя доминантами — русский язык и республиканский государственный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас Республики Башкортостан. — М., 2007. 769 с.
2. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. — Уфа: Восточный университет, 2000. 156 с.
3. Закон о языках народов Республики Башкортостан. — Уфа, 1999. 17 с.
4. Конституция Республики Башкортостан. — Уфа, 2001. 66 с.
5. Конституция Российской Федерации. — М., 1993.
6. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. URL: <http://www.bashstat.ru/perepis2010/Sections/itogi/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8.aspx>.
7. Михальченко В. Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Язык и общество. Энциклопедия. — М.: Азбуковник, 2016. 872 с.
8. Национальное образование в Республике Башкортостан. — Уфа, 2010. 34 с.
9. Национальный состав населения Республик Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. — Уфа: Башкортостанстат, 2012. 198 с.
10. Рахматуллина З. Я. Межкультурная коммуникация в образовательной среде: диалог национальных культур и языков // Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации. — Уфа, 2005. 178 с.
11. Фатхутдинова А. И. Этноязыковое развитие Республики Башкортостан: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.07 / Фатхутдинова Айгуль Ильясовна. — Казань, 2011. 26 с.

N. G. Iskuzhina
Ufa, Russia

LANGUAGE SITUATION IN BASHKORTOSTAN

ABSTRACT. *The language situation in Bashkortostan, peculiarities of functioning and mutual effect of the languages are analyzed, as well their legal status in this multinational republic. The urgency of this research is determined by the fact that monitoring of language situation in multi-ethnic regions is necessary not only for solution of scientific problems, but also for improvement of international relations, elimination of language conflicts and formation of tolerant society in general. Such important for the analysis of language situation spheres as public education, dissemination of mass and cultural information are studied. There are all the necessary conditions for the development of all the languages of the peoples living in multinational Republic of Bashkortostan. Bilingualism is wide spread in the Republic, both in rural and urban areas. The most typical is Russian-native language bilingualism. Three languages – Russian, Bashkir and Tatar – have a wide scope of social functions: Russian is the official language of Russia and Bashkortostan, Bashkir is the official language of Bashkortostan and Tatar is a wide spread language. The following languages have less social and communicative functions: Chuvash, Mari, Udmurt, Mordvinic, Ukrainian and German. Belarus and Latvian are spoken in the region by a small minority.*

KEYWORDS: *language policy; language situation; bilingualism; poly-ethnic region; mutual influence of languages.*

ABOUT THE AUTHOR: *Iskuzhina Nailya Gayfullovna, Doctor of Philology, Professor, Department of History, Social Science and Culture Study, Institute of Education Development in Bashkortostan, Ufa, Russia.*

REFERENCES

1. Atlas Respubliki Bashkortostan. — M., 2007. 769 s.
2. Ayupova L. L. Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt. — Ufa : Vostochnyy universitet, 2000. 156 s.
3. Zakon o yazykakh narodov Respubliki Bashkortostan. — Ufa, 1999. 17 s.
4. Konstitutsiya Respubliki Bashkortostan. — Ufa, 2001. 66 s.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. — M., 1993.
6. Kratkie itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda po Respublike Bashkortostan. URL: <http://www.bashstat.ru/perepis2010/Sections/itogi/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8.aspx>.
7. Mikhail'chenko V. Yu. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoy Rossii // Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya. — M. : Azbukovnik, 2016. 872 s.
8. Natsional'noe obrazovanie v Respublike Bashkortostan. — Ufa, 2010. 34 s.
9. Natsional'nyy sostav naseleniya Respublik Bashkortostan po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda: statisticheskiy byulleten'. — Ufa: Bashkortostanstat, 2012. 198 s.
10. Rakhmatullina Z. Ya. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya v obrazovatel'noy srede: dialog natsional'nykh kul'tur i yazykov // Mezhnatsional'nye otnosheniya v politichnom regione: problemy i puti optimizatsii. — Ufa, 2005. 178 s.
11. Fatkhutdinova A. I. Etnoyazykovoe razvitie Respubliki Bashkortostan : avtoref. dis... kand. ist. nauk : 07.00.07 / Fatkhutdinova Aygul' Il'yasovna. — Kazan', 2011. 26 s.

В. В. Карнюшина
Сургут, Россия

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В РАМКАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАМЕТРОВ ДИСТАНЦИИ И ВЛАСТИ
НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «КОМПЛИМЕНТ»**

АННОТАЦИЯ. Для анализа прагматических установок собеседников необходимо учитывать коммуникативный контекст. В работе коммуникативные ситуации рассматриваются с учетом горизонтальной дистанции (с конечными точками «высокая степень близости собеседников» и «низкая степень близости собеседников») и вертикальной дистанции (конечные точки — «высокая степень власти» и «низкая степень власти»). С этой точки зрения исследуется коммуникативное намерение «комплимент». Структурно комплименты делятся на клишированные (ограниченное количество синтаксических конструкций, готовых к употреблению и легко различимых в выражении) и авторские. Поскольку положительная оценка, в том числе комплиментарность, выражается лексически, описывается лексическое наполнение таких структур (прилагательное «lovely», суперлативные прилагательные). Приводятся разные классификации комплиментов (те, в которых говорящий выражает свое отношение к объекту комплимента, и те, которые носят относительный характер; комплимент-сравнение, комплимент — риторическое восклицание, комплимент в сочетании с антикомплиментом, комплимент с междометиями, комплимент с прилагательными в превосходной степени и др.). Использование комплиментов иллюстрируется примерами из произведения Эмили Бронте «Грозовой перевал». Демонстрируется, что этикетные клишированные формы выражения комплимента в частной обстановке могут свидетельствовать скорее о желании высмеять, показать свою власть над собеседником. Авторские же комплименты, выраженные в идентичных ситуациях, напротив, рассматриваются как проявление искреннего намерения дать положительную оценку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматические установки; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; политическая коммуникация; речевое воздействие; сверхфразовое единство; английский язык; комплименты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Карнюшина Вера Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет; 628400, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; e-mail: vkarnyushina@gmail.com.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Степень речевого воздействия на адресата и выбор стратегий зависит в большей степени от прагматических установок.

Говоря о прагматике речевого общения, возможностях речевого воздействия, следует упоминать не только взаимоотношения языковых знаков, а также взаимоотношения людей, участвующих в ситуации общения, коммуникативный контекст. Для изучения прагматики вербального и невербального коммуникативного поведения Г. Х. Хофстеде предлагает в первую очередь рассматривать такие параметры культуры, как «дистанция» и «власть», или горизонтальная и вертикальная дистанции, характерные для конкретной культуры.

В своей работе по исследованию параметров выстраивания дистанции Д. Д. Голдсмит и Э. Л. Мак-Джордж (D. J. Goldsmith, E. L. MacGeorge) выделяют такие параметры, как *high closeness* — высокая степень близости собеседников и *low closeness* — низкая степень близости собеседников. Также выделяются *high power* — высокая степень власти и *low power* — низкая степень власти [Goldsmith, MacGeorge 2000: 242—243]. Нам представляется перспективным более подробно рассмотреть случаи коммуникативных ситуаций под углом зрения горизонтальной и вертикальной дистанций, приняв параметры *high closeness* — высокая степень близости собеседников и *low closeness* — низкая степень близости собеседни-

ков как конечные точки горизонтальной дистанции, а *high power* — высокая степень власти и *low power* — низкая степень власти как конечные точки вертикальной дистанции.

В этой связи перспективным видится исследование выражения коммуникативного намерения «комплимент».

По мнению О. С. Иссерс, структурно комплименты можно разделить на «клишированные» и «авторские». Под «клишированными» структурами понимается ограниченное количество синтаксических конструкций, готовых к употреблению и легко различимых в выражении. «Авторские» напрямую зависят от креативности говорящего [Иссерс 2009: 102].

Однако и в авторских, и в клишированных комплиментах обязательной является оценочная часть. В качестве подлежащего может выступать либо местоимение *you* (если говорящий оценивает непосредственно собеседника), либо существительное (если комплимент касается того, что входит в сферу адресата): *You are very charming; Your son is very nice* [Фрейтас 1990: 82]. Иногда в таких структурах меняется глагол-связка: *You look wonderful; You look remarkable* [Там же].

Среди стандартных комплиментов часто встречаются структуры с подлежащим *it* и сказуемым, имеющим оценочный оттенок. В этом случае говорящий может оценивать:

а) самого собеседника, используя конструкцию «*It's + Adj.* (прилагательное, имею-

щее положительную оценку) + *of you + to V*»: *It's so nice of you to be here* [Фрейтас 1990: 83];

б) ситуацию, а через нее собеседника — «*It's + Adj.* (прилагательное, имеющее положительную оценку) + *that*»: *It's so wonderful that you are so honest and moral* [Фрейтас 1990: 83]

Клишированной в английском языке также считается структура «*I love/I like*»: *I like your house!*; *I love the way you sing!* [Там же: 82].

В комплиментах часто используются разнообразные структуры с глаголом в сослагательном наклонении. Это сослагательное наклонение модальных глаголов и конструкции «*I wish + сослагательное наклонение*»: *I wish I were as elegant and simple as you* [Серебрякова 2001: 56].

Кроме привычных конструкций, оформляющих комплимент, уместно говорить о структурах, которые становятся комплиментарными только в определенных ситуациях.

Иногда комплимент выходит за рамки одного предложения, и тогда можно говорить о комплименте, представленном сверхфразовым единством. Как правило, в подобных случаях в разговоре участвует несколько собеседников, но комплимент предназначается лишь одному из них.

Несмотря на то, что структура комплимента разнообразна, положительная оценка в целом и комплиментарность в частности выражаются лексически, и с этой точки зрения нас интересует лексическое наполнение структур в комплиментарных предложениях. Согласно Т. В. Лариной, среди всех частей речи в подобной ситуации чаще всего встречаются прилагательные с положительной коннотацией.

Прилагательное *lovely*

Англичанами часто используется прилагательное *lovely*. Данное прилагательное употребляется в самых разных контекстах, в зависимости от которых на русский язык оно переводится как *милый, привлекательный, приятный, очаровательный, прелестный, славный* и т. д.: *What a lovely baby!*; *Everything in the garden is lovely!* [Ларина 2009: 352—356].

Суперлативные прилагательные

Помимо *lovely*, в английских комплиментарных фразах широко употребляются различные суперлативные прилагательные: *great, excellent, perfect, fantastic, stunning, marvelous, fabulous, gorgeous, divine, ravishing, superb, brilliant*: *That's an absolutely splendid example!*

Используя прилагательные, англичане реализуют характерную для их коммуникации стратегию переоценки. Преувеличение наблюдается также в том, как англичане вы-

ражают свое отношение к происходящему или наблюдаемому: *How absolutely / completely (marvelous extraordinary, devastating, incredible, fantastic, wonderful, delightful, amazing, unbelievable it is* [Там же: 357—358].

Говоря о содержательной стороне намерения «комплимент», лингвисты выстраивают различные классификации этого явления. Например, Л. Э. Безменова различает комплименты, в которых говорящий выражает свое отношение к объекту комплимента, и те, которые носят относительный характер [Безменова 2001: 78]. Р. В. Серебрякова классифицирует комплименты по особенностям языкового оформления следующим образом: комплимент-сравнение, комплимент — риторическое восклицание, комплимент в сочетании с антикомплиментом, комплимент с междометиями, комплимент с прилагательными в превосходной степени [Серебрякова 2002: 11].

Другая типология комплимента представлена в классификации Н. И. Формановской. Она классифицирует комплименты по комплиментируемому признакам: комплименты внешнему виду человека, комплименты, оценивающие профессионализм или определенные способности, комплименты умственным способностям, комплименты душевным свойствам, комплименты, касающиеся возраста, комплименты отдельным элементам внешности человека (одежды, прически; относится преимущественно к женщинам), комплимент «третьему лицу», входящему в «личную сферу» собеседника [Формановская 1989: 76—78].

Интересной является классификация Р. В. Серебряковой относительно временной направленности комплимента:

1) комплименты могут быть направлены в прошлое: *I'd no idea you were such an attractive young man*;

2) комплименты могут быть направлены в настоящее: *I think you are a genius!*;

3) комплименты могут быть направлены в будущее: *You will be a star. Nothing can stop you* [Серебрякова 2002: 20—22].

В качестве иллюстративного материала для настоящей работы были отобраны примеры из произведения Эмили Бронте «Грозовой перевал». Материал исследовался исходя из основных положений, изложенных в трудах по прагматике дискурса и теории речевых актов Т. ван Дейка, Дж. Серля, М. Л. Макарова, G. N. Leech.

Первая группа комплиментов сопровождает ситуации **неблизких властных отношений**.

Heathcliff: God! What a beauty! What a lovely, charming thing! Do you know me?

(asked Heathcliff, having satisfied himself that the limbs were all equally frail and feeble).

Linton: No (said Linton with a gaze of **vacant fear**) [Bronte 2008: 158].

Исследуемый диалог является неподготовленным. Линтон приходит в дом своего отца, не зная чего ожидать. Линтон и Хитклиф являются малознакомыми друг другу людьми, следовательно, мы можем сделать вывод, что отношения между ними неблизкие (Low-Closeness). Линтон боится своего отца, Хитклиф имеет над ним власть, поэтому отношения между ними — властные (High-Power). Общение между этими людьми основано на стратегии отдаления, поэтому форма вежливости — отрицательная (negative politeness). Дефиниционный анализ лексического состава раскрывает комплиментарный характер высказывания: 1) *beauty* — *the quality of being very good to look at* [Longman English Dictionary], 2) *lovely* — *very attractive, enjoyable or pleasant* [Longman English Dictionary], 3) *charming* — *very attractive or pleasant* [Longman English Dictionary] / 1) *красота* — *все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение*, 2) *прекрасный* — *очень привлекательный и приятный*, 3) *очаровательный* — *способный очаровывать, прекрасный, восхитительный*. Высказывание содержит в себе элемент оценки, поскольку использованные слова обладают положительной коннотацией, но по комментариям автора мы можем понять, что этот комплимент содержит в себе антикомплимент: *...asked Heathcliff, having satisfied himself that the limbs were all equally frail and feeble*. Хитклиф доволен (*having satisfied himself*) тем, что мальчик слаб и болен (*equally frail and feeble*). Он рад, что сын не похож на него. Хитклиф не искренне радуется встрече с сыном, так как сын нужен ему только для достижения своих собственных целей. Хитклиф делает комплимент для того, чтобы посмеяться над мальчиком. В своих комментариях автор использует лексику *fear* для описания чувств Линтона: 1) *fear* — *something bad or unpleasant that you are afraid might happen* [Longman English Dictionary] — 1) *страх* — *ощущение того, что может произойти что-то плохое*. Исходя из этого, мы можем понять, что реакция на комплимент — отрицательная. Линтон не испытывает к отцу ничего, кроме страха. Рассматривая грамматическую структуру комплиментарного предложения: «*God! What a beauty! What a lovely, charming thing!*» — следует выделить такие оценочные средства, как *beauty, lovely, charming*. Структура комплимента в этом случае — это словосо-

четание «прилагательное + существительное (Adjective + Noun)». По классификации Р. В. Серебряковой, такое коммуникативное событие является комплиментом — риторическим восклицанием. Хитклиф восхищается внешностью сына, соответственно это также комплимент внешности человека.

Рассмотрев и другие примеры реализации коммуникативного намерения «комплимент» в ситуации неблизких властных отношений в произведении, можно сделать вывод, что целью комплимента в таком случае был скорее сарказм, в данной ситуации собеседник хочет высмеять адресата, поэтому вся группа комплиментов — это комплименты в сочетании с антикомплиментами. Общение между героями основано на стратегии дистанцирования, преимущественная форма вежливости — позитивная. Структура комплимента в этой ситуации — схема «прилагательное + существительное (Adjective + Noun)», т. е. комплиментарное значение всему предложению придает именно словосочетание. В рассмотренных нами примерах, используя эту структуру, герои выражают комплимент внешности человека. Все комплименты отличаются по своему лексическому наполнению. Основными маркерами исследуемых комплиментов являются слова с положительной эмоциональной оценкой, такие как *pleasant, nice, lovely, charming, good*. Итак, понимание того, что исследуемый комплимент содержит в себе антикомплимент, основано скорее на представлении о типе отношений собеседников и ситуации, поскольку формально были использованы этикетные клишированные вежливые формы выражения комплимента.

В ходе исследования была выделена еще одна группа комплиментов — комплименты в ситуации **близких и невластных отношений**. Обстановка близких и невластных отношений — самая оптимальная и естественная для комплимента, этим, вероятно, обусловлена многочисленность примеров в тексте.

Следующий пример является показательным с точки зрения того, что комплимент, целью которого является сближение коммуникантов, делается в форме позитивной вежливости. В данной ситуации Нелли и Кэти обсуждают жениха Кэти — мистера Эдгара Линтона.

Nelly: Why do you love him, Miss Cathy?

Cathy: Nonsense, I do — that's sufficient.

Nelly: By no means; you must say why?

Cathy: Well, because **he is handsome, and pleasant to be with**.

Nelly: Bad!

Cathy: And because **he is young and cheerful**.

Nelly: *Bad, still.*

Cathy: *And because he loves me.*

Nelly: *Indifferent, coming there.*

Cathy: *And he will be rich, and I shall like to be the **greatest** woman of the neighborhood, and I shall **be proud of having such a husband**.*

Nelly: *Worst of all. And now, say how you love him?*

Cathy: *As everybody loves — you're silly, Nelly.*

Nelly: *Not at all — answer.*

Cathy: *I love the ground under his feet, and the air over his head, and everything he touches, and every word he says. I love all his looks, and all his actions, and him entirely and altogether. There now!* [Bronte 2008: 71].

Исследуемый нами диалог является запланированным, обе участницы общаются друг с другом вблизи, внутри одного помещения, место — одна из комнат усадьбы «Грозовой перевал». Обе женщины хорошо известны друг другу. Кэти приходит к Нелли, чтобы обсудить предстоящую свадьбу с Эдгаром Линтоном. Так как коммуниканты хорошо знакомы друг с другом, делятся секретами и переживаниями, можно сделать вывод, что отношения между ними — близкие. Кэти в этой ситуации не имеет власти над Нелли (Low-Power, High-Closeness), стратегия общения коммуникантов основана на сближении, форма вежливости в данном случае — позитивная (positive politeness). Нелли не верит в искренность слов Кэти по отношению к Эдгару, поэтому использует следующие эмоционально окрашенные слова: *bad, indifferent, worst*. Кэти, наоборот, высказывает свое положительное отношение к мистеру Линтону, она симпатизирует мужчине. В предложении *«I love the ground under his feet, and the air over his head, and everything he touches, and every word he says»* Кэти использует повтор союза *and*, что свидетельствует о ее желании воздействовать на адресата. Рассматривая лексическую составляющую разговора, следует отметить лексемы *handsome* и *cheerful*. 1) *handsome — a handsome man or boy has a very attractive face* [Longman English Dictionary], 2) *cheerful — behaving in a happy friendly way* [Longman English Dictionary] / 1) *красивый — доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный*, 2) *доброжелательный — желающий добра, готовый содействовать благополучию других, благожелательный*. Дефиниционный анализ показывает, что обе лексемы обладают положительным оценочным значением. Кроме того, важно отметить наличие местоимения

everything и прилагательного *every*: 1) *everything — more valuable or important than anyone or anything else* [Longman English Dictionary], 2) *every — used for referring to all the people or things of a particular type or in a particular group, or all the parts of something* [Longman English Dictionary] / 1) *всё — более значимый и важный, чем что-либо еще*, 2) *каждый — всякий, любой из себе подобных*. Оба слова являются лексическими интенсификаторами и служат для преувеличения значения связанных с ними слов. В предложении *«Well, because he is handsome, and pleasant to be with»* комплиментарное значение несет в себе следующая структура: «местоимение + глагол-связка + прилагательное (Pronoun + linking Verb + Adjective)». Проанализировав лексические значения слов и структуру предложения, мы можем говорить о том, что исследуемое коммуникативное событие является комплиментом. По классификации Н. И. Формановской выражение является комплиментом внешности человека и его душевным качествам.

В результате исследования всей группы комплиментов в ситуации близких и невластных отношений было выявлено, что этот тип отношений наиболее часто наблюдается при намерении сделать комплимент. Общение между собеседниками основано на стратегии сближения, преимущественная форма комплимента — позитивная. Основными маркерами этой группы комплиментов являются слова с положительной эмоциональной оценкой, которые описывают внешность и отдельные элементы внешности человека: *beauty, sweet, delicate, dainty, soft, bright, bonny*. Описывая некоторых персонажей, автор использует сравнение. Также были выделены следующие грамматические структуры комплиментов: «прилагательное + существительное (Adjective + Noun)», «существительное + глагол-связка + существительное (Noun + link verb + Noun)», «существительное + существительное (Noun + Noun)».

Последняя группа комплиментов, выделенная в ходе нашего исследования, — это комплименты в ситуации **неблизких и невластных отношений**.

Одним из примеров может служить ситуация, когда мистер Локвуд делает комплимент невестке хозяина дома Хитклифа, Кэтрин Хитклиф.

Heathcliff: *Mrs. Hethcliff is my daughter-in-law*

(He turned, as he spoke, a peculiar look in her direction: a look of hatred; unless he has a most perverse set of facial muscles that will not,

like those of other people, interpret the language of his soul).

Mr. Lockwood: *Ah, certainly — I see now: you are the favoured possessor of the beneficent fairy!*

This was worse than before: the youth grew crimson, and clenched his fist, with every appearance of a meditated assault. But he seemed to recollect himself presently, and smothered the storm in a brutal curse, muttered on my behalf: which, however, I took care not to notice.

Heathcliff: *Unhappy in your conjectures, sir, we neither of us have the privilege of owning your good fairy; her mate is dead. I said she was my daughter — in — law: therefore, she must have married my son [Bronte 2008: 5].*

Изучив прагматический контекст ситуации, можно сделать вывод, что отношения между коммуникантами — неблизкие (Low-Closeness), но и невластные, так как герои находятся в равных условиях (Low-Power). Мистер Локвуд пытается сблизиться с Хитклифом, он хочет установить хорошие отношения, форма вежливости — позитивная (positive politeness). Несмотря на намерение мужчины сблизиться с собеседником, в данном случае комплимент воспринимается окружающими как вторжение. Комплимент адресован как Хитклифу, так и третьему лицу из ближайшего окружения Хитклифа — его невестке Кэтрин Хитклиф. Лексические единицы *beneficent*, *fairy* свидетельствуют о комплиментарности высказывания: 1) *beneficent* — *doing things that are intended to help people* [Longman English Dictionary], 2) *fairy* — *an imaginary creature with magic powers that looks like a small person with wing* [Longman English Dictionary] / 1) *благодетельный* — *благотворный, полезный*, 2) *фея* — *в сказочной литературе: волшебница*. Локвуд сравнивает Кэти с положительным сказочным персонажем — феей. Комплимент, сделанный Локвудом, адресован не только Кэти, невестке Хитклифа, но и ему самому. Молодой человек называет его *favoured possessor*: 1) *favoured* — *preferred or chosen, receiving better treatment than other* [Longman English Dictionary], 2) *possessor* — *someone who owns or has something* [Longman English Dictionary] / 1) *привилегированный* — *лучший, пользующийся преимуществом, более выгодный по сравнению с другими*, 2) *владелец* — *человек, владеющий чем-либо*. Локвуд заставляет чувствовать Хитклифа, что он обладает чем-то особенным, чего нет ни у кого другого. Положительная коннотация лексического состава высказывания (*the beneficent fairy*) также подтверждает его комплиментарное значение. Структура анали-

зируемого комплимента — «прилагательное + существительное (Adjective + Noun)». Мистер Локвуд описывает душевные качества Кэти, следовательно, исследуемый комплимент — это комплимент душевным качествам человека.

Исследование всех примеров коммуникативного намерения «комплимент» в произведении в ситуации неблизких и невластных отношений, где коммуникантами являются малознакомые и чужие друг другу люди, подтвердило, что такие комплименты могут быть сделаны при первой встрече и при желании завести знакомство с собеседником. Общение между людьми в такой ситуации основано на стратегии сближения, поэтому форма вежливости — позитивная. Комплименты этой группы сочетают в себе комплименты внешности и душевным качествам человека. Преимущественная структура комплиментов — «прилагательное + существительное (Adjective + Noun)».

С точки зрения лексического оформления комплимента в каждой речевой ситуации в исследуемом материале употребляются такие маркеры комплимента, как *beautiful, pleasant, bonny, sweet, lovely, charming, elegant, nice, bright, light, pure, soft* и т. д.

Наибольшее количество искренних комплиментов, оформленных средствами позитивной вежливости, наблюдается в ситуации близких и невластных отношений — 59 %. Для достижения стратегической цели — положительного воздействия на адресата — в этой группе наблюдается использование всех лексико-грамматических структур, описанные в работе, кроме антикомплимента. Следующая группа — неблизкие и невластные отношения — составила 27,5 %. Комплименты этой группы имели форму позитивной вежливости, преимущественное коммуникативное намерение — сближение с собеседником, воздействие на его состояние, тактически использовались суперлативные прилагательные (*She had the bonniest eyes, the sweetest smile and the lightest foot in the parish*) и риторические восклицания (*A beautiful animal!*). Кроме того, выборка показала, что в 13,5 % случаев комплимент был выражен в ситуации неблизких и властных отношений. Интересно отметить, что автором произведения не описано ни одной ситуации, где герои, состоящие в ситуации близких властных отношений, высказывали друг другу комплимент.

Общим результатом может служить вывод, что этикетные клишированные формы выражения комплимента в приватной обстановке могут свидетельствовать скорее о желании высмеять собеседника, показать свою

власть над ним. Авторские же комплименты, выраженные в идентичных ситуациях, напротив, выражают искреннее намерение дать положительную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. 308 с.
2. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. 137 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2009. 224 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 267 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. Вып. 17. 130 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. — Воронеж, 2002. 159 с.

V. V. Karnyushina
Surgut, Russia

STRATEGIES AND TACTICS OF SPEECH MANIPULATION IN THE FRAMES OF LINGUOCULTURAL PARAMETRES OF DISTANCE AND POWER ON THE BASIS OF THE ENGLISH COMMUNICATIVE SITUATION "COMPLIMENT"

ABSTRACT. *To analyze pragmatic intentions of the speakers it is necessary to take into account communicative context. In this research communicative situations are studied with regard to horizontal structure (with the terminal points of "close relations between the interlocutors" and "distant relations between interlocutors") and vertical hierarchy (the terminal points are "much power" – "little power"). Communicative situation "Complement" is analyzed in the paper. According to the structure complements are divided into clichés (limited number of syntactic constructions easily identified in the statement) and original complements. As positive evaluation, including complement, is expressed lexically, we describe lexical structure of the units (adjective "lovely", adjectives in superlative degree, etc.). Different classifications of complement are analyzed in the paper (complements when the speaker expresses his attitude directly and relative complements; complement-comparison, complement-rhetorical exclamation, complement accompanied by anti-complement, complement with interjections, complement with adjectives in superlative degree, etc.). The use of complements is exemplified by the extracts from "Wuthering Heights" by Emily Bronte. It is shown that the etiquette clichés of complement in non-official communication are used rather as mockery to show one's power and dominance over the other person. Original complements used in the same situations, on the contrary, are used to express positive attitude to the person.*

KEYWORDS: *pragmatic ideas; communicative strategy; communicative tactics; political communication; speech manipulation; supra-phrasal unity; English; complement.*

ABOUT THE AUTHOR: *Karnyushina Vera Veniaminovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.*

REFERENCES

1. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — М.: Progress, 1989. 308 s.
2. Zemskaya E. A. Kategoriya veshlivosti v kontekste rechevykh deystviy // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy. — М.: Nauka, 1994. 137 s.
3. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie. — М.: Flinta, 2009. 224 s.
4. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002. 267 s.
5. Larina T. V. Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — М.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 512 s.
6. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. — М.: Gnozis, 2003. 280 s.
7. Ostin Dzh. L. Slovo kak deystvie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М., 1986. Vyp. 17. 130 s.
8. Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i natsional'naya kartina mira. — Voronezh, 2002. 159 s.
9. Serebryakova R. V. Natsional'naya spetsifika komplimenta i pokhvaly v russkoy i angliyskoy kommunikativnykh kul'turakh // TENDER: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. — М., 2001. 202 s.
10. Ser' Dzh. Chto takoe rechevoy akt? // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М.: Progress, 1986. Vyp. 17. 169 s.

9. Серебрякова Р. В. Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // Тендер: язык, культура, коммуникация. — М., 2001. 202 с.

10. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. 169 с.

11. Формановская Н. И., Габдуллина С. Р. Русский и английский речевой этикет: сходства и различия: справочник. — М.: Высшая школа, 2008. 111 с.

12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. — М.: Высшая школа, 1989. 254 с.

13. Фрейтас Дж. Ф. Минимум для общения. — М.: Высшая школа, 1982. 135 с.

14. Bronte E. The Wuthering Heights. — New York, 2008. 348 p.

15. Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1987. 345 p.

16. Goffman E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour. — Garden City; New York: Anchor Books, 1967. 270 p.

17. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London: Longman, 1983. 250 p.

18. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoonline.com/> (date of access: 21.08.2017).

19. MacGeorge E. L. The Impact of Politeness and Relationship on Perceived Quality of Advice About a Problem. — USA: Purdue Univ. Pr., 2002. 30 p.

20. Oxford Dictionary Online. URL: <http://oxforddictionaries.com/> (date of access: 21.08.2017).

11. Formanovskaya N. I., Gabdullina S. R. Russkiy i angliyskiy rechevoy etiket: skhodstva i razlichiya: spravochnik. — М.: Vysshaya shkola, 2008. 111 s.

12. Formanovskaya N. I. Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya. — М.: Vysshaya shkola, 1989. 254 s.

13. Freytas Dzh. F. Minimum dlya obshcheniya. — М.: Vysshaya shkola, 1982. 135 s.

14. Bronte E. The Wuthering Heights. — New York, 2008. 348 p.

15. Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1987. 345 p.

16. Goffman E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour. — Garden City; New York: Anchor Books, 1967. 270 p.

17. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London: Longman, 1983. 250 p.

18. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoonline.com/> (date of access: 21.08.2017).

19. MacGeorge E. L. The Impact of Politeness and Relationship on Perceived Quality of Advice About a Problem. — USA: Purdue Univ. Pr., 2002. 30 p.

20. Oxford Dictionary Online. URL: <http://oxforddictionaries.com/> (date of access: 21.08.2017).

Об актуальности рассматриваемой проблемы свидетельствует опубликованный в 2015 г. «Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии», в котором борьба с православием рассматривается как одна из форм русофобии. В нем читаем: «Русофобские доктрины являются оправданием непрекращающейся пропагандистской и организационной работы, направленной на нейтрализацию, расчленение и максимальное ослабление России. <...> В публичных выступлениях писателей, общественных деятелей, публицистов определенной направленности именно Православие, давшее импульс развитию русской государственности и формированию лучших черт русского национального характера, обвинялось как „отсталая“, „архаичная“, „пассивная“, „подавляющая человека“ религия, обращение к которой ведет к экономическому упадку, политической стагнации и деспотизму»; «Необходимо ясно указать, что проявления религиозной ненависти по отношению к членам Русской Православной Церкви, доходящей до публичного оскорбления религиозных чувств верующих, осквернения религиозных святынь, организации антирелигиозных гонений, в большинстве случаев связаны не только с межрелигиозными противоречиями или боготорческими настроениями, но и являются также выражением русофобии на религиозном поле» [Меморандум... 2015]. Критика этого меморандума и высказывания в его поддержку как в научной, так и ненаучной среде ярко «высвечивают» противоборствующие стороны.

Орудием информационно-психологических войн выступают разные семиотические системы, но прежде всего язык как основное средство человеческого общения. Однако лингвистический аспект информационно-психологической войны против православия остается практически не изученным. Имеются лишь отдельные наблюдения над искажением значений слов из Евангелия [см.: Миронова 2010], утратой книжных слов церковнославянского происхождения и попытками заменить их в богослужении на современные русские аналоги (см., напр.: [Сквородников 2016: 37—42, 49—58]).

Таким образом, актуальность предпринятого исследования определяется общественно-политической ситуацией в современном мире, неразработанностью лингвистического аспекта информационно-психологической войны и необходимостью его исследования в целях противодействия информационно-психологическому нападению.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ведущей стратегией в информационно-психологической войне против православия выступает речевая стратегия дискредитации, понимаемая традиционно как совокупность речевых тактик и приемов, направленных на подрыв доверия к объекту описания (изображения). Есть мнение, что дискредитация — «первый шаг» кампании по информационному воздействию. «Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу — эскалации, — специфика которого состоит в культивировании (как правило, заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации» [Васильев, Подсохин 2016: 32]. Первый этап успешно реализуется, и он должен быть проанализирован, в том числе лингвистами.

Цель настоящей статьи состоит в лингвистическом описании речевых тактик и приемов дискредитации православия, являющихся частью технологии современной информационно-психологической войны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В информационно-психологической войне широко используется так называемое «организационное оружие», к которому можно отнести, например, создание в сети Интернет групп типа «Убей патриарха» (о ней писала газета Завтра» [Розанов 2016]), «Мы против православия» [Мы против православия: сообщество]. Рассмотрение этого оружия остается за рамками нашей статьи. Не принимались нами во внимание также «фотожабы», коллажи и другие жанры, основанные на использовании изображения. И хотя в них встречается взаимодействие вербальной и невербальной семиотических систем, оно может составить предмет отдельного исследования. Нас интересует использование манипуляторами ресурсов языка в информационно-психологической войне против православия.

Исследование проводилось на материале текстов сети Интернет, в которых прослеживается стратегия дискредитации православия. Они доступны для любого пользователя и начали размещаться преимущественно с 2009 г. (по нашим наблюдениям, именно в этом году употребляется большинство описанных нами речевых приемов). Хотя журналисты отмечают, что информационные атаки на православие начались еще раньше: «Первый скоординированный наезд на православие с помощью блогосферы состоялся в далеком 2007 году, поздней осе-

ню. Это была проба пера и разведка боем. В Сеть была вброшена информация о том, что в Сергиевом Посаде некий батюшка собственноручно умертвил два десятка котиков, живущих при храме. <...> Примерно полдня сетевая общественность горевала над картинками, а потом плавно переключилась на „жирных попов“, церковь и православие в целом. <...>... реакция, к которой подвели интернет-манипуляторы, была очень показательной. Тем более когда очнувшаяся православная общественность выяснила, что все котики живы и здоровы. Это было уже не важно, тестовый старт „антиправославной кампании“ прошел успешно» (Комсомольская правда. 21.01.2013). Речевые факты извлекались нами из различного рода текстов, отбираемых методом случайной выборки: публикаций журналистов, в том числе в блогах, высказываний общественных и политических деятелей, записей и комментариев пользователей сети Интернет. Общий объем собранной картотеки составляет 197 единиц (без учета повторяющихся примеров).

Отметим, что применительно к некоторым текстам, например к комментариям, не всегда можно с уверенностью говорить о сознательном участии их авторов в информационно-психологической войне против православия, однако высказывания (тексты) этих авторов, дискредитирующие православие, играют на руку акторам информационно-психологической войны. Думаем, нужно принимать во внимание и тот факт, что авторы дискредитирующих текстов понимают, что написанное ими носит публичный характер, поскольку может быть прочитано любым пользователем сети Интернет. Этот факт говорит о возможности признания написанных ими текстов актами информационно-психологической войны.

В процессе исследования использовались аналитико-описательный метод (с его основными компонентами: наблюдением, интерпретацией, обобщением, классификацией и описанием); интенциональный анализ текста, направленный на выявление целевой установки автора (в соответствии с методикой его применения, описанной в книге: [Текст... 2011: 32—34]); контекстуальный анализ (в его широком понимании: учитывался контекст издания, блога, творчества журналиста, общей тематики форума и т. д.).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате лингвистического анализа собранного материала выявлено следующее.

1. Речевая стратегия дискредитации православия реализуется в сети Интернет по нескольким направлениям: дискредитация

православия как религии в целом; дискредитация Русской православной церкви как социального института; дискредитация православных священников (как отдельных личностей, так и в совокупности) и прихожан; дискредитация православных святых и святых русского народа.

2. В текстах информационно-психологической войны используется тактика бездоказательного обвинения: православие обвиняется в отсталости России от других стран по тем или иным показателям; Русская православная церковь — в стяжательстве и прислуживании власти и олигархам, во всех бедах и несчастьях страны. Типичной является также тактика запугивания и контекстуального приравнивания православия к политическим и религиозным идеологиям, основанным на насилии (фашизму, нацизму, терроризму, тоталитарным сектам и др.), к психическим заболеваниям. Поэтому создается образ церкви как института, представляющего опасность: она характеризуется как «талибоориентированная» организация, «духовная инквизиция», «рассадник гомофобии», порождающий «лютую ненависть» и стремящийся к «клерикализации России». Используются тактика снижения образа православных священнослужителей и тактика их исключительно негативной характеристики, переходящей в оскорбление: православных верующих называют «генетическим мусором», «мразями», «ублюдками», «отбросами цивилизации» и т. д.; на священников навешивают ярлыки «садисты», «стукачи», «приспособленцы» и др. В текстах встречаются также речевые тактики ложного дефинирования, десакрализации святых и демифологизации. Все названные тактики в совокупности направлены на создание стереотипа о православии как тоталитарной религии, обслуживающей власть имущих, религии рабов, бедных, ленивых и психически больных людей.

3. Речевые тактики, дискредитирующие православие, характеризуются широким использованием манипулятивных приемов: приемов референциальной манипуляции, в том числе «навешиванием ярлыков»; негативно-оценочных риторических определений и противопоставлений православия другим религиям; сочетаний слов «православие» и его дериватов со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации; постановкой слова «православие» в синтаксически однородный ряд с понятиями, обозначающими социально неодобряемые явления.

ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим основные речевые тактики и приемы реализации стратегии дискредита-

ции, распределив их по дискредитируемым объектам.

I. Речевые тактики и приемы дискредитации православия как религиозного учения

Дискредитация православия осуществляется при помощи тактики бездоказательного обвинения его в «отсталости» России от других стран по тем или иным показателям. Она реализуется в оценочно маркированном противопоставлении православия другим религиям, причем православию дается исключительно негативная оценка, другим религиям — позитивная. Например: *Я думаю, что одна из величайших трагедий для России — принятие православия... — сказал Владимир Познер. — Если оттолкнуться от таких определений, как демократия, качество жизни, и распределить страны по этим показателям, то на первом месте будут именно протестантские страны, все. Потом католические. И лишь потом такие, как Россия, Греция, Болгария и т. д. И это совершенно не случайные вещи, потому что более темной и закрытой религией является православие...* [Соколов-Митрич 2010]; А. Разуваев: «<...> ...я бы не стал говорить о православии, как об объединяющем факторе. Это католическая Европа была единым целым благодаря влиянию Ватикана. Православие же такой религией не стало. Самый яркий пример — Вторая мировая война. Против нас воевали православные болгары, часть украинцев. А вот буряты, казахи и прочие степняки клали свои головы за СССР» [Моисеенко 2012]. Цель такого противопоставления — внедрить в массовое сознание мысль о виновности православия в бедности народа. Это намерение, на наш взгляд, прослеживается и в таком тексте: *...почему те государства, где преобладает православие, являются самыми бедными? Пожизненно бедна и разорена Россия. Из новых „западных“ стран беднее всех — православная Болгария. Старая капиталистическая, но православная страна Греция — гораздо беднее соседних, не православных христианских стран. Не назовешь богатыми православные Грузию и Армению. „Католические“ страны уже значительно богаче. Страны, где преобладают протестанты, ещё более благополучны и уважаемы* [Onoff49]. Из прочитанного читатель может сделать вывод о необходимости принять иную веру. Это и нужно тем, кто выступает против православия как господствующей религии в России.

Дискредитация православия реализуется также в тактике его приравнивания к со-

циально неодобряемым, осуждаемым явлениям. Один из способов реализации этой тактики — постановка дискредитируемого понятия в синтаксически однородный ряд с понятиями, обозначающими такие явление, например: *Гомофобия, православие, нацизм, путинизм — боюсь, эти пороки уничтожат Россию...* [Ivanism 2011]. Интересна постановка в этот ряд «гомофобии», уже открыто приписываемой православию в следующем высказывании, реализующем тактику обвинения: *Гомофобия — преступление против человечности, наряду с расизмом, антисемитизмом и фашизмом. Источник гомофобии — мракобесие церковников. В сегодняшних условиях — это Православие* [Леонов И.]. Словом «гомофобия» (в одном из его употреблений) обозначается негативная реакция на проявления гомосексуальности, ее осуждение, отказ признать гомосексуализм нормой. Поскольку в России большая часть людей относится с осуждением к секс-меньшинствам, то смысловая амбивалентность слова «гомофобия» (от негативной реакции до враждебности и ненависти к сексуальным меньшинствам) позволяет манипуляторам нормальное поведение православного христианина (непринятие гомосексуализма) выдавать за психическое отклонение. В результате происходит «переворачивание» информации, когда «белое» становится «черным», а норма подается как антинорма. Очевидно, делаются попытки сформировать новый стереотип о православии, о чем и свидетельствуют высказывания типа *Православие — главный источник гомофобии в России* [Владимир Познер: «Православие — главный источник гомофобии в России» 2012].

Слово *православие* может использоваться в таком синтаксически однородном ряду, члены которого обозначают недуховные, приземленные категории, например: *Секс, православие и деньги. Лучшее за год* (заголовков в журнале «Сноб» [Макеев 2013]).

Внедрению в общественное сознание нужных манипуляторам стереотипов способствует тактика ложного дефинирования. Для ее реализации используется так называемое риторическое определение, построенное по синтаксической модели «X — это (как) Y», где X — это православие, а Y — слово или словосочетание, в том числе нелитературного характера, вызывающее негативное отношение к определяемому понятию, формирующее соответствующие стереотипы. Этот прием характерен для заголовков, например: *Православие — религия ленивых и бедных?* [Onoff49]; *Православие — религия рабов! Наш выбор — мормонизм!* [Dmtr_zil-

beltrud 2012]; *Православие как основа религиозного дебилизма* [Православие как основа религиозного дебилизма]; ...*церковь — это тоже партия власти. РПЦ так же, как и ЕР дурачит народ сказками о том, как хорошо мы живем, при этом гребя под себя деньги* [Карелия устала от попов 2012]; *Православие — тоталитарная секта!* [Просветитель 2005]; *Православие — это идеальная религия для олигархического бизнеса, для „кумовского“ капитализма. Это верная служанка олигархического строя...* [Машин 2016]; *Православие — это черная метка, выданная русскому народу. Именно оно развело нас, русских, с демократией, прогрессом, свободой, с Западом. <...> Единственный способ нейтрализовать страшное, фатальное влияние православия на русскую судьбу — это уния с Римом* [Широпаев 2012]. Этот же прием риторического определения, усиленный парцелляцией: *Православие. Цепь и крест на России* [Машин 2016].

Попутно заметим, что названная выше модель используется и для дискредитации Русской православной церкви, например: *Православная церковь как говно* [Православная церковь как говно]; *Церковь — сугубо коммерческая организация, которая занимается надувательством лохов, впаривая им воск втрюдорого* [Блог богомола-атеиста].

Следующая тактика, являющаяся весьма популярной в борьбе против православия, — тактика отнесения к православию явлений, не имеющих к нему никакого отношения. Для нее характерно использование сочетаний слов «православие» или его дериватов со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации: *показное православие, лубянского «православие»; игилоподобное православие, «протухшее» православие, ядерное православие, тоталитарное православие, маргинальность православия, мракобесный православизм; православный тоталитаризм, православная истерика, православный фашизм, православный национализм, православный террорист, православный талибан, православный гей-парад, православная гомофобия, православный радикализм, православный экстремизм, православные угрозы* и др. Приведем примеры использования некоторых словосочетаний: *После того, как от ядерного оружия на своей территории, под сильнейшим обманым нажимом извне, вынуждены были отказать Украина и Беларусь, Россия вместе с РПЦ стали единственными обладателями ядерного оружия в православном мире. Московское православие, таким об-*

разом, в одиночку, стало ядерным православием [Руденко 2016]; *Русский рейх: обыкновенный православный фашизм* (заголовок [Mistaua]); *Русский мир — это голод, холод, убитые дети, разрушенные дома, православный талибан* [Никонов 2014]; *Христианство — это свободная любовь к Богу. Поэтому православный тоталитаризм едва ли не хуже безбожного либерализма* [Badbeliver 2012]; *Появились предпосылки к возникновению такого неприятного явления, как православный тоталитаризм, дискриминация атеистов, верующих других конфессий и религий* [Самодуров Ю.]; *Тоталитарное православие: Pussy Riot получили по два года тюрьмы* [Тоталитарное православие: Pussy Riot получили по два года тюрьмы. 2012]; *Но тоталитарное православие — это именно воинственное мировоззрение, призванное нападать, колоть, уничтожать, но никак не способствовать подъему духовности* [Цыганков 2017]. Может также осуществляться отрицательно-оценочное маркирование нейтрального словосочетания не только контекстуально, но и при помощи графона: *русское православие* (заголовок «*Русское православие: публичные дома и педофилия*» [Леусенко 2016]).

Главное — многие приведенные выше (оксюморонные по сути) словосочетания (*православный фашизм, православный талибан, православный радикализм, русское православие* и др.) используются в качестве наименования групп, организаций, движений определенной направленности, называющих себя православными (или которых именуют православными), но не имеющих на самом деле ничего общего с православием и его ценностями.

В информационно-психологической войне применительно к православию широко используются лексические единицы, репрезентирующие концепт «Болезнь» с целью формирования устойчивой негативной ассоциации православия с психическим заболеванием и тем самым отторжения от этой религии. Для этого используется речевая тактика, которую можно назвать тактикой оперирования образами, основанными на концепте «Болезнь». Она реализуется метафорически: создаются и тиражируются «метафоры болезни» типа *православие головного мозга (ПГМ), православизм головного мозга, гнойник православной духовности, православная зависимость* и др., например: *ПГМ может существенно прогрессировать, ведь нет границ у человеческой глупости. Тем более, что эта религия претендует на весь мир* [Православие голов-

ного мозга. Shapovalov.org]; *В чем же суть той мессианской идеи, которую он проповедовал? Прежде всего, в том, что **гноуник православной духовности** должен лопнуть так, чтобы забрызгать собою весь мир. Зачем вообще мир надо забрызгивать, Достоевский не уточнил, поскольку, вероятно, и сам этого не знал [Невзоров 2017]; Православие в России в настоящее время выполняет роль **паразита на теле жертвы**. Проявляет себя в основном через психически неустойчивых особей [Мы против православия: сообщество]; *Помощь в избавлении от православной зависимости* [Помощь в избавлении от православной зависимости].*

Предметом отдельной статьи может быть вопрос об искажении православных заповедей, например: *Православие зовет людей в храм молиться: „Грехи, а потом тебе ничего не будет. Приходи к нам!“* [Чинкова 2011].

II. Речевые тактики и приемы дискредитации Русской православной церкви как социального института

С целью дискредитации православия активно используется тактика бездоказательного обвинения Русской православной церкви во всех бедах и несчастьях народа и страны, реализуемая при помощи бездоказательных утверждений генерализирующего характера. Для них характерно использование слов, подчеркивающих отношение описываемых явлений к Церкви, например: *Тотальная коррупция, олигархия и всевластие спецслужб **напрямую** связаны с возрождением русской православной церкви (РПЦ)* [Циник-ру 2016]; *Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала **именно** церковь, в руках которой до 1917 года были все педагогические функции* [Невзоров 2012]; *Лютую ярость порождают **только** православие и РПЦ* (Комсомольская правда. 21.01.2013); *РПЦ **действительно** сейчас является рассадником гомофобии, она как бы предоставляет идеологическую крышу для тех, кто готов избивать открытых ЛГБТ...* [РПЦ и гомофобия]. Обвинение как один из «способов ведения информационной войны» нацелено на создание определенного стереотипного образа [Горбачева 2017: 27, 32] — образа Церкви как опасного института власти, связанного с идеологией насилия.

В текстах информационно-психологической войны Русскую православную церковь характеризуют как институт, представляющий опасность: *А если это у нас теперь такое **иглоподобное православие и тали-***

***боориентированная РПЦ**, — то вы должны, по крайней мере, отдавать себе отчет, что несете полную моральную ответственность за последствия* [Шендерович 2015]; *В данной статье рассказывается о том, что из себя представляет **одна из самых опасных гомофобных организаций** — православная церковь [Православный фашизм: возрождение].*

Применяется также тактика обвинения Русской православной церкви. Ей ставится в вину сотрудничество с государственной властью, поддержка этой власти (разумеется, действия власти при этом оцениваются исключительно негативно), что выражено при помощи метафорического словосочетания «золотая жила» в следующем высказывании: *По мнению Neue Zürcher Zeitung, православие в России не только глубоко укоренилось в народе, но и в течение многих столетий оказывало влияние на государственную власть, оправдывая „экспансию“ и „автократию“ российских правителей. Для „режима Путина“, пишет автор, **церковь стала настоящей „золотой жилой“**, способствующей **возрождению и укреплению российского экспансионизма*** [NZZ: Русское православие стало «золотой жилой»... 2015]. Эта же тактика прослеживается в таком высказывании: *Духовная инквизиция, сросшаяся и „окормляющая“ путинскую государственную опричнину* [Стомахин Б.].

Русская православная церковь восстанавливается после семидесятилетнего погрома и активно участвует в общественной жизни, что расценивается некоторыми как «клерикализация России». Многозначность слова «клерикализация» и смена его оценочного модуса с нейтрального на негативный позволяет реализовывать тактику запугивания, когда активные действия церкви рассматриваются как угроза благополучию общества, например: *Клерикализация России — **путь в новое варварство*** [А-сайт 2013]; *Клерикализация **шагает по стране**. РПЦ ведет себя как нация, которая долгое время была угнетенной, а после неожиданного освобождения **начала мстить всем окружающим за свои былые обиды*** [Жвания 2012]; *Клерикальная идеологизация государства — **это путь в средневековье**. Клерикализация — **засилье представителей духовенства во власти**. <...> Клерикализация России **чревата огромными опасностями для страны*** [Клерикализация России // Молодости виват!]. Широко используется также оценочный дериват *православизм*, образованный по той же модели, что и слова *коммунизм*, *фашизм*, *исламизм*

и т. п., например: *Православизм — государственной строй России* (заголовок [Кладбищенский 2015]).

Для текстов информационно-психологической войны характерна имплицитная подача бездоказательных утверждений, в том числе генерализирующего (неоправданно обобщающего) характера, в форме вопросительных конструкций — так называемое «исходное предположение вопроса» [Падучева 1985: 64], например: *За что ненавидят Церковь?* (название форума [За что ненавидят церковь?]); *Разве проблема РПЦ только в „голубизне“ ее иерархов?* [Разве проблема РПЦ только в «голубизне» ее иерархов?].

С целью дискредитации Русской православной церкви используется тактика поношения. Чтобы опорочить этот социальный институт, применяются различные негативно-оценочные эпитеты — *мракобесная, тоталитарная, фашистская* и другие, например: *И пусть тот первый кинет камень, который услышит от меня, что **мракобесная православная церковь** именно в своем **мракобесии** отличается от **мракобесия католиков, протестантов, иудеев и мусульман*** [Берг М.].

Еще одна тактика в рамках анализируемой стратегии — тактика бездоказательного приравнивания церковных обрядов, ритуалов к осуждаемым церковью же явлениям. Например, А. Невзоров в книге «Отставка господ бога. Зачем России православие?» пишет: «Хотя мне совершенно непонятно, в чем принципиальное отличие гей-парадов от крестного хода?».

III. Речевые тактики и приемы дискредитации православных священников и прихожан

Используется тактика снижения образа священнослужителей не только путем искажения норм правописания слов (например, *котрреарх* вместо *патриарх*) и придумывания окказионализмов, вызывающих ассоциации с силовыми структурами (*РПЦ-шники*, ср. *КГБшники*), но и при помощи выдвинутой на первый план неважной, второстепенной информации. Например, на сайте газеты «Московский комсомолец» информация о том, что «Патриарх Кирилл посетил станцию „Беллинсгаузен“ на острове Ватерлоо в Антарктиде» и «провел богослужение в единственном постоянно действующем храме — православном храме Святой Троицы», дана под видеофрагментом, в котором Патриарху показывают пингвинов, и заголовком «*Патриарх Кирилл пообщался с пингвинами в Антарктиде*» [Патриарх Кирилл пообщался с пингвинами в Антарктиде].

Для внедрения мысли об опасности православия используют также тактику проведения аналогий между православными и преступными группировками, например при помощи трансформации фразеологического сочетания *вор в законе*: **Православие в законе. Напоминание** [Православие в законе. Напоминание 2017].

В характеристике православных людей используются приемы референциальной манипуляции, связанной с искажением образа денотата/референта [Беляева, Куликова 2009], когда выбор номинации определяется не действительностью, а исключительно интенцией автора. Осуществляется этот выбор путем замены нейтральных наименований на негативно-оценочные: *ряженные бородачи, православные компопики* (о православных священниках), *жлобствующие попы, церковные паразиты, православные ублюдки, православные мрази, православный биомусор, православное отродье, православное дерьмо* (о священниках и православных христианах) и др. (в том числе матерные, которые мы здесь не приводим). Например: **Православный биомусор. В столице прошла очередная акция „в защиту православия“** [Православный биомусор 2012]; *Сталин — царь, уничтоживший большевиков и тем самым устраивающий не только Зюганова, но и церковь как идеолога государства **православных ублюдков*** [Идея есть истина]; *Религия — это отличный способ сделать деньги на чужом невежестве. Православие кормит когорту **церковных паразитов*** [Блог богомолатаеиста].

Наименования *православно-нацистские скоты, садисты, стукачи, черносотенные мракобесы, приспособленцы, бандит, убийца* и другие лежат в основе приема «наешивание ярлыков», например: *„Всякая власть от Бога“, — говорил апостол Павел и это библейская аксиома. Согласно этому высказыванию **церковные приспособленцы-паразиты** и действуют* [Государство и церковь]. При этом ярлыки навешиваются и на конкретных священнослужителей, в частности на Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, например: *Вор — Патриарх — Кирилл Гундяев за хороший откат готов бордели, торговлю водкой и наркотой во всех церквях и храмах Руси открыть!* [Президент России и Информация для Президента России].

Приемы референциальной манипуляции реализуют тактику исключительно негативной характеристики православных людей, однако используются также с целью оскорбления, особенно при употреблении бранной

лексики. Приведем один, на наш взгляд, убедительный пример тактики оскорбления: *„Срань господня!“ — совершенно правильно назвали этого „патриарха“ и его банду долгополых солистки „Pussy riot“. Вы мразь и нечисть, ребята в рясах и клобуках. „Православные ублюдки“, — про вас уже вполне можно снять фильм под таким названием, куда там Тарантино!.. <...> Ваши попы — подонки, мерзавцы и стукачи. Вся „социальная группа“ черносотенных мракобесов в рясах, да-да. Все, до одного, подонки, — нормальный человек там служить не сможет и не будет. <...> Все ваши „верующие“, у которых постоянно „оскорбляются“ некие „чувства“, — это такое же дерьмо, генетический мусор, отстой и отбросы цивилизации. <...> „Оскорбить православный народ“??? Или как они там, эти макаки бесхвостые, про „Pussy riot“ писали? Нет, это решительно невозможно!! [Стомахин].*

IV. Речевые тактики и приемы дискредитации святых и православных святынь русского народа

Одной из святынь русского православия является икона святого благоверного князя Александра Невского, поэтому не случайно имя Александра Невского встречается в текстах информационно-психологической войны, в которых используется тактика демифологизации. Эта тактика заключается в дискредитации конструктивных народосберегающих мифов, при этом миф мы понимаем как «социально и/или личностно значимый идеализированный факт (событие, личность, социум, идеология и т. д.)» [Сковородников 2016: 246]. Она осуществляется постановкой символического имени мифа в отрицательно окрашенный контекст, например: *Именно на верности православию спекулировал Александр Невский, который, опираясь на татар и церковь, строил свою диктатуру, положив начало традиции российского деспотизма и антизападничества. Тогда-то и начался прямой путь к Сталину* [Широпаев 2012] — выделенные слова формируют «нагруженный язык», позволяющий не приводить никакие факты, но при этом формировать отрицательный образ православного князя и оставлять негативный «осадо́к» у читателя.

Другая тактика связана с десакрализацией святынь, в частности икон, когда они характеризуются как обычный артефакт, не имеющий сакрального значения, не являющийся символом веры, при помощи перифрастических номинаций *раскрашенные доски* или *деревянные „святыни“* (разновидность приема референциальной манипуля-

ции), например: *Вера — она внутри, а не в деревянных „святынях“, патриарших рясах и блаженном соитии с действующей властью* [Варламов 2012].

Выше мы рассмотрели основные речевые тактики и приемы информационно-психологической войны против православия. Будучи ограниченными рамками статьи, описание некоторых речевых приемов (например, искажения понятий, паралогических уловок), служащих средством оформления описанных в ней тактик, мы вынуждены оставить для дальнейших публикаций. Наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риторика информационно-психологической войны против православия, представленная в сети Интернет, — это «черная риторика», направленная на подрыв доверия народа к православной религии и Русской православной церкви как ее институту и, в конечном счете, на ослабление и развал России. Она основана на размывании понятия православия; негативном противопоставлении его другим религиям; приравниванию православия к психическим заболеваниям, тоталитарным сектам или преступным группировкам и политическим идеологиям, характеризующимся применением насилия и террора; маркировании православных как «чужих» с помощью приемов референциальной манипуляции.

Названная риторика отражает как идеологию акторов информационно-психологической войны против православия, так и языковую и ментальную реакцию определенной части аудитории, не владеющей навыками защиты от идеологического влияния и вольно или невольно выступающей на стороне этих акторов. Не принимать антиправославную риторику — один из способов противостояния в информационно-психологической войне.

ИСТОЧНИКИ

1. А-сайт. Клерикализация России — путь в новое варварство // Атеистический сайт. 2013. 26 марта. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2160>.
2. Берг М. Православие головного мозга. URL: http://mberg.net/pravoslavie_golovnogo_mozga.
3. Блог богомола-атеиста // Livejournal. URL: <http://6090m01.livejournal.com>.
4. Варламов. Молебен в защиту веры, поруганных святынь, Церкви и ее доброго имени // Livejournal. 2012. 22 апр. URL: <http://varlamov.ru/553301.html?page=6>.
5. Винокурова Е. Кто ведет войну с Православием? // Свободная пресса. 2015. 24 июня. URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/125832/>.
6. Владимир Познер: «Православие — главный источник гомофобии в России» // Владимир Познер. 2012. 8 мая. URL: <http://vladimirpozner.ru/?p=10138>.
7. Государство и церковь // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/gosudarstvo_i_tserkov_v_poslednee_vremya_otnosheniya_

g_i_ts_vyizivayut_bolshoy_obshchestvennyiy_interes_kak_vyi_dumaete_s_chem_yeto_svyazano_600406?dv=1.

8. Жвания Д. Клерикализация — отвлекающий манёвр власти // *Sensus novus*. 2012. 24 июля. URL: <http://www.sensusnovus.ru/policy/2012/07/24/14069.html>.

9. Железобетонные аргументы против православных // Блог богомола-атеиста. 2016. 29 мая. URL: https://6090m01.wordpress.com/2015/05/29/xdjtsu_sa/.

10. За что ненавидят Церковь? // Яплакал. URL: <https://www.yaplakal.com/forum7/st/325/topic1185197.html>.

11. Идея есть истина : сайт. URL: <http://www.istina.org/Bdland.htm>.

12. Карелия устала от попов // Профсоюз блогеров России. 2012. 13 мая. URL: <http://blogunion.ru/blog/2012-05-13-24>.

13. Кладбищенский. Православизм — государственный строй России // *Live Internet*. 2015. 5 апр. URL: <http://www.li.ru/interface/pda/?jid=2799693&pid=358486696>.

14. Клерикализация России // Молодости виват! URL: <http://www.molodostivivat.ru/sajt-molodost-klerikalizaciya-rossii-polzu-shhij-klerikalnyj-perevorot.html>.

15. Леонов И. На Великий Пост запланирована широко-масштабная международная информационная кампания против России и Православной Церкви // Храм Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах. URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1161378>.

16. Леусенко О. Русское православие: публичные дома и педофилия // *Livejournal*. 2016. 25 нояб. URL: <http://svobodunarodam.livejournal.com/3192634.html>.

17. Макеев П. Секс, православие и деньги. Лучшее за год // *Сноб*. 2013. 8 янв. URL: <https://snob.ru/selected/entry/56118>.

18. Машин А. Православие. Цепь и крест на России // *Вестник бури*. 2016. 26 марта. URL: <http://vestnikburi.com/pravoslavie-tsep-i-krest-sovremennoy-rossii/>.

19. Моисеенко А. Судьба России — развориться в Европе? Или стать наследницей Большой Орды... // *Комсомольская правда*. 2012. 16 июля. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25915.5/2869234/>.

20. Мы против православия : сообщество // *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/club50697919>.

21. Невзоров А. Антрекот Михайлович Достоевский // *Эхо Москвы*. 2017. 13 февр. URL: <https://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html>.

22. Невзоров А. Особая форма любви к детям // *Московский комсомолец*. 2012. 24 сент. URL: <http://www.mk.ru/social/2012/09/24/752409-osobaya-forma-lyubvi-k-detyam.html>.

23. Никонов А. П. Русский мир — это голод, холод, убитые дети, разрушенные дома, православный талибан // *Livejournal*. 2014. 7 дек. URL: <http://a-nikonov.livejournal.com/2070901.html>.

24. Патриарх Кирилл пообщался с пингвинами в Антарктиде // *Московский комсомолец*. 2016. 18 февр. URL: <http://tv.mk.ru/video/2016/02/18/patriarkh-kiрилл-poobshhalsya-s-pingvinami-v-antarktide.html>.

25. Помощь в избавлении от православной зависимости. URL: <http://rascerkovlenie.ru>.

26. Православие в законе. Напоминание // *Здравомыслие*. 2017. 29 мая. URL: <http://zdravomyslie.info/index.php/news/669-pravoslavie-v-zakone-napominanie>.

27. Православие головного мозга. URL: <http://www.shapovalov.org/publ/7-1-0-102>.

28. Православие как основа религиозного дебилизма // *Религиозник*. URL: <http://religioznik.ru/2012/12/pravoslavie-kak-osnova-religioznogo-debilizma/>.

29. Православная церковь как говно // *Религиозник*. URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnaya-cerkov-kak-govno/>.

30. Православный биомусор // *Религиозник*. URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnyj-biomusor/>.

31. Православный фашизм: возрождение. URL: <https://sites.google.com/site/gomofobiaputkvyrozdeniu/avlaetes-li-vy-latentnoj-lesbiankoj-test-na-skrytu-u-zenskuu-gomoseksualnost/10-dokazatelstv-antihristianskoj-prirody-pravoslavia>.

32. Президент России и Информация для Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/info/reli.html>.

33. Просветитель. Православие — тоталитарная секта! // *Атеистический сайт*. 2005. 8 нояб. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=1273>.

34. Разве проблема РПЦ только в «голубизне» ее иерархов? // *Религиозник*. URL: <http://religioznik.ru/2014/01/razve-problema-rpc-tolko-v-golubizne-ee-ierarxov/>.

35. Розанов В. Посадили за то что думал... // *Завтра. Блоги и сообщества*. 2016. 16 окт. URL: http://zavtra.ru/blogs/posa-dili_za_to_что_dumal_.

36. РПЦ и гомофобия // *Livejournal*. 2015. 15 сент. URL: <http://sgs-ru.livejournal.com/56385.html>.

37. Руденко О. Ядерное православие России // 24 канал. 2016. 11 июля. URL: http://24tv.ua/ru/yadernoe-pravoslavie_rossii_n703309.

38. Самодуров Ю. Православие становится агрессивным // *Научный атеизм*. URL: http://www.atheism.ru/library/Samodurov_2.phtml.

39. Соколов-Митрич Д. Добрые и злые // *Известия*. 2010. 27 июля. URL: <https://iz.ru/news/364036>.

40. Стомахин Б. Православные ублюдки. URL: <http://stomahin.info/articl/pravoslavnye.htm>.

41. Тоталитарное православие: Pussy Riot получили по два года тюрьмы. 2012. 17 авг. URL: <http://www.citynews.net.ua/news/print:page,1,20892-totalitarnoe-pravoslavie-pussy-riot-polu-chili-po-dva-goda-tyurmy.html>.

42. Циник-ру. Россия устала от попов // *Livejournal*. 2016. 6 сент. URL: <http://cinik-ru.livejournal.com/915440.html>.

43. Цыганков Е. Защищающиеся атеисты // *Движение Брайтс*. 2017. 6 авг. URL: <http://brights-russia.org/blog/odyssey/defending-atheists.html>.

44. Чинкова Е. Владимир Жириновский: «Бабами не называл, водки не обещал!» // *Комсомольская правда*. 2011. 13 сент. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/25752/2738855/>.

45. Шендерович В. Энтео как вызов православию // *ТСН*. 2015. 17 авг. URL: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/enteo-kak-vyzov-pravoslaviyu-470460.html>.

46. Широпаев А. Православие и кривая судьба — Алексей Широпаев // *Livejournal*. 2012. 4 мая. URL: <http://shiropaev.livejournal.com/98850.html>.

47. Badbeliver. Православный тоталитаризм? // *Livejournal*. 2012. 11 мая.

48. Dmtr_zilbeltrud. Православие — религия рабов! Наш выбор — мормонизм! // *Livejournal*. 2012. 14 марта. URL: <http://dmtr-zilbeltrud.livejournal.com/2031.html>.

49. Ivanism. Гомофобия, православие, нацизм, путинизм — боюсь, эти пороки уничтожат Россию // *Livejournal*. 2011. 28 мая. URL: <http://ivansim.livejournal.com/543535.html>.

50. Mista.ua. URL: <http://mistaua.com>.

51. NZZ. Русское православие стало «золотой жилой» для «режима Путина» // *ИноТВ*. 2015. 2 апр. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-04-02/NZZ-Russkoe-pravoslavie-stalo-zolotoj>.

52. Onoff49. Православие — религия ленивых и бедных? // *Livejournal*. 2009. 4 июля. URL: <http://onoff49.livejournal.com/7564.html>.

ЛИТЕРАТУРА

53. Багдасарян В. Э. Православие в фокусе информационно-психологической войны против России. 2015. 2 февр. URL: <http://vbagdasaryan.ru/pravoslavie-v-fokuse-informatsionno-psihologicheskoy-voynuyi-protiv-rossii/> (дата обращения: 21.08.2017).

54. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2009. № 22 (160). С. 15—20.

55. Беркович В. Б. Глобализм против православия. Невидимая война. — М.: Благословение, 2014. 256 с.

56. Бражников И. Л. Православная геополитика на постсоветском пространстве // *Информационные войны*. 2008. № 4 (8). С. 47—55.

57. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. От прецедента к стереотипу: три этапа информационной кампании // *Политическая лингвистика*. 2016. № 6 (60). С. 32—37.

58. Горячева Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса) // *Политическая лингвистика*. 2017. № 2 (62). С. 27—33.

59. Зеркалов Д. В. Информационные войны : моногр. — Киев : Рукопись, 2012. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.

60. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
61. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. — М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2005. 416 с.
62. Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии // Интерфакс. 2015. 28 апр. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1259> (дата обращения: 21.08.2017).
63. Миронова Т. Л. Кто управляет Россией? — М. : Алгоритм, 2010. 400 с.

G. A. Koptina
Krasnoyarsk, Russia

SPEECH TACTICS AND TECHNIQUES OF DISCREDITING ORTHODOXY IN THE MODERN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR (BASED ON THE ANALYSIS OF INTERNET-TEXTS)

ABSTRACT. *The purpose of the article is to provide the linguistic description for speech tactics and techniques of discrediting of Orthodoxy. These tactics and techniques are thought to be the part of information-psychological war. The research is based on the analysis of Internet-texts; it employs analytical descriptive method, intentional analysis and context analysis. The research finds out that speech strategy of discrediting of Orthodoxy is realized in several ways: discrediting Orthodoxy as a religion; discrediting the Russian orthodox church as a social institution; discrediting papas (both individually and collectively) and church people; discrediting Orthodox saints and sacred things of the Russians. The following tactics aim to discredit Orthodoxy: tactics of unproved accusation (Orthodoxy is under an accusal of backwardness of Russia from other countries; the Orthodox church is under an accusal of acquisitiveness, serving authorities and oligarchs, woes and miseries in the country); tactic of intimidation and contextual equation of Orthodoxy to political and religious ideologies, based on violence and terror (fascism, Nazism, terrorism, destructive sects, etc.), to psychological diseases; tactic of lowering of the papas' image and tactic of their negative characteristic, which goes to insult; tactic of false defining; tactic of desacralization of sacred things and tactic of demythologization.*

Speech tactics which discredit Orthodoxy are characterized by the wide use of manipulative techniques: techniques of referential manipulation including "pinning labels"; negatively estimating rhetorical definitions and contradistinction of Orthodoxy to other religions; combination of the word "Orthodoxy" and its derivatives with the words with negative connotations; placing the word "Orthodoxy" into syntactic homogeneous sequence of the terms defining socially disapproved phenomena. Rhetoric of information-psychological war against Orthodoxy is defined as "black rhetoric". It aims at introduction of the stereotype that Orthodoxy is a dangerous and totalitarian religion, serving the authorities; religion of slaves, poor and lazy people with mental health issues. It shows both the ideology of the actors of information-psychological war and language reaction of the auditory who do not have the skills of defense against ideological influence and therefore supporting these actors.

The results are of interest for those who concern themselves with the problems of opposition in information-psychological war.

KEYWORDS: *information and psychological war; speech manipulation; verbal persuasion; discredit strategies; speech tactics; speech methods; Orthodoxy.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptina Galina Anatol'evna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. A-sayt. Klerikalizatsiya Rossii — put' v novoe varvarstvo // Ateisticheskiy sayt. 2013. 26 marta. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2160>.
2. Berg M. Pravoslavie golovnogogo mozga. URL: http://mberg.net/pravoslavie_golovnogogo_mozga.
3. Blog bogomola-ateista // Livejournal. URL: <http://6090m01.livejournal.com>.
4. Varlamov. Moleben v zashchitu very, porugannykh svyatytn', Tserkvi i ee dobrogo imeni // Livejournal. 2012. 22 apr. URL: <http://varlamov.ru/553301.html?page=6>.
5. Vinokurova E. Kto vedet voinu s Pravoslaviem? // Svobodnaya pressa. 2015. 24 iyunya. URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/125832/>.
6. Vladimir Pozner: «Pravoslavie — glavnyy istochnik gomofobii v Rossii» // Vladimir Pozner. 2012. 8 maya. URL: <http://vladimirpozner.ru/?p=10138>.
7. Gosudarstvo i tserkov' // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/gosudarstvo_i_tserkov_v_poslednee_vremya_otnosheniya_g_i_ts_vyizyvayut_bolshoy_obshchestvennyy_interes_kak_yi_dumaete_s_chem_yeto_svyazano_600406?dv=1.
8. Zhvaniya D. Klerikalizatsiya — otlekayushchiy manevr vlasti // Sensus novus. 2012. 24 iyulya. URL: <http://www.sensusnovus.ru/policy/2012/07/24/14069.html>.
9. Zhelezobetonnye argumenty protiv pravoslavnykh // Blog bogomola-ateista. 2016. 29 maya. URL: https://6090m01.wordpress.com/2015/05/29/xdjtsu_sa/.
10. Za chto nenavidyat Tserkov'? // Yaplakal. URL: <https://www.yaplakal.com/forum7/st325/topic1185197.html>.
11. Ideya est' istina : sayt. URL: <http://www.istina.org/Bdland.htm>.
12. Kareliya ustala ot popov // Profsoyuz blogerov Rossii. 2012. 13 maya. URL: <http://blogunion.ru/blog/2012-05-13-24>.
13. Kladbishchenskiy. Pravoslavizm — gosudarstvennyy stroy Rossii // Live Internet. 2015. 5 apr. URL: <http://www.li.ru/interface/pda/?jid=2799693&pid=358486696>.
14. Klerikalizatsiya Rossii // Molodosti vivat! URL: <http://www.molodostivivat.ru/sajt-molodost/klerikalizatsiya-rossii-polzu-shhij-klerikalnyj-perevorot.html>.
15. Leonov I. Na Velikiy Post zaplanirovana shirokomashtabnaya mezhdunarodnaya informatsionnaya kampaniya protiv Rossii i Pravoslavnoy Tserkvi // Khram Zhivonachal'noy Troitsy na Vorob'evykh gorakh. URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1161378>.
16. Meuseenko O. Russkoe pravoslavie: publichnye doma i pedofiliya // Livejournal. 2016. 25 noyab. URL: <http://svobodunarodam.livejournal.com/3192634.html>.
17. Makeev P. Seks, pravoslavie i den'gi. Luchshee za god // Snob. 2013. 8 yanv. URL: <https://snob.ru/selected/entry/56118>.
18. Mashin A. Pravoslavie. Tsep' i krest na Rossii // Vestnik buri. 2016. 26 marta. URL: <http://vestnikburi.com/pravoslavietsep-i-krest-sovremennoy-rossii/>.
19. Moiseenko A. Sud'ba Rossii — rastvorit'sya v Evrope? Ili stat' naslednitsey Bol'shoy Ordy... // Komsomol'skaya pravda. 2012. 16 iyulya. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25915.5/2869234/>.
20. Mi protiv pravoslaviya : soobshchestvo // VKontakte. URL: <https://vk.com/club50697919>.
21. Nevzorov A. Antrekot Mikhaylovich Dostoevskiy // Ekho Moskvyy. 2017. 13 fevr. URL: <https://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html>.
22. Nevzorov A. Osobaya forma lyubvi k detyam // Moskovskiy komsomolets. 2012. 24 sent. URL: <http://www.mk.ru/social/2012/09/24/752409-osobaya-forma-lyubvi-k-detyam.html>.

23. Nikonov A. P. Russkiy mir — eto golod, kholod, ubitye deti, razrushennye doma, pravoslavnyy taliban // Livejournal. 2014. 7 dek. URL: <http://a-nikonov.livejournal.com/2070901.html>.
24. Patriarkh Kirill poobshchalsya s pingvinami v Antarktide // Moskovskiy komsomlets. 2016. 18 fevr. URL: <http://tv.mk.ru/video/2016/02/18/patriarkh-kirill-poobshchalsya-s-pingvinami-v-antarktide.html>.
25. Pomoshch' v izbavlenii ot pravoslavnoy zavisimosti. URL: <http://rascerkovlenie.ru>.
26. Pravoslavie v zakone. Napominanie // Zdravomyslie. 2017. 29 maya. URL: <http://zdravomyslie.info/index.php/news/669-pravoslavie-v-zakone-napominanie>.
27. Pravoslavie golovnogo mozga. URL: <http://www.shapovalov.org/publ/7-1-0-102>.
28. Pravoslavie kak osnova religioznogo debilizma // Religioznik. URL: <http://religioznik.ru/2012/12/pravoslavie-kak-osnova-religioznogo-debilizma/>.
29. Pravoslavnyaya tserkov' kak govno // Religioznik. URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnyaya-cerkov-kak-govno/>.
30. Pravoslavnyy biomusor // Religioznik. URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnyy-biomusor/>.
31. Pravoslavnyy fashizm: vozrozhdenie. URL: <https://sites.google.com/site/gomofobiaputkvyrozhdeniu/avlaetes-li-vy-latent-noj-lesbiankoj-test-na-skrytuu-zenskuu-gomoseksualnost/10-doka-zatelstv-antihristianskoj-prirody-pravoslavlia>.
32. Prezident Rossii i Informatsiya dlya Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/info/reli.html>.
33. Prosvetitel'. Pravoslavie — totalitarnaya sekta! // Ateisticheskiy sayt. 2005. 8 noyab. URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=1273>.
34. Razve problema RPTs tol'ko v «golubizne» ee ierarkhov? // Religioznik. URL: <http://religioznik.ru/2014/01/razve-problema-rpc-tolko-v-golubizne-ee-ierarkhov/>.
35. Rozanov V. Posadili za to chto dumal... // Zavtra. Blogi i soobshchestva. 2016. 16 okt. URL: http://zavtra.ru/blogs/posadi-li_za_to_chno_dumal_.
36. RPTs i gomofobiya // Livejournal. 2015. 15 sent. URL: <http://sgs-ru.livejournal.com/56385.html>.
37. Rudenko O. Yadernoe pravoslavie Rossii // 24 kanal. 2016. 11 iyulya. URL: http://24tv.ua/ru/yadernoe_pravoslavie_ros_sii_n703309.
38. Samodurov Yu. Pravoslavie stanovitsya agressivnym // Nauchnyy ateizm. URL: http://www.atheism.ru/library/Samodurov_2.phtml.
39. Sokolov-Mitrich D. Dobrye i zlye // Izvestiya. 2010. 27 iyulya. URL: <https://iz.ru/news/364036>.
40. Stomakhin B. Pravoslavnye ublyudki. URL: <http://stomahin.info/articl/pravoslavnye.htm>.
41. Totalitarnoe pravoslavie: Pussy Riot poluchili po dva goda tyur'my. 2012. 17 avg. URL: <http://www.citynews.net.ua/news/print:page,1,20892-totalitarnoe-pravoslavie-pussy-riot-poluchili-po-dva-goda-tyurmy.html>.
42. Tsiniq-ru. Rossiya ustala ot popov // Livejournal. 2016. 6 sent. URL: <http://cinik-ru.livejournal.com/915440.html>.
43. Tsygankov E. Zashchishchayushchiesya ateisty // Dvizhenie Brayts. 2017. 6 avg. URL: <http://brights-russia.org/blog/odyssey/defending-atheists.html>.
44. Chinkova E. Vladimir Zhirinovskiy: «Babami ne nazval, vodki ne obeshchal!» // Komsomol'skaya pravda. 2011. 13 sent. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/25752/2738855/>.
45. Shenderovich V. Enteo kak vyzov pravoslaviyu // TSN. 2015. 17 avg. URL: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/enteo-kak-vyzov-pravoslaviyu-470460.html>.
46. Shiropayev A. Pravoslavie i krivaya sud'ba — Aleksey Shiropayev // Livejournal. 2012. 4 maya. URL: <http://shiropayev.livejournal.com/98850.html>.
47. Badbeliver. Pravoslavnyy totalitarizm? // Livejournal. 2012. 11 maya.
48. Dmtr_zilbeltrud. Pravoslavie — religiya rabov! Nash vybor — mormonizm! // Livejournal. 2012. 14 marta. URL: <http://dmtr-zilbeltrud.livejournal.com/2031.html>.
49. Ivanism. Gomofobiya, pravoslavie, natsizm, putinizm — boyus', eti poroki unichtozhat Rossiyu // Livejournal. 2011. 28 maya. URL: <http://ivansim.livejournal.com/543535.html>.
50. Mista.ua. URL: <http://mistaua.com>.
51. NZZ. Russkoe pravoslavie stalo «zolotoy zhiloy» dlya «rezhima Putina» // InoTV. 2015. 2 apr. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-04-02/NZZ-Russkoe-pravoslavie-stalo-zolotoj>.
52. Onoff49. Pravoslavie — religiya lenivykh i bednykh? // Livejournal. 2009. 4 iyulya. URL: <http://onoff49.livejournal.com/7564.html>.
53. Bagdasaryan V. E. Pravoslavie v foke informatsionno-psikhologicheskoy voyny protiv Rossii. 2015. 2 fevr. URL: <http://vbagdasaryan.ru/pravoslavie-v-fokue-informatsionno-psihologicheskoy-voyni-protiv-rossii/> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
54. Belyaeva I. V., Kulikova E. G. Manipulyativnoe iskazhenie: lingvisticheskiy smysl evfemizmov // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 22 (160). S. 15—20.
55. Berkovich V. B. Globalizm protiv pravoslaviya. Nevidimaya voyna. — M.: Blagoslovenie, 2014. 256 s.
56. Brazhnikov I. L. Pravoslavnyaya geopolitika na postsovet'skom prostranstve // Informatsionnye voyny. 2008. № 4 (8). S. 47—55.
57. Vasil'ev A. D., Podsokhin F. E. Ot pretседenta k stereotipu: tri etapa informatsionnoy kampanii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 32—37.
58. Goryacheva E. N. Obvinenie kak kommunikativnyy postupok v sovremennoy informatsionnoy voyne (na materiale angloyazychnogo mediyno-politicheskogo antirossiyskogo diskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 27—33.
59. Zerkalov D. V. Informatsionnye voyny: monogr. — Kiev: Rukopis', 2012. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM); 12 sm.
60. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika. — M.: Editorial URSS, 2000. 352 s.
61. Lisichkin V. A., Shelepin L. A. Voyna posle voyny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya. — M.: Algoritm: EKSMO, 2005. 416 s.
62. Memorandum ekspertnogo tsentra Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora o rusofobii // Interfaks. 2015. 28 apr. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1259> (data obrashcheniya: 21.08.2017).
63. Mironova T. L. Kto upravlyaet Rossiyey? — M.: Algoritm, 2010. 400 s.
64. Natsional'naya ideya Rossii. V 6 t. T. 1. — M.: Nauchnyy ekspert, 2012. 752 s.
65. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoime-niy). — M.: Nauka, 1985. 272 s.
66. Panarin A. S. Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v global'nom mire. — M.: Eksmo, 2003. 544 s.
67. Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo yazyka. — Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016. 388 s.
68. Tekst: teoreticheskie osnovaniya i printsipy analiza: ucheb.-nauch. posobie / pod red. K. A. Rogovoy. — SPb.: Zlatoust, 2011. 464 s.

А. С. Романов
Москва, Россия

ЭПИДЕЙКТИЧЕСКИЙ ЖАНР ТОСТА КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ АРМЕЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА США

АННОТАЦИЯ. В настоящем исследовании освещены вопросы, касающиеся роли социально-психологического феномена стереотипизации как средства распространения культуры посредством диахронической и синхронической трансляции духовных ценностей. В качестве объекта научных изысканий выступают распространенные в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультуры стереотипные представления о социальном институте вооруженных сил, аксиологических доминантах армейской субкультуры, а также речевом портрете референтного образа военнослужащего армии США. Предметом научного исследования избран армейский тост как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Как правило, официальные армейские тосты адресованы президенту США, определенному виду, роду войск или же конкретному воинскому подразделению, непреходящим ценностям армейской субкультуры и общечеловеческим ценностям. К категории официальных могут быть отнесены тосты, приуроченные к завершению срока службы военнослужащего с последующим выходом в отставку, а также траурные застольные речи, посвященные памяти павших в бою воинов. Семантическое ядро таких тостов может быть интерпретировано образом: военная служба — величайшая честь и наивысшая форма проявления любви к Отечеству. Описываются тосты, посвященные видам и родам войск армии США. Циркуляция аксиологически маркированных речевых артефактов культуры коллективного сознания военнослужащих способствует снижению негативного воздействия стрессогенных факторов, благотворно сказывается на моральном климате воинского коллектива.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вооруженные силы; армейская субкультура; языковые средства; речевые жанры; армейские тосты; лингвокультурология; этнолингвистика; этнические стереотипы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Романов Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, докторант кафедры № 32 английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны РФ; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4; e-mail: biyalka@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В рамках настоящего исследования нами была предпринята попытка дальнейшего осмысления природы феномена стереотипизации на ином языковом материале применительно к армейскому языковому коллективу ВС США. В качестве объекта научных изысканий выступают циркулирующие в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультурной общности стереотипные представления о социальном институте вооруженных сил, профессионально обусловленных константах и аксиологических доминантах армейской субкультуры, а также речевом портрете референтного образа военнослужащего армии США. Предметом научных изысканий выступает армейский тост, интерпретируемый как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Наряду с единицами фразеологического массива, единицами социокультурного диалекта, армейскими вербовочными слогами, текстами прецедентного жанра, армейскими строевыми песнями и т. д. [см.: Романов 2015], к языковым средствам экспликации этностереотипов армейской субкультуры США, бесспорно, относится эпидейктический жанр тоста. Под термином «экспликация» (от лат. *explicatio* — истолкование, объяснение) в понятийных категориях лингвокультурологии понимается интерпретация семантики стереотипа, определение его истоков, выявление диапазона значений

и вариантов употребления. Экспликация отражает процесс преобразования имплицитной, понятной и адекватно воспринимаемой носителем языка информации в эксплицитную, доступную рефлексии не носителя языка [Романов 2015: 82—83]. Языковые средства экспликации этнических стереотипов составляют значительную часть мозаики армейского идиома и позволяют запечатлеть: транслируемые в пространственно-временном континууме аксиологические доминанты армейской субкультуры, составляющие ядро этоса американского военнослужащего; основополагающие принципы взаимоотношений между членами воинского коллектива, передаваемые от поколения к поколению социальные образцы общежития американских военных; реалии армейской субкультуры; особенности речевого портрета собирательного образа американского военнослужащего.

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования, сопряженный с переключением внимания лингвистов на речевую деятельность человека в совокупности с ее экстралингвистическим контекстом, а также актуализация коммуникативно-прагматического аспекта изучения языка привели к тому, что феномены, ранее находившиеся на периферии лингвистической науки, все чаще становятся объектом научного внимания. К числу подобных феноменов принадлежит тост как эпидейктический прагматически

маркированный жанр застольного этикета. Тосты относятся к древним формулам речевой культуры, обнаруживают функциональную активность, культивируются и адаптируются к современному дискурсивному пространству. Прагматически маркированный жанр тоста принадлежит дискурсивному пространству риторики и уходит своими корнями в глубь культурного наследия античности. Эпидейктический жанр речи был впервые описан Аристотелем, хотя создание торжественного жанра приписывается Горгию из Леонтии [Шаталова 2009: 10—11]. Прагматическая интенция пафоса торжественных речей, утверждал Аристотель, может быть разной: хвалить или порицать [Аристотель 2000: 8].

В лексикографических источниках тост (англ. *toast*) традиционно интерпретируется как застольное пожелание, предложение выпить вина в честь кого-нибудь или чего-нибудь, здравица [СРЯ, т. 4, 1984: 389].

«Полный словарь лингвистических терминов» под редакцией Т. В. Матвеевой определяет тост как эпидейктический жанр социально-бытового красноречия [Матвеева 2010: 493—494]. Под последним понимается речевое мастерство в бытовой сфере, способствующее культурному обогащению повседневного речевого общения, установлению и культивированию таких его форм, в которых отражаются национальные традиции, ценности духа и здоровый гедонизм бытия. Социально-бытовое красноречие реализуется в монологических (похвальная речь и ее варианты: приветственная и юбилейная речь, а также прощальная речь — надгробное слово; разговорный рассказ, застольная речь и тост) и диалогических жанрах (разговорная беседа, спор, болтовня). Социально-бытовое красноречие отражает намерение устанавливать и поддерживать добрые отношения между людьми, воздавать почести достойным, поддерживать и ободрять нуждающихся в этом, утверждать оптимизм, способствовать полезному и приятному времяпрепровождению в неформальной обстановке. Иными словами, задачи логические в социально-бытовом красноречии уступают место этическим и эстетическим интенциям адресанта. Под тостом понимается малый жанр бытового красноречия, застольная заздравица эпидейктическая речь [Там же: с. 446].

Назначение торжественной речи состоит в обращении к эмоциональной сфере, сплочении аудитории, создании благоприятной коммуникативной атмосферы. Информирующая и персуазивная интенции говорящего выступают в качестве вспомогательных.

Аргументация тоста носит риторический характер. Речи, призванные вызывать положительные эмоции, возвышенные чувства, могут быть произнесены в таких жанрах, как поздравление, благодарность, напутствие, прощание, приветствие, тост.

Обладающий экспрессивной составляющей тост направлен на установление и поддержание контакта с целевой аудиторией (реализация фатической функции), создание, в зависимости от прагматической интенции говорящего, определенного эмоционального фона. Композиционное своеобразие прозаической формы предъяснения тоста включает обращение, обозначение повода мероприятия, характеристику объекта благопожелания или коммуникативной ситуации, завершаемые благопожеланием или поздравлением. Тост традиционно заканчивается призывом осушить бокалы. Наличие прецедентного текста и композиционная структура тоста носят вариативный характер. К инвариантам композиции тоста относятся обращение, название повода произнесения речи, а также призыв поднять и осушить бокалы [Мощанская, Савчук 2011: 82]. Тост характеризуется широким употреблением фигур речи и тропов, придающих тексту живость образов.

Автор статьи *Toasting the Armed Forces* Р. Моррис (R. Morris) пишет о том, что тосты имеют давнюю традицию, восходящую к эпохе Средневековья. Современная манера произнесения благопожеланий сохранила английские каноны публичных выступлений XVI в. Во время повседневных совместных приемов пищи и официальных церемониальных обедов армейские тосты служат вербально реализованным знаком пиетета и лояльности к государству, символом почитания исторической памяти и воинских традиций. Естественным спутником застольных благопожеланий в армейской, как, впрочем, и любой другой среде, выступает винопитие. Если же военнослужащий не употребляет спиртных напитков, то дань уважения к собравшимся по определенному поводу может быть выражена символическим поднятием бокала с вином или водой либо поднесением бокала ко рту в знак солидарности с воинским коллективом. Отметим, что отказ от участия в застолье может быть встречен неодобрением и критикой со стороны сослуживцев. Подтверждением сказанному послужит юмористическое изречение, позаимствованное из морского фольклора ВС США: <...> *it's rumored that the object of a toast with water will die by drowning* — «бытует мнение о том, что смысл тоста утрачивается в том случае, если бокал наполнен водой» (досл. в

бокале, наполненном водой, смысл тоста тонет; перевод здесь и далее по тексту наш. — А. Р.) [Morris, 2014].

В пособии *Dining-In and Dining-Out Handbook*, разработанном штабом Командования комплектования личного состава ВС США, сообщается следующее. Предположительно практика совместной трапезы не была характерной для воинских подразделений средневековой Англии, однако была типичной для представителей монашеского ордена и образовательных заведений — университетов. Этикетный обычай произнесения тостов обрел силу традиции после учреждения первых офицерских столовых, созданных по инициативе британского истеблишмента. Первая и Вторая мировые войны способствовали культурному обмену между британской и американской армиями, внесли заметную лепту в процесс заимствования и культивирования американцами эпидейктических традиций бытового красноречия [USAREC Pamphlet 600-15, 1994: 1]. Как правило, официальные армейские тосты адресованы президенту США, определенному виду, роду войск или же конкретному воинскому подразделению, непреходящим ценностям армейской субкультуры и общечеловеческим ценностям. Согласно традиции, во время неофициальных застолий назначается так называемый «орудийный расчет» (*gunners*) в количестве одного человека (как правило, младшего по званию военнослужащего), которому вменяется в обязанности своевременное наполнение бокалов собравшихся на протяжении всего мероприятия [Там же: 5]. Приведем примеры официальных тостов социально-профессиональной среды военнослужащих: *Here's to American valor, / May no war require it, but may it ever be ready for every foe.* — «За американскую доблесть, / Пусть не будет войн, чтобы испытать ее на прочность, но пусть американская отвага будет всегда наготове для всякого противника»; *Here's to the Army and Navy, / And the battles they have won, / Here's to America's colors / — The colors that never run.* — «За армию и флот / И победы, одержанные ими, / За американский флаг — / Флаг, не ведающий поражения»; *Here's to the land we love and the love we land.* — «За землю, которую мы любим, и любовь, которую мы обретаем»; *May we love peace enough to fight for it.* — «Пусть наша любовь к миру будет достаточно сильна для того, чтобы сражаться за него»; *To absent friends.* — «За тех, кого с нами нет» [Morris 2014; etiquettescholar.com].

К категории официальных могут быть отнесены тосты, приуроченные к заверше-

нию срока службы военнослужащего с последующим выходом в отставку; а также траурные застольные речи, посвященные памяти павших в бою воинов. Обратимся к примерам.

To those who were vigilant so we could rest, / Who gave everything that we might thrive, / Who are silent that we may breathe free, / We honour you. — «За тех, кто не смыкал глаз, охраняя наш сон, / Кто отдал все во имя нашего процветания, / Кто умолк навеки ради того, чтоб мы могли дышать свободно, / Мы чтим вашу память» [National Defense].

Семантическое ядро вышеприведенных армейских тостов, пронизанных духом самоотречения ради всеобщего национального процветания, может быть интерпретировано следующим образом: военная служба — величайшая честь и наивысшая форма проявления любви к Отечеству. В данном контексте представляется уместным обратиться к официальному девизу ВС США *"This we'll defend"* — «На страже свободы США», имплицитный посыл которого зиждется на идее о том, что военные призваны защищать свободу и американский образ жизни, выступающие ключевыми ценностными категориями американской лингвокультурной общности [Odierno 2012].

Обратимся к иллюстративному материалу армейских тостов, посвященных видам и родам войск ВС США.

Сухопутные войска

Here's to the bravest sons of guns! — «За отважнейших из сыновей войны». *Put your trust in God, boys, but keep your powder dry.* — «Уповайте на Бога, ребята, но порох держите сухим» (на Бога надейся, а сам не плошай) [Morris 2014; etiquettescholar.com]. Характерной особенностью тоста, традиционно произносимого в честь сухопутных войск, выступает наличие прецедентных фрагментов, представленных устойчивыми словосочетаниями: *to keep one's powder dry* — *досл.* держать порох сухим, быть готовым во всеоружии; и *to trust in God* — веровать в Бога. Согласно лексикографическому источнику *American Heritage Dictionary of Idioms*, под ФЕ *to keep one's powder dry*, авторство которой приписывается вождю английской буржуазной революции XVII в. Оливеру Кромвелю (1599—1658 гг.), понимается следующее: *"this colloquial expression, which originally alluded to keeping gunpowder dry so that it would ignite, has been used figuratively since the 1800s but today is less common than TAKE CARE"* [American Heritage Dictionary, Ammer, 1992: 578]. Здесь мы бы хотели провести

параллель между прецедентным текстовым фрагментом *to trust in God* и национальным девизом США *in God We Trust* — «мы верим в Господа». Отметим также, что позаимствованная из текста воинской присяги *Oath of Enlistment* фраза *So help me God* — «и да поможет мне Господь» вызывает к религиозным чувствам военнослужащих и укрепляет веру в незыблемость духовного начала армейской субкультуры [Oath of Enlistment]. «...Наиболее вдохновляющей общей целью армии может быть сознание того, что она является божественным инструментом и призвана творить суд божий. Ибо какая человеческая сила может противостоять божественной? Моральный дух подразделения и части можно поднять до высокого уровня только тогда, когда солдаты вдохновляются высокими и бескорыстными идеалами» [Коупленд 1991: 56—57].

Военно-морские силы и Корпус морской пехоты

Here's to the Navy — true hearts and sound bottoms. — «За ВМС — преданные сердца и прочные суда».

I give you muscles of steel, nerves of iron, tongues of silver, hearts of gold, necks of leather — the marines. — «Вверяю вам стальные мускулы, железные нервы, красноречивые уста, золотые сердца и бритые затылки, — морских пехотинцев!» [etiquettescholar.com].

Военно-воздушные силы

They've got wings, but they're not always angels. Here's to our Air Force. — «У них есть крылья, но они не всегда ангелы. За наши ВВС» [Morris 2014].

Сложная система регулирования в значительной степени формализованного поведения (вербального и невербального), а также сложившиеся стереотипы армейского субкультурного универсума играют значимую роль в повседневном укладе жизни военнослужащих армии США. Совокупность языковых артефактов армейской культуры, к числу которых, очевидно, принадлежат и военные тосты, отражает ключевые аксиологические ориентиры армейской среды, позволяет верно ориентироваться в критических ситуациях и принимать оптимальные решения. Эпидейктический жанр тоста, та-

ким образом, может быть охарактеризован как стереотипогенное языковое средство манифестации ценностей армейской субкультуры, ее корпоративной этики. Циркуляция аксиологически маркированных речевых артефактов культуры коллективного сознания военнослужащих способствует снижению негативного воздействия стрессогенных факторов, благотворно сказывается на моральном климате воинского коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. — СПб.: Азбука, 2000. 347 с.
2. Коупленд Н. Психология и солдат / пер. с англ. А. Т. Сапронова и В. М. Катеринича. 2-е изд. — М.: Воениздат, 1991. 96 с.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
4. Мошанская Е. Ю., Савчук А. С. Тост как устно-речевой дискурс // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. — Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. Вып. 16. 272 с.
5. Романов А. С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — М., 2015. 195 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А — Й. 698 с.; 1984. Т. 4. С — Я. 794 с.
7. Шаталова С. В. Эпидейктические жанры речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2009. 24 с.
8. Ammer C. The American Heritage dictionary of idioms. — Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 736 p.
9. Army.mil.com. URL: <http://www.army.mil/values/> (date of access: 21.06.17).
10. Dining-In and Dining-Out Handbook. USAREC Pamphlet 600-15. — Kentucky, Fort Knox, 1994. 9 p. URL: <http://img.slate.com/media/53/military%20dining%20handbook.pdf>.
11. Etiquettescholar.com. URL: https://www.etiquettescholar.com/dining_etiquette/toasting_etiquette/toasts_for_all_occassions/military_toasts.html (date of access: 12.01.17).
12. Guide to the Military Dining-in (revised 1999 edition). Cadet Hostess Office. Cullum Memorial Hall. — New York, West Point. 26 p. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rc=t&ct=j&q=&esr=c=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiJIX8s_VAhXDYJoKHfmDbIQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.usma.edu%2Fdc%2FSiteAssets%2FSitePages%2FMilitary%2520Dining%2FMilitaryDiningInGuide.doc&usg=AFQjCNF-wijcpiRNDdVci8FqXCgMDug5nQ.
13. Militaryservicecompany.com. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (date of access: 19.01.17).
14. Morris R. Toasting the Armed Forces. 2014. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (date of access: 13.01.17).
15. National Defense. URL: <http://digital.nationaldefensemagazine.org/>.
16. Oath of Enlistment. URL: <https://www.army.mil/values/oath.html>.
17. Odierno R. This We'll Defend. 2012. URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (date of access: 20.12.17).

A. S. Romanov
Moscow, Russia

THE EPIDEICTIC GENRE OF TOAST AS A LINGUISTIC MEANS OF ETHNIC STEREOTYPES EXPLICATION ATTRIBUTED TO THE US MILITARY LINGUISTIC COMMUNITY

ABSTRACT. *The research addresses the issues of the role of socio-psychological phenomenon of stereotypization as a means of dissemination of culture with the help of diachronic and synchronic distribution of spiritual values. The object of this research is the stereotypes found in linguistic consciousness of the Americans about social institution of arms, axiological dominant components of the military subculture and the speech portrait of the image of a military officer of the US army. The subject of the study is a military toast as a language*

means of the military subculture ethnic stereotypes explication. As a rule, official military toasts mention the US President, the military branch, service arm, military unit, the general values of the military subculture or values of the people. Among the official toasts we may find those dedicated to the end of service and retirement, or memorial addresses to remember soldiers killed in action. The semantic nucleus of such toasts may be interpreted in the following way: military service is a great honor and the supreme form of expressing love to the Motherland. Toasts dedicated to military branches, service arms and military units of the USA are described. Circulation of axiologically marked cultural artifacts in mass consciousness of military officers reduces negative effect of stress and helps establish good relationships in the military unit.

KEYWORDS: *armed forces; military subculture; language means; speech genres; military toasts; linguoculturology; ethnolinguistics; ethnic stereotypes.*

ABOUT THE AUTHOR: *Romanov Alexander Sergeevich, Candidate of Philology, Doctoral Degree Candidate of the 32nd English Language Department of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Aristotel'. Poetika. Ritorika. — Spb. : Azbuka, 2000. 347 s.
2. Kouplend N. Psikhologiya i soldat / per. s angl. A. T. Sapronova i V. M. Katerinicha. 2-e izd. — M. : Voenizdat, 1991. 96 s.
3. Matveeva T. V. Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov. — Rostov n/D : Feniks, 2010. 562 s.
4. Moshchanskaya E. Yu., Savchuk A. S. Tost kak ustno-rechevoy diskurs // Vestn. Nizhegor. gos. lingvist. un-ta im. N. A. Dobrolyubova. — N. Novgorod : FGBOU VPO NGLU, 2011. Vyp. 16. 272 s.
5. Romanov A. S. Yazykovye sredstva eksplikatsii etnicheskikh stereotipov v kartine mira amerikanskikh voennosluzhashchikh : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — M., 2015. 195 s.
6. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoy. — M. : Russkiy yazyk, 1981. T. 1. A — Y. 698 s.; 1984. T. 4. S — Ya. 794 s.
7. Shatalova S. V. Epideykticheskie zhanry rechi : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Yaroslavl', 2009. 24 s.
8. Ammer C. The American Heritage dictionary of idioms. — Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 736 p.
9. Army.mil.com. URL: <http://www.army.mil/values/> (date of access: 21.06.17).
10. Dining-In and Dining-Out Handbook. USAREC Pamphlet 600-15. — Kentucky, Fort Knox, 1994. 9 p. URL: <http://img.slate.com/media/53/military%20dining%20handbook.pdf>.
11. Etiquettescholar.com. URL: https://www.etiquettescholar.com/dining_etiquette/toasting_etiquette/toasts_for_all_occasions/military_toasts.html (date of access: 12.01.17).
12. Guide to the Military Dining-in (revised 1999 edition). Cadet Hostess Office. Cullum Memorial Hall. — New York, West Point. 26 p. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rcct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiJlIX8s_VAhXDYJoKHfmDbIQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.usma.edu%2Fdca%2FSiteAssets%2FSitePages%2FMilitary%2520Dining%2FMilitaryDiningInGuide.doc&usg=AFQjCNF-wijcpiRNDdVci8FqXCgMDug5nQ.
13. Militaryservicecompany.com. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (date of access: 19.01.17).
14. Morris R. Toasting the Armed Forces. 2014. URL: <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (date of access: 13.01.17).
15. National Defense. URL: <http://digital.nationaldefensemagazine.org/>.
16. Oath of Enlistment. URL: <https://www.army.mil/values/oath.html>.
17. Odierno R. This We'll Defend. 2012. URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (date of access: 20.12.17).

Н. Н. Шпильная
Барнаул, Россия

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Предметом анализа является сфера обыденной политической коммуникации, представленная наивными политическими текстами, в которых объективируются представления рядовых носителей языка о политике, деятельности ее институтов и их лидеров. За основу взят коммуникативный аспект описания обыденной политической коммуникации. Материалом анализа послужили 614 текстов интернет-комментариев, образующих сетевой диалог. Интернет-комментарии представляют собой реплики к новостной статье; они объединены общей макротемой «Переходы в метро: гонимки вместо цветов». Языковая личность в условиях обыденной политической коммуникации ведет себя по-разному, при этом выражает ту или иную диалогическую позицию, как некое «глобальное намерение», по отношению к субъекту политического события. Это может быть позиция согласия, контраста или примыкания. На этой основе выделяются три стратегии коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации. Это стратегия согласия, стратегия контраста и стратегия примыкания. Стратегия согласия связана с выражением диалогической позиции согласия/одобрения с субъектом политического события. Стратегия контраста связана с выражением диалогической позиции несогласия/неодобрения с субъектом политического события. Стратегия примыкания связана с выражением нейтральной диалогической позиции носителей языка относительно позиции субъекта политического события. Данные стратегии реализуются рядом тактик: тактикой создания образа коммуникативного настоящего и тактикой создания образа коммуникативного будущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; антропоцентризм; политическая коммуникация; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; коммуникативное поведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шпильная Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, Россия, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 136, к. 212.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Исходные положения. Интерес к изучению коммуникативного поведения языковой личности обусловлен общим поворотом современной лингвистики к проблеме «язык и человек»; в центре внимания лингвистов оказываются вопросы коммуникативной организации малых социальных групп (например, семьи [Анохина [http](#)]), коммуникативного поведения тех или иных носителей языка, выделяемых по возрастному, статусному, гендерному, территориальному и прочим признакам. Особое место в ряду подобных исследований занимают работы, в которых предпринимаются попытки описания коммуникативного поведения языковой личности в различных профессиональных сферах коммуникации, таких как медицина, спорт, образование, политика и др. При этом в тени исследовательского интереса оказывается коммуникативное поведение носителей языка в обыденных сферах коммуникации как проявлениях речевой повседневности.

Предметом нашего дальнейшего анализа является сфера обыденной политической коммуникации, представленная наивными политическими текстами, в которых объективируются представления рядовых носителей языка о политике, деятельности ее институтов и их лидеров [Кишина 2014]. В нашем исследовании за основу взят коммуникативный аспект описания обыденной политической коммуникации (см., напр.: [Голев 2011]). Данный аспект предполагает описа-

ние коммуникативного поведения языковой личности, присущих ей стратегий и тактик ведения диалога. Если стратегии коммуникативного поведения языковой личности в профессиональной политической коммуникации изучены достаточно детально [Паршина 2004] (к примеру, описаны такие стратегии, как убеждение [Калинина 2009], диффамация [Конышева 2015] и пр.), то стратегии коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации изучены недостаточно. Существуют работы, в которых предпринимается попытка лингвоконфликтологического описания обыденной политической коммуникации [Кишина 2014; Плешакова [http](#)], в них рассматриваются только конфликтные стратегии коммуникативного поведения языковой личности. Коммуникативное поведение языковой личности в обыденной политической коммуникации в многообразии используемых ей стратегий и тактик не становилось предметом специального рассмотрения. Между тем анализ стратегий и тактик коммуникативного поведения носителей языка в данной сфере коммуникации позволяет прояснить вопрос об особенностях внутренней организации обыденной политической коммуникации как явления речевой повседневности.

Далее в статье под стратегиями коммуникативного поведения понимаются «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем „глобально-

го намерения» [Иссерс 2006]. Исследователями в области коммуникативной лингвистики установлено, что единицами анализа коммуникативных стратегий выступает диалогическое единство, которое представлено как последовательность реплик адресанта и адресата со следующими особенностями: «а) все реплики связаны единой темой; б) диалог начинается абсолютно независимым и кончается абсолютно зависимым речевым актом; в) все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; г) внутри данной последовательности не существует другой, отличной от нее, которая удовлетворяла бы условиям» [Баранов, Крейдлин 1992]. Иными словами, коммуникативные стратегии выявляются на основе анализа диалогического взаимодействия участников коммуникации на протяжении всего разговора.

Известно, что коммуникативные стратегии реализуются в тактиках. Ср.: «Каждая речевая стратегия характеризуется определенным набором речевых тактик. Речевая тактика — это конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Реализация совокупной последовательности речевых тактик призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения (конкретной интеракции)» [Сковородников 2004: 6]. Стратегии и тактики связаны с интерпретационной деятельностью языкового сознания. Далее развивается тезис, согласно которому коммуникативные стратегии соотносимы с модусным планом диалогического единства, а коммуникативные тактики — с диктумным.

Материалом для нашего анализа послужили 614 текстов интернет-комментариев, образующих сетевой диалог. Данные интернет-комментарии представляют собой реплики к новостной статье; они объединены общей макротемой «Переходы в метро: гопники вместо цветов». На основе анализа языкового материала нами были выявлены три стратегии коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации: **стратегия согласия**, **стратегия контраста** и **стратегия примыкания**. Данные стратегии реализуются следующими тактиками: тактикой создания образа коммуникативного будущего и тактикой создания образа коммуникативного настоящего (мы полагаем, что возможна и тактика

создания образа коммуникативного прошлого, однако данная тактика не представлена в анализируемом материале, хотя вполне может встретиться в другом языковом материале). Выделение данных тактик согласуется с положением, согласно которому в основе диалога лежат механизмы интерпретации [Шпильная 2016], благодаря которым и осуществляется коммуникативное взаимодействие между носителями языка в диалогической ситуации. Тактики, реализующие стратегии коммуникативного поведения, связаны с интерпретацией влияния обсуждаемого политического события на положение дел в мире. Так, **тактика создания образа коммуникативного настоящего** связана с интерпретацией политического события «здесь и сейчас», иными словами, политическое событие оценивается как имеющее место быть в настоящем. Формальным показателем данной тактики являются глаголы настоящего времени. А **тактика создания образа коммуникативного будущего** предполагает оценку политического события с точки зрения будущего, прогнозирование появления новых ситуаций. Формальным показателем данной тактики являются глаголы будущего времени.

Стратегия согласия и тактики ее реализации в обыденной политической коммуникации. Данная стратегия связана с выражением диалогической позиции *согласия / одобрения* носителями языка с тем или иным политическим событием (субъектом политического события). Различаются два способа выражения диалогической позиции носителя языка: *прямой* и *косвенный*. При *прямом* способе диалогическая позиция носителя языка объективируется базовым модусным предикатом *согласен* и его эквивалентами — прилагательными, краткими причастиями, модусными наречиями, существительными, содержащими одобрение диалогической позиции субъекта диалогического высказывания, послужившего объектом интерпретации (*одобряю, поддерживаю, правильно, я за, молодец* и пр.). В таком случае как бы наблюдается прямая увязка позиции субъекта речи и актуализируемого языкового средства. При *косвенном* способе диалогическая позиция носителя языка актуализируется опосредованно — за счет объективации языковых средств, не выражающих прямо *согласие / одобрение*. В этом случае модусный предикат и его эквиваленты не выражены на поверхностном уровне диалогического текста. В диалогическом тексте используются предикаты добавления (*надо еще, можно еще*), сравнительные обороты (*будет лучше* и пр.), противительные конст-

рукции (*но, зато*), риторические вопросы и пр.

Стратегия согласия реализуется в двух тактиках — тактике создания образа коммуникативного настоящего и тактике создания образа коммуникативного будущего. Приведем примеры.

Тактика создания образа коммуникативного настоящего

Антон Гранд

10 июля 2013 00: 25

Все правильно делают, не должно быть в метро барыг.

Alex2D

10 июля 2013 08: 45

Закрывают очередное коррупционное опасное направление. В общем, идея правильная.

ДоШгость

10 июл 2013 09: 20

*Я ЗА! И так из-за этих киосков тоннели сужены, и когда час пик, народ толчется, а не дай бог эвакуация, сколько могут топотать? Ради наживы одним не стоит представлять всех пассажиров метро. Одно из тех **решений** нашего правительства которое **поддерживаю**. Еще бы барзахляндию под названием центральный рынок снесли со всеми страшными зданиями*

Жительность

10 июл 2013 09: 21

Правильное решение, поддерживаю губернатора. Действительно, это забота о людях. Я регулярно пользуюсь метро. Очень неудобно идти по переходу, как по барахолке. Если кому-то захочется заниматься «бизнесом» — идите в торговые центры и торгуйте там. Я обойдусь без ваших колготок и булочек. Тут еще кто-то про изготовление ключей написал — обхохочешься. Прямо ежедневная необходимость — купить булочку, колготки и сдать ключи.

Манометр

10 июл 2013 09: 22

Давно пора убрать эти уродливые киоски, особенно, в переходе на Маркса. Там ходить страшно! Везде пьяные, слышен мат.

АААгость

10 июл 2013 14: 13

Молодец губернатор, что собрался закрыть барахолку на гусинке и в метро, сразу понятно, что от этих точек он личного интереса не имел, а то раньше было много говорильни, но реально никто ничего не делал, т.к. имел долю с этого бизнеса. Побольше бы таких руководителей в России, прежде всего в Москве и Россия из ни-

щей третьесортной страны превратилась бы в государство для всего населения страны, а не для элиты, которая грабит страну, а потом уезжает проматывать деньги в Европу.

Надоели киоскигость

10 июл 2013 17: 07

Давно пора! Торговля в метро — пережиток 90х!!! Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взяток одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Барак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно.

Как видим, в приведенных диалогических текстах выражается диалогическая позиция согласия, о чем свидетельствуют языковые единицы, содержащие в своей семантике оценочный компонент, сопряженный с одобрением позиции губернатора как адресата сообщений: *правильное решение, поддерживаю губернатора, за, идея правильная, правильно делают, молодец губернатор, давно пора.*

Все данные примеры реализуют тактику создания образа коммуникативного настоящего, так как в них политическое событие интерпретируется как изменяющее положение дел в настоящем.

Тактика создания образа коммуникативного будущего

сережа

10 июл 2013 10: 40

Надо еще барахолку закрыть, толку от нее все равно никакого нет.

К обеду торговля уже заканчивается, не понятно, для кого они там работают?

Примеры показывают, что при косвенном способе актуализации диалогической позиции носителя языка используются риторические вопросы (*Что такого ценного продают в переходах метро, чего нельзя купить в других местах? Зачем эти киоски в метро?*), конструкции добавления (*надо еще*).

Данный пример иллюстрирует проявление тактики создания образа коммуникативного будущего. В приведенном высказывании политическое событие интерпретируется как изменяющее положение дел в будущем. Носитель языка рассуждает о том, что наряду с закрытием в метро торговых киосков надо еще и барахолку закрыть. Его согласие с действиями субъекта политической коммуникации проявляется в создании образа коммуникативного будущего, т. е. возможного будущего.

Стратегия контраста и тактики ее реализации в обыденной политической ком-

муникации. Данная стратегия связана с выражением диалогической позиции несогласия/неодобрения действия субъекта политического события. Формальным показателем диалогической позиции *несогласия/неодобрения* являются модусные предикаты, содержащие негативную оценку позиции субъекта диалогического текста адресата, т. е. отрицающие ее (позицию). Подобно диалогической позиции *согласия*, диалогическая позиция *несогласия* может быть выражена двумя способами: *прямым* и *косвенным*. При *прямом* способе диалогическая позиция субъекта диалогического текста объективируется базовым модусным предикатом *не согласен* и его эквивалентами — прилагательными, краткими причастиями, модусными наречиями, существительными, содержащими неодобрение диалогической позиции субъекта диалогического высказывания, послужившего объектом интерпретации (*не одобряю, не поддерживаю, неправильно, я против, бред, недальновидное, неразумное решение* и пр.). При *косвенном* способе диалогическая позиция носителя языка актуализируется опосредованно — за счет объективации языковых средств, не выражающих прямо *несогласие/неодобрение*. В этом случае в диалогическом тексте используются риторические вопросы, пунктуационные средства, подчеркивающие ироничное отношение субъекта высказывания, приемы акцентуации внешней формы языкового знака, смыслового контраста и пр.

Стратегия контраста реализуется в двух тактиках — тактике создания образа коммуникативного настоящего и тактике создания образа коммуникативного будущего.

Тактика создания образа коммуникативного настоящего

Пирксость

10 июл 2013 09: 41

Плохое, нелогичное, необдуманное решение. На свидание как идешь, так цветы всегда в метро покупаешь.... Выглядит как продолжение эпопеи с повышением налогов для ИП = Лоббирование интересов крупного бизнеса.. А ТЦ сейчас как всегда абсурдно поступят — завьсят ар. Плату для ИП.... Руководство города думает, что у нас криминогенная ситуация лучшая в РФ или даже в мире???

Греугость

10 июл 2013 10: 06

Еще один **бред наших управителей.**

Сам по молодости держал киоск с дисками в переходах метро.

Все продавцы друг-друга знают и следят за порядком в переходе не хуже орга-

нов. Именно мы, а не охрана, гоняли оттуда попрошайек и «смердил» — бомжей заходивших погреться.

А это — лоббирование интересов владельцев ТЦ с их эпической арендой.

Freken Bok

10 июл 2013 10: 39

Это просто **антинародно превращать** Метро в неуютные, безжизненные котокомбы где не кому обратиться за помощью если что — одни холодные стены...

ВладЯгость

10 июл 2013 11: 07

Бредовое решение, которое не прибавит популярности губернатору, поскольку на метро все ездят и все иногда что-то да покупают: газеты, сигареты, воду, цветы итп. Я вот покупал машинки журнальные для коллекции, где их теперь ловить?

Дмитрий2013

10 июл 2013 12: 00

Считаю, что это **недальновидное и опрометчивое решение губернатора!!!**

горожанингость

10 июл 2013 13: 03

Нарпод такое впечатление складывается, что у нас губернатор попутал свою должность с царьком — если он единолично не опираясь ни на какоелибо законодательство и мнение «демократического» населения приняла данное решение и цитирую «провел его через координативный совет». Да здравствует КОРОЛЬ

охо хогость

10 июл 2013 15: 30

А где слуги народа? Почему молчат? На Канарах? Есть же какие то ограничения и у тех кто за безопасность. У власти в конце концов. А то такими темпами и магазины в жилых домах запретят...

Итак, мы видим, что в приведенных диалогических текстах выражается диалогическая позиция *несогласия*, о чем свидетельствуют языковые единицы, содержащие в своей семантике оценочный компонент, сопряженный с неодобрением позиции губернатора как адресата сообщений: *плохое, нелогичное, необдуманное решение, антинародно превращать, бред управителей, недальновидное и опрометчивое решение губернатора, бредовое решение*. Несогласие выражается также в акцентуации внешней формы языкового знака (*Да здравствует КОРОЛЬ*), в использовании риторических вопросов; ср.: *А где слуги народа? Почему молчат? На Канарах?* Стратегия несогласия реализуется в тактике создания образа коммуникативного настоящего. Политическое событие интерпретируется как способное изменить положение дел в настоящем.

Тактика создания образа коммуникативного будущего

GLOBUS

10 июл 2013 00: 37

Будем теперь ходить поздними вечерами по пустынным длинным мрачным вестибюлям..., сжимая в страхе газовый баллончик в потной ладони.. бррр..

ТХХ

10 июл 2013 15: 22

Хорошо, давайте уберем все киоски из метро. И попробуйте господин губернатор, например на площади Калинина в 8 утра купить простую булку к чаю — не купите, продуктовых магазинов рядом нет, только кофейни, золотые магазины, да МТС с Мегафоном.

В данных примерах реализуется тактика создания образа коммуникативного будущего. В высказываниях создается возможный мир, наступление которого сопряжено с действиями субъекта политического события, с которым носитель языка не согласен.

Стратегия примыкания и тактики ее реализации в обыденной политической коммуникации. Данная стратегия связана с выражением нейтральной диалогической позиции носителей языка. *Нейтральная диалогическая позиция носителя языка не имеет базовых формальных показателей.* Несмотря на то, что специфика ее актуализации определяется тем, что в диалогическом тексте отсутствуют маркеры выражения диалогических позиций *согласия и несогласия*, можно выделить два способа объективации нейтральной диалогической позиции: *прямой и косвенный*. При *прямом* способе актуализации в процессе создания диалогического текста эксплицируются маркеры отсутствия ярко выраженной диалогической позиции, то есть маркеры типа *мне все равно, какая разница, и так, и так можно* и пр. А при *косвенном* способе указанные маркеры отсутствуют, их «заменяют» семантические предикаты и предикаты объяснения, имеющие нейтральную модусную окраску.

Стратегия примыкания реализуется в двух тактиках — тактике создания образа коммуникативного настоящего и тактике создания образа коммуникативного будущего. Рассмотрим их.

Тактика создания образа коммуникативного настоящего

Замиралова

10 июл 2013 12: 26

А мне фиолетово, пусть убирают, только не верю я что все киоски уберут, все равно оставят союзпечатать и еще парочку...

Олегость

10 июл 2013 14: 34

С одной стороны жалко, с другой — торговли в Нью Йорской, Токийской или Тайбее и прочих подземках я тоже особенно не замечал, может и правильно.

зеленкина

10 июл 2013 09: 13

Мне ни холодно, ни жарко от этих киосков, просто удивительно: из метро киоски убирают «в целях безопасности», а на вокзале Новосибирск-Главный (внутри) наоборот торговый центр собирают оборудовать. Там меньше опасностей?

Из приведенных примеров видно, что диалогическая позиция субъектов данных диалогических текстов является нейтральной, о чем свидетельствуют языковые единицы с соответствующим модусным содержанием: *мне ни холодно, ни жарко; а мне фиолетово; конструкции типа с одной стороны — а с другой стороны.*

хожу пешкомость

10 июл 2013 00: 34

У меня глупый вопрос и 1 одна наивная надежда:

1. кто знает, деньги от аренды куда уходят? Муниципалитету или метрополитену?

2. Оставили бы киоски печати (газеты, журналы)

Барыгаость

10 июл 2013 14: 03

Все просто: метрополитены и мэрия не поделили прибыль с киосков.

В данных примерах реализуется тактика создания образа коммуникативного настоящего. Политическое событие интерпретируется как событие, способное изменить положение дел в настоящем.

Тактика создания образа коммуникативного будущего

Житель Нскгость

10 июл 2013 13: 48

А будут убирать киоски с перехода у часовни????????

Серыйгость

10 июля 2013 14: 28

кто будет компенсировать метрополитену деньги с аренды, которые шли на доплату персоналу метро

Максимгость

10 июл 2013 11: 56

Мнения разделились. Пора референдум проводить по поводу разрешения, запрещения торговли в метро. Но в некоторых узких переходах киоски реально мешают, когда людей много идет, это факт. Если уж так много сторонников запрета, то

хотя бы убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик.

Как видим, приведенные диалогические тексты представляют собой утверждения, лишённые эксплицитной и имплицитной диалогической позиции. В данных текстах используются нейтральные модусные предикаты типа *компенсировать*, *убрать* и пр. В высказываниях реализуется тактика создания образа коммуникативного будущего, так как событие интерпретируется в аспекте его возможности изменить положение дел в настоящем.

Заключительные положения. Обыденная политическая коммуникация представляет собой совокупность суждений носителей языка о субъектах политических событий. Языковая личность в условиях обыденной политической коммуникации ведёт себя по-разному, при этом выражает ту или иную диалогическую позицию как некое «глобальное намерение» по отношению к субъекту политического события. Это может быть позиция согласия, контраста или примыкания. На этой основе выделяются три стратегии коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации. Это стратегия согласия, стратегия контраста и стратегия примыкания. Стратегия согласия связана с выражением диалогической позиции согласия/одобрения с субъектом политического события. Стратегия контраста связана с выражением диалогической позиции несогласия /неодобрения с субъектом политического события. А стратегия примыкания связана с выражением нейтральной диалогической позиции носителей языка относительно позиции субъекта поли-

тического события. Данные стратегии реализуются рядом тактик: тактикой создания образа коммуникативного настоящего и тактикой создания образа коммуникативного будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье). URL: <http://vestnik.stavsu.ru/56-2008/11.pdf>.
2. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84—99.
3. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2011. С. 66—69. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golev-11.htm>
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики речевой речи. — М.: КомКнига, 2006. С. 104.
5. Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2009. 187 с.
6. Кишина Е. В. Лингвоконфликтологический аспект описания обыденной политической коммуникации // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 32—39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktologicheskii-aspekt-opisaniya-obydennoy-politicheskoy-kommunikatsii>.
7. Кобышева М. В. Диффамация как речевая стратегия политической коммуникации // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — СПб.: Информационный изд. учеб.-науч. центр «Стратегия будущего», 2015. № 10-5. С. 145—149.
8. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. — Астрахань, 2004. 196 с.
9. Плешакова А. О. Конфликтное речевое поведение адресатов обыденной политической коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnoe-rechevoe-povedenie-adresatov-obydennoy-politicheskoy-kommunikatsii>.
10. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика — лингвистика: сб. статей. — Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. С. 5—11.
11. Шпильная Н. Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2016. 623 с.

N. N. Shpilnaya
Barnaul, Russia

STRATEGIES AND TACTICS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF LINGUISTIC PERSONA IN EVERYDAY POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The object of this research is the sphere of everyday political communication represented by naïve political texts, where the views of ordinary people on politics, political activities and political leaders are presented. Communicative aspect is used to describe everyday political communication. 614 comments in the Internet that join into dialogues are analyzed. Comments are the replies to the news article; they are united by the general macro-topic "Underground Walkways: Hoodlums instead of Flowers". Linguistic persona acts differently in everyday political communication, expressing this or that view as some "global intention" addressed to the actor of political event. This view may express agreement, contrast or junction. Based on this classification it is possible to single out three strategies of communicative behavior of linguistic persona in everyday political communication. They are: strategy of agreement, strategy of contrast and strategy of junction. The strategy of agreement is connected with expression of dialogical view of agreement/approval of political event actor. The strategy of contrast is connected with expression of dialogical view of disagreement/disapproval of political event actor. The strategy of junction is connected with expression of neutral dialogical view of native speakers on the view of political event actor. These strategies include the following tactics: creation of the image of communicative present and creation of the image of communicative future.*

KEYWORDS: *linguistic persona; anthropocentrism; political communication; media discourse; media texts; media linguistics; media; mass media; language of mass media; communicative behavior.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shpilnaya Nadezhda Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.*

REFERENCES

1. Anokhina V. S. Strategii i taktiki kommunikativnogo povedeniya v maloy sotsial'noy gruppe (sem'e). URL: <http://vestnik.stavsu.ru/56-2008/11.pdf>.
2. Baranov A. N., Kreydlin G. E. Illokutivnoe vyzhdenie v strukture dialoga // *Voprosy yazykoznaviya*. 1992. № 2. S. 84—99.
3. Golev N. D. Obydenaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika*. — Ekaterinburg, 2011. S. 66—69. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golev-11.htm>
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : KomKniga, 2006. C. 104.
5. Kalinin K. E. Kommunikativnye strategii ubezhdeniya v angloyazychnom politicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. — N. Novgorod, 2009. 187 s.
6. Kishina E. V. Lingvokonfliktologicheskiy aspekt opisaniya obydennoy politicheskoy kommunikatsii // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2014. № 2. S. 32—39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktologicheskiy-aspekt-opisaniya-obydennoy-politicheskoy-kommunikatsii>.
7. Konysheva M. V. Diffamatsiya kak rechevaya strategiya politicheskoy kommunikatsii // *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire*. — SPb. : Informatsionnyy izd. ucheb.-nauch. tsentr «Strategiya budushchego», 2015. № 10-5. S. 145—149.
8. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk. — Astrakhan', 2004. 196 s.
9. Pleshakova A. O. Konfliktnoe rechevoe povedenie adresatov obydennoy politicheskoy kommunikatsii. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnoe-rechevoe-povedenie-adresatov-obydennoy-politicheskoy-kommunikatsii>.
10. Skovorodnikov A. P. O neobkhodimosti razgranicheniya ponyatiy « ritoricheskiy priem », « stilisticheskaya figura », « rechevaya taktika », « rechevoy zhanr » v praktike terminologicheskoy leksikografii // *Ritorika — lingvistika : sb. statey*. — Smolensk : SGPU, 2004. Vyp. 5. S. 5—11.
11. Shpil'naya N. N. Russkiy dialogicheskiy tekst: derivatsionnyy aspekt : dis. ... d-ra filol. nauk. — Kemerovo, 2016. 623 s.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'38:34
ББК ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

И. Р. Абитов, Д. Л. Ханзафарова
Казань, Россия

ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ: АРСЕНАЛ ПРИЕМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЖЕРТВУ

АННОТАЦИЯ. Уголовное судопроизводство подразумевает использование специальных знаний при раскрытии и расследовании дел, возбужденных по ст. 159 УК РФ («Мошенничество»). Маскировка финансовых пирамид под инновационные бизнес-проекты требует повышенного внимания экспертов в области лингвистики и психологии. Для достижения своих целей фигуранты могут использовать различные тактики и приемы речевого и психологического воздействия. Они рассмотрены на примере одной из финансовых пирамид, организаторы которой на собраниях и в своих выступлениях в СМИ использовали такие приемы воздействия на аудиторию, как 1) присоединение к аудитории (использование местоимений «мы», «наш»); 2) апелляция к авторитету государственной власти (упоминание в речи государственных деятелей, представителей государственной власти); 3) апелляция к потребности в безопасности; 4) формирование межличностной аттракции (симпатии, доверия) с помощью доверительного тона общения; 5) эксплуатация стремления аудитории к быстрому обогащению при минимуме затрат; 6) использование специальных экономических терминов; 7) апелляция к патриотическим чувствам (совместное исполнение гимна России); 8) метафоричность речи (употребление спортивной и автомобильной метафоры); 9) интерактивный характер коммуникации между оратором и аудиторией (вопросы со стороны слушателей, повышающие уровень доверия). Классификация и анализ подобных приемов являются актуальными задачами юридической психологии и юридической лингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: финансовые пирамиды; приемы психологического воздействия; речевые тактики; речевые стратегии; речевое воздействие; манипулятивное воздействие; манипуляция сознанием.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Абитов Ильдар Равильевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры дефектологии и клинической психологии Института психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет; государственный судебный эксперт, федеральное бюджетное учреждение «Средне-Волжский региональный центр судебной экспертизы Минюста России»; 420061, Россия, г. Казань, ул. Космонавтов, д. 59; e-mail: ildar-abitov@yandex.ru.

Ханзафарова Диля Лианаровна, заведующий специализированным экспертным отделом по производству экспертиз и экспертных исследований по делам, связанным с проявлением экстремизма, федеральное бюджетное учреждение «Средне-Волжский региональный центр судебной экспертизы Минюста России»; 420061, Россия, г. Казань, ул. Космонавтов, д. 59; e-mail: d.khanzafarova@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Уголовное судопроизводство подразумевает использование специальных знаний при раскрытии и расследовании дел, возбужденных по ст. 159 УК РФ («Мошенничество»). Мошенничество, согласно действующему законодательному определению, есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ч. 1 ст. 159 УК РФ). В подавляющем большинстве случаев обман и злоупотребление доверием предполагают психологическое воздействие на жертву [Кроз, Ратинова, Онищенко 2008].

В литературе по лингвистике и психологии описаны различные способы речевого и психологического воздействия на личность. Р. Чалдини описывает следующие способы психологического воздействия, которые могут использоваться мошенниками:

1) использование стереотипного мышления «жертвы» (например, использование ложных эквивалентностей «дорого = хорошо», «престижно = хорошо» и т. д.);

2) использование «правила обмена» (например, сделать «жертве» небольшой подарок, чтобы вынудить ее совершить невыгодную для нее сделку);

3) прием «нога-в-дверях» (потенциальной «жертве» навязывается маленькая покупка или уступка, вслед за которой от нее требуют все более крупных покупок, вложений или уступок);

4) использование принципа социального доказательства (люди более склонны совершать поступки, которые в их присутствии уже совершали другие люди);

5) демонстрация доброжелательного отношения, создание аттракции (отношений доверия);

6) использование авторитета (указание «жертве» на связь мошенников с органами власти, приведение в пример известных личностей: актеров, миллионеров, политиков);

7) использование дефицита (например, искусственное создание дефицита времени на принятие решения) [Чалдини 2014].

Л. Верт описывает особенности познавательных процессов, которые могут привести к ошибкам в анализе информации и ошибочным решениям и могут быть использованы мошенниками для манипулирования своей жертвой:

1) «эффект якоря» (мошенники изначально называют сильно завышенную цену, затем

снижают ее, и покупка воспринимается жертвой как выгодная или жертве подается дезинформация о высоком курсе акций, что приводит к инвестированию более крупной суммы денег, чем если бы жертва владела объективной информацией о курсе акций на рынке);

2) «эвристика эмоциональности информации» (эмоциональное состояние жертвы влияет на принятие ею финансовых решений: испытывая страх, человек переоценивает риски, испытывая положительные эмоции человек более склонен к импульсивным покупкам);

3) иллюзия корреляции (два события, например, подъем акций в цене и действия руководителя компании, воспринимаются как связанные причинно-следственной связью, в результате чего в данную компанию инвестируются дополнительные средства);

4) зависимость субъективной ценности продукта от контекста покупки (создание особых условий, например, «элитного клуба», в которых любой продукт субъективно оценивается более высоко);

5) эффект первого впечатления (личность мошенника оценивается на основе первого положительного впечатления, которое он произвел).

Также Л. Верт описывает способы оказания психологического воздействия при заключении сделки, выделяя прием «это-еще-не-все» (в виде бонуса к основному товару добавляется еще что-либо, например, два экземпляра товара за цену одного) и прием «дверью в лоб» (жертву стимулируют выполнить большую просьбу, которую он отклоняет и соглашается выполнить меньшую) [Верт 2013].

О. Н. Онищенко выделяет следующие этапы манипулирования при мошенничестве: 1) установление психологического контакта с жертвой; 2) иницирование ситуации в соответствии с целями и задачами мошенника; 3) воздействие на процесс принятия решения. При этом, по мнению О. Н. Онищенко, мошенник в качестве способов оказания психологического воздействия на жертву может использовать неманипулятивные приемы формирования межличностной аттракции (взаимной симпатии), силу авторитета, эксплуатацию психических автоматизмов (например, стремление жертвы к быстрому материальному обогащению при минимуме затрат), манипулирование содержанием предоставляемой информации (дезинформирование жертвы), воздействие на фоновое состояние жертвы (запугивание негативными последствиями), создание дефицита времени для принятия решения, ма-

нипулирование формой подачи информации (настойчивая метафоричность речи), ускоренный темп предоставления информации, эксплуатацию группового давления на личность (через механизмы эмоционального заражения, подражания) [Онищенко 2008]. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова и О. Н. Онищенко указывают на то, что «ведущей стратегией психологического воздействия при мошенничестве <...> является манипулятивная. <...> Применительно к мошенничеству криминальное манипулирование может рассматриваться как система приемов и способов направленного, скрытого психологического воздействия на жертву с целью завладения чужим имуществом или приобретения права на имущество» [Кроз, Ратинова, Онищенко 2008]. Авторы выделяют приемы прямого психологического воздействия посягателя на жертву и приемы, характерные для мошенничества с применением современных психотехнологий (при этом группа мошенников взаимодействует с одной жертвой или группой жертв). Приемы из первой группы, описываемые данными авторами, полностью совпадают с описанными в работе О. Н. Онищенко. При описании приемов, относящихся ко второй группе, авторы обращают внимание на тщательную подготовленность такого воздействия. Среди используемых приемов авторы выделяют манипулирование содержанием информации (утаивание, дезинформирование), использование любопытства жертвы (недоговаривание, прерывание телефонных разговоров), создание ореола загадочности и таинственности вокруг организации, в которую вовлекается жертва, апелляцию к потребности жертвы в безопасности (актуализация страха и тревоги), воздействие на самооценку (лесть), использование числовой информации (расчет прибыли), апелляцию к мнению экспертов, использование экономических терминов, «выбрасывание высокого мяча» (когда сначала называется очень высокая цена вступления в «клуб», затем она постепенно снижается и в конце называется реально требуемая сумма, которая на фоне первоначально завышенной воспринимается как приемлемая), использование состояния транса (измененного состояния сознания) для снижения критичности жертв. Во время публичных выступлений организаторов пирамид ими использовались такие приемы психологического воздействия, как избыточная метафоричность высказываний, юмористический стиль изложения, доминирование демагогии для навязывания своей точки зрения. Также организаторы финансовых пирамид при оказании воздействия на груп-

пу жертв использовали такие социально психологические механизмы, как заражение и групповое давление [Кроз, Ратинова, Онищенко 2008].

Рассмотрим пример из практики. Для производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы были предоставлены 3 видеозаписи выступлений организаторов одной из финансовых пирамид перед аудиторией (1 видеозапись отражала выступление данных лиц на радио, 2 видеозаписи — презентации их «бизнес-проекта» перед потенциальными вкладчиками). Примечательно, что одним из организаторов пирамиды (организатор X) был известный в прошлом спортсмен, второй организатор (организатор Y) представлялся аудитории как бизнесмен из США, преподававший экономические дисциплины в ведущих американских университетах. Данные лица во время презентаций своего «бизнес-проекта» и в своем выступлении в СМИ использовали следующие приемы воздействия на аудиторию:

1) присоединение к аудитории (использование местоимений «мы», «наш»: «Мое детство прошло в Караганде», «Моя мама родилась в Караганде» (презентация проекта в г. Караганда), «Наше самое лучшее предложение для всех нас: давайте зарабатывать совместно»);

2) апелляцию к авторитету («В честь нашего проекта и компании по просьбе конгрессмена Джона Майка был поднят флаг над столицей США 12 сентября этого года», «Меня всегда ассоциируют со спортом. Президент Путин — дзюдоист. Рустам Нургалиевич в хоккее играет. Обама — баскетболист» (приводя ряд примеров государственных лидеров, организатор X — бывший профессиональный спортсмен — причисляет себя к данному ряду на основании сходного признака (увлечение спортом)). Организатор X в своей речи указывает на то, что он бывший игрок известной футбольной команды («Я — профессиональный футболист»). Представляя организатора Y, он говорит о том, что организатор Y вел курсы в Колумбийском университете. Организаторы презентации апеллируют к авторитету людей, известных в мире финансов: Уорена Баффета, Алишера Усманова;

3) апелляцию к потребности в безопасности («Давайте сделаем так, чтобы дети были защищены от пагубности Интернета и некоторых сайтов», «Прошу всех внимательно выслушать из-за того, что для нас это гарант, спасение — это акция»);

4) формирование межличностной аттракции (симпатии, доверия) с помощью довери-

тельного тона общения (организатор X рассказывает историю своей жизни; представляя организатора Y, говорит о его семье), использование юмора, выражение личного заинтересованного отношения к партнеру в процессе общения, стиль одежды (организатор X и организатор Y в строгих деловых костюмах);

5) эксплуатацию психических автоматизмов. Организатор X и организатор Y используют стремление аудитории к быстрому материальному обогащению при минимуме затрат («Эта сделка позволит каждому из вас, кто приобретет акции либо переведет свои собственные вклады, увеличить свой капитал в течение двух месяцев в два раза <...> Что происходит дальше? Через 12 месяцев стоимость ваших акций будет не менее 3 долларов <...> В течение года вы заработаете 400 % в долларах в эквиваленте рубля по отношению к доллару»);

6) использование специальных экономических терминов, таких как «инвесторы», «активы», «захеджировать» создает у аудитории впечатление научной обоснованности и доказательности предоставляемой информации;

7) апелляцию к патриотическим чувствам («К сожалению, Америка со своими санкциями, совершенно несправедливыми и необоснованными, экономически пытается давить на нашу страну. Получится у них это или нет? Я думаю, однозначно — нет. Россия пережила не один кризис. Я был свидетелем кризиса в Америке в 2008 году. Вот Америка второго кризиса не переживет»). В завершение презентации один из организаторов читает «патриотические» стихи и звучит гимн Российской Федерации;

8) создание лимита времени. Один из организаторов пирамиды говорит о том, что инвесторы, которые приобретут акции в течение ближайших 90 дней, смогут сделать это по цене 50 центов за акцию, в то время как через 90 дней одна акция уже будет стоить 1 доллар;

9) метафоричность речи. Организатор X использует развернутую спортивную и автомобильную метафоры для убеждения в необходимости приобрести акции его компании, использует метафору «сплели косу» для описания партнерских отношений, которые возникли между ним и организатором Y;

10) интерактивный характер коммуникации между оратором и аудиторией. Вопросы, задаваемые аудитории, повышают уровень доверия к оратору, создают у аудитории ощущение вовлеченности в диалог;

11) принцип социального доказательства. В завершение презентации в зале звучит

гимн Российской Федерации, создается ситуация, в которой аудитория вынуждена совершить групповое действие (все встанут, многие исполняют гимн). Совместные действия создают эффекты групповой сплоченности и «эмоционального заражения», участники чувствуют себя членами единой группы. Исполнение аудиторией гимна Российской Федерации позволяет организаторам достичь нескольких целей: а) вызвать у участников патриотические чувства, гордость за свою страну; б) ассоциативно организаторы презентации и все на ней услышанное связывается в сознании участников с авторитетом государства; в) совместные действия сплавляют аудиторию, создают ощущение единства.

Также ключевым этапом исследования является выявление наличия в выступлении признаков речевого жанра обещания, имеющего свои особенности:

1) жанр обещания относится к императивным (повелительным), коммуникативная цель которых устремлена в мир реальных действий, а существо сводится к указанию на характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами;

2) исполнительский характер — дающий обещание берет на себя добровольное обязательство сделать что-либо;

3) все обещания ориентированы на будущее, и данные обещания имеют конкретные временные границы;

4) обещание соответствует формуле, включающей в себя следующие элементы: кто (субъект — адресант, говорящий) обещает кому (адресату, аудитории) и что (объект — событие или конкретное действие). При изменении данной формулы жанр обещания трансформируется в другие жанры (лозунг, самопрезентация) [Стеклова 2011].

Также следует отметить желательность, позитивную оценку обещаемых действий и событий. Существует ряд условий, необходимых для осуществления речевого акта «обещание»: адресат в состоянии осуществить желаемое действие или от его действия зависит определенное событие; адресант считает действие, событие полезным для адресата или для себя; оговоренное действие или событие не относится к числу событий, которые произойдут сами собой [Галлямова 2010].

Типичными примерами обещаний могут служить следующие отрывки: *«Наш проект уникален тем, что впервые в мировой истории Интернета мы будем возвращать часть наших денег обратно пользователю»*, *«Мы часть денег, которые аккумуля-*

ируются на нашем сайте, будем оставлять себе, а остальное мы будем раздавать всем пользователям, распределять. <...> Деньги аккумулируются сперва в личном кабинете, около 20—30 долларов, а потом это будет скидываться на карту», «В компанию N будут вводиться очень интересные активы — это недра, будет разрабатываться марганцевое месторождение — их несколько в России. И с прибыли этого проекта все акционеры будут зарабатывать хорошие деньги», «Вы покупаете акции по цене 50 центов, в течение двух месяцев компания N производит внебиржевую сделку по покупке N. Эта сделка позволит каждому из вас, кто приобретет акции либо переведет свои собственные вклады, увеличить свой капитал в течение двух месяцев в два раза. То есть через два — два с половиной месяца N производит поглощение, покупку за акции N, и объединенная компания выходит на фондовый рынок, на ОТС „Маркет“ по цене 1 доллар. Ваш капитал увеличивается в течение двух месяцев ровно в два раза. Что происходит дальше? Через 12 месяцев стоимость ваших акций будет не менее 3 долларов. <...> В течение года вы зарабатываете 400 % в долларах в эквиваленте рубля по отношению к доллару».

Таким образом, организаторы финансовых пирамид используют для оказания воздействия на потенциальных жертв целый спектр приемов. Классификация и анализ данных приемов, на наш взгляд, является актуальной задачей юридической психологии и юридической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения — повседневное использование и злоупотребление. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
3. Верт Л. Экономическая психология. Теоретические основы и практическое применение. — Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 432 с.
4. Волкова А. Е. Импликация семантики побудительности в составе высказываний с непрямой формой побуждения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 1 (13). С. 21—27.
5. Галлямова Н. Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. 2010. №3. С. 17—32.
6. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. — М., 2002.
7. Дерюгин В. И. Теневая психология. Методы психологического воздействия и способы психологической защиты: периодическая система элементов психологии. — М., 2003. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1105305530.html>.
8. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. — М., 2000. 292 с.
9. Ильинова Е. Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол-

моногр. 2-е изд. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — М. : Флинта : Наука, 2011. С. 38—56.

10. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия. — М. : Педагогическое о-во России, 2000.

11. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. — М., 2008. 166 с.

12. Майерс Д. Социальная психология. — М. : АСТ, 2006. 320 с.

I. R. Abitov, D. L. Khanzafarova
Kazan, Russia

PYRAMID SCHEME: SET OF TECHNIQUES OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

ABSTRACT. *Criminal Law procedure requires the use of the knowledge when solving crimes of fraud (Criminal Rule 159). Presentation of a pyramid scheme as an innovative business project requires special attention of the experts in the fields of linguistic and psychology. To reach their goals, the persons involved may use different tactics of verbal and psychological manipulation. They are analyzed on the basis of one of the pyramid investment schemes, the heads of which used the following manipulation techniques in their speeches during the meetings and in mass media: 1) consolidation with the audience (the use of pronouns “we”, “our”); 2) appeal to the state authority (references to politicians and government leaders); 3) appeals to the need of security; 4) formation of interpersonal attraction (affection and trust) with the help of open communication; 5) exploitation of the need for personal gain in a short period of time; 6) the use of economic terms; 7) appeals to patriotic feeling (Hymn singing); 8) the use of metaphors in speech (spot and car metaphors); 9) interactive communication with the audience (question-answer sections). Classification and analysis of these techniques are urgent tasks of forensic psychology and forensic linguistics.*

KEYWORDS: *financial pyramid; psychological manipulation techniques; speech tactics; speech strategies; manipulation; manipulation of consciousness.*

ABOUT THE AUTHORS: *Abitov Iladr Ravilievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Mental and Physical Disorders and Clinical Psychology, Institute of Psychology and Education, Kazan (Privolzhsky) Federal University; State Forensic Expert, Regional Centre of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kazan, Russia.*

Khanzafarova Dilya Linarovna, Head of Department of Forensic Expertise in Cases of Extremism, Regional Centre of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kazan, Russia.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. Sotsial'naya psikhologiya. — М. : Aspekt Press, 2001. 290 s.

2. Aronson E., Pratkanis E. Epokha propagandy: mekhanizmy ubezhdeniya — povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie. — SPb. : Praym-Evroznak, 2003. 384 s.

3. Vert L. Ekonomicheskaya psikhologiya. Teoreticheskie osnovy i prakticheskoe primeneniye. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2013. 432 s.

4. Volkova A. E. Implikatsiya semantiki pobuditel'nosti v sostave vyskazyvaniy s nepryamoy formoy pobuzhdeniya // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykozn. 2011. № 1 (13). S. 21—27.

5. Gallyamova N. Sh. Rechevoy akt «obeshchanie, klyatva» v russkoy yazykovoy kartine mira: lingvokul'turologicheskyy, funktsional'no-pragmaticheskyy aspekty // Yazyk i kul'tura. 2010. №3. S. 17—32.

6. Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovaniye lichnost'yu. Organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya. — М., 2002.

7. Deryugin V. I. Tenevaya psikhologiya. Metody psikhologicheskogo vozdeystviya i sposoby psikhologicheskoy zashchity:

13. Онищенко О. Р. Криминальное манипулирование при мошенничестве // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 114—121.

14. Стексова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 63—66.

15. Чалдини Р. Психология влияния. — СПб. : Питер, 2014. 336 с.

periodicheskaya sistema elementov psikhologii. — М., 2003. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1105305530.html>.

8. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy, zashchita. — М., 2000. 292 s.

9. Il'inova E. Yu. Reklamnyy diskurs: tsennosti, obrazy, assotsiatsii // Reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst : kol. monogr. 2-e izd. / nauch. red. T. N. Kolokol'tseva. — М. : Flinta : Nauka, 2011. S. 38—56.

10. Kabachenko T. S. Metody psikhologicheskogo vozdeystviya. — М. : Pedagogicheskoe o-vo Rossii, 2000.

11. Kroz M. V., Ratinova N. A., Onishchenko O. R. Kriminal'noye psikhologicheskoye vozdeystvie. — М., 2008. 166 s.

12. Mayers D. Sotsial'naya psikhologiya. — М. : AST, 2006. 320 s.

13. Onishchenko O. R. Kriminal'noye manipulirovaniye pri moshennichestve // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2008. № 4 (12). S. 114—121.

14. Steksova T. I. Rechevoy zhanr obeshchaniya v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 63—66.

15. Chaldini R. Psikhologiya vliyaniya. — SPb. : Piter, 2014. 336 s.

Е. Е. Абрамкина
Новосибирск, Россия

**МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
В АВТОРОВЕДЕЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

АННОТАЦИЯ. Последние десятилетия в лингвистике и смежных дисциплинах большое внимание уделяется исследованию авторской картины мира. Образ мира включает и отражение мыслительных процессов, порядок и структуру авторской мысли. Описание этих аспектов позволяет установить некоторые уникальные характеристики авторского мировидения, определить особенности причинно-следственных связей и способов решения тех или иных типов коммуникативных задач, выйти на логико-прагматический уровень анализа личности автора, что приобретает особую актуальность при установлении авторства текстов официально-делового стиля, в которых лексика и синтаксис во многом подчинены стилевым, жанровым, а зачастую и законодательным требованиям. Поскольку основными коммуникативными стратегиями процессуальных документов являются обвинение и оправдание, в основе которых лежит аргументация, для определения авторства процессуальных документов целесообразно исследовать особенности построения аргументации. Материалом для данной работы послужили тексты отзывов на искковое заявление, жалоб, обращений, претензий. Выделены основные компоненты модели аргументации (вывод; условие реализации этого вывода; интерпретация). Универсальной и частотной для процессуальных документов разных жанров является модель с перечислением нереализованных условий и следующего из этого отрицательного вывода. Представленный анализ процессуальных документов трех разных авторов показывает, что особенности систем аргументации, расстановка акцентов при построении аргументативного высказывания отражают особенности авторской картины мира, а именно той ее части, которая касается понимания автором конфликтной ситуации, своей роли в ней и роли оппонента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авторская картина мира; процессуальные документы; официально-деловой стиль; модели аргументации; коммуникативные стратегии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Абрамкина Елена Евгеньевна, ассистент, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики, Гуманитарный институт, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, к. 228

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Последние десятилетия в лингвистике и смежных дисциплинах большое внимание уделяется исследованию авторской картины мира. Главным образом изучение идет в двух направлениях: анализируется отражение национальной картины мира в авторской картине мира (О. П. Каналаш, А. В. Павлова, Э. П. Чакалова) либо специфика картины мира автора художественного произведения (Н. Б. Подвигина, Ж. В. Новохацкая, П. А. Ибрагимов, С. Г. Филиппова). В обоих случаях картина мира исследуется, как правило, через концептуальный анализ, нацеленный на выявление ключевых объектов авторского мира, концептов, их связей и отношений [Вежбицкая 1996, 2001]. Такой подход ограничивает исследователя анализом лексики и семантики текста и позволяет изучать лишь застывшие образы, результаты интеллектуальной деятельности человека, пренебрегая самим процессом. В то время как образ мира включает и отражение мыслительных процессов, порядок и структуру авторской мысли. Описание этих аспектов тем более важно, что позволяет установить некоторые уникальные характеристики авторского мировидения, определить особенности причинно-следственных связей и способов решения тех или иных типов коммуникативных задач, выйти на логико-прагматический уровень анализа личности автора.

Обращение к логико-прагматическому уровню имеет большое значение при уста-

новлении авторства текстов официально-делового стиля, в которых лексика и синтаксис во многом подчинены стилевым, жанровым, а зачастую и законодательным требованиям [Кушнерук 1999]. Шаблонность текстов официально-делового стиля существенно ограничивает возможности автороведческого анализа, заставляя исключать некоторые традиционные методы либо использовать их в неполном виде. Особенно сильно эта шаблонность проявляется в процессуальных документах, к которым предъявляются жесткие законодательные требования.

Поскольку основными коммуникативными стратегиями процессуальных документов являются обвинение и оправдание, в основе которых лежит аргументация, для определения авторства процессуальных документов целесообразно исследовать особенности построения аргументации.

Аргументация в гуманитарных науках исследована достаточно основательно [Баранов 1990; Кардович, Коробова 2016], существует большое количество рекомендаций по построению аргументированной речи [Тулчинский 2010], однако вопрос о возможности использования моделей аргументации как средства идентификации личности до сих пор не ставился. И причиной этого является кажущаяся универсальность аргументации. Действительно, есть аргументация логическая, есть эмоциональная, неко-

торые исследователи выделяют еще этическую и другие аргументации, и никакой из этих видов не может помочь составить представление об особенностях языковой личности автора, поскольку подобные виды достаточно универсальны для тех или иных коммуникативных ситуаций и имеют определенные условия успешности. В контексте поиска признаков для идентификационной экспертизы нас будут интересовать более частные реализации аргументации, основанные на логических и прагматических связях.

Будучи весьма сложной коммуникативной задачей, аргументация требует от автора одного из двух вариантов речевого поведения. Прежде всего, он может использовать некоторые шаблонные модели и структуры. Такие структуры просты с точки зрения построения, но не всегда эффективны. Поэтому второй вариант, который необходим в ситуациях конфронтации, конфликта оппонентов, когда необходимо привести наиболее сильные аргументы, требует выработки наиболее эффективных в тех или иных коммуникативных ситуациях моделей. Такие модели являются индивидуально-авторскими, поскольку вырабатываются автором самостоятельно в зависимости от потребностей ситуации. Будучи успешными, они закрепляются в сознании автора и воспроизводятся в похожих ситуациях, становясь, таким образом, элементами авторского стиля. Эти модели составляют системы авторской аргументации, основанные на определении ядерных моделей и общих принципов их построения. Авторские модели и системы аргументации слабо привязаны к лексике и синтаксису, поэтому могут использоваться для установления авторства в тех случаях, когда нет возможности опереться на словарь автора.

Таким образом, данная работа нацелена на характеристику моделей аргументации как способа описания авторской картины мира, авторского стиля. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач. Прежде всего следует определить понятие модели аргументации и охарактеризовать ее составные элементы. Затем необходимо выделить те модели, которые являются типичными для текстов процессуальных документов: такие модели не обладают идентифицирующим свойством и не могут применяться для автороведческого анализа. После этого будут выявлены авторские модели, которые будут охарактеризованы с позиции отражения авторского понимания сложившейся ситуации.

Материалом для данной работы послужили тексты отзывов на исковое заявление,

жалоб, обращений, претензий из личной экспертной практики автора, а также тексты отзывов и возражений на исковые заявления адвоката О. Л. Игнатова, расположенные на его персональном сайте <http://www.advocate/mskw.ru/> [Игнатов].

Моделью аргументации является упорядоченная последовательность суждений, связанных определенными отношениями.

Среди компонентов аргументации чаще всего встречаются следующие.

1. Вывод — конечный результат аргументации, то, ради чего она строится.

2. Условие реализации этого вывода — условия, необходимые для того, чтобы сделанный вывод был корректен с точки зрения логики; они подводят читателя к выводу, поясняют его. Как правило, условия представляют собой объективную характеристику ситуации и близки по форме к утверждениям о фактах.

3. Интерпретация — это взгляд автора или другого лица, чья аргументация приводится в тексте, на ситуацию. В зависимости от места в структуре аргументативного высказывания интерпретироваться может вывод или условия его реализации. Интерпретация представляет собой результат интеллектуального моделирования действительности, следовательно, является субъективным компонентом аргументации.

Отношения, которыми могут быть связаны эти суждения, многообразны, но чаще всего встречаются следующие:

1. Перечисление — отношение между однородными и независимыми элементами. Передается синонимическими рядами, сочинительными союзами (и)...

2. Следствие — отношение, отражающее причинно-следственную связь элементов. Чаще всего возникает между условием (интерпретацией) и выводом. Передается вводными словами и конструкциями со значением следствия, резюме (*следовательно, таким образом, на основе сказанного* и т. п.).

3. Включение — отношение, указывающее на зависимый, уточняющий характер одного суждения по отношению к другому. Передается вставными конструкциями. Включение может быть простым уточнением сказанного (не выходить за рамки коммуникативной ситуации), а может содержать ссылку на другой документ (например, на текст закона), на события, послужившие поводом для сложившейся ситуации, и т. п., т. е. отсылать за пределы коммуникативной ситуации. Соответственно суждения, которые вводятся подобными отношениями, можно разделить на уточнения и ссылки.

4. Противопоставление — отношение, указывающее на противоречие, противопоставление суждений. Определяется с помощью противительных союзов и союзных слов, отрицательных частиц и т. п.

Противопоставление бывает двух видов:

– жесткое противопоставление демонстрирует несовместимость, взаимоисключаемость противопоставляемых суждений.

– нежесткое противопоставление (сопоставление) носит скорее сопоставительный, чем исключающий характер.

Авторский стиль во многом определяется тем, из каких элементов он строит свое аргументативное высказывание, что включает в ядро аргументации и что относит к смысловой периферии.

Анализ процессуальных документов разных жанров показал, что не все модели отражают уникальность авторской картины мира и могут использоваться для авторско-ведческого анализа. На материале анализа отзывов и возражений на исковые заявления, претензий и жалоб было установлено, что существуют общие модели, встречающиеся в документах разного жанра у разных авторов и связанные со сходными коммуникативными задачами. Самой распространенной моделью является перечисление нереализованных условий и следующий из этого отрицательный вывод (НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-ВЫВОД). Примерами данной модели могут служить следующие случаи. В одном из проанализированных отзывов адвоката Игнатова встречается следующее предложение: *Поскольку в августе — сентябре 2008 года, услуги по договору истцом не оказывались, а ответчик поручений на оказание услуг истцу не давал, отсутствуют правовые основания требовать оплаты услуг по договору.* Здесь сначала перечисляется два нереализованных условия (услуги по договору истцом не оказывались и ответчик поручений истцу не давал), и из них делается негативный же вывод (нет оснований требовать оплаты). Аналогичный пример встречается в возражении на иск, написанном тем же автором: *Истец не представил доказательства того, что все повреждения автомобиля, исходя из которых был установлен размер исковых требований, были причинены Косаревской А. Н., кроме того, Истец не представил доказательства размера причиненного ущерба. В связи с вышеизложенным, прошу в удовлетворении исковых требований отказать.* У другого автора в тексте претензии обнаруживается эта же модель: *Уплотнение москитной сетки неплотно прилегает по бокам створ-*

ок, что не позволяет ей выполнять свои функции. Здесь модель хоть и сокращена (приведено лишь одно нереализованное условие), но принципиальных отличий не имеет. Достаточно часто повторяется эта модель и в отзывах на исковое заявление третьего автора, например: *ООО не владеет указанной квартирой, не имеет возможности определять ее юридическую судьбу, а, следовательно, не может быть ответчиком по данному делу, а также в другом отзыве того же автора: Общество с ограниченной ответственностью в этих правоотношениях никакого участия не принимало и каких-либо обязательств в отношении истца на себя не брало. Таким образом, данные обязательства никаким образом не касаются Общества с ограниченной ответственностью.*

Таки образом, модель НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-ВЫВОД является универсальной и частотной для процессуальных документов разных жанров. Данная модель в наиболее простой форме отражает причинно-следственную связь; обвинительно-оправдательная направленность текстов процессуальных документов объясняет использование отрицания, поэтому такая распространенность данной модели представляется вполне закономерной. Другие модели, выявленные нами при анализе процессуальных документов, не имели столь значительной повторяемости у разных авторов, а кроме того, составляли устойчивые комплексы, позволяющие связать их с особенностью авторской картины мира. Рассмотрим наиболее яркие примеры отражения картины мира через модель аргументации.

Нами были проанализированы два текста одного автора, написанные в жанре жалобы и обращения. Для этих текстов были характерны модели, которые объединяет жесткое противопоставление, указывающее на несовместимость двух условий, одно из которых является обязательным (и оно не выполнено), а другое запретным (и оно реализовано). Вывод при этом не эксплицирован, однако использование приема «семантической импликации» [Баранов 2013: 200—202] позволяет во всех случаях однозначно восстановить отрицательный вывод. Примерами использования этой группы моделей могут служить следующие высказывания.

В тексте жалобы предложение *«Считаю, что во время допроса были нарушены мои права на защиту, так как мой адвокат не только не выполнил свои профессиональные обязанности, но и покрывал незаконные действия следователя»* сначала представляет нам интерпретацию автором

действий адвоката и их оценку как нарушающих права автора, это подтверждается указанием на нереализованность обязательного условия (адвокат не выполнил свои профессиональные обязанности) и реализованность запретного условия (покрывал противозаконные действия следователя). Таким образом, модель имеет вид НЕ-ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — НЕ-УСЛОВИЕ — ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ — УСЛОВИЕ. Вывод в данной модели не эксплицирован, однако он легко может быть восстановлен и не сильно отличается от интерпретации.

В тексте обращения, которое по содержанию близко жанру жалобы, встречается похожая модель, демонстрирующая абсурдность ситуации (УСЛОВИЕ — ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ). В ней не эксплицирована ни интерпретация, ни вывод, есть лишь противопоставление условий, которые автором подаются как взаимоисключающие: *Я кандидат медицинских наук, эксперт высшей квалификационной категории, более 27 специализаций и переподготовок, стаж экспертной работы двадцать лет, ветеран войск специального назначения и спецслужб, имею множество наград. И я привлекаюсь по ст. 234 ч. 3. Как и в тексте жалобы, здесь используется прием навязывания импликации, за счет чего читатель подводится к нужному выводу о неправильности и несправедливости происходящего.*

Обобщая модели данного автора, можно заключить, что аргументация его главным образом имплицитна, автор демонстрирует несправедливость происходящего, при этом не делая вывода, но подводя к нему читателя.

Для характеристики картины мира автора представляется необходимым ответить на три вопроса. Как автор характеризует ситуацию? Как автор характеризует себя в данной ситуации? Как автор характеризует оппонента?

Использованная в текстах данного автора система аргументации позволяет дать следующие ответы на эти вопросы. Ситуация воспринимается автором как «обманутые ожидания». За счет имплицитного вывода, вводящего читателя в круг единомышленников автора, отмечается не просто несоответствие ситуации личным представлениям автора, а несоответствие закону и моральным нормам и представлениям большинства людей. Себя автор ставит в позицию невинной жертвы, ничем не заслужившей такого отношения. Оппонент представляется как нарушитель правовых и моральных норм, действующий вопреки закону и здравому смыслу.

Другую картину мы видим в текстах адвоката О. Л. Игнатова, выложенных на его персональном сайте. Было проанализировано два отзыва на исковое заявление и два возражения на исковое заявление. В этих текстах были выделены три типа моделей.

Первый тип имеет общий вид ССЫЛКА — УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-ВЫВОД: сначала приводится ссылка, затем следует эксплицитное или имплицитное противопоставление двух условий (реализованного и нереализованного), из чего следует эксплицированный или не эксплицированный вывод. Это тип состоит из нескольких моделей, различающихся наличием или отсутствием экспликации какого-либо из компонентов. Примерами этого типа могут служить следующие высказывания из отзывов и возражения на исковое заявление соответственно: *«Фактически в августе и сентябре 2008 года Истцом никакие услуги Ответчику не оказывались, акты об оказании услуг не подписывались, а Ответчик поручений на оказание этих услуг не давал, что не оспаривается истцом (Письмо исх.№1 от 08.09.2008 г.)»* (модель НЕ-ВЫВОД — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — ССЫЛКА), *«После срабатывания пожарной сигнализации от 29.10.2008 года установки пожаротушения были проверены 30 октября 2008 года и никаких неисправностей выявлено не было. Не были обнаружены неисправности и при проверках установок пожаротушения 24.11.2008, 24.12.2008, 20.02.2009 г.г.»* (модель ССЫЛКА — УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ), *«Налогоплательщиком НДС в соответствии со ст. 143 НК РФ являются организации, индивидуальные предприниматели, лица, перемещающие товары через таможенную границу РФ. Ни к одной из указанных категорий Ответчик не относится. Закон не признает плательщиком НДС руководителя организации. Кузнецов О. А. не осуществлял предпринимательскую деятельность и не обязан был уплачивать налог на добавленную стоимость»* (модель ССЫЛКА — УСЛОВИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-ВЫВОД).

Все эти модели объединяет наличие в ядре аргументации ссылки и противопоставления. При этом ссылка имеет несколько вариантов: ссылка на согласие оппонента с позицией автора (пример 1), ссылка на закон (пример 3), ссылка на события, послужившие поводом для конфликта (пример 2).

Ссылка на закон является типичной для юридической документации, поэтому не может характеризовать особенности картины мира автора, в отличие от двух других ссылок. Ссылка на согласие оппонента с пози-

цией автора призвана сгладить, снять вознишкую конфронтацию автора и оппонента, перетянуть оппонента на сторону автора, показать, что он изначально там и был и никакого конфликта нет. Ссылка на событие имеет целью помочь оппоненту сориентироваться в тексте аргументации и, таким образом, тоже направлена на установление положительного контакта с оппонентом.

Противопоставление в данном типе моделей не носит такой категоричный характер, как в текстах предыдущего автора, по смыслу оно ближе сопоставлению, чем противоречию, несовместимости условий.

Второй тип моделей (УСЛОВИЕ — ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ с эксплицитным или имплицитным выводом) построен на противопоставлении, но опять же не категоричном. Так, во втором отзыве в высказывании *«Истец в своём исковом заявлении, обосновывая исковые требования, ссылается на п.1 ст.1064 ГК РФ. Между тем, ответчик непосредственным причинителем вреда не является, следовательно, Глава 59 „Обязательства вследствие причинения вреда“ неприменима к возникшим в связи со срабатыванием системы пожаротушения, правоотношениям»* противопоставление нацелено на демонстрацию ошибочности представлений истца. В первом возражении в предложении *«Уплачивая или уклоняясь от уплаты налогов, руководитель организации распоряжается не своим личным имуществом, а денежными средствами принадлежащими этой организации»* противопоставление вообще не имеет отношения к оппоненту, а приводится для уточнения сложившейся ситуации. Таким образом, и этот тип моделей, хоть и построен на противопоставлении, не содержит взаимоисключающих утверждений.

Третий тип моделей, характерный для данного автора, содержит вывод на основе данных ссылки с уточнением этого вывода, а также описанием условий или без него (ССЫЛКА — ВЫВОД — УТОЧНЕНИЕ). Например, во втором отзыве *«Дальнейшие записи от 24.11.2008 года, 24.12.2008 года и 20.02.2009 года свидетельствуют о том, что устройство пожарной сигнализации находилось в исправном состоянии, никаких претензий по работе пожарной сигнализации у Заказчика после аварии не было. После срабатывания пожарной сигнализации от 29.10.2008 года установки пожаротушения были проверены 30 октября 2008 года и никаких неисправностей выявлено не было. Не были обнаружены неисправности и при проверках установок пожаротушения 24.11.2008, 24.12.2008, 20.02.2009*

г.г.» во втором возражении *«Исходя из положений указанной статьи, Косаревская А. Н. может нести ответственность только за тот вред, который она причинила. Истцу надлежит доказать факт причинения вреда Косаревской А. Н. (доказать, что все повреждения имеющиеся на автомобиле, причинены Косаревской А. Н.), а также размер причиненного ущерба».*

Для данной модели характерна ссылка на документальное свидетельство, а также на согласие оппонента с позицией автора. Таким образом, эта модель также указывает на стремление автора к стиранию противопоставленности сторон спора, диалогу с оппонентом.

Можно заключить, что система аргументации адвоката Игнатова состоит из трех типов моделей. Анализ системы аргументации адвоката Игнатова позволяет следующим образом охарактеризовать его картину мира. Ситуация оценивается автором как псевдоконфликтная, противопоставление сторон максимально сглаживается. Оппонент представляется как сторона, совершившая ошибку, возможно, из-за недопонимания, отсутствует представление о злонамеренности оппонента. Сам автор стремится представить себя не как пострадавшая сторона или жертва, а как человек, способный показать и разъяснить оппоненту его ошибки, становясь, таким образом, на позицию ненавязчивого учителя.

Еще одну отличную от предыдущих картину мира мы находим у автора претензий. В текстах трех претензий представлен один тип моделей (ССЫЛКА — УСЛОВИЕ — УТОЧНЕНИЕ — НЕ-УСЛОВИЕ — НЕ-ВЫВОД), который в большинстве случаев содержит ссылку на закон, описание необходимого условия с уточнением той его части, которая является ключевой в сложившейся ситуации, затем, без экспликации противопоставления, констатируется нарушение необходимого условия, из чего делается отрицательный вывод. При этом отрицание в выводе имплицитно, поскольку содержится в семантике слова. Например, в первой претензии *«Согласно пункту 6.5 указанного СНиП минимальное противопожарное расстояние между строениями, расположенными на соседних земельных участках, равняется 6 метрам. Причем согласно п 6.7 СНиП минимальные расстояния до границы соседнего садового участка должны быть не менее 3 метров от садового дома. Расстояние между дачным домом на участке № 5 и границей соседнего участка № 6 практически отсутствует. Несоблюдение норм СНиП, привело к тому, что когда в Вашем*

дачном доме на участке № 5 произошло возгорание из-за неисправности проводки, пожар распространился на соседний участок и нанес ущерб моему имуществу». Две другие претензии также содержат указанный тип моделей, однако автор использует большое количество деталей и уточнений, в результате чего модель часто охватывает несколько абзацев.

Для аргументации данного автора характерна максимально полная и точная передача сути конфликтной ситуации и оценка ее через призму законодательных актов. Картина мира автора претензий может быть охарактеризована следующим образом. Ситуация не столько оценивается, сколько трактуется как безусловно конфликтная именно в юридическом значении, оппонент воспринимается как нарушитель законодательства, а сам автор абстрагируется от ситуации и не вступает в отношения с оппонентом, рассматривая ситуацию максимально формально и непредвзято.

Анализ процессуальных документов трех разных авторов показывает, что особенности систем аргументации, расстановка акцентов при построении аргументативного высказывания отражают особенности авторской картины мира, а именно той ее части, которая касается понимания автором конфликтной ситуации, своей роли в ней и роли оппонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. — М. : Флинта : Наука, 2013.

E. E. Abramkina
Novosibirsk, Russia

ARGUMENTATION MODEL AS AN ELEMENT OF THE ORIGINAL WORLDVIEW IN EXAMINATION INTO THE AUTHORSHIP OF SERVICE DOCUMENTS

ABSTRACT. *In recent decades Linguistics and allied sciences pay great attention to the study of original worldview. The image of the world reflects mental processes, the order and structure of a thought of text authors. Description of such aspects allows: to single out some unique features of the author's worldview; to reveal the peculiarities of cause-and-effect links and ways to solve particular communicative problems; to pass onto logical and pragmatic level of the author's personality analysis, that is especially important in the examination into the authorship of official documents in which the use of vocabulary and syntax follows the rules of the style, genre and the law. To determine the authorship of an official document it is necessary to analyze argumentation, as argumentation lies in the basis of accusation or discharge that are the main communicative strategies of official documents. The material for this research includes response to the claim, bills of complaint, statement of case and complaints. The main components of argumentation model are singled out: conclusion, condition of fulfillment and interpretation. The universal and frequent model found in official documents of different genres is the model that enumerates non-realized conditions and the negative conclusion made because of it. The analysis of service documents belonging to three different authors proves that argumentation reflects the author's worldview, especially the part that deals with understanding of the conflict and the roles of the parties in it.*

KEYWORDS: *original worldview; service documents; official documents style; models of argumentation; communicative strategies.*

ABOUT THE AUTHOR: *Abramkina Elana Evgenievna, Assistant Lecturer, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Institute for the Humanities, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika. — М. : Флинта : Наука, 2013.
2. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 1990. 46 s.
3. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — М. : Russkie slovari, 1996. 412 s.
4. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 288 s.

2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990. 46 с.

3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М. : Русские словари, 1996. 412 с.

4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

5. Ибрагимова П. А. Концептосфера авторской картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2011.

6. Игнатов О. Л. Персональный сайт адвоката. URL: <http://www.advocatemskw.ru/> (дата обращения: 28.08.2017).

7. Каналаш О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования // *Lingua mobilis*. — Челябинск, 2012. № 6. С. 70—72.

8. Кардович И. К., Коробова Е. В., Миронова Д. А. Аргументация как основополагающая категория дискурса // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 3 (59). С. 224—237.

9. Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст) : учеб. пособие. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. 96 с.

10. Новохацкая Ж. В. Фольклорно-мифологические истоки художественных концептов в индивидуально-авторской картине мира В. Высоцкого : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2011.

11. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // *Филологические заметки*. — Пермь, 2009. Вып. 7. Т. 1.

12. Подвикина Н. Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И. С. Шмелева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2010.

13. Тульчинский Г. Л. Культура деловой и политической аргументации : учеб. пособие. — СПб. : ИЮАС, 2010. 118 с.

14. Чакалова Э. П. Языковая репрезентация национальной картины мира в художественном тексте: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2006.

15. Филиппова С. Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2008.

5. Ibragimova P. A. Kontseptosfera avtorskoy kartiny mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Makhachkala, 2011.

6. Ignatov O. L. Personal'nyy sayt advokata. URL: <http://www.advocatemskw.ru/> (data obrashcheniya: 28.08.2017).

7. Kanalash O. P. Natsional'naya kartina mira kak komponent lingvisticheskogo issledovaniya // *Lingua mobilis*. — Chelyabinsk, 2012. № 6. S. 70—72.

8. Kardovich I. K., Korobova E. V., Mironova D. A. Argumentatsiya kak osnovopolagayushchaya kategoriya diskursa //

Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2016. № 3 (59). S. 224—237.

9. Kushneruk S. P. Dokumentnaya lingvistika (russkiy delovoy tekst) : ucheb. posobie. — Volgograd : Izd-vo VolGU, 1999. 96 s.

10. Novokhatskaya Zh. V. Fol'klorno-mifologicheskie istoki khudozhestvennykh kontseptov v individual'no-avtorskoy kartine mira V. Vysotskogo : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Belgorod, 2011.

11. Pavlova A. V. Yazyk kak istochnik svedeniy o natsional'noy kartine mira // Filologicheskie zametki. — Perm', 2009. Vyp. 7. T. 1.

12. Podvigina N. B. Individual'no-avtorskoe svoeobrazie yazykovoy kartiny mira I. S. Shmeleva : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2010.

13. Tul'chinskiy G. L. Kul'tura delovoy i politicheskoy argumentatsii : ucheb. posobie. — SPb. : YuTAS, 2010. 118 s.

14. Chakalova E. P. Yazykovaya reprezentatsiya natsional'noy kartiny mira v khudozhestvennom tekste: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2006.

15. Filippova S. G. Intertekstual'nost' kak sredstvo ob'ektivatsii kartiny mira avtora : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2008.

Н. С. Громова
Екатеринбург, Россия

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ понятийного аппарата в рамках исследования специфики экстремистского дискурса. Выявляется взаимная обусловленность терминов «дискурс» и «текст», определяемых в рамках исследования как процесс и результат коммуникативной и когнитивной деятельности. Экстремистский дискурс (или дискурс экстремизма) активно формируется под влиянием современных коммуникативных тенденций: субъектная неограниченность, полинаправленность коммуникативного акта, использование интерактивных технологий, бесконтактное общение, объемный поток разноплановой информации и ее неверифицируемость в рамках среднестатистических взаимодействий. С целью установления конституирующих признаков современного экстремистского дискурса осуществляется его деление на ядерный и периферийный виды с учетом специфики субъектов и предмета коммуникации, ситуации общения. Ядерный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный экстремистский дискурс направлен на успешное бытование экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения. Особенности бытования экстремистского дискурса анализируются с учетом характеристики его видовых особенностей. Также исследуются причины адаптивности формального и содержательного контента экстремистского дискурса при условии измененных параметров потенциальной аудитории, трансформации средств манипулирования и каналов информационного воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремистский дискурс; экстремизм; ядерный дискурс; периферийный дискурс; вербальный экстремизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин, Уральский институт коммерции и права; 620075, Россия, Екатеринбург, Луначарского, д. 81; e-mail: gromovans@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

С середины XX в. все более актуальными становятся дискуссии по вопросам межкультурных отношений. С развитием международных связей и присоединением к ним новых участников, ранее находившихся в стороне от магистральных взаимодействий, все более четко наблюдаются две полярные тенденции в построении отношений с государствами-соседями: желание сформировать мультикультурное пространство и стремление сохранить собственную культурную идентичность. Вопросы этнических, национальных, расовых, религиозных взаимоотношений оказываются в центре внимания не только на международной арене, но и на внутриполитической. Особенно злободневным становится решение этих вопросов в многонациональных государствах, где представители различных групп находятся в постоянном контакте. Разногласия между гражданами могут привести к социальной агрессии, актам нетерпимости внутри государства и, как результат, серьезным политическим конфликтам со странами-соседями.

С целью содействия миру и устойчивому развитию сотрудничества между государствами необходимо выработать принципы взаимопонимания не только в политической и экономической сферах, но и в культурной. Однако в этом вопросе недостаточно принятия законов, требуется комплексный подход, позволяющий произвести смену не только формальных отношений, но и менталитета населения. Первоначальным этапом всех

изменений должен стать мониторинг сложившейся ситуации и выявление реальных ценностных установок граждан для осуществления превентивной деятельности в отношении нагнетания напряженности в обществе. Языковые средства и коммуникативные стратегии выступают наиболее верифицируемыми инструментами репрезентации этих установок на начальном этапе формирования новых убеждений, что обуславливает приоритетный характер лингвистических исследований.

Одной из современных тенденций становится формирование поля негативно ориентированной коммуникации. Ученые выделяют «дискурс ненависти» как «процесс (вос)производства устных и письменных текстов с эмоционально-смысловой доминантой «ненависть»» [Колосов 2004]; «дискурс агрессии» как разновидность социокультурного дискурса, когда агрессия воспроизводится посредством речевого общения [Радченко 2002]; «дискурс вражды» как «коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительного целенаправленного противостояния» [Фурсов 2015].

В данной работе мы обратимся к анализу наиболее серьезной угрозы социальным отношениям — экстремизму. Экстремистский дискурс (или дискурс экстремизма) активно формируется под влиянием современных коммуникативных тенденций: субъектная неограниченность, полинаправленность комму-

никативного акта, использование интерактивных технологий, бесконтактное общение, объемный поток разноплановой информации и ее неverifiedируемость в рамках среднестатистических взаимодействий и пр.

К анализу данного явления обращаются такие исследователи, как М. А. Бутаева, М. Б. Ворошилова, Л. М. Ермакова, Г. К. Касьянов, А. М. Плотникова, В. А. Салимовский, Е. В. Сальников, Т. А. Сидорова, А. А. Степанова, О. В. Филимонов, Л. Г. Фишман, Л. В. Ярмоленко и ряд других. Понимая дискурс вслед за В. И. Карасиком как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002], мы предполагаем возможность выделения экстремистского дискурса в качестве самостоятельного, поскольку он обладает всеми необходимыми структурными элементами. Однако можем отметить, что при разных видах экстремистского дискурса субъектами коммуникации выступают разные лица и их речевое поведение имеет особенности.

Под дискурсом понимаются в современных исследованиях разнообъемные понятия: «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990], «текст, соотносимый с ситуацией общения, с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство» [Карамова 2013], «вербализация определенной ментальности» [Михалева 2002], «когнитивно обусловленная система знаний, операций, стратегий текстового построения» [Чернявская 2013] и т. д. В процессе установления дискурсивных особенностей применяются как методы лингвистического, так и психологического, социологического, философского и иного анализа, что обеспечивает и определенную разноплановость результатов.

Мы предполагаем возможным характеризовать экстремистский дискурс через соотношение понятий «текст» — «дискурс». На взаимосвязь этих терминов указывает Е. С. Кубрякова: «...под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, ...текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова 1995: 164]. В нашем понимании «экстремистский текст» является репрезентацией отдельных особенностей экстремистского дискурса, а совокупность таких текстов — репрезента-

цией его системных особенностей. Для изучения специфики экстремистского дискурса мы должны обращаться к его фиксации, поскольку сам процесс конструирования для наблюдателя остается сущностью гипотетической, а не объективно данной, в отличие от готового продукта, т. е. текста.

В результате представляется возможным определить экстремистский дискурс как две взаимосвязанные сущности: ядерную и периферийную. Ядерный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим многообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения. Каждая из сущностей представляет особую категорию: ядерная — замкнутая и недоступная для лиц, не являющихся частью группы; периферийная — открытая и как раз направленная именно на представителей аутгруппы с целью их инициации или единоразового привлечения к деятельности. Коммуникативные стратегии, используемые для достижения поставленных целей, представляются также различными. В первом случае основной представляется ориентация на изоляцию, часто с применением «тайного» языка или его элементов, когда расшифровка содержания доступна только криптологам. Во втором случае можно говорить об использовании «массового» языка, изобилующего не столько терминами и понятиями, сколько концептами с нечетким ядром и широкой периферией эмоционально-образных связей.

Исследователь Т. А. Сидорова, определяя термин, указывает на некоторые особенности данного вида дискурса: «...своеобразный текст культуры, призванный сформировать в сознании носителей культуры определенные структуры знаний: пропозиции, пресуппозиции, сценарии, ассоциации, образные представления, ценностные установки, мотивировку дальнейшего поведения и т. п.» [Сидорова 2016]. Она отмечает, что только при взаимодействии языкового и концептуального содержания адресат может воспринять смысл. Мы также отмечаем воздействие концептуальных знаний на процесс восприятия передаваемой информации. Концептуальные знания, относящиеся, по

терминологии А. М. Каплуненко, к сфере «Дискурса различий» [Каплуненко 2007], не являются конвенциональными, что предоставляет интерпретативный простор в поле индивидуального познания и обеспечивает размытость исконного кода с точки зрения его соответствия нормативным требованиям. Так, в процессе анализа текстов была установлена закономерность возможной полярности их интерпретации в зависимости от доминирующих дискурсивных характеристик. Принципиально важной особенностью можно считать смену семантики с нейтральной на экстремистски окрашенную без трансформации основных компонентов текста, что значительно затрудняет формальную идентификацию реального содержания. Контекст, по справедливому утверждению Г. В. Колшанского, выводится из языковой структуры и приобретает «роль интерпретатора высказывания» [Колшанский 1980]. При этом контекст в отношении экстремистских текстов выполняет функцию замещения, что позволяет автору скрыть основной массив запрещенной информации в контекстном поле и направить его для массового распространения без каких-либо цензурных ограничений. В качестве знакового элемента может выступать название материалов, подбор иллюстраций, звуковое сопровождение, привлечение социально значимых «мемов» и проч. Важным становится не столько сам элемент, сколько его идеологическая нагрузка в отдельно взятый момент современной действительности.

На этот факт указывает и исследователь В. И. Сальников. Анализируя особенности экстремистского дискурса, он рассматривает понятие как «некий мысленно-речевой континуум, объединяющий идеологические концепты и тот эмоционально-психологический фон, что способствует их массовому восприятию» [Сальников 2007: 317]. Так, использование не нейтральных, а идеологически нагруженных концептов дает возможность автору перевести основную часть «запрещенной» информации в имплицитное поле, но сохранить при этом пафос собственного повествования.

Можно утверждать, что в рамках ядерной составляющей экстремистского дискурса используются такие идеологические маркеры, содержание которых невозможно идентифицировать простому обывателю. Специальные семантические доминанты могут быть верно интерпретированы только непосредственными членами экстремистской группы. В противовес этому периферия экстремистского дискурса построена на общеизвестных фактах и широко распространена

ной информации, которая вызывает интерес большого количества даже опосредованных участников коммуникации. Безусловно, максимально востребованными оказываются актуальные происшествия и новостные сообщения. Так, после убийства чемпиона по пауэрлифтингу в г. Хабаровске, произошедшего в августе 2017 г., в Интернете резко увеличилось количество призывов к совершению противоправных действий по национальному признаку, так как участники конфликта имели разную национальную принадлежность. В связи с проведением выборов губернатора Свердловской области, которые были назначены на 10 сентября 2017 г., повысился процент контента с политическими призывами.

Стоит отметить, что проявление экстремизма в речевом поле становится более частотным с развитием современных способов удаленной и бесконтактной коммуникации. Возможность перехода к виртуальному общению в интернет-пространстве предоставила коммуникантам значительно больше свободы, позволяющей не только проявлять креативность и иные личностные характеристики, но и обеспечивающей заинтересованных в противоправной деятельности лиц широким кругом потенциальных последователей.

Таким образом, в качестве конституирующих признаков современного экстремистского дискурса с учетом его ядерной или периферийной составляющей можем выделить следующий ряд. Первичным признаком по отношению ко всем остальным является локативно-темпоральная предзаданность содержательного наполнения. Каждый дискурс представляет собой определенный исторический отпечаток жизнедеятельности конкретного общества, что отражается в тематике и символизме текстов, репрезентующих его особенности. Невозможно использование неактуальной информации с целью поддержания продуктивной коммуникации как внутри группы, так и за ее пределами. Так, современный экстремистский дискурс определяется сиюминутными интересами и потребностями населения конкретного ареала обитания. Следовательно, в рамках данного исследования можно говорить о контенте, ограниченном пределами информационного поля Российской Федерации и отвечающем актуальным общественным настроениям. При смене социальных запросов автоматически должен меняться и экстремистский дискурс, в противном случае он будет неактуален, а значит, и недейственен. Так, в 90-е гг. наиболее действенной была пропаганда на противопоставлении неразвитости России и передовом положении Запада. Од-

нако с ростом патриотических настроений и изменением европейского положения, ростом там нестабильности такой путь стал неэффективным. В связи с этим происходит и смена идеологического вектора в рамках экстремистской деятельности: увеличение псевдопатриотической пропаганды насилия. Эти характеристики указывают на еще один важный признак — адаптивность дискурса. Адаптация происходит как в сфере содержания, так и формы. Новые технологии активно заимствуются экстремистами: группы «ВКонтакте», веерная рассылка, интерактивные форумы и прочее. Нужно оговориться, что в рамках ядра дискурса, конечно, сохраняется личное общение между участниками запрещенной деятельности, но при периферийном общении наблюдается практически полный уход от печатной продукции и замена ее интернет-контентом, что отражено в содержании Федерального списка экстремистских материалов.

Особо необходимо рассмотреть категорию институциональности, поскольку в ядре и периферии она представлена по-разному. Первый вид реализует данную категорию и является институциональным, так как экстремистские организации обладают иерархичностью, обеспечивающей статусно-ролевое взаимодействие участников. В противовес этому, периферия является неинституциональным образованием, что говорит об отсутствии этого признака в ее характеристиках. Только свободное, псевдоравноправное общение может способствовать налаживанию контакта. Конечно, стоит отметить, что любой акт вербального экстремизма невозможен без реализации принципов персуазивной коммуникации за пределами рационально-логической аргументации, но сохранение формально полноценного субъект-субъектного общения является имманентной характеристикой.

Персонализацию информации можно считать ключевым признаком любых форм коммуникации в сфере экстремистского дискурса. Каждое сообщение должно иметь пусть и условного, но конкретного автора, имеющего свою историю и собственный негативный жизненный опыт. Третье лицо как «виртуальный потерпевший» почти исчезает из пропаганды, заменяясь «активным участником» событий. Так, не «друг моего соседа», а «я» актуализируется в современном экстремистском дискурсе. Нужно отметить, что активность такого субъекта в виртуальном пространстве придает ему достаточное сходство со всеми остальными реальными участниками коммуникации и обеспечивает некоторое доверие, особенно со стороны

неискушенных пользователей Интернета, не обладающих специальными знаниями. Так, даже в рамках периферийного общения наблюдается достаточно серьезная расслоенность дискурсивных характеристик в зависимости от группы потенциальных адресатов. В процессе общения с молодыми людьми чаще используется агитационно-побудительная стратегия, при взаимодействии с более взрослыми оппонентами — пропагандистская.

Таким образом, характеризуя экстремистский дискурс, мы должны понимать, что его конституирующие признаки явно свидетельствуют о мобильности самого явления и его постоянной трансформации с учетом целей адресанта, а также возможностей и потребностей адресата в рамках общественно-политической ситуации в государстве. Невозможно сформировать долговременную устойчивую модель данного вида дискурса, наиболее релевантным представляется в соответствии с выделенными конституирующими признаками анализировать конкретные репрезентации отдельных особенностей экстремистского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Карамова А. А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестн. Юж.-Урал. госун-та. Сер. «Лингвистика». 2013. № 2. С. 19—23.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. — Волгоград : Перемена, 2002. 390 с.
4. Каплуненко А. М. Концепт — понятие — термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. — Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. С. 115—120.
5. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2004. 156 с.
6. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980. С. 25—26.
7. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144—238.
8. Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества : материалы междунар. гуманитар. конгр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. С. 96—105.
9. Радченко В. В. Дискурс агрессии в контексте социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. — Хабаровск, 2002. 167 с.
10. Сальников В. И. Дискурс экстремизма в правосознании переходных обществ // Вторые Всерос. Державин. чтения (Москва, 9—10 нояб. 2006 г.) : сб. ст. — М.: РПА МЮ РФ, 2007. С. 316—319.
11. Сидорова Т. А. Язык символов как стилистическая особенность экстремистского дискурса в интернет-коммуникации // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. междисциплинар. интернет-конф. (10—16 мая 2016 г.). URL: http://philology.s-vfu.ru/?page_id=1221.
12. Фурсов К. К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 25—30.
13. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 232 с.

N. S. Gromova
Ekaterinburg, Russia

CONSTITUTIVE SIGNS OF EXTREMIST DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper analyzes the notions belonging to research area of extremist discourse. Interdependence of the terms “discourse” and “text” is argued; they are defined in this research as the process and result of communicative and cognitive activities. Extremist discourse (or discourse of extremism) is built under the influence of modern communicative trends: subjective unrestrictedness, polydirection of communicative act, the use of interactive technologies, contact-free communication, a flow of different information and inability to verify it in typical communication. To determine constitutive signs of contemporary extremist discourse it is divided into nuclear and peripheral types with regard to the features of the participants, topic of communication and communicative situation. The nuclear extremist discourse is a system of knowledge, tactics and strategies of communication characterized by cognitive and axiological consistency to provide successful development of an extremist text in communication within the group. The peripheral extremist discourse aims at successful development of an extremist text in the open interpersonal communication. The peculiarities of extremist discourse are analyzed with regard to the features of its types. The reason for quick adaptation of the structure and content of extremist discourse to the change of the addressees is analyzed, as well as transformation of manipulation means and channels of information persuasion.*

KEYWORDS: *extremist discourse; extremism; nuclear discourse; peripheral discourse; verbal extremism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gromova Natalia Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of State-Legal and Social Subjects, Ural Institute of Commerce and Law, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 136—137.
2. Karamova A. A. Tekst i diskurs: sootnoshenie ponyatiy // Vestn. Yuzh.-Ural. gosun-ta. Ser. «Lingvistika». 2013. № 2. S. 19—23.
3. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs : mogogr. — Volgograd : Peremena, 2002. 390 s.
4. Kaplunenko A. M. Kontsept — ponyatie — termin: evolyutsiya semioticheskikh sushchnostey v kontekste diskursivnoy praktiki // Aziatsko-Tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kul'tur. — Irkutsk : Izd-vo IGLU, 2007. S. 115—120.
5. Kolosov S. A. Konstruirovaniye sotsial'noy nenavisti v diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. — Tver', 2004. 156 s.
6. Kolshanskiy G. V. Kontekstnaya semantika. — M. : Nauka, 1980. S. 25—26.
7. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine KhKh veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka kontsa KhKh veka. — M. : Ros. gumanit. un-t, 1995. S. 144—238.
8. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: sposoby realizatsii agonal'nosti // Postroenie grazhdanskogo obshchestva : materialy mezhdunar. gumanit. kongr. — Irkutsk : Izd-vo Irkut.o gos. ped. un-ta, 2002. S. 96—105.
9. Radchenko V. V. Diskurs agressii v kontekste sotsial'nogo vzaimodeystviya : dis. ... kand. filos. nauk. — Khabarovsk, 2002. 167 s.
10. Sal'nikov V. I. Diskurs ekstremizma v pravosoznanii perekhodnykh obshchestv // Vtorye Vseros. Derzhavin. chteniya (Moskva, 9—10 noyab. 2006 g.) : sb. st. — M. : RPA MYu RF, 2007. S. 316—319.
11. Sidorova T. A. Yazyk simvolov kak stilisticheskaya osobennost' ekstremistskogo diskursa v internet-kommunikatsii // Gumanitarnye nauki i problemy sovremennoy kommunikatsii : materialy 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdistsiplinar. internet-konf. (10—16 maya 2016 g.). URL: http://philology.s-vfu.ru/?page_id=1221.
12. Fursov K. K. Diskurs vrazhdy: ponyatie i sovremennye praktiki // Diskurs-Pi. 2015. № 1 (18). S. 25—30.
13. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial'nom prostranstve : ucheb. posobie. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 232 s.

А. М. Плотникова
Екатеринбург, Россия

«НЕНАДЕЖНЫЕ РАССКАЗЧИКИ» В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. В статье литературоведческое понятие «ненадежный рассказчик» применяется к анализу публицистических текстов, в которых автор осознанно усложняет субъектную перспективу, делегируя свою точку зрения другим лицам. Через ссылки на источники информации, в качестве которых выступают лица, называемые экспертами, автор вводит в картину мира читателя необходимую информацию. Данный прием речевой манипуляции служит способом ухода от юридической ответственности за клевету и распространение порочащей информации. Автор трансформирует информацию, переплетая истинное с ложным и вовлекая читателя в интеллектуальную игру. Рассматриваются языковые приемы создания образа «ненадежного рассказчика» и их связь с синтаксическими категориями модальности и эвиденциальности: 1) использование проекции, когда говорящего замещают разные субъекты. С целью повышения доверия к этим субъектам журналист использует ссылки на осведомленность этих лиц (например, «как считают участники рынка» или «хорошо информированный источник подтвердил эту информацию»); 2) ссылка на слухи. Слухи имеют обычно нарративный характер: информация, которая передается в высказываниях со ссылкой на слухи, чаще всего фактологическая; 3) имплицитная форма представления совокупного мнения; 4) смена источников мнений. Эксперт-лингвист, фиксируя показатели мнения, ведущие к возможностям информационной альтернативы, которая создается в журналистском тексте многоголосием рассказчиков, осуществляет семантическую декомпозицию высказывания и извлекает фактологическую информацию, отделяя факт от мнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; лингвистика лжи; эвиденциальность; публицистические тексты; публицистический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, кафедра современного русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620050, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: annamp@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В современной нарратологии «ненадежный рассказчик» — это нарратор, чей рассказ оказывается ложным. Понятие «ненадежного рассказчика», введенное У. Бутом в 1961 г., в литературоведении получило глубокое осмысление как способ литературных мистификаций, игры с читателем. Т. Хейд пишет о том, что при изучении «ненадежного» повествования важна степень осознанности и намеренности искажения информации: он может делать это намеренно (например, доктор Шепард в «Убийстве Роджера Акройда» А. Кристи), частично осознанно (например, дворецкий Стив из «Остатка дня» К. Исигуро) или ненамеренно, что связано с недостатком у него интеллектуальных способностей [Хейд 2006: 227].

Лингвистическое осмысление феномена ложного высказывания начинается с классической работы Х. Вайнриха «Лингвистика лжи», в которой ложь представляет собой неотъемлемое свойство языка: «...языковая ложь, если понимать вещи буквально, — это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т. д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предположение, так любимое логикой» [Вайнрих 1987: 46].

Лингвистическая сторона неискренности, лицемерия, лжи рассматривается в работах

В. С. Кучко, А. В. Ленец, Н. Н. Панченко, С. Н. Плотниковой, В. И. Шаховского. На материале разных языков исследуется концептуализация обмана (Н. А. Земскова, А. Д. Кошелев, И. Кубинова, Н. К. Рябцева, И. Э. Федюнина и др.). В. А. Маслова пишет: «Нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [Маслова 2004: 221].

В зарубежной лингвопрагматике существует понятие «речевого акта лжи» («the speech act of lying»). А. В. Ленец вводит понятие ложного речевого акта, называя им «вид речевого действия, при совершении которого отправителем намеренно нарушается ожидаемое получателем соблюдение принципов и правил речевого общения» [Матвеева, Ленец, Петрова 2014: 105]. Помимо ложных речевых актов, существуют речевые жанры, основанные на обмане, к примеру, донос.

В юридической сфере обман вездесущ: он входит в коммуникативное поведение обвинителя и адвоката, выполняющих свои социально обусловленные задачи. К обману прибегает обвиняемый, выстраивая линию собственной защиты или пользуясь правом

не свидетельствовать против себя и своих родственников.

В то же время существует уголовная ответственность за сообщение ложных сведений (ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос»; ст. 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»; ст. 128 «Клевета», ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»). Обман осуждается с этических позиций, что закреплено кодексами корпоративной этики журналиста. Необходимо подчеркнуть, что в толковании статей закона и кодексах корпоративной этики содержится слово «заведомо», указывающее на умышленный характер сообщения ложной информации.

Переходя к трактовке лжи в аспекте лингвистической экспертизы текста, отметим, что эта тема возникает в связи с разными категориями дел. Например, при проведении экспертизы допросов следственные органы выносят в постановлении вопрос: «Присутствуют ли в репликах X признаки конструирования ложных сообщений?» Научная дискуссия о том, является ли правомерным определение надежности свидетельских показаний, ведется еще с начала XX в., а в последние годы разгорелась вновь в связи с выходом монографии «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» [Енгальчев, Кравцова, Холопова 2016].

Для лингвоэкспертной практики тема недостоверности сказанного возникает в связи с делами о клевете и защите чести, достоинства и деловой репутации. Понятие порочащих сведений определено законодателем следующим образом: «Порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства или моральных принципов (совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность — репутацию), которые умаляют его честь и достоинство».

Перед экспертом-лингвистом органы дознания или судебно-следственные органы зачастую ставят вопрос, безусловно выходящий за пределы компетенции эксперта: «Носят ли сведения порочащий характер?» Как видно из определения порочащих сведений, их категориальным признаком является несоответствие действительности, что не может быть установлено экспертом. Лин-

гвист не вправе определять правдивость или ложность сведений, верифицировать высказывания — это дело суда, но лингвист выявляет те фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом.

Известно, что при разграничении утверждений как верифицируемых суждений и субъективно-оценочных высказываний, которые не подлежат верификации, эксперты обращают внимание на формальные показатели мнения: лингвисты «выявляют фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 111—112].

Является ли способом ухода от ответственности наличие в высказывании ссылок на некие источники информации? Безусловно, нет. Например, в высказывании «*По информации источников издания, компания X осуществляет поставки запчастей, игнорируя решение суда*» содержится фактологическая информация о том, что компания X поставляет запчасти, игнорируя решения суда. Перед нами утверждение со ссылкой на источник информации. Такого рода ссылки снижают категоричность сказанного за счет указаний на некие источники, но не переводят высказывание в разряд мнений.

Такой прием речевого воздействия, как ссылка на неизвестный источник, активно используется журналистами. А. Н. Баранов пишет: «Автор текста далеко не всегда хочет нести ответственность за негативную информацию, которую по разным причинам передает адресату. В этом случае часто используется прием ссылки на неизвестный источник, который по большей части невозможно проверить, — *по слухам, по непроверенной информации, по сообщениям прессы, по информации из осведомленных источников*. Понятно, что ссылка на неизвестный источник не предполагает наличия этого источника» [Баранов 2007: 236].

С семантико-синтаксической точки зрения ссылки на разнообразие источников сведений о ситуации формируют категорию эвиденциальности (засвидетельствованности, пересказываемости), примыкающую к сфере модальности. Е. В. Падучева пишет: «В языках с грамматикализованной эвиденциальностью высказывание о факте, т. е. о событии, которое говорящий сам видел или в котором сам принимал участие (прямая эвиденциальность), грамматически противопоставлено высказываниям с косвенной эвиденциальностью, где говорящий основыв-

вается на данных, которые ему сообщили (цитатив); сообщает результат своих умозаключений (инферентив); то, что ему показалось (имперцептив) и т. п.» [Падучева 2016: 25]. Отмечается, что «эвиденциальность взаимодействует с эпистемической модальностью, при этом эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень достоверности сообщаемой им информации, а эвиденциальность маркирует источники информации, на которых говорящий основывает свое высказывание, — тем самым частично снимая с себя ответственность за достоверность информации» [Там же].

Как показывает практика, журналисты на основании имеющихся мнений разных лиц формулируют выводное суждение, превращая цитатив в инферентив. Например, в статье С. Леонова «Людей Бурматова подозревают в вымогательстве» вся информация изложена в виде мнений разных лиц. По сути, предметом судебного иска к журналисту становится лишь заголовок статьи, который представляет собой выводное суждение.

Ксенопоказатели, связанные с передачей чужой речи, содержатся в высказывании «Тренеры утверждают, что организаторы соревнований закрыли глаза на все нормы и правила, выставив на ринг ребенка, имеющего медицинские противопоказания». Предложение начинается с прямого указания на источник информации, и данное средство служит эксплицитным средством выражения категории эвиденциальности. Имплицитное выражение чужого мнения заключено во фразеологизме «закрывать глаза», который относится не к сфере авторской речи, а к сфере чужой речи, то есть слов тренеров, которые сообщают о причинах случившегося.

Рассмотрим приемы, работающие на образ «ненадежного рассказчика» и свидетельствующие о попытке автора переложить ответственность за сказанное на неопределенный круг лиц.

1. Использование проекции, когда говорящего замещают разные субъекты. С целью повышения доверия к этим субъектам журналист использует ссылки на осведомленность этих лиц (например, «как считают участники рынка» или «хорошо информированный источник подтвердил эту информацию»).

В качестве обобщенной номинации выступает слово «эксперты». По словам О. В. Ширяевой, «субъект речи, репрезентирующий концепт „эксперт“, может быть классифицирован как „персонализированный“ (индивидуальный/коллективный) и „анонимный“. Анонимный субъект чаще всего пред-

ставлен во множественном числе: *аналитики, эксперты, финансисты, банкиры, чиновники, экономисты, большинство экспертов, команда экспертов*. Значительно реже встречаются упоминания анонимного субъекта в единственном числе: такие случаи нетипичны, поскольку сам принцип экспертизы предполагает ответственность источника информации. Как правило, в медиатекстах это обусловлено прагматической ситуацией: интервьюируемый не желает называть себя, но дает согласие на публикацию своего комментария» [Ширяева 2014: 289].

Если попытка скрыть авторский голос за голосами других лиц иногда оказывается успешной, то в некоторых случаях выбор номинации для источника получения информации сомнителен, например, вряд ли наименование группы «местные старожилы» объясняет осведомленность этих лиц о политической ситуации в регионе: «*Местные старожилы рассказывают, будто дело было на пьянке у бывшего владельца Р-ского завода, которого развели на спор завалить Брускова на очередных выборах*». В другом высказывании «*Осенью 2014 года агентство уже писало о недовольстве клиентов косметического салона. Тогда свердловчане тоже жаловались на плохое самочувствие и взятые против своего желания невыгодные кредиты*», скорее всего, речь идет о более узкой референтной группе, чем группа, для обозначения которой выбрано слово «свердловчане».

2. Ссылка на слухи, например: «*По городу ходят слухи, что Л. берет 13 % с подрядчиков и делится с Б.*». Слухи имеют обычно нарративный характер: информация, которая передается в высказываниях со ссылкой на слухи, чаще всего фактологическая. Ссылки на слухи позволяют автору дистанцироваться от сказанного, вместе с тем показывая, что распространенность информации, участие многих людей в передаче этой информации свидетельствует о том, что она является, скорее всего, надежной. Ссылка на слухи не избавляет автора от ответственности за передачу информации.

3. Имплицитная форма представления совокупного мнения. Интересным примером может быть высказывание «*Дипломы X-ского университета не котируются*», где глагол «*котироваться*» употреблен в значении «получать, иметь ту или иную оценку в глазах общества, какой-либо группы людей, признаваться важным, значительным» и является синонимом слов *цениться, расцениваться*.

Семантика глагола «котироваться» содержит инкорпорированный образ наблюдателя, что отражено в словарном толковании:

«иметь ту или иную оценку в глазах общества, какой-либо группы людей». Семантическое протоколирование высказывания «Дипломы Х-ского университета не копируются» позволяет представить значение этого высказывания в виде следующей формулы: «Какая-либо группа людей, представители общественности считают, что дипломы Х-ского университета оцениваются невысоко». В высказывании содержится негативная информация о сложившемся стереотипе качества образовательных услуг, которые предоставляет университет.

Совокупное мнение может передаваться при помощи глаголов, например: «Цепочка перепродаж молока, организованная С-ым, называется одной из причин срочной отставки С-на с березовского комбината: считается, что он закупал молоко через собственные компании по заниженным ценам, а продавал своему работодателю по более высокому».

4. Смена источников мнений. Например, в заметке «Говорят, начальника N-ской железной дороги забирают на другую работу! Самые крутые слухи недели» использовано несколько ссылок на неизвестный источник: во-первых, публикация в целом сопровождается указанием «Самые крутые слухи недели», во-вторых, использован показатель авторизации «говорят». Далее в высказывании «Инсайдерские источники в окружении главы РЖД Владимира Якунина утверждают — С. руководство N-ской магистралью не тянет, и это признают даже его покровители в РЖД» появляются «инсайдерские источники» и «покровители в РЖД». В заключительной части заметки появляется вводная конструкция «по словам слухмейкеров». Постоянная смена точек зрения не способствует повышению читательского доверия к излагаемой информации.

Конфликт между эпистемической модальностью и эвиденциальностью наблюдается в примере «Выяснилось, что организовал новый вид бутлегерства, по неподтверждённой информации, некто Д. Р.». С одной стороны, информация не подтверждена, а с другой стороны, выбор глагола «выяснилось» предполагает, что информация стала ясной, получила какое-то подтверждение. Глагол «выясниться» относится к группе верификаторов, или фактологических предикатов, наряду с *подтвердилось*, *обнаружилось*, *было доказано*, *было установлено* и т. д.

Проведенное обобщение способов передачи чужого мнения с целью ухода автора от ответственности за сообщаемую информацию свидетельствует о том, что такого рода делегирование своих полномочий позволяет говорящему трансформировать информацию, переплетая истинное с ложным.

Н. К. Рябцева пишет: «Субъект обмана имеет две четко противопоставленные, противоположные цели — одну настоящую, но тайную и скрываемую, и другую — „представляемую“, „предъявляемую“, демонстрируемую, но фиктивную. Их „совмещение“ требует от субъекта определенных свойств и дополнительных усилий, а от объекта — способности видеть в наблюдаемом ненаблюдаемое» [Рябцева 2005: 167].

Критически настроенный читатель получает определенное интеллектуальное удовольствие, разоблачая «ненадежного» рассказчика. Эксперт-лингвист, фиксируя показатели мнения, ведущие к возможностям информационной альтернативы, которая создается в журналистском тексте многоголосием рассказчиков, осуществляет семантическую декомпозицию высказывания и извлекает фактологическую информацию, отделяя факт от мнения. Главное, чтобы сам эксперт не становился при этом «ненадежным рассказчиком».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. — М.: Флинта-Наука, 2007.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010.
3. Вайрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 44—87.
4. Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : моногр. — М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
5. Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132—145.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. — Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
7. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. — М.: Флинта-Наука, 2014. 232 с.
8. Падучева Е. В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. — СПб.: Нестор-история, 2016. С. 19—94.
9. Рябцева Н. К. Этические знания и их предметное воплощение // Логический анализ языка: языки этики. — М., 2000. С. 178—184.
10. Ширяева О. В. Репрезентация концепта «эксперт» в дискурсе деловой прессы // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 284—291.
11. Heyd T. Understanding and handling unreliable narratives: A pragmatic model and method // Semiotica. 2006. Vol. 162. P. 217—243.

A. M. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

“UNRELIABLE NARRATORS” IN FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS

ABSTRACT. *The paper uses literary term “unreliable narrator” in the analysis of publicistic texts in which the author deliberately makes subjective perspective more difficult delegating his view to the other people. The author introduces the necessary information in the readers’ worldview with the help of references to information sources, which are usually people, called experts. This device of speech manipulation is a way to escape legal responsibility forlander and discrediting information. The author transforms the information, intertwining truth and lie, thus involving the reader in intellectual game. Language devices used to create the image of “unreliable narrator” and their connection with syntactical categories of modality and evidentiality are discussed: 1) the use of projection when the speaker is substituted by different subjects. To increase trust to these subjects, journalists use references to awareness of these people (for example, “the marketplace believes that” or “a well-informed person proved this information to be true”); 2) reference to gossip. Gossip is usually of narrative nature: information that circulates with reference to gossip, usually factological. 3) implicit form of collective opinion; 4) change of sources. Forensic linguist fixates opinions that lead to information alternative that is created by the journalist via a chorus of narrators, and resorts to semantic decomposition of the statement revealing factological information separating a fact from an opinion.*

KEYWORDS: *forensic linguistic expertise; linguistics of lie; evidentiality; publicistic text; publicistic discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Plotnikova Anna Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Modern Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. — M. : Flinta-Nauka, 2007.
2. Bel'chikov Yu. A., Gorbanevskiy M. V., Zharkov I. V. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI : sb. materialov. — M. : IPK «Informkniga», 2010.
3. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987. S. 44—87.
4. Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchaemoy uchastnikami ugolovnogogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy) : monogr. — M. : Yurlitinform, 2016. 328 s.
5. Kukushkina O. V. Negativnaya informatsiya: utverzhenie o fakte ili vyrazhenie mneniya // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2016. № 3 (43). S. 132—145.
6. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. — Minsk : TetraSistems, 2004. 256 s.
7. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. Osnovy pragmalingvistiki. — M. : Flinta-Nauka, 2014. 232 s.
8. Paducheva E. V. Modal'nost' // Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol. Ch. 1. — SPb. : Nestor istoriya, 2016. S. 19—94.
9. Ryabtseva N. K. Eticheskie znaniya i ikh predmetnoe voploshchenie // Logicheskii analiz yazyka: yazyki etiki. — M., 2000. S. 178—184.
10. Shiryaeva O. V. Reprezentatsiya kontsepta «ekspert» v diskurse delovoy pressy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 284—291.
11. Heyd T. Understanding and handling unreliable narratives: A pragmatic model and method // Semiotica. 2006. Vol. 162. P. 217—243.

Ю. Г. Ткаченко
Екатеринбург, Россия

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЗАКОНОВ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается влияние российского и французского властного законодательского дискурса на формирование представлений соответствующего наивного национального политического сознания в отношении женщины и ее роли в обществе и семье. Проводится анализ и сравнение основных смысловых феноменов содержания законов посредством применения теории центрального ядра Ж.-К. Абрик, согласно которой представления о действительности, разделяемые большинством, формируются под воздействием исторического и идеологического дискурса, порождая доминанту национального сознания. Семантика представления конструируется не только центральными элементами, но и периферией. При смещении компонентов смысла в рамках идеологии путем акцентуации, дезакцентуации или эфемизации от периферии к ядру и наоборот в когнитивном плане происходит изменение общего семантического значения представления. Доминантой российского политического сознания выступает традиционное представление о первостепенной важности и необходимости для женщины роли матери, в то время как ее личные, профессиональные достижения остаются второстепенными. Происходит объективация женщины и контроль над ее жизнью. Ключевые смыслы феминистической философской теории на государственном уровне не актуализируются. Текстовая дезакцентуация в законах проблем насилия и агрессии минимизирует остроту проблемы. Напротив, во французских законодательных текстах выделяются, прежде всего, смыслы равенства прав и возможностей женщин и мужчин. Продвигаемые законодательно социальные нормативные ценности направлены на изменение стереотипного представления о женщине. Происходит смещение компонентов смысла представления в рамках идеологии путем акцентуации не женственности женщины, а ее ценности как человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женщины; юридический властный дискурс; языковая картина мира; нормативно-правовые акты; российское законодательство; французское законодательство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ткаченко Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8-го Марта / Народной Воли, 62/45; e-mail: tka55@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

По словам знаменитого французского лингвиста Гюстава Гийома, человек имеет свое внутреннее представление о действительности, через которое он воспринимает все происходящее вокруг него. «Мир глазами человека — это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключенный в нас» [Гийом 1992: 144].

Представления определяются «национальными традициями и господствующей идеологией» [Караулов 2003: 36—37], понимаемой как «воображаемое отношение индивидов к реально существующим условиям их бытия» [Althusser 1971: 153]. Соответственно возникает искусственная, «оформленная» картина мира с многочисленными искажениями в отношении окружающей действительности, связанная с продвижением посредством традиционных стереотипов и идеологизированного политического дискурса определенных «ценностей».

Происходит формирование политической языковой картины мира, характеризующейся совокупностью «ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу» [Чудинов 2012: 43] и рождающей национальное политическое сознание.

Примером когнитивной теории, изучающей представления, является Система центрального ядра, разработанная французской школой социальной психологии Экс-

ан-Прованса и ее основателем Ж. К. Абриком, согласно которой любое представление может быть рассмотрено как иерархическое единство стабильных во времени верований и убеждений, определяющих его основное смысловое содержание или ядро, ставших результатом консенсуса большинства и оформившихся в процессе коммуникации. На периферии находятся многочисленные установки, неравномерно распределенные внутри группы, отражающие индивидуальный опыт и изменяющиеся во времени [Abric 2003: 59—80].

Обратимся к французской и русской лингвокультурам и проследим с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время властные установки законодательского дискурса, определяющие представление о женщине в обществе и семье. С этой целью необходимо выделить ключевые смыслы, формирующие ядро представления, и их иерархию. Гипотезой исследования вступает утверждение о различных составляющих формируемого французскими и российскими законами ядра представления и периферии, что будет говорить о различающихся представлениях о женщине в национальном политическом сознании.

На рассмотрение было взято 10 российских законов и постановлений (два из них находятся на стадии проектов) и 25 законов Французской правовой системы. Французские правовые акты превышают по количеству соответствующие российские в два с

половиной раза, что указывает на актуальность и остроту поставленной проблемы для французского общества. Полученные французские результаты необходимо умножить на 2,5 для приведения их в соответствие с российскими итогами.

Ключевыми смыслами содержания как российских, так и французских законодательных актов выступили *проблема насилия в отношении женщин, участие женщин в государственном управлении, экономические права, охрана здоровья и материнства, родительство и семья, равные права и свободы женщин и мужчин, изменение традиционных стереотипов о социальной роли женщины*, включающие в себя разнообразные смысловые компоненты.

Следуя теории центрального ядра Ж. К. Абрика, произведем измерение частоты встречаемости вышеуказанных ключевых смыслов и их значимости: нечастотными считаются смыслы, встречаемость которых не превышает 10 %, а значимыми те, частотность которых является самой высокой. Соотнесение частотности и значимости смысла определяет его позицию относительно ядра или периферии, обозначаемую квадратом, а именно: положение в зоне квадрата ядра, представляющего наиболее культурно и социально значимые и частотные смыслы представления, квадрата 2 с меньшей частотностью употребления и значимостью смыслов, но больше 10 %, квадрата 3 с контрастными элементами смысла и квадрата 4 с низкочастотными и незначимыми элемен-

тами. Данные по законам РФ приведены в табл. 1.

Вокруг ядра сконцентрированы установки власти относительно важности для общества женского здоровья, материнской функции, родительства и семьи, смысловыми компонентами которых являются *защита жизни и здоровья женщины с учетом материнской функции, улучшение показателей репродуктивного здоровья, формирование мотивации к здоровому образу жизни, повышению рождаемости, создание условий для сохранения здоровья женщин всех возрастов, повышение статуса семей, в основе которых многодетность, укрепление и защита семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, к которым относится брак как союз мужчины и женщины, поддержка женских организаций, реализующих проекты по укреплению института семьи и семейных ценностей*.

Частотность упоминания в российских законах вышеуказанных контекстуальных смыслов является самой высокой: 70 % в отношении здоровья женщины и материнства, 40 % — в отношении родительства и семьи и экономических прав женщины. Значимость определяется их приоритетом в содержании законов. Периферическими смыслами выступают *Проблема насилия и Участие в госуправлении*, частотность которых составляет 30 %, а *Изменение стереотипов и обеспечение равных прав и свобод женщин и мужчин* — около 10%.

Таблица 1. Законы РФ

Частотность употребления	Значимость	
	большая	небольшая
Высокая	Квадрат 1. ЗОНА ЯДРА – Охрана здоровья/материнства (актуальность проблематики с 1993 по 2017) – Родительство/семья (с 1993, 2014) – Экономические права (с 1993, 1996, 2017)	Квадрат 2. 1-я периферия – Насилие в отношении женщин (с 1996, с 2017) – Участие в госуправлении (с 1993, 1996, 2017)
Низкая	Квадрат 3. Зона перехода к периферии	Квадрат 4. 2-я периферия – Изменение стереотипов (проект) – Равные права и свободы женщин и мужчин (1996 и проект)

Таблица 2. Законы Французской Республики

Частотность употребления	Значимость	
	большая	небольшая
Высокая	Квадрат 1. ЗОНА ЯДРА – Проблема насилия – Участие в госуправлении – Равные права и свободы женщин и мужчин	Квадрат 2. 1-я периферия – Изменение стереотипов
Низкая	Квадрат 3. Контрастные элементы – Экономические права – Охрана здоровья/материнства	Квадрат 4. 2-я периферия – Родительство/семья

Данные по законам Французской Республики приведены в табл. 2. В том, что касается законодательства Французской Республики, самыми частотными и значимыми контекстуальными смыслами являются *проблема насилия в отношении женщин* (около 60 %, соответственно 150 % при корреляции), *равные права и свободы женщин и мужчин и участие женщин в государственном управлении* (34 %, или 85 %), компонентами которых являются *профилактика и пресечение насилия в семье, усиление мер борьбы с насилием в отношении женщин, пресечение сексуального домогательства, общественное движение и осуждение в отношении проблемы насилия, искоренение насилия путем борьбы против сексизма, который банализирует насилие, предоставление женщинам возможности открыто говорить о своих проблемах, а также равенство в участии в выборах, в назначении на государственные и руководящие должности, установление равноправия во всех сферах общественной жизни, действия, гарантирующие женщинам доступ к государственному управлению, к культурному и художественному производству, борьба с дискриминацией во всех ее проявлениях.*

Менее значимыми и частотными являются смыслы *изменение* — 16 %, *экономические права, охрана здоровья и материнства* — 12 %, и менее 10 % — *Родительство — семья.*

Идеология материнства как «естественного предназначения женщины», необходимость «возвращения женщины в семью» являются [Пушкарева 2012: 20] ведущими в российском властном дискурсе и коррелирующими с традиционными народными стереотипами. В этом отражается отношение государственной власти к женщине как к орудию труда и воспроизводства населения, при этом смыслы, связанные с дискриминационным положением женщины в обществе, в содержании законов практически отсутствуют.

Во французской лингвокультуре стереотипные представления о женщине являются схожими с русскими стереотипами, особенно в том, что касается материнства [Ткаченко, Дзюба 2017: 165]. Однако французский законодательский дискурс активно проявляет себя в постановке и решении именно **проблем** женщин, а не продвижении государственной демографической стратегии, в чем с 1789 г. играет ведущую роль французское феминистическое движение.

По итогам анализа определений единицы *феминизм* в 18 русских научных слова-

рях, ссылающихся на материалы иностранных словарей, выявлены самые частотные концептуальные смыслы [Ткаченко 2017: 1048], на основании которых возможно сформулировать обобщенное определение феминизма как *теории, женского движения, имеющих своей целью борьбу с дискриминацией по признаку пола, гендерным неравенством, неравноправными социальными ролями, выступающими за признание прав женщин, угнетаемых мужчинами в патриархальном обществе.*

Французские законы, практически ежегодно принимаемые в отношении пресечения и искоренения насилия в отношении женщины, достижения фактического равноправия между мужчинами и женщинами, своими названиями и содержанием открыто признают и указывают на неравенство, дискриминацию, агрессию, стереотипы, существующие в обществе. Каждый новый закон формирует определенное политическое сознание, воздействует на существующие ментальные и языковые представления о женщине. Содержание и направленность законов включают в себя смыслы политизированного семантического поля феминизма.

Российские законы имеют эвфемистичные названия об «улучшении положения женщины» и не указывают на фактические проблемы общества открыто. Государственная гендерная идеология в России продвигает установки на «моногамную семью как основу общества, материнство как приоритет, различия в воспитании мальчиков и девочек, ведущие к дифференциации социальных ролей, брак как необходимость и условие рождения детей, многочисленность детей» [Воронина 2009: 56].

Любая попытка изменения социальных стереотипов со стороны российского феминистского дискурса рассматривается как угроза традиционным русским семейным ценностям, вне которых российская женщина государством не рассматривается.

С целью анализа концептуальных смыслов категории *феминизма*, представленных в наивном русском и французском языковом сознании, в городе Екатеринбурге с 1 июня 2016 г. проводится свободный ассоциативный эксперимент, показывающий, как в речи реализуются компоненты языкового сознания носителей данного языка в отношении представления о феминизме. В рамках исследования среди 169 российских женщин и 185 мужчин в возрасте от 15 до 85 лет, опрошенных о том, являются ли они феминистами, положительно ответили 25 (15 %) и 13 (7 %) человек соответственно, а среди 63 французских женщин и 41 мужчины — 45

(около 72 %) и 10 (около 25 %) человек соответственно.

Законы, принимаемые в России и Франции, оказывают прямое влияние на формирование у граждан определенных представлений о положении женщины в обществе и семье. Создаваемое посредством законодательной идеологии, ядро представления определяет его общий смысл и подтверждает консенсус большинства относительно социальных нормативных ценностей. Исследование подтвердило гипотезу о различных законодательно формируемых представлениях о женщине в России и Франции, поскольку содержание и структура ядра представлений не совпадают и даже являются противоположными.

Доминантой российского политического сознания выступает традиционное представление о первостепенной важности и необходимости для женщины роли матери, в то время как ее личностные, профессиональные достижения остаются второстепенными. Происходит объективация женщины и контроль над ее жизнью. Ключевые смыслы феминистической философской теории на государственном уровне не актуализируются. Текстовая дезакцентуация в законах проблем насилия и агрессии минимизирует остроту проблемы.

Напротив, во французских законодательных текстах выделяются прежде всего смыслы равенства прав и возможностей женщин и мужчин, основой которых служит искоренение насилия в отношении женщин, что способствует формированию представления о ней как о действующем субъекте. Продвигаемые законодательно социальные нормативные ценности направлены на изменение стереотипного представления о женщине. Происходит смещение компонентов смысла представления в рамках идеологии путем акцентуации не женскости женщины, а ее ценности как человека.

ИСТОЧНИКИ

Законодательство РФ (доступ из справочно-правовой системы «Консультант-плюс»)

1. Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» от 04.03.1993.
2. Концепция улучшения положения женщин в РФ : постановление Правительства РФ от 08.01.1996 № 6.
3. Постановление Правительства РФ от 29.08.1996 №1032 «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года».
4. Заседание президиума Госсовета, посвященное политике в области семьи, материнства и детства. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20265> от 17.02.2014.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 №1618-р о Концепции государственной семейной политики в РФ до 2025 года.
6. Распоряжение Правительства РФ №410-р от 8.03.2017 «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы»

7. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года № 669-р от 14.04.2016.

8. Отчет Правительства о «Демографической и семейной политике» от 19.04.2017.

9. Проект ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ».

10. Проект ФЗ «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье».

Законодательство Французской Республики (доступ с сайтов: <https://www.legifrance.gouv.fr>, <http://www.egalite-femmes-hommes.gouv.fr/dossiers/lutte-contre-les-violences/la-legislation>, <https://www.reseau-canope.fr/outils-egalite-filles-garcons/convention-interministerielle-2013-2018.htm>)

11. Закон от 23.04.1994 «О признании специфики насилия в паре».
 12. Закон от 6.06.2000 «О равном доступе женщин и мужчин к участию в выборах и выборным функциям».
 13. Закон от 30.07.2003 «О выборах сенаторов и предоставлении списков в равном соотношении количества мужчин и женщин».
 14. Закон 23.07.2004 «Об усилении защиты жертв насилия».
 15. Закон от 30.12.2004 «О создании Высшего совета о равенстве и борьбе против дискриминации».
 16. Закон от 12.12.2005 «О Раздельном нахождении с насильником».
 17. Закон от 4.04.2006 «О предупреждении и пресечении насилия в паре».
 18. Закон от 23.07.2008 «О паритете в распределении профессиональных и социальных обязанностей».
 19. Закон от 9.07.2010 «О защите жертв насилия».
 20. Закон от 29.03.2011 «О создании органа по защите прав человека при прямой и скрытой дискриминации».
 21. Закон от 6.08.2012 «Против сексуального домогательства».
 22. Третий этап положения о правах женщин от 30.11.2012.
 23. Закон от 6.08.2013 «О защите женщин — жертв насилия и человекоторговли».
 24. Межминистерское соглашение 2013—2018 о равенстве между девочками и мальчиками, женщинами и мужчинами в системе образования от 7.02.2013.
 25. Закон от 22.07.2013 «О равенстве женщин и мужчин в назначении на руководящие должности высших учебных или научных учреждений».
 26. Закон от 5.08.2014 «О реальном равенстве между женщинами и мужчинами».
 27. Закон от 29.07.2015 «О защите женщин, ищущих убежище как жертвы насилия».
 28. Закон от 17.08.2015 «О защите жертв насилия в ходе уголовного судопроизводства».
 29. Закон от 17.08.2015 «О повышении эффективности и качества социального диалога на предприятии».
 30. Закон от 7.03.2016 «О защите иностранных лиц, ставших жертвами насилия».
 31. Закон от 14.03.2016 «О защите детей».
 32. Закон от 13.04.2016 «О борьбе против системы проституции».
 33. Закон от 27.01.2017 «О равенстве и гражданственности».
 34. Закон от 20.03.2017 «О расширении состава преступления по воспрепятствованию прерыванию беременности».
 35. 5 этап положения борьбы против насилия в отношении женщин на период 2017—2019.
- СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ**
36. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Яреца. — М. : Большая российская энциклопедия, 1998.
 37. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2 (П — Я) : пер. с англ. — М. : Вече, АСТ, 1999. 528 с.
 38. Культурология : словарь / А. И. Кравченко. — М. : Академический проект, 2000. 671 с.
 39. Культурология : энцикл. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. 1184 с.
 40. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин,

уч. секр. А. П. Огурцов. — М.: Мысль, 2010. — Т. 4. 2010. 736 с.

41. Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьева. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 800 с.

42. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. Проекта Г. Ю. Семин. — М.: Мысль, 1999. — 701, (2) С.

43. Психологическая энциклопедия. 2-е изд./под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. — СПб.: Питер, 2003. 1096 с.: ил.

44. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — М., 2004. 792 с.

45. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. — М.: ИНФРА-М, 2010. 731 с.

46. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. — М.: Сов. энцикл., 1973.

47. Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панова. — М.: Эксмо, 2007. 528 с.

48. Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004. 864 с.

49. Современный политологический словарь. — М.: NOTA BENE, 2000. 1024 с.

50. Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Минск: Книжный дом, 2003. 1312 с. (Мир энциклопедии).

51. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. — СПб.: Лань, 1999. 528 с. (Сер.: Учебники для вузов. Специальная литература).

52. Философский словарь. — М.: Республика, 2001. 719 с.

53. Философия: энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

ЛИТЕРАТУРА

54. Воронина О. А. Конструирование женственности: социокультурный анализ // Человек. 2009. № 5. С. 50—66.

55. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и комментарии д-ра филол. наук Л. М. Скрепиной. — М.: Прогресс: Культура, 1992. 223 с.

56. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.

57. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8—23.

58. Ткаченко Ю. Г., Дзюба Е. В. Женственность и феминизм как антагонисты в русской и французской языковых картинах мира // Политическая лингвистика. 2017. № 1. С. 164—173.

59. Ткаченко Ю. Г. Лингвокогнитивная категория феминизма в русских научной и наивной языковых картинах мира // Концепт: науч.-метод. электр. журн. 2017. Т. 31. С. 1046—1050. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970224.htm>.

60. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

61. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. Méthodes d'étude des représentations sociales. — RamonvilleSaint-Agne: Erès, 2003. P. 59—80.

62. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. — London, 1971.

Y. G. Tkachenko
Ekaterinburg, Russia

IDEOLOGICAL STRATEGIES IN LAWS ABOUT WOMEN

ABSTRACT. *The article discusses the influence of Russian and French law making discourse on the development of naïve national political consciousness concerning the role of women in society and family. The meaning of the laws is interpreted and compared with the help of J.C. Abric's Central Nucleous Theory, according to which the image of reality, shared by the majority, is formed under the influence of historical and ideological discourse making the basis for national consciousness. The semantics of representation is constructed by both central and peripheral elements. When the component of the meaning shifts in the frames of the same ideology due to accentuation, desaccentuation or euphemization from the periphery to the centre or vice versa, there appears a change of the general semantic meaning of the image in cognitive perspective. The dominant element in the Russian political consciousness is the belief that the primary role for a woman is that of a mother, while her personal and professional achievements are secondary. There appears objectivation of a woman and control over her life. Textual desaccentuation in the laws of violence and aggression alleviates the problem. In the texts of French laws, on the contrary, there are meanings of equality of men and women. Social values introduced in the bills aim at the change of the stereotypical image of the women's role. The component of the meaning shifts in the frames of the same ideology due to accentuation of women's value as a person, rather than her femininity.*

KEYWORDS: *women; legal discourse of power; linguistic worldview; regulatory act; Russian law; French law.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tkachenko Yuliya Gennadiyevna, Senior Lecturer, Department of Business Foreign Language, University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta RF «O pervoocherednykh zadachakh gosudarstvennoy politiki v otnoshenii zhenshchin» ot 04.03.1993.

2. Kontseptsiya uluchsheniya polozheniya zhenshchin v RF: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.01.1996 № 6.

3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.08.1996 №1032 «Ob utverzhdenii Natsional'nogo plana deystviy po uluchsheniyu polozheniya zhenshchin i povysheniyu ikh roli v obshchestve do 2000 goda».

4. Zasedanie prezidiuma Gossoвета, posvyashchennoe politike v oblasti sem'i, materinstva i detstva. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20265> ot 17.02.2014.

5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 №1618-r o Kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki v RF do 2025 goda.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF №410-r ot 8.03.2017 «Ob utverzhdenii Natsional'noy strategii deystviy v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody».

7. Kontseptsiya demograficheskoy politiki RF na period do 2025 goda № 669-r ot 14.04.2016.

8. Otchet Pravitel'stva o «Demograficheskoy i semeynoy politike» ot 19.04.2017.

9. Proekt FZ № 284965-3 «O gosudarstvennykh garantiyakh ravnnykh prav i svobod i ravnnykh vozmozhnostey muzhchin i zhenshchin v RF».

10. Proekt FZ «Ob osnovakh sotsial'no-pravovoy zashchity ot nasiliya v sem'e».

11. Zakon ot 23.04.1994 «O priznanii spetsifiki nasiliya v pare».

12. Zakon ot 6.06.2000 «O ravnno dostupe zhenshchin i muzhchin k uchastiyu v vyborakh i vybornym funktsiyam».

13. Zakon ot 30.07.2003 «O vyborakh senatorov i predostavlenii spiskov v ravnno sootnoshenii kolichestva muzhchin i zhenshchin».

14. Zakon 23.07.2004 «Ob usilenii zashchity zhertv nasiliya».

15. Zakon ot 30.12.2004 «O sozdaniy Vysshego soveta o ravenstve i bor'be protiv diskriminatsii».

16. Zakon ot 12.12.2005 «O Razdel'nom nakhozhenii s nasil'nikom».

17. Zakon ot 4.04.2006 «O preduprezhdenii i presechenii nasiliya v pare».

18. Zakon ot 23.07.2008 «O paritete v raspredelenii professional'nykh i sotsial'nykh obyazannostey».

19. Zakon ot 9.07.2010 «O zashchite zhertv nasiliya».

20. Zakon ot 29.03.2011 «O sozdaniy organa po zashchite prav cheloveka pri pryamoy i skrytoy diskriminatsii».

21. Zakon ot 6.08.2012 «Protiv seksual'nogo domogatel'stva».

22. Tretiy etap polozheniya o pravakh zhenshchin ot 30.11.2012.

23. Zakon ot 6.08.2013 «O zashchite zhenshchin — zhertv nasiliya i chelovekotorgovli».
24. Mezhhministerskoe soglasenie 2013—2018 o ravenstve mezhdru devochkami i mal'chikami, zhenshchinami i muzhchinami v sisteme obrazovaniya ot 7.02.2013.
25. Zakon ot 22.07.2013 «O ravenstve zhenshchin i muzhchin v naznachenii na rukovodyashchie dolzhnosti vysshikh uchebnykh ili nauchnykh uchrezhdeniy».
26. Zakon ot 5.08.2014 «O real'nom ravenstve mezhdru zhenshchinami i muzhchinami».
27. Zakon ot 29.07.2015 «O zashchite zhenshchin, ishchushchikh ubezshishche kak zhertvy nasiliya».
28. Zakon ot 17.08.2015 «O zashchite zhertv nasiliya v khode ugolovnogo sudoproizvodstva».
29. Zakon ot 17.08.2015 «O povyshenii effektivnosti i kachestva sotsial'nogo dialoga na predpriyatii».
30. Zakon ot 7.03.2016 «O zashchite inostrannykh lits, stavshikh zhertvami nasiliya».
31. Zakon ot 14.03.2016 «O zashchite detey».
32. Zakon ot 13.04.2016 «O bor'be protiv sistemy prostitutsii».
33. Zakon ot 27.01.2017 «O ravenstve i grazhdanstvennosti».
34. Zakon ot 20.03.2017 «O rasshirenii sostava prestupleniya po vospriyatstvomaniyu preryvaniyu beremennosti».
35. 5 etap polozheniya bor'by protiv nasiliya v otnoshenii zhenshchin na period 2017—2019.
36. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie / gl. red. V. N. Yartseva. — M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998.
37. Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskiy slovar' (Collins). T. 2 (P — Ya) : per. s angl. — M.: Veche, AST, 1999. 528 s.
38. Kul'turologiya : slovar' / A. I. Kravchenko. — M.: Akademicheskii proekt, 2000. 671 s.
39. Kul'turologiya : entsikl. V 2 t. T. 2 / gl. red. i avtor proekta S. Ya. Levit. — M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2007. 1184 s.
40. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauch. fond ; nauch.-red. sovet: preds. V. S. Stepin, zam. preds.: A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, uch. secr. A. P. Ogurtsov. — M.: Mysl', 2010 — T. 4. 2010. 736 s.
41. Politologiya : leksikon / pod red. A. I. Solov'eva. — M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2007. 800 s.
42. Politicheskaya entsiklopediya. V 2 t. T. 2 / Nats. obshchest.-nauch. fond; Ruk. Projekta G. Yu. Semigin. — M.: Mysl', 1999. — 701, (2) S.
43. Psikhologicheskaya entsiklopediya. 2-e izd./pod red. R. Korsini, A. Auerbakha. — SPb.: Piter, 2003. — s. 953-955. — 1096 s.: il.
44. Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy / N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova, Yu. N. Karaulov, E. F. Tarasov. — M., 2004. 792 s.
45. Slovar' filosofskikh terminov / nauch. red. prof. V. G. Kuznetsova. — M.: INFRA-M, 2010. 731 s.
46. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya / gl. red. E. M. Zhukov. — M.: Sov. entsikl., 1973.
47. Sovremennyy slovar' po obshchestvennym naukam / pod obshch. red. O. G. Danil'yana, N. I. Panova. — M.: Eksmo, 2007. 528 s.
48. Sovremennyy filosofskiy slovar' / pod obshch. red. d-ra filos. nvuk, prof. V. E. Kemerova. 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Akademicheskii proekt, 2004. 864 s.
49. Sovremennyy politologicheskiy slovar'. — M.: NOTA BENE, 2000. 1024 s.
50. Sotsiologiya : entsikl. / sost. A. A. Gritsanov, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. — Minsk : Knizhnyy dom, 2003. 1312 s. (Mir entsiklopedii).
51. Tolkovyy slovar' obshchestvovedcheskikh terminov / N. E. Yatsenko. — SPb.: Lan', 1999. 528 s. (Ser.: Uchebniki dlya vuzov. Spetsial'naya literatura).
52. Filosofskiy slovar'. — M.: Respublika, 2001. 719 s.
53. Filosofiya : entsikl. slovar' / pod red. A. A. Ivina. — M.: Gardariki, 2004. 1072 s.
54. Voronina O. A. Konstruirovaniye zhenstvennosti: sotsiokul'turnyy analiz // Chelovek. 2009. № 5. S. 50—66.
55. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki / obshch. red., poslesl. i kommentarii d-ra filol. nauk L. M. Skrelinoy. — M.: Progress : Kul'tura, 1992. 223 s.
56. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M.: Editorial URSS, 2003.
57. Pushkareva N. L. Gendernaya sistema Sovetskoy Rossii i sud'by rossiyanok // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 5. S. 8—23.
58. Tkachenko Yu. G., Dzyuba E. V. Zhenstvennost' i feminizm kak antagonisty v russkoy i frantsuzskoy yazykovykh kartinakh mira // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1. S. 164—173.
59. Tkachenko Yu. G. Lingvokognitivnaya kategoriya feminizma v russkikh nauchnoy i naivnoy yazykovykh kartinakh mira // Kontsept : nauch.-metod. elektr. zhurn. 2017. T. 31. S. 1046—1050. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970224.htm>.
60. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 4-e izd. — M.: Flinta : Nauka, 2012. 256 s.
61. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. Méthodes d'étude des représentations sociales. — RamonvilleSaint-Agne : Erès, 2003. P. 59—80.
62. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. — London, 1971.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.111'27:811.133.1'27
ББК ШП43.21-006.2+ШП47.11-006.2

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.05

С. Ж. СИЛУ

Абиджан, Кот-д'Ивуар

СЖАТИЕ И ЭЛЛИПСИС С ПОЗИЦИЙ НАРРАТОЛОГИИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

АННОТАЦИЯ. В настоящем исследовании рассматривается лингвистический статус сжатия и эллипсиса как феноменов, которые оставались до настоящего времени вне поля зрения лингвистических исследований. Представленное исследование было проведено, с одной стороны, в рамках теории дискурсивного анализа, и в частности метаоперативной грамматики Анри Адамчевского. С другой стороны, мы обратились к социолингвистической теории варьирования, точнее теории местоимений власти и солидарности Брауна и Гильмана, нашедшей свое отражение в теории вежливости Брауна и Левинсона. Предпринятое исследование позволило сделать вывод, что в английском языке сжатие, как правило, допускается. Во французском же языке такие конструкции вряд ли приемлемы, а если они и присутствуют, то только в неофициальном регистре. С точки зрения социолингвистики, сжатие — это след «общего знания» участников дискурса. В контексте теории лингвистической вариативности полные формы являются проявлением отношения власти и, следовательно, психологической и/или социальной дистанции в вербальной коммуникации. Сжатие или эллипсис свидетельствует об «общих знаниях», «солидарности» и, следовательно, о высокой степени социальной близости между говорящими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метаоперационная теория; лингвистическое варьирование; сжатие; эллипсис; социолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Силу Сассонго Жак, доктор филологии, доцент департамента английского языка, Университет Феликса Уфуэ-Буаны, Кокоди, Абиджан, Кот-д'Ивуар; адрес: BP V 34 Абиджан, Кот-д'Ивуар, <http://univ-fhb.edu.ci/fr/>; e-mail: sassongosiluejp@gmail.com.

S. J. SILUE

Abidjan, Côte d'Ivoire

LA CONTRACTION ET DE L'ELLIPSE DANS UNE PERSPECTIVE ENONCIATIVE ET SELON UNE APPROCHE SOCIOLINGUISTIQUE

RÉSUMÉ. La présente étude examine le statut linguistique de la contraction et de l'ellipse, deux phénomènes apparemment linguistiques ignorés par la recherche linguistique. L'analyse est menée conjointement dans le cadre de la théorie d'énonciation dans sa variante de la grammaire méta-opérationnelle d'Henri Adamczewski et dans la perspective sociolinguistique, spécifiquement variationniste dont la Théorie du Pouvoir et de la Solidarité de Brown et Gilman ont une application. Si en anglais la contraction des formes est plus que tolérée, en français elle ne l'est qu'à l'oral et dans le registre non-soutenu. Suivant la perspective énonciative, la contraction des formes est la trace en surface d'un « savoir partagé » entre les interlocuteurs ; selon la théorie de la Variation linguistique, lorsque les formes pleines sont la manifestation de relation de pouvoir et donc d'une distance psychologique et/ou sociale entre les participants aux échanges verbaux, les structures contractées ou éliminées reflètent à la fois le « savoir partagé », la solidarité et donc le degré de proximité sociale entre les interlocuteurs.

MOTS-CLÉS: théorie méta-opérationnelle, variation linguistique, contraction, ellipse, savoir partager, pouvoir/solidarité, distance/proximité.

AUTEUR : Silue Sassongo Jacques, Dr ès Lettres, Maître de Conférences, Département d'anglais, Université Félix Houphouët-Boigny de Cocody, Abidjan; adresse: BP V 34 à Abidjan, Côte-d'Ivoire, <http://univ-fhb.edu.ci/fr/>; e-mail : sassongosiluejp@gmail.com.

INTRODUCTION

L'ellipse et la contraction sont des phénomènes langagiers si récurrents dans l'usage quotidien des langues au point qu'ils sont assimilables à des tics langagiers qui passent presque inaperçus. C'est peut-être pour cette raison que la recherche linguistique semble s'en désintéresser. En effet, mis à part quelques remarques lapidaires ici et là, il n'existe pas, à notre connaissance une étude systématique sur les deux phénomènes. Certaines études comme celle de Tahvildar (2005) essaient de dégager, à partir de l'ellipse ou de la contraction, un lien logique entre l'organisation de l'énoncé et le jeu du pouvoir et de la solidarité dans l'expression des relations intersubjectives.

Le désintérêt apparent des linguistes vis-à-vis de la réduction des formes cacherait la difficulté même à déterminer dans quel domaine linguistique situer ces phénomènes. La contraction et l'ellipse relèvent-elles toutes les deux de la phonologie, de la morphologie, de la syntaxe,

ou à l'un ou l'autre de ces niveaux ? Le recours des usagers aux formes contractées ou à l'ellipse cache-t-il quelque stratégie discursive ou s'agit-il d'un phénomène sociolinguistique de l'ordre de la variation linguistique ?

Cette étude se fixe pour double objectif de déterminer d'une part, le statut linguistique de l'ellipse et de la contraction et, d'autre part, de montrer qu'une bonne analyse de ces deux réalités linguistiques peut confirmer la validité épistémologique de certains supposés énonciatifs de la Grammaire méta-opérationnelle d'Adamczewski (1982) et certains postulats sociolinguistiques, en particulier ceux de la variation linguistique telle qu'elle est déterminée par la théorie de Brown et Gilman (1960) sur la polarité pouvoir/solidarité.

Nos objectifs de recherche auront été atteints si nous parvenons à répondre à nombre d'interrogations :

– Quelle est donc la différence entre l'ellipse et la contraction et si différence il y a, à quel niveau se situe-t-elle ?

– L'ellipse et la contraction se manifestent-elles de la même manière par-delà les langues, en particulier en anglais et en français ?

– L'étude comparée de l'ellipse et de la contraction ne pourrait-elle pas être l'occasion d'un rapprochement entre la théorie d'énonciation restreinte au sujet parlant et la théorie de la variation linguistique ouverte sur l'exploitation de la langue comme ressource sociale dans la gestion des relations intersubjectives ?

Pour répondre à ces interrogations et, par ricochet, atteindre nos objectifs, nous organisons la réflexion autour de trois (3) axes principaux:

– Le cadre conceptuel de référence pour la réflexion sur la contraction et l'ellipse ;

– La contraction et l'ellipse dans une perspective énonciative, notamment la Grammaire méta-opérationnelle (désormais noté GMO) ;

– La contraction et l'ellipse sous l'angle de la variation linguistique.

1. CADRE CONCEPTUEL

1.1. L'absence de travaux sur l'ellipse et la contraction.

Les travaux sur l'ellipse et la contraction sont rares de nos jours. L'un des travaux cités par Paissa (2012) est de Dumarsais et il date d'une époque où les raffinements épistémologiques ne permettaient pas encore de faire la part des choses entre la rhétorique et l'approche purement linguistique. Dumarsais semblait alors considérer l'ellipse comme la manifestation visible d'un état psychologique passager. Il y a ellipse disait-il « quand l'empressement de la pensée fait supprimer quelque mot qui serait exprimé selon la construction pleine » (<http://portail.atilf.fr/cgi-bin/getobject>). Aujourd'hui, une telle explication paraîtrait bien anecdotique puisque Dumarsais explique un phénomène purement linguistique par un fait extralinguistique: le fait que l'énonciateur soit pris par le temps.

En référence aux mêmes travaux, [Paissa 2012 : 175] finit par distinguer l'*ellipse* de la *réticence*, une décision délibérée de l'énonciateur de « passer sous silence » certaines idées. Aujourd'hui, on parlerait, et cela dans le domaine de la communication, de « rétention de l'information ». En bref, l'ellipse serait de l'ordre de la construction grammaticale, tandis que la *réticence* est de l'ordre de la rhétorique. Les études portant sur la langue française ne font presque jamais cas de la contraction pour la juste raison que, et comme nous le verrons, ce phénomène linguistique est plutôt marginal dans cette langue.

Les analyses et observations faites en rapport avec la contraction le sont de l'ordre de

la pédagogie et la didactique. Aux apprenants du français langue seconde, on expliquera par exemple, comment les formes synthétiques « du » et « des » sont des répliques analytiques de « de le », « de les » en diachronie et peut-être en synchronie [Silué 2002]^[1]. Du côté de l'anglais, c'est l'opposition entre les formes pleines et les formes contractées des auxiliaires verbaux (ex. *don't*) et modaux (ex. *'ll, won't, can't*) qui est souvent invoquée et qu'on assortit de la recommandation selon laquelle la forme pleine relève de l'écrit et que la forme contractée n'est tolérée qu'à l'oral.

En ce qui concerne la distinction entre « ellipse » et « contraction » dans l'*Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* datant du 18ème siècle, Dumarsais explique qu'il est vain de chercher à distinguer l'ellipse de la contraction, estimant que « Le mot générique de **contraction** suffit, ce me semble, pour exprimer la réduction de deux syllabes en une, sans qu'il soit bien nécessaire de se charger la mémoire de mots pour distinguer scrupuleusement les différentes espèces de **contractions** ». C'est sans doute pour cette même raison que dans un sens plus contemporain, [Védénina 1989] emploie alternativement les termes de « contraction » et « ellipse » sans discrimination aucune.

1.2. Cadre théorique

La nature de la contraction et de l'ellipse – nous le verrons – est telle que ces deux phénomènes ne peuvent se prêter que difficilement à une analyse exclusivement phonologique, morphologique ou syntaxique. Il est souvent question à la fois de la réduction de formes (un problème morphologique), de la construction du sens (un problème de signification), de l'information ou du savoir partagé entre l'énonciateur et son co-énonciateur (un problème discursif), mais aussi du degré de proximité sociale ou psychologique entre les locuteurs (i.e. un problème de variation linguistique). Pour tenir compte des multiples domaines linguistiques dont peuvent relever l'ellipse et la contraction, nous nous appuyons sur deux approches parallèles: la théorie d'énonciation à travers sa variante de la **grammaire méta-opérationnelle** d'Adamczewski et l'approche sociolinguistique, spécifiquement sous les espèces de la **variation linguistique** dont William Labov est la figure emblématique.

(a) La théorie méta-opérationnelle et les phases structurales

L'un des concepts descriptifs emblématiques de la théorie d'Adamczewski est le système de phases ^[2]. Se fondant sur un postulat de G. Guillaume selon lequel il faut « du temps pour penser, comme il faut temps

pour marcher » [Valin 1971 : 153], les adeptes de la théorie méta-opérationnelle conçoivent que les opérations linguistiques indispensables à la production des énoncés se déploient sur un temps opératif que l'on appréhende lui-même en termes de deux phases successives ^[3] [Delmas 1987] ; [Adamczewski 1991 ; 1995], [Delmas & Girard 1993], [Silué 2002].

Les structures caractéristiques de la Phase 1 sont celles qui sont fraîchement structurées, posées, données et qui, de ce fait, n'appartiennent pas encore au savoir partagé de l'énonciateur et du co-énonciateur. Les structures caractéristiques de la Phase 2 sont celles appartenant au « déjà posé » et qui, surtout, appartiennent au savoir partagé de l'énonciateur et du/des co-énonciateur/s.

La théorie méta-opérationnelle étend la portée épistémique et la puissance explicative de la théorie des phases au degré de compacité des structures. On conçoit, par exemple, que toute forme de contraction dans une structure linguistique est synonyme de condensation ou de compacité de la structure. La GMO est donc bien outillée pour s'attaquer à la question de la réduction des formes par ellipse ou contraction.

(b) La variation linguistique et la polarité *pouvoir-solidarité*

La variation linguistique est cette caractéristique des langues naturelles dont l'une des manifestations est l'irréductible différence de comportements langagiers entre les locuteurs lorsqu'ils doivent extérioriser la même idée [Silué 2012]. D'ailleurs un postulat de la variation linguistique tient pour axiomatique que le même locuteur opère des choix lexicaux et prend des options stylistiques en fonction du contexte sociolinguistique ou relativement à son/ses co-énonciateur(s), selon le principe de l'accommodation psychologique [Giles 1991]. La variation linguistique se structure souvent autour de la polarité *pouvoir-solidarité* selon la théorie de [Brown et Gilman 1960]. Cette polarité s'exprime, en principe, dans les six fonctions du langage, mais elle est encore plus manifeste dans la fonction expressive, celle par laquelle les locuteurs laissent entrevoir soit leur attitude vis-à-vis de ce qu'ils assertent, soit la nature des rapports (étroits ou distants) qu'ils entendent entretenir avec leurs interlocuteurs.

Les relations entre les acteurs sociaux sont asymétriques au sens où un acteur social ou groupes d'acteurs exercent un pouvoir de domination sur les autres et qui reconnaissent d'ailleurs cet état de fait. D'un point de vue des représentations que se font les individus, il y a une distance sociale ou psychologique entre les acteurs dominants et les acteurs dominés. On

a, d'autre part, le pôle où les relations sont caractérisées par une symétrie entre les acteurs sociaux. Dans ce cas-ci, et d'un point de vue des représentations, les acteurs sociaux reconnaissent une forme de proximité sociale ou psychologique, sur fonds d'un sentiment de solidarité, de compatibilité, voire de complicité entre les acteurs. L'asymétrie et la symétrie des rapports sociaux déterminent bien évidemment la nature linguistique des échanges verbaux. À titre d'illustration:

(1) Pourriez-vous fermer la porte, s'il vous plaît?

(2) Pardon, faut fermer porte-là (*Français ivoirien*)!

Où la même fonction de langage est mise en œuvre dans les deux énoncés, à la différence qu'en (1) l'on devine que l'énonciateur et son co-énonciateur sont socialement ou psychologiquement distants l'un de l'autre ou désireux de le rester, au contraire de (2) où il s'agit certainement de personnes familières l'une à l'autre ou se voulant pour telles, peut-être des amis très proches, voire des intimes mais, dans tous les cas, des individus « socialement solidaires » au sens de Brown et Gilman.

1.3. L'approche méthodologique

Pour clarifier le débat, il importe que l'on s'accorde sur ce à quoi correspondent réellement les phénomènes linguistiques que sont l'ellipse et la contraction. Pour le corpus d'analyse, nous aurons recours à des illustrations en anglais et en français et parfois des énoncés utilisés par d'autres chercheurs.

La synthèse des différentes définitions glanées permettent de retenir qu'en français par exemple, l'ellipse est l'omission d'une partie de la structure d'un terme, généralement un phonème ou une syllabe entière, ou l'omission de tout ou partie d'une séquence de mots pouvant parfois assumer un rôle de constituant de phrase.

Lorsque l'omission concerne la partie d'un terme, il s'agit d'éllision ; nous parlerons alors d'ellipse phonologique et le terme conventionnel consacré à cette catégorie de structure est celui de « **éllision** ». L'éllision se manifeste dans bien de langues par la réduction de deux voyelles consécutives :

(3) Je **ai** dit → j'**ai** dit

(4) Le **e** enfant → L'enfant

Ou des voyelles voisines au plan morpho-syntaxique :

(5) La voiture **de le** maître → la voiture **du** maître

En anglais, l'éllision est quasi-inexistante. On pourrait être tenté de voir en certaines séquences une forme d'éllision comme dans le syntagme nominal où le déterminant article

défini (**the**) est suivi d'un nom ayant une voyelle à l'initiale (ex. *The atmosphère*, où le « The » est réalisé /ði:/). Toujours en anglais lorsqu'il s'agit de l'article indéfini (a), une nasale épenthétique s'intercale entre le déterminant et le nom qui le suit (ex. *An elephant*).

Dans de telles situations, nous assistons à des modifications phonétiques que l'on ne saurait confondre ni avec une élision, ni avec une ellipse et encore moins une contraction. Il s'agit davantage d'une assimilation vocalique telle que la définit [Elsaadani 2014 :3].

L'élision semble donc relever de la morpho-phonologie ; il s'agit d'un trait typologique propre à certains systèmes linguistiques qui ne devra guère être traitée comme une donnée énonciative: l'élision de phonèmes n'est ni une option laissée à l'énonciateur structurant, ni une ressource stylistique aux mains du locuteur.

Quant à l'ellipse, elle semble avoir un statut bien différent ; elle relèverait plutôt d'un niveau supérieur, à savoir, le niveau discursif, voire pragmatique. Pour faire la différence avec la subduction morpho-phonologique connue sous le terme technique de *l'élision*, nous opterons pour le terme composé d'*«ellipse discursive»*, celle par laquelle l'énonciateur fait l'économie de toute une séquence verbale et ce pour des raisons stylistiques :

(6) *Séry arrive le vendredi, Dramane Øle samedi*

où le verbe « arrive » est objet de l'ellipse dans la seconde proposition principale.

Si l'élision semble être une option spécifique des systèmes linguistiques, l'ellipse à caractère discursif est probablement un fait linguistique universel:

(7a) All children had **an ice-cream**. Eva chose **a strawberry**, Arthur had **orange** and Willem **too**.

Où « ice-cream » fait l'objet d'une ellipse dans les séquences qui suivent ; « a strawberry », « orange » et même « too » sont des ellipses de « **ice-cream** ».

Contrairement à l'élision qui est imposée par les systèmes linguistiques dans lesquels elle est attestée, l'ellipse est une option offerte par toutes les langues. C'est généralement une alternative stylistique au service de la cohésion discursive [Sanders & Maat 2006] que l'énonciateur exploite pour éviter la répétition d'un terme ou d'une séquence dont l'absence est valablement palliée par certaines données du contexte ou de la situation. Dans l'énoncé précédant, il eut été, en effet, redondant d'avoir :

(7b) All children had an ice-cream. Eva chose a strawberry **ice-cream**, Arthur had orange **ice-cream** and Willem had orange **ice-cream**

A la différence de l'ellipse qui voit la disparition totale en surface de certains constituants, la contraction est morphologiquement moins sévère, puisqu'elle consiste à les maintenir les constituants concernés, moyennant cependant leur maintien uniquement à l'état de trace. La contraction est très récurrente en anglais :

(8) S/he **is** leaving tomorrow for Paris → S/he'**s** leaving tomorrow for Paris

(9) The electoral contest **is not** in September → The electoral contest **isn't** in September

Le système linguistique du français autorise-t-il la contraction ? On peut répondre par l'affirmative, si l'on prend en compte des énoncés comme:

(10) Tu as entendu ? → T'as attendu ?

(11) Tu ne l'as pas salué → Tu l'as pas salué

La contraction est donc attestée dans les systèmes linguistiques de l'anglais et du français; en outre, dans les deux langues la forme pleine est employée dans toutes les situations de discours (situations formelles ou contextes familiers), alors que la forme contractée sera presque exclusivement réservée au style oral et relâché et systématiquement évité à l'écrit.

Il s'agit à présent de donner un statut linguistique dans le cadre de l'énonciation et dans la perspective sociolinguistique à l'ellipse et à la contraction.

2. L'ELLIPSE ET LA CONTRACTION DANS UNE PERSPECTIVE ENONCIATIVE

Dans une étude antérieure sur la « Réduction des structures en anglais » [Silué 1989] et autre plus récente (2012) sur l'omission de l'article en français ivoirien, il a été démontré que le choix par le locuteur des formes réduites au détriment des formes pleines ne relevait ni du hasard, ni de l'arbitraire. Dans la première étude, par exemple, il a été indiqué que le syntagme nominal complexe sans ligature prépositionnelle (e.g. *the table leg*) est une forme de contraction en comparaison du syntagme nominal complexe de composition lâche (e.g. *the leg of the table*) et que ces deux structures sont chronologiquement décalées suivant l'axe du temps opératif. La structure lâche (i.e. *the leg of the table*) est de conception plus tardive (Phase 1) en comparaison de la structure compacte (i.e. *the table leg*), trace métalinguistique d'une structuration forcément antérieure ou précoce.

Cette analyse de la GMO peut être valablement généralisée à tous les cas de réduction de formes ^[4]. En effet, si l'ellipse

consiste à omettre une séquence de l'énoncé pour éviter la répétition, c'est qu'ontologiquement, la séquence en question est de conception « antérieure », tant il est vrai qu'on ne peut éluder ou réduire que ce que l'on a déjà. A la suite de [Culioli 1999], [Sournin 2007 : 202] utilise les termes très à propos de « ré-identification » ou de « propriété récupérée », métatermes tout aussi illustratifs du caractère « dépassé » de certaines opérations. L'ellipse discursive est donc une réalité énonciative de Phase 2 ou une structure ayant déjà une histoire structurale.

Qu'en est-il de la contraction ?

Suivant le même raisonnement, aussi vrai que l'on ne peut contracter que ce que l'on a déjà, il est axiomatique que la contraction est une opération relevant de la Phase 2 et cela, quelle que soit la structure considérée.

(12) It is 8 o'clock

(13) It's 8 o'clock

Ces deux constructions ont, au plan sémantique, le même contenu propositionnel ; cependant au plan énonciatif, il est possible de discriminer les énoncés (12) et (13) sur la base des contextes possibles où ils peuvent avoir été produits. L'énoncé (12) énonce de manière relativement solennelle une information (à ceux qui l'avaient peut-être pas encore) alors que (13) est bien la réponse à une question se rapportant au contenu propositionnel déjà connu des interlocuteurs, à savoir « le temps qu'il fait » :

(14) **Speaker:** What is the time now?

Addressee: It's 8 o'clock

À opposer à :

(15) Listen ladies and gentlemen. It is 8 o'clock now and it's high time we moved to something else.

Pour se conformer à la nouvelle orthodoxie terminologique de la grammaire méta-opérationnelle, on dira qu'en (12) et (15) la relation est « posée »/« donnée » alors qu'en (13) et (14) cette relation est « dépassée ».

Que tous les cas de contraction soient assimilables à des constructions de Phase 2 trouve confirmation dans le fonctionnement interne-même de la langue. Certains opérateurs fonctionnant en microsystèmes sont frappés du seau des phases dès le niveau langue (au sens guillaumien), et c'est le cas des modaux en anglais [Adamczewski 1982]. L'étude du microsystème des verbes modaux en anglais a révélé que ces auxiliaires verbaux sont appariés selon les phases structurales successives: MAY et SHALL qui ont le trait invariant [-inhérent] instancient des relations prédicatives qui ne sauraient être prises comme allant de soi ; et il est très révélateur – en rapport avec notre

théorie de la contraction – de voir que dans les constructions négatives, les modaux MAY et SHALL ne sont presque jamais soumis à la contraction^[5] ! Tel n'est évidemment pas le cas de la paire corollaire WILL et CAN, qui a le trait invariant [+inhérent] pour indiquer les cas de prédication presque saturée [Adamczewski 1984]. Dans la mesure où ces modaux sont indicateurs du « déjà donné » dans un contexte négativé, eux se soumettent aisément à la contraction :

(16) They **cannot** leave tomorrow before 9

(17) With the British railway, you **can't** tell !

(18) You see, he **won't** go alone!

Sans doute en raison des différences historiques et culturelles, les langues françaises et anglaises réagissent différemment à la contraction^[6]. Alors que la contraction est un phénomène bien solidement ancré dans le système linguistique de l'anglais, elle est un peu plus marginale dans la langue française si l'on en juge par son absence quasi-systématique à l'écrit. Les seuls cas de contraction que l'on y rencontre peuvent être considérés comme des cas d'élision qui sont davantage d'ordre morpho-phonologique que d'ordre discursif :

(19) Je vous' dit (Pour "Je vous le dit")

(20) J'ai pas ça sur moi (Pour "Je n'ai pas ça sur moi")

(21) T'a qu'à venir à l'heure! (Pour "Tu n'as qu'à venir à l'heure")

En revanche, la langue anglaise s'autorise la contraction des formes même dans les situations d'énonciation plus formelles que familières. Par exemple, on relève des formes contractées dans le plus que célèbre journal anglais *Times* (23/11/2016 en ligne) et dont on ne peut douter de l'hyper-formalisme littéraire :

(22) Apple CEO Tim Cook still hasn't introduced a mega-hit like the iPhone or iPad, and investors are growing impatient [...] Every time someone asks [...] when the company's next new products are coming, Cook assures them they're just around the corner.

La contraction des formes ne semble pas non plus proscrite de l'expression de locuteurs de haute stature sociale et même dans les contextes sociaux les plus formels ; c'est le cas ici avec l'ex-président américain dans son allocution à son peuple, à l'occasion du Thanksgiving (TIMES 23/11/2016 en ligne) :

(23) As a country, we've just emerged from a noisy, passionate and sometimes divisive campaign season [...] Thanksgiving reminds us [...] we're still one people...

De l'analyse de l'ellipse et de la contraction dans la perspective de la théorie méta-opérat-

ionnelle, nous retiendrons que dans l'effectuation des opérations par l'énonciateur, les deux phénomènes sont emblématiques du « déjà construit » et pour faire bref, ils relèvent de la Phase 2 tant il est vrai qu'éliminer un segment d'énoncé présuppose qu'on l'avait déjà en main: on ne peut résumer par contraction qu'un texte déjà rédigé...

Nous observerons ensuite qu'en ce qui concerne le français, la contraction n'est tolérable qu'à l'oral, ce qui signifie que nous sommes en présence d'un problème de style ou de registre, deux caractérisations de la pratique langagière qui fondent justement la variation linguistique dont il va maintenant être question.

3. L'ELLIPSE ET LA CONTRACTION SOUS L'ANGLE DE LA VARIATION LINGUISTIQUE

La variation linguistique est cette propriété du langage articulé qui permet aux locuteurs de moduler leurs énoncés en fonction des paramètres énonciatifs ou sociolinguistiques. L'approche variationniste dont Labov est le principal initiateur [1969a, 1969b, 2001, 2006], recherche une corrélation entre les pratiques verbales particulières et les caractéristiques ou catégories sociales comme l'âge, le genre et le type de rapport asymétrique (relation de pouvoir) ou symétrique (relation de solidarité) entre interlocuteurs.

Nous avons noté (supra 1.3) que l'élimination est de l'ordre de la morpho-phonologique spécifique à chaque langue, de sorte que l'énonciateur n'a, en définitive, aucun choix à opérer entre une forme pleine et sa variante éliminée.

Quant à l'ellipse discursive – celle où toute séquence de l'énoncé est éliminée, il convient aussi de se demander si l'énonciateur a le loisir de choisir entre la forme intégrale et la forme éliminée. À titre d'illustration, considérons l'échange verbal ci-dessous:

(24) **Locuteur A:** *Will you come with us upcountry?*

Locuteur B (i): *Yes, I will*

ou

(25) **Locuteur B(ii):** *Yes, I will come with you upcountry*

Dans une situation d'échange ordinaire, si la réponse (i) du locuteur est normale à tout point de vue, tel n'est pas le cas de la réponse (ii). Dans la pratique langagière, l'ellipse d'une partie de l'énoncé étant un moyen qu'offrent les langues pour éviter la redondance, la réponse (ii) irait directement à l'encontre de l'usage « ordinaire » de la langue. D'une manière plus générale, on peut estimer que les réponses

«oui» et «non», aux questions fermées sont le prototype même de l'ellipse. Or il n'est pas une classe ou catégorie de locuteurs qui se distingueraient par la reprise intégrale du contenu propositionnel ayant servi à construire la question.

Pour résumer, lorsque le système linguistique n'offre pas plusieurs options au locuteur, le principe de la variation linguistique est d'office aboli, ce qui autorise à conclure que l'ellipse est d'un intérêt plutôt limité pour la sociolinguistique, au moins dans sa dimension variationniste.

Qu'en est-il de la contraction et quelle interprétation donner aux structures contractées suivant l'approche variationniste ?

Dans les langues comme l'anglais où la contraction est attestée, tant à l'écrit qu'à l'oral, le choix entre la structure contractée et sa variante pleine constituent des choix stylistiques conscients de la part des locuteurs. Un locuteur natif n'emploiera pas de manière indiscriminée les deux énoncés ci-dessous:

(12') *It is 8 o'clock*

(13') *It's 8 o'clock*

Quant aux énoncés qui suivent:

(26) *The United States of America* (forme élaborée)

(27) *The U.S.A.* (forme moins élaborée mais avec les points d'abréviation)

(28) *The USA* (forme réduite sans les points d'abréviation)

(29) *The US* (forme drastiquement réduite et en voie de lexicalisation par acronymation),

s'ils renvoient au même référent dans le monde réel - les États-Unis d'Amérique -, ils n'ont pas la même signification sociolinguistique. De l'énoncé (26) à l'énoncé (29), on sent une graduation inverse du degré de formalisme. Alors que le Président ou tout autre officiel fera référence à cette nation choisissant l'énoncé (26), en famille ou avec des amis intimes, même Président, il préférera l'énoncé (29).

L'approche variationniste considérera que la forme pleine (analytique) sera utilisée dans les circonstances sociales formelles où les interlocuteurs sont affublés de leurs titres, grades et fonctions, ce qui suppose aussi une distance entre eux. Ces circonstances correspondent bien aux lieux d'exercice du pouvoir, le pouvoir au sens concret ou au sens des représentations. En revanche la forme la plus réduite (29) sera plus à même d'être utilisée dans des circonstances où les interlocuteurs n'existent que dépouillés de leur fonction sociale et où, par conséquent, la proximité psychologique, l'intimité, voire la complicité, deviennent l'indice sociolinguistique indiscutable.

Nous pouvons conclure que dans la perspective de la variation linguistique, le locuteur

fait l'option des formes pleines et intégrales lorsqu'il partage très peu de choses en commun avec son interlocuteur et qu'au contraire, le même locuteur, parce qu'il entretient avec son interlocuteur des rapports de proximité, de complicité, voire de solidarité, cèdera volontiers à « la loi du moindre effort » en se contentant des formes contractées.

Une autre manière de voir les choses reviendrait à considérer que dans le cas de la distance sociale ou psychologique entre les locuteurs, l'emploi de formes contractées fait peser sur les échanges verbaux un risque d'échec de la communication, puisque les interlocuteurs ne communiquent pas encore de par quelque savoir partagé. En revanche et dans le second cas de figure, l'emploi des formes structurellement élaborées ne court aucun risque d'échec de la communication, tant les interlocuteurs communiquent en raison de leur proximité, de leur complicité naturelle, donc de la solidarité mutuelle qu'ils cultivent.

Le fait que l'emploi de structures contractées dans les échanges verbaux soit le signe d'une proximité sociale ou psychologique entre les locuteurs, trouve confirmation dans la théorie de l'expression de la politesse de Brown et Levinson (1987). L'expression d'une requête ou d'une instruction en contexte de *politesse négative* - synonyme de distance entre les interlocuteurs - nécessite un énoncé dont l'élaboration est généreuse; en revanche, la même requête en contexte de *politesse positive*

[Kerbrat-Orecchioni 1997 : 54], synonyme de proximité, peut se satisfaire d'un énoncé réduit à sa plus simple expression structurelle. Le contraste est illustré avec les énoncés (30 et 31) d'une part, et (32 et 33) de l'autre:

(30) *Would it be an imposition if I were to ask you to lend your car for a short trip?*

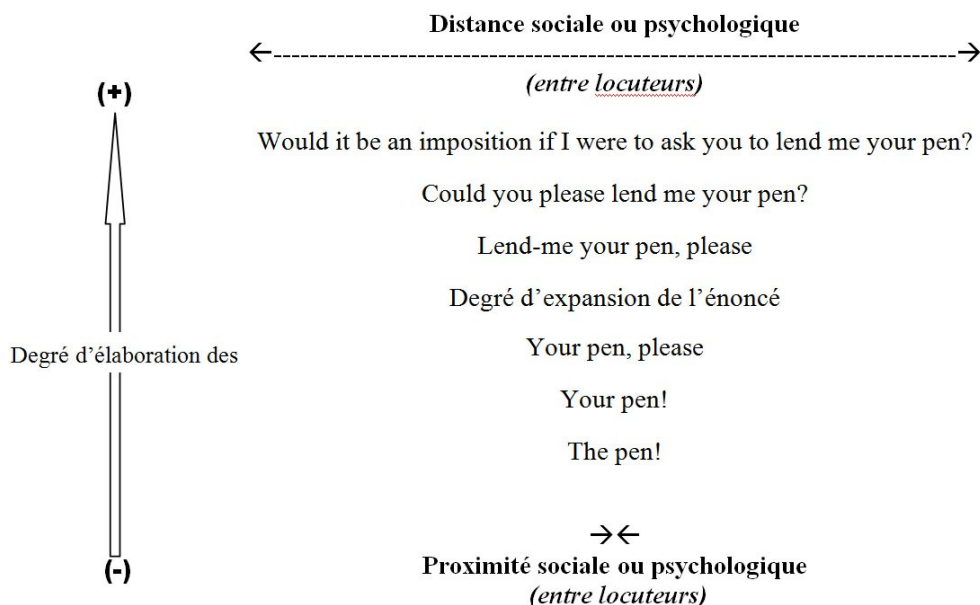
(31) *Seriez-vous vraiment offusqué si je vous demandais de bien vouloir me passer votre véhicule pour un petit voyage ?*

(32) *Lend-me your car, (please)!*

(33) *Prête-moi ta voiture (s'il te plaît !)*

Il faut entendre par « structure élaborée » la forme des énoncés exprimant une requête ou une injonction adressée à l'interlocuteur avec le seul contenu propositionnel (ici *lend the car/prêter la voiture*), mais les requêtes ou injonctions dont le contenu propositionnel est précédé ou encadré par des séquences à valeur phatique et jouant surtout le rôle d'atténuateurs ou de « *hedges* », des concepts inspirée de la théorie de la politesse de [Brown and Levinson 1987].

De manière générale, plus une structure est élaborée (expansion structurelle) plus elle est indicative de la distance induite entre les interlocuteurs; au contraire, plus elle est morpho-phonologiquement réduite, plus elle suggère la proximité plus étroite, une certaine complicité entre les interlocuteurs. Cela peut être schématisé comme suit :

On peut alors s'autoriser à dégager une loi qui transcende les différences réelles ou supposées entre les langues et les pratiques langagières : la corrélation nécessaire entre le degré d'expansion structurelle des énoncés exprimant une requête et la modulation de la

fonction intersubjective que ces énoncés sont sensés exprimer. En d'autres termes, **il y a iconicité entre la « largesse » structurelle des énoncés exprimant une requête et la distance psychologique et sociale relative entre les inter-actants.**

Conclusion

La contraction, l'ellipse et l'élision sont des phénomènes qui suscitent un intérêt plutôt limité chez les linguistes. L'étude menée à partir de deux langues particulières que sont le français et l'anglais nous autorise à distinguer l'élision qui est essentiellement d'ordre morpho-phonologique de l'ellipse qui dépasse la syntaxe pour remonter jusqu'au discours. En raison de son statut discursif, l'ellipse peut se mettre au service de la variation stylistique.

Qu'il s'agisse de l'anglais ou du français, la contraction est de l'ordre du style et n'est acceptée en français que dans le discours oral. En anglais, par contre, langue qui se caractérise par une flexibilité presque permissive vis-à-vis de la réduction des formes, la contraction est admise à l'écrit et est tolérée à l'oral.

Pendant que dans la perspective énonciative la contraction est la trace métalinguistique d'une structuration antérieure ou d'un savoir partagé entre les interlocuteurs, sous l'angle de l'approche variationniste, la contraction ou non des formes reflète la dynamique du pouvoir et de la solidarité inhérents aux interactions verbales.

L'étude de la réduction des formes aura permis d'effectuer un rapprochement entre l'énonciation (analyse du discours) et la variation linguistique, rapprochement tel que le percevait déjà [Gumperz 1989].

La question de la réduction des formes dans l'usage du langage est pourtant loin d'être épuisée. Les deux langues qui ont servi d'illustration ici sont des langues ayant une longue tradition d'écriture ; il est alors légitime de se demander si la réduction des structures peut être analysée dans les langues sans tradition scripturale fermement établie. La contraction - non pas l'ellipse - n'est-elle pas, en définitive une simple question d'orthographe liée elle-même aux conventions graphiques de délimitation des mots ? Est-il possible par exemple, d'étudier la contraction dans les systèmes d'écriture idéographiques ? Sans doute en arrivons-nous à une situation singulière selon laquelle la contraction des formes n'est analysable que lorsque la langue à l'étude est dotée d'une forme scripturale, ce qui exclut bien évidemment de l'analyse de la contraction la majorité des langues africaines qui végètent encore dans l'oralité.

NOTES

[1]. Examinant les phases du développement psycholinguistique chez l'enfant, Silué (2002) fait un lien entre l'apparition dans le langage de l'enfant de la forme analytique lâche bien avant la maîtrise de la structure synthétique. C'est la preuve, selon lui d'un lien entre « Les phases de l'activité langagière et le développement cognitif de l'enfant ».

[2]. Le concept de Phases est en voie d'abandon au profit des notions dichotomiques « *posé* » et « *repris* ».

[3]. Dans une autre théorie des opérations linguistiques - la psychomécanique du langage de G. Guillaume - le temps opératif s'apprécie en termes de « *saisie précoce* » ou de « *saisie tardive* ».

[4]. L'analyse est valable pour l'acronymation comme on va le voir (3. *Infra*) avec le cas du passage de la désignation « *United States of America* » (U.S.A), à USA, puis à US ; c'est également le cas de l'abréviation S.I.D.A. figurant dans tous les documents officiels du début des années 1980 jusqu'aux années 2000. Aujourd'hui dans les documents les plus récents de l'OMS, le terme s'est complètement lexicalisé en « *sida* » et admis dans les recueils de lexique comme un « nom commun masculin ».

[5]. Adamczewski (1982) a fourni un cas de réduction de SHALL Mais reconnaît que cette occurrence est plutôt marginale.

[6]. La forme écrite du français est rigoureusement encadrée par l'Académie française qui proscrit sans la moindre hésitation une forme comme « je *vous* dit ». Ce qui ne serait pas le cas de l'anglais, plus permissif du point de vue de la norme linguistique.

REFERENCES

1. Adamczewski H. Grammaire linguistique de l'anglais. — Paris : Armand Colin, 1982.
2. Adamczewski H. Le français déchiffré. Clé du langage et des langues. — Paris : Armand Colin, 1982.
3. Adamczewski H. Le concept de saturation en linguistique anglaise et en linguistique générale, Textes du CRELINGUA (1982—1983). — Paris : Sorbonne Nouvelle, 1984. P. 17—30.
4. Adamczewski H. Le français déchiffré. Clé du langage et des langues. — Paris : Armand Colin, 1991.
5. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity, Style // Language / T. A. Sebeok (ed). — MIT Press, 1960. P. 253—276.
6. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals // Language Usage, The Discourse Reader / A. Jvorski, N. Coupland (eds). — London : Routledge, 1999.
7. Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation. Formalisation et opérations de repérage. — Gap : Ophrys, 1999. T. 2.
8. Elsaadani A. Les aspects de l'assimilation phonologique en français et en arabe // Revue de la faculté des lettres de Mansourah / Univ. de Mansourah. 2014. N°54. P. 1—36.
9. Contraction // Encyclopédie de Dumarsais. URL : obvil.paris-sorbonne.fr/corpus/critique/dumarsais_encyclopedie/CONTRACTION (consulté le 15/06/2016).
10. Delmas C. Structuration abstraite et chaîne linéaire en anglais contemporain. Paris: Cedel, 1987.
11. Delmas C., Girard G. Grammaire métaopérative et théorie des phases, Les théories de la grammaire anglaise en France. — Paris : Hachette Supérieur, 1993.
12. Giles H., Coupland N. Accommodating language // Language: Contexts and consequences, Pacific Grove. — CA : Brooks/Cole Publ. Comp., 1991. P. 60—93.
13. Gumperz J. J. La Sociolinguistique interactionnelle, une approche interprétative. — Paris : l'Harmattan, 1998.
14. Kerbrat-Orecchioni C. La conversation. — Paris : Seuil, 1996.
15. Labov W. Contraction, deletion, and inherent variability of the English copula // Language. 1969. N° 45. P. 715—762.
16. Labov W. Principles of Linguistic change. — Oxford : Blackwell, 2001. Vol. II : Social Factors.
17. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. — Cambridge : CUP, 2006.

18. Paissa P. Rhétorique et dictionnaires : errements de la réticence // Cahiers de l'École Doctorale en Linguistique française / E. Galazzi, M. Margarito (eds). 2012. P. 173—195.

19. Sanders T., Maat P. Cohesion and Coherence: Linguistic Approaches // Encyclopedia of Language & Linguistics / Keith Brown, Amsterdam et al. (eds). — Elsevier, 2006.

20. Silué S. J. La réduction des structures en anglais // Cahiers Ivoiriens de Recherche Linguistique. 1989. N° 24. P. 91—126.

21. Silué S. J. Les phases de l'activité langagière et le développement cognitif de l'enfant // Revue Ivoirienne d'études anglaises. 2002. N°3. P. 169—182.

22. Silué S. J. The Article as a Linguistic Variable // Ivoirian French. LTML. 2012. N° 7 P. 1—15.

23. Sourmin S. D. Les théories linguistiques, les pratiques pédagogiques et l'acquisition de la détermination nominale en anglais chez les apprenants francophones : Thèse pour le doctorat ès Lettres (anglais) présentée devant l'Université de La Réunion, France. (Sous la direction du Professeur Jean-Philippe WATBLED), 2007.

24. Tahvildar Z. Textual Information Structure and Social Power // Proceedings of the International Conference on Critical Discourse Analysis: Theory into Research. 2005. P. 687—702.

25. Valin R. "Introduction" au premier volume des Leçons de linguistique de Gustave Guillaume, Reproduite dans Valin R. (ed), L'envers des mots. Analyse psychomécanique du langage. Paris/Sainte-Foy : Klincksieck/P.U., Laval, 1994.

26. Vedenina L. G. Pertinence linguistique de la présentation typographique // Peeters/Selaf. Paris : CNRS, 1989. N° 309.

S. J. SILUE

Abidjan, Côte d'Ivoire

FORM CONTRACTION AND ELLIPSIS FROM NARRATOLOGY AND LINGUISTICS PERSPECTIVES

ABSTRACT. This study examines the linguistic status of contraction and ellipsis as structures, a phenomenon which seems to be ignored by linguistic research. The present study is conducted in the joint theoretical frameworks of Discourse Analysis, specifically the Meta-Operational Grammar of Henri Adamczewski, on the one hand, and on the other hand, in the sociolinguistic Variation Theory, specifically in the perspective of Brown and Gilman's Theory of Power and Solidarity extended to Brown and Levinson's Theory of Politeness. The research has come to the conclusion that whilst in English the contraction of forms is considered possible and correct, in the French language, such constructions are hardly acceptable and if they are, it is in oral speech only. From sociolinguistic perspective, contraction of forms is the trace of "shared knowledge" among discourse participants. From the Linguistic Variation perspective, whilst plain forms are the manifestation of a Power relation, hence, psychological and/or social distance, contracted or elided ones are indicative of "shared knowledge", solidarity or a high degree of social proximity among speakers.

KEYWORDS: *meta-operational theory; linguistic variation; compression; ellipsis; sociolinguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Silue S. Jacques, Doctorate in Arts and Letters, Senior Lecturer at the Department of English, Félix Houphouët-Boigny University, Cocody, Abidjan, Cote d'Ivoire.*

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'27
ББК ШП41.12-003

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 13.00.01

Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

«ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ. ЛИНГВИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия», прошедшей на базе Уральского государственного педагогического университета (16—21 октября 2017 г., г. Екатеринбург). На конференции были представлены работы следующей проблематики: политическая коммуникация; межкультурная коммуникация; информационно-психологические войны; стратегии и тактики речевого воздействия; лингвистическая экспертиза конфликтных текстов; информационные вызовы современному обществу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; дискурс СМИ; межкультурная коммуникация; когнитивная лингвистика; психолого-лингвистическая экспертиза; лингвистические основы взаимопонимания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Веснина Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: levesna@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по инновационной и научной деятельности Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 219; e-mail: shinkari@mail.ru.

С 16 по 21 октября 2017 г. в г. Екатеринбурге на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-20563) состоялась Международная научная конференция «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия». Ключевой чертой данного мероприятия явилась реализация в рамках его проведения концепции «Один пояс — один путь», выдвинутой Председателем КНР Си Цзиньпином и поддержанной Президентом РФ В. В. Путиным, суть которой заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействия с участием Китая. Организаторами конференции выступили Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия) и Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, Китай).

Участниками конференции стали более 100 человек из различных городов России и стран мира: Алма-Ата (Казахстан), Астана (Казахстан), Астрахань, Барнаул, Белгород, Благовещенск, Велико-Тырново (Болгария), Владикавказ (Республика Северная Осетия — Алания, Россия), Волгоград, Воронеж, Далянь (Китай), Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Казань, Караганда (Казахстан), Кемерово, Кировград, Градец-Кралове (Чешская Республика), Красноярск, Костанай (Казахстан), Луганск (Украина), Махачкала (Республика Дагестан, Россия), Минск (Республика Беларусь), Москва, Нижний Тагил,

Новокузнецк, Новосибирск, Павлодар (Казахстан), Пермь, Прешов (Словакия), Пятигорск, Рига (Латвия), Санкт-Петербург, Саратов, Стерлитамак (Республика Башкортостан, Россия), Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тяньцзинь (Китай), Тверь, Тюмень, Уфа (Республика Башкортостан, Россия), Хабаровск, Харбин (Китай), Чанчунь (Китай), Челябинск, Шадринск.

Еще до официального открытия конференции в ее рамках были проведены курсы повышения квалификации «Когнитивная лингвистика: концепция Н. Н. Болдырева», организованные научно-образовательным центром экспертиз УрГПУ (11—14 октября 2017 г., г. Екатеринбург). Курсы четко определили векторы исследований в рамках политической лингвистики и межкультурной коммуникации, прослеживавшиеся на конференции.

По традиции, ежегодная Международная конференция, в этом году проходившая под названием «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия», собрала вместе не только ведущих ученых, аспирантов, соискателей ученых степеней, журналистов и других российских и зарубежных специалистов в области политической и межкультурной коммуникации, но и студентов различных институтов и факультетов Уральского государственного педагогического университета. Преамбулой конференции 16 октября стала открытая лекция доктора филологических наук, профессора Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) Бориса Юстиновича Нормана на тему «Врать и обманывать по-русски (к диагностике лжи)». Ученый представил рас-

суждения о том, что слова, традиционно считающиеся синонимами, занимают разное место в структуре лексикона: *врать* более или менее «самодостаточное» действие, характеризующее субъект, в то время как *обманывать* обозначает отношения между людьми (а точнее, воздействие на другого человека), что обнаруживается благодаря учету синтаксического поведения данных глаголов.

В рамках конференции была проведена презентация грантовых проектов УрГПУ:

1. Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению (руководитель — Юлия Ринатовна Тагильцева).

2. Национальные историографические традиции и историческая память (руководитель — Ирина Владимировна Грибан).

3. Вандализм как реакция на информационные вызовы (руководитель — Ольга Владимировна Кружкова).

4. Социальный серфинг: форсайт гражданской субъектности российской молодежи (руководитель — Ирина Александровна Сиимонова).

5. Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса (руководитель — Людмила Евгеньевна Веснина).

В развитие темы безопасности был организован семинар «Дети и сети: поможем ребенку выжить в Интернете», посвященный профилактике ранней интернет-зависимости и гаджетомании у детей дошкольного возраста. В рамках семинара были рассмотрены следующие темы.

1. Психолого-педагогическая диагностика развития детей дошкольного возраста: методики диагностики интернет-зависимости и гаджетомании.

2. Социально-педагогические технологии профилактики ранней интернет-зависимости и гаджетомании у детей дошкольного возраста.

3. Организация работы с родителями в дошкольной образовательной организации по профилактике ранней интернет-зависимости и гаджетомании дошкольников.

Тема безопасности в сети Интернет актуальна для детей всех стран, данный семинар позволил не только рассмотреть соответствующую проблематику в научно-теоретическом аспекте, но и провести совместный поиск практических решений этой проблемы.

На протяжении всей конференции проводились как мастер-классы, так и групповые и индивидуальные консультации. В рамках консультаций обсуждались нюансы конкретных исследовательских проблем, затронутых участниками в представленных на конференции материалах.

Пленарное заседание открыл первый заместитель главы Администрации губернатора Свердловской области Вадим Рудольфович Дубичев, отметив, что Правительство и губернатор Свердловской области уделяют очень серьезное внимание международным мероприятиям, так как последние являются важным инструментом продвижения интересов региона на международной и российской арене. В. Р. Дубичев особо подчеркнул, что «экономика экономикой, а гуманитарные контакты, научные контакты, межчеловеческое взаимодействие для сотрудничества еще важнее». Не менее важные слова произнес на открытии конференции преподаватель Даляньского университета иностранных языков Ду Хунцзюнь (КНР) во время своего выступления с докладом «Роль Университета ШОС в сопряжении образовательных пространств в рамках концепции „Один пояс — один путь“», сказав, что Университет ШОС (сетевой университет, комплексный международный образовательный проект, участниками которого являются несколько вузов государств — членов ШОС, Шанхайской организации сотрудничества) — одна из важнейших площадок сотрудничества в рамках проекта «Один пояс — один путь». Ду Хунцзюнь подчеркнул значимость образования как важной точки взаимодействия, а формирование единой образовательной среды без языковых барьеров, на принципах диверсификации методов обучения, равноправия и сохранения национальных и культурных идентичностей — как цели, к которой это сообщество стремится.

Кроме того, на пленарном заседании прозвучали доклады российских и китайских ученых, посвященные вопросам межкультурной коммуникации и политической лингвистики.

1. «„Шелковый путь“: от метафоры к символу (дискурсивно-стратегический потенциал)» (д-р филол. наук, проф. Наталья Борисовна Руженцева, студентка 4 курса УрГПУ Анна Александровна Ван-Чан-Жоу).

2. «Актуальные проблемы в китайском политическом дискурсе в концепции „Один пояс — один путь“» (Цзян Ямин, Тяньцзинский университет, КНР).

3. «Сравнительный анализ информационного сопровождения внешнеполитической инициативы „Один пояс — один путь“ в электронной прессе ираноязычных государств Азии (Таджикистан, Афганистан, Иран)» (канд. филол. наук, доц. Булат Гилимдарович Фаткулин).

4. «Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений в рамках Международного форума „Один пояс — один путь“)» (адъюнкт,

Военный университет Министерства обороны РФ Руслан Рафаэльевич Мавлеев).

5. «Политическая метафора в современном китайском языке» (Юй Син, Тяньцзинский университет, КНР).

В ходе конференции определились четыре ведущих направления научной деятельности участников: политическая лингвистика, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика и психолого-лингвистическая экспертиза конфликтных текстов, — в результате чего были организованы секционные заседания по следующим темам: «Лингвистическая экспертиза конфликтных текстов», «Современные СМИ: война и мир», «Политическая лингвистика: современные методы исследования», «Когнитивная лингвистика: политическая метафорология», «Межкультурная коммуникация: способы адаптации», «Информационно-психологические войны», «Стратегии и тактики политического медиапространства», «Стратегии и тактики речевого воздействия». В рамках секционных заседаний были представлены доклады, вызвавшие живой интерес участников. При этом даже самые дискуссионные материалы и конфликтогенные темы обсуждались с учетом «подхода взаимопонимания и взаимоуважения».

В ходе конференции были представлены два интерактивных проекта: «Живая история» и «Лица современной русистики».

Информационный портал «Живая история» (<http://живаяистория-ургу.рф/>) — федеральный молодежный проект, направленный на гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения через вовлечение в социально значимую деятельность, добровольчество, творческие события различной тематики.

Главная цель, которая поставлена перед студенческим проектом «Живая история», — это создание инновационной интернет-площадки, обеспечивающей приобщение молодежи к базовым национальным ценностям нашей Родины (патриотическое воспитание молодежи) с возможностью широкого вовлечения различных социальных и возрастных групп.

«Лица современной русистики» (<https://modrus.pushkininstitute.ru/>) — познавательная программа, рассказывающая о людях, которые сегодня делают филологическую науку в России. Программа в жанре тематического и портретного интервью знакомит с теми, чьи имена, возможно, до этого зрители и слушатели видели только на обложках учебников и монографий.

В доступной и занимательной научно-популярной форме герои программы рас-

крывают суть современных проблем и направлений отечественной русистики. Рассказывают зрителю и слушателю о различных сферах коммуникации и стилях русского языка. О том, как связаны язык и культура, язык и искусство, язык и политика, язык и общество, язык и философия. Как в языке преломляются важнейшие культурологические, нравственные и этические понятия русского человека.

Героями выпусков программ стали выдающиеся российские лингвисты: Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург), В. И. Карасик (Волгоград), Н. И. Клушина (Москва), В. В. Колесов (Санкт-Петербург), В. И. Коньков (Санкт-Петербург), Л. П. Крысин (Москва), Б. И. Осипов (Омск), Ю. Е. Прохоров (Москва) и др.

Во время работы конференции коллектив авторов проект «Лица современной русистики» снял материалы для следующих выпусков, которые будут посвящены уральским ученым: Анатолию Прокопьевичу Чудинову, Татьяне Александровне Гридиной, Натальи Александровне Купиной.

Все участники конференции смогли посетить заседания диссертационного совета Д 212.283.02, посвященные рассмотрению следующих работ:

– ЦЗЮЙ ХАЙНА. *Отражение специфики русской и китайской лингвокультур в устойчивых оборотах с темпоральной семантикой;*

– ОМАШЕВА ЖАНАР МАГАУЯЕВНА. *Названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты;*

– БАЧУРКА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. *Прагматическая специфика оценочных речевых актов, стратегий и тактик в русскоязычном и англоязычном педагогических дискурсах.*

По сложившейся традиции, кроме возможности представить научной общественности доклады, у всех был шанс также принять участие в международном конкурсе научных публикаций, организованном редакционной коллегией журнала «Политическая лингвистика» и оргкомитетом конференции. На суд жюри и всех участников были представлены монографии и учебные пособия, изданные в разных странах. Так, лучшей монографией была признана книга Лиляны Цоновой «Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе» (Велико-Тырново, Болгария, 2017), а учебным пособием — книга А. П. Чудинова и Е. А. Нахимовой «Педагогическая риторика, культура речи и межкультурная коммуникация» (Екатеринбург, Рос-

сия, 2016). Ознакомиться с полным списком победителей можно на сайте *politlinguist.ru*.

Конференция «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» наглядно показала, что, несмотря на все социальные и экономические потрясения в мире, всегда можно найти общий язык для плодотворного межкультурного сотрудничества, что подтверждают и отзывы участников этого масштабного международного научного мероприятия.

Д-р филол. наук, доц. Галина Анатольевна Копнина, д-р филол. наук, доц. Анастасия Владимировна Колмогорова (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск): «Уважаемые организаторы конференции! Благодарим Вас за очень теплый прием, заботу, которой Вы окружили каждого участника конференции, и дружественную атмосферу на протяжении всех дней ее работы. Тщательно продуманная программа позволила участникам обсудить насущные проблемы современной политической лингвистики, а исследователям, занимающимся близкими научными темами, была представлена возможность обменяться мнениями. „Один пояс — один путь“ предстает как траектория, объединяющая научные лингвистические проекты на пути развития двух взаимодействующих стран — России и Китая. Древнекитайскому философу Лао-цзы принадлежит изречение: „Путь в тысячу ли начинается с первого шага“. Пусть совместное путешествие ученых из России и Китая в „лингвистику взаимодействия“ будет плодотворным и служит задачам защиты нашего Отечества в эпоху информационных войн».

Канд. филол. наук, начальник группы Центра (лингвистического Министерства обороны РФ) Военного университета Руслан Ирикович Зарипов (Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва): «Уральская школа политической лингвистики традиционно провела актуальное и одновременно душевное научное мероприятие, участники которого провели несколько незабываемых дней в Екатеринбурге. Все организовано на выс-

шем уровне: научные проекты, дискуссии, выступления, теплая атмосфера, вечерние встречи... Постоянно агитирую своих коллег посетить эту конференцию».

Канд. филол. наук, доцент Любовь Вячеславовна Коцюбинская (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург): «Хотела бы еще раз поблагодарить вас за организацию и проведение конференции: доброжелательная атмосфера, актуальные темы докладов, внимание к каждому участнику. Вы подарили нам настоящий праздник. Спасибо большое!»

Канд. филол. наук, доц. Мария Андреевна Самкова (Челябинский государственный университет, г. Челябинск): «Спасибо Вам и Вашей команде за организацию конференции. Для меня наметилось новое направление исследования. Было замечательно!»

Д-р филол. наук, профессор Борис Юстинович Норман (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь): «Я уже вернулся домой. И хочу вам выразить свою сердечную благодарность! И доклады были интересные, и культурная (коммуникативная) часть нашей конференции была прекрасной. Спасибо Вам!»

Организационный комитет выражает огромную признательность всем участникам конференции и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Также оргкомитет выражает особую благодарность за информационную поддержку проекта Администрации губернатора Свердловской области, Генеральному консульству Китайской Народной Республики в Екатеринбурге, Департаменту молодежной политики Свердловской области, Центру по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области.

Со всеми материалами конференции можно ознакомиться в сборнике материалов конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (16—21 октября 2017 г., г. Екатеринбург), а также в выпусках журнала «Политическая лингвистика» за 2017 г.

До новых научных встреч!

L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

«ONE BELT – ONE ROAD. LINGUISTICS OF COOPERATION»: EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL UNDERSTANDING

ABSTRACT. *This is a review of the International Scientific Conference “One Belt – One Road. Linguistics of Cooperation” held in the Ural State Pedagogical University (16–21 October, 2017, Ekaterinburg). The following research problems were discussed at the Conference: political communication; intercultural communication; information and psychological wars; strategies and tactics of speech manipulation; forensic linguistic expertise of texts; historical memory; information challenges of the modern world.*

KEYWORDS: *political communication; mass media discourse; intercultural communication; cognitive linguistics; psychological and linguistic expertise; linguistic bases of mutual understanding.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vesnina Ludmila Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Vice-rector for Innovative Activity, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Е. М. Какзанова
Москва, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В МОНОГРАФИИ ИЗАБЕЛЫ КУЯВЫ
«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
НА ПРИМЕРЕ ДЕБАТОВ ОБ ИНТЕГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 2006—2010 ГГ.»**

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Изабеллы Куявы «*Политический дискурс как предмет лингвистического анализа на примере дебатов об интеграции в Германии в 2006—2010 гг.*» (Kujawa Izabela. *Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.*). Рецензия знакомит русскоязычных ученых со взглядами германиста на интеграционный дискурс. Цель исследования автор монографии видит в обозначении дискурсивной картины мира, понимаемой как интерпретация реальных событий; методологией являются качественный и количественный анализ газетных и журнальных текстов с 2006 по 2010 г. В монографии исследуется интеграционный дискурс — макродискурс общего дискурса эпохи мультикультурализма, включающий несколько микродискурсов, или интердискурсов (дискурс ислама — дискуссии о роли мусульман в Германии, дискурс доминирующей культуры, дискуссии о взглядах немецкого политика Тило Саррацина). Материалом для исследования послужили 150 газетных текстов (редакционные статьи, комментарии и очерки об интеграции). Разбираются основные метафорические модели, характерные для отдельных текстов (модель принятия; модель решения; модель отказа). Лексический анализ охватывает три вида единиц: ключевые слова, политические лозунги и окказионализмы. Исследование, которое провела Изабелла Куява на немецкоязычном материале, можно экстраполировать на любой другой язык, использующийся в тех странах, которые так или иначе затронуты проблемами, связанными с миграциями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическая лингвистика; интеграционный дискурс; интертекстуальность; дискурсивная картина мира; рецензии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Милухина-Макая, 6; e-mail: em@kakzanova.ru.

Рецензируемая монография представляет собой переработанную диссертацию автора. Это помогло И. Куяве четко выделить во Введении (стр. 15—18) предмет анализа (политический дискурс); цель исследования, которую автор видит в обозначении дискурсивной картины мира, понимаемой как интерпретация реальных событий; методологию (качественный и количественный анализ газетных и журнальных текстов с 2006 по 2010 гг.).

Монография состоит из двух частей — теоретической и эмпирической. Всего в монографии восемь глав — пять в первой части и три во второй. В первой части автор останавливается на понятии дискурса, этимологии и многозначности этого термина, затрагивает теорию дискурса Хабермаса и постструктуралистского дискурса Мишеля Фуко (*глава 1*, стр. 20—34). Во *второй главе* дискурс рассматривается сквозь призму лингвистики. Подходя к дискурсу с лингвистических позиций, автор совершенно справедливо идет к дискурсу от текста, противопоставляя понятию «лингвистика текста» понятие «лингвистика дискурса» (Textlinguistik vs. Diskurslinguistik, стр. 35). Не используя понятие «лингвистика дискурса», Н. Д. Арутюнова в свое время отмечала, что анализ дискурса и лингвистика текста образуют близкие, а многими и отождествляемые области лингвистики [Арутюнова 1990: 136]. Как известно, в конце 70-х — начале 80-х гг. наметилась тенденция к размежеванию понятий «текст» и «дискурс», проистекающая из их постепенной дифференциации. И. Куява у-

верждает, что текст и дискурс различаются в соответствии с критерием речевой ситуации: в дискурсе гарантируется со-присутствие (Korpräsenz) коммуникантов в общем пространстве восприятия, в тексте же отсутствует единство автора и реципиента в общей ситуации восприятия, что, на наш взгляд, звучит не очень убедительно.

Далее И. Куява отмечает, что только дискурс делает возможным существование текстов. При этом каждый дискурс состоит из множества текстов, которые объединены одной общей темой. Если вдуматься, говорит Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 528], какая часть наших знаний приходит к нам через тексты, — а за каждым текстом стоит дискурсивная деятельность отдельно взятого человека или же группы людей, — становится понятным, насколько важно исследование дискурса как отраженного в письменном виде и приобретающего форму текста/текстов.

Лингвистика, которая выходит за пределы изучения единичных текстов, которая всё чаще занимается дискурсами и их эпистемическим содержанием, требует стирания границ (Entgrenzung) между своими областями исследования. Ссылаясь на И. Варнке [Wapnke 2008: 67], И. Куява отмечает, что это стирание границ идет в двух направлениях — внутреннем и внешнем. Внутреннее стирание границ означает, что лингвистический анализ дискурсов выходит за рамки лингвистики текста. Внешнее направление означает, что стираются границы между отдельными дисциплинами, что исследования направлены на анализ единиц других дисциплин.

© Какзанова Е. М., 2017

плин и предметов их изучения. При этом значимым становится окружение дискурса в междисциплинарном аспекте.

Говоря о внутренней структуре дискурса, И. Куява отмечает, что в каждом дискурсе, или макродискурсе, существуют отдельные микродискурсы со своими собственными правилами и границами. Эту же мысль можно встретить и у О. Штеншке и З. Вихтера, которые противопоставляют дискурс как форму макрокоммуникации микрокоммуникативным дискурсивным единицам, входящим в макродискурс [Stenschke, Wichter 2009: 351]. Макродискурс, по мнению И. Куявы, включается в общий дискурс (Gesamtdiskurs) определенного общества конкретной эпохи. При этом два микродискурса и два макродискурса могут частично пересекаться, но никогда не совпадают друг с другом, полагает автор. Чем дальше друг от друга находятся два микро-/макродискурса, чем более различными являются их дискурсивные правила, тем труднее состояться коммуникации между участниками этих дискурсов.

Исследуемый в монографии интеграционный дискурс представляет собой, по мнению автора, макродискурс общего дискурса эпохи мультикультурализма и состоит из нескольких микродискурсов, или интердискурсов, в частности:

- дискурса ислама (Islam-Diskurs), или дискуссий об исламе, т. е. дискуссий о мусульманах в Германии, вызванных эпохальным высказыванием бывшего президента ФРГ Кристиана Вульфа (Christian Wulff) «Ислам принадлежит Германии» («Islam gehöre zu Deutschland»), которое уже после выхода в свет монографии И. Куявы повторила и канцлер Германии Ангела Меркель на встрече с премьер-министром Турции Ахметом Давутоглу в Берлине в январе 2016 г.;

- дискурса доминирующей культуры (Leitkultur-Diskurs), или дискуссий о доминирующей культуре, т. е. дискуссий о немецкой доминирующей культуре, противопоставляемой «мультикультуре» в немецком мультикультурном обществе;

- дискуссий о Саррацине (Sarrazin-Debatte), т. е. дискуссий о нарушителе табу немецком политике Тило Саррацине и его книге «Германия — самоликвидация. Как мы ставим свою страну на карту» («Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen»).

Третья глава монографии посвящена типологии дискурсов. И. Куява различает два типа дискурсов — дискурс продукта (Produktdiskurs) и дискурс нормы (Normdiskurs). Дискурс продукта подчиняется, по ее мнению, прежде всего закономерностям рынка. Дискурс нормы контролируется в

первую очередь государством, государственными ведомствами, политическими партиями, судами, учреждениями культуры. Автор признает, что в организации дискурса нормы может участвовать и рынок, но не с такой интенсивностью, как в организации дискурса продукта.

Такой подход к типологии дискурса представляется не совсем обычным. Как известно, проблему типологии дискурса в своих работах затрагивали многие российские ученые: В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, А. А. Кибрик, Г. Н. Манаенко и др. Наряду с традиционными типами дискурсов (устный/письменный, монологический/диалогический) предлагаются и необычные (перформативный/неперформативный, серьезный/юмористический [Карасик 2009: 298, 320] и др.). С позиций социолингвистики В. И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный). Скорее всего, дискурс продукта (по терминологии И. Куявы) соответствует персональному дискурсу, а дискурс нормы — институциональному.

Четвертая глава монографии посвящена дискурсивному анализу и перспективам дискурсивных исследований. И. Куява выделяет два направления дискурсивных исследований — лингвоисторическое дискурсивное исследование и критический дискурс-анализ. Автор подробно останавливается на представителях лингвоисторического дискурсивного исследования в германистике — Дитрихе Буссе, Георге Штётцеле и его Дюссельдорфской школе и Инго Варнке. Критическим дискурс-анализом занимаются ученые многих стран. Самым значительным представителем и разработчиком социолингвистической теории критического дискурс-анализа является британский лингвист Норман Ферклаф (Fairclough). Объектом исследования немецкой Дуйсбургской школы и ее самого известного представителя З. Егеря является бытовой расизм (Rassismus im Alltag). К теме расизма обращается и нидерландский дискурсолог Т. А. ван Дейк. Венская школа и ее представитель Рут Водак изучают расизм, антисемитизм и дискриминацию, а также национальную идентичность. Рут Водак вообще занимается политическим дискурсом, парламентскими дебатами и предвыборными речами. Общим для исследования критического дискурс-анализа является вмешательство в социальную и политическую жизнь, лингвистическое рассмотрение социальных и культурных процессов и структур.

Последний параграф главы посвящен дискурсивному анализу в Польше, поскольку

автор монографии И. Куява является германистом, представляющим Гданьский университет в Польше. Отмечается, что появление дискурсивных исследований в польском языкознании относится к концу XX в., чему способствовал перевод труда Т. А. ван Дейка на польский язык [van Dijk 1997; van Dijk 2001]. Заметим, что оформление дискурсивного анализа как дисциплины в России относится к 1970-м гг.

Последняя глава первой части посвящена дискурсу в сфере политической коммуникации, причем мы считаем, что с этой главы следовало бы начать вторую часть монографии. Автор отмечает, что язык политики (мы бы сказали «подъязык») не является ни замкнутой, ни однородной системой, поскольку ориентирован как на специалистов, так и на неспециалистов.

Во *второй части* монографии Изабела Куява сужает политический дискурс до интеграционного дискурса и рассматривает его как предмет лингвистического анализа. При этом анализ дискурса осуществляется на двух уровнях — транстекстуальном и интертекстуальном.

Автор построила свое исследование на 150 газетных текстах — редакционных статьях, комментариях и очерках об интеграции.

Ссылаясь на Х. Бургера [Burger 2005], И. Куява определяет интеграционный дискурс как глобальный информационный текст (мы бы сказали «гипертекст»), который состоит из отдельных информационных текстов с интертекстуальными ссылками. Анализ транстекстуального уровня интеграционного дискурса автор подразделяет на анализ, ориентированный на дискурс (интертекстуальность в дискурсе и языковой контекст), и анализ, ориентированный на игроков (СМИ, представителей политических групп и элит — известных политиков, журналистов). При этом И. Куява считает, что для интеграционного дискурса наиболее значимыми являются два типа интертекстуальности — диахроническая и синхроническая. При диахронической интертекстуальности информационный текст отсылает к одному или нескольким предтекстам (Vortexte), т. е. цитирует другие газетные источники в форме прямой речи, косвенной речи или их комбинации. Синхроническая интертекстуальность определяется как наличие связей между информационным текстом и другими текстами, относящимися к одному времени. Примером синхронической интертекстуальности И. Куява называет интервью, но подчеркивает, что для интеграционного дискурса синхроническая интертекстуальность не так значима, как диахроническая.

Хотелось бы отметить, что в российском языкознании первым на различие синхронической и диахронической интертекстуальности в тексте указал И. П. Смирнов [Смирнов 1995].

Рассматривая стратегию аргументации в интеграционном дискурсе, И. Куява выделяет три модели:

– модель 1: стратегия принудительного единства;

– модель 2: стратегия формирования чувства угрозы;

– модель 3: стратегия доминирования ведущей культуры над мультикультурой.

Автор отмечает, что для модели 1 типичны многочисленные эвфемизмы, например, *Akkulturationsdruck* вместо *Assimilation*, *sanften Druck ausüben* вместо *zu Integration zwingen* и т. д.

Модель 2 характеризуется многочисленными стереотипами (например, *Einwanderer/Ausländer = Terroristen, Sozialhilfeempfänger, Türken, Araber, Analphabeten, Kopftücher, ein berufstätiger Einwanderer = Obst- und Gemüsehändler* и т. д.), а также неологизмами (например, *Islamophobie, Integrationsverweigerer (Totalverweigerer) / Integrationsverweigerung, Fremdarbeiter*), метафорическим изображением политических тем (например, *ein Tsunami der Islamisierung rollt über unseren Kontinent*) и приданием им эмоционального характера.

Для аргументации модели 3 служат, по мнению И. Куявы, две стратегии — придание политическим темам эмоционального характера и стратегия самопрезентации и уничтожения. Первая стратегия строится на оппозиции *wir — sie: Deutsche und Einwanderer, Ausländer und Deutsche, deutsche und türkische Vorstellungen, die richtigen und die falschen Frauen, intelligente Deutsche und ungebildete Muslime*. Вторая стратегия представляет доминирующую культуру, ее положительные аспекты; уничижительно изображается другая, чужая культура.

Последняя глава монографии посвящена интратекстуальному уровню интеграционного дискурса. Автор анализирует три метафорические модели, характерные для отдельного текста на интратекстуальном уровне:

– модель принятия (Aufnahmmodell);

– модель решения (Gestaltungsmodell);

– модель отказа (Ablehnungsmodell).

Основными действующими лицами модели принятия являются мигранты, которые принимаются в Германию, и сама Германия как целевая страна. Интеграция рассматривается как процесс, в котором участвуют две стороны (приглашающая и приглашенная): *eine offene Tür, Abenteuer Ausländerpolitik, wir sind über den Berg!*

В модели решения участвуют только лица, (не)способные интегрироваться. Германия по-прежнему остается домом для всех, но она может и обнять, и пригрозить пальчиком, поставив условия, например, экзамен для кандидатов на получение гражданства (*Einbürgerungstest*): *Wer kriminell ist, muss weg; Rand der Gesellschaft*.

В модели отказа политическая идея интеграции терпит крах, от нее постепенно отказываются: *die Integration krankt; sinnlose, ungeplante Reise, Integration-Blindflug*.

Эти три метафорические модели указывают на три линии в немецкой интеграционной политике 2006—2010 гг.

Лексический анализ охватывает три вида единиц: ключевые слова (*Schlüsselwörter*), политические лозунги (*Schlagwörter*) и окказионализмы (*Ad-hoc-Bildungen*).

Ключевыми словами И. Куява называет лексемы, которые в исследуемом материале встречаются с максимальной интенсивностью: *Integration, Multikulturalismus / multikulturelle Gesellschaft* и *Assimilation*.

Политический лозунг автор определяет как собирательный концепт, в котором концентрируются идеи или представления, оказывающие влияние на формирование общественного мнения или волеизъявления. И. Куява предлагает следующую классификацию политических лозунгов:

– обозначения общественно-политической идеи интеграции (*Einbürgerung, Willkommenskultur*);

– обозначения ФРГ и немецкого общества (*Traumland, Flüchtlingsparadies*);

– обозначения иностранцев, живущих в Германии, и людей с иностранными корнями (*Idealmigrant, Russlanddeutsche*);

– дихотомическое изображение немцев и иностранцев, живущих в Германии (*die arabische Welt und die westliche Gesellschaft*).

Также И. Куява предлагает классификацию окказионализмов:

– обозначения ФРГ (*deukische Generation* — ироничное наименование немецко-турецкого поколения в Германии);

– обозначения немецкой интеграционной политики (*Basta-Politik* — о политике против миграции);

– обозначения живущих в Германии иностранцев (*Karteileichen* — иронично о разрешении на пребывание для заявителей на статус беженца; *Parallelweltbewohner* — о неспособных интегрироваться иностранцах, которые живут изолированно от немцев).

Проблема мигрантов волнует сейчас не только Германию, но фактически весь мир. Исследование, которое провела Изабела Куява на немецкоязычном материале, можно экстраполировать на любой другой язык для стран, которых так или иначе касаются проблемы мигрантов. Наша рецензия знакомит русскоязычных ученых с взглядами германиста на интеграционный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009. 406 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). — СПб.: СПбГУ, 1995. 193 с.
5. Burger H. Mediensprache: Eine Einführung in die Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. 486 S.
6. Dijk T. A. van. Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Band 1—2. — London: SAGE Publications, 1997.
7. Dijk T. A. van. Dyskurs jako struktura i process: praca zbiorowa. — Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2001.
8. Kujawa I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.
9. Stenschke O., Wichter S. Wissenstransfer und Diskurs // Transferwissenschaften. Band 6. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 347—362.
10. Warnke I. Zur Integration von Kulturwissenschaft und Philologie in der Diskurslinguistik // Akten des 9. Internationalen Germanistenkongresses. — Paris, 2005; Bern, 2008. Bd. 5. S. 65—71.

E. M. Kakzanova
Moscow, Russia

POLITICAL LINGUISTICS IN MONOGRAPH BY IZABELA KUJAWA “POLITICAL DISCOURSE AS A SUBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS ON DEBATES ABOUT INTEGRATION IN GERMANY IN 2006-2010”

ABSTRACT. This is a review of the monograph “Political Discourse as a Subject of Linguistic Analysis on Debates about Integration in Germany in 2006–2010” by Izabela Kujawa (Kujawa Izabela. *Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.*). The review discusses the views of the German scholar on integration discourse. The goal of this research is to describe discursive worldview that is understood as an integration of real events; the methodology of the research is based on qualitative and quantitative analyses on newspaper and magazine articles published in 2006–2010. The monograph studies integration discourse, which is a macro-discourse of public discourse of the multicultural epoch including several micro-discourses or interdiscourses (Islamic discourse – discussion of the role of Muslims in Germany, discourse of the dominant culture, discussion of the views of the German politician Thilo Sarrazin). The material for this research is made of 150 newspaper texts (editorials, comments and notes on integration). The frequent metaphorical models are analyzed that are typical of some texts (the model of acceptance; the model of decision; the model of refusal). Lexical analysis is applied to three types of units: keywords, political slogans and occasionalisms. Izabela Kujawa’s research methodology applied to German political discourse may be used to analyze any other discourse of the country affected by the problem of migration.

KEYWORDS: political discourse; political linguistics; integration discourse; intertextuality; discursive worldview; review.

ABOUT THE AUTHOR: *Kakzanova Evgeniya Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Science and the Humanities, RUDN, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 136—137.
2. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi*. — M. : Gnozis, 2009. 406 s.
3. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.
4. Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka). — SPb. : SPbGU, 1995. 193 s.
5. Burger H. *Mediensprache: Eine Einführung in die Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2005. 486 S.
6. Dijk T. A. van. *Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Band 1—2*. — London : SAGE Publications, 1997.
7. Dijk T. A. van. *Dyskurs jako struktura i process: praca zbiorowa*. — Warszawa : Wydaw. Naukowe PWN, 2001.
8. Kujawa I. *Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46*. — Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.
9. Stenschke O., Wichter S. *Wissenstransfer und Diskurs // Transferwissenschaften. Band 6*. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. S. 347—362.
10. Warnke I. *Zur Integration von Kulturwissenschaft und Philologie in der Diskurslinguistik // Akten des 9. Internationalen Germanistenkongresses*. — Paris, 2005 ; Bern, 2008. Bd. 5. S. 65—71.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

(рецензия на словарь Г. Н. Скляревской, И. О. Ткаченко «Давайте говорить правильно!

Политический язык современной России: краткий словарь-справочник»
и «Словарь избирательной кампании» Т. П. Тарасенко)

АННОТАЦИЯ. Рецензия посвящена лексикографическому представлению политического дискурса в двух специализированных словарях. Целью авторов рецензируемых словарей является представление феномена политики в лингвистических координатах. Эти словари отражают взаимодействие лингвистики и политической жизни общества в целом («Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник» Г. Н. Скляревской и И. О. Ткачевой) и взаимодействие лингвистики и предвыборного формата политического дискурса («Словарь избирательной кампании» Т. П. Тарасенко). «Краткий словарь-справочник» выполняет расширенную, по сравнению с типовыми толковыми словарями, информационную функцию. Он включает 717 слов, которые подразделяются на 8 тематических разрядов. В свою очередь, информационная насыщенность словарной статьи отличается высокой информационной плотностью и содержит большое количество толкований, примеров, устойчивых выражений, исторических справок и иных специализированных сведений, связанных с политической жизнью общества. Достоинством словаря является и разнообразие способов толкования терминов. В целом «Краткий словарь-справочник» помогает массовому читателю приобщиться к политической жизни современной России посредством совершенствования коммуникативной компетенции в области формирования политического тезауруса и в нормативном аспекте. Он способствует устранению как минимум двух типов коммуникативных помех — пресуппозиционных и текстовых. «Словарь избирательной кампании» Т. П. Тарасенко является, с одной стороны, специализированным словарем, призванным помочь политтехнологам в процессе подготовки материалов для избирательных кампаний. С другой стороны, словарь может выполнять более широкую прагматическую функцию, так как в нем представлен материал, который может быть использован и для научных исследований, и для преподавания специальных дисциплин, и для формирования политической компетенции массового пользователя. Достоинствами словаря являются большой (3200 единиц) и разнообразный по стилистической окраске лексический корпус, дифференцированное представление частных значений основных терминов избирательной кампании, а также жанрового корпуса, релевантного для избирательных технологий. Словарь имеет в известной степени справочный характер; в нем дана расшифровка малоизвестных аббревиатур; в большом количестве представлена активная политическая жаргонная и заимствованная лексика, которая может быть неизвестна массовому читателю и даже специалистам. Сказанное делает словарь Т. П. Тарасенко ценнейшим лексикографическим источником для разных сфер деятельности (массовой коммуникации, политической, научной и учебной).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография; русский язык; политическая лексика; политический язык; словари; политический дискурс; предвыборная терминология; рецензии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Политический дискурс можно рассматривать, с одной стороны, как гибридное образование, отражающее взаимодействие различных областей социального бытия. Это детерминировано пересечением разных сфер человеческой деятельности, ср., например: «Либерализация российского общества, открывшиеся шлюзы частного предпринимательства, обсуждение проблем правового государства... и гражданского общества... снятие идеологического занавеса вовлекли в правовую деятельность широкие массы людей, сделав их ее активными субъектами» [Голев 2007: 2]. Отсюда можно утверждать, что понятие «политический дискурс» находится в отношении пересечения с понятиями «дискурс СМИ», «юридический дискурс», «конфликтный и кооперативный дискурс», «экстремистский дискурс» и иными дискурсивными разновидностями, что нашло отражение в научной литературе, ср.: «Пересекаемость с иными научными дисциплинами и направлениями и общность ряда методов и методик анализа можно, с нашей точки зрения, считать универсалиями, объединяющими политическую лингвистику с

другими областями знания, исследующими политические сообщения» [Чудинов 2016: 21]. О необходимости лексикографического описания пересекающихся областей пишет Т. Ю. Пантелеева в связи с потребностью в специализированном прагматическом словаре: «Задача прагматического словаря — концентрация всей прагматической (идеологической, политической, культурологической, конфессиональной и т. д.) информации о каждой словарной единице в широком лингвокультурном контексте [Пантелеева 2013: 113].

С другой стороны, понятие «политический дискурс» можно рассматривать и как родовое по отношению к нескольким дискурсивным разновидностям — предвыборному, парламентскому, инаугурационному и иным форматам дискурса [Гайкова 2003; Иванова 2003; Лесняк 2014; Столяров 2014; Халатян 2011; Энс 2015 и др.].

Каждый формат дискурса имеет свою специфику и требует отдельного описания, в том числе лексикографического. Целью такого описания чаще всего является представление того или иного феномена (политики, права и др.) в лингвистических коорди-

натах, о чем неоднократно говорилось в исследовательских работах. Так, Т. Ю. Пантелеева пишет о необходимости специализированных словарей, отражающих взаимодействие лингвистики и права: «Актуальная задача представления правового феномена в лингвистических координатах — специальная лексикографическая обработка. Это лингвистическое обеспечение и подготовка изданий, адресованных именно правоведам. Обычный филологический словарь, как справедливо отмечает Н. Д. Голев и ряд других ученых, не может выполнять юридическую функцию, не имеет „законного права“ быть основанием следственных и судебных решений; словарные пометы в толковых словарях „слишком прихотливы и приближительны, чтобы выполнять функцию правового документа. Тот очевидный факт, что прагматические созначения далеко не у всех слов присутствуют в их словарном варианте, но создаются контекстными условиями, очевидно, не должен служить препятствием на пути юридической регламентации инвективной лексики. В противном случае без представления правового феномена в лингвистических координатах лингвоюридическая экспертиза является лишенной узаконенных оснований“» [Там же: 112—113]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. В. Коряковцева и О. В. Головачева, обосновывая необходимость создания специализированного юрислингвистического словаря русской инвективной лексики [Коряковцева, Головачева 2004], а также ряд других исследователей, в работах которых представлена словарная информация, релевантная для исследования экстремистского дискурса и лингвистической экспертизы текстов [см., напр.: Бринев 2013]. Таким образом, речь идет о необходимости создания специализированных словарей более общего и частного типов, которые должны помогать решать практические задачи в качестве репрезентативных источников информации.

В свою очередь, необходимость представления феномена «политика» в лингвистических координатах реализована в рецензируемых словарях, один из которых отражает взаимодействие лингвистики и политической жизни общества в целом, а другой — взаимодействие лингвистики и такого формата политического дискурса, как предвыборный дискурс.

К первому типу относится справочное пособие Г. Н. Скляревской и И. О. Ткачевой «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник» (далее — Словарь), изданное в 2004 г. Словарь содержит 717 слов и устойчивых выражений. С точки зрения авторов,

«данное справочное пособие предназначено для самого широкого круга читателей и призвано помочь им избежать распространенных ошибок в речи» [Скляревская, Ткачева: 3]. Кроме того, назначение Словаря — «дать читателю сведения о правильном значении и употреблении новейших терминов и понятий, используемых в политической жизни современной России» [Там же: 4].

Основным достоинством Словаря является, на наш взгляд, его расширенная, по сравнению с типовыми толковыми словарями русского языка, специализированная информационная функция. С точки зрения тематики Словарь включает следующие разряды слов: *форма правления, государственное устройство, политическая система, лицо: лидер, сторонник, последователь* и т. п., *названия партий, идеологические и политические течения, органы управления*, некоторые *связанные с политической жизнью экономические, финансовые, юридические термины*, а также *производные политических терминов* (слова разных частей речи).

Расширение информационной функции проявляется также в специализированной информационной нагруженности словарной статьи. Словарная статья краткого словаря-справочника отличается гораздо большей информационной плотностью (содержит большее количество толкований, примеров, устойчивых выражений, исторических справок и другой специализированной информации, связанной именно с политической жизнью общества), чем статья толкового словаря русского языка. Для сравнения приведем словарные статьи на слово *власть* в Словаре русского языка С. И. Ожегова под редакцией Л. И. Скворцова (2007) и в Кратком словаре-справочнике Г. Н. Скляревской, И. О. Ткаченко.

Словарь русского языка

Власть, -и, мн. -и, ей, ж. 1. Право и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле. *Родительская в. Во власти предрассудков (перен.). Превышение власти. Под властью кого-н. Терять власть над собой (терять самообладание). Быть во власти кого-чего-н. (под властью; книжн.). Ваша в. (в обращении: как вам угодно; устар.).* 2. Политическое господство, государственное управление и органы его. *В народной демократии. Верховная в. Прийти к власти. Быть у власти.* 3. мн. *Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями. Местные власти.*

Краткий словарь-справочник

Власть, и. ж.

1. только ед. Форма управления страной, политический строй. *Монархическая, самодержавная, наследственная власть.*

2. только ед. Право и возможность управления страной, политическое господство. *Прийти к власти. Борьба за власть.*

3. мн. *власти, ей.* Органы государственного и местного управления, их права и полномочия; лица, входящие в эти органы, начальство, администрация. *Городские власти. Сельская, районная власть.*

первая власть

Об органах законодательной власти.

вторая власть

Об органах исполнительной власти.

третья власть

Об органах судопроизводства, юриспруденции.

четвертая власть

О средствах массовой информации, о журналистах.

законодательная власть

Система выборных органов государственного управления, имеющих право принимать законы и контролировать исполнительную власть.

исполнительная власть

Система органов, практически осуществляющих управление государством.

судебная власть

Система судебных органов, осуществляющих правосудие.

представительная власть

Власть, основанная на праве избирать в органы управления представителей от партий, общественных организаций и т. п.

ветвь власти

См. ветвь

институт президентской власти

См. институт

верхние эшелоны власти

См. эшелоны

высшие эшелоны власти

См. эшелоны

превышение власти юр.

Превышение данных полномочий

разделение властей

Государственное устройство, предполагающее независимость друг от друга парламента, правительства и суда.

разграничение властей

То же, что разделение властей.

Информационная функция Словаря реализуется и в расширении словника, основу которого составляют слова, отражающие политические реалии современной России. Часть этих слов есть в толковых словарях русского языка, а часть добавлена в связи со специализацией Словаря. Так, в указанном толковом словаре С. И. Ожегова представлены слова *альянс, вето, вотум*, но отсутствуют слова *брифинг, ваххабизм, геостратегия, глобализм* и др., а также большая часть словосочетаний с политической семантикой, зафиксированных в рецензируемом Словаре. Кроме того, в последнем

широко представлены исторические справки, что в целом способствует расширению активного словарного запаса пользователя словаря, углублению его политического тезауруса, увеличению объема фоновых знаний, ср. наполнение словарной статьи *Европейский союз*:

Европейский союз

Объединение европейских государств, ориентированное на политическое, экономическое и валютное единство.

Арбитражный суд Европейского союза. Расширение Европейского союза. Членство в Европейском союзе. Программа Европейского союза по научным исследованиям.

– Образован в 1993 г. 12 государствами, входящими в ЕЭС. В 1994 г. подписаны соглашения о вступлении в союз Австрии, Норвегии, Финляндии и Швеции. Страны Европейского союза обязались проводить совместный курс в сфере внешней политики и безопасности, основных направлений внутренней экономической политики, координировать вопросы охраны окружающей среды, борьбы с преступностью и наркобизнесом. С 1999 г. введена единая валюта евро.

Обновлению и расширению словарного запаса пользователя, увеличению фонда его знаний способствуют также современные источники словарного материала. По этому поводу авторы словаря пишут: «Словник Словаря (так же, как и корпус примеров) составлен по материалам Электронного лексического фонда русского языка, представляющего собой обширную (около 3 млн словоупотреблений) картотеку „Словаря живого русского языка“... Помимо этого, к формированию словника и корпуса примеров привлекались материалы, представленные в средствах массовой информации и на сайтах Интернета. В работе над Словарем использовались данные современных толковых словарей русского языка».

Сказанное детерминирует как современный, актуальный характер Словаря, так и возможность быстрой адаптации пользователя к изменениям политической реальности, ср., например, словарную статью *омбудсмен*:

омбудсмен (в официальных документах) Омбудсмен омбуда́с[мэ]н, а, м. нов.

В России и некоторых зарубежных странах должность уполномоченного по правам человека при органах государственной администрации; лицо, избираемое на эту должность.

Омбудсмен Российской Федерации. Петербургский омбудсмен. Омбудсмен Свердловской области. Выборы омбудсмена.

Институт омбудсмена

См. институт.

– Поскольку это новое слово еще не до конца освоено русским языком, в некоторых источниках оно

встречается в написаниях «омбудсман» и «Омбудсман».

Еще одним важнейшим достоинством Словаря является разнообразие способов толкования значений терминов: краткое, обобщенное толкование; развернутое, описательное толкование; дополнение толкования синонимами или антонимами. Такой дифференцированный подход к способам толкования значений политической лексики обеспечивает ее легкое понимание, усвоение и запоминание, что в целом способствует формированию политической компетенции массового читателя, ср. разные способы толкования:

Краткое толкование

Вотум — решение, принятое парламентом путем голосования

Развернутое толкование

Запрос депутата

Обращение депутата к правительству или должностному лицу с требованием дать объяснение по поводу внешней или внутренней политики правительства или по какому-л. конкретному вопросу.

Запрос депутата Генеральному прокурору Российской Федерации.

Наконец, важнейшим достоинством Словаря является его выраженная нормативная направленность, так как многие слова, входящие в словарь, являются заимствованными и далеко не полностью освоенными русским языком. В таких случаях нормативные справки способствуют формированию языковой компетенции читателя в ее важнейшем аспекте — правильности речи, ср. словарную статью для лексемы *импичмент*:

импичмент импич[мэ]нт и импич[ме]нт, а, м.; кого и без дополнения

Лишение полномочий крупных должностных лиц в связи с допущением ими грубых нарушений закона.

Импичмент президента. Прекратить процесс импичмента.

кому (с глаголом «объявить»). Объявить импичмент президенту.

неправильно!

кому (без глагола «объявить»). Добиться импичмента президенту

В целом прагматическая направленность и практическая значимость Словаря, созданного Г. Н. Скляревской и И. О. Ткачевой, несомненны. Словарь помогает массовому читателю приобщиться к политической жизни современной России, способствует совершенствованию языковой компетенции и формированию умения «выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует ситуации общения» [Апресян 1979: 503]. Специа-

листам же (журналистам, пишущим на политические темы, копирайтерам, спичрайтерам, политологам) Словарь поможет устранить в создаваемых ими текстах как минимум два важнейших типа коммуникативных помех, затрудняющих общение. Это помехи «пресуппозиционные: связанные с различием в объемах предварительной, „дотекстовой“ информации, которой располагают коммуниканты», и «текстовые: самая многочисленная группа помех, включающая все вербализованные помехи» [Виноградов 1996: 150].

В качестве пожеланий можно высказать лишь регулярное переиздание дополненного Словаря, который призван, как мы считаем, отразить политические реалии российской жизни в их непрерывной динамике.

Ко второму типу словарей относится Словарь избирательной кампании [Тарасенко 2017]. «Данное издание знакомит современного читателя со словарем избирательной кампании, всем его лексическим арсеналом, воздействующим на принятие решения лиц, участвующих в выборах. Словник состоит из лексем, словосочетаний, составных терминов» [Там же 2017: 4].

Достоинством словаря является его корпус — это 3200 лексических единиц, в том числе термины, имена собственные, аббревиатуры, политические метафоры, фразеологизмы, т. е. та актуальная русская и заимствованная лексика, которая активно употребляется в период избирательных кампаний. Каждая словарная статья имеет паспортизированный пример — иллюстрацию, взятую из прессы или текстов федеральных законов, что в целом повышает достоверность словарного материала.

Другим достоинством словаря является его широкая адресность. Словарем могут пользоваться как неподготовленные (массовые) читатели, желающие разобраться в технологиях современных избирательных кампаний, так и специалисты (политтехнологи, копирайтеры, сотрудники предвыборных штабов), а также сами кандидаты на ту или иную выборную должность.

Кроме того, словарь очень полезен политологам и ученым, разрабатывающим вопросы политической лингвистики. Более того, словарь имеет несомненную значимость для практики преподавания таких дисциплин, как «Связи с общественностью» и «Политическая реклама». Студенты и преподаватели найдут в нем большое количество профессионализмов, употребляемых в период избирательной кампании, причем представленные профессионализмы являются не только просторечными эквивален-

тами соответствующих по значению терминов — они называют новые, характерные именно для предвыборного дискурса понятия (*исковая диверсия, инфотейнмент, лохотрон, мармеладка, менеджер-полевик, мертвые души-дубликаты, мертвые души рисованные* и др.).

Особенно хорошее впечатление производит дифференцированное представление словосочетаний, каждое из которых репрезентирует то или иное частное значение опорного слова (термина). Примером могут служить разновидности значений ведущего термина избирательной кампании — *кандидат: Кандидат-двойник, кандидат заказанный, кандидат зарегистрированный, кандидат засвеченный, кандидат карманный, кандидат левый, кандидат несогласованный, кандидат нулевой, кандидат-обезьяна, кандидат-одномандатник, кандидат оппозиционный, кандидат-подснежник, кандидат-подстава, кандидат правый, кандидат провластный, кандидат прозападный, кандидат «против всех», кандидат раскрученный, кандидат-самовыдвиженец, кандидат связанный, кандидат-спойлер, кандидат фоновый.*

Каждая из разновидностей термина имеет развернутое, легкое для понимания описательное толкование. Поэтому термин легко «встраивается» как в устную, так и в письменную речь и может быть использован в практической деятельности, ср. толкование терминологического словосочетания *кандидат фоновый*:

Кандидат фоновый — жарг. политехн. Кандидат, который, по оценке экспертов, не имеет никаких шансов победить и участие которого в выборах знаменуется в основном присутствием фамилии в избирательном бюллетене; кандидат, имеющий по сравнению с лидерами предвыборной гонки крайне низкий рейтинг (обычно до 4 %).

То же самое относится и к жанровому корпусу предвыборной кампании — в словаре представлены сведения о таких жанровых разновидностях первичного текста, которые сложно найти в иных источниках. Тем не менее эти сведения являются необходимой составляющей профессиональной компетенции политтехнологов и студентов, обучающихся по специальностям «Связи с общественностью», «Реклама», «Международные отношения», «Государственное и муниципальное управление» и др. В качестве примера приведем в сокращенном виде словарные сведения о модификациях распространяемого в предвыборный период жанра листовки.

ЛИСТОВКА, -и, ж. Носитель агитационных сообщений, как правило, изготовленный в формате А4

(реже А5), с текстом на одной стороне (реже с двух сторон).

ЛИСТОВКА АДРЕСНАЯ — избир. Листовка, тираж которой рассчитан на определенную целевую группу избирателей.

ЛИСТОВКА БИОГРАФИЧЕСКАЯ — избир. Содержит биографию и фотографию кандидата, а также, очень кратко, в 5—7 строк, основные тезисы его программы...

ЛИСТОВКА «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» — избир. Сигнально-информативная листовка размером с почтовую открытку...

ЛИСТОВКА ИНФОРМАЦИОННАЯ — избир. Содержит сообщение об окончании сбора подписей в пользу конкретного кандидата...

ЛИСТОВКА КОНТРПРОПАГАНДИСТСКАЯ — избир. Выпускается в том случае, если необходимо обнародовать какую-то компрометирующую информацию о сопернике или ответить на его выпады.

ЛИСТОВКА МАССОВАЯ (БЕЗАДРЕСНАЯ) — избир. Листовка, тираж которой рассчитан на всех избирателей округа.

ЛИСТОВКА-ОБРАЩЕНИЕ, -и/я, ж., прил.; избир. Содержит обращение уважаемых людей в пользу кандидата.

ЛИСТОВКА-ПАМЯТКА, -и, ж., прил.; избир. Небольшая листовка, которую избиратель кладет в паспорт, чтобы не забыть, за кого голосовать.

ЛИСТОВКА ПОДМЕТНАЯ — избир. Листовка подброшенная, подкинутая куда-н., кому-н., распространяющаяся анонимным способом, содержащая порочащую, компрометирующую, разоблачающую информацию на ту или иную персону.

ЛИСТОВКА ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ — избир. Два основных вида этой листовки: а) позитивная, под своего кандидата — обычно с просьбой к избирателям прийти на избирательный участок и поддержать кандидата; б) негативная, под чужого кандидата — обычно «чернушного» характера, содержащая компромат...

ЛИСТОВКА ПРЕЗЕНТАЦИОННАЯ — избир. Представляет, знакомит избирателя с кандидатом.

ЛИСТОВКА-ПРИГЛАШЕНИЕ, -и/я, ж.; избир. Содержит приглашение на встречу с кандидатом, на голосование.

ЛИСТОВКА ПРОГРАММНАЯ — избир. Выпускается для ознакомления широкого круга избирателей с программой кандидата.

ЛИСТОВКА РУКОПОЖАТНАЯ — избир. Распространенный вид агитационных материалов, предназначенный визуально донести до избирателей явную поддержку кандидата кем-то из особо авторитетных лидеров общественного мнения, так называемых «слонов».

К другим достоинствам рецензируемого словаря относятся: а) его справочный характер (ряд словарных статей: **вмешательство в работу избирательных комиссий; доверенные лица кандидата, избирательного объединения, избирательного блока; окружная избирательная комиссия; ответ-**

ственность политическая и др. — содержит развернутые справки по тому или иному вопросу со ссылками на официальные источники); б) расшифровка малоизвестных аббревиатур, имеющих отношение к избирательным технологиям (КоАП РФ, КОИБ, КЭГ, МГИК, РЦИОТ, ФСО, ЦИОМ, ЦПКР и др.); в) множественное представление лексики из области политического жаргона, которая активно используется в сфере избирательных технологий (*засильщик, засветка, затирка, карусельщик, куртаж, лиманка, мордодел, мультя, накрутка голосов, окучивать электорат, орговик, рейтинг дутый, «ручеек»* и др.); г) множественное представление заимствованных терминов, часто неизвестных российскому адресату (*инсинуация, кандидат-спойлер, клакер, курия, лифлет, экзитпол, электобилити* и т. д.).

Таким образом, ведущим (и очень большим!) достоинством Словаря избирательной кампании является высочайшая степень **специализированной информативности**, что делает его ценным лексикографическим источником и для массового адресата, и для специалистов в области избирательных технологий, и для научной деятельности, и для учебной практики.

Однако, несмотря на указанные достоинства, словарь Т. П. Тарасенко вызывает ряд замечаний, возможно имеющих дискуссионный характер.

1. Непоследовательность включения грамматических помет (финалей изменяемых частей речи).

2. Выбор единиц для специализированного словаря может показаться не совсем корректным — это относится к словам типа *автозак, автомат, агония, адресат, ажиотаж, аккомпанемент, акцент, Минобрнауки, мораль, нарциссизм, эскорт, эфир* и т. д.). Такая лексика не относится к политической, а является фоном для собственно политической/предвыборной терминологии или служит для создания экспрессивного контекста.

3. Примеры употреблений не всегда взяты из законодательных текстов или предвыборных материалов. На наш взгляд, часть иллюстраций извлечена из материалов СМИ, не имеющих предвыборного характера, например из аналитических статей социально-политического, экономического или правового характера, ср.:

ИНВЕСТИЦИЯ, -и, ж., общ. мн.; спец. Долгосрочные вложения капитала в отдельные отрасли эконо-

мики внутри страны и за рубежом. *Получается, что установка веб-камер — это инвестиции в будущее, в качество жизни* (РГ. 2012. 30.01).

Сказанное выше не влияет на отмеченные достоинства «Словаря избирательной кампании» и не уменьшает его практическую значимость. Словарь, без сомнения, ждет широкий круг пользователей, а его материалы найдут применение и в избирательных кампаниях, и при разработке научно-учебной тематики, связанной с политической жизнью российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. — М.: Русский язык, 1979.
2. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
3. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. — М.: Наука, 1996. С. 121—151.
4. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.
5. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 7—14.
6. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: ВГПУ, 2013.
7. Коряковцева А. В., Головачева О. В. К проблеме инвективного функционирования русского языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 226—236.
8. Лесняк М. В. Речевая стратегия «вероятностное оценивание» в парламентском дискурсе: немецкие кандидаты на выборах в Европарламент 2014 года // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 143—147.
9. Пантелеева Т. Ю. Феномены права в лингвистических координатах // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 1. С. 110—114.
10. Складаревская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник. — СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2004.
11. Столяров А. А. Зарубежные пиар-стратегии в предвыборной практике российской оппозиции // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 191—199.
12. Тарасенко Т. П. Словарь избирательной кампании. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2017.
13. Халатян А. Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 181—188.
14. Чудинов А. П. О методологии политической лингвистики // Теория и методики лингвистического анализа политического текста / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 16—24.
15. Энс Е. С. Влияние экстралингвистических факторов на интенциональность автора в инаугурационном дискурсе (на примере инаугурационных выступлений П. А. Порошенко и В. В. Путина) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. С. 235—237.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

MODERN POLITICAL LEXICOGRAPHY

(review of the dictionaries “Let’s speak accurately! Political language of modern Russia: a concise dictionary and reference guide” by G. N. Sklyarevskaya and I. O. Tkachenko and “Dictionary of election campaign” by T. P. Tarasenko)

ABSTRACT. This review addresses lexicographic presentation of political discourse in two specialized dictionaries. Both dictionaries aim at depicting the phenomenon of politics in terms of linguistics. These dictionaries show the correlation between linguistics and political life of society in general (“Let’s Speak Accurately! Political Language of Modern Russia: a Concise Dictionary and Reference Guide” by G. N. Sklyarevskaya and I. O. Tkachenko) and interaction between linguistics and election political discourse (“Dictionary of Election Campaign” by T. P. Tarasenko). “A Concise Dictionary and Reference Guide” performs a broader informative function than a typical explanatory dictionary. It includes 717 words that are divided into 8 thematic classes. Each entry gives much information about the phenomenon, includes several definitions, examples, set phrases, etymological references and other information connected with political life of the society. The advantage of the dictionary is a variety of definitions given to every term. In general, “A Concise Dictionary and Reference Guide” helps readers to get closer to political life of Russia by means of perfection of communicative competence in the fields of formation of political thesaurus and normative aspects. It helps eliminate at least two types of communicative barriers: presuppositional and textual. “Dictionary of Election Campaign” by T. P. Tarasenko is, on the one hand, a specialized dictionary to be used by spin doctors who prepare election campaign materials. On the other hand, the dictionary may perform a broader pragmatic function, as it contains the information that can be used in scientific research, in teaching special subjects and formation of political competence of mass addressee. The advantages of this dictionary are: the scope of language units (3200), stylistically diverse lexical corpus, interpretation of contextual meanings of the basic terms of election campaign and the genre corpus relevant for election technologies. The dictionary may be used as a reference guide; it deciphers relatively unknown abbreviations; it contains active political vocabulary of different jargons and borrowings, which may be new to mass addressee or even specialists in the field. To sum up, the dictionary by T. P. Tarasenko is a useful lexicographic recourse that can be used in different spheres (in mass, political, scientific and academic communication).

KEYWORDS: lexicography; Russian; political vocabulary; political language; dictionary; political discourse; election terminology.

ABOUT THE AUTHOR: Ruzhentseva Natal’ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Angliyskie sinonimy i sinonimicheskiy slovar' // Anglo-russkiy sinonimicheskiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1979.
2. Brinev K. I. Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize. — M. : Knizhnyy dom «Librokom», 2013.
3. Vinogradov S. I. Normativnyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty kul'tury rechi // Kul'tura russkoy rechi i effektivnost' obshcheniya. — M. : Nauka, 1996. S. 121—151.
4. Gaykova O. V. Predvybornyy diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikatsii: na materiale angliyskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2003.
5. Golev N. D. Samoopredelenie yuridicheskoy lingvistiki v Rossii // Yurilingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo ; Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 7—14.
6. Ivanova Yu. M. Strategii rechevogo vozdeystviya v zhanre predvybornykh teledebatov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd : VGPU, 2013.
7. Koryakovtseva A. V., Golovacheva O. V. K probleme inektivnogo funktsionirovaniya russkogo yazyka i leksikograficheskogo opisaniya russkoy inektivnoy leksiki // Yurilingvistika-5: yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava. — Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. S. 226—236.
8. Lesnyak M. V. Rechevaya strategiya «veroyatnostnoe ot-senivaniye» v parlamentskom diskurse: nemetskie kandidaty na vyborakh v Evroparlament 2014 goda // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 143—147.
9. Panteleeva T. Yu. Fenomeny prava v lingvisticheskikh koordinatakh // Vestn. PGLU. 2013. № 1. S. 110—114.
10. Sklyarevskaya G. N., Tkacheva I. O. Davayte govorit' pravil'no! Politicheskii yazyk sovremennoy Rossii : kratkiy slovar'-spravochnik. — SPb. : SPbGU ; M. : Akademiya, 2004.
11. Stolyarov A. A. Zarubezhnye piar-strategii v predvybornoy praktike rossiyskoy oppozitsii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 191—199.
12. Tarasenko T. P. Slovar' izbiratel'noy kampanii. — Krasnodar : Prosveshchenie-Yug, 2017.
13. Khalatyan A. B. Predvybornyy diskurs // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 181—188.
14. Chudinov A. P. O metodologii politicheskoy lingvistiki // Teoriya i metodiki lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 16—24.
15. Ens E. S. Vliyaniye ekstralingvisticheskikh faktorov na intentsional'nost' avtora v inauguratsionnom diskurse (na primere inauguratsionnykh vystupleniy P. A. Poroshenko i V. V. Putina) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. S. 235—237.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 5 (65)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 30.10.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 32,0. Усл. печ. л. — 33,1. Тираж 500 экз. Заказ 4886.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me